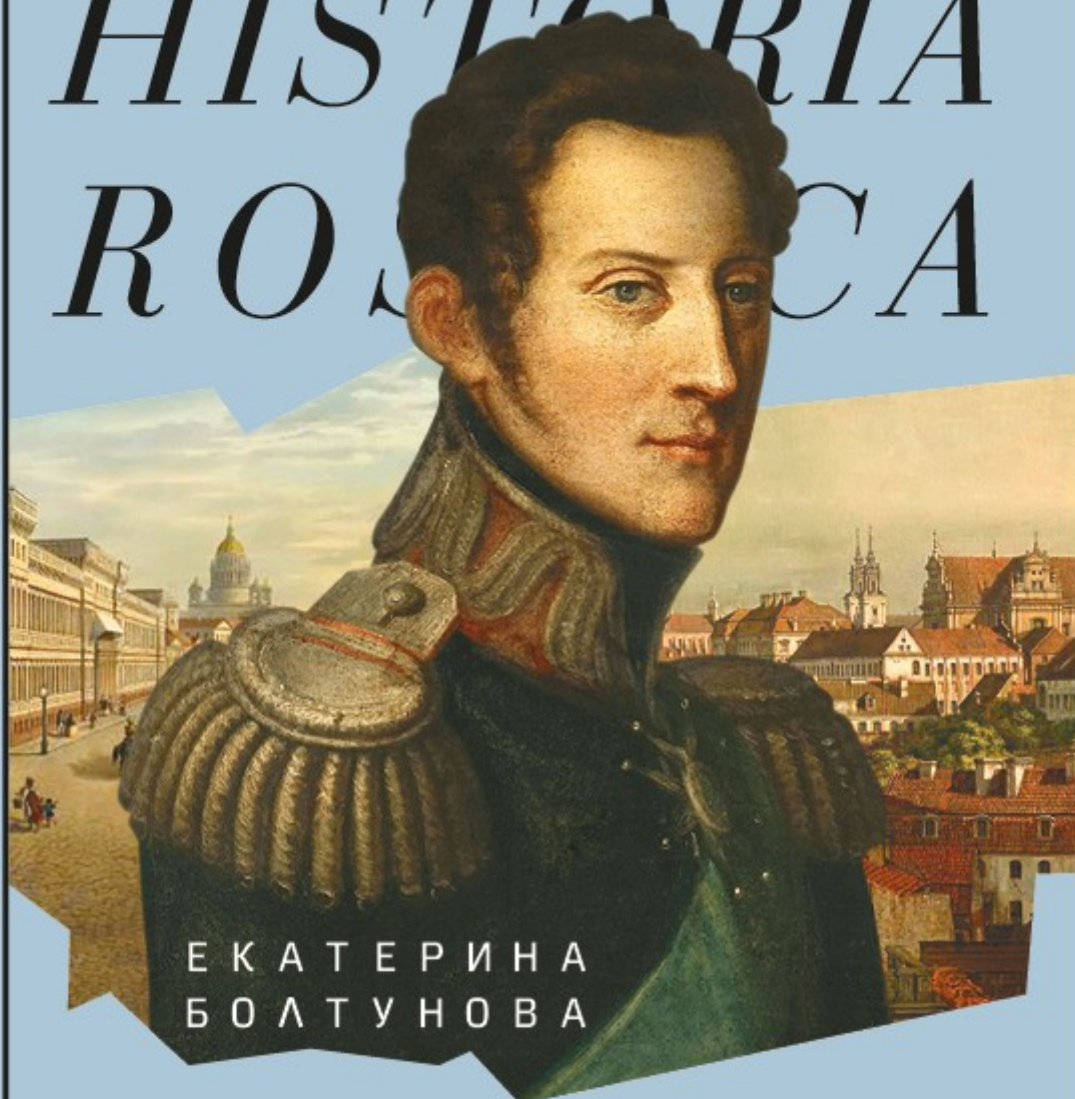

Екатерина Болтунова

**Последний польский король. Коронация Николая I в
Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII –
начала XIX в**

Historia Rossica –

HISTORIA ROSCA

ЕКАТЕРИНА
БОЛТУНОВА

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ I
В ВАРШАВЕ В 1829 Г.
И ПАМЯТЬ О РУССКО-
ПОЛЬСКИХ ВОЙНАХ
XVII – НАЧАЛА XIX В.

Текст предоставлен правообладателем
«Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.»: Новое литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 9785444820711

Аннотация

В 1829 году император Николай I принял на себя титул польского короля, проведя коронацию в Варшаве, столице Царства Польского. Таким образом он выполнил одно из положений Конституции, пожалованной Польше его старшим братом и предшественником на престоле Александром I. Варшавское действо стало событием уникальным в российской истории: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король. Николай I был человеком консервативных взглядов и решение Александра I даровать Польше особые права не поддерживал. Однако после долгих раздумий, сомнений и вопреки своим убеждениям, он принял решение о проведении коронации. В книге Екатерины Болтуновой история подготовки и проведения коронации становится поводом для размышлений о выборе российской политической стратегии на западных границах империи и о ментальных установках имперской элиты первой трети XIX века. Екатерина Болтунова – кандидат исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), заведующая Лабораторией региональной истории России НИУ ВШЭ.

Екатерина Болтунова **Последний польский король. Коронация Николая I в** **Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII –** **начала XIX в**

Благодарности

Появление этой книги стало возможным благодаря помощи самых разных людей и институций, поэтому для меня важно выразить глубокую и искреннюю признательность друзьям и коллегам, сопровождавшим меня на пути к этой цели.

Я искренне благодарна тем, кто содействовал мне в поиске источников, сохранившихся в архивах, библиотеках и музеях Москвы, Петербурга, Смоленска, Пскова, Варшавы, Кракова, Парижа и Хельсинки, – Алексею Васильеву, Марии Долговой, Марии Ивановой, Федору Мелентьеву и Олегу Чистякову. Я хотела бы также упомянуть Диану Андрееву и Елену Говорину, помогавших мне с разбором разных текстов, и Полину Левину, которая перевела для Приложений к книге несколько речей Александра I и Николая I, адресованных польскому сейму. Я признательна польским коллегам Ежи Гутковскому и Збигневу Тухольскому, которые щедро поделились со мной своими материалами и архивными находками. Работа в Польше оказалась по-настоящему плодотворной и благодаря Эльжбете Ковальчик, много помогавшей мне, особенно в Музее Войска польского.

Особую признательность я хотела бы выразить моим помощницам в Москве и Варшаве – Наталии Бересневой и Агате Гач. Агата смогла найти для меня немало ценных материалов в архивах и библиотеках Варшавы, а Наталия приложила очень много усилий для того, чтобы текст книги обрел выверенный и литературно правильный вид.

Многие соображения, изложенные в книге, возникли в результате дискуссии с коллегами, изучающими историю России периода Московского царства и Российской империи. Большое значение для выстраивания логики моих рассуждений имели обсуждения текущих выводов работы на семинарах в Университете Иллинойса в Чикаго, Индианском, Йельском, Варшавском и Хельсинкском университетах, Германском историческом институте

в Москве, Высшей школе экономики и Институте славяноведения РАН. Я хочу выразить признательность всем, кто принимал участие в этих дискуссиях, особенно Сергею Антонову, Еве Берар, Эдите Бояновской, Хенрику Глембоцкому, Ольге Каштановой, Падрику Кенни, Никосу Криссидису, Владиславу Ржеуцкому, Татьяне Сабуровой, Денису Сдвижкову, Екатерине Скворцовой, Барбаре Скиннер, Кили Стаутер-Холстед, Наталье Филатовой и Ольге Хавановой. Я также благодарна за ценные замечания Полу Верту и Вилларду Сандерленду, которые прочли и обсудили со мной отдельные главы книги.

Я бы хотела поблагодарить Марину Могильнер и Илью Герасимова, много помогавших мне во время моего пребывания в Чикаго в 2017–2018 гг. Комментарии Марины и Ильи и возможность представить самый первый драфт работы на семинаре в Университете Иллинойса в Чикаго, без сомнения, стали для меня поворотным моментом в понимании того, как именно следует развивать проект книги.

С большой признательностью я вспоминаю разговоры с Иеронимом Гралей, обратившим мое внимание на символическую составляющую пространства Варшавы и значение, которое имела для Польши присяга, принесенная царем Василием Шуйским Сигизмунду III. Это заставило меня сформулировать новый круг вопросов, вернуться к своим источникам и рассмотреть позицию российских императоров в отношении формирования в Царстве Польском альтернативной (по отношению к русской) памяти о событиях начала XVII, а равным образом и начала XIX в.

Благодарю за советы моих рецензентов Ричарда Уортмана и Пола Бушковича. Я была очень рада, когда Ричард и Пол согласились прочесть только что написанную книгу и высказать свои соображения. Эти отзывы дали мне возможность уточнить некоторые аспекты и позиции и, главное, позволили обрести уверенность в состоятельности итогового результата многолетней работы. Обсуждение текста с Ричардом и Полом стало для меня и глубоко личным переживанием – ведь эта книга была во многом вдохновлена «Сценариями власти» Ричарда Уортмана, которого я считаю своим учителем и другом, а книги Пола Бушковича я всегда полагала примером эталонной исследовательской работы.

Названием этой книги я обязана Дженнике Бейнс из «Индиана Юниверсити Пресс». Во время обсуждения проспекта будущей книги Дженника предложила мне использовать яркий и одновременно очень точный заголовок – «Последний польский король». «Попадание» было настолько точным, что другие варианты заголовка я больше не рассматривала.

Для меня также очень важно выразить признательность Фонду Михаила Прохорова, Центру польско-российского диалога и согласия и Программе «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“», без поддержки которых я не смогла бы провести широкие архивные разыскания и представить результаты своей работы на самых разных международных площадках.

И, наконец, я хотела бы поблагодарить Ирину Прохорову, ставшую одним из моих первых читателей и одоблившую публикацию книги в издательстве «Новое литературное обозрение». Издать свою работу в серии «Historia Rossica» было моей давней мечтой.

Эта книга была бы невозможна без интеллектуального участия и душевной щедрости моего мужа Сергея Пантеева, который прошел со мной весь путь от появления первого замысла до публикации итогового текста работы. Его потрясающие яркие и глубокие идеи, острые критические замечания и упорное стремление к успеху давали мне возможность для развития и силы идти вперед. Без поддержки Сергея моя жизнь и научная карьера были бы совершенно иными. Ему я посвящаю эту книгу.

Моему мужу Сергею Пантееву

Введение

В мае 1830 г. Адриан Моисеевич Грибовский, некогда статс-секретарь императрицы Екатерины Великой, человек, давно отошедший от дел и политики, занимавшийся тяжбами и предававшийся воспоминаниям о днях минувших, записал в своем дневнике: «В газетах напечатана речь Царя Польского представителям того царства, при открытии заседаний сейма. Странно видеть Государя самодержавного, обладающего 50-ю миллионами народов на третьей части полушария, говорящего конституционным языком и представляющего власть свою ограниченную перед горстью народа, всегда России враждебного, в то время, когда в сей последней указ, не только им подписанный, но от его имени объявленный, решает, без малейших обрядов и форм, жизнь и участь, и высших, и низших сословий, и где за малейшее против правления замечание со стороны частного человека может он ужасно пострадать»¹.

Адриан Моисеевич жил в Москве, которая всего 18 лет назад была сожжена войсками Наполеона, в составе которых было более сотни тысяч поляков². Бывший статс-секретарь не мог постичь сути произошедшего: зачем Николаю I потребовалось выступать на открытии польского сейма, зачем всевластный российский император умалял свое достоинство перед, в формулировке Грибовского, всегдашними врагами. Ведь каждое Рождество было днем победы в войне против наполеоновского нашествия, а на Красной площади уже больше десятилетия стоял памятник Минину и Пожарскому. Он не мог уразуметь, почему Николай I полагает правильным говорить «конституционным языком» с поляками, тогда как для остальной России главным средством в его арсенале был произвол. Екатерининский вельможа не мог взять в толк суть происходящего или, что также вероятно, не решался высказать свое мнение – в конце концов, свои дневники он вел не только «для себя и своих». В любом случае он четко зафиксировал противоречие между Николаем – Самодержавным Государем и Николаем – Царем Польским и нашел для объяснения этого явления емкое, а главное, безопасное слово – «странно».

Если использовать формулировку Грибовского, «странности» николаевской политики в связи с Польшей не ограничивались «конституционными» речами на сейме. Вопреки укоренившемуся в исторической памяти – как польской, так и российской – представлению о том, что череду королей в истории Польши завершил Станислав Августовский Понятовский³, последним коронованным польским королем был именно Николай I. 12 (24) мая 1829 г. он выполнил положение 45-го параграфа Конституции, пожалованной Александром I Польше⁴, и возложил на себя корону в Варшаве. Это произошло спустя три года после николаевской коронации в Успенском соборе Московского Кремля, состоявшейся 22 августа 1826 г. Варшавская коронация, во время которой император принял на себя титул польского короля, стала событием уникальным: ни до, ни после ни один из российских монархов не короновался как польский король, при этом повторная коронация шла вразрез с устоявшейся в России традицией.

Польская коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. относится к категории забытых исторических событий. В России ее перестали вспоминать почти сразу после проведения, а окончательно «забыли» спустя всего полвека. В изданиях, посвященных церемониалу коронаций российских монархов в целом, или же в более поздних коронационных сборниках,

1 [Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой // Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 97.

2 Попов А. И. Иностранные контингенты Великой армии // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 306; Неуважный А., Васильев А. Польские войска // Там же. С. 580.

3 См., например: Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. New York: Columbia University Press, 1987. P. IX.

4 Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 530.

часть объема которых отводилась под историческое обозрение, коронация Николая I в Варшаве никогда не упоминалась⁵. Так, первый том двухтомного «Коронационного сборника» 1899 г., посвященного коронованию Николая II и Александры Федоровны, содержал пространное описание традиции самого обряда, но обошел своим вниманием этот исторический эпизод⁶.

В исследовательской литературе вторая коронация Николая I оказывалась предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах⁷. Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам⁸: именно им принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой теме⁹. В целом для широкой академической среды коронация осталась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения. Показательно, что этот эпизод не попал в поле зрения крупнейшего современного исследователя политической символики в России Ричарда Уортмана, в работе которого о «сценариях власти» в Российской империи николаевскому «сценарию» посвящена отдельная глава¹⁰. Последнее, между прочим, представляется совершенно оправданным. Как будет показано ниже, коронация в Варшаве была связана с логикой презентации власти Романовых в России весьма условно. В Польше коронация известна столь же мало. Посвященные ей статьи единичны и трактуют событие как очередную, хоть и причудливую

5 Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. СПб., 1883.

6 Коронационный сборник / Под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899. Т. 2. Вторая николаевская коронация попала лишь в описание Пятницкого, изданное несколькими годами ранее и представляющее собой исключение из общего ряда подобных работ (Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. М., 1896. С. 49, 58–60).

7 Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 263–265; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание Суворина, 1903. Т. 2. С. 212–224; Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021. С. 37–40; Grunwald C. de . Tsar Nicholas I. New York: The Macmillan company, 1955. P. 100–101; Краевский А. Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.). Государственный Эрмитаж. СПб., 2009. С. 61–65; Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М.: Центрполиграф, 2017. С. 103–105.

8 Носов Б. В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 272–273; Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) // Там же. С. 406–407; Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979. С. 70.

9 В работах О. С. Каштановой и Н. М. Филатовой предпринята попытка реконструкции происходивших событий и анализа коронационных торжеств в Варшаве 1829 г. в рамках российской и польской культурных традиций (Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48; Филатова Н. М. Варшавская коронация Николая 1829 г.: русский и польский взгляды // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. О. В. Хаванова, М. В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 63–80).

10 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 336–543.

форму политического давления на Польшу. При этом работают с материалом, как и в России, главным образом искусствоведы¹¹.

Важно отметить, что в российской историографии в целом за положительную сторону отношений с Польшей «отвечает» Александр I, Николаю же предписаны действия сугубо отрицательные – пренебрежение Конституционной хартией 1815 г., репрессии против поляков и, наконец, подавление Варшавского восстания 1830–1831 гг. В рамках польского академического дискурса Николай I жестко соотнесен с репрессиями и травматичным опытом или вовсе выброшен из исторического контекста в силу особенностей восприятия в Польше этого периода как своего рода «перерыва в истории»¹². Принято также говорить и о полуневротической, на грани невроза, полонофобии императора¹³. В этом смысле Николай – император Всероссийский, возлагающий на себя корону Царства Польского, то есть в каком-то смысле пропольский Николай, – образ, который плохо уживается с традиционными трактовками как личности самого императора, так и его отношения к созданному Александром I Царству Польскому. Такой Николай оказывается фигурой совершенно непонятной, а значит, и сам контекст воспринимается как случайный и в целом малоактуальный.

Объяснение, почему событие такого уровня оказалось забытым, связано с последствиями коронации, которая, как я постараюсь показать, послужила толчком к детронизации Николая I в 1830 г. и восстанию 1830–1831 гг.

Однако, прежде чем говорить о коронации, необходимо дать комментарий относительно положения польских земель в составе Российской империи. Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши¹⁴. Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру

11 *Milewska W.* Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszłego zamachu na cara // *Arma virumque cano. Profesorowi Zdzisławowi Żygulskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin.* Kraków, 2006. S. 182–183; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 297; *Getka-Kenig M.* The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie.* 2013. Vol. 3. P. 388–402; *Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // *Kronika Zamkowa.* 2004. № 1–2/47–48. S. 73–81; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // *Kronika Zamkowa.* 1987. № 6 (14). S. 3–9.

12 См. об этом: *Филатова Н. М.* «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сборник статей.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157. Появившаяся еще в императорские времена и заимствованная впоследствии советской литературой интерпретация 1825–1830 гг. как кризисного периода, связанного с нарушением конституции, репрессиями в отношении поляков и отказом от обещанного присоединения Литвы к Царству Польскому содержится в работах Ш. Аскенази. См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг. М., 1915. С. 160.

13 Полонофобию Николая I часто связывают с влиянием его няни – шотландки мисс Лайон, оказавшейся свидетелем восстания Костюшко и убийства русского гарнизона в Варшаве (1794 г.). См., например: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // *Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО).* 1896. Т. 98. С. 12–14. Разбор таких историографических оценок содержится в статье Е. Щербаковой (*Щербакова Е.* Нянюшкины сказки // *Родина.* 2013. № 3. С. 25–26).

14 В результате 1-го раздела Польши (1772) были созданы две новые губернии – Могилевская и Псковская, при этом в екатерининском наказе генерал-майорам М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову значилось указание «включить часть наших провинций» в состав новых губерний (Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 2. Т. 19. № 13807. С. 508).

административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо особой в политическом отношении структуры. На символическом уровне приращение империи было оформлено как возврат «исконно принадлежавших» России, но утраченных земель. Примечательна, однако, особенность, отмеченная в литературе: вхождение польских земель в состав Российской империи не сопровождалось устройством традиционного празднования. Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим великолепием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия¹⁵. Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и ориенталистская модель деления мира на неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий варварского Востока достаточно естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой.

Второй раунд присоединения польских территорий к Российской империи связан с правлением Александра I. В 1815 г. после победы над Наполеоном в состав Российской империи вошли польские земли, принадлежавшие с конца XVIII в. Пруссии, а затем образовавшие по решению Наполеона Герцогство Варшавское. Эти территории стали частью Российской империи в рамках совершенно иного политического статуса. Риторика присоединения не только не апеллировала категориями завоевания (как можно было бы ожидать по окончании войны), но, напротив, была развернута в сторону признания политической субъектности этих территорий. Именно такой формат был предложен Александром I во время Венского конгресса в 1814–1815 гг. После продолжительной дискуссии и не без серьезного нажима со стороны российского императора он был одобрен странами – участниками конгресса¹⁶. Иными словами, российский император считал необходимым не просто выдвинуть идею особости польских территорий, их политической субъектности, но и оформить это как коллективное европейское решение.

Результатом стало создание на западной границе Российской империи такой необычной в политическом отношении структуры, как Царство Польское (в терминологии, имевшей хождение в Польше, – Королевство Польское). В 1815 г. император Александр I даровал этой территории конституцию. Административный аппарат в значительной мере остался прежним, официальными языками делопроизводства были польский и французский, конфессиональная политика не имела целью насаждение православия, а налоговые сборы не уходили в казну Российской империи.

Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание.

Политика императора Александра I в отношении Польши – его чрезвычайное расположение к полякам, стремление почти каждый год посещать свою польскую столицу¹⁷ – вызывала у его российских подданных самые разные, часто резко негативные реакции.

15 Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. С. 173.

16 Об этом, а также об исследовательской литературе в связи с действиями Александра I на Венском конгрессе см. главу 6.

17 Филатова Н. М. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 64.

Причиной тому были как события двухсотлетней давности (участие Речи Посполитой в политическом кризисе Московского царства начала XVII в., включавшее в себя военную интервенцию и захват Смоленска и Москвы), формирование памяти о которых пришлось на начало XIX в., так и события недавнего прошлого. Для представителей российской – особенно военной – элиты активное участие поляков в походе на Россию в составе наполеоновских войск в 1812 г. было частью личной памяти. Однако с вхождением Царства Польского в состав империи упоминание о военных столкновениях между Россией и Польшей не только не приветствовалось властью, но и в значительной мере перешло в зону табуирования. Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты.

Александр I, как уже упоминалось, включил в польскую Конституционную хартию 1815 г. параграф, предписывающий его наследнику на престоле короноваться в качестве польского короля¹⁸. Не вполне понятно, намеревался ли сам Александр I возложить на себя польскую корону, однако известно, что по его приказу в архивах искали польские коронационные церемониалы, пытаясь параллельно узнать и о судьбе регалий, вывезенных прусской армией из Кракова. Во время Венского конгресса, а затем спустя почти десятилетие в 1824 г., не зная об уничтожении регалий, Александр I обращался к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III с просьбой об их поиске¹⁹. Очевидно, что возможность коронации, по крайней мере в первые годы существования Царства, не исключали ни в Польше, ни в России. Так, в переписке А. А. Закревского и М. С. Воронцова 1816 г. обращает на себя внимание сообщение первого «под секретом», что император «к 15 сентября желает быть непременно в Варшаве, где намеревается, как говорят, короноваться». Информация сопровождалась в тексте письма ироничным комментарием – «Очень нужно!»²⁰

К моменту смерти Александра I особое положение Царства Польского определялось также присутствием в Варшаве великого князя Константина Павловича, постоянно жившего в столице Царства с середины 1810-х гг. Его отречение от престола, подписанное в 1822 г., не было опубликовано, и в глазах общества цесаревич был наследником престола. Формально Константин командовал польской армией, однако в действительности он был облечен в Польше самой широкой властью, распространявшейся не только на Царство, но вообще на польские земли Российской империи – Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую, Подольскую губернии и Белостокскую область²¹. Непопулярный в Польше, но находившийся под сильным влиянием жены – польской аристократки и католички княгини Лович, великий князь Константин видел себя человеком, выступающим от лица поляков и призванным защищать интересы Польши перед Петербургом.

Александровское установление относительно коронования в Польше стало для Николая I настоящей дилеммой. Император был человеком консервативных взглядов и не поддерживал решение брата и предшественника на престоле даровать Польше особые права. Казалось бы, ожидаемой линией поведения в этой связи должен был стать отказ от предписанного императором Александром установления. Николай I, однако, избрал совершенно иную модель поведения: после долгих сомнений он принял решение о проведении коронации. При этом монарх действовал вопреки собственным эмоциональным

18 Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

19 *Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 39.

20 Архив князя Воронцова: В 40 кн. Кн. 37. М., 1891. С. 271.

21 *Дивов П. Г.* Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.) // *Русская старина*. 1899. № 12. С. 526; *Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Диссертация. М., 2000. С. 118.

реакциям, главной из которых в связи с проведением церемонии он называл «отвращение»²². Иными словами, император отделил собственные личностные оценки от того, что, как он полагал, было правильной политической стратегией.

Вопрос о том, что заставило Николая поступить подобным образом, – ключевой. Конечно, можно рассуждать о доктринерском характере монарха²³. Формируя собственное «я», император действительно использовал образ рыцаря и был склонен вести себя в рамках заданных норм. Показательно в этом отношении его поведение в период «междоусобицы». Николай I присягнул великому князю Константину, зная о существовании акта об отречении²⁴, то есть действовал именно в соответствии с формальными установками. В момент разворачивания событий сам император осмыслял свои действия исключительно в категориях долга. 14 декабря 1825 г. в письме к сестре, великой княгине Марии Павловне, он именовал себя «жертвой воли Божией и двух своих братьев», восклицая: «Наш ангел (император Александр I. – *Прим. авт.*) должен быть доволен – воля его исполнена, как ни тяжела, как ни ужасна она для меня»²⁵. По точному замечанию историка М. А. Полиевктова, Николай считал возможным «не считаться» с документами, которые указывали на него как на наследника престола Российской империи²⁶. Николай следовал букве закона до буквизма. Интересно, что в период «междоусобицы» в нелогичном поведении Николая упрекали и императрица-мать²⁷, и великий князь Михаил Павлович. Последний заявил Николаю: «Зачем ты все это делал, когда тебе известны были акты покойного государя и отречение цесаревича? Что теперь будет при повторной присяге в отмену прежней и как Бог поможет все это кончить?.. Как тут растолковать каждому в народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе»²⁸. Однако даже много лет спустя император был уверен, что альтернативы его решению не было²⁹.

История с польской коронацией пошла по схожему сценарию – «мы исполнили наш долг – будь, что будет». Т. А. Капустина прямо пишет, что, «унаследовав от Александра I

22 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829) // Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 131. С. 325.

23 Ф. Ф. Вигель оставил точное определение этой стороны характера Николая: «Он... был весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и к другим» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Книжный Клуб Книговек, 2019. С. 519*). Примечателен разговор Николая I с Бенкендорфом, во время которого император заявил: «Никогда... никогда не уклонюсь я от принципов: с принципами нельзя вступать в сделку, я же не вступлю в сделку с моей честью» (*Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 291*).

24 В литературе приводится множество доводов, которые подтверждают, что в Николае Павловиче видели наследника (система воспитания, характер поездок за границу и по России, матримониальные планы в его отношении). Существует также множество указаний на то, что будущий император знал о существовании акта отречения Константина Павловича (*Полиевков М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 41–44*).

25 Николай I: pro et contra. Антология / Сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выходков. СПб.: НОКО, 2011. С. 71.

26 *Полиевков М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 44.*

27 Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа // *Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 39*. О реакции императрицы Марии Федоровны и великого князя Михаила Павловича на принесение Николаем присяги Константину Павловичу см.: *Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы (1801–1917 гг.). М.: Международные отношения, 1994. С. 109, 111.*

28 *Михаил Павлович*, великий князь. Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 года, записанные бароном М. А. Корфом // *Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 55.*

29 Николай I. Заметки на полях рукописи М. А. Корфа. С. 39.

польскую конституцию, он (Николай I. – *Прим. авт.*) считал своим долгом ее соблюдать и не отступал от обязанностей конституционного монарха до разрыва с Польшей в 1831 г.»³⁰.

В позиции императора также можно увидеть и политический расчет. Николай I принял решение короноваться в Варшаве вопреки собственным представлениям и установкам, согласно которым он уже давно был помазанником божьим³¹ и обладал властью над всей территорией империи, повинуюсь установке чтить память императора Александра, а также реализуя потребность избавиться от давления великого князя Константина Павловича и помешать возможным (хотя и не подтвержденным в полной мере) планам Австрии короновать герцога Рейхштадтского. Однако в этом случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать пределом прагматического объяснения, – действие по своему масштабу оказывается намного значительнее причин, которые его вызвали. Давление, которое испытывал и которому в конечном итоге уступил император, было связано не только с практиками легитимации или внешнеполитической ситуацией, ведь к концу 1820-х гг. Николай I уже преодолел кризис первых лет царствования и обретал все большую уверенность в своих действиях. Но все же он ощущал, что был в долгу, причем в долгу не только перед братьями. Он был должен полякам и Польше.

Главные причины, по которым Николай решил возложить на себя корону Царства Польского, очевидно, лежали в сфере скорее ментальной, нежели практической. Причины, заставившие императора действовать вопреки собственными представлениям, имели к существующей политической реальности лишь опосредованное отношение. В известном смысле император Николай стремился предписать реальности то, какой ей следует быть.

Варшава 1829 г. стала точкой, где доктринерские представления монарха и необходимость действовать в соответствии с духом и буквой александровских начал наложились на особое, выработанное русской политической элитой восприятие себя, Европы и Польши. Последняя в рамках этой парадигмы была маркирована как территория в широком смысле слова европейская. Даже утратившая государственность и уже находящаяся в составе Российской империи, она воспринималась как априори обладающая политической субъектностью. Следствием стало формирование установки, что отношения с этой частью империи надлежит выстраивать на совершенно особых основаниях.

Последнее подтверждается пропольской формой коронации, которая была реализована в Варшаве в 1829 г., и прямым отказом от распространения в Царстве трактовок и позиций, активно поощрявшихся на всей остальной территории империи. Речь идет о формировании памяти об Отечественной войне 1812 г. и Смуте начала XVII в. Используя слова самого императора из письма брату, можно сказать, что в период до начала восстания 1830–1831 гг. монарх из всех сил и при этом вопреки личным представлениям и желаниям стремился быть «хорошим поляком»³². Все это ставит многочисленные вопросы, причем не столько о Царстве Польском как таковом, сколько о выборе российской политической стратегии на западных границах страны, о политической элите империи первой трети XIX в. и о том, как выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом после окончания большой, разрушительной и победоносной для России войны.

Эта книга не о Польше. Она о России.

***

30 Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 42.

31 Таково и основное мнение исследователей этого вопроса. См.: Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 36–37.

32 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша // Русская старина. 1900. Вып. 2 (февраль). С. 298–299.

Последнее обстоятельство требует от меня прояснить несколько позиций относительно исследовательской оптики и терминологического аппарата.

В первом случае речь идет прежде всего о критической оценке ряда историографических установок в связи с русско-польскими отношениями первой трети XIX столетия. К настоящему моменту в литературе сформирована устойчивая парадигма восприятия событий этого периода. Возникнув в рамках польской публичной сферы и интеллектуальной традиции, эта парадигма в большинстве своем разделяется современной российской и англо-американской историографией. Иными словами, анализ русско-польских отношений указанного периода зиждется – с тем или иным уровнем приверженности со стороны конкретного исследователя – на польской исторической интерпретации событий.

В рамках существующих конвенциональных установок можно отметить несколько ключевых позиций. Во-первых, политическая субъектность Польши рассматривается как существующая объективно, безотносительно потери государственности. Эта трактовка определила, в частности, широкую дискуссию о статусе польских земель в составе Российской империи. Оценки разнятся от указаний, что в это время Царство Польское обладало широкой автономией или было связано с Россией личной унией, до утверждений о политической независимости территории в период до восстания 1830–1831 гг.³³ В последнем случае главным аргументом является указание на решения Венского конгресса. При этом само Царство Польское традиционно определяется как территория, развивающаяся автономно в социальном, культурном и экономическом отношении, однако вынужденная в силу ряда обстоятельств взаимодействовать с Россией (как правило, отражая враждебные действия с ее стороны). Рассуждения подобного рода проистекают из представления о существовании в Царстве польской администрации и из оценки уровня культуры и образования в Польше как более высокого по отношению к России³⁴. В рамках этой интерпретации особое положение Царства считается естественным, само собой разумеющимся и не связывается с политическими решениями российских властей. Не имеет никакой связи с Российской империей и устоявшееся в польской и англо-американской историографии наименование, отсылающее к столетней истории российских польских земель, – «Królestwo Kongresowe» и «Kongresówka» (на польском) и «Polish Congress Kingdom» (на английском). На первый план здесь выдвигается идея коллегиального и, очевидно, не соотнесенного с Россией решения о новом статусе этих земель³⁵.

Стоит отметить, что похожим образом в историографии зачастую оформляется и статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи: согласно распространенной трактовке, в 1809 г. Финляндия обрела государственность, что представляло собой акт суверенной воли, лишь опосредованно сопряженный с результатами очередной русско-шведской войны и территориальными приобретениями Российской империи³⁶.

33 См., например: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909. С. 191–192; Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX века: Диссертация. М., 1987; Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000; Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 46. См. также разбор исследовательских позиций в работе Б. В. Носова и Л. П. Марней (Носов Б. В., Марней Л. П. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 86–87).

34 См. об этом: Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // Родина. 1994. № 12. С. 47–49 (особенно с. 48).

35 См., например: Nance A. B. Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. New York: Peter Lang, 2008. P. 101–105.

36 М. Клинге, например, указывает, что созыв сейма в Порвоо (Борго) «превратил» Финляндию в «особое государство», а «новая финляндская государственность» основывалась на соглашениях с Россией и Швецией и

Во-вторых, оценка политического развития Польши в составе Российской империи интерпретируется исходя из апелляции к набору дуальных моделей (добро – зло, жертва – агрессор, красота – восхищение). В рамках этих оппозиций России, как правило, приписывается второй, отрицательно маркированный или объектный элемент. При этом дискурс борьбы за свободу (в советском изводе – борьбы с царизмом) и указание на виктимность Польши выступают как универсальное легитимирующее основание.

В исследовательской литературе, посвященной русско-польским отношениям этого периода, часты рассуждения о непонимании в России мотивов, которыми руководствовались поляки, или указания на спектр эмоциональных реакций, которые предписывалось испытывать русским, – чувство вины и стыда за разделы Польши, восхищение храбростью польских войск, преклонение перед культурой страны и личностными качествами ее жителей, сочувствие к сосланным в Россию³⁷. Кроме того, академическая литература в России, находясь в сложных отношениях с советским интеллектуальным наследием, зачастую анализирует тот или иной материал в границах рассуждений о виктимизации или виктимности, с одной стороны, и братстве народов, с другой.

В целом в этом сегменте исследований анализ произошедших событий с позиции Польши изложен исключительно хорошо. Российский же взгляд на ту или иную ситуацию, напротив, в академических работах практически не представлен³⁸.

С учетом выбранной исследовательской оптики в книге используются наименования, имевшие хождение на территории Российской империи (например, «Царство Польское», а не «Королевство Польское»). В ряде случаев само существование двойной номенклатуры становится предметом рассмотрения (см. параграф 6.2).

Даты событий, происходивших на территории Польши, приведены по юлианскому и григорианскому календарям. Во всех цитатах выделение курсивом принадлежит мне.

Часть I. Коронация

Глава 1

«Я... буду соблюдать конституционную хартию» Польский вопрос в начале царствования Николая I

1.1. Страх

Николай I провозгласил себя российским императором после нескольких недель тяжелейшего противостояния с великим князем Константином Павловичем. Датированный 12 декабря 1825 г. манифест о вступлении на «Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с Ним Престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского» долго и подробно – и тем менее убедительно – объяснял подданным ситуацию, ссылаясь на документы, подписанные покойным Александром I и отрекшимся от

«соответствующих заверениях, данных Александром I...сословиям» (Клинге М. Императорская Финляндия. СПб.: Коло, 2005).

37 См., например: *Фалькович С. М.* Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха польских национально-освободительных восстаний) // *Славянский вопрос: Вехи истории.* М., 1997. С. 108; *Она же.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 509; *Липатов А. В.* Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм в восприятии культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре.* М.: Индрик, 2002. С. 134–155.

38 Исключения составляют работы Н. М. Филатовой о русско-польском сближении и О. С. Каштановой о великом князе Константине Павловиче и его жизни в Польше, предлагающие взгляд на историю русско-польских отношений этого периода с позиции обеих сторон.

власти великим князем Константином. Манифест призывал к присяге и сообщал, что время вступления на престол должно исчисляться от 19 ноября³⁹. Политическая ситуация, в которой находился Николай, однако, была далека от той, какой она была в ноябре, и для ее стабилизации одним документом обойтись было сложно.

На следующий день после обнародования российского манифеста молодой император издал еще один манифест, адресатом которого на сей раз стали жители Царства Польского:

Мы Божьей Милостию Николай I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч... повелеваем всем и каждому, кого это касается:

В соответствии со Ст. 1 и Ст. 5 Конституционной хартии, согласно коим Царство Польское навсегда присоединено в Российской империи мы объявляем, что Манифест, объявленный нашим подданным 12 (24) декабря распространяется в равной степени на Царство Польское. Мы повелеваем посему, чтобы с сим Манифестом в царстве ознакомлены были и выполнили все предписания в нем содержащиеся относительно восшествия на престол и чтобы принесена была присяга на верность подданства.

Поляки, мы уже заявили свое неколебимое желание продолжить в своем правлении путь, избранный светлой памяти императором и царем Александром I, и мы объявляем через сие, что все институты вам от него данные будут сохранены. *Через сие я обещаюсь и клянусь перед Богом, что буду соблюдать Конституционную хартию и приложу все свои усилия для ее сбережения.*

Дано в Санкт-Петербурге 13 (25) день месяца декабря 1825 лета от Рождества Христова, царствования же Нашего с первое⁴⁰.

Сейчас нам сложно представить, что этот документ, слово в слово повторяющий формулировки Польской хартии 1815 г., предписывавшей наследникам Александра I приносить клятву конституции⁴¹, был подписан Николаем I – человеком, которого принято считать консерватором и поборником охранительной политики. Нам, впрочем, несложно вообразить, что в состоянии страха человек способен на действия, о которых он не смог бы помыслить при других обстоятельствах. Этот поразительный манифест «императора и царя» был одобрен, когда до восстания на Сенатской площади оставались считанные часы. Николай знал, что его царствование может оборваться не начавшись. Его жизни угрожала прямая опасность: эпоха дворцовых переворотов не была забыта, внезапная смерть Александра I вызвала множество слухов и домыслов, трактовавших смерть императора как подозрительную, связанную с отстранением от власти и убийством. Обществу было сложно принять тот факт, что следующий в ряду на престолонаследие великий князь Константин, которому уже была принесена присяга, внезапно отказался от власти. Молодой император мог ожидать появления лозунга «Константин и Конституция» не только на улицах Петербурга, но и в столице Царства Польского. Возможность подобного развития событий существовала: в Варшаве представители генералитета активно обсуждали вопрос возведения великого князя Константина Павловича на престол вопреки его собственной воле⁴².

Николай, вероятно, опасался, что Константин Павлович, который, бесспорно, вел свою игру в период междоусобицы, мог провозгласить себя польским королем. Возможность

39 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

40 Archiwum Główne Akt Dawnych (далее – AGAD). F. 210. № 20. К. 15; *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Минск: Четыре четверти, 2015. Т. 2 (Приложения). С. 426. Оригинал на французском языке: *Oginski M.* Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815 / Éd. par L. Chodźko. Paris: Ponthieu; Genève: Barbezat et Delarue, 1827. Vol. 1. P. 315–316.

41 Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

42 Об этих планах и историографии вопроса см.: *Кашианова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 128–130.

такого развития событий не исключает О. С. Каштанова, полагая, что, отказавшись от российского престола, цесаревич рассматривал для себя возможность получения польской короны⁴³. Отсюда и настойчивое стремление Николая I повторять – в манифесте о восшествии на престол, а потом и в отдельном манифесте, адресованном полякам, – что он является императором Всероссийским, а равно и царем Польским. Эти формулировки закрывали Константину возможность маневра. Чтобы обеспечить безопасность империи на западных границах и нейтрализовать цесаревича, молодой император готов был поклясться на верность той самой конституции, о которой кричали восставшие под окнами его дворца.

Важно отметить, что николаевский манифест, обращенный к Царству Польскому, в России практически неизвестен. Это вполне объяснимо – ведь документ не вошел в Полное собрание законов Российской империи⁴⁴. Документ был отброшен как «местное установление», представлять которое в основном собрании нет необходимости. В реальности речь, конечно, шла о цензуровании: императорский манифест с клятвой конституции едва ли мог расцениваться как несущественный с точки зрения его содержания. К тому же более ранние установления, касающиеся польских территорий, в «Полном собрании законов» были отражены вполне подробно⁴⁵. Очевидно, Николаю было больно вспоминать свой страх и клятву, принесенную польской конституции.

Вместе с тем в западных землях империи манифест был хорошо известен. Достаточно сказать, что он в буквальном смысле слова не остался без ответа. Реакцией на обращение стал направленный на имя императора адрес Сената Царства Польского от 5 (17) января 1826 г., подписанный его председателем Станиславом Замойским. Обращаясь к Николаю I, граф писал: «...незабываемые слова Ваши, которыми Вы нас уверили в поддержке всех установлений Вашего великого предшественника, проникли в сердца всех поляков, погасили чувство отчаяния, оставив лишь чувства любви и признательности». В адресе упоминался «великий гений» и «возродитель» польской нации Александр I⁴⁶, именно ему, как утверждалось в документе, сенаторы хотели бы установить монумент в Варшаве. Замойский выражал надежду, что Николай сможет утвердить проект мемориала на ближайшем сейме⁴⁷. Иными словами, польский Сенат подтверждал, что клятва императора была услышана. При

43 Проанализировав тексты М. С. Лунина и Д. И. Завалишина, исследовательница пришла к выводу, что даже после отречения Константина генералитет Литовского корпуса и несколько приближенных великого князя предполагали, вопреки решениям цесаревича, организовать в полках присягу, возведя таким образом Константина на престол (Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 129). В этом отношении О. Каштанова оспаривает позицию С. Б. Окуня, который полагал, что после 14 декабря 1825 г. объявление Константина Павловича королем Польши сделалось невозможным (Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 85).

44 Текст манифеста был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к изданию мемуаров М. Огинского. Он появился на русском языке в 2015 г., но остался совершенно незамеченным в академической литературе (Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426).

45 В «Полное собрание законов Российской империи» были, в частности, включены екатерининские документы, связанные с разделами Речи Посполитой, – указы назначенному белорусским генерал-губернатором З. Г. Чернышеву, а также распоряжения, адресованные М. В. Каховскому и М. Н. Кречетникову, моголевскому и псковскому губернаторам соответственно (ПСЗ. Собрание 1. Т. 19. № 13807, 13808, 13850).

46 Сенаторы описывали поляков как нацию, которую «долгая немилость божья стерла из списка наций» и которая получила «новое существование лишь благодаря неустанной воле» императора Александра I (Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426–428).

47 Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 426–428. Оригинальный текст на фр. яз. см.: Oginiski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 317–319.

этом, хотя и в вежливо-завуалированной форме, монарху предлагалось сделать следующий шаг – созвать сейм. В своем ответе сенаторам, последовавшем через месяц, Николай I согласился на предлагаемые условия: разрешив согласовать проект монумента Александру I и вынести его на обсуждение на ближайшем сейме, император фактически обещал скорый созыв представительства⁴⁸.

В Польше общественная реакция на публикацию манифеста 13 (25) декабря была позитивной. Великий князь Константин Павлович в переписке с Ф. П. Опочининым в феврале 1826 г. характеризовал ситуацию следующим образом: «Император, при восшествии своем на престол, обещал манифестом, данным этой стране, следовать по стопам покойного императора, и привел этим всех в восторг»⁴⁹. Манифест вспоминали и перед варшавской коронацией 1829 г. Так, автор одного из стихотворений, изданных по этому случаю, восхваляя императора Николая, отмечал «святое обещание продолжать дело своего предшественника», данное, когда «воскреситель родины» Александр I скончался в Таганроге. Это обещание, как пишет автор, подпоручик польской армии, заставило «север (имеется в виду Польша. – Прим. авт.) воссиять»⁵⁰. Знали о манифесте и за границей – его оригинал на французском языке был опубликован в Париже в 1827 г. как приложение к мемуарам Михаила Огинского⁵¹. Отголоски произошедшего долетали и до российского общества. По крайней мере, в отдельных документах можно обнаружить рассуждения, что власть российского императора в Польше ограничена «конституцией, которой он (Николай I. – Прим. авт.) присягал»⁵².

Восстание в Петербурге было подавлено, но ощущение безопасности у Николая, видимо, не возникло – необходимость договориться с Константином Павловичем и убедиться в спокойствии на новых западных границах империи все еще была актуальна. Вероятно, именно поэтому спустя всего несколько месяцев после восшествия на престол, уже находясь в процессе активной подготовки к коронации в Москве, Николай I сам написал великому князю о необходимости подготовить коронацию в Царстве Польском. 24 мая 1826 г., то есть ровно за три года до коронации, цесаревич откликнулся на это предложение письмом из Варшавы. Константин не продемонстрировал какого-то особенного энтузиазма: он писал, что знает о том, что коронация предписана Конституцией, но не может сказать ничего определенного, поскольку прецедентов подобного рода не было. Ссылаясь на свою неосведомленность в подобного рода вопросах, он уведомлял Николая, что посоветуется обо всем с Н. Н. Новосильцевым⁵³. Дискуссия о коронации началась.

Похоже, что весной 1826 г. Николай I действительно начал серьезно думать о коронации в Варшаве. Об этом можно судить по тем действиям, которые император предпринял во время организации похорон Александра I, останки которого были доставлены в Петербург из Таганрога.

48 Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 428–430. Оригинальный текст на фр. яз. см.: *Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 320–322.*

49 Шильдер Н. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. Вып. 2. С. 285.

50 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (б) об.

51 *Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Vol. 1. P. 315–316.*

52 [Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 112.

53 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 75.

Гроб с телом покойного монарха, который несколько месяцев «путешествовал» по России, проехав Харьков и Курск, Орел и Тулу, Москву и Новгород, был торжественно ввезен в столицу 6 марта, а неделю спустя, 13 марта, состоялись поразившие воображение современников похороны. За богато декорированной колесницей с гробом Александра I от Московской заставы до Казанского собора, где был устроен катафалк⁵⁴, а затем, неделю спустя, от Казанского собора до Петропавловского, где монарх нашел упокоение, шли молодой император Николай I, представители монаршей фамилии и двор. Здесь же шествовали члены Сената и Синода, Государственного совета, генералы и офицеры, чиновники и учителя, купцы и ямщики – одним словом, вся столица огромной Российской империи⁵⁵. Дома вдоль основного движения шествия были убраны траурными лентами и фестонами, о событии писали все газеты, о нем сообщали на улицах разъезжавшие по городу герольды, а доступ на устроенные для наблюдения «места и помостки... при всех заборах, решетках и в обоих ярусах гостиного двора» можно было получить, заплатив баснословную сумму 100 руб.⁵⁶

Шествие было «закутано» в бесчисленные флаги и знамена, составлявшие вместе визуализированный императорский титул. Здесь были гербы более 40 земель – от Ярославля и Рязани до Казани и Астрахани, от Нижнего Новгорода и Перми до Курляндии и Кабарды⁵⁷. В шествии прошли грузинские цари и царевичи, карабахский хан и калмыцкие князья⁵⁸, а также чины Российско-Американской компании, представлявшие интересы империи на Аляске. Колесницу императора сопровождало православное духовенство, а священники евангелической и армянской церквей, выйдя из дверей храмов на Невский проспект, «при приближении процессии в безмолвии, подобающем для благодарения и благоговения, кадили августейшему усопшему»⁵⁹. Любопытный наблюдатель за петербургским действом должен был увидеть: империя покойного Александра разнообразна и обширна, а ее границы простираются за пределы Евразийского континента.

И все же земли российской императорской короны были выстроены в абсолютно зримую иерархию, в рамках которой приобретенное Царство Польское оказывалось исключительно значимым. Документы Печальной комиссии, занимавшейся похоронами Александра, демонстрируют, что вопрос о том, как подчеркнуть особое положение Польши (в ряде случаев Польши и Финляндии⁶⁰) в составе Российской империи, стал едва ли не самым важным. Здесь возникало множество идей. Так, Печальная комиссия, которую официально возглавил князь А. Б. Куракин, предлагала Николаю I пригласить в Петербург депутации от Царства Польского и Великого княжества Финляндского. При этом в документе отдельно проговаривалось, что «к похоронам в Бозе почивших царствующих лиц Депутаций из губерний не назначается». Мотивацией к тому, чтобы «вытребовать» в столицу депутатов от Польши и Финляндии, был назван тот факт, что речь шла о «царстве» и «великом

54 Торжественное ввозение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича // Отечественные записки. 1826. № 25. С. 543–544.

55 Торжественное ввозение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича. С. 525–528.

56 Там же; Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. С. 177; Cortège funèbre de feu Sa Majesté l' Empereur Alexandre. Saint-Petersbourg: [s. n.], 1826.

57 Cortège funèbre de feu Sa Majesté l' Empereur Alexandre. P. 1–4.

58 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 265–270.

59 Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 17.

60 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 279–280.

княжестве» соответственно⁶¹. Едва ли, однако, это являлось настоящей причиной: Грузия, также именовавшаяся царством, в докладной записке не фигурировала – речь шла об особости именно западных территорий. Не менее энергично императору предлагали обдумать приглашение министра-секретаря Царства Польского и статс-секретаря Великого княжества Финляндского⁶², при этом представителям Польши и Финляндии надлежало шествовать вместе с чиновниками Собственной Канцелярии Его Императорского Величества, Канцелярии Государственного Совета и Канцелярии Комитета Министров⁶³. Предложение относительно депутатий из Польши и Финляндии было императором отвергнуто, в то время как идея вызова в Петербург польского министра и финляндского статс-секретаря, напротив, была принята благосклонно⁶⁴. Статус Царства Польского в составе империи был подчеркнут и во время шествия орденов и регалий. Польские ордена Св. Святослава и Белого Орла были включены в петербургское шествие как «польские российские ордена»⁶⁵, то есть были маркированы как особая статусная категория российских орденов.

Интересно, что при этом император Николай отказался использовать в петербургской церемонии прощания с Александром I так называемую «польскую корону» – похоронную корону Станислава Августа Понятовского, польского короля, который отрекся от престола в 1795 г., переехал в Петербург и скончался там годом позднее. Пышные похороны Станислава Августа в Петербурге не были забыты⁶⁶, и петербургская Печальная комиссия обратилась к Николаю с вопросом: «...в Мастерской Оружейной палате находится корона серебряная, вызолоченная сделанная к погребению Польского короля Станислава. Не соизволите ли, Всемилостивейший государь, чтобы в настоящей процессии корона сия употреблена была»⁶⁷. Молодому императору эта идея радикально не понравилась, и он постановил не включать корону в список регалий шествия⁶⁸. Вероятно, Николай полагал, что включение в церемонию короны монарха, прямо ассоциирующегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России, может, пусть и косвенно, обидеть поляков, которых он так активно призывал к лояльности и конституции которых присягнул всего две недели назад.

Однако самым показательным в отношении интерпретации значения Польши в иерархии территорий Российской империи может стать надгробная надпись на могиле Александра I. Согласно материалам Печальной комиссии, 24 декабря 1825 г. император Николай I утвердил ее в следующем варианте:

*Александр I
Император и Самодержец Всероссийский
Царь Польский и Великий князь Финляндский
и прочая и прочая и прочая*⁶⁹

61 Там же. Д. 5. Л. 21.

62 Там же. Л. 77.

63 Там же. Л. 77–78.

64 Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. P. 15; Kurjer Warszawski. 1826. № 75. S. 297.

65 Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича. С. 533–538.

66 Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–13.

67 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 32 об. – 33.

68 Там же. Л. 32 об.

Слова, высеченные на могиле покойного императора, были свидетельством его императорского достоинства и прямо указывали на главные регионы в составе Российского государства. Оптика политического, помимо указания собственно на империю, была смещена в сторону Запада, а именно европейских территорий, вошедших в состав страны при Александре I. Все остальные земли, находившиеся теперь под властью его брата Николая I, были компактно уложены в формулу «и прочая и прочая и прочая».

Отметим, что триада Россия – Польша – Финляндия была прямо заимствована из александровского документа об отречении Константина, который был опубликован Николаем вместе с манифестом о восшествии на престол. В этом тексте покойный император провозглашал: «...мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих по общему для земнородных закону воззовет Нас от сего временного Царства в вечность, Государственные сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою Назначенному Нами Наследственному Императору *единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского* »⁷⁰. Формулировка, объединяющая «престолы» Российской империи, Польши и Финляндии, еще несколько месяцев активно циркулировала в корреспонденции чиновников и военных⁷¹.

Спустя несколько дней после того, как тело Александра I нашло упокое в Петропавловском соборе Петербурга, в Варшаве – столице Царства Польского – было проведено особое поминовение, так называемые символические похороны Александра I⁷². Грандиозные по размаху мероприятия в Царстве Польском были одновременно и похожи, и не похожи на поминовения Александра в регионах и столице Российской империи; они продлились более двух недель (26 марта (7 апреля) – 11 (23) апреля 1826 г.) и завершились огромным шествием, которое было выстроено вокруг пустого гроба, водруженного на катафалк.

В Варшаве готовиться к церемонии поминовения Александра I начали еще до окончания действа в Петербурге. Константин Павлович, не приехавший, вопреки ожиданиям, проститься с братом в Северную столицу⁷³, пристально следил за перемещением печального кортежа по России и событиями в Петербурге⁷⁴. «Варшавский курьер», главная газета Царства Польского, описывала перемещение останков монарха из Таганрога в Петербург, рассказывая своим читателям о состоявшихся в губернских и уездных городах шествиях и столичных похоронах Александра⁷⁵.

69 Там же. Л. 34. К этой надписи была также добавлена информация о дате и месте рождения, смерти и погребения монарха, а также дата его вступления на престол.

70 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 5.

71 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 25. Оп. 161а/2. Д. 857. Л. 3, 56.

72 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyji Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyste odbytego, Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829; Kurjer Warszawski. 1826. № 63. S. 254; № 83. S. 337–338; Вестник Европы. 1826. № 8. Т. 147. С. 306–310.

73 Для великого князя Константина и его жены были приготовлены траурная одежда и экипаж (Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 169, 171).

74 Генерал В. Орлов-Денисов писал Константину Павловичу в Варшаву пространные письма с донесениями о том, что происходило во время каждой из остановок, и пересылал печатные церемониалы и литографии (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 30–95).

75 Kurjer Warszawski. 1826. № 5. S. 1–2; № 15. S. 1–2; № 59. S. 1; № 77. S. 1.

Проект церемонии символических похорон в Варшаве был подготовлен в Царстве Польском, здесь же были выполнены все королевские инсигнии⁷⁶. Из Петербурга, однако, были доставлены императорские ордена: в день похорон Александра I в столице Российской империи сразу по окончании печальной церемонии канцлер российских орденов князь Куракин отослал в Варшаву «все ордена как российские так и иностранные, коих покойный государь император изволил быть кавалером»⁷⁷.

Для поминания Александра I в зале ассамблей Варшавского замка была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*)⁷⁸. Здесь был сооружен помост, на котором установили символический гроб Александра I. Вокруг него были размещены военные мундиры и ордена императора, здесь же были выставлены корона, скипетр, держава и меч⁷⁹. На гроб, покрытый порфирой, был установлен бюст монарха в римской тоге и с лавровым венком на голове⁸⁰. Пока пустой гроб находился в замке, по городу распространяли копии молитвы о польском короле Александре I⁸¹.

Кульминацией символических похорон, как уже было сказано, стало шествие 27 марта (8 апреля) 1826 г. от Краковского предместья до собора Св. Яна⁸². Как и в Петербурге, под звук печальных маршей и артиллерийские залпы за пустым гробом императора Александра I шел весь город. Процессия вполне традиционно была «обрамлена» шествием войск и разделена на несколько уровней, каждый из которых был определенным образом осмыслен и семиотически оформлен. Основу процессии составляло шествие представителей целого ряда социальных групп и институций – горожан, духовенства, представителей образовательных учреждений, депутатов от воеводств, членов Сената и Административного совета. Перед катафалком с гробом, на котором стоял бюст покойного императора, несли регалии власти – ордена, меч, державу, скипетр и корону. За гробом вели лошадь «с седлом покойного Его Величества», за которой ехал цесаревич Константин, сопровождаемый генералитетом и штаб-офицерами⁸³.

Власть Александра в католической Польше была столь же сакральна, как в Таганроге, Новгороде, Москве или Петербурге. Неудивительно поэтому, что значительную часть шествия в Варшаве составляли священники – несколько «отделений» представителей

76 Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64; Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009. С. 72.

77 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156.

78 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

79 Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

80 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

81 AGAD. F. 190. № 92. К. 180–191.

82 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. S. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. К. 3–4. В последний момент из-за непогоды церемония была перенесена с 7 на 8 апреля (Kurjer Warszawski. 1826. № 82. S. 333; № 83. S. 337–338).

83 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosseyi Królu Polskim w Warszawie. P. I–XXXIV; AGAD. F. 197. № 675. К. 66–111; Kurjer Warszawski. 1826. № 82. S. 1; № 83. S. 1; № 84. S. 1; № 86. S. 1; № 87. S. 1; № 88. S. 1; № 89. S. 1.

католических монашеских орденов (капуцины, бернардинцы, францисканцы, кармелиты, августинцы, доминиканцы), семинаристы, а также пять епископов и, наконец, примас, глава католической церкви в Царстве Польском⁸⁴. Каждый раз, когда катафалк достигал какого-либо костела, процессия останавливалась для раздачи милостыни: камергер и два офицера заходили в церковь, обращаясь к собравшимся внутри духовным лицам, произносили краткую речь и отдавали милостыню. Судя по сохранившимся визуальным источникам, участники шествия также заходили с милостыней в синагогу⁸⁵.

По окончании шествия в соборе Св. Яна прошла поминальная служба, которую провел примас. Он же произнес речь, главной темой которой стало воскрешение Польши под скипетром Александра I и благодарность подданных своему монарху. Воронич говорил о нации, которая пребывала в упадке столетие, но благодаря спасительным действиям Александра вновь обрела родину, мир, спокойствие и свободу⁸⁶.

При этом в церемонии не было и намека на православный контекст: православная церковь Варшавского замка и церковь на Подвальной улице, о которых речь пойдет далее, в церемонии поминаения Александра I задействованы не были. Равным образом русский сегмент церемонии был отделен от польского. Так, распространявшиеся по городу печатные копии молитвы за покойного монарха были изданы на польском, французском и иврите, тогда как печатная молитва на русском языке опубликована не была⁸⁷. Фактически единственным официальным документом символических похорон Александра I в Варшаве на русском языке стал приказ от 18 (30) марта по Варшавскому гарнизону об участии в символической процессии «по вечно-достойной и блаженной памяти в Бозе почивающего Государа императора Александра Павловича»⁸⁸. Иными словами, существование русского пространства в Царстве Польском если и признавалось, то исключительно в связи с дискурсом войны.

Русские полки не принимали участия в шествии, хотя и были построены на одной из улиц по ходу движения процессии⁸⁹. В отличие от польских мундиров императора, которые выносили на подушках вместе с регалиями, мундиры полков русской армии, принадлежавшие Александру, оставались внутри строя соответствующих полков, то есть были скрыты от глаз. Приказ по Варшавскому гарнизону прямо регламентировал этот аспект: «Российские мундиры остаются на середине своих полков и в процессию не входят»⁹⁰. После прохождения шествия мимо русских полков была проведена панихида⁹¹. Устройство церемонии и место в ней солдат и офицеров русской армии особенно хорошо видны на одной из иллюстраций к описанию символических похорон императора Александра I. Здесь в центре мы обнаруживаем колесницу с гробом императора, а также стоящую отдельно группу

84 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. VIII–IX.

85 Ibid. Appendix.

86 Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rossyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. [Warszawa, 1826.] S. 1–16.

87 AGAD. F. 190. № 92. K. 180–191.

88 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 154–154 об.

89 Там же. Л. 154.

90 Там же. Л. 154 об.

91 Там же.

офицеров и православных священников. Художник изображает группу русских не как простых зрителей, но одновременно и не как часть процессии⁹².

Символическое оформление церемонии соотносилось с Российской империей также весьма условно. Как уже упоминалось, в шествие были включены российские ордена Александра I, доставленные из Петербурга⁹³, а на катафалке монарха был помещен герб Царства Польского, представлявший собой изображение российского двуглавого орла с польским Белым Орлом на груди⁹⁴. Примас Воронич в своей речи в соборе Св. Яна и авторы многочисленных сочинений, изданных к символическим похоронам, упоминали, что польский король Александр обладал также и ипостасью российского императора⁹⁵, однако гербы, декорировавшие костел Св. Яна или размещенные на флагах, которые несли за гробом Александра I, имели целью репрезентировать исключительно воеводства Царства Польского. Корона, которую выносили за гробом, апеллировала к образу исторической польской короны⁹⁶.

Поляки хоронили своего короля, и это было для них самым главным. Тот факт, что их король являлся одновременно российским императором, был признан, но удивительным образом к Российской империи это не имело почти никакого отношения. Будучи королем польской земли, территории обширной, разнообразной и величественной, он был одновременно императором в России, которая являла собой, если смотреть на обряд похорон в Варшаве, одно сплошное белое пятно. Иными словами, территория, входившая в состав Российской империи на правах автономии, не считала необходимым осмыслять или даже просто отмечать это обстоятельство. При этом, как ни удивительно, из Петербурга или хотя бы из варшавской резиденции великого князя Константина Павловича не поступало предписаний, прямых или косвенных, «заметить» огромную территорию к востоку от границы Царства Польского.

Император Николай I не предполагал, по крайней мере первоначально, чем обернется его разрешение на организацию поминания Александра I в Варшаве. Это было первое, но далеко не последнее в истории взаимоотношений императора с поляками несоответствие видения ситуации и ее воплощения в реальности. Судя по переписке с великим князем Константином Павловичем, император представлял церемонию значительно более локальной, выстроенной вокруг мундиров покойного монарха, отправленных в Варшаву⁹⁷. Николай I считал, что по прибытии мундиры надлежало «расположить на наполь, затем

92 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

93 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. XVIII–XIX; AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4.

94 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – ОР РНБ). Ф. 1001. Оп. 1. Д. 287. Л. 78; Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. Appendix.

95 Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rossyi Alexandrze I; Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rossyi Krola Polskiego; Westchnienia czułego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wiecznéj pamięci najjaśniejszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rossyi, wskrzesiciela i króla Polski. Warszawa, 1826; Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznéj pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo cesarza wszech Rossyi, króla polskiego etc. etc. etc. Warszawa, 1826. Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie. S. XIII–XVI.

96 Ibid. S. XIII–XVI.

97 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 11, 45, 63, 67, 73, 77.

пропеть панихиду, после чего отдать честь и отнести, так же, как мы относили флаги, в церковь или в другое место, где должен храниться мундир»⁹⁸.

Во время подготовки к символическим похоронам Константин Павлович представил Николаю I проект варшавской церемонии, который наверняка поразил монарха, ведь поляки выражали любовь Александру, но не Российской империи. Мы не знаем, какое впечатление произвел на императора этот документ: монарх откомментировал лишь то, что позволило ему оставаться в своей зоне комфорта, – «изволил благодарить» Константина и высоко отозвался о выучке польских войск. Никаких содержательных замечаний сделано не было⁹⁹. Сложно сказать, увидел ли Николай в тот момент, что на западном пограничье его империи в отношении самоописания и понимания статуса Польши существует иная система координат, сформировался нарратив, не совпадающий с официальным имперским. В любом случае российский император счел за благо не противоречить Константину и не вмешиваться в «польские дела».

Череда похоронных и мемориальных мероприятий была завершена к концу апреля 1826 г., когда Николай смог наконец погрузиться в подготовку самого главного действия его правления – коронации в Москве. Как именно была в нем представлена Польша, учитывая, что идея проведения коронации в Варшаве уже появилась в частной переписке двух братьев?

По мнению Р. Уортмана, в XIX столетии (с коронации Николая I в 1826 г.) Россия представила новый образ государства – национальной империи, которая зиждется на разделении на господствующую нацию (русских) и подвластные народы¹⁰⁰. Действительно, «Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств» фиксирует участие многочисленных депутаций – киргизы, черкесы, кабардинцы, грузины, армяне, калмыки «в их воинственных нарядах с их выразительными, характеристическими лицами», здесь же упоминаются атаманы войска Донского¹⁰¹. Польских депутаций в этом списке мы, однако, обнаружить не сможем¹⁰².

Отсылки к Польше не фигурировали и в оформлении коронации. Так, известно, что плафон балдахина, установленного над главным монаршим тронем в Успенском соборе, был украшен гербом Российской империи, а также гербами титульных земель. Выборка последних, очевидно, была осуществлена исходя из традиционных представлений о подвластной российским монархам территории. Здесь появились гербы Киева, Владимира, Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири и Тавриды. Герб Царства Польского представлен не был¹⁰³. В целом во время подготовки московской коронации Николая можно отметить стремление Коронационной комиссии обращаться к польским сюжетам как можно меньше.

Тот факт, что польский элемент оказался здесь отделенным от российского, едва ли объясняется исключительно николаевским планом осуществить вторую коронацию в Варшаве и установкой на то, что обращение к символике, связанной с Польшей, будет излишним. Скорее в основе подобных решений лежала прагматика – Москва помнила

98 Там же. С. 16.

99 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 144–144 об.

100 Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань: Центр исследования национализма и империй, 2004. С. 409–426.

101 Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 172, 371–373.

102 О послах, прибывших на коронацию, см.: Там же. С. 378.

103 Пятницкий П. П. Сказание о венчании Русских царей и императоров. С. 51.

польские легионы Юзефа Понятовского на Бородино, пожар и разграбление города после его сдачи в 1812 г.

Коронация Николая I в Москве в 1826 г. знаменовала окончание этапа особенно острой конкуренции между Николаем и его старшим братом. Константин Павлович, который периодически, особенно в приступе гнева, мог возвращаться к идее принять власть над Польшей, в действительности отказался от мысли возложить на себя польскую корону¹⁰⁴. Показательны в этом отношении воспоминания Дениса Давыдова, описавшего эмоциональную реакцию цесаревича на московское действо, знаменовавшее крах всех его надежд: «Прибыв в 1826 году в Москву для присутствия во время обряда коронования императора Николая, цесаревич был встречен сим последним на дворцовой лестнице; государь, став на колени пред братом, обнял его колени, что вынудило цесаревича сделать то же самое. Таким образом, свиделись оба царственные брата пред коронованием, по совершении которого цесаревич, выходя из собора, сказал Ф. П. Опочинину: „Теперь я ответ“»¹⁰⁵.

Однако, окончательно утратив возможность встать во главе империи, Константин с еще большей страстью, нежели прежде, обратился к идее стать голосом Польши, защищая и поддерживая интересы Царства перед братом и чиновным Петербургом. Он был готов привлекать для блага Польши новые, в том числе и символические ресурсы. По возвращении в Варшаву великий князь начал энергичный и уже достаточно предметный диалог с братом-императором о подготовке к коронации в Польше. Николай был готов к диалогу: его первоначальное решение приступить к разговору о коронации, объяснявшееся страхом и стремлением в сложный момент приобрести устойчивость личной власти и лояльность территории, контролируемой братом-соперником, не было все же сугубо импульсивным.

1.2. «Любезный брат» Константин

Известный историк Николай Шильдер в своей биографии Николая I вполне справедливо отметил, что «при оценке событий, разыгравшихся в Варшаве до революции 1830 года, история должна принять во внимание особенное, исключительное положение, в которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшего брата»¹⁰⁶. Действительно, первые несколько лет правления Константин был постоянной головной болью для Николая.

«Междоусобица» (с присягой Константину, а затем переходом власти к Николаю), во время которого общество стало свидетелем сложных отношений в императорской семье, и последовавшие за ним события на Сенатской площади, так сильно напоминавшие по своей форме перевороты первого века империи, оставили массу вопросов, которые, в свою очередь, питали домыслы вокруг отречения великого князя Константина Павловича. При этом, как справедливо отмечается в историографии, вокруг Константина всегда существовал некий

104 Каишанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 132.

105 Выходчиков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. С. 227. Е. П. Карнович сообщает о планах Николая принять корону от великого князя Константина: «Накануне коронации цесаревич Константин (находившийся в это время в Москве) узнал от генеральши Сорочинской, что в коронационном церемониале планируется, чтобы он возложил корону на Николая. Недовольный, по словам очевидца, этим сообщением, Константин Павлович имел объяснения с московским митрополитом Филаретом. Тот заверил цесаревича, что если ему не нравится данный пункт, то он будет заменен. В результате было решено, что Николай Павлович сам возложит на себя корону» (Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк // Карнович Е. П. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1995. Т. 3. С. 522). Эта информация представляется хотя и любопытной, но едва ли достоверной – такое коронование никак не было связано с уже устоявшейся в России традицией.

106 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 222.

ореол монаршей власти. О. С. Каштанова, рассматривая личность великого князя, отмечает, что «Греческий проект» Екатерины II, предполагавший, что второй внук императрицы займет престол восстановленной Византии, имел «неожиданные последствия» – после него «современники стали представлять себе Константина не только греческим государем, но и возможным монархом вообще какого-нибудь иностранного государства»¹⁰⁷. Константин фигурировал как претендент на власть во множестве проектов – албанском, шведском, сербском, французском. Авторы подобных идей искали возможность привлечения как военных, так и политических ресурсов Российской империи¹⁰⁸. В этом ряду стоит упомянуть и условно польские проекты – предложение, сделанное Станиславом Августом Понятовским Екатерине II в первой половине 1790-х гг. об избрании великого князя Константина польским королем¹⁰⁹, и аналогичную идею Наполеона, высказанную Александру I в Тильзите в 1807 г.¹¹⁰ Если принять во внимание, что эти проекты времен Екатерины II и Александра I были достаточно хорошо известны обществу, мы получим более объемное понимание того, как современники видели великого князя.

Николай I уже находился на престоле, а к голове его старшего брата все продолжали примерять ту или иную корону, его профиль красовался на Константиновском рубле, его отречение воспевалось. Показательны сохранившиеся «Стихи на отказ его высочества цесаревича великого князя Константина Павловича от престола» В. А. Добровольского:

Внезапно дивный слух промчался
И всю вселенну удивил:
Монарх от царства отказался,
Престол брат брату уступил.

Что Петр и что Екатерина?
Что их великие дела
Перед делами Константина?
Пусть о них гремит хвала.

Они пределы расширяли,
Обширность царства своего;
Они престолы доставали:
Он отказался от него!

Когда рожденье и порода,
России вверенный закон,
Преданность войск, любовь народа,
Все, все – ему давали трон.

Но, гласу дружества внимая,

107 Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 100. См. также: Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

108 Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 57–101.

109 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 2.

110 Проект Наполеона был направлен на ослабление Пруссии (Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 86; Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 214).

Отверг величества титул,
На трон возвысил Николая,
Ему он первый присягнул.

В усердии царю поклялся,
Примером быть земли своей,
Он цесаревичем остался,
Но выше стал он всех царей.

Ему не нужны диадемы
И клятвы верности в словах;
Народом князь боготворимый,
Без клятв ты царствуешь в сердцах.

Тебе усердье, вместо трона;
Сердца людей – тебе чертог;
Любовь народная – корона;
Тебе титул – наш полубог!¹¹¹

Посредственные стихи «по случаю» довольно точно отразили саму суть проблемы и найденное императором Николаем решение последней. «Полубог» с короной народной любви на голове (безотносительно характера и репутации Константина) представлял опасность, расшатывая легитимность власти нового монарха. Нейтрализовать потенциальные проблемы надлежало при помощи нового нарратива «дружества», образа власти¹¹², в котором братьев – Константина и Николая – связывали теплые братские чувства и глубокое почитание памяти покойного Александра I. Аппеляция к «братской любви» стала частью политического

111 Альбом С. Д. Полторацкого // Русская старина. Т. LVI. 1887. Вып. 10–12. С. 138. Этот же автор ранее написал «Песнь на проезд через Москву 30-го ноября 1825 года», также посвященную Константину Павловичу:

Что, россияне, так вы уныли?
Где ваша слава – добрый ваш царь?
С кем вы Европы мир утвердили?
Ах! Он в могиле!.. тяжкий удар!!!

Нет его; лейте слезы реками.
Счастье с ним ваше в миг протекло!
Но успокойтесь: Константин с вами,
Нам его небо отцом нарекло.

Мы поклянемся быть ему верны:
Он Александру равен душой;
С ним на сраженьях раны примерны,
Брат Александра – царь и герой!

(Там же. С. 137). Интересно, что образ Константина, который представил С. Д. Полторацкий, похож на прочтение фигуры великого князя в ряде других источников. Так, А. М. Грибовский записал в своем дневнике по случаю похорон Константина в 1831 г.: «Процессия при провозе гроба Константина Павловича... Процессия шла.... в Петропавловскую церковь, где и положены будут его бранные останки вместе с коронованными особами, кажется, потому что он был уже признан императором. Таким образом кончил свой век этот чудак, который в молодости не знал границ своим желаниям, а после от царства отказался ... я с сожалением смотрел на его похороны. Где девались гордость, кичливость, великия о себе думы, коими он равнял себя богам!» ([Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 129).

112 Р. Уортман справедливо назвал его «династическим сценарием» (Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 336–388).

ритуала и одной из практик легитимации власти в первые годы царствования императора Николая.

Особые отношения между братьями постоянно подчеркивались. Неслучайно сцена объятий Николая и Константина после коронации 1826 г. в Успенском соборе Московского Кремля¹¹³ и описание шествия Николая по Соборной площади, «имея при особе своей двух ассистентов Цесаревича Константина Павловича и великого князя Михаила Павловича»¹¹⁴, стали ключевыми для формирования образа церемонии. Р. Уортман точно отметил, что «демонстрация привязанности была... использована, чтобы показать почтение цесаревича к младшему брату и развеять неопределенность отречения»¹¹⁵. Очевидно, что в ряде документов начала нового царствования Николай считал своим долгом отметить согласие Константина с принимаемыми установками. Так, в манифесте «О порядке наследия Всероссийского Престола и об опеке и правительстве в случае кончины Государя Императора до совершеннолетия наследника» (22 августа 1826 г.) регентом при наследнике в случае смерти Николая объявлялся великий князь Михаил¹¹⁶, но отдельно оговаривалось, что такое установление произведено «с предварительного одобрения любезного брата» Константина Павловича¹¹⁷.

Ситуация с передачей власти, впрочем, накладывалась на особенности характера и образа жизни каждого из братьев. Николаю было сложно выстраивать отношения с братом, который был старше его на 17 лет. Дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, объясняя суть отношений отца с великим князем, писала, что император относился «с уважением к тем двадцати годам, на которые он (Константин. – *Прим. авт.*) был старше»¹¹⁸. Показательно, что со старшим братом Николай I переписывался по-французски, а с младшим, Михаилом, более близким ему по возрасту и представлениям, – по-русски. При этом в переписке император любовно именовал младшего брата «любезный Михайло»¹¹⁹.

Существенную роль играла и та власть, которую сосредоточил в своих руках цесаревич в последние годы правления Александра I. Константин Павлович, как известно, постоянно жил в Варшаве со второй половины 1810-х гг. и был женат на польской аристократке. С 1815 г. он возглавлял польскую армию Александра I, а с 1817 г. командовал также Литовским корпусом, который формировался в западных – бывших польских – губерниях Российской империи. Будучи сторонником особого статуса Польши, он активно лоббировал интересы Царства уже в 1818–1819 гг.¹²⁰

113 См.: Vues des Cérémonies les plus intéressantes de Leurs Majestés Impériales l' Empereur Nicolas Ier et l' Impératrice Alexandra à Moscou. Paris: Firman Didot, 1828. P. 5.

114 Историческое описание Священнейшаго Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. С. 181–182. В описании братья появлялись еще несколько раз (император «с... чувством стремился потом облобызать Венценосную Мать Свою и Августейших братьев Константина Павловича и Михаила Павловича») (Там же. С. 198–199).

115 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 381.

116 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 537. С. 889–890.

117 Там же. С. 889.

118 Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж, отец, император / Под ред. Д. Тевекелян. М.: Слово, 2000. С. 187.

119 РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–17; Николай I. Письма великому князю Михаилу Павловичу. 31 мая 1828 – 5 мая 1843 гг. // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 345–464.

120 Каиштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 113.

Стоит отметить, что в работах, посвященных этому периоду и фиксирующих взгляд из России, великого князя Константина часто именуют наместником в Царстве Польском¹²¹. С точки зрения формальных позиций такая трактовка неточна – официальным наместником российского императора в Царстве с 1815 г. был Юзеф Зайончек. После смерти последнего в 1826 г.¹²² должность оставалась вакантной до 1831 г., то есть вплоть до появления на этом посту после подавления Польского восстания генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Вместе с тем великий князь Константин Павлович, безотносительно занимаемых должностей, воспринимался Петербургом как абсолютный представитель царя в регионе. Многочисленные русские источники, как документы официального делопроизводства, так и материалы личного происхождения, именуют великого князя Константина наместником в Польше применительно не только к первым годам николаевского царствования, но и к значительно более раннему периоду. Такая трактовка апеллирует к фактическому, а не формальному положению дел, то есть указывает на статус, а не на должность.

Константин Павлович был членом правящей династии, и его полномочия в регионе были беспрецедентны¹²³. В январе 1822 г. император Александр I подписал распоряжение, согласно которому Константину Павловичу была предоставлена «над губерниями Виленскою, Гродненскою, Минскою, Волынскою, Подольскою и Белостокскою областю... власть Главнокомандующего действующей армии». Этот документ остался практически не замеченным в литературе¹²⁴, а ведь именно это распоряжение устанавливало власть цесаревича над очень значительной территорией. Формально Константину присваивались «все права, власть и преимущества, предоставленные Главнокомандующему по учреждению действующей Армии»¹²⁵, однако в действительности с этого момента Константин контролировал регион, который включал в себя не только Царство Польское, но также бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав Российской империи в XVIII столетии. В архивных фондах сохранились прошения чиновников и дворян этих губерний к Константину относительно самых разных дел, никак не связанных с руководством армией. Речь шла прежде всего о финансах – вопросах прощения недоимок, расходования сумм земских сборов, дозволения «ввести обеспечительную или кредитную систему на обыкновенных правилах ипотеки» по примеру принятой в Царстве Польском и т. д. К цесаревичу обращались также в связи с дворянскими выборами и вопросами имущественного характера¹²⁶. При этом территории Виленской, Гродненской, Минской,

121 См., например: *Залевский М. Н.* Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). Франкфурт-на-Майне: б/и, 1978. С. 155; *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 167; Польша: политика, экономика, общество / Под ред. А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 31; *Назирова Р. Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. 2014. № 4 (6). С. 63.

122 В польских архивах сохранилось подробное описание церемониала похорон наместника российского императора в Царстве Польском Ю. Зайончека. Это масштабное действо продолжило череду печальных мероприятий 1826 г. в Варшаве (AGAD. F. 190. D. 91. K. 136–138).

123 Как показала О. С. Каштанова, авторы польских воспоминаний видели ситуацию более диверсифицированной – от указаний на активную роль великого князя Константина до оценки его позиции как совершенно нейтральной и далекой от государственных дел (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М.: Наука, 2008. С. 119–120).

124 Исключение составляет диссертация О. С. Каштановой, в которой этот эпизод анализируется как часть биографии Константина Павловича (*Каштанова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118).

125 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1–2 об.

126 Там же. Оп. 2. Д. 5379. Л. 1–11 об.

Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области именовались в документах «присоединенными от Польши губерниями» и «губерниями, состоящими под надзором Его Императорского Высочества Цесаревича»¹²⁷.

Особый статус Константина на этих территориях не был секретом для российского общества. А. Х. Бенкендорф пишет в своих «Воспоминаниях»: «Провинции, расположенные перед польскими землями – Вильно, Гродно, Белосток, Минск, Волынь и Каменец Подольский, находились под его (Константина Павловича. – *Прим. авт.*) командованием и управлялись военной администрацией»¹²⁸. В другом месте, рассуждая о взаимоотношениях Николая и Константина, шеф Третьего отделения замечает, что цесаревич «на протяжении многих лет... привык подчиняться только самому себе, вошел в обыкновение приказывать как начальник»¹²⁹. Схожим образом полномочия Константина описывали люди иного уровня информированности. Так, мемуарист О. Пржецлавский (Ципринус), оставивший воспоминания о времени, проведенном в литовских землях, указывал, что цесаревичу подчинялись «в административном порядке присоединенные от Польши губернии, западные, юго-западные и Белоруссия»¹³⁰. Примечательно и привлечение внимания Третьего отделения письмо неизвестного лица, в котором последний комментировал факт сосредоточения в руках Константина всей власти на бывших польских территориях следующим образом: «Вы же уже знаете, каких сил стоило Великому князю Константину овладеть польскими провинциями, принадлежащими России. Они вернулись к единственному управляющему»¹³¹.

По мнению О. С. Каштановой, такое усиление роли Константина в регионе стало итогом многолетней конкуренции между ним и императором Александром¹³². Исследовательница полагает, что, несмотря на павловский закон о престолонаследии 1797 г., который определял очередность занятия престола в Российской империи, «с 1799 г. в России фактически существовало два наследника престола: Александр и Константин, которому Павел пожаловал титул цесаревича 28 октября (8 ноября)», формально – за храбрость, проявленную великим князем при участии в суворовских походах конца века¹³³. Константин Павлович действительно проявил себя во всех отношениях достойно и был встречен в Петербурге как герой¹³⁴. В честь его возвращения в столице устроили серию балов, а в Эрмитажном театре был поставлен балет¹³⁵.

127 Там же. Л. 1 об., 4–5.

128 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 402–403.

129 Там же. С. 408.

130 Ципринус . Николай Николаевич Новосильцев // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1709.

131 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

132 Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 118.

133 Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 105. Титул «цесаревича» Константин сохранил за собой до самой смерти. См., в частности, материалы, связанные с его погребением в 1831 г.: РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–26.

134 Константин Павлович принял участие в Итальянском походе А. В. Суворова, был задействован в сражениях при Треббии (1799) и Нови (1799) (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 9*). Об этом см. также: Чечулин Н. Д. Константин Павлович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 9. СПб., 1903. С. 172–173.

135 *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 10*; Чечулин Н. Д. Константин Павлович. С. 173.

Обращает на себя внимание и тот факт, что организаторы переворота 11 марта 1801 г., стремившиеся к свержению с престола Павла I, рассматривали Константина как одного из возможных претендентов на престол¹³⁶. Конкуренция Константина и Александра, достигшая к началу 1820-х гг. своего пика, результировала в подписание в 1822 г. двух документов – отречения Константина Павловича от престола в пользу Николая Павловича¹³⁷ и упоминавшегося выше распоряжения о предоставлении Константину военной власти в западных губерниях. Таким образом был произведен обмен: отказ от престола был получен императором Александром ценой предоставления брату неограниченного контроля над западными территориями.

Дипломат и мемуарист П. Г. Дивов, рассуждая в своем дневнике о событиях 1831 г., пишет даже, что восстановление Польши было в конце концов одобрено Александром I, поскольку император «надеялся этим удовлетворить честолюбие брата, отказавшегося от русского престола вследствие своего брака с полькой». «Нам неизвестно, – продолжает дипломат, – какие надежды лелеял великий князь Константин Павлович, отказываясь от русского престола и видя себя на возрождающемся престоле Польши в качестве наместника своего брата Александра, но, обсуждая все его поступки с того момента, вплоть до кончины, мы имеем полное основание думать, что он замыслил занять независимое положение». В качестве независимых действий Константина Дивов указывает на замену русских солдат Литовского корпуса польскими, укрепление «на счет России» крепостей Модлин и Замосец и образование особой «министерской канцелярии»¹³⁸.

Если не иметь в виду особенности личности великого князя¹³⁹ и совершенно естественное для члена правящей династии неприятие бунтовщиков, позиция Константина в период его жизни в Царстве была ориентирована на интересы Польши. Стоит отметить, что Константин был, как и Александр, воспитан Лагарпом¹⁴⁰ и еще в юности много общался с Чарторыйскими¹⁴¹. К моменту вступления Николая на престол Константин Павлович более или менее постоянно жил в Варшаве около 10 лет¹⁴². 12 (24) мая 1820 г. Константин

136 Константин, у которого изначально сложились очень теплые отношения с отцом, не знал о готовящемся перевороте 11 марта 1801 г., отреагировал на убийство Павла I чрезвычайно болезненно и требовал повесить заговорщиков (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 3, 11*).

137 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3–4.

138 Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 525–526.

139 О. С. Каштанова отмечает, что Константин «соединял в себе множество разных натур», а его решения зачастую объяснялись реакцией на внешние обстоятельства (*Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников). С. 113*). Дочь императора Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, видевшая Константина лишь ребенком и отразившая в своих воспоминаниях, вероятно, некий существовавший в семье образ дяди, оперировала оппозициями в ориенталистском ключе: «У него [Константина] были качества полутатарского, полурусского-цивилизованного характера» (*Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 187). О восприятии Константина Павловича в Польше и репрезентации его образа в художественной литературе см. также: *Филатова Н. М. Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // Юлиуш Словацкий и Россия / Под ред. В. А. Хорева, Н. М. Филатовой. М.: Индрик, 2011. С. 38–52*.

140 *Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 4–5*.

141 Младший из братьев Чарторыйских, Константин, был назначен адъютантом к Константину Павловичу (*Ibid. P. 7*).

142 *Ibid. P. 25*.

обвенчался в Варшаве с польской аристократкой Иоанной (Жанеттой) Грудзинской, которой был пожалован титул княгини Лович¹⁴³. Брак Константина традиционно интерпретируется как история любви и преданности, однако возможна куда менее романтизированная трактовка, в рамках которой Лович стала польским «проектом влияния» на великого князя, официально являвшегося наследником российского престола. Интересно, что в польском историческом фильме «Княгиня Лович» 1932 г. в одной из сцен главная героиня появляется в горностаевой мантии, с лентой через плечо и подобием короны на голове, то есть предстает в образе императрицы.

Один из современников отмечал, что «польское общество в Варшаве чрезвычайно обрадовалось свадьбе цесаревича», питая надежды «иметь легчайший доступ к нему (Константину Павловичу. – Прим. авт.) через посредство княгини», а все родственники Лович «даже самые дальние поднялись на 100 процентов»¹⁴⁴. Вероятно, речь шла об использовании устоявшегося шаблона, задействованного несколькими годами ранее в отношении Наполеона в связи с его романом с Марией Валевской.

К середине 1820-х гг. Константин практически перестроил собственное «я» на польский манер: он мог именовать себя «поляком», а Царство Польское – «страной» и был склонен в сочетании прилагательных «русский» и «польский» акцентировать второе слово¹⁴⁵. Он практически не бывал в Петербурге, воспринимая столицу империи как пространство едва ли не враждебное, наполненное врагами, главной целью которых было устройство разлада между ним и императором Николаем¹⁴⁶. Без сомнения, великий князь находился в это время под сильным влиянием католичества. Рассуждая на предмет веротерпимости и собственной религиозности, Константин вполне мог назвать себя «грекокатоликом». Он писал в январе 1828 г. Лагарпу: «Моя жена принадлежит к этому вероисповеданию (римско-католическому. – Прим. авт.), держится его чрезвычайно ревностно; это весьма деликатная струна, которую трудно с ней затрагивать мне, *греко-католику*. Иногда я эмансипируюсь на счет этой знаменитой секты и всего, что нее касается, не заходя, впрочем, слишком далеко...»¹⁴⁷

143 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Издание Суворина, 1898. Т. 4. С. 176. Пожалованию титула предшествовал указ императора Александра I о даровании имени Лович, некогда принадлежащего примасам Польши, великому князю Константину Павловичу в знак благоволения за заслуги по формированию польских войск (Устимович М. П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (историческая заметка). Варшава, 1894. С. 118–119).

144 [Колзаков К. П.] Княгиня Лович. Розыск К. П. Колзакова. С. 400.

145 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 234. См. также более поздние материалы, в которых Константин рассуждает о самом себе, например: Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. // Военский К. Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905. С. 120. Следует отметить, что таким положение дел было не всегда. Риторика Константина Павловича периода Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, напротив, прямо апеллировала к категориям русского национального. Показательно его высказывание, направленное против М. Б. Баркля-де-Толли, зафиксированное современниками в 1812 г. во время отступления русской армии к Смоленску. Великий князь позволил себе критику командующего, прямо объявив, что из-за немцев проливается русская кровь (Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 15). Обнаруживать в себе русского Константин вполне мог и для подкрепления того или иного аргумента. Так, в письме Лагарпу в 1827 г. великий князь писал: «Да будет счастлива дорогая и великая Россия, да не увидит она более печальных и гнусных сцен, да будет она велика не только своим пространством, но истинными чувствами чести, которые должны ее поддерживать и внушать к ней уважение ибо без этого сила ее не была бы непоколебима. Здесь я говорю как русский, любезный наставник...» (Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 68).

146 Walker F. A. Constantine Pavlovich: An Appraisal // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 3. P. 450.

147 Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829. С. 73.

С течением времени у великого князя сложилось достаточно четкое представление и о собственной миссии – представительстве за поляков (в тех формах, которые он полагал верными) перед Петербургом и императором Николаем. Ирония ситуации заключалась в том, что с течением времени Константин Павлович становился все менее и менее популярным в Царстве Польском, что было связано с непредсказуемостью его действий и страстью к парадом. Цесаревичу хоть и не прямо, но ставили в вину репрессии против членов тайных обществ, ограничения в преподавании польской истории и литературы¹⁴⁸, а его роль адвоката польских прав и позиций была мало кому известна в Варшаве¹⁴⁹.

Нельзя не отметить замечательную во многих отношениях историю участия Константина Павловича в работе представительных органов Царства Польского. Великий князь был депутатом польского сейма. Он получил этот статус в 1818 г. и сохранил его вплоть до восстания 1830–1831 гг.¹⁵⁰ По официальной версии, инициатива депутатства Константина исходила одновременно от самого великого князя и от польских горожан. В подписанном Александром I в этой связи документе говорилось, что «император Всемиловитейше соизволяет совместному желанию его высочества и обывателей Новой Праги»¹⁵¹.

Константин был символично выбран депутатом от Праги – варшавского предместья, со стороны которого войска А. В. Суворова штурмовали город во время восстания Т. Костюшко в 1794 г.¹⁵² Апеллируя к событиям конца прошлого века, цесаревич демонстрировал стремление искупить русские грехи перед поляками.

Екатерининская политика в отношении Польши уже к концу 1800-х гг. характеризовалась императором Александром I как «не соответствующая духу времени»¹⁵³. К моменту начала Венского конгресса у русского общества сформировалось устойчивое понимание, что монарх «почитал долгом совести загладить великое политическое преступление, совершенное с Польшей»¹⁵⁴. Константин Павлович был согласен с братом-императором в его стремлении «изгладить следы продолжительных невзгод», которые Россия причинила Польше¹⁵⁵. «Нет поляка, – рассуждал великий князь, – к какой бы партии он ни

148 В большей степени критике подвергался Н. Н. Новосильцев, доверенное лицо великого князя Константина Павловича.

149 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 96.

150 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. СПб., 1903. Т. 113 (март). С. 420.

151 Там же.

152 Примечательный выбор территории для представительства в сейме отметил историк Н. К. Шильдер, зафиксировавший факт избрания Константина депутатом от Праги – предместья, «некогда взятого штурмом Суворовым», однако не решившийся интерпретировать его (Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 90).

153 Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848 / Сост. В. С. Нечаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 148. Формулировка «дух времени», к которой решил прибегнуть император, чрезвычайно активно использовалась в польской политической риторике этого периода (Bujarski G. T. Polish Liberalism, 1815–1823: The Question Of Cosmopolitanism And National Identity // The Polish Review. 1972. № 2 (17). P. 17; Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 51). Это означает, что, рассматривая екатерининскую политику, Александр I опирался на польскую интерпретацию последней.

154 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 4. С. 421.

155 По мнению ряда исследователей, Константин Павлович был даже более радикален в этом вопросе. Великий князь не стремился усвоить александровскую позицию прощения по отношению к Екатерине II (Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 7).

принадлежал, который не был бы убежден в истине, что его отечество было захвачено... Екатериною в продолжении трех произошедших разделов, которая поступала так в мирное время и без объявления войны, прибегнув при этом ко всем *наиболее постыдным средствам, которыми побрезговал бы каждый честный человек ... захват – постыдный грабеж, который рано или поздно падет на голову грабителя* »¹⁵⁶. А. Чарторыйский вспоминал также, что «великий князь Константин, не разделявший либеральные воззрения своего брата, сходил с ним во мнениях насчет образа жизни и характера императрицы Екатерины». Князь указывал, что «несколько раз слышал, как он (Константин Павлович. – *Прим. авт.*) отзывался о своей бабке и при ее жизни и позже, когда ее не стало, с безмерной резкостью и в грубых выражениях»¹⁵⁷. Взгляд Константина на историю разделов Польши прямо отражал польскую интерпретацию событий, которая в России сосуществовала с позицией диаметрально противоположной и нашедшей свое отражение в известном письме Карамзина Александру I¹⁵⁸.

Отношение Константина к его депутатскому статусу было двойственным, особенно учитывая, что великий князь видел себя потенциальным королем или по крайней мере благодетелем Польши. Вероятно, оно менялось с течением времени: в 1818 г. цесаревич мог определять свое депутатство как «комедию» или «фарс»¹⁵⁹, да и в 1820-е гг. вполне мог иронично именовать заседание сейма «пиесой гратис» или «нелепой шуткой», а собственное присутствие на нем – разыгрыванием «роли прагского депутата»¹⁶⁰. Вместе с тем, принимая новый статус в 1818 г., цесаревич посчитал необходимым подчеркнуть лояльность новым установкам и польской традиции. Он писал графу Соболевскому, что «чувствительно тронут выражением... доверия» со стороны поляков, и просил своего респондента сообщить о том, когда именно он мог бы приступить «к исполнению новых обязанностей»¹⁶¹. Безотносительно его реакций на происходящее, Константин неизменно подчеркивал свой статус, присутствуя на сеймах 1818, 1820, 1825 и 1830 гг.¹⁶² и активно апеллируя к польской конституции.

В практическом отношении, кроме обеспечения безопасности династии или вопросов, которые, по мнению великого князя, затрагивали его собственное эго, Константин Павлович был готов поддержать любой пропольский проект. По меткому замечанию А. Х.

156 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 297.

157 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 98–99.

158 О дискуссии применительно к действиям Екатерины II в связи с польским вопросом см.: Dixon S. The Posthumous Reputation of Catherine II in Russia 1797–1837 // The Slavonic and East European Review. 1999. Vol. 77. № 4. P. 675.

159 ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 1. Л. 29; Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 69.

160 ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 1. Л. 29; Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 88; Он же. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

161 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 420.

162 А. С. Меншиков писал об этом А. А. Закревскому в 1818 г. из Варшавы: «Вчера Государь открыл сейм речью прекрасною... Михаил Павлович заседал с сенаторами, а Цесаревич с депутатами города Праги» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 428).

Бенкендорфа, Константин «протезировал замыслам поляков»¹⁶³. Коронация 1829 г. была одним из таких замыслов.

1.3. Мучительная переписка

Отношения Константина и Николая после отречения первого и вступления на престол второго представляли собой постоянную конкурентную борьбу, ни затихавшую ни на мгновение. Для Константина, с учетом его противоречивых отношений с Александром I, конфликт был апробированной стратегией поведения, в рамках которой Николай просто занял место покойного монарха. К тому же вся история с отречением предоставляла великому князю моральное право давить на Николая, апеллируя к чувству благодарности, которое надлежало испытывать последнему. Время от времени Константин позволял себе упреки, что не получил должного внимания или положительного ответа на тот или иной запрос, притом что отказался в пользу брата от престола¹⁶⁴. При этом речь могла идти о вполне публичном проявлении недовольства. Так, Михаил Чайковский в своих «Записках» вспоминал, что генералы и адъютанты великого князя рассказывали в войсках, как во время одного из приемов в Бельведерском дворце Константин выразил недовольство изменениями в униформе польских войск, которые ввел Николай. Константин будто бы заявил: «Я отдал ему (Николаю I. – *Прим. авт.*) корону, а он не хочет оставить мне лампасов»¹⁶⁵. Без сомнения, информация о подобных тирадах достигала Петербурга. Можно предположить, что Николай испытывал непростую гамму чувств – от признательности до раздражения от постоянной неуступчивости Константина. Читая переписку братьев, сложно отделаться от ощущения, что общение с Константином Павловичем было для императора Николая I постоянной пыткой.

Сложность в отношениях между братьями отмечали и современники, находившиеся на разных ступенях административной лестницы, например А. Х. Бенкендорф и П. Г. Дивов¹⁶⁶. Последний, много писавший о том, насколько серьезной помехой для действий императора в регионе был Константин, так описывал финал этих отношений: «Июня 18-го (1831 г.) получено известие о кончине великого князя Константина Павловича, умершего в Витебске от холеры... Вице-канцлер заметил, что император весьма огорчен; да, – отвечал я, – он оплакивает смерть брата, и более ничего»¹⁶⁷.

К началу дискуссии о практической стороне коронации, которая развернулась в 1828 г., Николай уже имел опыт взаимодействия с Константином. Он выдержал серьезный раунд обсуждений по вопросу о присоединении Литвы к Царству Польскому. В этих политических дебатах Константин с жаром выступал за реализацию обещанного Александром воссоединения территорий Польши¹⁶⁸, а Николай, напротив, выражал явное несогласие.

Император представлял свою позицию, оперируя категориями этнического порядка: он прямо называл Константина «поляком», а себя – одновременно «русским и поляком». Так, 14

163 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

164 [Буткевич.] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 592.

165 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 5. С. 164.

166 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409.

167 Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 525.

168 По мнению Н. К. Шильдера, «цесаревич упорно отстаивал Александровскую точку зрения, усвоенную во время десятилетнего пребывания своего в Варшаве» (Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 295). Подробнее о позиции Александра I в отношении присоединения литовских территорий к Царству Польскому см. главы 6–7.

(26) марта 1827 г. Николай писал брату: «Я остаюсь при глубоком убеждении, что продолжать питать и поддерживать идеи, которые заведомо невозможно осуществить вследствие неудобств, крайне важных и влекущих серьезные последствия, значило бы совершенно не выполнить наш долг, как русских. Вы сами высказали это Грабовскому: „будьте поляком, что же касается меня, я – русский и останусь русским“. Я же говорю: „будьте поляком, а я сам буду и тем, и другим“»¹⁶⁹. В другом письме, в котором был затронут вопрос литовских территорий, Николай I не менее экспрессивно – в духе, свойственном эпохе, – писал, что ничто не может ему помешать быть «*столь же хорошим поляком, как и хорошим русским*»¹⁷⁰. Само по себе такое конструирование политического «я» мало кого могло бы поразить, если бы речь не шла о представителях дома Романовых. По сути, в этой корреспонденции Николай и Константин демонстрировали, что определение их «русскости» прямо зависит от фигурирующей в разговоре территории: при дебатировании польского вопроса российскому императору предписывалось воспринимать себя русским лишь наполовину, предоставляя при этом брату привилегию не быть русским в принципе. Свою польскую идентичность Николай определял приверженностью конституции и охраной привилегий жителей Царства¹⁷¹, а русскость – связью с армией.

Спор братьев о статусе литовских территорий обернулся обсуждением судьбы Литовского корпуса, которым командовал Константин. Здесь соположение русского и военного стало определяющим для аргументации Николая. «Оставим все в... настоящем положении, – писал он брату, – не пойдем далее этого, будем сопротивляться тем, которые пожелали бы идти далее (к объединению литовских территорий и Царства Польского. – Прим. авт.) и, по крайней мере, сохраним в войсках сознание, которое вы так хорошо поддерживали в них до сих пор, что они русские»¹⁷². В другом письме он отметил: «...пока я жив я не могу потерпеть ни малейшей попытки сверх этого (сохранения привилегий Царства Польского. – Прим. авт.)... поэтому необходимо, чтобы часть Вашего комплектования была набрана в русских губерниях... К несчастью, старые русские офицеры Вашего корпуса исчезают, а большинство молодежи – поляки; через десять лет поляки будут русскими лишь по названию, а в сущности будут польскими; пора подумать предотвратить это»¹⁷³.

В письме Константину от 12 (24) ноября 1827 г., которое сам император назвал «исповедью, каковою она была бы перед Богом»¹⁷⁴, Николай пошел дальше. «У нас... для Литовского корпуса существует особая форма; – писал он великому князю, – до тех пор, пока ее носят русские, это не представляет никакого значения, так как *какой бы цвет ни заставляли их носить, они останутся русскими*, но дело обстоит иначе с поляками, в глазах которых этот цвет приобретает значение, клонящееся к поддержанию в них надежды, ныне немыслимой, возвратиться к королевству, отделившись от империи»¹⁷⁵. Показательно, что Литва предстает в этом письме в двух ипостасях – она и чужая (цвета Литовского корпуса

169 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 296.

170 Там же. С. 298.

171 В одном из писем император писал брату: «Я доказал и при каждом случае буду доказывать это строгим и верным соблюдением и охранением привилегий, которые наш покойный ангел даровал королевству» (Там же. С. 298–299).

172 Там же. С. 296.

173 Там же. С. 298–299.

174 Там же. С. 301–302.

175 Там же.

необходимо менять¹⁷⁶), и при этом своя, названная «русской провинцией», которая не может «возвратиться к Польше, потому что это бы значило посягать на целостность империи»¹⁷⁷. Польша же, названная здесь королевством, оказывается поставленной на один уровень с Россией, то есть определенной как политический субъект. Все это сочетается с вполне прямым изложением позиции императора относительно русского, соположенного с военным; Николай прямо говорит о давлении, оказываемом на русских (в данном случае – на офицеров и солдат): их *заставляют* носить литовские цвета. При этом император выражает уверенность, что, даже если принуждать русских носить литовские мундиры, они не перестанут быть русскими, то есть останутся лояльными династии и стране.

Зимой 1826 г. цесаревич впервые за долгое время приехал в Петербург¹⁷⁸. Это вызвало в обществе многочисленные толки и слухи. Говорили, что Константин Павлович явился в столицу «по делу польского тайного общества» или для того, чтобы «отсоветовать государю вести войну с Турцией»¹⁷⁹. Много разговоров велось и вокруг Литовского корпуса. В обществе полагали, например, что «якобы назначен в оные войска главнокомандующим генерал Красинский, войско же оное будет стоять на границе близ Крякова» (Кракова. – *Прим. авт.* .) и что «будто польское войско будет разделено между российским для уничтожения часто встречающегося в Польше бунта»¹⁸⁰. Очевидно, что при взгляде из столицы позиция великого князя в Царстве Польском казалась пошатнувшейся.

Примечательно, что к великому князю был приставлен агент, составлявший донесения о действиях Константина Павловича во время пребывания в Петербурге. Испещренные грамматическими ошибками и описками записочки позволяют увидеть все перемещения и встречи великого князя в городе. Константин не переставал демонстрировать связь с Польшей: на столичных балах он появлялся одетым в польское платье¹⁸¹, его регулярно посещали жители польских территорий империи¹⁸². Цесаревич часто виделся с братом – великим князем Михаилом Павловичем и матерью – императрицей Марией Федоровной, однако, судя по этим материалам, за две недели, проведенные в Петербурге, император навестил брата лишь однажды¹⁸³. Очевидно, это была не единственная встреча – при дворе в это время было организовано несколько балов. И все же образ «братской любви» зримо померк. По мере того как император обретал большую уверенность, практическая необходимость публичной демонстрации чувств к старшему брату, по крайней мере в Петербурге, перестала быть насущной необходимостью. Тем более что приблизительно в это время Константин инициировал новый спор с императором. Речь шла о вступлении России в войну с Турцией.

Еще находясь в Петербурге, цесаревич вполне публично и при этом в свойственной ему грубой манере высказывался против планов открытия боевых действий. В письмах генерал-фельдмаршалу Ф. В. Остен-Сакену Константин утверждал, что «откровенно и гласно

176 Литовский корпус получил при Николае I мундиры с русскими цветами (*Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 295).

177 Там же. С. 301.

178 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 44–54; *Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

179 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53.

180 Там же. Л. 47, 52.

181 Там же. Л. 44.

182 Там же. Л. 44–53.

183 Там же. Л. 48.

высказывал мнение... что иметь... войну нет никакой в виду пользы». «Начать оную весьма легко, – отмечал великий князь, – какой же будет конец одному Богу известно. Надеяться на свою силу не можно»¹⁸⁴. Великий князь, очевидно, не приукрашивал собственные действия. Это подтверждают и записки приставленного к нему агента, который сообщал: «Рассказывают будто бы Цесаревич целые 4 часа был запершись в комнате с графом Дибичем, который якобы большой приверженец войны и хотел с жаром убедить о пользе оной. Цесаревич будто бы насмехаясь над горячностью графа в шутку сказал, что ему надобно поставить промывательные из холодной воды и что на бале все задевали графа словами „Холодной воды! Холодной воды!“»¹⁸⁵

Вернувшись в Польшу, Константин продолжил давление на Николая в переписке. Он пытался переключить внимание императора на европейские дела, утверждая, что «враги с запада с легкостью могут начать действовать», что Запад сделает все, чтобы «занять» Россию войной на Востоке, что так будет нанесен «удар... достоинству и... могуществу» императора¹⁸⁶. Николай, как и в переписке о будущем литовских территорий, был вынужден балансировать между необходимостью отстаивать собственную позицию и стремлением угодить брату. Он отвечал, что разделяет мнение цесаревича относительно Европы («Запад делал, делает и будет делать все, что в его силах, для того, чтобы... парализовать наши силы»), однако отказываться от своих планов не желал¹⁸⁷.

Как всегда, Константин использовал апелляции к Александру I. Стремясь отговорить брата от объявления войны Турции, он писал Николаю: «Я никогда не позволю себе, дорогой брат, намечать Вам начала, которых вы должны придерживаться... и если иногда я высказываю вам с присущей мне откровенностью истину, – то, что я признаю истиной в душе, – это является ничем иным как следствием привычки, привитой обыкновением поступать так в отношении нашего покойного бессмертного императора и побуждающей меня действовать подобным образом, – *следствием священного слова, данного ему мною поступать так и в отношении вас, как только его не станет*, – что было потребовано им от меня под клятвою»¹⁸⁸. Однако на сей раз стало понятно, что использовать политику, правила и начинания, завещанные «покойным бессмертным императором», в качестве аргумента в споре мог не один Константин. Николай усвоил эту манеру достаточно быстро – если цесаревич считал возможным поучать его по праву, предоставленному лично Александром I, то Николай мог действовать в соответствии с памятью о великом монархе-брате. Он поведал великому князю о том, что вступить в войну его побуждает не что иное, как долг и стремление завершить дело, начатое Александром I, намеревавшимся покончить с «вечным источником раздора»¹⁸⁹. Примечательно, что в этом же письме Николай I, рассуждая на тему будущей войны на Востоке, прямо писал, что в отношении Европы «чем больше мы будем *придерживаться нашего собственного права*, тем лучше все будет»¹⁹⁰. Отметим – этот аргумент при обсуждении дел на Западе, в Польше, в переписке Николая не звучал.

184 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 518–519.

185 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 53–53 об.

186 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 211.

187 Там же. С. 213.

188 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 522.

189 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

190 Там же.

Споры о смысле Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вскоре переросли в дискуссию относительно присутствия польских войск на театре военных действий. Николай I задумал перебросить польскую армию к Дунаю¹⁹¹, присоединив ее к русским войскам. Император надеялся таким образом создать на полях турецкой войны русско-польское братство по оружию. Борьба с турецкой угрозой должна была, по мысли монарха, стать объединяющим началом. А. Х. Бенкендорф так описывал идею Николая: «...император чувствовал потребность более тесного объединения двух наций, ощущал особенную пользу от присылки войск и от *братания* их с русскими войсками. Он попросил своего брата прислать в Дунайскую армию небольшую часть польских войск»¹⁹².

Надо сказать, что нарратив единения против «исконного врага» – Турции – оказался впоследствии, во время подготовки и проведения коронации, одним из самых востребованных. Однако в начале 1828 г. сделать на это ставку Николаю не удалось – Константин выступил против предлагаемого плана с предсказуемой резкостью.

Продолжая рассуждать об опасности, которая исходила от Запада, и доставляя императору надуманные сведения об угрозах со стороны Пруссии, проводившей, по словам цесаревича, активную мобилизацию на присоединенных польских территориях¹⁹³, он в конечном итоге вынудил Николая отказаться от использования польской армии. Едва ли император был в полной мере убежден в агрессивных настроениях в немецкой Польше (пруссский король был его тестем, да и в переписке с братом Николай не был склонен обсуждать проблемы в отношениях с Пруссией), но прямо приказать Константину монарх не решился. Как справедливо отмечает Н. К. Шильдер, в это время Николай «действовал вполне независимо от советов старшего брата, но вместе с тем избегал, по возможности, предпринимать что-либо ему неприятное»¹⁹⁴.

И все же идея хотя бы символического оформления единения двух армий на поле боя («братания», по меткому замечанию Бенкендорфа) была слишком близка императору. В письме от 19 апреля (1 мая) 1828 г., сообщив брату, что «жребий брошен» и он отправляется на театр военных действий, Николай выразил (что примечательно – в постскриптуме) желание иметь при себе нескольких польских офицеров¹⁹⁵. Но даже такой жест показался Константину неприемлемым, и спор братьев перешел на новый уровень. Цесаревич фактически обвинил Николая в том, что император стремится дискредитировать его репутацию в Польше. Он заявил, что необходимость выбрать польских офицеров для отправки на войну ставит его в «затруднительное положение», поскольку «этот выбор может оскорбить тех, на кого выбор не падет... они (поляки. – *Прим. авт.*) увидят покровительство», а после возвращения «проявится зависть, а отсюда дразги и т. д.». Великий князь указывал, что покровительство было как раз тем, что он «избегал делать на протяжении последних 14 лет», резюмируя, что «нет ничего более опасного, чем подобные вещи»¹⁹⁶.

Опасаясь, вероятно, что, несмотря на давление, этот раунд все-таки может быть проигран, Константин Павлович вновь написал императору несколько дней спустя. Он

191 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

192 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

193 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 520; Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

194 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 519.

195 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 220.

196 Там же. С. 225–226.

разыграл последнюю карту – обратился к брату с просьбой одобрить его прибытие на театр военных действий вместе с польскими офицерами: «...если я должен сделать выбор поляков... и если я не иду с ними, что они подумают обо мне? Каково будет их мнение на мой счет после того, как я был с ними на протяжении 13–14 лет... Видите ли Вы, неприятное положение, в котором я оказываюсь. Я мучал их в мирное время, но в момент опасности, я остаюсь позади и отправляю их одних без меня и без поддержки. Чувствуете ли Вы, дорогой брат, унижительность моей ситуации и что я не надеюсь заслужить тот пост, который я занимаю по воле Императора... В остальном все будет так, как Вы пожелаете»¹⁹⁷. Император отвечал на это, что был бы счастлив видеть Константина во главе его войск, участвующих в войне против Турции, однако добавлял в конце: «...я не думаю, что это когда-нибудь будет возможно или необходимо»¹⁹⁸. Итогом схватки стала ничья – 18 польских офицеров все-таки присоединились к русским войскам на Балканах¹⁹⁹, а Константин Павлович остался следить за военными действиями русской армии из Варшавы²⁰⁰.

Эпизод с неучастием польской армии в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. активно обсуждался в польском обществе, высказывались соображения, что если бы идея привлечения поляков к участию в этой войне была реализована, то польские войска «снискали бы этим царскую милость»²⁰¹. Интересно, что такая трактовка переключалась на страницы исторической литературы, обретая черты рассказа об упущенном шансе на русско-польское примирение. Так, Н. К. Шильдер, бывший, что примечательно, историком и военным, резюмировал в этой связи: «...благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армия осталась нетронутой в царстве и, по-прежнему, продолжала спокойно упражняться во всех тонкостях гарнизонной службы под требовательным оком своего главнокомандующего, а тайные общества могли беспрепятственно продолжать в рядах ее свою подпольную, разлагающую работу, которая благодаря близорукому упорству цесаревича привела ко взрыву 1830 года»²⁰². Шильдер размышляет здесь, по сути, в парадигме, предложенной самим императором Николаем I. Согласно последней, единение на поле боя позволило бы оставить позади прежние противоречия. Нет сомнения, однако, что трактовка может быть и иной – участие в войне укрепило бы ее польских участников в видении себя, собственной храбрости и прав на политическое высказывание, что не предотвратило бы взрыв.

Обсуждение собственно польских дел в переписке двух братьев в 1826–1829 гг. никогда не исчезало, а общий тон дискуссии оставался тревожным. Цесаревич постоянно внушал Николаю беспокойство в связи с ситуацией в Польше. Чем больше времени проходило после

197 Там же. С. 243.

198 Там же. С. 246–247.

199 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 522. А. Х. Бенкендорф так описывает произошедшее: «...одна фраза великого князя поразила благородное сердце императора и заставила его отказаться от этого интересного проекта. Великий князь написал, что его честь будет задета, если на войну отправятся войска, которые он формировал, а он сам не сможет разделить с ними опасности и славу» (Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404). Цесаревич вместе с тем согласился с решением императора об определении нескольких польских офицеров на театр военных действий и через Бенкендорфа поблагодарил брата за «благорасположение» к ним (Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 324).

200 В военной канцелярии цесаревича сохранились описания сражений, включая взятие Варны, реляции, выписки из журналов, цветные карты и прочие сведения о ведении боевых действий в Турции (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 567 (1828–1830 гг.). Л. 269–303 об.).

201 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садых-паши). С. 164.

202 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 3. С. 523.

восстания декабристов, тем реже Константин готов был сообщать в Петербург, как в дни мятежа на Сенатской площади, что «здесь (в Варшаве. – Прим. авт.) все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами»²⁰³. При этом Константин мог предлагать, часто в одном и том же письме, противоположные оценки ситуации в регионе. Так, в мае 1828 г. он писал Николаю I в связи с судом над членами тайных обществ в Польше: «Наш печально известный долгий процесс движется к своему концу и публичные прослушивания будут закончены в понедельник, послезавтра, после чего приступят уже к суду. *Слава Богу, в стране все спокойно* ». Однако уже в следующем абзаце он сообщал Николаю, что информация о строительстве крепости в прусской Польше у границы с Царством «очень беспокоит жителей ... и заставляет их об этом судачить»²⁰⁴. Ровно так же великий князь вел себя в связи с решением сенатского суда, оправдавшего членов польских тайных обществ. Поддерживая императора в его возмущении против принятой резолюции, он одновременно заводил разговор об «исключениях» и необходимости вникнуть в суть самого появления недовольства в польском обществе²⁰⁵.

Поводом для отсылки в Петербург противоречивых сведений об общественных настроениях в Польше стали для Константина даже успешные действия русской армии под Варной. Он сообщал графу А. Х. Бенкендорфу, который в какой-то момент стал посредником в коммуникации между братьями: «Я не нахожу слов, любезный генерал, чтобы выразить Вам радость... Прошу вас положить к стопам Его Величества мои самые искренние поздравления по этому случаю. Смею сказать, что мы с нетерпением ждали хороших известий... так как... мы потерпели от турок несколько неудач... *эти самые неудачи, которых нельзя было скрыть от публики, несмотря на бдительный надзор над ввозом иностранных газет, в некоторой степени оживили и ободрили недовольных, число которых, впрочем, очень незначительно* . Они с жадностью бросались на газеты и в особенности французские, на которые они смотрят как на Евангелие, и уже начали, так сказать, подымать нос»²⁰⁶. Этот отрывок очень показателен для понимания того, как выражал свои мысли Константин. Отмечая незначительное число недовольных, он сопровождал свой рассказ ярким описанием того, как последние «с жадностью бросались» на французские газеты. Выразительный образ провоцировал чувство тревоги. В этом отрывке важна не столько оценка Константином военной кампании 1828 г. (она во многом соответствовала реальному положению дел²⁰⁷), сколько стремление великого князя возвращать всё и вся к польским делам, указывая, что именно этой территории должно уделяться максимальное внимание, поскольку стабильность здесь неочевидна.

А. Х. Бенкендорф, рассказывавший в своих «Воспоминаниях» о коронации императора в Варшаве в 1829 г., прямо связывал решение Николая I провести церемонию с теми сомнениями, которые монарх испытывал в отношении Константина. По мнению главы Третьего отделения, император, стремившийся к постепенному пересмотру решений Александра I применительно к польским землям и испытывавший постоянное сопротивление

203 Там же. Вып. 2. С. 277.

204 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 226.

205 Там же. С. 235; Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8 (сентябрь). С. 387.

206 Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 327–328.

207 В переписке современников можно найти не менее яркие эпитеты. Так, А. А. Закревский писал П. Д. Киселеву: «Взятием Варны ваша кампания кончилась не так унижительно, как бы без оной таковую привели к концу» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 309).

со стороны цесаревича, хотел «увидеть все своими глазами»²⁰⁸. Едва ли, впрочем, речь шла о сборе информации. Скорее к концу 1828 г. Николай I серьезно задумался о необходимости укрепить свою позицию в польских землях, изменить баланс сил в регионе, сделав более зримым себя, и отодвинуть брата, так измучившего его постоянными спорами и давлением, на второй план²⁰⁹. В январе 1829 г. он писал Константину: «Вероятно, наш процесс (над членами Патриотического общества. – Прим. авт.) скоро закончится и с Божьей помощью я смогу оказаться в Варшаве с женой и сыном, как я и планировал это»²¹⁰.

1.4. «Магический талисман» против Орленка

В исключительно небольшой историографии, посвященной польской коронации Николая I, вопрос о причинах, побудивших императора провести церемонию, является дискуссионным. Чаще всего коронация предстает эпизодом из истории непростых русско-австрийских отношений первой половины XIX в.²¹¹ или объясняется стремлением императора привлечь на свою сторону польскую аристократию, сгладив последствия судебного процесса над членами Патриотического общества²¹². При этом последний аргумент оказывается также связанным с «австрийской темой» – Россия и Австрия предстают конкурентами в борьбе за польские земли и популярность среди поляков.

В правление императора Николая I взаимоотношения России и Австрии напоминали русские горки, и в начале царствования движение шло по нисходящей линии. В литературе утвердилось представление, что разлад начался еще при Александре I и был вызван соперничеством в польских землях. Принято также думать, что Австрия опасалась укрепления России на Востоке и, используя формулировку австрийского министра иностранных дел К. фон Меттерниха, возврата к «политике и стремлениям русских государей XVIII века»²¹³ – рассматривалась даже возможность поддержки Турции в войне с Россией 1828–1829 гг. Обсуждение этого вопроса пришлось на первый год войны – не слишком удачный для русского оружия²¹⁴.

Этот период сменился временем примирения и восстановления добрых отношений. Как известно, в 1849 г. войска императора Николая I по просьбе австрийского монарха, 18-

208 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 403.

209 О. С. Каштанова высказала предположение, что император намеревался «дискредитировать Константина Павловича» в связи с его приверженностью идее императора Александра I присоединить к Царству Польскому Литву (Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41). В 1827 г. Николай и Константин действительно горячо обсуждали вопрос изменения территории Царства; к моменту принятия решения о коронации разговоры такого рода отошли в прошлое. Как будет показано дальше, коронация была выстроена исходя из стремления произвести на поляков максимально выгодное впечатление. Она должна была пробудить надежды, а не лишить их.

210 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

211 С. М. Фалькович, например, полагала, что Николай I был вынужден провести коронацию в Варшаве, чтобы «не дать „Орленку“ себя опередить» (Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406). См. также: *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5 (86). S. 15–28.*

212 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41; Аскенази III. Царство Польское. 1815–1830 гг. С. 97; *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28; Kowalczykowa A. Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie // Rocznik Warszawski. 1987. Т. XIX. S. 108.*

213 Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. СПб., 1889. С. 53–55.

214 Там же. С. 54–55.

летнего Франца Иосифа, приняли участие в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. Император Николай I получил послание из Вены, находясь в Москве, где монаршая семья присутствовала при освящении только что построенного Большого Кремлевского дворца. Все произошло в пасхальную ночь. Великая княжна Ольга Николаевна так вспоминала этот момент: «Это была одна из самых красивых, но и самых утомительных церемоний в моей жизни: она длилась с полуночи до четырех часов утра. По ее окончании Папа (император Николай I. – *Прим. авт.* .) получил депешу от юного Франца Иосифа Австрийского, просившего своего союзника о помощи против Венгерского восстания. Австрийская империя была в опасности. Папа сейчас же подписал приказ о походе русских войск»²¹⁵. Как пишет историк Е. В. Тарле, «австрийский генерал, который весной 1849 г. прибыл в Варшаву умолять Паскевича о помощи против Венгерской революции, в припадке сильного чувства даже стал на колени пред русским фельдмаршалом. И в тот момент этот жест очень точно символизировал отношение австрийской дипломатии к Николаю Павловичу»²¹⁶.

Интересна решительность или, быть может, поспешность, с которой, судя по словам дочери, император подписал приказ. Помимо очевидной приверженности охранительным принципам и резкого неприятия революционных движений, одной из интенций здесь было отношение Николая I к юному австрийскому монарху. Сам российский император много позднее писал о встрече с Францем Иосифом: «С первого свидания я почувствовал к нему такую же нежность, как к собственным детям. Мое сердце приняло его с бесконечным доверием как... сына»²¹⁷. Привязанность к Францу Иосифу, а также, как часто отмечают биографы Николая I, отсутствие стремления к гибкости во внешней политике, культ открытости и прямоты²¹⁸ сыграли свою роль в принятии решения. Возможно, определенное значение имело и время, когда сообщение было доставлено. Известие, полученное в ночь перед главным православным праздником, могло быть воспринято императором как своего рода знак.

Направив в Венгрию русский экспедиционный корпус, император резко изменил соотношение сил. Потерпев неудачу в попытках объединить остатки венгерской армии²¹⁹, командовавший войсками восставших Артур Гёргей начал переговоры и в августе 1849 г. у селения Вилагос сдался генералу русской службы Ф. В. Ридигеру²²⁰.

В 1853 г., однако, Николай словно ударился о стену. Россия вступила в Крымскую войну против Османской империи, и с самых первых дней события начали развиваться совершенно не так, как рассчитывал монарх. Речь шла не только о том, что в конечном итоге России пришлось воевать с сильнейшей коалицией, где на стороне Турции выступали Франция и Великобритания. Император Николай, который полагал себя спасителем Австрии, рассчитывал на ее поддержку во время войны, тогда как Франц Иосиф, опасаясь укрепления позиций России на Дунае, был намерен поддерживать противников своего спасителя. Современники писали о потрясении, которое испытал при этом Николай I. Он горько сожалел, что помог австрийцам подавить Венгерский мятеж²²¹, корил себя за «излишнюю

215 Ольга Николаевна , великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 237.

216 Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 112.

217 Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж, отец, император. М., 2000. С. 531.

218 Висковцов Л. В. Николай I. С. 333–411.

219 Очерк Венгерской войны 1848–1849 гг. СПб., 1850. С. 154.

220 Görgel A. My Life and Acts in Hungary in the Years 1848 and 1849. New York, 1852. P. 605–607.

221 Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 112–113.

доверчивость» и «жестокое заблуждение», называя австрийцев «вероломными и неблагодарными подлецами»²²².

Но вернемся к русско-австрийским взаимоотношениям начала николаевского царствования. С. М. Фалькович отмечает, что в целом скоординированная политика в польских землях, которую вели после разделов Польши Россия, Австрия и Пруссия, была осложнена после Венского конгресса введением в Царстве Польском автономии и конституции, которые стали «„бельмом в глазу“ для австрийского и прусского монархов, опасавшихся „дурного примера“». Это послужило триггером к тому, что Австрия и Пруссия, соперничая с Россией, «сами старались одновременно заигрывать с поляками»²²³.

В Царстве Польском в первые годы николаевского царствования сопоставление политики России и Австрии в отношении польских земель было неотъемлемой частью публичной риторики. Это подробно отразили материалы Третьего отделения. В донесениях Николаю I А. Х. Бенкендорф и М. Я. фон Фок, ритуально подчеркивая, что «благонамеренные поляки» Австрии не доверяют²²⁴, вместе с тем сообщали о разговорах, в которых Россия проигрывала сравнение. Донесения агентов фиксировали, что в Варшаве было распространено представление, что будто бы в австрийской Польше «все позволяют печатать без всякого искажения»²²⁵, «что политических преследований в Австрии нет и поляки живут спокойно, пользуются уважением двора, что литературе и истории не делают таких прижимок в Австрии как то делает Новосильцев в Варшаве»²²⁶. В ряде донесений приближенный Константина Павловича граф Н. Н. Новосильцев, напротив, рисовался пособником «австрийской партии» – человеком, постоянно наносившим вред взаимоотношениям поляков и российского императора²²⁷. В любом случае Австрия из поля зрения не исчезала.

Стоит отметить, что агенты Третьего отделения фиксировали и сравнения российской политики в Царстве Польском с отношением к полякам в прусских землях. Они также предсказуемо делались не в пользу России: «В Познани живут счастливо, смирно без принуждения... наместника Антонио Радзивила весьма хвалит Король Прусский, говорит, удостаивая, что мы которые ему давали советы, чтобы истребить в польских провинциях язык и народность польскую не понимали дела», «они (пруссак. – *Прим. авт.*) не мешают полякам быть поляками, и будут за то иметь верных друзей»²²⁸. Прусские польские территории в дискуссии, однако, упоминались много реже. Надо полагать, что сопоставление с Пруссией воспринималось в Царстве Польском как менее удобное для выстраивания системы давления, поскольку прусский король был тестем Николая I.

Императору регулярно сообщали и об австрийских агентах – реальных и мнимых. Так, в 1826 г. Николай получил следующее агентурное сообщение о настроениях в Польше: «...в

222 Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче. С. 531–532; *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 478.

223 *Фалькович С. М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 299.

224 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

225 Там же. Д. 5. Л. 57 об.

226 Там же. Л. 55–55 об.

227 Там же. Д. 4. Л. 8, 14.

228 Там же. Д. 5. Л. 56 об.

Польше нет карбонариев, но есть общее неудовольствие и недовольные... а Меттерних слишком умен, чтобы отважиться на то, чтобы иметь явных агентов в русской Польше... Кажется, что желание восстановить снова иезуитов в России клонилось к сей цели... Австрия... одна из католических держав в состоянии их протектировать»²²⁹. А. Х. Бенкендорф и Константин Павлович в это время действительно много переписывались относительно «уловок» Меттерниха, направленных на то, «чтобы сделать приятное для галицийских подданных Австрии»²³⁰.

Агенты сообщали и о конкретных акциях, в которых участвовали австрийские подданные. Так, в 1827–1828 гг., в период активной критики введенных ограничений на изучение польской истории, император получал сведения о символических перформансах разного рода. Одним из таких мероприятий стала разыгранная в 1828 г. в Варшаве костюмированная сцена или «карнавал», в котором принял деятельное участие австрийский консул. Как сообщалось, «карнавал» был устроен польскими магнатами, решившими «вопреки... Великому инквизитору (Н. Н. Новосильцеву. – Прим. авт.) подышать свободно польским воздухом». Один из поляков так описал увиденное: «...в именины нашего знаменитого и боготворимого старца Немцевича был дан бал графиней Потоцкой, женой Станислава, на котором представлен был двор польского короля Сигизмунда Августа по описанию в романе Немцевича... „Ян из Тенчина“». Разыгранная сценка отсылала к временам Люблинской унии, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в Речь Посполитую. Иными словами, магнаты Царства Польского, оперируя категориями памяти, обыгрывали идею объединения, которое с учетом разыгранной роли австрийского посла трактовалось как возможность, вполне реализуемая при поддержке Австрии²³¹. Без сомнения, описания подобных действий должны были настораживать Николая I.

Еще одним случаем интервенции, на сей раз – словесной, на который обратили внимание агенты Николая I, стала произнесенная в феврале 1828 г. речь галицийского губернатора князя А.-Л. Лобковица. Третье отделение так представило императору произошедшее и реакцию на события в Варшаве: «...носятся слухи и ходят по рукам письма, что австрийский генерал Лобковиц, управляющий Галициею в собрании дворян или на ландтаге произнес речь на польском языке, что случилось в первый раз от присоединения Галиции к Австрии. Лобковиц якобы явился в собрание в польском платье и говорил о польской национальности, советовал к будущему году всем полякам одеваться в национальный костюм. О речи его говорят газеты, что она исполнена достоинством и утешением для народа, заслуживающего лучшую участь»²³².

Рассказом о событии дело не ограничилось. Составитель документа позволил себе описать ситуацию в австрийской и русской Польше широкими мазками, увязав этот конкретный случай с общественными настроениями и ожиданием появления нового польского короля: «Толкуют в Галиции о Польском Короле, брате императора, неизвестно котором. Но... все наущения Австрии худо принимают и поляки не верят вероломной политике австрийского двора... Другие поляки рассуждают, что будто быть может поляки Австрии и заставят ее предпринять что-нибудь для Польши. Но как бы то ни было, поляки холодны к Австрии, говоря о массе народа и дворянства. Все взоры обращены, по словам поляков, на русского императора. Будет ли он короноваться?.. Не подлежит никакому

229 Там же. Л. 11 об. – 12.

230 Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 303. Примечательно, что в это время К. фон Меттерних размышлял о покойном Александре I и его политике. В 1829 г. он написал очерк о российском императоре (Меттерних К. В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 г. // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 168–180).

231 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 55–55 об., 56.

232 Там же. Л. 58.

сомнению, что австрийцы сильно действуют через Галицию на умы поляков... Самые усиленные, пламенные патриоты говорят: „Дай Бог, чтобы Австрия сделала что-нибудь для блага нашего народа, тогда будем ей верны и простим все“... это точит польские сердца»²³³.

Приведенные выше указания на «толки» в австрийской Польше, обсуждение вопроса коронации и даже перечисление претендентов на корону не существующего в тот момент государства не были единичными. В другом донесении некоему «австрийскому интригану» приписывались такие слова: «Государь, вступив на престол обещал исполнить все предписанное Конституцией²³⁴, а там именно сказано, что каждый король, наследник Александра, обязан короноваться. Государь короновался в Москве, а в Варшаве не хочет, потому что Россия сильна, а Польша слаба и может быть подавлена силою России. Но если государь почитает себя дозволенным не держать слово и ниспровергать закон коронный, то что же может удержать в покорности подданных кроме страха? Если же сила равная России вздумает покровительствовать Польше и возратить ей достоинство нации, тогда *поляки не обязаны быть верными государю, к главе которого не прикасалась польская корона* и которой не видел своего народа, не был на его совещаниях и призрел весьма их правами»²³⁵.

Нужно отметить, что коронация в Польше как аргумент в конкурентной борьбе не была идеей исключительно николаевского царствования. В начале 1810-х гг. Александр I также получал проекты с предложениями возложить на себя польскую корону, чтобы противодействовать популярности Наполеона в регионе. Так, в 1812 г. Н. Н. Новосильцев представил императору докладную записку ввиду угрозы нападения Наполеона на Россию. Указывая на создание в наполеоновской армии легионов «из дезертиров польских, из венгров, хорватов, одним словом из славян, собираемых им под предлогом соединения единоплеменных», Н. Н. Новосильцев писал, что действия такого рода воспринимаются как знак намерений Наполеона восстановить Польское королевство²³⁶. Н. Н. Новосильцев призывал императора Александра опередить Наполеона, который мог возложить польскую корону на себя или на своего брата Жерома, организовав брак последнего с дочерью герцога Варшавского Фридриха Августа²³⁷. Дабы умирить пыл польских «ентузиастов», Новосильцев предлагал провести «простую операцию» – короновать самого Александра как польского короля²³⁸.

Спустя полтора десятилетия Третье отделение предлагало все тот же выход – коронацию. «Имя короля есть магический талисман в Польше, который все переменит в одно мгновение», – сообщали императору. Действительно, идея коронации Николая I в Варшаве представлялась польскому обществу значимой с самого начала его царствования. В агентурных записках из Польши, которые собирала политическая полиция империи, тема будущей коронации поднималась постоянно²³⁹. М. Я. фон Фок еще в 1826 г. сообщал императору, что «благонадежные поляки» полагают, что «для успокоения умов в Польше, привязывании сердец к особе Государя, уничтожения всех интриг... и пресечения злоупотреблений [надлежит] посетить государю Вильно и Варшаву с наследником престола

233 Там же. Л. 58–58 об.

234 Отсылка к Манифесту Николая I от 13 (25) декабря 1825 г.

235 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 10 об. – 11. Об антирусских настроениях в Царстве Польском см. также: ОР РНБ. № 1000. Оп. 2. Д. 411.

236 ОР РНБ. Ф. 526. Д. 7. Л. 3 об. – 5.

237 ОР РНБ. Ф. 526. Д. 7. Л. 4.

238 Там же. Л. 8–8 об.

239 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 8, 10 об. – 11; Д. 5. Л. 58.

и возложить на себя корону. Произнести речь от трона, в которой бы было несколько исторических воспоминаний о славном народе, его верности и любви короля и обещаний удержать невредимыми их права и конституцию»²⁴⁰. Польские источники личного происхождения фиксируют схожую картину – коронацию ждали, к ней готовились и при этом полагали, что Николая отговаривают от подобного жеста. Н. Кицка прямо пишет, что русское общество, которое польская мемуаристка идентифицирует как «старое», противодействовало подобному развитию событий²⁴¹. Однако время шло, а Николай все не ехал в Варшаву, и корону стали примерять на других претендентов.

Разговоры о том, что в Вене рассматривают вопрос о проведении коронации во Львове или – как вариант – возложении на нового претендента титула «великого князя Галиции», стали тревожить Николая I, когда титул польского короля начали примерять не на «брата императора, неизвестно которого», а на герцога Рейхштадтского²⁴². За титулом герцога Рейхштадтского скрывался подраставший Наполеон II, единственный законный сын Наполеона Бонапарта и Марии-Луизы Австрийской, в пользу которого, как все, конечно, помнили, было первоначально подписано не принятое союзниками отречение Бонапарта. Титул герцога Рейхштадтского Наполеон II (или Орленок, как любовно называли сына Бонапарта в Европе) получил в подарок от деда, австрийского императора Франца II.

В Польше, как известно, существовал настоящий культ Наполеона²⁴³. Это культурное явление, как уже отмечено в литературе, было в значительной мере однонаправленным и мало соотносилось с социальной реальностью начала века. Так, Дж. Стенли показал, что появление поляков в наполеоновских легионах не сломало заданный эпохой Просвещения тренд и не изменило восприятие французов, видевших Польшу вполне ориенталистски²⁴⁴. Стенли подробно описывает поведение французских войск в Польше, обращая внимание на происходившие грабежи и изнасилования, что мало отличалось от действий на завоеванной территории²⁴⁵. В польской историографии, однако, позиция Наполеона в отношении Польши, как правило, интерпретируется в рамках борьбы за восстановление страны²⁴⁶.

В послевоенной Польше любая отсылка к имени Наполеона оказывалась эмоционально окрашенной безотносительно того, на каком уровне она появлялась: к образу Наполеона апеллировали члены тайных организаций, а поляки, вступавшие в турецкую армию в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., распространяли слухи, что французский император жив и находится в их рядах²⁴⁷. С другой стороны, великий князь Константин Павлович был не менее увлечен образом Наполеона. Он восхищался военным гением французского

240 Там же. Д. 5. Л. 10 об. О рассуждениях схожего характера см.: Там же. Л. 14 об.

241 Kicka N. Pamiętniki. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972. S. 156.

242 Фалькович С. М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 76.

243 Там же. С. 74–77; Nance A. B. Literary and cultural images of a nation without a state. The case of 19th century Poland. P. 19–23.

244 Это подтверждается и прямыми высказываниями Наполеона (Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Таллин; М.: АО «Скиф Алекс», 1994. С. 357).

245 Stanley J. French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 209–227; *Idem*. Napoleon and Poland: On the 200th Anniversary of the Establishment of the Duchy of Warsaw: Introduction // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 169–170.

246 См., например: Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L.: Harper Collins, 2004. P. 510.

247 Фалькович С. М. Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

императора²⁴⁸; считается даже, что по этой причине в 1800-е гг. великий князь не желал принимать участие в военных действиях против Франции²⁴⁹. Известно, что цесаревич дорожил полученными от Наполеона в 1807 г. орденом Почетного легиона и золотой саблей²⁵⁰. Символично, что его польская жена получила титул в честь имения Лович, где в родовом склепе была похоронена польская любовница Наполеона Мария Валевская. Эта территория прусской Польши, ставшая частью Российской империи, была отдана в личное владение Константину Павловичу и явно не случайно стала основой титула его возлюбленной. Семиотически в этой композиции Иоанна Грудзинская (Лович) становилась Марией Валевской, а Константин мог примерить на себя образ своего кумира²⁵¹.

И все же игры в Наполеона в любой момент могли утратить безобидность. Показательна реакция русского правительства на приезд в Варшаву в 1824 г. Александра Валевского, незаконнорожденного сына Наполеона и Марии Валевской. Молодой человек вызывал пристальный интерес Петербурга. Третье отделение следило за его перемещениями, а великий князь Константин Павлович переписывался на его счет с А. Х. Бенкендорфом. Бегство Валевского в Англию через Петербург вызвало возмущение цесаревича, потребовавшего от Бенкендорфа принудить французское правительство к высылке юноши, если он объявится в Париже²⁵². Неудивительно поэтому, что возникновение слухов о том, что законный сын Наполеона может претендовать на власть в Польше, обеспокоило Николая I.

Император и его окружение понимали, что полякам было все равно, с какой территории начнется объединение Польши. На фоне разговоров о планах Австрии относительно коронации и обсуждавшейся среди галицийских поляков идеи австро-русской войны ради объединения польских земель²⁵³ появление фигуры Наполеона II было особенно тревожным. Монарх нервничал, стремясь понять природу слухов, и вновь обращался к брату. В марте 1828 г. он писал Константину Павловичу: «Дело Меттерниха или маленького Наполеона – это фарс, который они (австрийцы. – *Прим. авт.*) хотят, чтобы мы приняли за чистую монету, чтобы отвлечь наше внимание; тактика, которую... Вы распознали, но, тем не менее, было бы ценно суметь раскрыть источник этого шума»²⁵⁴. Великий князь, сообщавший брату ранее, что «маленький Наполеон» «входит в доверие... в Галиции», получив просьбу императора «расследовать» дело, ответил отказом. По словам цесаревича, изучить ситуацию подробнее возможным не представлялось, «так как нужно опросить целиком все население Польши, Галиции, Познани и Литвы, Волыни и т. д., одним словом, всех поляков»²⁵⁵. В другом письме

248 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

249 Каушанова О. С. Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. О. В. Хаванова, М. В. Лескинен. М.; СПб., 2015. С. 180.

250 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13.

251 Интересно, что это место было связано также и с памятью о наполеоновском маршале – поляке Юзефе Понятовском. Тело Понятовского, утонувшего в битве при Лейпциге, было разрешено доставить в Варшаву. Некоторое время, до получения распоряжений от великого князя Константина Павловича, его тело оставалось в имении Лович (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1190. Л. 3). Подробнее о мемориальных практиках в период правления Александра I, направленных на увековечивание памяти о Юзефе Понятовском, см. главы 7–8.

252 Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 303–304.

253 Фалькович С. М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 405.

254 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 213.

255 Там же. С. 210.

он утверждал относительно интриги вокруг Орленка, что «невозможно иметь... материалы более достоверные, чем те, что я Вам дал»²⁵⁶. Отказываясь входить в нюансы дела, настаивая, что последнее представляет собой не более чем «выдумку», и даже прямо отправляя Николая разбираться со слухами к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, великий князь Константин, конечно, не только не успокаивал молодого монарха, но, напротив, усиливал в нем ощущение утраты контроля над регионом.

Как уже говорилось, Константин сам активно разыгрывал австрийскую карту, чтобы подтолкнуть императора к тем или иным действиям или, напротив, предотвратить их²⁵⁷. В преддверии войны с Турцией 1828–1829 гг. великий князь информировал брата о передвижении войск на австрийской границе²⁵⁸. Более того, Константин Павлович более или менее предметно готовил сценарий действий на случай вступления Австрии в войну с Россией. Так, в Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии сохранился рапорт генерал-лейтенанта Кривцова о сожжении во время Польского восстания 1830–1831 гг. секретных документов, хранившихся во дворце цесаревича Константина Павловича в Варшаве. Согласно этому рапорту, Кривцов уничтожил переписку цесаревича за 1827–1828 гг. При этом последняя заключала материалы об учреждении Обсервационной армии и секретные предложения «на случай разрыва с Австрией, действовать наступательно»²⁵⁹. В тот момент, однако, император Николай не слишком верил в перспективу того, что с началом действий против Турции Австрия откроет войну на западных границах Российской империи. Весной 1828 г., уже обсуждая детали будущей Турецкой кампании, император предлагал брату оставить в Замостье немного войск «на случай неожиданной атаки», добавляя при этом, что подобное «очень маловероятно при нынешнем положении дел»²⁶⁰. Позиция Австрии была конкурентной, иногда агрессивной, но в 1828 г. страны вовсе не находились на пороге войны.

Слухи о действиях Австрии вкупе с желанием нейтрализовать позицию брата в польских землях могли подтолкнуть Николая I к решению провести коронацию. Однако едва ли они сыграли здесь главную роль. В конце концов, к 1829 г. Николай уже был коронован в Москве и завершил тяжелый процесс над декабристами; он стоял на пороге победы в Русско-турецкой войне, а общество прочитывало его действия через образ его кумира Петра Великого²⁶¹. Он обретал все большую независимость в своих решениях. Но, очевидно, не в тех, что касались Царства Польского.

256 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 216.

257 В литературе существует мнение, что Константин Павлович крайне подозрительно относился к Австрии еще со времен суворовских походов, в которых принимал участие (*Кашианова О. С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 179).

258 *Фалькович С. М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. С. 299.

259 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 77. Л. 5 об. Другие источники также подтверждают, что архив цесаревича остался в Варшаве (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5424. Л. 1).

260 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 223.

261 А. Х. Бенкендорф так описывает окончание Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: «Наконец, после полутора веков военного соперничества, жертв и побед, война смирила самого ожесточенного врага России, могущество которого недавно заставляло дрожать Европу, и который остановил победное продвижение Петра Великого» (*Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 438). О значении образа Петра Великого для раннениколаевского сценария власти см. также: *Мироненко С. В.* Николай I. С. 121–126.

Глава 2

«Я испытываю отвращение»

На пути к коронации

2.1. Дискуссия о проведении коронации: Эмоции и прагматика

Если смотреть на произошедшее в Варшаве с позиции российской коронационной традиции, то церемонию 1829 г. можно назвать коронацией без Коронационной комиссии. Никакой специальной структуры по этому поводу в России создано не было, а план действия явился результатом дискуссии между Николаем I, великим князем Константином Павловичем и отчасти графом Н. Н. Новосильцевым – доверенным лицом цесаревича в Польше. Переговоры о проведении церемонии продолжались три года, в течение которых участники в своем понимании ситуации двигались ровно в противоположные стороны.

Император Николай, инициировавший дискуссию в 1826 г., вскоре осознал, что вступает на зыбкую почву, и, не отказываясь принципиально от реализации александровского установления, начал затягивать обсуждение вопроса. Три года спустя, в январе 1829 г., император прямо называл будущую церемонию «видимостью коронации», указывая, что «корона не существует», а без «подобия коронации... можно было бы обойтись»²⁶². Предлагаемая им Константину альтернатива заключалась в том, чтобы надеть польскую корону при пересечении границы с Царством Польским и носить венец все время пребывания в Польше, «но не короноваться»²⁶³.

Великий князь Константин Павлович, не проявивший в 1826 г. никакого серьезного интереса к вопросу брата о коронации²⁶⁴, к весне 1829 г. был совершенно захвачен идеей проведения церемонии. Он писал Николаю I многочисленные письма, обсуждая то один, то другой аспект церемонии. При этом, в полном соответствии с логикой развития отношений между братьями, предложения великого князя шли вразрез с идеями императора и, напротив, совпадали с польскими интересами, направленными на обретение все большей политической субъектности. Усиливая давление на императора, великий князь со временем все чаще обращался к своему главному аргументу – особости Царства. По мнению Константина Павловича, Польша представляла собой территорию, которая была не инкорпорирована, а лишь объединена с Российской империей, а значит, речь шла о фактической унии²⁶⁵. Великий князь настаивал, что вести себя на этих землях Романовы должны исключительным (по отношению ко всем остальным территориям империи) образом.

Н. Н. Новосильцев, являвшийся с 1821 г. советником наместника в Царстве Польском, а затем попечителем Виленского университета и Виленского учебного округа, был наделен большой властью в регионе. С годами он оценивал российскую политику в Польше и общественные настроения в Царстве все более критически²⁶⁶ и, вероятно, был солидарен с

262 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

263 Там же.

264 Там же. С. 75.

265 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 94.

266 Литература, исследующая биографию Н. Н. Новосильцева, исчисляется лишь несколькими статьями. Польский период его жизни обычно трактуется как реакционный, а сам Новосильцев предстает ответственным за неудачи александровского эксперимента в Царстве, аресты участников тайных обществ, а также многочисленные нарушения конституции. Ему, как и Николаю I, часто приписывается иррациональная ненависть к полякам и в этой связи дурное влияние как на Александра I и Николая I, так и на петербургское

императором в понимании сложности всей ситуации. Отношения Новосильцева и великого князя Константина Павловича во второй половине 1820-х гг. носили сложный, а порой и конфликтный характер. Они все более расходились в своих взглядах на судьбу польских земель в составе Российской империи: Константин открыто лоббировал польские интересы, а Новосильцев выступал за интеграцию этой территории, а также ограничение привилегий политического и экономического характера²⁶⁷. В дискуссии о коронации последний был вынужден балансировать между монаршей волей и интересами своего патрона, предлагая в иных случаях варианты, которые не устраивали ни одного из братьев. Ему же принадлежала идея не торопиться с коронацией, а отложить ее до празднования годовщины создания Царства Польского в 1830 г.²⁶⁸ Это предложение, между прочим, представляло собой редкую, совершенно нехарактерную для основной линии дискуссии попытку инициировать обсуждение того, как следует позиционировать предстоящую церемонию собственно в России.

Переписка Николая и Константина в 1826–1829 гг. демонстрирует, что после московской коронации император начал противиться идее проведения церемонии в Варшаве. Не последнюю роль здесь сыграли его эмоциональные реакции. Николай фактически оказался в позиции грибоедовского Чацкого – человека, у которого «ум с сердцем не в ладу».

Глубокая религиозность императора, его убеждение, что власть дарована ему богом, и уже свершившееся в Москве сакральное действо венчания на царство делали саму идею некой повторной коронации, да еще и в католической Польше, плохо представимой²⁶⁹. Само слово «коронация», от которого было невозможно избавиться, и бесчисленные коннотации, которые оно вызывало, тяготили и тревожили монарха. В своих письмах к брату он переходил от заявлений, что формально свободен от обязательств²⁷⁰, и указаний на абсолют

общество. В отношении особенностей личности и поведения Новосильцева принято указывать на его беспринципность, грубость и склонность к алкоголизму (см., например: *Thackeray F. W. N. N. Novosil' tsov. The Polish Years // The Polish Review. 1983. Vol. 28. № 1. P. 33–34, 37–38, 40, 43–44; Кучерская М. А. Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 241–242*). Эти позиции в целом передают трактовки источников, представляющих польскую интерпретацию событий. Показательно высказывание мемуариста О. Пржецлавского (Ципринуса): «...всякий раз, когда речь доходила до Чарторижского, Новосильцев забывал свою дипломатию и не мог удержать порывов бушевавшей его злобы. Лицо его, вообще далеко не привлекательное, делалось отвратительным, поистине страшным. Косые глаза его искрились, рот искривлялся, синие губы тряслись, и из них изливались потоки желчи. Новосильцев переставал быть человеком хорошего общества, он унижал себя до непарламентарных выражений. Но это и были одни ругательства: он не мог или быть может не хотел, сформулировать никакого положительного обвинения против чести Чарторижского. Он только упрекал его в неограниченном честолюбии и неистовом польском патриотизме... У Новосильцева не было никаких убеждений; один колоссальный эгоизм. Над всеми патриотами, как над всеми верованиями он всегда смеялся. Это был вполне Вольтеровского века энциклопедист, с немалой долей собственного цинизма» (*Ципринус . Николай Николаевич Новосильцев. С. 1725–1726*). Интересно, что история с написанием конституционного проекта для России («Государственной уставной грамоты Российской империи»), который был реализован в канцелярии Новосильцева в Царстве Польском, как правило, рассматривается без отсылок к биографии одного из ее создателей (см., например: *Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007; Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М.: Посев, 2010. С. 38–47; Она же. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. С. 183–193; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 163–178*).

267 Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 47.

268 Каишанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 42.

269 О религиозности Николая I см.: *Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 21–86*.

270 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

монаршей воли²⁷¹ к описанию собственного эмоционального состояния в связи с коронацией. Чаще всего, однако, император обращался к категориям «честь» и «долг». Причем последнее не интерпретировалось непременно как долг памяти Александру I и его установлениям в польских землях. Речь шла скорее об обязательствах перед подданными в Царстве Польском. В одном из откровенных писем брату относительно невозможности присоединения Литвы к Царству Польскому Николай I писал о своем нежелании «создавать недовольных» в Польше, обманывая жителей «неосуществлением надежды», и заключал письмо рассуждением о поляках: «...честный человек среди них самих отдаст мне справедливость, сказав: я ненавижу его, потому что он не исполняет моих желаний, но я уважаю его, потому что он нас не обманывает»²⁷². Рассуждения Николая о ненависти и уважении многое объясняют в том, как именно император видел суть отношений между двумя нациями. Достижимым максимумом ему представлялось состояние, сопоставимое с отношением к достойному врагу на поле боя.

К марту 1829 г. Николай нашел, как ему казалось, выход из сложившегося эмоционального тупика: нараставшее внутреннее противоречие было стабилизировано апелляциями к чувству долга, о чем свидетельствует выразительное письмо Константину Павловичу, написанное за полтора месяца до поездки в Варшаву. Император писал, что «решился (короноваться. – Прим. авт.)... несмотря на все... *отвращение* и отстранение от всего, что каким-то образом связано с этим». Он описывал свое стремление освободиться от предписанных Хартией обязанностей по отношению к Польше и о надежде, что эта «жертва, которая так трудна», окажется «полезной» и что он избавится от всего, в чем состоял его долг перед поляками²⁷³. Пытаясь объяснить (не в последнюю очередь себе самому) свою позицию в связи с предстоящей коронацией, император указывал, что в конце концов такая церемония может «польстить им (полякам. – Прим. авт.)» и привести «возможно, худших к лучшему порядку и подчинению»²⁷⁴. Интересно, что найденное Николаем слово – «жертва» – довольно точно описывало всю коллизию. Повинуясь долгу монарха, Николай приносил в жертву собственные чувства и представления. Взамен он рассчитывал приобрести благодарность и лояльность своих польских подданных.

Окончательное решение о проведении церемонии было принято очень поздно, хотя слухи о возможной коронации Николая I как польского короля ходили в Европе еще весной 1827 г. Это следует не столько из переписки основных участников дискуссии, сколько из указаний второго ряда и всплеска общественных ожиданий вокруг коронации. Именно в 1827 г. упомянутый николаевский манифест с клятвой польской Конституции был издан в Париже. Показательна и активность в дипломатических кругах Лондона: в январе – феврале этого года княгиня Д. Х. Ливен, судя по ее корреспонденции, пыталась выяснить, действительно ли коронация назначена на май, а в марте сообщала о планах маркиза Хартфорта предпринять короткую поездку в Варшаву, чтобы увидеть коронацию²⁷⁵. Реальное обсуждение перспектив проведения церемонии, однако, началось лишь спустя полтора года. Осенью 1828 г. великий князь Константин Павлович приехал в Петербург на похороны императрицы-матери Марии Федоровны²⁷⁶. Скорее всего, именно в это время император и его старший брат смогли окончательно обсудить дату польской коронации. Объявление о

271 Там же.

272 Там же. С. 192–195; Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 302.

273 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325.

274 Там же.

275 Lieven D. Letters of Dorothea, Princess Lieven, during her Residence in London, 1812–1834 / Ed. by L. G. Robinson. London; New York, 1902. P. 91, 94–95.

церемонии, согласно материалам Административного совета Царства Польского, было «дано в Санкт Петербурге дня 5 (17) апреля 1829 г.»²⁷⁷. С момента официального объявления о коронации до начала самой церемонии прошло чуть более месяца.

Скорее всего, до официального объявления о коронации полной уверенности в том, что церемония состоится, ни у кого не было, даже если слухи о ней, как утверждает Е. Гутковский, достигли Царства Польского в начале апреля²⁷⁸. Показательно, что решение о ремонте помещений Варшавского замка, места проведения церемонии, и открытии Министерством финансов Царства Польского особого кредита в 100 тыс. злотых для реализации этого плана было принято лишь 17 (29) апреля²⁷⁹. Подготовка к церемонии была проведена в очень сжатые сроки, или, проще говоря, в спешке.

Важно отметить, что, хотя главные позиции относительно проведения коронации были сформулированы в диалоге двух братьев, практическое оформление действия, то есть перевод царственных решений на язык прагматической реальности, был отдан на откуп Варшаве. Детали церемонии, за которыми все-таки следили в Петербурге, согласовывались с Константином Павловичем²⁸⁰. Так, в начале апреля 1829 г. министр императорского двора князь П. М. Волконский направил цесаревичу «проекты церемониалов для предположенной коронации... в Варшаве и на случай церемониального въезда в сей город с Собственноручными Его Величества карандашом отметками». При этом Волконский передавал монаршую просьбу «просмотреть все сии проэскты» и, если такая необходимость возникнет, «переменить» то, что великий князь посчитает нужным²⁸¹. Очевидно, что в большинстве случаев персональный состав участников коронации с польской стороны также определялся великим князем. Даже если в письмах из Петербурга назывались конкретные имена, то в следующей строке неизменно значилось указание на то, что окончательный выбор остается за цесаревичем²⁸². Кроме того, огромное количество организационных решений и деталей, связанных с проведением церемонии, таких как оформление зала и шествия, формирование круга торжеств и праздничных мероприятий, распределение мест и заказов, были отданы в ведение польской стороне. В Варшаве этим занимались два министерства – вероисповеданий и народного образования и внутренних дел и полиции²⁸³. Однако в вопросах, подобных этому, мелочей быть просто не могло. Последующие события и реакция на них императора показали, что между представлением о коронации, которое сформировалось у Николая, и самой церемонией возник своего рода «зазор» – образ в сознании монарха и реальность, открывшаяся перед ним в Варшаве, не совпали.

К моменту объявления о будущей церемонии множество решений все еще находилось в процессе обсуждения, но несколько тревоживших императора позиций – например, форма

276 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 311; Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 401; Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829. С. 77.

277 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10, 25 v.

278 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

279 Ibid. S. 3–9.

280 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 61–61 об.

281 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 61–61 об.

282 РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 33–34 об.

283 AGAD. F. 190. № 93; F. 191. № 19 (161).

коронационной клятвы, проведение католической службы и созыв польского сейма – уже были закрыты.

Первым был решен вопрос о месте коронации – и городе, и церемониальном пространстве внутри него. Параграф 45 польской Конституции 1815 г., в котором речь шла о коронации, определял местом церемонии «столицу»: «Все Наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице»²⁸⁴. И хотя формулировка явно указывала на столицу Царства Польского Варшаву, император не был готов согласиться с этой позицией сразу. Кроме того, обсуждая с Константином Павловичем и графом Новосильцевым другие варианты, монарх выигрывал время. Время, когда он не должен был принимать окончательное решение о проведении церемонии.

По мнению ряда исследователей, император рассматривал возможность коронации в Северной столице. В логике Николая I последняя являлась столицей Российской империи, а равно и Царства Польского²⁸⁵. В качестве источника таких рассуждений часто приводится известный, кочующий из книги в книгу разговор между императором и польским князем Ф.-К. Друцким-Любецким, во время которого Николай I высказал мысль, что, поскольку Царство Польское входит в состав Российской империи, коронацию следует провести в Северной столице. Друцкий-Любецкий, соглашаясь с монархом, как принято пересказывать, иронично заметил, что для этого Николаю I следует распространить действие польской конституции на всю империю²⁸⁶. Рассказ, переданный Друцким-Любецким, однако, не подтверждается другими источниками: Петербург как место польской коронации в документах, связанных с организацией действия, никогда не фигурировал. Кроме того, в российской прессе того периода Варшава вполне стандартно именовалась «столицей» в значении «столица Царства Польского»²⁸⁷.

Идея одновременной коронации Николая I как российского императора и как польского короля в Москве обсуждалась очень недолго²⁸⁸. Н. Н. Новосильцев писал великому князю Константину Павловичу: «Коронация его величества в качестве царя польского в Москве быть может представляла бы, по моему мнению, предмет меньших неудобств, чем, если бы это делалось в Варшаве, особенно, если велеть изготовить польскую корону, благословить ее и отправить в Москву»²⁸⁹. О. С. Каштанова, рассматривавшая этот вопрос, указывает, что граф не исключал возможности благословения этой новой короны польскими священнослужителями²⁹⁰. Обращает на себя внимание использовавшееся Новосильцевым определение «менее неудобно», показывающее, что Николай Николаевич полагал польскую коронацию в любом случае неудачной идеей. Примечательно и его стремление развернуть нарратив в сторону России, проведя польскую коронацию в Москве – городе, который был сожжен наполеоновскими (а в их составе и польскими) войсками в 1812 г. Предложение Новосильцева не устроило ни Константина, ни Николая. Это был тот редкий случай, когда братья смогли договориться. Нужно отметить, что в итоге церемония была реализована по

284 Конституционная Хартия Царства Польского. С. 530.

285 Носов Б. В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 272.

286 Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 409; Кучерская М. А. Константин Павлович. С. 242.

287 См., например: Северная пчела. 1829. № 58. С. 2; № 61. С. 2; № 62. С. 5. В объявлении о коронации, изданном на польском языке, Варшава также именовалась «столицей» (AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10).

288 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41.

289 Там же. С. 42.

290 Там же.

сценарию, который был диаметрально противоположен предложению Новосильцева: коронация прошла в Варшаве с использованием русской короны.

Идея проведения церемонии в Кракове, где находилось самое значимое для польской коронационной традиции место – Вавельский замок, никогда не обсуждалась. По итогам Венского конгресса Краков был объявлен вольным городом, и организация церемонии коронации российского императора и будущего польского короля здесь была как минимум затруднена.

Принятие политического решения об осуществлении коронации в Варшаве не означало, что действо обрело в глазах своих устроителей (главным образом императора Николая I) четкий абрис. Русские коронации в начале XIX в. имели устоявшуюся традицию, которая уходила корнями еще в доимперский период и была основана на апелляции к православию. Коронации в Польше, проводившиеся в Кракове и Варшаве, отсылали к традиции католической. Попытка устроить коронацию православного российского императора в католической Польше ставила целый ряд вопросов, начиная от выбора помещения и регалий, особенно короны, до организации церемонии как таковой. Во всех случаях ключевым оказывался вопрос веры.

Николай еще в 1826 г. твердо заявил брату, что католическая коронация «невозможна»²⁹¹. Впоследствии он многократно повторял, что обряд не должен носить «характер сакральный»²⁹². В понимании Николая помазание на царство, сердцевина всех коронаций в России, которая «уподобляла царя самому Христу»²⁹³, принципиально не должна была стать частью варшавского действа. «Церемония, которая повторяется в Варшаве, – писал он брату, – не является священнодействием, а лишь повторением коронации для поляков»²⁹⁴. В известном смысле задуманное Николаем можно сопоставить с принятием Петром Великим императорского титула в 1721 г., которое, по справедливому замечанию Б. А. Успенского, «было культурным, а не религиозным актом, и поэтому оно не было ознаменовано специальной религиозной церемонией»²⁹⁵. Вместе с тем риторика сакрального в церемонии, которая прямо была названа «коронацией», конечно, не могла быть совершенно отставлена. Напротив, по мере приближения к коронации и необходимости объяснить себе суть собственных решений монарх использовал именно этот нарратив: «По правде говоря, – писал он Константину перед тем, как отправиться в Варшаву, – это как *крещение*, навсегда соединяющее два государства»²⁹⁶.

Кроме того, организаторам коронации было необходимо решить, какую из традиций – русскую или польскую – следует взять за основу при планировании действа. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что вторая из линий была доминирующей. Еще в 1827 г. Н. Н. Новосильцев предпринял попытку розыска описаний исторических коронаций в Польше²⁹⁷.

291 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 79.

292 Там же. С. 79, 80, 326.

293 Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 28–31.

294 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 336.

295 Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. С. 48.

296 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 336.

297 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 16 v.

Найденный архивистами «Церемониал коронации Станислава Августа Понятовского» был, вероятнее всего, доставлен в Россию²⁹⁸.

Нельзя исключать, что Николай ознакомился с этими материалами, ведь коронация Станислава Августа (1764 г.) состоялась в Варшаве, а не в Кракове, создав таким образом прецедент²⁹⁹, но едва ли императора обнадежило то, что он узнал из «Церемониала коронации Станислава Августа». Скорее всего, полученная информация поставила его в тупик: короновавшийся в католическом соборе Св. Яна, Станислав Август не сам возложил на себя корону (как это происходило в русской традиции), а был коронован примасом католической церкви, перед которым он в течение церемонии несколько раз опускался на колени. Русских читателей этого документа могло поразить и то, что во время церемонии монарх несколько раз снимал корону³⁰⁰; в другом случае он вынимал «меч из ножен и ударял три кратно по воздуху крестообразно»³⁰¹ и повергал себя «на землю, сложа руки накрест»³⁰².

Безотносительно впечатлений императора³⁰³ ставка на польскую традицию осталась неизменной, и чиновники Министерства внутренних дел и полиции Царства Польского повторно искали архивные описания исторических польских коронаций в апреле 1829 г., то есть перед самой церемонией³⁰⁴. Последнее, очевидно, было сделано с подачи Константина Павловича – источники личного происхождения указывают на его стремление выстроить церемонию, используя принятый в Польше коронационный порядок³⁰⁵.

Ставка на польскую традицию в конечном итоге привела к необходимости задуматься о месте для обряда. Объявляя брату, что католическая коронация «невозможна»³⁰⁶, Николай I прямо отказывался от церемонии в соборе. Сложность с выбором места для коронации вне католического дискурса стала основанием для появления у Н. Н. Новосильцева экстравагантной идеи проведения церемонии на Вольском поле, то есть в пространстве, где проходили выборы польского короля. Такое соображение шокировало Николая I. Император,

298 Документ под названием «Коронование Его величества Короля Польского Станислава Августа (1764 г.)» хранится сейчас в РГАДА (Ф. 156. Оп. 1. Д. 118).

299 *Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy // *Hold carów Szujskich* / Red. J. A. Chrościcki, M. Nagielski. Warszawa: Neriton, 2012. S. 131. В Варшаве в 1637 г. была также коронована жена Владислава IV Вазы, австрийская эрцгерцогиня Цецилия Рената. Нарушение традиции, впрочем, было воспринято польской элитой крайне негативно (*Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy. S. 129–130).

300 РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 118. Л. 12 об.

301 Там же. Л. 10 об.

302 Там же. Л. 9.

303 Николай I мог прочесть и другие документы в этой связи. В РГАДА отложился целый комплекс подобных материалов. См., например: Чин избрания и коронования польских королей по давним их уложениям и правам (1573–1676 гг.) // РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 99; Чин коронования польских королей, бываемый в Кракове (около 1676 г.) // Там же. Д. 101; Выписка из церемониала коронации польского короля Августа II в Кракове (1697 г.) // Там же. Д. 105. Возможно, этот комплекс документов сформировался в результате розысков, инициированных Н. Н. Новосильцевым, или более ранних, предпринятых еще Александром I (*Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8).

304 AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 15–16.

305 Это отмечал, например, в своих воспоминаниях профессор Варшавского университета Я. Ивашкевич (*Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76).

306 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 79.

конечно, не мог одобрить появление коннотаций, связанных с выборностью власти в Польше, и объявил брату, что «не намерен валять ваньку на Вольском поле»³⁰⁷.

Вопрос о проведении католического молебствия по случаю коронации также был разрешен отнюдь не сразу. Константин Павлович полагал эти действия совершенно необходимыми. Он писал брату в свойственной ему настойчивой манере: «Бог призвал Вас царствовать над народом иного исповедания, чем Ваше, Вам надлежит покровительствовать этому исповеданию, уважать его и поддерживать, а не наносить ему удара... тем более что присутствие при молебне не означает участия в таинстве»³⁰⁸. Развивая свою идею, великий князь апеллировал и к европейскому контексту: «Скажу более, если бы Вам пришлось короноваться великим князем Финляндским, я был бы того мнения, что Вам следовало бы присутствовать при лютеранской проповеди в знак уважения к культу, существующему у народа, над которым волею Бога Вы призваны царствовать, и в доказательство общей веротерпимости и отсутствия с Вашей стороны притязаний на право вмешиваться в дела совести. Прибавлю, что все это как нельзя более будет гармонировать с только что установленной в Англии эмансипацией католиков»³⁰⁹.

Николаю I была не близка и идея Константина о необходимости католического богослужения. Император стремился избежать этого, высказывая соображения, поразительным образом напомиравшие столь неблизкую ему, на первый взгляд, позицию Н. Н. Новосильцева: «Что же касается обряда коронования, то всякая церемония, какую я сочту за благо принять, получит силу закона; таким образом, если я созову чрезвычайный сейм... и затем прикажу отслужить благодарственное молебствие по римскому обряду *под открытым небом*, чтобы избежать богослужения в соборе и чтобы при молебствии могли присутствовать войска, я думаю, этого будет вполне достаточно»³¹⁰.

В конечном счете позиция Константина Павловича все-таки возобладала – церемонию было решено провести в зале Сената Варшавского замка, однако ей должно было предшествовать освящение регалий в католическом соборе Св. Яна³¹¹. По окончании действия были запланированы церемониальное шествие в тот же собор и католический молебен. При этом во время въезда в город Николая I должны были встречать священники всех главных костелов Варшавы, что, конечно, усиливало ощущение нахождения в католической среде. Интересно, что Николай, не желавший первоначально даже заходить в костел, совершенно не озаботился вопросом расширения православного пространства Варшавы или хотя бы использования отсылок к православному контексту и нарративам.

Ко второй половине 1820-х гг. процесс создания репрезентативного пространства российской власти в столице Царства Польского уже обрел определенные черты и динамику. Константин Павлович в качестве постоянных резиденций в Варшаве выбрал Бельведер на окраине дворцового комплекса Лазенки, приобретенного Александром I еще в 1817 г.³¹², и Брюлевский дворец, где жил летом и зимой соответственно. Император Александр I во время

307 Там же. С. 89. Благодарю за помощь в расшифровке оригинального фрагмента письма А. В. Мареев и Е. Н. Пенскую.

308 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 329–330.

309 Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 413.

310 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

311 Русские источники также именовали этот костел собором Св. Иоанна (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593 (1829 г.). Л. 81).

312 Молева Н. М. Варшава. М.: Искусство, 1973. С. 132.

частых посещений Царства Польского останавливался в Варшавском замке³¹³, где специально по этому поводу в 1817–1818 гг. был проведен ремонт³¹⁴. Сразу после провозглашения Царства Польского в этом главном государственном-представительском здании города, как и следовало ожидать, было выделено помещение для православного богослужения: в 1815 г. здесь была устроена православная часовня, а в 1818 г. Большая капелла замка была перестроена³¹⁵, став главной православной церковью Варшавы того периода.

Именно здесь в 1820 г. состоялось венчание великого князя Константина Павловича с Иоанной Грудзинской, а 21 декабря 1825 г. (2 января 1826 г.) проживавшие в Варшаве православные присягнули новому императору Николаю I³¹⁶. Очевидно, что это пространство не было обустроено в должной мере, поскольку российские источники называли эту церковь «походной» вплоть до 1830 г., а обсуждение ее устройства и оформления так и не было завершено до начала восстания³¹⁷. Кроме православной церкви Варшавского замка существовала также греческая церковь Св. Троицы на Подвальной улице, которая с 1825 г. перешла в юрисдикцию российского Синода³¹⁸.

Фактически православное пространство в Варшаве, состоящее из двух небольших церквей, было крайне ограниченным. Первоначально такое положение дел было связано с решениями императора Александра I, не стремившегося позиционировать себя в Варшаве как православного монарха и демонстрировавшего уважение главной конфессии присоединенной территории. Показательно, что во время поездки императора в Варшаву в 1815 г. Александр I поручил Сенату построить в городе новый католический собор³¹⁹. За период с 1825 по 1829 г. ситуация с православными храмами Варшавы не изменилась.

Маргинальное положение православия в Варшаве не следует объяснять соображениями сугубо прагматическими. Известно, что в первые годы существования Царства Польского русское население города было невелико и вполне могло довольствоваться одной или двумя церквями. Но среди этой группы находился официальный наследник российского престола, фигура которого сама по себе отменяла любую статистику. Кроме того, в последние годы царствования Александра I и в начале правления Николая I число русских в Варшаве последовательно росло и к 1830 г. достигло цифры более чем в пять сотен человек³²⁰. Адмирал П. А. Колзаков, приближенный Константина Павловича, так объяснял популярность Польши в своих «Воспоминаниях»: «Кружок русских, служащих в Варшаве, стал год от году увеличиваться. Слух о тамошней веселой жизни, дойдя и до северной нашей столицы, стал привлекать много лиц в этот новый эдем. *Удвоенное содержание* и сравнительная дешевизна жизни были не малою тому приманкою»³²¹. В этих обстоятельствах вопрос расширения православного пространства столицы Царства Польского приобретал актуальность. Но

313 До него в замке несколько раз останавливался Наполеон.

314 Лилейко Е. Варшавский замок. Варшава: Интерпресс, 1980. С. 72.

315 Там же. По информации К. Сокола, церковь была освящена в честь Св. Константина (Сокол К. Г. Русская Варшава: Справочник-путеводитель. М.: Международный изд. дом «Синергия», 2002. С. 33).

316 Сокол К. Русская Варшава. С. 33; AGAD. F. 197. № 675. К. 1–4.

317 Цветаев В. Д. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. CV–CVII.

318 Открыта во второй половине 1810 г. греческими купцами. К 1827 г. число прихожан этой церкви не превышало нескольких десятков человек. Об этой церкви см.: Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). Исторический очерк. Варшава: Тип. губернского правления, 1899. С. 25.

319 Костел Св. Александра был закончен после смерти монарха, в 1826 г.

320 По подсчетам К. Сокола, в 1830 г. «в Варшаве квартировало 538 русских офицеров, православных же жителей (вместе с греками и сербами) было... 258» (Сокол К. Русская Варшава. С. 9).

удовлетворение потребностей русских было для Петербурга позицией второстепенной: строительство или открытие новой православной церкви в католической Варшаве было вопросом в первую очередь политическим, и в эти годы заниматься его решением никто не стремился.

Вопрос об организации специального православного богослужения в Варшаве в период коронационных торжеств не обсуждался. Соглашаясь, хоть и с трудом, на расширение католического сегмента коронации, Николай в принципе не рассматривал альтернативы, которые могли быть связаны с православием. Интересно вместе с тем, что еще в феврале 1829 г., то есть задолго до выработки финального плана коронации, из Петербурга в Варшаву в связи с возможной церемонией «по зимнему пути» отправили 100 пудов (1638 кг) свечей «самого высокого сорта»³²². Очевидно, в Министерстве императорского двора находились люди, смотревшие на ситуацию проще, – многочисленные православные службы по случаю пребывания монарха в Варшаве и его последующей коронации казались делом само собой разумеющимся.

Еще одним вопросом, который требовал принятия решения, стала клятва, которую Николаю I надлежало прочесть во время варшавской коронации. Александр I, не оставивший никаких инструкций относительно обряда, предписал своим наследникам «по престолу Царства Польского» произнести во время действия слова, зафиксированные в Конституционной хартии: «Обещаюсь и клянусь пред Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью»³²³. Имея в виду классический образ российской монархии начала XIX в., содержание текста, который надлежало произнести императору, могло показаться революционным и совершенно неприемлемым, ведь монарх клялся народу защищать конституцию, ограничивавшую его права. Однако напомним: император Николай повторил эту клятву – слово в слово – в своем манифесте от 13 (25) декабря 1825 г.³²⁴

Повторять однажды данную клятву монарх был не намерен. В августе 1826 г., то есть спустя чуть более полугода после событий декабря 1825 г. и накануне своей коронации в Москве, он писал брату: «Я уже ранее принес присягу, установленную законом; я дал ее по собственному побуждению и добровольно, как лучшее доказательство искренности моих намерений относительно польских подданных... Этим я считаю себя выполнившим по отношению к ним все то, что статья хартии вменяет мне в обязанность по части формы»³²⁵. В исследовательской литературе относительно этого эпизода переписки существует нестыковка: слова Николая I об уже выполненном обязательстве связывают с общероссийским манифестом о восшествии на престол, данным 12 (24) декабря 1825 г.³²⁶, в котором Российская империя, Царство Польское и Великое княжество Финляндское были упомянуты вместе: «...вступая на прародительский Наш престол Всероссийския Империи и на нераздельные с ним престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского...

321 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С. 429. Мемуары П. А. Колзакова обработал и издал его сын, К. П. Колзаков, именем которого были подписаны опубликованные в «Русской старине» отрывки.

322 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.

323 Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

324 AGAD. F. 210. № 20. К. 15; Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2 (Приложения). С. 426.

325 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 89.

326 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 42.

призываем всех Наших верных подданных соединить с Нами теплые мольбы их ко Всевышнему, да ниспошлет Нам силы к понесению бремени, святым Промыслом Его на Нас возложенного, да укрепит благие намерения Наши: жить единственно для любезного Отечества, следовать примеру оплакиваемого Нами Государя»³²⁷. Однако отсылка к единству империи, призыв к богу и обещание «жить единственно для любезного Отечества» не были, конечно, равны клятве «соблюдать Конституционную хартию» и приложить «все... усилия для ее сбережения». Выпавший из поля зрения историков манифест Царству Польскому, без сомнения, является недостающей частью конструкции – император действительно уже присягнул Конституционной хартии. Причем присягнул прямо, а не иносказательно, и его отказ повторять предписанные слова был вполне мотивированным.

Монарх был не единственным, кто интерпретировал события подобным образом: критика коронации в Царстве Польском, о которой речь пойдет далее, никогда не затрагивала собственно содержания речи, произнесенной Николаем I во время церемонии. Судя по всему, манифест, обращенный к Царству Польскому в 1825 г., сделал свое дело: в польском обществе сформировался консенсус, что императорская присяга конституции принесена, и повторных клятв не ожидали. В печатном объявлении о коронации от 5 (17) апреля, однако, было решено отметить, что в отношении присяги, предписанной 45-м параграфом Конституции, монарх уже исполнил обещание³²⁸.

Поскольку «по части формы», как выразился Николай, все было соблюдено, надлежало определить содержание коронационной речи императора. Предложение монарха великому князю Константину Павловичу состояло в том, чтобы произнести в зале Варшавского замка молитву: «...я думаю бесполезно и неуместно повторять ее (присягу. – Прим. авт. .) второй раз, тем более, что *молитва великолепна и представляет собой род клятвы, приносимой монархом Богу, а не людям*»³²⁹. Этот показательный отрывок демонстрирует нам те позиции, которые тревожили императора более всего: будучи помазанником божьим, он полагал должным приносить клятву только богу³³⁰.

В конечном итоге было решено, что во время коронации монарх произнесет следующую речь: «Боже Всемогущий, Отче Отцов Моих! Царю Царей! Сотворивший мир сей Божественным Своим Словом, и в бесконечной премудрости Своей Создавший человека для управления светом на пути истины! Ты призвал Меня в Царя и Судию храброго народа Польского! Признаю с благоговением действие Небесной Твоей ко Мне милости, и принося Тебе дань благодарения, смиряюсь духом пред Божественным величием Твоим. Благоволи, Господи, Боже мой! просветить стопы Мои на сей высокой стезе и направить все дела Мои к свершению Пресвятой воли Твоей; осени Меня мудростию, восседающею на Престоле Твоем. Ниспошли ее с Небес, да познаю Всевышнюю волю Твою и истину заповедей Твоих. Да будет сердце Мое в руке Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага Моих народов, во славу Святого имени Твоего, по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественникам и уже утвержденной Моею присягой. Да не утрашусь предстать пред Тебя в день вечного суда Твоего, славою и милосердием Божественного Сына Твоего, Господа Иисуса Христа и Благодатию Духа Твоего Святого, Господа Животворящего, во веки веков. Аминь»³³¹.

327 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

328 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 9–10.

329 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

330 См. об этом: Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 37–38.

331 О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 428–429; Оригинал на французском и польском: Церемониал коронования Николая I королем польским (на польском и

В приведенном тексте стоит отметить несколько позиций: обращение монарха к богу с просьбой укрепить его на пути нового служения, указание на законность своих действий путем отсылки к клятве, произнесенной ранее, упоминание «учредительной грамоты» (Конституции Александра I), а также указание на «народы» (а не народ), находящиеся под скипетром Николая I. Иными словами, новый польский король, указав на легитимность своей власти, осененной богом и закрепленной законом, намеревался продекларировать, что под его скипетром находятся теперь два народа, одинаково субъектные в логике этой речи. Российская империя и Царство Польское таким образом оказывались на равных.

Текст был опубликован в франко-польском церемониале коронации. В русском переводе он появился позднее в журнале «Отечественные записки». Сопоставление оригинала и перевода показывает, что русская версия передает слова императора точно, без цензурирования. При этом текст был намеренно «состарен», стилизован под церковнославянский. Вероятно, авторы журнала видели свою задачу в том, чтобы образ коронации соответствовал русскому восприятию древнего, сакрального ритуала.

Хотя император сам долгое время не мог решить, идет ли речь о клятве или о молитве, и прибегал не столько к определению, сколько к описанию этой части действия («я ...*прочту то, что читается государем при этом случае*»³³²), произнесенное им в зале Варшавского замка все-таки являлось молитвой. Обращение к богу, «молитвенная» поза коленопреклоненного Николая, присутствие примаса католической церкви и наличие в зале алтаря с распятием не оставили у современников сомнений: участники коронации восприняли произнесенное именно как молитву. Таким же образом рисовали эту часть действия и официальный «Церемониал», и пресса³³³. Это был тот несчастный случай, когда оценки российской и польской стороны совпали.

Отметим, что в польской литературе существует версия, согласно которой молитва, произнесенная Николаем I во время церемонии в Варшаве, была заимствована из коронационного церемониала польских королей³³⁴, однако едва ли с этим можно согласиться. В источниках нет свидетельств подобного рода, а при сопоставлении николаевского текста с французскими образцами можно увидеть серьезные содержательные различия³³⁵. Факт произнесения молитвы-клятвы на французском едва ли может быть аргументом в этой связи: император Николай I, как и его предшественник на престоле Александр I, в публичном пространстве обращался к своим польским подданным на французском.

Впрочем, разговор о Франции возник не случайно. Дело в том, что сказанные Николаем слова были не единственной молитвой, которая должна была звучать в зале Сената Варшавского замка. Речь нового польского короля была центром действия, однако ее должны были «обрамлять» две молитвы примаса католической церкви: одну надлежало прочесть перед возложением короны, а вторую – после произнесения монархом молитвы. В польских материалах подготовки к коронации сохранилось предложение использовать для речей примаса «Молитвы на ритуал коронования короля Франции»³³⁶. Безотносительно

французском языках, 1829 г.) // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.

332 О коронации Его Императорского Величества. С. 326.

333 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.; О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

334 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

335 О коронационных клятвах французских королей см.: Viguerie J. de. Les serments du sacre des rois de France (XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles) // Hommage à Roland Mousnier. Clientèle et fidélités en Europe à l' époque moderne / Éd. Y. Durand. Presses Universitaires de France, 1981. P. 57–70; Тюлар Ж. Наполеон или «миф» о Спасителе. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 137. Вместе с тем активная роль примаса была близка позиции архиепископа во время французских коронаций.

336 AGAD. F. 190. № 93. K. 15–17, 18–21.

универсалистского содержания текстов, произнесенных в Варшаве³³⁷, сама идея обращения к французской традиции показательна, поскольку вступает в противоречие с тем, как видел ситуацию сам Николай I. Император полагал, что примас прочтет нечто похожее на молитву, отсылающую, пусть и опосредованно, к русской коронационной традиции. Он интерпретировал все достаточно просто: «...архиепископ при общем коленопреклонении прочтет молитву, *принятую у нас при короновании*, с необходимыми изменениями»³³⁸.

Вероятно, Николай вплоть до приезда в Варшаву не слишком понимал суть сложившегося положения. Он делегировал в широком смысле слова польской стороне принятие множества решений, и все происходящее начало обретать иные черты по отношению к тому, что он представлял, хотя бы и очень приблизительно. Все наполнялось смыслом (порой двойным или скрытым от глаз), который сам император не был в состоянии полностью обнаружить, глядя на подготовку к своей второй коронации издалека.

В отличие от «мелочей», которые монарх не стремился контролировать (наподобие молитвы католического примаса), вопрос созыва не собиравшегося с 1825 г. польского сейма интересовал его предметно. На раннем этапе дискуссии, пытаясь отговорить брата от выбора католического костела как места для коронационных торжеств и предлагая вместо этого церемонию «под открытым небом», Николай упоминал возможность созыва «чрезвычайного сейма»³³⁹.

Однако в 1829 г. ситуация изменилась. Император был возмущен тем, как сеймовый суд провел дело о Патриотическом обществе, а предложенный сеймом приговор был, по мнению императора, не просто мягким, а оскорбительным. Константин Павлович был равным образом поражен и разделял возмущение брата. Константин сообщал императору, что «делегации Сената... имели с заключенными заседания за закрытыми дверями», а значит, «могли все устроить в их пользу» и что Сенат «также виновен в том, что подсудимые, которых пытались освободить, практически не признают своей вины»³⁴⁰. Вместе с тем в письмах третьим лицам великий князь высказывал соображение, что произошедшего стоило ожидать. Так, в письме Опочинину он рассуждал следующим образом: «Словом сказать, государь император (Александр I. – *Прим. авт.*) не только во всех своих речах к сеймам бывшим и действиях, но даже в разговорах во многих случаях с польскими, как статскими, так и военными чинами, откровенно изволил изъяснять свои насчет их намерения; следовательно, что же мудреного, что у них вскружились головы на чувствах *nationalité*»³⁴¹. Великий князь прибавлял, что «далек от той мысли, чтобы защищать виновных поляков» и что императору Николаю I следовало обратить «особенное внимание» на общественную обстановку в Царстве³⁴². Как известно, дело кончилось тем, что Николай I утвердил оправдательный приговор. По справедливому утверждению О. С. Каштановой, монарх

337 Первая молитва содержала просьбу о ниспослании Николаю, королю-защитнику, справедливости и благочестия, вторая – хвалу монарху, просьбу к богу одарить царя всеми благами (включая многолетие), мудростью и милосердием по отношению к своему народу и моление о мирном и спокойном царствовании, схожем с правлением Соломона.

338 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

339 Там же. С. 89.

340 Там же. С. 235.

341 Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8 (сентябрь). С. 387.

342 Там же.

приписал произошедшее «не злой воле сенаторов, а несовершенству польского законодательства»³⁴³.

Неудивительно поэтому, что Николай I, а равным образом и великий князь Константин опасались, что коронационные торжества примут совершенно иной вид, если депутаты сейма, выражаясь словами императора, «наговорят глупостей»³⁴⁴. Решение вопроса о том, как собрать в столице Царства Польского депутатов, но не сейм, было найдено самим Николаем I. Он предложил, собрав представителей, считать их «присутствующим» сеймом. При этом депутаты должны были строго «придерживаться различия» между участием в коронации и участием в сейме, который Николай планировал собрать через год³⁴⁵.

Итогом долгой дискуссии стала выработка церемониала, который Николай очень точно отразил в письме Константину: «Я полагаю собрать весь государственный корпус в зале Сената; духовенство отправится туда из собора торжественной процессией; в зале будет устроен алтарь. Когда все соберутся, явемся мы; я возложу на себя корону, после чего надену на мою жену цепь ордена Белого Орла. Потом архиепископ при общем коленопреклонении прочтет молитву... Затем я на коленях (je lirai à genoux) прочту то, что читается государем при этом случае. В заключение благодарственный молебен по обряду католической церкви и все будет сделано. Потом большой обед, и на следующий день – польский бал. Вот приблизительно рамка, которой я собираюсь следовать»³⁴⁶.

2.2. Выбор регалий

Установленного обряда для коронации российского императора польским королем не существовало. Александр I, указавший в 1815 г. в Конституционной хартии, что обряд «будет... установлен»³⁴⁷, за 10 лет не сформулировал ничего определенного. Вероятнее всего, ситуация отражает изменения позиции Александра I, размышлявшего о возложении на себя польской короны после создания Царства Польского, но так и не осуществившего это намерение.

Неудивительно поэтому, что в царствование Александра I официальная польская корона, символ власти в Царстве, так и не появилась: назначить корону Царства Польского император не решился. Вместе с тем в Российской империи прецеденты такого рода существовали. Так, Павел I во время похорон Екатерины II приказал считать короной Царства Таврического так называемую шапку Мономаха второго наряда, использовавшуюся для венчания на царство Петра (Петра Великого) и Ивана³⁴⁸. Павлу I было важно указать на существование титула «царь Таврический» после присоединения Крыма к Российской империи, а выбор короны в этом случае позволял также приписать крымский триумф не только – и не столько – матери монарха Екатерине II, но и усилиям прадеда и основателя империи Петра Великого. При этом монарха не смущало, что избранный венец никогда

343 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41.

344 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

345 Там же. О присутствии депутатов сейма на коронации см. также: *Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne*. Lipsk: P. A. Brockhaus, 1868. S. 317.

346 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

347 Конституционная хартия Царства Польского. С. 530.

348 Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 72.

прежде не фигурировал в визуальной репрезентации российской власти на территории покоренного Причерноморья³⁴⁹.

Вероятно, во время пребывания в Царстве Польском Александр I все-таки обращался к короне как к главному символу власти. Сохранившиеся польские изображения императора представляют его с регалиями, которые апеллируют либо к универсалистской, либо к польской образности. Показательны два неатрибутированных портрета из запасников Национального музея в Варшаве и Музея Войска польского³⁵⁰. В первом случае монарх изображен стоящим у стола, на котором лежат регалии власти, включая корону, при этом изображение последней не апеллирует к образам какой-либо исторической российской короны. На портрете из собрания Музея Войска польского можно увидеть сразу два венца, очевидно российский и польский, – знак созданной унии. Примечательно и изображение короны Александра I из описания символических похорон императора в апреле 1826 г.³⁵¹ – использованный венец также имел мало общего с российскими коронами. Без сомнения, все указанные предметы и образы последних предназначались исключительно для использования внутри Царства Польского. В огромной Российской империи сама идея русско-польской унии хождения не имела, а значит, ипостась российского монарха, являвшегося одновременно польским королем, была в значительной мере скрыта от глаз его подданных.

Для осуществления варшавской коронации Николаю I пришлось назначить новую польскую корону. Следует отметить, что монарх был готов использовать польскую историческую корону, если бы таковая нашлась. По крайней мере, он утверждал в письме брату, что «если бы корона существовала, то ею надлежало бы воспользоваться»³⁵². Короны, однако, не было, как не было и времени на ее изготовление.

Как следует из источников, вопрос о назначении в церемонию большой императорской короны не обсуждался – транспортировка венца в Варшаву и освящение его в костеле ради повторной коронации, вероятно, могли вызвать в русском обществе толки, которых император так явно стремился избежать. Не рассматривался и венец, изготовленный для символических похорон Александра I³⁵³, хотя его, по утверждению С. Я. Коварской, в Царстве Польском некоторое время использовали для торжественных встреч³⁵⁴.

Выбор пал на регалии, которые уже находились в Петербурге. Из сокровищницы был затребован венец, созданный за столетие до этого для императрицы Анны Иоанновны³⁵⁵,

349 ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15991. С. 142–144. В середине XIX в. это назначение было приписано самой Екатерине II. Так, в материалах погребения Николая I было указано, что эта корона была «назначена Таврическою» самой Екатериной II (Описание погребения блаженной памяти императора Николая I. СПб., 1856. С. 110).

350 Национальный музей в Варшаве. Ед. хр. Dep5076 (внутр. номер).

351 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyji Królu Polskim w Warszawie. Appendix; Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

352 Каиштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 336.

353 Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64.

354 Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. С. 72. Такое использование, однако, не могло быть долгим – после восстания 1830–1831 гг. корона, как и прочие регалии, была привезена в Оружейную палату Московского Кремля (1832 г.) (Там же).

355 Корона была изготовлена в 1730 г. группой мастеров во главе с русским ювелиром С. Ларионовым (Быкова Ю. И. К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. Т. LXX: Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию Дома Романовых. С. 108). Этот венец также идентифицируют как корону Елизаветы Петровны, переделанную из короны Петра II и Анны Иоанновны (Герб и флаг России X–XX вв. / Под ред. Г. В.

отличительной особенностью которого был большой турмалин с алмазным крестом. Использование этого венца оформило на визуальном символическом уровне вошедшие в 1815 г. в состав империи польские земли – эта корона вплоть до 1917 г. венчала щит Царства Польского в государственном гербе Российской империи.

Среди историков искусства существует трактовка, которая объясняет выбор короны Анны Иоанновны иными мотивами, а именно стремлением указать, что «во времена правления императрицы предпринималась попытка раздела польских земель»³⁵⁶. Речь идет о времени после смерти Августа II, когда Россия активно продвигала на польский престол своего ставленника – курфюрста Саксонского Августа (будущего польского короля Августа III). При этом было подавлено сопротивление Данцига, поддерживавшего альтернативного – уже избранного королем – кандидата, которого, в свою очередь, лоббировала Франция. Захваченный Данциг заплатил императрице Анне контрибуцию в 1 млн червонцев³⁵⁷.

Такое предположение едва ли можно считать верным. Оно проистекает из презумпции постоянного российского давления на Польшу. Исходя из этого любой жест со стороны российских властей трактуется как проявление прямой или скрытой агрессии. Но характер Николая с его фиксацией на категориях чести едва ли позволяет предположить, что император посчитал возможным прибегнуть к намекам такого рода. Кроме того, с правления Анны прошло слишком много времени, чтобы император мог получить информацию об этих событиях в рамках того, что Ян Ассман назвал «коммуникативной памятью»³⁵⁸. Опубликованная же к тому моменту карамзинская «История государства Российского», которая, как утверждал А. С. Пушкин, открыла Россию в ее историческом изменении, словно Колумб открыл Америку, была доведена автором лишь до начала XVII столетия.

Вместе с тем император, стремившийся «польстить полякам»³⁵⁹ своей коронацией, понимал, что использование русской короны во время церемонии вызовет недовольство в Польше. Поэтому он предпринял целый ряд шагов, целью которых было сгладить возможное негативное впечатление. Прежде всего было принято решение перед церемонией благословить корону в католическом соборе Св. Яна³⁶⁰, кроме того, была реализована особая передача короны польской стороне на границе Царства Польского³⁶¹. Иными словами, император санкционировал проведение нескольких церемоний для «превращения» русской короны в по-настоящему польскую, о чем речь пойдет далее. И, наконец, вся коронация была выстроена таким образом, что наряду с королевским венцом главным символом церемонии стал польский орден Белого Орла. Именно его во время проведения действа Николай возложил на Александру Федоровну³⁶². Императрица появилась в зале Сената уже в короне³⁶³,

Вилинбахова. М.: Юридическая литература, 1997. С. 315).

356 Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 65; Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 103–104.

357 Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. С. 104.

358 Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 50–59.

359 Переписка императора Николая Павловича с великим князем Цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829 гг.). С. 325.

360 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.

361 Об этом см. параграф 2.3.

362 Император Николай был кавалером ордена Белого Орла с 1818 г. (Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 106).

и возложение на нее ордена стало жестом, сопоставимым по значимости с возложением венца.

Орден Белого Орла – крест красной эмали, на который положен белый орел с распростертыми крыльями, – был учрежден более чем за 100 лет до этого, в 1705 г.³⁶⁴, став одним из элементов укрепления власти саксонского курфюрста Августа II в Польше. Его первыми кавалерами стали польские магнаты – сторонники Августа – и, что немаловажно, генералы А. Д. Меншиков, А. И. Репнин, Г. Б. Огильви. Первые кавалеры были названы при встрече Петра I и Августа II в Тыкоцине 3 ноября 1705 г.³⁶⁵ Этот эпизод часто – прямо или косвенно – интерпретируют как указание на то, что сам орден был создан Августом II для выстраивания отношений с Петром Великим. Упраздненная после разделов Польши, награда была восстановлена в Варшавском герцогстве. Кавалерами ордена стали Наполеон и варшавский герцог Фридрих Август.

Александр I ничего не поменял в статусе ордена: в его Конституционной хартии указывалось, что Царство Польское сохраняет «гражданские и военные ордена, а именно: Белого Орла, Св. Станислава и Военного Креста»³⁶⁶. Для самого Александра орден Белого Орла оказался одним из самых значимых и сопоставимых с главными орденами Российской империи. Показательно, что именно этот орден император взял с собой в таганрогскую поездку, которая стала для него последней³⁶⁷. Как уже упоминалось, после смерти монарха орден выносили во время всех шествий Печального кортежа, которые прошли от Таганрога до Петербурга зимой 1825/26 г. При этом польской наградой был предписан чрезвычайно высокий статус: во время проезда по городам России орден Белого Орла всегда помещали третьим, сразу после орденов Андрея Первозванного и Александра Невского³⁶⁸. Свидетельством значимости награды был и список лиц, выносивших орден на подушке во время того или иного шествия. Так, в Харькове, Орле и Новгороде орден Белого Орла выносили генерал-майоры, а в Курске – гражданский губернатор³⁶⁹. Интересно, что сформировавшийся в этот период статус награды отражает то положение, которое пять лет спустя предписал этому знаку отличия Николай I, включивший орден Белого Орла в число российских орденов³⁷⁰.

363 В литературе содержится указание, что корона императрицы была изготовлена в Варшаве польским ювелиром П. Сенницким (Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 64–65; Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 104). Это подтверждается материалами, которые хранятся в РГИА: в реестре регалий, которые готовили к перевозу в Варшаву, фигурирует лишь одна корона (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24).

364 Дуров В. Ордена Российской империи. М.: Белый город, 2007. С. 180.

365 Интересно, что девиз ордена – PRO FIDE, REGE ET LEGE – менялся, если награды удостоивалась монаршая особа. REGE заменялось на GREGE – таким образом «За веру, короля и закон» превращалось в лозунг иного рода – «За веру, паству (общество) и закон» (Дуров В. Ордена Российской империи. С. 180).

366 Конституционная хартия Царства Польского. С. 539.

367 Орден Белого Орла оказался среди вещей императора вместе с высшими наградами Российской империи – орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Георгия Победоносца, Св. Владимира и Св. Анны (РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 6. Л. 19 об.).

368 Там же. Л. 19–19 об., 23.

369 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 6. Л. 19 об., 67 об.; Д. 23. Л. 152, 158; Церемониал к встрече и сопровождению в Новгороде тела в Бозе почившего императора Александра I. СПб., 1826. С. 9.

370 ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. № 4950. С. 216. Примечательно, что Особый комитет, призванный решить вопрос включения польских орденов в российскую орденскую систему в 1831 г., ссылаясь на статуты польских орденов, которые были «в недавнем... времени составлены и утверждены блаженной памяти государем императором Александром» (РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 312. Л. 9 об.).

Вместе с тем важно понимать, что в александровской России положение этого знака отличия было не вполне проясненным и даже двойственным – будучи высшей наградой Царства Польского, входившего в состав Российской империи, орден не был причислен к российским орденам. Последнее произошло, как уже упоминалось, лишь после подавления Польского восстания 1830–1831 гг. Однако и Александр I, и Николай I как польские короли осуществляли награждения орденом Белого Орла. Так, дипломат П. Г. Дивов в своем дневнике фиксирует награждение им шведских дипломатов в 1830 г.³⁷¹ Надо полагать, что в подобных случаях интерпретация статуса ордена в России зиждилась на восприятии его как самой «иностранной» из российских наград.

Важнее, однако, то, что в глазах российского дворянства, особенно представителей военной корпорации, орден Белого Орла обладал неоднозначной репутацией. Для русского офицерского корпуса участие Польши в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона было частью личной памяти. С середины 1810-х гг. военные столкновения между Россией и Польшей были помещены властью в зону умолчания, но польские ордена оставались знаком отличия врага, хотя, конечно, поверженного.

Николай I не только не планировал менять установки Александра I, но добавил награде большей статусности. Перед коронацией монарх приказал изготовить цепь ордена Белого Орла. Он писал брату: «Так как не существует цепи ордена Белого Орла, я повелю сделать такую, в которой императорский орел вставлен вместе с белым, чередующийся с крестом и девизом таким же, как на цепи Святого Андрея»³⁷². Сохранившаяся в Гохране России цепь ордена показывает, что идея императора относительно дизайна была реализована во всей полноте. Цепь ордена Белого Орла, изготовленная для варшавской коронации 1829 г., действительно была выполнена по образцу высшей награды Российской империи – ордена Св. Андрея Первозванного, звеньями которой всегда были двуглавый орел, вензель Петра I, а также розетки с синим андреевским крестом и буквами SAPR (*Sanctus Andreus Patronus Russiae*)³⁷³. Цепь ордена Белого Орла, в свою очередь, была составлена из трех повторяющихся элементов, одним из которых являлся знак самого ордена (белый орел на красном кресте), вторым – двуглавый орел с польским черным орлом вместо русского Георгия Победоносца на груди и, наконец, третьим – вензель Александра I, представленный в обрамлении арматуры. Не вполне понятно, кто изготовил цепи. Л. К. Кузнецова считает, что работа была осуществлена мастером Иоганном-Вильгельмом Кейбелем³⁷⁴. Х. Лилейко и О. С. Каштанова полагают, что цепи были выполнены польским ювелиром П. Сенницким³⁷⁵.

При взгляде на николаевскую цепь ордена Белого Орла становится понятно, как именно император видел статус западных территорий империи: реализованный ювелиром проект показывал Польшу частью Российской империи, а сложившаяся территориальная и политическая композиция была представлена как воплощение монаршей воли Александра I. При этом в рамках символического ряда Польша оказывалась сопоставима с Российской империей, а орден Белого Орла становился эквивалентом ордена Св. Андрея Первозванного.

371 Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 662.

372 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

373 Святой Андрей покровитель России.

374 Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 161–162.

375 Lileyko H. Siennicki Paweł // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Krakow, 1996. Т. XXXVII/2. С. 233; Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44.

Другие регалии коронации также были выбраны или переделаны в соответствии с планом демонстрации русской лояльности польским конфессиональным установкам или коронационной традиции. Так, екатерининский скипетр со знаменитым алмазом «Орлов», использовавшийся Николаем I во время варшавской коронации³⁷⁶, получил новое навершие: на российском двуглавом орле центральное место Георгия Победоносца было заменено польским Белым Орлом³⁷⁷. Л. К. Кузнецова очень точно описывает, как появление новой «сердцевины» изменило образ самого двуглавого орла: он стал более компактным («постройнел», по выражению исследовательницы), звенья его цепи стали золотыми вместо эмалевых, голубой цвет оказывался притушен, и внимание перешло на красный³⁷⁸. Российский двуглавый орел, таким образом, «подстраивался» под стандарты польской символической традиции.

Во время коронации 1829 г. польские орлы были буквально везде. Хотя с 1815 г. гербом Царства Польского стал двуглавый орел, на щите которого был изображен польский белый орел, во время коронации ставка была в значительной мере сделана на польского белого орла, который сам по себе интерпретировался как герб Польши³⁷⁹. Николай писал Константину об оформлении торжества: «Все, что присуще Царству, должно быть там представлено; таким образом, поскольку герб Царства такой же, как и герб империи, за исключением Белого Орла вместо святого Георгия, *везде будут гербы Царства – орел на скипетре и орлы на мантиях, знамени и мече*»³⁸⁰.

Еще более примечательна история с выбором коронационного меча³⁸¹. В историографии отмечается, что Николай I использовал для церемонии меч польского короля Яна Собеского, известного своей победой над турками под Веной в 1683 г.³⁸² Императора не смутило даже то, что меч был подарен папой Иннокентием XI. Вероятно, тот факт, что это был дар в честь победы христианского войска над турками, оказался ключевым³⁸³. Ирония ситуации

376 Николай I использовал в Варшаве и державу, которая была включена в московскую коронацию 1826 г. (Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44).

377 Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 104–105.

378 Там же. С. 105.

379 ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3199. Л. 8; Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76.

380 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 326.

381 Николай не имел возможности использовать известный польский коронационный меч (Щербец). После разорения польской королевской сокровищницы в 1795 г. большая часть ее содержимого была уничтожена прусскими войсками, и до конца XIX в. Щербец считался утраченным. Интересно, что за несколько лет до описываемых событий он находился в России. Уцелевший меч был выставлен на продажу и в конце 1810-х гг. оказался в руках российского министра юстиции князя Д. И. Лобанова-Ростовского, который, между прочим, пытался продать его известному польскому коллекционеру оружия В. Красинскому. Из-за сомнений в подлинности меча сделка не состоялась. Артефакт в итоге был продан А. Н. Демидову, князю Сан-Донато (Zygulski Z.Jr. The Szczerbiec. The Polish Coronation Sword // *Artibus et Historiae*. 2011. Vol. 32. № 63. P. 296–298).

382 Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5. Об истории коронационного меча см. подробнее: Domin M. Dary papieskie dla Jana III Sobieskiego i Marii Kazimiery // *Studia Waweliana* Kraków, 2000/2001. T. 9/10. S. 85–105.

383 В коронации Николая приняли участие командир и два капитана Конно-егерского полка, которые стояли у трона с обнаженными саблями. Возможно, один из них держал меч Собеского. Об использовании меча см. также: Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5; Getka-Kenig M. Ostatnia «polska» koronacja // *Mówią wieki*. 2009. № 10 (597). S. 20–25.

заклучалась в том, что меч, символизировавший колоссальную победу польской армии, о которой император и король Николай I будет много говорить во время своего пребывания в Царстве Польском, направлялся в Варшаву также из Петербурга. Меч был захвачен русскими войсками в Польше во время отступления польских легионов Наполеона в 1813 г. и в качестве трофея доставлен в Россию. В архивной «Ведомости регалиям и вещам, которые отправляются в Варшаву» 1829 г. он фигурирует вместе с императорской короной, скипетром, державой, двумя цепями ордена Белого Орла и государственным знаменем³⁸⁴.

Если вопрос выбора инсигний император осуществлял лично, то вопрос оформления коронационного пространства определялся в Варшаве. Декор зала Сената был реализован по проекту архитектора Якуба Кубицкого³⁸⁵, который входил в круг великого князя Константина Павловича. Именно ему было поручено выстроить для цесаревича его главную резиденцию в Варшаве – Бельведерский дворец в парке Лазенки (1824 г.) – и спроектировать катафалк для символического погребения императора Александра I (1826 г.). В Варшаве также были подготовлены троны для новых короля и королевы³⁸⁶.

Анализ того, как именно был оформлен зал, демонстрирует, что император в конечном итоге оказался перед необходимостью короноваться в пространстве, которое интерпретировало целый ряд сюжетов альтернативным (по отношению к монаршей позиции) образом. Так, Николай I, активно противостоявший любому указанию на возможное присоединение Литвы к Царству Польскому, наверняка был неприятно поражен, увидев, что в декоре тронного зала наряду с польским белым орлом была использована Погоня, герб Литвы³⁸⁷. Равным образом форма короны на навершии трона никак не отражала образ исторического российского венца и не отсылала к короне Анны Иоанновны, выбранной монархом для церемонии³⁸⁸. Поэт Василий Жуковский записал в своем дневнике, что на балдахине королевского трона были изображены «все гербы Царства Польского и посреди их, в двоеглавом орле России, белый орел Польши»³⁸⁹. Это был едва ли не единственный двуглавый орел в декоре зала. Притом что во время коронации последний был наполнен множеством изображений польского орла, украшавшего щиты у помостов и императорские мантии Николая и Александры³⁹⁰.

2.3. От Петербурга до Варшавы: Императорский кортеж на пути в царство Польское

Отъезд императора, императрицы, наследника и сопровождавших их лиц из Петербурга в Варшаву был назначен на вечер 24 апреля (6 мая) 1829 г. Завершалась первая неделя после Пасхи, а при дворе закончился полугодовой траур по кончине императрицы Марии

384 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 209.

385 *Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76.

386 По описанию Вельтмана, существовало по крайней мере две пары польских тронов (*Вельтман А. Ф.* Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 81–82).

387 *Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. S. 76–77.

388 *Ibid.* S. 78.

389 Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма // Жуковский В. А. Сочинения: В 6 т. Т. 5. СПб., 1885. 461.

390 *Lileyko H.* Siennicki Paweł. S. 233; *Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; *Kicka N.* Pamiętniki. S. 170–171.

Федоровны. Именно поэтому большая часть событий этого дня была посвящена памяти скончавшейся матери монарха³⁹¹. Утром Николай I и Александра Федоровна присутствовали на панихиде по покойной императрице в Малой церкви Зимнего дворца. Все прошло, что называется, «в узком кругу» – камер-фурьерский журнал фиксирует, что двор по этому случаю не собирался³⁹². Император, наследник и великий князь Михаил Павлович посетили потом императорскую усыпальницу Петропавловского собора, а императрица Александра Федоровна с великими княжнами Марией и Ольгой «в карете изволила поехать в Церковь всем скорбящей Божей матери что у Воскресенского моста на поклонение иконе»³⁹³.

Вечером состоялся молебен в Казанском соборе столицы по случаю отправления в «императорский вояж»³⁹⁴. Императорская чета, наследник Александр Николаевич и свита отправились в путь сразу после его окончания, от ступеней главного петербургского собора³⁹⁵. Между прочим, организация молебна заставила поволноваться митрополита Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского). Несколькими днями ранее он справлялся у князя Петра Мещерского о времени, на которое император назначил «торжественное молитвословие *по примеру прошедшего года*»³⁹⁶. Использованная Серафимом формулировка не понравилась императору, и полученный иерархом ответ гласил: «Преосвященному митрополиту Серафиму не нужно быть в Казанском соборе, ибо в минувшем году молебствие было по случаю отъезда Его Величества на войну»³⁹⁷.

В глазах митрополита Санкт-Петербургского Серафима «вояж» императора в Варшаву для совершения столь необычной церемонии казался сопоставим с поездкой монарха на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В рамках этого нарратива Польша представляла извечным врагом, вновь проявившим себя во время войны с Наполеоном в 1812 г., и, следовательно, отправляясь в Варшаву, монарху надлежало готовиться к серьезному противостоянию. Позиция Серафима, для которого поездка императора на коронацию в Польшу была все равно что поездка на войну, Николаю I была вполне понятна – ему самому приходилось преодолевать сильное внутреннее сопротивление. Вместе с тем логика уже принятого решения, многократно повторенная установка, что церемония будет «полезна», что она сможет обратить противников императора в его сторонников³⁹⁸, заставили монарха одернуть митрополита и указать ему на то, что озвученная трактовка в рамках официального дискурса актуальной считаться не может. Поездка в Варшаву – не война.

391 РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 234–234 об.; Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 75.

392 Там же. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 235.

393 Там же.

394 Там же. Л. 234–237.

395 Там же. Л. 236–237. Младшие дети императорской фамилии остались в Северной столице (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 212). Одна из дочерей Николая I позже вспоминала: «В 1828–1829 гг. мои родители жили в Варшаве из-за предстоявших там торжеств коронавания... Саша (наследник Александр Николаевич. – Прим. авт.) сопровождал родителей в Варшаву, а потом в Берлин, где он был представлен своему деду, королю Фридриху Вильгельму III. Мы остались в Царском Селе...» (Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 184).

396 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 242.

397 Там же. Л. 243.

398 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325.

Камер-фурьерский журнал описывает вечер этого дня довольно подробно: «По полудни 45 минут 7 часа Их Императорские Величества в одном дорожном дормесе, в сопровождении в другой коляске Его Высочества Государя Наследника Александра Николаевича с генерал-майором Мердером из Зимнего дворца соизволили поехать в Казанский собор. По прибытию к западным воротам и по вшествии в церковь встречаны были оного собора дежурным протоиереем и дьяконом с крестом и святою водою. Их Величества и Его Высочество приложились к оному, встали на места. Потом начался и отправлен был оным же протоиереем с дьяконом и соборными певчими на благополучный Их Императорских величеств путь краткий благодарственный молебен. По окончании Их Величества и Его Высочества прикладывались к кресту и к иконе Богоматери после оного из собора соизволили [отправиться] в Царское Село»³⁹⁹. По мнению историка С. Л. Фирсова, «посещение кафедрального собора столицы перед отъездом в католическую страну на коронацию, конечно, было явной демонстрацией православия венценосца... Император стремился избежать любых... подозрений в том, что он, принимая польскую корону, в чем-то погрешит против исповедуемой им веры»⁴⁰⁰. Такая трактовка справедлива лишь отчасти: как будет показано ниже, в России либо не знали о цели поездки Николая в Варшаву, либо плохо представляли суть будущей церемонии, а значит, необходимости прибегать к декларациям такого рода нужды не было. А вот самому императору нужна была поддержка: отправляясь в поездку, он знал, что реализовать задуманное будет для него в эмоциональном плане задачей очень сложной.

Организовывать «вояж» в ситуации, когда многие решения по коронации принимались в последний момент, было делом непростым. Бумаги Военно-походной канцелярии Николая I, отложившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, сохранили историю подготовки поездки императора и его свиты в Варшаву. Этот массив документов наглядно демонстрирует, насколько сложным и затратным было формирование и обеспечение монаршего кортежа, объединявшего разных по социальному статусу и профессиональной принадлежности людей, каждый из которых отвечал за свой конкретный круг задач и часто двигался в собственном ритме.

В дни подготовки к министру императорского двора князю П. М. Волконскому стекалась самая разная информация: император сообщал, что назначил к поездке графа Сергея Строганова⁴⁰¹, Александр Бенкендорф писал, что берет с собой адъютанта Львова⁴⁰², граф Карл Нессельроде сообщал, что вместе с ним в Варшаву от Министерства иностранных дел отправляются действительный статский советник Бутенев, статские советники барон Остен-Сакен и Миллер и коллежский асессор Кудрявский⁴⁰³, полковник Гауке информировал, что выехал в Белосток, где будет ожидать кортеж⁴⁰⁴. Волконскому также доносили о предметах, взятых императором в дорогу «для одаривания», главным образом драгоценностях и медалях⁴⁰⁵. В апреле Волконский бывал на приеме у Николая I каждый

399 РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 235 об. – 236.

400 Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету. С. 38.

401 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об. – 2 об.

402 Там же. Л. 1.

403 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

404 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

405 Там же. Л. 6.

день⁴⁰⁶. Министр серьезно волновался о регалиях и их сохранности в дороге. 19 марта 1829 г. он затребовал у князя Юсупова «порфиру Ее Величества и Государыни Императрицы Александры Федоровны» из Московской Оружейной палаты, а на следующий день уже писал в Гатчину генерал-майору Ф. А. Штенглеру, требуя доставить «находящийся в Гатчинском дворце древний золоченый пьедестал для Императорской короны, уложив хорошенько»⁴⁰⁷. Еще через неделю пришло время затребовать из хранилища «Герольдские жезлы» и «Герольдские платья, которые употреблены были при Высочайшей коронации в 1826 году»⁴⁰⁸. В Варшаву направлялись и намного более значительные по размеру предметы – 2-местное золотое ландо и 4-местная золотая карета, а также коляска в подарок великому князю Константину Павловичу⁴⁰⁹. Решая вопросы перевоза регалий и церемониальных одежд, Волконский был вынужден иной раз разбираться и с более прозаическими сюжетами: например, пытаться пристроить «чемодан с жандармским чебраком», который не поместился в багаж у генерал-майора Фенша⁴¹⁰.

Множество документов генерировало и решение вопросов материального порядка – у министра финансов империи были затребованы на расходы во время поездки «5 тыс. червонных и 150 тыс. руб. ассигнациями». Обращаясь к Е. Ф. Канкрину, Волконский также просил «доставить... кредитивы на неограниченную сумму на министра финансов царства польского князя Любецкого и на кого-либо из банкиров в Берлине»⁴¹¹.

Другим вопросом, который следовало решить оперативно, было определение в вояж тех или иных представителей императорского двора. В состав монаршей свиты вошли высшие офицеры и чиновники империи. Помимо самого министра императорского двора князя Петра Волконского здесь значились министр иностранных дел Карл Нессельроде, генерал-адъютанты Александр Бенкендорф и Владимир Адлерберг, управляющий Третьим отделением Максим фон Фок, флигель-адъютант граф Сергей Строганов и обер-гофмаршал Гавриил Моден. Императрицу сопровождали камер-фрейлина графиня Анна Орлова-Чесменская, фрейлины графиня София Моден, княжны Александра Волконская и София Урусова⁴¹². В свите состоял также лейб-медик Крейтон⁴¹³. Еще до отправления в путь императорского кортежа в поездку для заготовки лошадей отправились фельдъегеря⁴¹⁴, а вместе с императором и свитой в Варшаву двинулось более сотни придворных служителей (лакеи, повара, метрдотели, кофешенки, кучера, мастеровые и пр.), а также рота дворцовых гренадер⁴¹⁵.

406 РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 231–234 об.

407 Там же. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 17–18.

408 Там же. Л. 39, 45.

409 Там же. Л. 121–123, 398.

410 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об.

411 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 71, 105.

412 Там же. Л. 80–81; Ф. 516. Оп. 1. Д. 138. Л. 237; РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 127–127 об. «Варшавский курьер» выделил К. В. Нессельроде среди сопровождавших императора (*Kurjer Warszawski*. 1829. № 134. S. 579). Обладательницу «сказочных богатств» графиню Орлову и «сияющую молодостью и красотой» княжну Урусову заметили и авторы польских воспоминаний (*Kicka N. Pamiętniki*. S. 165, 167; *Lipiński, Tymoteusz, Zapiski z lat 1825–1831*. Kraków, 1883. S. 138).

413 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

414 Там же. Л. 4.

В сопровождении поэта Василия Жуковского и двух учителей в поездку отправлялся и наследник российского престола великий князь Александр Николаевич (будущий Александр II), а также воспитывавшиеся вместе с ним «малолетние» – граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль⁴¹⁶. Первый происходил из польской фамилии, а второй – из немецкой. При этом Иосиф был внуком графа Юрия Виельгорского, камергера, перешедшего на службу к бабке императора Екатерине II после третьего раздела Польши и приговоренного за это к смертной казни повстанцами Костюшко, и племянником первого военного министра Царства Польского Юзефа Виельгорского⁴¹⁷.

Между прочим отметим, что сам факт выбора в качестве соучеников для наследника российского престола мальчиков, происходивших из немецкой и польской семей, заслуживает внимания. Паткуль и Виельгорский, без сомнения, выдержали серьезную конкурентную борьбу, ведь в это время рядом с наследником находились дети, представлявшие куда более известные аристократические фамилии⁴¹⁸. Но выбор, очевидно, осуществлялся не только по уровню родовитости: значимую роль здесь явно сыграло и происхождение. Вместе с тем оформление самой идеи создания «польского» круга наследников российского престола началось гораздо раньше – в екатерининские времена братья Чарторыйские были адъютантами великих князей Александра и Константина⁴¹⁹. Император Николай продолжил традицию, причем, как будет показано дальше, в его случае речь шла уже не только об окружении, но и о категориях языка, культуры и военном дискурсе⁴²⁰. Существенно, что во второй половине 1820-х гг. у цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) был преподаватель польского языка (С. А. Юрьевич)⁴²¹, а в момент подготовки коронации в Варшаве император даже озаботился вопросом дополнительной языковой практики для сына или выработки «привычки» к польскому языку, как монарх выразил это в письме к брату⁴²².

415 Там же. Л. 80–81. В «Списке придворным чинам и служителям, назначенным с Их Императорскими Величествами в Варшаву» целый ряд служителей назван поименно: камердинеры Федор Сафонов, Василий Завитаев и Петр Татаринов, камер-фурьер Данило Бабкин, метрдотели Федор Миллер и Василий Гембургер, мундшенк Николай Иванов, кофешенки Василий Федоров и Иван Степанов, тафельдекер Федор Арфьев, кондитер Алексей Сменцовский, «гардеробские помощники» Петр Грим, Василий Метальников и Егор Лазарев, рейткнехты Иван Малышев, Василий Залужный и Петр Фоллендороф 1-й, камер-лакеи Иван Малинин, Александр Ильин и Василий Беспалов, лекарский ученик Герасим Хмелев, лакеи Дмитрий Васильев, Яков Соболев, Дмитрий Шкабаров, Иван Рябов и Павел Яковлев (Там же. Л. 21).

416 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 80.

417 Последний был отстранен от должности в 1816 г. после ссоры с великим князем Константином Павловичем (Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 50).

418 Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 76.

419 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 129–130.

420 Когда в 1827 г. у императора Николая I родился второй сын Константин, он был зачислен в польскую армию (Grunwald C. de. Tsar Nicholas I. P. 100).

421 Сидорова А. «Образование для добродетели»: воспитание цесаревича Александра Николаевича // Александр II. Воспитание Просвещением / Сост. О. И. Барковец. М.: Кучково поле, 2018. С. 36.

422 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 302. Подобный выбор императора совпал с требованиями, которые предъявляла ему Варшава. Так, агенты Третьего отделения, описывая настроения в Польше и пересказывая разговоры поляков, приводили следующие условия установления спокойствия к региону: «после окончания суда и следствия перестать исторгать юношество неповинное и пламенное», «успокоить нацию народным, теплым (подчеркнуто в тексте. –

Назначенным в «вояж» выдавались прогонные деньги, иногда определялось место, где им надлежало ожидать императорский кортеж. Так, 16 апреля граф Сергей Строганов был извещен о том, что император назначил его ехать в Варшаву. На следующий день графу прислали новое сообщение, в котором было указано: «...просить графа Сергея Григорьевича к министру императорского двора как для получения прогонных денег так и дальнейших приказаний насчет времени его отъезда и по какой дороге»⁴²³. Подобным образом выстраивалось взаимодействие со всеми назначенными в варшавскую поездку. Аналогичные предписания получили полковник Гауке, направленный в Белосток⁴²⁴, граф Ивелич, которому надлежало ехать в Варшаву⁴²⁵, и штаб-ротмистр князь Александр Суворов, который должен был ехать в Тульчин⁴²⁶, через который император проехал только на обратном пути из Варшавы в Петербург. Многим приходилось буквально догонять кортеж. Один из назначенных в поездку придворных писал министру Волконскому 23 апреля, то есть за день до отправления кортежа из Петербурга: «...я сегодня только узнал, что я осчастливлен назначением сопровождать Его Императорское Величество в подлежащий Высочайший путь, о чем я доселе оставался в неизвестности. Получив сего же дня от Министра Императорского двора прогонные деньги и подорожную до Варшавы, а от придворного конюшенного ведомства коляску я дня через два не позже совсем буду готов к отъезду»⁴²⁷. Назначенного в поездку графа Кушелева и вовсе не удалось найти в столице⁴²⁸. Ему было направлено предписание, «чтобы он по прибытии сюда (в Петербург. – Прим. авт.) немедленно отправлялся в Варшаву»⁴²⁹.

Кандидатура лекаря, назначенного в Варшаву, менялась несколько раз. Первоначально предполагалось, что эти обязанности при наследнике будут возложены на полкового штаб-лекаря Кавалергардского полка Погоржанского, который при этом исправлял «купно с тем и должность старшего доктора оставшихся в Петербурге войск». Возможно, именно нежелание надолго оставить столичные полки без старшего лекаря повлияло на решение императора: в итоге выбор пал на батальонного лекаря лейб-гвардии Измайловского полка Дворжака⁴³⁰. Чуть позже в Варшаву был также назначен штаб-лекарь Преображенского полка Енохин⁴³¹.

Вопрос о том, находился ли в свите монарха православный священник, остается открытым. Важно отметить, что в списках сопровождавших императора в Варшаву не встречается ни одного подобного упоминания. Более того, судя по архивным материалам, во время подготовки к этой поездке вопрос назначения священника вообще не поднимался. Примечательно и то, что занимавшемуся заготовкой лошадей подпоручику Фельдъегерского полка Федорову было поручено «объяснять местному начальству чтобы при проезде его

Прим. авт.) манифестом», «восстановить гражданское правление или смягчить военное» и, наконец, «Царю показаться в Польше с сыном говорящим по-польски» (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 14 об.).

423 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об. – 2.

424 Там же. Л. 1 об. – 2 об.

425 Там же. Л. 1 об. – 2 об., 4–5.

426 Там же. Л. 1 об. – 2 об.

427 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 213.

428 Там же. Л. 4 об.

429 Там же. Л. 2 об.

430 Там же. Л. 37–37 об., 48, 80–81.

431 Там же. Л. 235.

величества в ночное время при церквях государских и сельских звона их колокола и встреч со стороны духовенства не было»⁴³².

Маршрут поездки императора Николая I⁴³³ от Царского Села до Варшавы проходил через Санкт-Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Виленскую губернии и Августовское, Плоцкое и Мазовецкое воеводства⁴³⁴. Весь путь занял, как скрупулезно подсчитали в Военно-походной канцелярии императора, 1274¾ версты, то есть более 1300 км⁴³⁵.

Разработанный вариант маршрута представлялся на рассмотрение не только императору, но и великому князю Константину Павловичу, который, как уже легко предположить, активно предлагал коррективы. Так, получив от министра императорского двора князя Петра Волконского план путешествия, великий князь выразил пожелание, чтобы императорский кортеж заехал в город Сокулку. Действия Константина Павловича документы описывают следующим образом: «При сем Его Императорское Высочество приуготовить изволил с... маршрута копию, в которой означено, что Государь Император изволит проезжать через город Сокулку, где квартирует гренадерская батареяная № 1 рота и потому приказать изволил распорядиться дабы приготовлен был там надлежащий караул во всей исправности»⁴³⁶.

Детальная информация о проезде кортежа была изложена в составленном специально для этого случая «Маршруте высочайшего путешествия Государя императора в Варшаву»⁴³⁷. Этот текст дает нам возможность понять, как именно власть видела территорию, через которую должен был проехать император. Документы ожидаемо фиксируют городское пространство: Николай I и свита проследовали через несколько больших городов – Псков, Динабург (в настоящее время Даугавпилс), Вильно (в настоящее время Вильнюс), Гродно и Белосток⁴³⁸. Из значимых православных мест была обозначена лишь Феофилова пустынь в Санкт-Петербургской губернии⁴³⁹. Если до границы Царства Польского из типов поселений в «Маршруте» выделялись лишь города, а разделения между селами и деревнями не обозначались в принципе, то при описании проезда кортежа через польские земли в материалах появляется сразу несколько обозначений – с. (село), д. (деревня) и м. (местечко)⁴⁴⁰. Иными словами, территории условных «внутренних губерний» представлялись российской власти в значительной мере гомогенным пространством, разделенным только по

432 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 5.

433 Выехав из Петербурга, императорский кортеж разделился на две части – императрица и наследник направились в Царство Польское иным путем по отношению к тому, каким ехал монарх. Так, Александра Федоровна и великий князь Александр Николаевич со свитой проехали через Псков. Здесь они сделали остановку и посетили Троицкий собор – отстояли молебен, приложились к мощам князей Гавриила Псковского и Довмонта, а также осмотрели в ризнице древности. Из Пскова императрица и наследник отправились в Динабург, а затем в Варшаву (*Пятницкий П. П.* Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 58–59). Очевидно, решение использовать два пути было продиктовано как соображениями безопасности, так и необходимостью организовать должный комфорт во время остановок кортежа.

434 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74.

435 РГВИА. Ф. 25. Оп. 161. Д. 3520. № 262. б/л.

436 Там же.

437 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74 об. См. также несколько отличный вариант маршрута, представленный военными: РГВИА. Ф. 25. Оп. 161. Д. 3520. № 262. б/л.

438 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 73–74 об.

439 Там же. Л. 73.

440 Там же. Л. 73–74 об.

линии городская/сельская местность. Земли же Царства Польского, напротив, оказывались территорией многообразия, прежде всего этнического. Документы поездки в Варшаву 1829 г. подробно фиксируют территорию компактного проживания еврейского населения, отметив проезд кортежа через 14 местечек Царства Польского⁴⁴¹.

Путешествие по маршруту Петербург – Варшава было выстроено по принципу, аналогичному коронационным императорским поездкам из Северной столицы в Москву. Для последних всегда имел значение город, маркировавший середину пути (Тверь), и место непосредственно перед древней столицей (Петровский путевой дворец на подъезде к Москве). В случае с поездкой 1829 г. в качестве отметки середины пути при движении в Варшаву был выбран Динабург, в котором император провел некоторое время, а местом остановки императорского кортежа перед въездом в Варшаву стала Яблонна⁴⁴².

Согласно «Открытому предписанию», данному всем почтовым и станционным смотрителям от Санкт-Петербурга до границы Царства Польского, кортеж был разделен на три «отделения». Император и великий князь Михаил Павлович, а также Бенкендорф и Адлерберг следовали в первом из них без остановок на ночлег вплоть до Динабурга. Второе, судя по числу лошадей – самое крупное отделение, отправлялось из столицы империи вместе с первым, но следовало «с ночлегами до Ковно»⁴⁴³. В нем ехали императрица и наследник, которых сопровождал министр императорского двора П. М. Волконский. С ними находились лейб-медик и камер-фрейлины. Отделение за номером 3, в составе которого значились граф Г. К. Моден, фрейлины и малолетние соученики наследника Паткуль и Виельгорский, а также перевозился гардероб и многочисленная поклажа, выехало из Царского Села на день позже и повторяло маршрут второго отделения⁴⁴⁴. В Динабурге император смог отдохнуть и дожидаться приезда императрицы и наследника.

Движение императорского кортежа внешне было вполне традиционным – утомительная дорога с частыми остановками, смотры полков, посещения церквей, «инспекции» государственных учреждений, встречи с офицерами, священнослужителями, чиновниками и просителями. Так, в Вильно Николай I посетил православный собор, университет и госпиталь, смотрел на проход одного из батальонов Литовского корпуса. Вечером в городе была устроена иллюминация⁴⁴⁵. Подходившая к концу, но еще не завершенная Русско-турецкая война 1828–1829 гг. также требовала внимания: в поездке Николай I читал рапорты от адмирала А. С. Грейга о действиях военной эскадры в Черном море, рассматривал списки отличившихся, вел переписку о выделении денег на содержание прибывающих в Одессу большими партиями румынских переселенцев⁴⁴⁶.

Монарх, как ему и полагалось, подмечал то там, то тут неустройство или нерадение. При проезде через Динабург Николай I был недоволен переправой и потребовал перестроить ее, а также обновить верстовые столбы, «на которых номера прибиты не на своих местах или номеров вовсе нет»⁴⁴⁷. В другой раз, по сообщению графа А. Х. Бенкендорфа, «Государь Император изволил заметить, что многие офицеры уволенные от службы с мундиром и проживающие в разных городах носят оный с теми переменах в форме, каковые

441 Там же. Л. 73 об. – 74 об.

442 РГВИА. Ф. 25. Оп. 1616. Д. 3520. № 262. б/л; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2.

443 В настоящее время – Каунас.

444 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. С. 74–77.

445 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404–405.

446 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 15 об. – 16, 56 об., 62 об.

447 Там же. Л. 8 об.

воспоследовали после их увольнения». Монарх распорядился «передать господам губернаторам иметь засим нужное наблюдение и объявить помянутым офицерам, что кто желает носить мундир, то точно соблюдали бы форму, какая существовала при получении ими отставки»⁴⁴⁸.

Во время путешествия императору подавались многочисленные прошения о решениях дел и оказании финансового вспомоществования⁴⁴⁹. В Вильно, например, к государю обратилась польская «помещица», просившая за брата, Иосифа Тыра, вовлеченного «другими и собственным легкомыслием» в деятельность тайных обществ и сосланного в Нерчинск⁴⁵⁰. Император, приняв прошение, обратился за разъяснениями относительно этого дела к великому князю Константину⁴⁵¹. Вероятно, в результате схожего прошения Николай I дозволил помещику Юшневскому, находившемуся под секретным надзором полиции, приехать в Москву на один год для решения своих финансовых дел⁴⁵². В Белостоке же случился форменный скандал – «некий Терентий Соловьев... осмелился... во время разъезда в нетрезвом и неприличном виде предстать перед Его Императорским Величеством». Соловьев, намеревавшийся «испросить пособие», был взят под арест⁴⁵³.

Самым заметным просителем, однако, оказался смоленский гражданский губернатор Н. И. Хмельницкий, который, указав, что губерния так и не оправилась от разорения войны 1812 г., просил у императора помощи⁴⁵⁴. Император на просьбу откликнулся – уже в следующем году были сокращены повинности местных жителей, а на восстановление Смоленского края выдана колоссальная по местным меркам, но, конечно, несопоставимая с вливаниями в Польшу⁴⁵⁵ ссуда в 1 млн руб.⁴⁵⁶ Однако это были заботы мимоходом: разоренные победители войны 1812 г. вызывали у императора сочувствие⁴⁵⁷, но заниматься смолянами предметно монарху было некогда – на повестке дня значилось очередное решение польского вопроса, ответом на который было предъявление прощения тем, кто разорял Смоленск и Москву менее чем за два десятилетия до описываемых событий.

На всем пути вплоть до остановки в Яблонне также продолжалась выдача подарков и единовременных сумм разным лицам⁴⁵⁸. Всего в поездке от Петербурга до Варшавы было

448 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 9.

449 Там же. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.

450 Там же. Л. 28–28 об.

451 Там же. Л. 28 об.

452 Помещик был передан под надзор московской полиции (Там же. Л. 20–20 об.).

453 Там же. Л. 19–19 об.

454 Горская Н. И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 29.

455 Подробнее см. главу 7.

456 Горская Н. И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии. С. 29.

457 Император был хорошо осведомлен о бедственном состоянии губернии. Еще 13 годами ранее, во время своей поездки по России двадцатилетний Николай Павлович оставил достаточно пространное описание впечатления, которое произвела на него Смоленская губерния. Великий князь резюмировал свое описание следующим образом – «ни которая из разоренных французами губерний столько не потерпела как Смоленская ибо все армии прошли через оную два раза» (Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 92).

458 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 5.

израсходовано более 20 тыс. руб., из которых бо́льшая часть ушла на выдачу прогонных денег и «за обеды и завтраки домов, где государь изволил останавливаться», а кроме того, на расходы по разъездам эстафет и караулов. 2 тыс. руб. составляли «дачи» ямщикам «на водку и путевые издержки», 495 руб. было роздано бедным⁴⁵⁹. Отдельную статью расходов представляли выплаты просителям или отличившимся при проезде императора. Например, генерал-майор Панкратьев был пожалован деньгами и продлением земельной аренды⁴⁶⁰, а флигель-адъютанту Корсакову были подарены 100 червонных⁴⁶¹. Император также награждал деньгами «бывших у развода нижних чинов Литовского пехотного полка», которые понравились ему во время пребывания в Вильно⁴⁶². В поездку был взят значительный «запас» орденов и драгоценностей: во время «вояжа» «перстни с драгоценными камнями, фермуары и серьги а также золотые и серебряные медали» раздавались регулярно⁴⁶³.

Вместе с тем по мере приближения к Польше Николай заметно ограничивал коммуникацию с народом, являвшуюся непременной частью монарших передвижений такого рода. Так, из Вильно последовало предписание о высочайшей воле: «Государю императору не угодно чтобы господа уездные предводители и маршалы встречали Его Величество и провожали по своим уездам»⁴⁶⁴. Усталость и необходимость поддерживать определенную скорость движения кортежа вполне объясняют это решение. Да и ограничения на встречи монарха с населением во время высочайших поездок по стране, включая территории северо-запада и запада империи, в это время не были редкостью⁴⁶⁵.

В Варшаву везли множество самых разнообразных вещей – столовое серебро, десертные приборы, суповые ковши, бархатные подушки и стеклянные колпаки, мундирное платье и гофмаршальские жезлы. Однако самым же значимым предметом здесь была, конечно, императорская корона. Во время поездки главный символ власти сопровождали обер-церемониймейстер граф С. С. Потоцкий, капитан и три гренадера роты Дворцовых гренадер⁴⁶⁶. Однако дело не ограничилось назначением особой охраны – на границе Царства Польского, между Виленской губернией и Августовским воеводством, как уже упоминалось, состоялась церемония передачи короны польской стороне. При этом был разработан особый ритуал, в рамках которого российский обер-церемониймейстер передал корону специально

459 Там же. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–16 об.

460 Там же. Л. 21 об. – 22 об.

461 Там же. Л. 25 об.

462 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 29.

463 Там же. Л. 6, 17. Императору также «препровождали» ордена «на случай надобности» и последующей раздачи для генералов польских войск, среди которых были знаки Св. Александра Невского и Св. Анны. Награды были розданы (РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 47 об., 69 об.).

464 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 12 об.

465 Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 780. Л. 1–2, 18–18 об.; Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). ККК 579. б/л.; Подтверждение указа 11 августа 1802 г. о запрещении торжественных встреч при путешествиях высочайших особ. 20 апреля 1826 г. // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 434–435. Запреты на встречу монарха, перемещавшегося по стране, выпускались уже со времен Павла I (Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия. Описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. № 7. С. 12).

466 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 132.

высланному в Ковно польскому церемониймейстеру Яну Жабоклицкому и четырем конным егерям польской гвардии⁴⁶⁷.

По сути, император сконструировал ритуал, подобный тем, что были популярны в прежнем, XVIII столетии. Исследовавшая функционирование Императорского двора этого периода О. Г. Агеева отмечает проведение на границе государств и территорий целого ряда переговоров, а также обменов и разменов. Исследовательница упоминает встречу Екатерины II и Станислава Августа Понятовского в 1787 г. в Каневе на Днепре, размен послов между Российской и Османской империями в 1793 г. и, наконец, переговоры Александра I и Наполеона в Тильзите в 1807 г., для проведения которых на реке Неман был устроен особый плот⁴⁶⁸. Однако в случае с поездкой в Варшаву 1829 г. речь шла не столько о поиске «нейтральной» территории, сколько о возможности использования семантики перехода. Наиболее схожим в этом отношении примером является, пожалуй, известная церемония встречи на границе Австрии и Франции будущей королевы Марии-Антуанетты, во время которой австрийская принцесса должна была расстаться с сопровождавшими ее лицами из числа представителей австрийского двора, а также полностью переодеться во французское платье. В случае с Марией-Антуанеттой переход через границу знаменовал собой обретение ею нового «я», рождение дофины Франции.

Значение таких жестов Николай I вполне осознавал. Примечательна история с приездом в Россию невесты тогда еще великого князя Николая Павловича прусской принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны. Историк М. А. Полиевктов так описывает это событие: «9 июня принцесса приехала в Мемель (в настоящее время – Клайпеда), а на другой день прибыл сюда Николай Павлович. В этот же день состоялся переход принцессы через границу. По обеим сторонам границы были выстроены прусские и русские войска. Николай Павлович, поздоровавшись с пруссаками, сказал: „Мои друзья, помните, что я *наполовину ваш соотечественник* и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля“. Принцесса перешла границу пешком. Представляя ее русским войскам, Николай Павлович сказал офицерам: „*Это не чужая* , господа, это дочь вернейшего союзника и лучшего друга вашего государя“»⁴⁶⁹. Наполовину пруссак в 1817 г., в 1829 г. Николай уже был наполовину поляком, а передача императорской короны польской стороне на границе Царства символизировала превращение короны российской в польскую. Интересно, что церемония была выстроена по принципу равенства: число участников процессии с обеих сторон было одинаковым, а сама передача короны не просто указывала на особый статус Польши, но и подчеркивала равенство в политическом отношении России и Польши.

Пересечение границы с Царством Польским, являвшимся с 1815 г. частью Российской империи, впрочем, было значимо для многих членов свиты вполне лично. И в этом случае их впечатления находились далеко за пределами официального нарратива братства и единения. Показательны в этом отношении «Воспоминания» А. Х. Бенкендорфа, который описал поездку в Варшаву как акцию мемориального порядка – повод вспомнить события времен Наполеоновских войн. «В тот же день прибыли на ночевку в Белосток... и после отдыха, случившегося в первый раз после отъезда из Динабурга, он (император. – Прим.

467 Там же. Л. 129; *Krasiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja // *Przegląd Powszechny*. 1887. № XV. S. 411; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 132. Егерям было предписано состоять при руководившем группой польских гвардейцев генерал-лейтенанте (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 34 об. – 35). О биографии Я. Жабоклицкого и его роли в церемонии коронации см.: *Moczulska A.* Jan Kolumna Żaboklicki, szambelan czterech monarchów // *Kronika Zamkowa*. 1991/1992. 2 (24). S. 53–63.

468 Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России XVIII в. М.: Новый хронограф, 2012. С. 394–396.

469 Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 24. Эта история также частично опубликована у Шильдера: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 85.

авт .) продолжил свою поездку. При великолепной погоде он направился к Тыкоцину, расположенному на границе России и Царства Польского. После войны 1806 и 1807 годов у меня не было случая побывать в этих местах. Тем не менее, я полагал, что смогу узнать их, как узнают места, которые изъезжены верхом на лошади вдоль и поперек. Я даже сказал императору, что по дороге смогу рассказать ему о тех позициях, сражениях и перемещениях, которые наша армия произвела в этих местах»⁴⁷⁰.

Показывая императору поля сражений, Бенкендорф отметил и произошедшие здесь изменения, которые вызваны были «мудрым и заботливым правительством» Александра I: «Все вокруг преобразилось, самый бедный, грязный и промышленно отсталый край как по волшебству стал цивилизованной, богатой и ухоженной страной. Дороги были прекрасно обустроены, города – чисты, земля – тщательно возделана. Местное население было довольно, фабрики заполнены иностранными рабочими». Изменились и города: «С тех пор как я был здесь (в Вильно. – Прим. авт .) в последний раз, город значительно украсился. Места народных гуляний, многочисленные новые здания и окружавшая их чистота значительно изменили облик города, который раньше был довольно грязным, как и все города, населенные поляками и евреями»⁴⁷¹. Для предлагаемого Бенкендорфом дихотомичного ряда – тогда/теперь, разруха/благодать, русский город / город, населенный поляками и евреями, – точкой сборки становится победа в войне против Наполеона: «Доехав до Пултуска и оказавшись на полях сражений, где 23 года назад я видел, как военная удача Наполеона была остановлена нашими храбрыми батальонами, я не смог удержаться, и предался воспоминаниям об этом времени и о великих событиях, которые за ним последовали. Наполеон победил в Варшаве и угрожал России, поляки уже гордились несбыточными надеждами на свое возрождение, наши усталые и павшие духом армии вернулись в границы империи. А теперь Наполеон вот уже многие годы существует только на страницах истории, Париж увидел наши победоносные знамена, поляки стали нашими подданными и обязаны своим счастьем только благородству императора Александра , а я сижу в коляске рядом с могущественным государем России, королем той самой Польши, где я сражался, защищая наши собственные границы. Эти чередования упадка и процветания, унижения и славы настроили нас на философские размышления»⁴⁷². Двигаясь мимо мест недавних боев, императорский кортеж наконец подъехал к Варшаве.

Последней остановкой перед коронационным въездом в столицу Царства Польского стала Яблонна – поселение, или «деревня», как ее называют русские источники⁴⁷³. Все тот же Бенкендорф записал в мемуарах: «К обеду прибыли в имение князя Понятовского Яблонное Йолли, находившееся в 14 верстах от Варшавы. Здесь ожидавший императора великий князь Константин представил ему доклады. Через некоторое время сюда же приехала и его супруга княгиня Лович. Оба брата с супругами пообедали вместе в обстановке сердечной близости»⁴⁷⁴. Очевидно, говоря о Яблонне, глава Третьего отделения уже «выключил» нарратив противостояния и вернулся к официальной канве описания: так, он не счел необходимым отметить, что имение было к тому моменту превращено в грандиозный мемориал в честь польского маршала Юзефа Понятовского, возглавлявшего польские легионы в битве против русских при Бородино⁴⁷⁵. В рамках официальных трактовок говорить

470 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 405.

471 Там же.

472 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 406.

473 РГВИА. Ф. 25. Оп. 1616/2. Д. 3520. № 262. б/л; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 74 об.; Kurjer Warszawski. № 129. S. 5 (553).

474 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 406.

475 Там же. С. 406, 687.

об этом действительно не стоило, ведь в багаже императорского кортежа в Варшаву был доставлен большой запас орденов для бывших врагов. Для бывшего секретаря Юзефа Понятовского Юзефа (Осипа) Раутенштрауха в Варшаву был взят орден Св. Александра Невского, а для Станислава Клицкого, командовавшего уланским полком наполеоновской армии при Бородино, и Эдварда Жолтовского, также участника похода на Россию в 1812 г., – ордена Св. Анны I степени⁴⁷⁶.

Глава 3

«Разрешено закрыть занавесками окна»

Проведение коронации

3.1. Церемония коронации

Генерал-адъютант Павел Колзаков, один из приближенных цесаревича Константина Павловича, был человеком известным в Варшаве. Он прожил долгую жизнь и скончался, когда на престоле уже находился Александр II. Колзаков оставил воспоминания о временах своей службы в Царстве Польском. Он достаточно подробно, буквально день за днем, описал коронационные торжества 1829 г., не забывая при этом фиксировать как действия первых лиц, так и реакцию публики. Во время коронационного въезда в город, пишет Колзаков, «народу кругом, по улицам, в окнах домов и на кровлях было видимо-невидимо», в последующие дни «балконы и окна были наполнены дамами... было гулянье и большое стечение публики». В день коронации Павел Андреевич и вовсе «насилу мог добраться до дому сквозь толпу, которая густыми массами стояла у дворца и по улицам... экипажей было так много, что... двигались в несколько рядов»⁴⁷⁷. Что может удивить в таком изложении? Ровным счетом ничего – перед нами описание, вполне обычное для событий подобного уровня.

Организаторы действия, как кажется, должны были рассчитывать именно на всеобщий интерес. Подобный сценарий развития событий император, надо полагать, не исключал. Но готовился он все же к другому. В печатном «Церемониале» коронации 1829 г. обращает на себя внимание красноречивая приписка – жителям города «при проезде кортежа по улицам города разрешено закрыть занавесками окна»⁴⁷⁸. Решение зафиксировать в основном документе церемонии столь странное «дозволение» не может не удивлять, ведь такой протокол использовался во время траурных мероприятий. Например, церемониал символических похорон Александра I в Варшаве в 1826 г. оговаривал, что жители улиц, по которым пройдет шествие, могут закрыть окна первого этажа⁴⁷⁹. Вероятно, Николай I не вполне понимал, чего в действительности стоит ожидать от коронации, и опасался неприятия. Такое эмоциональное состояние императора подтверждается и другими источниками. Глава Третьего отделения Бенкендорф в письме Дибичу из Варшавы говорил об этом прямо – «мы как будто ничего не видели», а император «боялся, что он увидит то, что

476 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 47 об.

477 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 449–452. Это описание подтверждается и польскими источниками. См., например: *Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. Kraków, 1883. S. 134.*

478 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

479 AGAD. F. 197. № 675. K. 98.

он видеть не хотел»⁴⁸⁰. Въезжая на улицы ликующей Варшавы на правах триумфатора, Николай не чувствовал себя таковым.

Въезд Николая I, Александры Федоровны, наследника престола и свиты в Варшаву состоялся 5 (17) мая. Императорский кортеж подъехал к столице Царства Польского со стороны Праги⁴⁸¹. Император проехал всю дорогу от границы города до Варшавского замка верхом. Наследник Александр Николаевич и великий князь Михаил Павлович, демонстрируя единство династии, как и надлежало, ехали по обе стороны от монарха⁴⁸², а императрица – в карете, запряженной восьмеркой лошадей.

Кортеж пересек Вислу по специально сооруженному для этих целей мосту⁴⁸³ и оказался наконец в городе. На Закрочимской улице кавалькада остановилась у костела францисканцев – первого католического собора на пути Николая I. Здесь будущего короля ожидали представители высшего католического духовенства, а архиепископ Варшавский и примас Царства Польского Ян Павел Воронич⁴⁸⁴ подал монарху крест для целования⁴⁸⁵. Современник так описывает произошедшее: «Император остановился перед католическим кафедральным собором, где к великому удовольствию приверженцев этой религии, он причастился святой водой и принял знаки уважения духовенства»⁴⁸⁶. Под звуки 101 пушечного залпа императорский кортеж подъехал к Варшавскому замку, войдя в который монаршая чета сразу же направилась в «греческую часовню при дворце» для православного молебна⁴⁸⁷.

Во время въезда великий князь Константин Павлович и его супруга княгиня Лович встречали венценосную пару по отдельности, но при этом в двух самых знаковых точках: Константин – у Пражских ворот, а княгиня Лович – у Варшавского замка. И хотя «Церемониал» указывал, что у входа в замок Николай и Александра будут встречены «людьми обоего пола из числа придворных, не включенных в кортеж»⁴⁸⁸, другие источники заметили гендерное разделение, которое сформировали организаторы действия. Великий князь приветствовал Николая в сопровождении военных, а его жена ожидала монарха и императрицу у замка вместе с дамами⁴⁸⁹.

События этого дня омрачил случай, ударивший, вероятно, по самолюбию Константина Павловича: во время церемониального шествия лошадь цесаревича заупрямилась, а потом и вовсе рванулась в сторону от направления движения свиты. Великому князю, который, по

480 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 454.

481 Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 59.

482 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 375.

483 Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 133.

484 Его не стоит путать с князем-примасом Польши, архиепископом Гнезненским.

485 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 59.

486 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 408; Об этом эпизоде см. также: Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. № 4. С. 241.

487 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8; Kurjer Warszawski. № 12. S. 5 (553); Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 241; Лилейко Е. Варшавский замок. С. 72.

488 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

489 Каушанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; Krasiński J. Z pamiątek Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 414.

описаниям современников, буквально пребывал в бешенстве из-за того, что не мог обуздать животное, пришлось спешиться и пешком пройти мост и часть города, пока ему не нашли другую лошадь. Бенкендорф так прокомментировал произошедшее: «...следуя за императором со шпагой в руке, великий князь, казалось, был полностью лишен того удовлетворения, на которое он мог рассчитывать, представляя во всем блеске находившиеся под его командованием войска. Он казался потерянным, и его вид внушал страх всем тем, кто находился под его командованием, и кто привык видеть немилость в раздраженных глазах своего разгневанного командира. Это происшествие, несмотря на всю свою малозначимость... поразило всех присутствовавших»⁴⁹⁰.

На следующий день великий князь Константин Павлович представил императору генералов, штаб- и обер-офицеров, а также членов своей свиты. В течение дня монарху также представились министры, сенаторы и депутаты от воеводств, высшее духовенство, дамы и иностранцы⁴⁹¹. Затем последовала целая череда парадов, приемов, балов и праздников⁴⁹². В период торжеств император, наследник и великий князь Михаил Павлович появлялись в польских мундирах⁴⁹³. Императрица столь же неизменно предстала перед публикой в нарядах, цветовая гамма которых отсылала к польским национальным цветам⁴⁹⁴. Одиннадцатилетний наследник Александр Николаевич охотно говорил по-польски, демонстрировал знание польской истории и расположение к Конно-егерскому полку, шефом которого являлся⁴⁹⁵, а сам император представлял старшего сына офицерскому обществу Варшавы как «хорошего поляка»⁴⁹⁶.

Административный совет Царства приложил серьезные усилия для распространения информации о предстоящей церемонии: еще в апреле по воеводствам были разосланы сотни экземпляров печатного объявления о коронации⁴⁹⁷. Процедура получения новости депутатами сейма, которым надлежало прибыть в Варшаву за несколько дней до церемонии, предполагала подписание соответствующего уведомления. Это установление было аккуратно выполнено и великим князем Константином Павловичем, который в качестве депутата от

490 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 408; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 136.

491 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 277; Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 450.

492 Подробнее см. Приложения.

493 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 135. Примечательно, что в свите императора находился «гардеробский помощник», в обязанности которого входил исключительно досмотр над «польским конно-егерским мундиром» императора (РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 21). См. также: Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки» // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 9.

494 *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. Lipsk: P. A. Brockhaus, 1868. S. 319.

495 Северная пчела. 1829. № 58. С. 2; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 134; *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407; *Kowalczykowa A.* Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie.

496 *Фалькович С. М.* Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407; *Zajewski W.* Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28. Нельзя в полной мере согласиться с утверждением М. Д. Долбилова, что указание первых лет царствования Николая I на необходимость наследнику быть «столь же хорошим поляком, как и хорошим русским» выражало «формулу управления исключительно разнородной империей» (*Долбилов М. Д.* Поляк в имперском политическом лексиконе // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 299). Очевидно, что формулировка как таковая содержала в себе и отсылку к конкретной польской ситуации и коронационным планам Николая.

497 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 11–12v, 24, 26–32.

Праги собственноручно подписал аналогичный документ⁴⁹⁸. Стремление Константина продемонстрировать свою сопричастность депутатской корпорации, указать на то, что он является «одним из», не может не поражать, особенно если вспомнить стратегии выстраивания образа власти Романовых в самой России, где речь в значительной мере шла о систематическом подчеркивании «инаковости» по отношению к подданным⁴⁹⁹.

За три дня до церемонии конные группы, состоявшие из герольдов в одеждах, сшитых на средневековый манер⁵⁰⁰, разъезжали по Варшаве и зачитывали объявление о будущей коронации⁵⁰¹. В нем, помимо основной информации, содержался призыв молиться «за Короля и Королеву, чтобы Господь Всемогуший одарил милостью и благословлением царствование Его Величества... сохранялись мир и спокойствие, во славу Его Святого Имени и ради неувядаемого процветания Королевства»⁵⁰². По городу распространяли печатные молитвы, а в день, предшествующий коронации, во всех костелах Царства Польского прошли вечерние службы с пением *Te Deum*⁵⁰³. Неудивительно поэтому, что число поляков, привлеченных зрелищем и собравшихся в Варшаве, в том числе из соседних областей, было значительным⁵⁰⁴.

Отдельно следует сказать о присутствии на коронации европейских дипломатов. Министерство иностранных дел Российской империи не сразу определилось с тем, необходимо ли приглашать последних на коронацию. П. Г. Дивов, служивший в тот момент управляющим Министерством иностранных дел, зафиксировал в своем дневнике разговор с вице-канцлером, состоявшийся менее чем за месяц до церемонии. Не без некоторой иронии дипломат сообщает, что пытался выяснить, «следует ли выдавать паспорта посланникам, ежели им придет фантазия ехать в Варшаву»⁵⁰⁵. В итоге вопрос был решен положительно.

Интерес к церемонии проявили представители Австрии и Германии. С поздравлениями в Варшаву прибыли австрийские, прусские, баварские, саксонские и вюртембергские дипломаты⁵⁰⁶. Очевидно, с точки зрения дипломатии мероприятие было отнесено к категории относительно локальных, связанных главным образом с кругом стран – участниц разделов Польши.

Информация о церемонии разошлась достаточно широко. Сохранилось, например, поэтическое обращение к Николаю по случаю коронации, написанное и изданное во Франции⁵⁰⁷. При этом автор текста, назвавшийся депутатом Франции, представил нарратив, отличный от актуального в Варшаве. Он прославлял приверженность императора Николая, как и его предшественников – Екатерины II и Александра I, закону, а поляков изображал

498 Ibid. К. 24–25.

499 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1.

500 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44. Во время московской коронации императора герольды также были «одеты по древнему обычаю» (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 287. Л. 3).

501 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4.

502 Там же; О коронации Его Императорского Величества. С. 419.

503 В русском варианте «Тебя, Бога, славим» (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.).

504 [Kończkowski K.] Wspomnienia generała Klemensa Kończkowskiego. Krakow, 1900. Ks. III. S. 110.

505 Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 620.

506 Северная пчела. 1829. № 61. С. 2.

507 Milly A. de. Hommage offert à sa Majesté Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies, à L' occasion de son couronnement comme Roi de Pologne [1829].

склоняющимися перед властью монарха и преподносящими ему корону⁵⁰⁸. Коронация описывалась как символ надежды, как действие, свершающееся по заветам «нашего ангела» Александра, как обещание будущего, которое вызывает радость Европы и улыбку Франции⁵⁰⁹.

К моменту въезда николаевского кортежа в город место проведения коронации было полностью готово. В наши дни зал Сената (Сенатская палата), одно из главных помещений восстановленного после Второй мировой войны Варшавского замка, – это большой двусветный зал, оформленный в золотых и красных тонах. Теперешний декор зала может стать прекрасным источником по истории памяти современной Польши. Оформление палаты, в торце которой стоит трон и витрина с экземпляром Конституции 1791 г., а на стенах размещены гербы Польши, Литвы и территорий, маркированных как исторически польские (вкл. Смоленск), отсылает к событиям, произошедшим или возникшим в национальном воображении задолго до того, как Николай I возложил здесь на себя корону Царства Польского.

Император, конечно, увидел это пространство совершенно иным. Согласно «Церемониалу коронации», в зале у торцевой стены было установлено тронное место – высокий помост в девять ступеней, на котором разместили два кресла для Николая и Александры, а также стол для регалий⁵¹⁰. Помост был с трех сторон окружен позолоченной балюстрадой. Над ним укрепили балдахин темно-красного цвета с позументом, бахромой с кистями, а в верхней части – вензелем Николая I и страусиными перьями. По одну сторону от трона было устроено другое возвышение (в семь ступеней) для государственных регалий, по другую (в три ступени) – помост для министров и Административного совета⁵¹¹. Переводя с языка семиотики на язык деклараций, опорой императорской власти в Польше назначалась администрация Царства Польского, место представителей которой оказывалось зримым и признанным.

В зале находились и устроенные в виде амфитеатра трибуны для зрителей, а на балконах были отведены места для дам. Обитая бархатом и золотой бахромой, внешняя сторона трибун и балконов была украшена расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга щитами с гербом Царства Польского и вензелем Николая I в виде буквы «М», обозначающей полонизированное имя императора «Миколай»⁵¹². Это хорошо видно на

508 Ibid. P. 4–5.

509 Ibid. P. 6–8.

510 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3. Польский исследователь И. Гжелюк, отдельно занимавшийся вопросом использования тронов во время коронации Николая I в Варшаве, указывает также, что в документах Национального музея в Варшаве есть указания, что после Советско-польской войны 1919–1921 гг. и заключения Рижского мира (1921 г.) Польше были возвращены три трона-кресла. Два из них описаны следующим образом: «...PZS 2127, Кресло тронное резное, позолоченное, покрытое красным бархатом фиолетового оттенка с двойным широким и высоким галуном, на спинке есть накладное резное украшение, венчающееся короной. Старый номер: Музей Ленина 2710a. PZS 2128, аналогичный предыдущему. Старый номер: Музей Ленина 2710b.». Кресло под номером PZS 2127 в настоящий момент находится в Вавеле, второе (PZS 2128) – в Тронном зале Королевского замка в Варшаве. По мнению исследователя, из-за отсутствия комментария в инвентарной описи невозможно связать третье тронное кресло (PZS 2129) с варшавской коронацией. Кроме того, в «Инвентарной описи Королевского замка Варшавы от 1837 г.» под позицией 2081 в качестве «тронного кресла царя Николая I» оно описано как «...тронное кресло с венцом (от 1786 г.), с фигурами, символизирующими Мир и Справедливость на спинке» (*Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku*. P. 79).

511 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

512 Щиты, украшавшие тронное место и троны-кресла из зала Сената, были вывезены в Россию после восстания 1830–1831 гг. Часть из них была выставлена в Оружейной палате. В 1921 г. эти предметы были также возвращены Польше. Щиты сейчас находятся в коллекции Национального музея в Варшаве. Музейное описание, приведенное И. Гжелюком, гласит: «Щиты, от трона Николая I из Коронационного зала Королевского замка в Варшаве. 12 штук, овальные, часть покрыта бархатом ярко-красного цвета. На лицевой стороне резное изображение польского орла... с металлической литерой „М“. У четырех сохранились... короны, все... сильно изношены». В инвентарной описи они значатся под номером PZS 2130 (*Grzeluk I. Zachowane elementy*

картине неизвестного художника «Коронация Александры», на которой изображены два длинных ряда зрителей – чиновников и военных – и, в параллель им, ряды нарядно одетых дам, сидящих на балконе. Интересно, что в александровское царствование балконы занимались зрителями, допускавшимися на заседания сейма. Современник так описывает все происходящее здесь в то время: «На заседания палат пускалась публика, и большинство ее составляла женская аристократия. Всякая оппозиционная выходка вызывала громкие знаки одобрения, и чем резче была эта выходка... тем громче дамы кричали браво, тем усерднее махали платками»⁵¹³.

Хотя церемония была задумана как светская, абсолютизировать значение этой установки не следует. Отметим, что все предшествующие церемонии, связанные с позиционированием власти российских монархов в Польше (например, объявление о создании Царства Польского или символические похороны Александра I), разворачивались в рамках католического дискурса. Для каждого из подобных мероприятий ключевым эпизодом предсказуемо оказывалось действо в католическом соборе. Так, провозглашение Царства Польского 8 (20) июня 1815 г., сопровождавшееся многочисленными празднествами, было выстроено вокруг чтения в варшавском соборе Св. Яна александровского манифеста, акта «короля Саксонского увольняющего от присяги жителей Герцогства Варшавского» и принесения здесь же присяги на верность российскому императору⁵¹⁴. Равным образом кульминацией упоминавшихся грандиозных символических похорон Александра I стала католическая служба. Неудивительно поэтому, что для проведения коронации в пространстве зала Сената расположили «алтарь», или «престол», как называли его русские источники, на котором было установлено распятие⁵¹⁵.

Символичным было и использование в оформлении зала традиционного польского малинового цвета. Именно так материалы коронации описывают тон бархата, выбранного для декора балдахинов над императорским помостом и украшения мест для зрителей. Горностаевые мантии Николая и Александры были малиновыми⁵¹⁶. Судя по каталогу Национального музея в Варшаве, коронационное платье Александры Федоровны также было красным⁵¹⁷.

Помимо помещений замка, подготовленных для коронации⁵¹⁸, особое церемониальное оформление получила площадь у замка и улица, прилегающая к собору Св. Яна: здесь были

symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku. P. 76, 79).

513 *Ципринус*. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1737. В 1825 г. практика публичных сеймовых заседаний была отменена (*Кашианова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 41).

514 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 1 об. – 5 об.

515 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.; *Kurjer Warszawski*. № 129. S. 5 (553); О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

516 *Lileyko H.* Siennicki Paweł. S. 233; *Кашианова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 44; *Kicka N.* Pamiętniki. S. 170–171. Коронационное платье Александры Федоровны хранится в фондах Национального музея в Варшаве.

517 *Katalog wystawy Powstania Listopadowego z uwzględnieniem czasów przed i popowstaniowych*, Warszawa, 1931. S. 170 (poz. 1477).

518 В число представительских помещений коронации был включен также Тронный зал второго этажа. Именно здесь хранились привезенные инсигнии, именно отсюда Николай и Александра отправились на коронацию в зал Сената. Примечательно, что к этому залу примыкает Кабинет европейских монархов. Это помещение, фактически объединенное с Тронным в единое представительское пространство, было создано Станиславом Августом Понятовским и служило королю для секретных встреч. Здесь, в полукруглом маленьком кабинете, размещались портреты монархов – современников Станислава Августа, включая Екатерину II.

расставлены деревянные галереи для зрителей, рассчитанные на 3 тыс. человек⁵¹⁹. Большую часть приготовленных мест занимали дамы⁵²⁰. Для прохода монаршего шествия был устроен помост, обтянутый красным сукном⁵²¹.

Согласно «Церемониалу», в день коронации по сигналу, данному 21 залпом из пушек, приглашенные к участию чиновники и военные должны были собраться в замке, а затем начать церемонию перенесения инсигний из Тронного зала в собор Св. Яна⁵²². Все привезенные из Петербурга регалии пронесли по улицам в предписанном иерархическом порядке от наименее к наиболее значимому предмету. Открывала шествие цепь ордена Белого Орла, за которой вынесли государственную печать и знамя, меч, мантию, державу, скипетр и, наконец, корону. Отметим, что все регалии выносили исключительно чиновники и военные Царства Польского, никто из приехавших с Николаем из Петербурга в процессии задействован не был. Так, панир (знамя) вынес на подушке генерал И. Красинский, меч – военный министр Царства Польского М. Гауке, скипетр – князь А. Чарторыйский. Нести корону, вероятно, с намерением сделать отсылку на власть, принадлежащую Сенату, было доверено его президенту графу С. Замойскому⁵²³.

В дверях собора инсигнии встречали примас Воронич и католическое духовенство. В костеле регалии были благословлены и отправлены в замок тем же порядком⁵²⁴. В этой части шествия император и императрица участия не принимали, а как только освященные в костеле регалии доставили в замок, Николай и Александра Федоровна направились в православную церковь замка, где «слушали... обедню»⁵²⁵.

Их возвращение в Тронный зал дворца знаменовало начало основного действия. По знаку церемониймейстера началось шествие в зал Сената, которое открывали гвардейцы. За ними в предписанной последовательности следовали чиновники, сенаторы, представители Административного совета. За ними располагалась секция с регалиями, повторявшая по структуре шествие в собор. За инсигниями шли Николай I и Александра Федоровна, члены императорского дома, придворные дамы и генералитет⁵²⁶. О прибытии императора и короля в зал Сената возвестил колокольный звон и пушечная стрельба.

Обряд коронации состоял из нескольких этапов. Фактически церемония в зале Сената начиналась и заканчивалась молитвами примаса Воронича, указывавшими на то, что все действие освящено католической церковью. После прочтения первой краткой молитвы «о благословении Его Величества Императора и Короля» примас подал монарху мантию и корону. Согласно установленному церемониалу, Николай сам возложил на себя эти регалии. Затем новый польский король надел на Александру Федоровну, преклонившую колени, цепь ордена Белого Орла, а «две почтенные дамы» приколотили ее к мантии⁵²⁷. За этим последовала

519 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 5.

520 По сообщению польской прессы, здесь могли размещаться до 2 тыс. дам (Kurjer Warszawski. 1829. № 136. S. 591).

521 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7.

522 Там же. Л. 4 об.

523 О коронации Его Императорского Величества. С. 421–422.

524 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 4 об.

525 Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 461.

526 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 5–5 об.

527 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6.

кульминация коронации – император Всероссийский и король Польский, взяв в руки скипетр и державу, предстал перед публикой, а примас провозгласил троекратно «Vivat rex in aeternum!» («Да здравствует король!»).

Следует отметить, что как в польских источниках, так и в литературе, посвященной коронации, часто упоминается следовавшее за словами примаса молчание публики. Его именуют «гробовым» и расценивают как своего рода зловещее предзнаменование⁵²⁸. О. С. Каштанова справедливо замечает по этому поводу, что «в действительности молчание присутствующих объяснялось тем, что церемониал коронации не предусматривал индивидуальных проявлений бурного ликования и не оставлял никаких инструкций на этот счет»⁵²⁹. Действительно, «Церемониал» предписывал публике, присутствующей на коронации, «принести поздравления... королю и императору» троекратным поклоном, дамам надлежало склониться в глубоком реверансе⁵³⁰. Кроме того, фразу «Да здравствует король!» должна была сопровождать интенсивная пушечная стрельба и звон колоколов всех варшавских костелов, а значит, ощущение гнетущей тишины – не более чем легенда, сформированная ретроспективным взглядом на событие.

После того как пушечные выстрелы и звон колоколов затихли, началась вторая часть действия, во время которого Николай преклонил колени и произнес молитву. В. А. Жуковский воспринял эту часть коронации как самую эмоциональную: «За сим последовало трогательное, разительно-величественное действие: монарх России и Польши, украшенный венцом прародительским, преклонил колено пред невидимо присутствующим Богом, произнес молитву за себя и за народ, вверяемый его любви промыслom: лицо его было оживлено чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного; внимавшие исполнены были глубокого благоговения и проливали слезы благодарности»⁵³¹. Схожее описание оставил А. Х. Бенкендорф, сообщавший, что император прочел «перед невидимо присутствующим Богом... молитву за себя и за народ, вверяемый любви его промыслom», а все «внимающие исполнены были глубокого благоговения и проливали слезы благодарности»⁵³². Момент, когда монарх поднялся, послужил сигналом к тому, чтобы все присутствующие опустили на колени и примас, также стоя на коленях, прочел молитву во здравие короля.

По завершении церемонии Николай, Александра Федоровна и все присутствующие в сопровождении духовенства совершили церемониальное шествие к собору Св. Яна. По описанию Жуковского, сохранившемуся, что примечательно, в материалах Третьего отделения, то есть представляющему официальную версию произошедшего, при появлении на площади нового польского короля «всё, всё воскликнуло в один голос: сия огромная туча народа, которая от самого низа площади движущуюся массою возвышалась до кровель высоких домов, сей громозвучный приветственный клик, с коим сливался звон колокольный и гром выстрелов пушечных, сие блестящее безоблачное небо, озарявшее царя торжествующего и народ его прославляющий, всё сие вместе составляло картину единственную»⁵³³. Шествие прошло по уложенным помостам, вдоль которых были

528 Kicka N. Pamiętniki. P. 170; Skarbek F. Dzieje Polski. Poznań, 1877. T. 2: Krolestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. S. 265–266; Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 46.

529 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 46.

530 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6.

531 Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 462.

532 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 9.

533 Там же. Л. 9–9 об.

выстроены лейб-гвардии Литовский, Польский гренадерский и Волынский полки, а также Саперный и сводный гренадерский батальоны, егеря и пехота⁵³⁴. Его открывал «примас Царства Польского, предшествуемый крестоносцем... и сопровождаемый епископами»⁵³⁵. В костеле состоялось богослужение.

День завершился огромным королевским обедом, во время которого поднимались тосты за короля, королеву, королевскую семью и «за всех верноподданных и за благоденствие Королевства»⁵³⁶. Тосты сопровождались оружейными залпами⁵³⁷. В конце вечера перед королевской четой и собравшимися гостями выступали Никколо Паганини и польский скрипач Кароль Йозеф Липинский⁵³⁸. Вечером город был иллюминирован⁵³⁹.

Высказанная некогда в письме брату идея Николая избежать во время коронации торжественности («Будет уместно, если коронация окажется очень простой и ограничится двумя днями без каких-либо праздников... кроме (формального) обеда и бала поляков»⁵⁴⁰) реализована не была. За коронацией последовала череда бурных празднований⁵⁴¹ – многочисленные обеды, театральные представления, грандиозный народный праздник в Уяздове, прием в дворцовом комплексе Лазенки⁵⁴² и несколько «блистательных» балов, из которых один был дан «городом», а второй – президентом Сената графом С. Замойским⁵⁴³. Император и императрица, появляясь в сопровождении великих князей Константина и Михаила, наследника, принца Карла Прусского и герцога Александра Вюртембергского, исправно посещали все мероприятия⁵⁴⁴.

534 РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 82.

535 Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

536 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7 об.

537 Число пушечных залпов составило 61, 51, 31 и 21 соответственно (Там же).

538 Kurjer Warszawski. 1829. № 139 (25 мая). S. 603; *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 143; Жуковский В. А. Дневники 1829 г. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 308; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

539 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 39. Описание событий этого дня нашло свое отражение и в одной из записных книжек императрицы Александры Федоровны (ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 412. Л. 17 об. – 18). Другие заметки, оставленные женой Николая I за этот период, сохранились в Ф. 728 (Коллекция документов рукописного отделения Зимнего дворца) ГА РФ.

540 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 325; *Кузнецов А. А.* Император Николай I как конституционный монарх. С. 402–418.

541 Коронации предшествовал период подготовки и репетиций (*Kraśiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 416–417).

542 *Golejewski H.* Pamiętniki. T. 2. S. 204.

543 Ibid.; *Kraśiński J.* Z pamiętników Józefa hr. Kraśińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 416–417, 426; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 320; О коронации Его Императорского Величества. С. 433–435; *Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3–9.

544 Судя по сохранившимся источникам, сестра Николая I великая княгиня Мария Павловна и ее муж, герцог Веймарский, должны были приехать в Варшаву после коронации. В конце апреля князь Волконский писал доверенному лицу великого князя Константина графу Куруте, прося разместить сестру императора с максимальным удобством: «Ея Высочество Великая Княгиня Мария Павловна изволит прибыть в Варшаву после отъезда Ея Величества государыни императрицы (Александры Федоровны. – Прим. авт.)» (РГИА. Ф.

С точки зрения внешнего антуража Николай действительно «повторил» церемонию для поляков. Здесь были и въезд в столицу с демонстрацией единства императорской фамилии, и присутствие высших военных, гражданских и придворных чинов, и полный набор государственных регалий, и, наконец, возложение императором на себя короны. Последовательность некоторых элементов в известной мере напоминала московскую коронацию 1826 г. Николай I был встречен у ворот Варшавы великим князем Константином Павловичем, что было повторением встречи Николая I у границы древней столицы московским военным губернатором с чинами. В большинстве своем совпадала и логика выноса предметов. Если в Москве шествие регалий открывалось цепью ордена Св. Андрея Первозванного, то в Варшаве – цепью ордена Белого Орла; в обоих случаях его замыкала корона⁵⁴⁵.

Польская коронация, впрочем, отличалась от московской целым рядом знаковых моментов. Во-первых, Николай I не короновал в Варшаве императрицу Александру Федоровну. На нее был возложен орден Белого Орла, но не корона⁵⁴⁶. «Церемониал коронования Его Величества Николая I»⁵⁴⁷ отдельно оговаривал, что Александра Федоровна войдет в зал Сената в порфире и короне⁵⁴⁸. Тремя годами ранее в Москве все выглядело иначе. Согласно «Отечественным запискам», «Его Величество на императорском престоле Своим призвал Ее Величество Государыню Императрицу Александру Федоровну (которая – к увеличению всеобщего умиления поверглась неожиданно на колени) и, сняв с Себя корону, прикоснулся оною к главе Ее и потом возложил на главу Ее Величества меньшую корону; как потом возложил на Нее порфиру и цепь Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного»⁵⁴⁹. Во-вторых, в Варшаве церемония была формально светским действием, и речь не шла о помазании. В этом смысле для императора эта коронация не стала священнодействием. Вместе с тем это отнюдь не сняло вопроса о религиозной составляющей, как, вероятно, рассчитывал Николай.

Церемония сопровождалась проявлением аффектированных форм поведения со стороны публики. Речь не только о бурных приветствиях и столпотворении на улицах, которое зафиксировали представители свиты Николая и приближенные великого князя Константина Павловича⁵⁵⁰. Сохранились многочисленные воспоминания представителей как российской, так и польской стороны о том, что красное сукно с помоста, по которому коронационная процессия прошла от Варшавского замка до собора Св. Яна и обратно, было разорвано и разобрано на сувениры⁵⁵¹. Журнал «Отечественные записки» так сообщал своим

472. Оп. 1. Д. 24. Л. 236, 390). В Варшаве ожидали также приезда прусского принца Вильгельма и ландграфа Гессен-Гомбургского (Там же. Л. 236, 277).

545 Последовательность выноса других регалий в московской и варшавской коронации несколько отличалась (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 61).

546 Во время церемонии Николай не возлагал на себя цепь ордена: к тому моменту он уже был его кавалером.

547 В названии «Церемониала» указание на коронование Александры Федоровны отсутствовало.

548 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 5.

549 Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. № 31 С. 198.

550 Официальный язык описания коронации польской стороной был не менее эмоционален (AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 14; Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки». С. 9).

551 Об этом см.: Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 7; Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 61–62.

читателям об этом эпизоде: «...добрые поляки по окончании коронации кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Его Августейшей Супруги, и старались получить хотя малейший лоскуток оногo, дабы принесть в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события для соплеменных народов»⁵⁵².

Отметим и финансовую сторону дела. Новый польский король полностью оплатил варшавскую коронацию. Материалы польского казначейства свидетельствуют об этом прямо: в документе от 15 (27) августа 1829 г. значится, что «в соответствии с желанием Светлейшего Государя, высказанным министрам... дня 20 мая (1 июня) текущего года... счет всех расходов на коронацию... должен быть представлен Государю»⁵⁵³.

Решение Николая оплатить все расходы за проведение коронации не было спонтанным, как это может показаться из приведенного сообщения. Переписка министров императорского двора и финансов раскрывает детали расчетов, которые планировалось произвести. П. М. Волконский так описывал Е. Ф. Канкрину схему договоренностей с министром финансов Царства Польского князем Ф.-К. Друцким-Любецким: «Перед отъездом моим из Санкт-Петербурга получил я от Вашего Высокопревосходительства два кредита на неопределенную сумму: один на имя министра финансов Царства Польского князя Друцкого-Любецкого, а другой на имя банкиров Шихлеров в Берлин. По первому из кредитов получил я деньги в Варшаве... и сверх того князь Друцкий-Любецкий предложил мне продолжить брать и в Берлин потребные деньги на расходы из находящегося здесь Польского казначейства с возвратом потом оных из государственного казначейства. Находя с моей стороны предложение сие выгодным, потому что казна избавится от сего платежа банкирам денег за Комиссию и других расходов, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство уведомить меня: согласны ли Вы с сим предложением князя Любецкого и нет ли к тому каких-либо препятствий»⁵⁵⁴. В отличие от Волконского министр финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин не был убежден, что предлагаемый Ф.-К. Друцким-Любецким вариант настолько выгоден, ведь возвращать деньги в польскую казну пришлось бы наличными, «между тем как в случае заимствования денег у банкиров в Берлине они будут получать уплату из фондов наших в Амстердаме находящихся, что в настоящих обстоятельствах было бы более облегчительно». В итоге Канкрин оставил решение вопроса на усмотрение Волконского, которому, по мнению министра финансов, было проще на месте определить, какой вариант является оптимальным⁵⁵⁵. У нас нет информации относительно того, какой путь выбрал министр императорского двора. Не приходится, впрочем, сомневаться, что вся история с коронацией для России проходила по категории «расходы».

В конце лета 1829 г. казначейство направило в Министерство внутренних дел Царства Польского, собиравшее документы на оплату, множество счетов – на оплату 66 тыс. злотых за иллюминацию и украшение национального театра⁵⁵⁶, на 195 350 злотых за украшение зала Сената⁵⁵⁷, за содержание в столице войск и пр.⁵⁵⁸ По подсчетам Е. Гутковского, общая сумма

552 О коронации Его Императорского Величества. С. 435.

553 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 174.

554 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 391.

555 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 406–407а.

556 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 174.

557 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

558 Одним только российским войскам в Варшаве было выдано 17 081 руб. 92 ½ коп. серебром (РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 56 об.).

затрат на коронацию составила 586 804 злотых 11 гр.⁵⁵⁹ В российской историографии фигурируют другие цифры, основанные на утверждении дореволюционного историка П. М. Майкова, который полагал, что на коронационные расходы из казначейства Российской империи было выделено 1 209 613 флоринов. К этой сумме стоит также прибавить не учтенные в этих документах траты на ремонт мостовых и фасадов в Варшаве⁵⁶⁰, подготовку и поведение императорской поездки в столицу Царства Польского и обратно, а также поощрительные выплаты, осуществлявшиеся как по пути, так и в самой Варшаве⁵⁶¹.

Стоит отметить и замечание польских источников личного происхождения о том, что коронация стала временем повышенной коммерческой активности⁵⁶², то есть размещения большого числа заказов и получения прибыли. В рост, конечно, шел и символический капитал – раздавались многочисленные награды и ордена, производились повышения по службе.

Согласно материалам, которые были собраны в Польше уже в начале 1850-х гг., по случаю коронации было амнистировано 3915 преступников, отменено штрафов, долгов и разного рода взысканий на сумму 8 586 216 руб. серебром⁵⁶³. Подарком было и решение Николая I сократить польский долг перед Российской империей и снизить процент по польскому займу – постановление об этом пришлось ровно на период между коронацией 1829 г. и сеймом 1830 г.⁵⁶⁴

Существенно, однако, что все эти милости, послабления и прощения не были отмечены в официальных документах как императорские дары, как это традиционно делалось в манифестах в связи с московскими коронациями. Император не решился указать полякам на сам факт дарения, полагая, очевидно, что его вклад в общее будущее братских народов обеспечен, очевиден и не может быть оспорен.

3.2. Между православием и католичеством

На первый взгляд, коронация была сформирована как своего рода симбиоз православной и католической обрядовости. Как уже упоминалось, церемонии предшествовал въезд в город, во время которого православный монарх проехал мимо соборов самых значимых католических орденов и принял святую воду у костела Св. Франциска⁵⁶⁵, а российская императорская корона Анны Иоанновны, назначенная для церемонии, была освящена в католическом соборе. Отметим, что благословение регалий в костеле шокировало русских зрителей. Воспитатель наследника престола В. А. Жуковский назвал эту часть действия «неприличием освящения короны»⁵⁶⁶. В день коронации перед началом церемонии Николай I и Александра Федоровна молились в православной церкви Варшавского замка, а

559 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 3.

560 Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

561 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 157. Эту сумму называет также О. Р. Айрапетов (Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 2. М.: Кучково поле, 2017. С. 164).

562 Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Krakow, 1900. Ks. III. S. 123.

563 Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 592–615.

564 Подробнее об этом см. главу 7.

565 AGAD. F. 190. № 93. К. 15–21.

566 Жуковский В. А. Дневники 1829 г. С. 308.

по завершении ритуала новые польские король и королева присутствовали на обедне в католическом соборе Св. Яна.

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что в рамках церемонии соотношение между православием и католичеством оказывалось резко смещено в сторону последнего. Как уже упоминалось, в зале Сената был устроен алтарь⁵⁶⁷. Ни один из известных нам источников не описывает и не изображает этот алтарь сколько-нибудь подробно. Очевидно, однако, что речь шла об открытом престоле, на котором, кроме креста, могли размещаться богослужебные книги и утварь. При этом стоит отметить, что этот престол не использовали для размещения регалий⁵⁶⁸, а установленное на столе распятие, по всей видимости, было большим и очень заметным. Так, А. Х. Бенкендорф в одном из своих писем прямо указывал, что «посреди залы возвышался крест»⁵⁶⁹. Поскольку последний был установлен в центре коронационного пространства, то все действия императора, включая преклонение колен во время произнесения молитвы, оказывались прямо соотнесены с главным католическим символом. Стол с распятием не превращал, конечно, зал Сената в сакральное пространство для Николая и православных из состава его свиты. Но вместе с тем, особенно с учетом активной роли, которую играл в церемонии примас Царства Польского, появление такого элемента серьезно усиливало акцент на католической традиции, то есть создавало ситуацию, обратную той, какую представлял себе Николай, рассуждавший о светском характере действия.

Иерархи католической церкви стали активными участниками коронации на всех ее этапах – от въезда императорского кортежа в Варшаву до завершившего череду празднований народного гулянья в Уяздове⁵⁷⁰. Особенно заметен был примас Царства Польского – во время церемонии он подавал монарху регалии, а также произнес две молитвы, которые, как уже упоминалось, словно обрамляли молитву Николая. При этом вторая часть сказанного им, то есть то, что было произнесено уже после того, как монарх возложил на себя корону, может расцениваться равным образом как призыв и к богу, и к новому польскому королю: «Твое (Божье. – *Прим. авт.*) провидение и мудрость высочайшая да сопутствуют ему (Николаю I. – *Прим. авт.*) повсюду, дабы Он был справедливым к своим народам, блюстителем покоя для их блага и счастья! Да будет всегда победителем врагов своих, карателем злых, милосердным и благосклонным для добрых!.. Сохрани неколебимую верность между народами, скипетру его подвластными, да видят в Нем Отца, веселящегося о своих детях»⁵⁷¹. Можно согласиться с М. Гетка-Кенигом, который указывает, что присутствие и активная роль примаса создавали у зрителей ощущение, что он хотя и не коронует Николая I, но ведет церемонию⁵⁷². Вероятно, сыграло свою роль и то, что, читая молитву, коленопреклоненный монарх был обращен лицом к католическому алтарю (кресту). Некоторые современники пошли в своих оценках еще дальше, заявив о том, что примас короновал Николая. Так, А. Млоцкий писал в воспоминаниях о дне коронации: «Православный царь, самодержец Московии *смирился перед примасом Королевства Польского* почтенным Вороничем, давал присягу соблюдать

567 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.; Kurjer Warszawski. № 129. S. 5 (553); О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

568 О коронации Его Императорского Величества. С. 424.

569 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 3199. Л. 8.

570 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2 об.

571 Вестник Европы. 1829. № 13. С. 56.

572 *Getka-Kenig M.* The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–30). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 2013. Vol. 3. P. 401.

конституцию, слушал его проповедь, прежде чем возложил на свою голову польскую корону»⁵⁷³. В воспоминаниях П. А. Колзакова, впрочем подвергшихся более поздней обработке, и вовсе утверждается, что «когда государь стал на свое место, то примас прочел молитву и провозгласил его королем польским»⁵⁷⁴.

Следует отметить, что католические службы в честь коронации проходили далеко не только в Варшаве – по решению Административного совета благодарственные молебны совершались во множестве других костелов Царства Польского⁵⁷⁵.

Судя по материалам Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел за апрель 1829 г., варшавской коронации также предшествовали массовые награждения католических священнослужителей⁵⁷⁶. Во время пребывания в Царстве император и король демонстрировал подчеркнутое уважение к католицизму и на несколько ином уровне. Находясь в поиске «достойного предшественника на польском престоле»⁵⁷⁷, монарх обратил свое внимание на знаменитого Яна III Собеского – польского короля, известного войнами с Османской империей и победой над турками под Веной в 1683 г. Во время коронации, как уже упоминалось, Николай использовал меч, подаренный Собескому римским папой Иннокентием XI.

Православные коннотации в церемонии были сведены к минимуму. Император отказался от православного молебствия в честь коронации, так как считал его излишним⁵⁷⁸ – его венчание на царство состоялось три года назад, и православным сюжетам здесь было не место. Действительно, православные священники в коронации задействованы не были. Мы не можем отрицать их присутствия, поскольку императорская чета несколько раз посещала православную церковь замка. Вместе с тем они совершенно не видны в официальных документах, печатных церемониалах императорского путешествия и коронования. Их не заметили газеты и журналы, опубликовавшие описания действа, причем не только польский «Варшавский курьер», но и российские «Отечественные записки» и «Северная пчела»⁵⁷⁹. Существенно, что в «слепой зоне» оказались не только православные священнослужители как некая цельная группа – не удастся обнаружить и индивидуальных упоминаний кого-либо из них. Так, благочинный церковей Царства Польского протоиерей Феофил (Новицкий)⁵⁸⁰ ни разу не появляется на страницах официальных описаний церемонии или в рассказах о состоявшихся в последующие дни празднествах. Между прочим, в литературе содержится

573 Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.

574 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 451.

575 AGAD. F. 191. № 19 (161). К. 138.

576 См. также показательное дело римско-католического священника Криштовича, находившегося в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на театре военных действий и награжденного орденом Св. Владимира (19 апреля 1829 г.) (РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 2. Л. 152–152 об.)

577 Подробнее об этом см. в главе 4.

578 Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 413.

579 Вопрос участия православных иерархов в подготовке церемониала прояснен не до конца. Учитывая статус церемонии, к обсуждению вопроса варшавской коронации могли привлечь митрополита Московского Филарета (Дроздова), однако документальных свидетельств этому (как в архиве Синода, так и в материалах самого митрополита (РГИА. Ф. 832)) найти не удалось. Известно лишь, что весной 1829 г. в момент активной подготовки к церемонии Филарет находился в Северной столице. При этом в конце апреля 1829 г. последовал императорский указ «об увольнении [в мае 1829 г.] синодального члена преосвященного Филарета Митрополита Московского во вверенную ему епархию» с выплатой ему 5 тыс. руб. «на подъем» и «с тем, чтобы он возвратился сюда (в Петербург) по примеру прошлого года» (РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 316. Л. 4).

580 Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 25.

указание, что во время коронационных торжеств протоиерей подавал прошение о необходимости строительства в Варшаве православного собора. Прошение, как принято думать, было утверждено Николаем I, но строительству помешало начало восстания⁵⁸¹. Материалы подготовки к коронации не содержат никаких указаний ни на поданное прошение, ни на резолюцию императора.

Российские издания, писавшие о николаевской коронации в Варшаве, не стремились к цензурированию информации о конфессиональных особенностях ритуала. Так, «Отечественные записки» рассказали своим читателям о церемонии внесения регалий в костел Св. Яна и последовавшей за коронацией католической службе, на которой присутствовал император⁵⁸², а также разъяснили статус примаса, названного здесь «пастырем католического вероисповедания»⁵⁸³. Схожими были и реакции участников, отмечавших католиков и не видевших православных иерархов во время проведения церемонии⁵⁸⁴.

Неверным будет и сопоставление двух упомянутых богослужений – в православной церкви замка перед коронацией и в соборе Св. Яна после нее. Церковь замка представляла собой исключительно небольшое пространство, и появление здесь императора и императрицы, кстати не прописанное в «Церемониале», выглядело как почти частное дело. При этом движение монарха в собор Св. Яна, напротив, было представлено как важнейший элемент коронации: император и король шествовал в сопровождении духовенства и свиты перед многочисленными зрителями, расположившимися на дворцовой площади и на улице, соединяющей замок и собор. Звуковое сопровождение коронации маркировало это движение как ключевую часть действия: 101 пушечный выстрел прозвучал после возложения Николаем I на себя короны и при появлении монарха в соборе⁵⁸⁵. А. Х. Бенкендорф ярко описал эту часть церемонии: «Войдя в церковь, под сводами которой столько королей приняли свою корону»⁵⁸⁶, и где столько поколений приветствовали своих государей, поляки должны были почувствовать гордость, наблюдая, как наследник Петра Великого выказывал уважение их вероисповеданию. Католические священнослужители, должно быть, с удивлением молили Господа о защите их православного повелителя»⁵⁸⁷.

Забегая вперед, скажем, что после Польского восстания 1830–1831 гг. пересмотру, переоценке и перекодировке подвергались многие детали коронации 1829 г., в том числе и молебн в соборе Св. Яна. Историки зачастую шли вслед за менявшими свое мнение участниками событий, подвергая сомнению даже сам факт молебна. Так, С. М. Фалькович, например, изложила версию, обратную произошедшему: по мнению исследовательницы, Николай выражал желание участвовать в торжественном молебне в католическом костеле, однако архиепископ, которого просили трижды, решительно отказался его проводить⁵⁸⁸.

581 Там же.

582 О коронации Его Императорского Величества. С. 430.

583 Там же. С. 421.

584 См., например, дневник В. А. Жуковского: *Жуковский В. А. Дневники 1829 г.* С. 308–309.

585 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6–7.

586 Здесь А. Х. Бенкендорф ошибается – главным местом коронации польских королей был Вавельский собор в Кракове.

587 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409–410.

588 Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407.

В сущности, говорить о попытках выстраивания некоего конфессионального баланса в период проведения варшавской коронации не приходится. Речь идет не более чем об отдельных отсылках к православию при тотальном доминировании католического дискурса. В этом смысле в отношении распространения православия в Царстве Польском или даже простого расширения конфессионального пространства для проживавших здесь православных коронация ничего не изменила. Начало пересмотра этих позиций связано с периодом после восстания: православная епископская кафедра была учреждена в Варшаве в 1834 г., а кафедральный собор появился лишь в 1837 г.

Интересно, что в 1829 г. российская сторона предприняла робкую попытку демаргинализировать статус православия в Польше. Н. Н. Новосильцев, вероятно стремясь воспользоваться организацией торжеств, составил доклад о греко-российской церкви в Царстве Польском⁵⁸⁹. Появлению документа предшествовала «конференция» (переговоры) представителя Синода, протопресвитера московского Успенского собора Якова Дмитриева с польским Министерством духовных дел и народного просвещения. Во время своей поездки Дмитриев «обозрел монастыри и церкви греко-российского вероисповедания находящиеся в Царстве Польском» и сообщил о своих выводах в Петербург⁵⁹⁰. В январе 1829 г. император утвердил «Положение о делах Греко-Российской церкви в Царстве Польском, какие из оных подлежат епископскому суду, а какие относятся к ведомству министерства духовных дел»⁵⁹¹. Документ также постановил, что «для ближайшего надзора за надлежащим порядком в церквях и духовенстве быть благочинному, который имеет пребывание в Варшаве при Подавальской Свято-Троицкой церкви»⁵⁹².

Вместе с тем даже после подписания документа императором Николаем обсуждение вопроса отнюдь не завершилось. В марте 1829 г., то есть в момент, когда дискуссия о деталях коронации была в самом разгаре, великий князь Константин Павлович сообщил императору, что получил замечания относительно «Положения о делах Греко-Российской церкви в Царстве Польском». Министр юстиции и министр финансов Царства Польского уведомили великого князя, что они находят некоторые статьи Положения «не согласованными с существующими в Царстве Польском законами», а значит, вопрос необходимо пересмотреть⁵⁹³. При этом в документах подписанное императором положение называлось «проектом»⁵⁹⁴. Константин Павлович был возмущен подобными действиями и расценивал все произошедшее не иначе как саботаж. Он прокомментировал действия министра финансов Друцкого-Любецкого следующим образом: «При личном... со мною объяснении князя Любецкого, старался... коварным образом опровергать существующее постановление... а сие самое доказывает намерение его все здешнее отделять от России»⁵⁹⁵.

Суть произошедшего можно свести к тому, что польские министры финансов и юстиции попытались оспорить постановление, принятое императором Николаем I. С одной стороны, это показывает, что к моменту коронации в отношении положения православной церкви в Польше не были решены даже базовые вопросы, а с другой – указывает, что, бросая вызов российскому императору, инициаторы пересмотра положения не только ничем не

589 Из архива Н. Н. Новосильцова // Русский архив. 1908. № 6. С. 182.

590 Там же. С. 183.

591 Там же. С. 184.

592 Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 25.

593 Из архива Н. Н. Новосильцова // Русский архив. 1908. № 6. С. 189–191.

594 Там же. С. 191.

595 Там же. С. 193.

рисковали, но, напротив, обнаруживали, что подобного рода давление воспринимается как возможное, а значит, укреплялись в своем представлении об очень гибких границах дозволенного.

Общий взгляд на церемонию коронации дает возможность увидеть – то, что казалось Николаю I компромиссным вариантом церемонии, выстраданным в процессе многолетнего обсуждения с Константином Павловичем, в действительности оказалось версией, радикально смещенной в сторону польских религиозных и культурных реалий.

Глава 4

Бог/Дьявол в деталях

Описания и языки коронации

4.1. Для внешнего и внутреннего пользования: Манифесты и описания

В Польше о коронации было известно повсеместно: «Варшавский курьер» подробно писал о высочайшем въезде в город, церемонии коронации и последовавших за ней празднествах, в газете активно публиковались и стихи, написанные по случаю «священного дня»⁵⁹⁶. По городу активно распространялся «Церемониал коронования Николая I королем польским», напечатанный в Варшаве заранее и адресованный жителям Царства и иностранцам, находившимся в это время в городе⁵⁹⁷.

Иной была ситуация в самой России. Было бы ошибкой полагать, что российские подданные Николая I не имели информации о произошедшем. Описание коронации на французском и польском языках, судя по всему, широкого хождения в России не имело, но российская пресса также освещала церемонию. О николаевской коронации в Варшаве писали «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Северная пчела» и «Московские ведомости»⁵⁹⁸. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в России современники почти не откликнулись на это событие. В дневниках, письмах и тем более в воспоминаниях этого периода применительно к русско-польским отношениям на первый план выходили события, связанные либо с александровской Конституцией, либо с восстанием 1830–1831 гг. Коронация 1829 г. прошла практически незамеченной. Подобное «невнимание» современников, очевидно, объяснялось особенностями представления информации, а именно намеренным смещением акцентов и манипулированием фактами. Именно это обстоятельство, а также отказ от простраивания коммемораций в связи с польской коронацией не позволили российским подданным императора обнаружить суть и значение события.

Мы можем проследить механику этого процесса. Прежде всего отметим – о коронации русское общество было проинформировано постфактум. Именной указ «О совершившемся священном короновании Его Императорского Величества на Царство Польское» был объявлен на следующий день после церемонии⁵⁹⁹. Это шло вразрез с российской традицией: объявление о предстоящей коронации в Москве всегда появлялось задолго до церемонии. По окончании действия следовал, в свою очередь, манифест о свершившейся коронации, в

596 Kurjer Warszawski. 1829. № 129.

597 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–7 об.; AGAD. F. 190. № 93. К. 4–14.

598 Сын Отечества. 1829. Т. 3. С. 249, 375; Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4; Отечественные записки. 1829. Т. 38. С. 418–435; Вестник Европы. 1829. Т. 166. № 10. С. 145–150; Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2164–2165.

599 ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

котором традиционно объявлялись многочисленные милости (амнистия для преступников, прощение недоимок и пр.). Период правления Николая I не был в этом отношении исключением. «Манифест о Священном Миропомазании и Короновании Его Императорского Величества, имеющих совершиться в июне месяце» был объявлен 21 апреля 1826 г.⁶⁰⁰, то есть за два месяца до предполагаемой церемонии⁶⁰¹. В день помазания на царство появился манифест «О совершении священного Коронования Его Императорского Величества, и о дарованных по сему случаю милостях и облегчениях разным состояниям»⁶⁰².

Сопоставление манифеста о короновании Николая I в Польше в 1829 г. с документами, оформлявшими его вступление на престол в Российской империи тремя годами ранее, позволяет увидеть и существенную разницу в содержательном отношении. Приведем здесь все три манифеста.

Манифест о Священном Миропомазании и Короновании Его Императорского Величества, имеющих совершиться в июне месяце. 21 апреля 1826 г

Объявляем всем Нашим верным подданным. Со восшествием на Престол Наш Прародительский, восприяв бремя, от Бога на Нас возложенное, и во всемогущей Его силе и милосердии ища помощи и укрепления, положили Мы, по примеру благочестивых Государей, Предков наших, принять Священное Миропомазание и возложить на Себя Корону, приобщив сему Священному действию и Вселюбезнейшую Нашу Супругу Государыню Императрицу Александру Федоровну.

Предвозвещая о сем происшествии, имеющем с помощью Божиею совершиться в Престольном Нашем Граде Москве сего 1826 года в Июне месяце, Мы призываем верных наших подданных соединить с нами молитвы их ко Всевышнему, да благодать Его святая, со священным сим елеем изльется на нас и на Царство наше, да будет сие таинственное действие знаменiem и залогом благодати Его к нам и печатию любви, соединяющей нас с верными нашими подданными, коих счастье признаем мы единою целию наших мыслей, исполнением желаний, наградой трудов, верховною нашею обязанностью перед Царем Царствующих. Дан в Санкт-Петербурге Апреля 21 дня, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот двадцать шестое, Царствования же нашего в первое⁶⁰³.

О совершении священного Коронования Его Императорского Величества, и о дарованных по сему случаю милостях и облегчениях разным состояниям. 22 августа 1826 г

При помощи Всевышнего, при усердных мольбах верных наших подданных, по примеру Благочестивых Государей, Предков наших, по обряду Святыя Православныя Нашея Церкви, совершив в сей день Священное Коронование и восприяв Святое Миропомазание, положили мы ознаменовать сие событие милостями и облегчениями в нижеследующих статьях изображенными...⁶⁰⁴

600 Там же. Т. 1. № 274. С. 388.

601 Коронация была перенесена на 22 августа 1826 г. из-за траура по скончавшейся императрице Елизавете Алексеевне.

602 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 540. С. 891.

603 Там же. № 274. С. 388.

604 Далее следовало перечисление милостей: прощение находящихся под следствием и судом, списание недоимок, штрафов и взысканий и т. д. (Там же. № 540. С. 891–896).

О совершившемся священном короновании Его Императорского Величества на Царство Польское. 13 мая 1829 г

Именной, данный Санкт-Петербургскому Военному Генерал-Губернатору.

Согласно с волею незабвенного Брата Нашего, блаженные и вечныя славы достойного Императора Александра, Мы, сего 1829 года Мая 12 в Нашем столичном городе Царства Польского Варшаве, короновали Себя Царем Польским, возложив на главу Свою Прародительскую Нашу Императорскую Всероссийскую корону. Повелеваем вам известить жителей столичного города Санкт-Петербурга о сем торжественном действии, коим на все времена определено и утверждено бытие Царства Польского навсегда нераздельным с Империею Российскою⁶⁰⁵.

Анализ документов демонстрирует разницу в восприятии статуса церемоний. Описание варшавской коронации было предсказуемо лишено религиозного уровня осмысления – она названа «священной» (слово в манифесте написано с использованием строчной буквы) лишь однажды, притом что события трехлетней давности названы «Священным Миропомазанием и Коронованием» и «Священным действием» (фигурируют заглавные буквы). Польская коронация оказывается явлена не велением бога, как это было в Москве («восприяв бремя, от Бога на Нас возложенное»), а по указанию императора Александра I («согласно с волею незабвенного Брата Нашего»). Из «польского» манифеста исчезает Миропомазание: если в Москве император «принял Священное Миропомазание и возложил на Себя Корону», то в Варшаве состоялась лишь вторая часть действия. В манифесте о польской церемонии не упоминались ни православная, ни католическая церковь. Согласно тексту манифестов, коронация 1826 г. произошла в «Престольном Граде Москве», тогда как варшавская – в «столичном городе Царства Польского Варшаве».

С точки зрения отсылки к исторической традиции варшавская коронация позиционировалась двойственно. В манифесте, распространенном в Российской империи, нет и намек на попытку встроить Николая I в сложившуюся традицию польских коронаций или поставить его в ряд с польскими королями. Этот уровень существовал, как будет показано далее, исключительно для Польши. В России он оказывался не только бессмысленным, но и неприемлемым: Николай I должен был следовать лишь одной – русской – коронационной традиции. Однако и стремления вписать польскую церемонию в русскую традицию мы здесь тоже не обнаруживаем. В документе нет ни намека на основания, о которых сообщает манифест о московской коронации 1826 г.: «Восшествием на Престол Наш Прародительский... по примеру благочестивых Государей, Предков наших». Из варшавского текста исчезает и императрица, которая присутствовала в манифесте о будущей московской коронации.

Вместе с тем нельзя не отметить фразу о том, что во время коронации в Варшаве Николай I возложил «на главу свою Прародительскую Нашу Императорскую Всероссийскую корону». Вероятно, в этом случае важно было не допустить, чтобы в обществе сложилось впечатление, что Николай короновался неким польским венцом. С другой стороны – и это более существенный момент, – необходимо было указать на некое единое поле власти в России и Царстве Польском.

В манифесте, опубликованном в России, коронация 1829 г. была описана как некое значимое, но уникальное, имея в виду не вписанное в традицию повторения, событие: церемония была названа «торжественным действием», «коим на все времена определено и утверждено бытие Царства Польского навсегда нераздельным с Империею Российскою». Показательно и то, что, в отличие от манифеста о московской коронации, адресованного «всем подданным», известие о свершившейся польской коронации получили лишь петербуржцы и москвичи⁶⁰⁶. Манифест 13 мая 1829 г. был дан Санкт-Петербургскому

605 ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

606 Указы надлежало публиковать, что было установлено еще петровским законодательством и предполагало публикацию типографским способом или чтение в церквях (Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О.

военному генерал-губернатору⁶⁰⁷, аналогичный документ получил и московский военный генерал-губернатор Д. В. Голицын⁶⁰⁸.

Как уже отмечалось, манифест о польской церемонии не содержал перечисление милостей, дарованных монархом. Для сравнения отметим, что в манифесте «О совершении священного Коронования» в Москве описание подобного рода, вполне в духе традиции, было развернутым и занимало несколько страниц. О милостях в Польше коротко сообщили впоследствии «Московские ведомости»⁶⁰⁹, но на уровне прямой декларации позиции такого рода были опущены.

В целом правительство стремилось представить варшавскую коронацию культурной церемонией, которая символически подчеркивала присоединение Царства Польского, но не представляла собой сакральное действо, сопоставимое с московским. Манифест о варшавских событиях был во всех смыслах «легким» не только потому, что в нем не было упоминания «бремени власти», но и потому, что все произошедшее он объяснял исходя из двух аргументов – александровского повеления (тогда как в Москве речь шла об обязанности «перед Царем Царствующим») и декларируемой необходимости «навечно закрепить» вхождение Царства Польского в состав империи.

Эта на первый взгляд простая формула внутри короткого текста, впрочем, была найдена не сразу. Черновики будущего манифеста показывают, что первоначально предлагаемые установки были достаточно разноплановыми. Сохранились по крайней мере три версии будущего «Манифеста о совершившейся польской коронации» от 13 (25) мая 1829 г. Автором итогового коронационного манифеста мог быть В. А. Жуковский, в дневниках которого есть указание, что он провел вечер 12 (24) мая за «сочинением манифеста»⁶¹⁰. Можно предположить, что черновики также принадлежали ему.

Согласно этим материалам, автор текстов предлагал первоначально включить в манифест достаточно большой пассаж, объясняющий церемонию в Варшаве. В окончательной версии манифеста от него было решено отказаться. Черновые варианты демонстрируют интенсивный поиск объяснительной модели и сложность, если не невозможность ее обретения. В самом пространном тексте, который не имеет точного адресата, помимо упоминаний заветов Александра I и предписаний, зафиксированных в польской конституции, содержались следующие указания: «Мы уповаем, что старшие дети наши, верные россияне принесут за нас мольбы ко всевышнему, да подаст он Нам силы устроить во благо судьбу и другого народа им соплеменного как они вверенного нам промыслом Божиим... как они достойного нашей любви и счастья»⁶¹¹. При помощи разных нарративных структур этот вариант текста уравнивал два народа – русских и поляков. Они оказывались равны, поскольку были вверены императору богом и одинаково достойны любви и счастья. При этом император намеревался устроить судьбу польского народа «во благо». Здесь, впрочем, была задана иерархия, поскольку россияне именовались «старшими детьми».

М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 2004. С. 353).

607 ПСЗ. Собрание 2. Т. 4. № 2867. С. 322.

608 Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 60; Московские ведомости. 1829. № 42. С. 1971.

609 «Московские ведомости» писали следующее: «Незабвенный день Коронования Августейшего Государя Императора Нашего ознаменован следующими Высокомонаршими милостями: разным, к смертной казни приговоренным лицам – дарована жизнь; многим под стражей содержавшимся убавлен срок их заключения, и разные недоимки Всемиловитвейше сложены» (Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2165).

610 Жуковский В. А. Дневники 1829 г. С. 308.

611 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 4 об.

Интересно, что точек сборки этой новой структуры было сразу несколько – воля бога, персоне самого Николая I (а прежде Александра I), на которого была возложена отеческая власть над теми и другими, требования польской конституции, а также «соплеменность» обоих народов и осмысленное вполне в духе философии Просвещения равное право всех на любовь и счастье⁶¹². Иными словами, согласно этому тексту, император короновался вторично в католической Польше по множеству причин. Количество, впрочем, было здесь компенсаторным – и суть церемонии, и основания, по которым она совершалась, ускользали от понимания. Ведь в этом варианте манифест не давал единого четкого ответа на вопрос, что и почему Николай делал в Польше.

Другой черновик, адресованный петербуржцам, объяснял все произошедшее схожим образом. Центральным здесь было указание на братство обоих народов, их принадлежность одной славянской семье и одному престолу: «...мы запечатлели братский союз между племенными народами, коих счастье вверенное Нам Провидением, тем будет неколебимее, чем тверже укоренится между ими единодушие в любви к престолу, родственное согласие и уважение взаимное»⁶¹³.

Архивные материалы показывают, что при формулировании положений манифеста В. А. Жуковскому было сложнее всего объясняться с москвичами, помнившими польские легионы на полях Бородино и в горящей Москве. В черновике манифеста, адресованного московскому военному генерал-губернатору, помимо утверждения, что коронация есть знак объединения «Царства Польского с Империею Российскойю навсегда», поэт предложил жителям древней столицы молитву, которой не было в петербургском тексте и которая отсылала к московским коронационным манифестам: «Мы уповаем, что верноподданные Наши принесут за нас мольбы ко всевышнему, да подаст он Нам силы устроить во благо общее, судьбу и другого народа им соплеменного и промыслом Божиим Нам вверенного»⁶¹⁴. Примечательно, что Жуковский не решился говорить москвичам о равенстве с поляками, отметив только, что последние были еще одним народом, которого бог доверил Николаю, и повторив, очевидно, самый устойчивый элемент этой интеллектуальной конструкции – трактовку о «соплеменности».

В целом, как видно из архивных материалов, работа над манифестом о свершившейся в Варшаве коронации шла по двум линиям – написания одной версии для Москвы, а другой – для Санкт-Петербурга. При этом Северной столице с ее космополитичной элитой, ориентированной на Европу, объяснить произошедшее оказывалось намного легче, чем древней православной столице, соотношенной в дискурсе власти с легитимностью. В итоговом манифесте, адресованном жителям обеих столиц, поэт предпочел отказаться от развернутой объяснительной части и зафиксировал лишь, что действо знаменовало собой «нераздельность» Российской империи и Царства Польского. Найти точную и удовлетворявшую всех трактовку произошедшего не получилось.

Интересную картину представляют и описания коронации в российской прессе. Каждое из освещавших ее изданий – «Московские ведомости», «Сын Отечества», «Вестник Европы» и «Отечественные записки» – предсказуемо выбрало свою стратегию. Так, «Московские ведомости» опубликовали манифест, данный на имя петербургского военного генерал-губернатора, и статью «Из партикулярного письма из Варшавы, от 26-го Мая»⁶¹⁵. Содержание материала показывает, что редакторы газеты постарались держаться позиции, предлагаемой манифестом. Опусив, что примечательно, факт возложения Николаем I на себя короны,

612 Там же. Л. 4–4 об.

613 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 3.

614 Там же. Л. 2.

615 Московские ведомости. 1829. № 46. С. 2164–2165.

автор материала сосредоточил свое внимание на приеме, который поляки оказали императорской чете («пламенный восторг»). Здесь также появился рассказ о шествии в собор Св. Яна (названный собором Св. Иоанна и не маркированный как католический), где, как сообщало издание, «было воспето: Тебе Бога хвалим...», а также гимн «Боже спаси Царя». При этом автор сосредоточился на перечислении наград, полученных по случаю церемонии польскими и российскими чиновниками и военными⁶¹⁶. Очевидно, «Московские ведомости» испытывали затруднение с передачей информации, касающейся варшавского действия. Издание даже предприняло попытку сместить внимание читателей с императора на других участников события, прежде всего наследника⁶¹⁷.

«Вестник Европы» трактовал коронацию в рамках своего рода культурного взаимодействия. Показательно, что заметка о произошедшем называлась «Варшава и дворец царский». Действо, упоминавшееся коротко и не получившее никакого описания, оценивалось как «напоминание» о великодушии Александра I⁶¹⁸. Спустя два месяца издание опубликовало молитвы, произнесенные во время коронации примасом⁶¹⁹. В этом материале Николай I сравнивался с царем Давидом, который был «посвященным в цари народу Израильскому», и провозглашался наследником Александра I⁶²⁰.

Несколько детальнее события освещались на страницах ориентированной на официальную повестку дня «Северной пчелы». Здесь появились подробное описание путешествия императорской четы из Петербурга в Варшаву, перевод церемониала и рассказы о торжествах, которые прошли в столице Царства Польского⁶²¹. Издание уделило некоторое внимание и православному контексту, опубликовав информацию, что сразу после въезда в Варшаву «Их Императорские Величества изволили отправиться, с процессиею, в Греко-Российскую церковь, в коей приносимо было Господу Богу молебствие»⁶²². Кроме того, в № 63 «Северной пчелы» появился «Отрывок письма из Варшавы», в котором некий наблюдатель описывал как церемонию, так и собственные впечатления от нее⁶²³. Концовка опубликованного текста должна была передать официальный взгляд на происходящее: «День сей останется незабвенным в летописях Польши. Им окончательно утверждено бытие *и на все времена определены границы Польского Царства*. Сим торжественным Коронованием запечатлен неразрывный союз двух соплеменных народов: корона России на главе Польского Царя есть символ благотворного соединения: она знаменует, что два народа, разные именем, составляют одно семейство под сению одной отеческой власти»⁶²⁴.

Иначе действовали «Отечественные записки», которые освещали варшавские события подробнее других российских изданий. Описание коронации здесь было передано от лица

616 Там же. С. 2165.

617 Там же. С. 2164–2165.

618 Вестник Европы. 1829. Т. 166. № 10. С. 145–150.

619 Там же. № 13. С. 53–57.

620 Там же. С. 53–54.

621 Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; Прибавление к № 57; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4.

622 Северная пчела. 1829. № 58. С. 2.

623 Там же. № 63. С. 3–4.

624 Там же. С. 4. Этот пассаж, принадлежавший перу В. А. Жуковского, сохранился также среди писем А. Х. Бенкендорфа (Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. С. 461–463; ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3199. Л. 9 об.).

«свидетеля», который, впрочем, в основном пересказывал на русском языке франко-польский «Церемониал коронования», включая часть с вынесением регалий и произнесением Николаем молитвы⁶²⁵. Исключение составил рассказ о череде варшавских празднований в честь коронации – балах, оперном представлении и особенно о народном гулянье. Этот сегмент текста явно представлял собой оригинальное описание, сделанное, по-видимому, свидетелем события⁶²⁶. Можно предположить, что его автором был П. П. Свиньин, составивший в стиле «официального сентиментализма»⁶²⁷ описание московской коронации Николая I, изданное в этом же журнале в 1826 г.

«Отечественные записки» повествовали о произошедшем событии как о ярком эпизоде проявления лояльности российскому монарху. Упоминания о том, что «народ всегда с восторгом встречал» монаршую чету и наследника⁶²⁸, перемежались более пространными описаниями выражения народных чувств, например: «Наконец настал желанный день. 12 мая еще чуть светало, как жители столицы, умноженные великим числом Поляков и чужестранцев, приехавших в Варшаву для того, чтобы иметь счастье быть свидетелями сего исторического события, начали собираться в улицах, прилежащих ко Дворцу»⁶²⁹. Эпизод с коронационным шествием в собор Св. Яна был описан не менее выразительно: «И я собственными глазами видел, как, в восторге Патриотизма, добрые Поляки по окончании коронации кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Его Августейшей Супруги, и старались получить хотя малейший лоскуток оногo, дабы принести в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события»⁶³⁰. При этом автор текста подчеркнуто именовал корону «Российскою» и избегал частого использования слова «Сенат». Именно поэтому зал Сената, где прошла коронация, в русском тексте превратился в «залу коронования».

Коронация в трактовке журнала являла собой «священный символ соединения навеки неразрывным узлом дружбы» двух народов, названных «соплеменными»⁶³¹. Здесь же появлялись и категории патерналистического порядка. Описывая кульминацию церемонии, молитву Николая I, автор текста сообщал: «После сей молитвы, читанной Царем с чувством чадолюбивого отца, дающего торжественный обет Богу любить Своих детей, судьба коих вложена Провидением в Его Десницу, Его Величество встал, а все присутствующие преклонили колена, и картина сия была истинно величественна»⁶³². Николай, названный здесь царем, представал в образе отца, а поляки – его детей, что соответствовало классическим и абсолютно узнаваемым трактовкам, использовавшимся для позиционирования власти в империи. Столь же узнаваемой для российского читателя была и апелляция к категориям «восторг» и «умиление», активно использовавшимся в российской политической риторике того времени. По справедливому утверждению Р. Уортмана, при

625 См. Приложения. «Отечественные записки» стремились также сделать рассказ о коронации более антропологичным: если при описании лиц, выносивших регалии, «Церемониал» оперировал лишь чинами, «Описание» называло всех поименно.

626 О коронации Его Императорского Величества. С. 431–433.

627 Термин Р. Уортмана (*Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 372).

628 О коронации Его Императорского Величества. С. 419.

629 Там же. С. 420.

630 Этот эпизод подтверждается и другими источниками. См., например: *Львов А. Ф.* Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

631 О коронации Его Императорского Величества. С. 435.

632 Там же. С. 429.

помощи отсылок к этим категориям, взятым из религиозного лексикона, «скреплялось сентименталистское таинство, возвышавшее отношения правителя и подданных до уровня духовной связи, сопровождавшейся экзальтацией и рыданиями. С их помощью создавалась видимость личного участия в условиях монархического правления»⁶³³.

Исключительное значение в «Отечественных записках» было отведено организованному на поле близ Уяздова народному празднику. Последний был представлен читателю как значимый, если не ключевой элемент действа. В отличие от официального франко-польского «Церемониала», где народные торжества оказались в части неструктурированного материала («На протяжении... трех дней весь город будет ярко освещен. В назначенные дни будут... проходить: бесплатные спектакли, угощения и развлечения для населения»⁶³⁴), «Отечественные записки» описали праздник пространно и детализированно.

«Увеселения для народа» в Уяздове действительно представляли собой грандиозное зрелище, собравшее около 80 тыс. зрителей⁶³⁵. Действо было хорошо описано современниками и нашло отражение в нескольких популярных впоследствии изображениях⁶³⁶. Польские авторы писали о празднике кратко, но выразительно⁶³⁷: по словам одного из них, народные гулянья походили на «настоящий венецианский карнавал»⁶³⁸.

Посреди поля была сооружена ротонда, купол которой помещался на 16 столбах коринфского ордера, а на куполе был установлен Белый Орел с распростертыми крыльями, украшенный гирляндами⁶³⁹. На поле были также построены расположенные амфитеатром галереи, куда пускали публику «по билетам» и где расставили столы с едой, окруженные фонтанами с красным и белым вином⁶⁴⁰. Здесь же были организованы увеселения – карусели, места для гимнастических игр и борьбы, танцоров и канатоходцев⁶⁴¹. Под приветственные крики толпы император, императрица, наследник, а также великие князья Константин и Михаил в сопровождении свиты проехали по полю несколько раз и разместились в ротонде.

Вполне в духе заданного московским описанием стандарта автор «Отечественных записок» сообщал о реакции народа на присутствие Николая и Александры на Уяздовском поле: «...народ встречал их с восторгом, приветствовал восклицаниями», а «насытив себя... зрелищами, все окружили столы, на коих яства предложены были веселящемуся народу рукою Царскою. За этими бесконечно длинными столами, покрытыми белыми скатертями, уставленными множеством блюд, между коими, по нежному вниманию, представлены были и национальные яства народа Польского, окруженными фонтанами, бившими

633 Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. London: Bloomsbury Press, 2017. P. 47.

634 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 7–7 об.

635 Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242–243.

636 Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszłego zamachu na cara. S. 175–183; Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

637 Krasinski J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 424–425; Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 320.

638 Krasinski J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 425.

639 О коронации Его Императорского Величества. С. 432.

640 Там же. С. 432–433.

641 Там же.

разноцветными винами, пировали граждане, уже носящие в душе своей любовь, благоговение и преданность к Николаю и Его Августейшему Дому»⁶⁴².

Значение, которое автор уделял празднику, не случайно. Реализуя свой «сценарий» в Российской империи, Николай I активно апеллировал к национальным сюжетам и народности. Во время коронации в Москве он первым совершил ставший потом традиционным поклон с Красного крыльца – трижды (по разу в каждую сторону) – перед собравшимися на Соборной площади Московского Кремля. По мнению Р. Уортмана, предметно исследовавшего этот сюжет, таким образом император «включал народ в церемонии дня коронации и в то же время по-новому определял значение „любви“ во взаимоотношениях престола и народа. Служа признанием принципа народного суверенитета, он в то же время нейтрализовывал его, превращая церемониальное одобрение в выражение воли народа»⁶⁴³. Рассуждения историка, на наш взгляд, равным образом точно определяют и суть варшавского праздника в Уяздове, ставшего «повторением» московского действия с его презентацией народной любви и конструированием одобрения.

На первый взгляд, «Отечественные записки» не пытались скрыть значимость католического элемента в коронационном ритуале: текст отметил как церемониал внесения регалий в собор Св. Яна⁶⁴⁴, так и последовавшее позднее шествие короля, королевы и всех участников коронации в тот же костел для молебна⁶⁴⁵, а примас представал в нем как активный участник действия⁶⁴⁶. Однако описание стремилось представить по мере возможности православный контекст и уменьшить доминирование католических коннотаций. По сути, речь шла о зеркальном отражении позиций франко-польского текста, где, напротив, в «мертвой зоне» оказывались отсылки к православию как религии, которую исповедовал новый польский король. «Отечественные записки» посчитали необходимым указать, что прямо перед коронацией императорская чета слушала «Греко-российскую обедню»⁶⁴⁷, а рассказ о переносе регалий в собор не включал в себя их благословение примасом. Из текста был также удален зафиксированный в франко-польском «Церемониале» въезд Николая I в Варшаву⁶⁴⁸, что позволило не упоминать благословение Николая католическими священниками и примасом. Такое построение текста имело целью снижение значимости церемонии, ведь коронационный въезд – аллюзия на въезд Христа в Иерусалим – был неотъемлемой частью русской коронационной традиции. Отсутствие этого необходимого ритуального элемента меняло сам статус церемонии в глазах русских читателей. Опуская информацию о коронационном въезде в город, автор «Отечественных записок» решал и еще одну очень важную задачу – избавлялся от необходимости упоминать Прагу, пригород Варшавы, со стороны которой Николай I и свита российского императора въехали в город. Прага вполне могла запустить у русского читателя комплекс ассоциаций, которые правительство стремилось избежать: стремительный штурм Праги А. В. Суворовым в 1794 г., заставивший капитулировать повстанцев Костюшко, и предшествовавшая этим событиям еще памятная современникам Варшавская заутреня, когда в городе во время богослужения по случаю Пасхи был вырезан русский гарнизон. Между прочим, свидетелем произошедшего

642 О коронации Его Императорского Величества. С. 432–433.

643 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 384–385.

644 О коронации Его Императорского Величества. С. 421.

645 Там же. С. 430.

646 Там же. С. 421, 427.

647 Там же. С. 424.

648 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–3.

стала шотландская няня будущего императора Николая, оказавшаяся в Варшаве в 1794 г.⁶⁴⁹ Варшавская заутреня достаточно быстро перешла в категорию табуированных событий, однако описание случившегося нашло свое отражение в карамзинском «Историческом похвальном слове Екатерине II», написанном в самом начале XIX столетия. В этом тексте произошедшее было названо «коварным злодейством», а поляки – «слабодушными убийцами». При этом Н. М. Карамзин прямо связывал все произошедшее с концом польской государственности: «Варшава напомнила ужасы Сицилианские!.. Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ее бросила в урну сей недостойной Республики жребий уничтожения, и Суворов, подобно Ангелу грозному, обнажил меч истребления; пошел – и вождь мятежников спасается от смерти пленом; и Прага, крепкая их отчаянием, дымится в своих развалинах – и Варшава падает к стопам Екатерины. Совершилось!.. Польши нет; но мятежные и несчастные жители ее, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державою трех союзных Государств. Республика без добродетели и геройской любви к отечеству есть неодушевленный труп»⁶⁵⁰. Образы такого ряда, конечно, прямо подрывали идею братства «соплеменных народов».

Для российской прессы существенную проблему представлял также вопрос о презентации действий императора Николая при произнесении клятвы-молитвы. В официальном «Церемониале» отмечалось, что перед молитвой российский император *преклонил колени* (*se met à genoux*) перед распятием, стоящим в центре зала⁶⁵¹. Это же зафиксировали и польские источники⁶⁵². «Отечественные записки» трактовали эту часть действия иначе: «Император *преклонил колено* и громким голосом прочел... молитву»⁶⁵³. «Северная пчела» также сообщала своим читателям, что перед произнесением молитвы «монарх России и Польши *преклонил колено* перед невидимо присутствующим Богом»⁶⁵⁴. Аналогичные трактовки содержатся и в материалах А. Х. Бенкендорфа⁶⁵⁵, при этом последний замечает, что при виде императора в короне все присутствующие в зале «пали на колени»⁶⁵⁶.

В действительности сложно сказать, встал ли император и король на колени или на колени: в источниках можно обнаружить оба варианта. Пожалуй, единственное, что подтверждает первую версию, – приписка о числе подушек, отправленных в Варшаву. Как следует из сопроводительных документов, для церемонии были «приготовлены восемь подушек, покрытых темно-красным (малиновым) бархатом, окаймленных галунами и золотыми кистями, для коронационных регалий, и девятая, на которой расположится Ее

649 Мисс Лайон сопровождала жену драгунского полковника Чичерина с двумя детьми в Варшаву, где последняя планировала встретиться с мужем. Женщины и дети оказались свидетелями Варшавской заутрени и несколько месяцев находились в плену (Шербакова Е. Нянюшкины сказки. С. 25–26; Рассказ Евгении Вечесловой о Варшавской резне 1794 г. // Русский архив. 1897. № 2. С. 330–332).

650 Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II. М., 1802. С. 40–41.

651 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 6 об.

652 Kołaczowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczowskiego. Ks. III. S. 123; Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

653 О коронации Его Императорского Величества. С. 428.

654 Северная пчела. 1829. № 63. С. 3.

655 ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3199. Л. 8 об. Польские источники личного происхождения, напротив, свидетельствуют о том, что Николай опустился на оба колена (Kołaczowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczowskiego. Ks. III. S. 112).

656 ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3199. Л. 9.

Величество Императрица и Королева в тот момент, когда Император и Король передаст ей цепь ордена Белого Орла»⁶⁵⁷. Едва ли в случае, если Николай опускался на колени, для него не была бы приготовлена отдельная подушка.

В целом у читателя публикаций на польском и/или французском языках появлялся образ императора, стоящего на коленях и обращающегося к богу; в русских же текстах Николай I представлял скорее рыцарем, опустившимся на одно колено и вызвавшим у участников действия восторженные чувства. Такое разночтение привело в итоге к тому, что читатель – неважно, находился ли он в Варшаве или, например, в Москве, – интерпретировал варшавскую церемонию в более или менее привычном для себя смысле, имея в виду те или иные исторические и религиозные установки.

4.2. Достойные предшественники нового польского короля

Хотя манифест о коронации, адресованный русскому читателю, содержал указания на некоторую связь с российской традицией, в действительности события, разворачивавшиеся в столице Царства Польского, выстраивались авторами действия (и в первую очередь императором Николаем) как прямо апеллирующие к традиции польской. Фактически во время коронации Николай I стремился встать в ряд с польскими королями прежних эпох. Речь при этом идет не только о шагах практических, таких как выделение средств на реставрацию главного символа власти польских королей – Вавельского замка в Кракове⁶⁵⁸. Император подошел к делу со всей серьезностью и выстроил целую систему, которая должна была отсылать к конкретным фигурам и событиям.

По какому принципу Николай I выбирал своих «достойных предшественников» на польском престоле? Имела ли для него значение их политика в отношении России, руководствовался ли он стремлением связать себя с союзником империи? В этом случае взгляд монарха мог пасть на польского короля Станислава Августа Понятовского – известного фаворита Екатерины II. Станислав Август был фигурой относительно недавнего прошлого (скончался в 1798 г.), поэтому Николай был осведомлен о нем даже по рассказам современников.

Как известно, последние месяцы своей жизни после отречения от польского трона Станислав Август прожил в Петербурге. Современники, наблюдавшие его в это время, неизменно именовали его «злополучным изгнанником»⁶⁵⁹, «несчастливым королем»⁶⁶⁰, а место его последнего пребывания – Мраморный дворец в Санкт-Петербурге – «могильным дворцом»⁶⁶¹. А. Чарторыйский в своих «Мемуарах» описывал реакцию поляков на встречу со Станиславом Августом в Москве в 1797 г. во время коронации Павла I: «Они (поляки. – Прим. авт.) видели своего низложенного короля, грустно сидящего на трибуне, и проходили мимо него, чтобы на коленях принести присягу чужеземному государю, властелину их отечества... На них лежал отпечаток смущения, страха, чего-то вроде упадка моральной

657 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.

658 *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. // Военский К. Император Николай и Польша в 1830 г.: Материалы для истории Польского восстания 1830–1831 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1905. С. 44.

659 *Кудрявцева С.* Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского // Русская старина. 1872. Т. 35. С. 119–130.

660 *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 149.

661 *Моравский С.* В Петербурге 1827–1838 гг. // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 591.

силы, чувства унижения, испытываемого ими, благодаря необходимости присутствовать при этом торжестве»⁶⁶². Много писали и о неприятном эпизоде, произошедшем, судя по всему, во время все той же московской коронации⁶⁶³. Станислав Август, участвовавший в церемонии, вынужден был стоять во время продолжительных церковных служб. Забывшись или почувствовав усталость, бывший польский король позволил себе присесть и немедленно получил от императора Павла I приказ подняться⁶⁶⁴. Частые апелляции современников к этому случаю были связаны с тем, что последний показывал отрекшегося от власти, стареющего и, конечно, переживающего личную драму Станислава Августа в оскорбительной для него роли человека подначального.

Вместе с тем в практическом отношении положение Станислава Августа при петербургском дворе было исключительным. Его приезд в Петербург в 1797 г. сопровождался церемониальным въездом в город, а император Павел устроил в его честь официальный прием, а при дворе был снят траур по недавно скончавшейся Екатерине II⁶⁶⁵. Зримым символом высокого статуса короля в Петербурге стал выбор места его проживания: Станиславу Августу был отведен Мраморный дворец, построенный Екатериной II для графа Г. Г. Орлова. Располагавшийся в центре столицы, дворец находился в непосредственной близости как от главной монаршей резиденции страны – Зимнего дворца, так и от строящегося Михайловского замка Павла I. Не менее достойно отрекшегося польского короля принимали в Москве во время упоминавшейся коронации Павла I: московскому главнокомандующему действительному тайному советнику М. М. Измайлову было приказано освободить для размещения Станислава Августа свой дом. 2 марта 1797 г. он сообщал императору: «Всемиловейший государь! Вашего императорского величества указ о чищении и приготовлении дома, в котором я живу, для пребывания Его величества короля Польского я имел счастье получить и высочайше повеленное все исполнить с... поспешностью»⁶⁶⁶.

Скончавшийся через год после приезда в Петербург Понятовский был похоронен со всей возможной пышностью. В опустевшем Мраморном дворце была устроена «печальная зала» (*castrum doloris*). Тело короля с возложенной на него сверху горностаевой мантией с гербами было размещено под балдахином на поднятом на несколько ступеней помосте, который источники прямо называют «троном»⁶⁶⁷. Здесь же были установлены «две короны: одна золотая, возложенная на короля, а другая серебряная и вызолоченная»⁶⁶⁸.

В костеле Св. Екатерины на Невском проспекте, в крипте которого долгое время покоились останки короля, был также устроен катафалк – помост с балдахином между обелисками, на каждом из которых, в свою очередь, был изображен герб Польши и

662 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 133.

663 В описании С. Моравского эта сцена была перенесена в театр (*Моравский С.* В Петербурге 1827–1838 гг. С. 591).

664 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 132–133; *Виже-Лебрен Э.* Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.). СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 90.

665 РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Доп. Д. 4. Л. 1–4.

666 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57851. Л. 1.

667 Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

668 Там же. Л. 2–2 об., 13.

монограмма SAR (Stanislaus Augustus Rex)⁶⁶⁹. К оформлению обоих помещений был привлечен архитектор В. Бренна, которому часто поручались проекты траурного убранства⁶⁷⁰.

Устроение и убранство в Мраморном дворце *castrum doloris* и катафалка в церкви обошлись казне в 24 785 руб. Общая стоимость похорон составила почти 52 500 руб.⁶⁷¹ Правительству пришлось также решать вопрос о возмещении католической церкви Св. Екатерины ежегодного дохода, получаемого от церковного погребя, который оказался занят «каменной постройкою, где положено тело Его Величества короля Польского»⁶⁷².

Статус церемонии был чрезвычайно высок. Как убедительно показывает О. Г. Агеева, в ряде случаев в XVIII в. похороны собственно членов августейшей фамилии могли быть значительно менее репрезентативными⁶⁷³. Показательно использование в ритуале государственных регалий, в частности двух упомянутых выше корон⁶⁷⁴. Архивные документы свидетельствуют, что одна из корон, использовавшихся в церемонии, после похорон была отправлена в Москву⁶⁷⁵. По мнению А. Краевского, вторая (золотая) корона была погребена вместе с телом короля⁶⁷⁶. Для императора Павла I Станислав Понятовский, отрекшийся от престола еще в 1795 г., оставался польским королем. По точному замечанию С. Моравского, Павел I «умел почтить даже тень короны»⁶⁷⁷: для российского императора такое понятие, как «бывший король», едва ли имело право на существование.

В российской публичной памяти первой трети XIX столетия этот польский король был, конечно, «екатерининским» – образ Понятовского всегда прочитывался через представление о его взаимоотношениях с императрицей. Известная французская художница Э. Виже-Лебрен в своих «Воспоминаниях» обратила внимание на то, что дворец, предоставленный королю для проживания в Санкт-Петербурге, «по странной игре случая... находился насупротив крепости, где погребена Екатерина II»⁶⁷⁸. «Печальная зала» короля в Мраморном дворце была устроена в помещении, убранном бархатными обоями «с вензелем блаженная памяти

669 О пребывании Станислава Августа в России и его похоронах в Петербурге см.: Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX в.) // *Sztuka Europy Wschodniej / Искусство Восточной Европы*. Т. 1: Polska – Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и история. Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. J. Malinowski, I. Gavrash. Варшава: Tako Publishing House, 2013. С. 158–161.

670 Лансере Н. Е. Винченцо Бренна. СПб.: Коло, 2006. С. 273–274. В самой церемонии похорон польского короля участвовали 6 императорских камер-пажей, 20 пажей, 10 камер-лакеев, 8 скороходов и 40 лакеев, а также служители Ведомства придворной конюшенной конторы (кучера, фореиторы, конюхи). Для каждого из них было приготовлено «траурное одеяние с королевскими гербами» (РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2 об., 13).

671 РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 13.

672 Там же. Л. 14.

673 Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // *Феномен Петербурга* / Под ред. Ю. Н. Беспярых. СПб.: Блиц, 2001. С. 499.

674 РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2, 13.

675 Там же. Л. 13.

676 Краевский А. Польские короны Московского Кремля. С. 63.

677 Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. С. 592.

678 Виже-Лебрен Э. Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.). С. 90.

государыни императрицы»⁶⁷⁹, а само тело короля похоронили в крипте костела Св. Екатерины на Невском проспекте. Отсылки к образу Екатерины, сопровождавшие польского короля в пространстве Петербурга, были неизбежны еще и потому, что дворец, отданный Станиславу Августу, находился в центре властной топографии екатерининского царствования⁶⁸⁰. С другой стороны, нельзя отрицать, что коннотации такого рода сознательно или бессознательно навязывались королю при жизни, а после смерти определяли его образ.

Николай I довольно быстро осознал, что память о Станиславе Августе для выстраивания отношений с поляками в выбранном формате использована быть не может. В определенном смысле это стало ясно во время московских событий начала 1826 г. «Печальный кортеж» с телом покойного Александра I, двигавшийся из Таганрога в Санкт-Петербург, сделал остановку в древней столице. По этому случаю в городе было устроено огромное шествие, сопоставимое с последующими петербургскими похоронами императора⁶⁸¹. В процессии вместе с реликвиями монарха, хранившимися в Оружейной палате Московского Кремля, была вынесена и так называемая «польская корона»⁶⁸² — упоминавшийся выше похоронный венец Станислава Августа⁶⁸³. При этом москвичи прямо проигнорировали решение самого императора Николая, отказавшегося включать корону в список регалий шествия⁶⁸⁴.

Решение вынести корону монарха, прямо ассоциировавшегося с разделами Польши конца XVIII в., отрекшегося и скончавшегося в России (стране-участнице разделов, получившей в результате последних наибольшую территорию), было вполне демонстративным жестом. Москвичи, очевидно, были готовы включить унижение Польши в нарратив александровских побед.

Между прочим, положение Польши как территории иной и отличной от России, хотя, конечно, и инкорпорированной в состав империи, было подчеркнуто в Москве и шествием орденов. В рамках последнего польские награды были вынесены отдельно от иностранных, но при этом и не вместе с российскими, как это происходило в других губерниях, через которые проезжал Печальный кортеж⁶⁸⁵, и оказались «ниже» абсолютно всех российских наград⁶⁸⁶.

679 РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 249. Л. 2.

680 Интересно, что один из современников, рассуждая о причинах, побудивших Станислава Августа переехать Россию после отречения, полагал, что король следовал призрачной мечте заключить брак с Екатериной II (*Моравский С.* В Петербурге 1827–1838 гг. С. 590).

681 Московское шествие за гробом монарха было подробно описано в печатном церемониале (Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный град Москву тела Государя императора Александра I. Печатный. С дозволения правительства. Москва, в типографии П. Кузнецова. Генваря 30 дня 1826 // РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 7. Л. 267–285) и нашло свое визуальное воплощение в литографиях. Грандиозный замысел было поручено реализовать Комитету для устройства печальной церемонии во главе с князем Н. Б. Юсуповым (Там же. Л. 9 об., 121–275 об.), екатерининским вельможей, меценатом и коллекционером. Гроб с телом императора был доставлен к границе города, где была совершена первая лития, а затем провезен «по большой Пятницкой улице, через Москворецкий мост, мимо лобного места, через Спасские ворота к Архангельскому собору», усыпальнице Рюриковичей и Романовых в Кремле (Там же. Л. 276–277 об.). За гробом императора шла вся Москва — от дворян и чиновников до мещан и студентов. Расходы по проведению московского действа (более 98 тыс. руб.) были оплачены из государственной казны (Там же. Л. 12, 29, 31).

682 Там же. Л. 283 об. — 284.

683 Там же. Л. 2–2 об., 13.

684 Там же. Л. 32 об.

685 Там же. Л. 282 об. — 283 об.

Предложенная в древней столице репрезентация польских территорий, которую в Петербурге вполне осознали, только когда шествие уже состоялось, стала причиной серьезных разбирательств. Дело в том, что по окончании церемонии в Москве использовавшиеся в шествии регалии, включая польскую корону, были доставлены в Петербург⁶⁸⁷. Фактически Москва попыталась предложить Северной столице разделить свою позицию в вопросе о Польше. Главе Печальной комиссии князю А. Б. Куракину пришлось объясняться перед императором за полученные из Москвы вещи: «Из помянутых... корон... Польской Ваше Величество не изволили назначить в процессию и сей последней... от князя Юсупова я не требовал...»⁶⁸⁸ Куракин был вынужден, кроме того, указать Николаю I, что эпизод выноса польской короны во время шествия в Москве вошел в московский печатный церемониал. Князь писал, что «поставил себе в обязанность» доложить об инциденте, «предвидя неминуемые в публике толки о таковой в церемониалах обеих столиц разнице»⁶⁸⁹. Император принял объяснения князя Куракина, подтвердив, что использовать польскую корону в петербургском церемониале «излишне». Она была оставлена в Зимнем дворце и после траурных мероприятий отправлена с прочими регалиями обратно в Московскую Оружейную палату⁶⁹⁰.

Во время своей поездки в Варшаву и пребывания в столице Царства Польского Николай I неизбежно оказывался в пространстве, так или иначе связанном с памятью о Станиславе Августе. Так, в Белостоке императорский кортеж останавливался на ночь в резиденции сестры покойного короля⁶⁹¹, а во время коронационных торжеств Николай I и его семья многократно бывали в Лазенках – роскошном дворцовом комплексе, принадлежавшем некогда Понятовскому⁶⁹². Но в Белостоке императора привлек лишь парк, а Лазенки, где жил великий князь Константин Павлович, ассоциировались у монарха исключительно с братом. Никаких упоминаний о Станиславе Августе в это время сделано не было; ни один из текстов, связанных с коронацией, не отсылал к Понятовскому даже косвенно.

Потерявший страну, отрекшийся от власти, зависимый, Станислав Август никак не мог быть полезен для выстраивания нового нарратива единения. И главное – подобная апелляция была бы плохо принята в Царстве Польском, ведь с именем Станислава Августа связывались разделы и утрата контроля над страной. Император Николай, выражаясь словами XIX столетия, «искавший» в своих польских подданных, не мог нанести им такой обиды.

Отказ российского императора апеллировать к фигуре союзника Петра Великого Августа II был также вполне показательным. События начала николаевского царствования – восстание на Сенатской площади и Русско-турецкая война 1828–1829 гг. – удивительным

686 Там же. Л. 80. Примечательно, что такое видение было даже несколько более смягченным по отношению к первоначальной задумке. В делах Московской комиссии о похоронах Александра I сохранился «Список Иностранным орденам, которые должны быть несены в печальной процессии в Москве», среди которых польский орден Св. Святослава перечислен вместе с французскими, немецкими, испанскими, португальскими и шведскими орденами.

687 Там же. Д. 5. Л. 189.

688 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 189 об.

689 Там же.

690 Там же. Л. 189–189 об.

691 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 405.

692 В отношении топографии власти фигуры короля Станислава Августа и великого князя Константина Павловича оказались опосредованно связаны за несколько десятилетий до происходивших событий: Мраморный дворец в Санкт-Петербурге, в котором Станислав Август прожил последний год своей жизни, принадлежал цесаревичу.

образом роднили его с предком – основателем империи, который в первые годы царствования подавлял стрелецкие бунты и направлял свои внешнеполитические устремления к Черному морю. Неудивительно поэтому, что в общественном сознании 1820-х гг. существовала уже немислимая в 1850-е гг. параллель Петр I – Николай I⁶⁹³. Ассоциируя себя с Петром Великим, император, однако, не видел смысла в использовании образа его польского союзника. Материалы коронации показывают, что монарх не рассматривал возможность разворачивания образа «наследник Петра Великого на троне Августа Сильного». История царствования Августа II – без громких военных побед и полная политических противоречий, интриг и тайных союзов (в том числе и против Петра Великого), бесконечной борьбы со Станиславом Лещинским и наконец завершившаяся отречением от престола – привнесла бы ненужные императору коннотации⁶⁹⁴. Кроме того, Николаю в принципе не нужен был исторический персонаж, связанный с реализацией тактического союза: для воплощения идеи общности он искал одного человека, а не пару монархов, один из которых воплощал бы Россию, а другой – Польшу.

В этом поиске Николай I обратил внимание на фигуру Яна III Собеского. Именно его будущий польский король называл в переписке с братом своим «достойным предшественником» на польском престоле⁶⁹⁵. Собеский привлек Николая I по нескольким причинам. В его личности – воина, успешно сражавшегося против турок и шведов, покровителя искусств и наук, приобретшего для своей коллекции Рембрандта и Рубенса, путешествовавшего по миру и посылавшего учиться в Европу своих подданных, короля, жизнь которого была осмыслена еще и как красивая любовная история⁶⁹⁶, – император мог видеть много схожего с биографией своего кумира Петра Великого. К тому же в рамках николаевской временной перспективы Петр I и Ян Собеский вполне могли восприниматься как современники.

693 Это нашло отражение в «Стансах» А. С. Пушкина:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

(1826)

694 Интересно, что польская сторона, также находившаяся в этот момент в поиске образности для нового единства, обращалась к фигуре Петра Великого, который начал фигурировать в польских пьесах второй половины 1810-х гг. (Филатова Н. М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой. М., 2011. С. 150–152).

695 ОР РНБ. Ф. 542. № 711. Л. 1.

696 См., например: *Górska M.* The protector of Europe on graphical thesis. Glorifying Jan III Sobieski. Warsaw, 2017. P. 9–39.

Польский король, известный войнами с Османской империей и особенно действиями под Веной в 1683 г., где была остановлена турецкая угроза, был фигурой европейского масштаба. В польских землях XVIII – первой половины XIX в. выражение восхищения относительно его побед было принятым стандартом поведения⁶⁹⁷. Интерес к нему в России проявился задолго до начала XIX в. Его поклонником был В. В. Голицын, полонофил, первое лицо в русском правительстве времен регентства царевны Софьи⁶⁹⁸. Потрясен фигурой Собеского был и П. А. Толстой. Оказавшись в 1696 г. в Европе, он стал свидетелем прощания с покойным Собеским и оставил подробное описание *castrum doloris* короля в Варшавском замке⁶⁹⁹. Серьезный интерес к Собескому – победителю турок демонстрировал и сам Петр Великий. Сразу несколько источников указывают на появившиеся в России на рубеже 1700–1710-х гг. польские произведения искусства. Первым в поле зрения современников попал бюст короля Яна Собеского, установленный в петербургском Летнем саду. Шведский военнопленный и мемуарист Л. Ю. Эренмальм увидел в начале 1710-х гг. «4 изображения, или статуи, из мрамора, которые были привезены в Петербург из Варшавы в Польшу; среди них особенно ценными были изображения короля Яна Собеского и королевы Кристины»⁷⁰⁰. Датский посланник Ю. Юль в записках за 1709–1711 гг. упоминает, что «статуи эти были вывезены из садов польских магнатов»⁷⁰¹.

Спустя более чем столетие образ Собеского все так же оставался востребованным для конструирования образа власти⁷⁰². Николай I начал с того, что пожертвовал деньги на новый саркофаг для упокоения сердца Собеского в Варшаве⁷⁰³. М. Гетка-Кениг справедливо указывает, что устройство в церкви капуцинов часовни для размещения саркофага с сердцем

697 Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim. S. 15–28. О коммеморациях, связанных с фигурой Собеского, см.: Dabrowski P. M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004. P. 49–74.

698 Большая Столовая палата московского дома В. В. Голицына, располагавшегося между Тверской и Большой Дмитровкой, была оформлена портретами русских князей и царей. Здесь также находился конный портрет польского короля, который висел над дверями в палату (Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008. С. 59–60). На указанном портрете мог быть изображен Ян Собеский.

699 П. А. Толстой так описывал увиденное: «В той полате на левой стороне зделан немалой рундук, к стене три ступени вверх, и обит тот рундук весь бархатом червчатым, по сшивкам кладены кружива золотные. На том рундуке поставлен гроб, в котором лежит тело короля полского Яна Сабеского. Тот ево гроб весь обит аксамитом золотным, и галуны и бахрамы золотные, гвозди серебряные, золоченые. Кругом того гроба по ступенем помяненного рундука поставлены тритцать шанданов серебряных, великих, в которых свечи высокие, воощные, белые... На верху того гроба положена корона золотая, в ногах подле гроба положена подушка участковая золотная и на ней поставлена шкатула золотая, зделана подобием сердца человеческого. В тое шкатулу при погребении королевского тела, выняв из него сердце, положат и погребут то королевское сердце в Аршаве, а тело королевское повезут из Варшавы в Краков и погребут в Кракове... Над гробом, в котором тело королевское лежит, поставлена персона ево, писана по холстине, в золоченых резных рамах» (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М.: Наука, 1992. С. 24).

700 Эренмальм Л. Ю. Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 92.

701 Юль Ю. Из записок датского посланника Юста Юля. С датского неизданного подлинника // Русский архив. 1892. № 8. С. 509.

702 О востребованности образа Собеского при Александре I см.: Филатова Н. М. Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. // Русская культура в польском сознании. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 126.

703 Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 44.

Собеского и оформление этого «мавзолея» должны были постулировать связь между Собеским и Николаем I через указания на победоносные войны с Турцией, которые вели оба монарха⁷⁰⁴. Саркофаг из красного мрамора с сердцем Собеского, который украшают корона, меч и надпись, упоминающая императора Николая I, и сейчас можно увидеть в костеле Преображения Господня на Медовой улице в Варшаве. Интересно, что схожую символическую акцию Николай I осуществил спустя почти 20 лет, отправив красный карельский (шокшинский) мрамор⁷⁰⁵ на создание саркофага Наполеона в Доме инвалидов в Париже⁷⁰⁶.

Как уже упоминалось, во время коронации Николай I использовал в качестве церемониального меч, подаренный Собескому римским папой Иннокентием XI. В дни пребывания в Варшаве в 1829 г. Николай и императрица Александра Федоровна несколько раз посещали Вилянов⁷⁰⁷ – резиденцию Яна Собеского недалеко от столицы Царства. В «Дневнике» В. А. Жуковского, обычно очень кратком, одна из таких поездок удостоилась отдельного описания: «9 мая (1829 г.). Вечер в Вилланове: замок с барельефами. Китайские горницы. Горницы Собеского. Место, где он умер. Портрет Марии-Касимиры»⁷⁰⁸.

Образ Собеского – победителя турок стал для Николая отправной точкой для актуализации категории «общий враг», позволившей сочетать нарративные структуры, которые без наличия третьего элемента были сложно сопрягаемыми. Император справедливо рассудил, что отсылка к существованию двух народов под одним скипетром было недостаточно для позиционирования образа нового братства, и прибегнул к ориенталистскому (в трактовке Э. Саида) приему, сформировав оппозицию «цивилизация» (Польша и Россия) – «варварство» (Турция). Иными словами, во второй половине 1820-х гг. борьба с Турцией стала для российской власти ответом на вопрос о том, каким должно быть основание для нового единства⁷⁰⁹. Последнее, в свою очередь, способствовало пополнению списка николаевских предшественников на польском троне.

В 1828 г., за год до коронации, началась очередная Русско-турецкая война. Это краткое, но яркое военное столкновение принято объяснять геополитическим противостоянием двух держав, а также Греческой войной за независимость. Как справедливо отмечено в литературе, «выступая в... поддержку Греции», Николай «не имел в виду цель поддержать греческое освободительное движение, а только проводил ту линию в решении Восточного вопроса,

704 *Getka-Kenig M.* Kaplica Sobieskiego w Kościele Kapucynów w Warszawie // *Felia Historiae Artium*. 2017. Т. 15. S. 77–95.

705 В исторической литературе материал традиционно называют мрамором, однако фактически это был протерозойский кварцит (*Туре Ж., Булах А. Г.* Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // *Вестник СПбГУ. Науки о Земле*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 20–30).

706 *Léouzon Le D. L. -A.* Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris: Typographie Georges Chamerot, 1873.

707 О Вилянове при короле Яне Собеском см.: *Arciszewska B.* A Golden Age for a Changing Nation: Polish National Identity and the Histories of the Wilanów Residence of King Jan III Sobieski // *Architectural History*. 2006. Vol. 49. P. 101–128.

708 *Жуковский В. А.* Дневники 1829 г. С. 308. Поэт побывал в Вилянове дважды. Во второй раз – несколько дней спустя (14 мая) в свите императрицы (Там же. С. 309).

709 Николай I не был первым, кто использовал образ османской угрозы для поиска объединительного начала. Схожие позиции реализовывал (хотя в куда менее прямолинейной манере) великий князь Константин Павлович. Так, в честь церемонии символических похорон Александра I в Варшаве в 1826 г. были выбиты специальные медали, которыми, в частности, были награждены генералы Л. Ф. Мальтиц и А. С. Фенш. Далекие от польских дел второй половины 1820-х гг., оба они к моменту пожалования были отставными, но не забытыми героями екатерининской Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а/2. Д. 857. Л. 158).

которая была выгодна в тот момент интересам России»⁷¹⁰. В итоге Россия получила часть восточного побережья Черного моря, южный рукав устья Дуная, а также право на свободный проход судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Адрианопольский мир упрочил автономию Сербии, Молдавии и Валахии; Греция же объявлялась самостоятельным государством с обязательством избрания монарха и при проведении ежегодных выплат Османской Турции.

Победа в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. стала для Николая I значимым аспектом осмысления собственных позиций и установок. Он быстро обнаружил, что война с турками может обладать значимым символическим потенциалом для его новых подданных в Царстве Польском. Достаточно вспомнить стремление императора определить на театр военных действий польские войска, а затем, после демарша великого князя Константина, хотя бы нескольких польских офицеров⁷¹¹.

Находясь на театре военных действий, император нашел еще одну возможность подчеркнуть единство русских и поляков в противостоянии турецкой угрозе. Присутствуя при взятии Варны русскими войсками и устроив торжественный высочайший въезд в покоренную крепость⁷¹², император принял решение отправить в дар Варшаве 12 пушек, захваченных у турок в результате этого столкновения⁷¹³. Ничего необычного в самой подарке не было. Преподнесение орудий в качестве дара было вполне традиционным. Так, две пушки из-под Браилова были пожалованы прусскому королю⁷¹⁴, а несколько позже наследник персидского престола Аббас-Мирза, приехавший в Петербург с извинениями по поводу убийства А. С. Грибоедова, получил в дар 18 пушек из числа захваченных во время войны с Персией⁷¹⁵. Обращает на себя внимание, однако, то, как император мотивировал свой жест в связи с даром Царству Польскому. В переписке с графом М. С. Воронцовым он высоким слогом сообщал о своем решении: «Воздав жертву должной хвале и благодарности Богу... увенчавшему оружие российское новым блистательным успехом, я желаю почтить память знаменитого моего предшественника, утратившего победу и жизнь, но не славу под стенами поверженной ныне Варны. Здесь пал ратую под знаменами Христовыми мужественный сын Ягеллы Владислав, Король Польский. Место его погребения незнаемо: но да будет ему воздвигнут в самой столице Польши памятник, его достойный. Назначив для сего ей в дар 12 турецких пушек из числа найденных в Варне орудий я поручаю Вам немедленно выбрать и отправить их в Варшаву, где оные поставлены будут в приличном месте по распоряжению Его Высочества Цесаревича в честь герою павшему и в честь храбрым российским войскам отомстившим победой за его падение»⁷¹⁶. Речь в письме шла о

710 Капустина Т. А. Николай I. С. 45.

711 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 225, 243.

712 Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д. А. Скалон; сост. В. В. Квадри, В. К. Шенк. СПб., 1908. Т. 2. Кн. 1: Царствование Николая I. С. 281. А. М. Грибовский зафиксировал в своем дневнике относительно сообщений о взятии Варны следующее: «В Московских газетах напечатано о сдаче Варны в присутствии самого императора, после сделанных от подкопов двух в стенах проломов... Тотчас по входе наших войск в крепость чрез сказанные проломы император по ним прогуливался» ([Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 87).

713 РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 488 (св. 201); Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 406.

714 РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 504 (св. 202). Л. 1–4.

715 Там же. Д. 508 (св. 202). Л. 1.

716 ОР РНБ. Ф. 542. № 711. Л. 1.

Владиславе III – юном польском короле, погибшем в 1444 г. в сражении с турками под Варной. После гибели голова Владислава досталась султану как трофей.

Обоснование, предложенное Николаем великому князю Константину Павловичу, было еще более выразительным: «Я жалую Варшаве 12 орудий, как замечательное историческое воспоминание, ибо достойно внимания, что здесь явилась именно *русская армия с польским королем, чтобы отомстить за другого польского короля*»⁷¹⁷. Появление имени Владислава III рядом с именем Николая I и переданные Польше пушки Варны должны были указать на единство русских и поляков в противостоянии турецкой угрозе. Интересно, что в тексте письма взятие Варны русскими войсками в 1828 г. рассматривалось через призму исключительно польской истории. Называя себя польским королем, который мстит за другого польского короля, Николай I вписывал себя в совершенно определенный – польский – контекст⁷¹⁸. Искусственность такой позиции, должно быть, ускользнула от самого императора: армия, сражавшаяся под Варной, чтобы отомстить за смерть польского короля, была осмыслена в этом письме исключительно как русская.

Интересно, что интерпретация Николая получила некоторое распространение на западных территориях империи. Польские офицеры, принявшие участие в войне, именовались в Царстве «варнскими львами», которые, по определению одного из современников, «во имя короля польского Николая отомстили за смерть Владислава III, тоже короля польского»⁷¹⁹.

Доставить пушки в Варшаву оказалось делом непростым. Назначенные к отправке орудия были загружены на транспортное судно «Змей», но погибли вместе с кораблем вскоре после выхода из порта Одессы⁷²⁰. Это, впрочем, не изменило планов Николая I, который потребовал направить в Варшаву «такое же число пушек из-под Варны»⁷²¹. В ответ на это генерал-фельдмаршал П. Х. Витгенштейн сообщал в Петербург, что оставшиеся в наличии орудия отданы быть не могут, поскольку они «в настоящее время необходимо нужны». Он предложил более реалистичный план: орудия, назначенные в Варшаву, будут «заменены другими, которые доставят в Варну из завоеванных крепостей, которые назначены к уничтожению»⁷²². Император, первоначально согласившийся с этим вариантом⁷²³, в итоге все же получил то, что хотел: в Варне нашлись «орудия небольшого калибра», которые, как сообщалось в Главный штаб, были «ныне суть последние уже в Варне оставшиеся»⁷²⁴.

717 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 261.

718 Это был не единственный жест, целью которого было указание на связь между российским монархом и польскими королями. Перед коронацией Николай I выделил средства на реставрацию Вавельского замка в Кракове – главного символа власти польских королей, их резиденцию и место захоронения (*Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 44).

719 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 169, 173.

720 РГВИА. Ф. 35. Оп. 4. Д. 488 (св. 201). Л. 1.

721 Там же. Л. 3.

722 Там же. Л. 3–3 об.

723 Там же. Л. 5.

724 Там же. Л. 11.

Найденные орудия надлежало доставить в Варшаву, причем как можно быстрее. Предполагалось, что они будут доставлены в Царство Польское к началу апреля⁷²⁵. Пушки сначала везли на «зафрахтованном» судне «Спиридон», а затем на специально «обустроенных повозках» с почтовыми лошадьми⁷²⁶. Общая стоимость перевозки от Одессы до Варшавы составила 4371 руб. Деньги на оплату перевозки были взяты из Кабинета императора⁷²⁷.

Несмотря на все затраченные усилия и деньги, пушки не успели в Варшаву к коронации Николая I. Они все еще находились в пути, когда император Всероссийский и коронованный польский король уже покинул пределы Царства Польского⁷²⁸.

Интересно, что, хотя в письме М. С. Воронцову император использовал в связи с пушками слово «памятник» в метафорическом смысле (он писал, что орудия будут установлены в городе на месте, которое выберет великий князь Константин Павлович), представители военного ведомства, организовывавшие перевозку, восприняли ситуацию иначе – они полагали, что пушки перевозят «для сооружения памятника», то есть собственно для возведения монумента покойному польскому королю Владиславу⁷²⁹.

Во время Польского восстания 1830–1831 гг. эти пушки были обращены против русской армии. Николай так прокомментировал этот эпизод на полях «Воспоминаний» А. Х. Бенкендорфа: «Через год поляки повернули их (пушки. – *Прим. авт.*) против нас. Гвардия захватила их вновь, и я передал их тем, кто два раза, благодаря собственному мужеству, сумел захватить их»⁷³⁰.

Даже много лет спустя император не переставал сопоставлять себя с Собеским, на сей раз указывая на печальные итоги внешнеполитических усилий обоих монархов. Во время Крымской войны, в год начала обороны Севастополя, у Николая I состоялся известный разговор с генерал-адъютантом А. Ржевуским, поляком по происхождению. Разговор этот, впрочем, был похож на монолог. Император задал вопрос: «Кто из польских королей... был самым глупым?» – и сам на него ответил: «...самый глупый король был Ян Собеский, потому что он освободил Вену от турок». Рассуждения о неоправданных политических решениях на этом не завершились. По сообщению А. Ржевуского, император добавил: «А самый глупый из русских государей – я, потому что помог австрийцам подавить венгерский мятеж»⁷³¹. Не называя себя в разговоре с генерал-адъютантом одновременно российским императором и польским королем, Николай по-прежнему видел связь между собой и Яном Собеским.

Прочтение Николаем I собственной роли через призму польской истории и единства борьбы России и Польши против турецкой угрозы было выбором вполне оправданным и опирающимся на актуальную повестку и польскую интерпретацию своей истории⁷³². Вместе

725 Там же. Л. 9.

726 Там же. Л. 12.

727 Там же. Л. 14 об., 19, 25.

728 Там же. Д. 504 (св. 202). Л. 4.

729 Там же. Д. 488 (св. 201). Л. 1–9.

730 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 440.

731 Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 112.

732 В Польше в конце XVIII – начале XIX в. образ короля Владислава, менее яркий, чем образ Яна Собеского, был актуализирован благодаря целому ряду литературных произведений (В. Ржевуский «Владислав под Варной» (1760 г.); Ю. Немцевич «Владислав под Варной» (1787 г.)). Последнее произведение было поставлено в театре в начале XIX в. (Софронова Л. А. Польская театральная культура эпохи Просвещения. М.: Наука, 1985. С. 129, 136, 242, 268).

с тем удачно найденные позиции отнюдь не гарантировали стабильности – польский маркер «цивилизованности» и «варварства» мог легко сдвигаться в сторону классической трактовки, в рамках которой Россия воплощала в себе черты, присущие в николаевской системе образу Турции. Более того, обе страны могли также составлять своего рода иерархию варварских государств, в которых Россия часто «била» Турцию. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы агентов Третьего отделения, наполненные различными жалобами поляков. Так, в 1826 г. М. Я. фон Фок доносил императору, цитируя одного из «благонадежных поляков»: «Целое народонаселение в Польше и Литве страдает за нескольких сумасбродов, составлявших тайное общество, из-за нескольких горячо-головых студентов. Ко всему придираются: к слову, к молчанию, к одежде, к сочинениям. Новосильцев запретил даже преподавать польскую историю в Виленском университете, *что не запрещали турки грекам ...*»⁷³³ Ему вторил другой житель Царства: «Все согласны, что негодование в Польше дошло до высочайшей степени, что *поляки желали бы лучше б принадлежать Турции*, нежели оставаться в таком инквизиторском управлении, где каждый не уверен в своем дне и ежеминутно ожидает ареста, высылки за город, поездки с казаками или жандармами без объявлений и тому подобное»⁷³⁴. Настроения переходили и в действия: известно, что галицийские поляки принимали участие в Русско-турецкой войне на стороне Турции⁷³⁵.

4.3. Барон Штрамвер и «Хорошая Ядвига»: Польский коронационный нарратив

Во время коронационных торжеств Николай стремился быть максимально внимательным к символам и традициям Польши. Показательно, что языками коронации стали французский и польский. Как уже говорилось, «Церемониал» коронации был издан как двуязычный текст, а клятва-молитва, которую монарх произнес во время церемонии, была представлена на французском. Николай I в определенной степени владел польским и при этом полагал необходимым его использование в польских землях, по крайней мере тех, что были присоединены Александром I⁷³⁶. Сохранились воспоминания, согласно которым во время пребывания в Царстве Николай I демонстративно прервал одного из польских дворян, обратившегося к нему на французском. Император заявил: «...я понимаю по-русски и по-польски; французский язык между нами совершенно не нужен»⁷³⁷.

Исключительно важно и то, что Николай согласился использовать в Царстве полонизированный вариант своего имени. Вензель монарха представлял собой литеру «М» («Миколай»)⁷³⁸. Это решение дало впоследствии основания для появления легенды о действиях депутатов сейма при начале Польского восстания в ноябре 1830 г. Согласно этой версии, декларируя отстранение Николая I от власти в Царстве Польском, находящиеся в Сенатском зале Варшавского дворца депутаты не только подписали постановление о детронизации, но и совершили символический жест – перевернули вензель Николая, свергнув власть Романовых и обозначив свою приверженность свободе. «М» («Миколай») превратилась в «W» («Вольность»)⁷³⁹.

733 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

734 Там же. Л. 7 об.

735 Фалькович С. М. Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

736 Л. В. Выскочков полагает, что в губерниях, включенных в состав России по екатерининским разделам, Николай I, общаясь с поляками, предпочитал русский язык (Выскочков Л. В. Николай I. С. 265).

737 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садых-паши). С. 173.

738 AGAD. F. 190. № 87. К. 189.

Языковой выбор подчеркнул принцип автономии территории, возведенный в степень, близкую к независимости. В трактовке Николая у Царства был свой язык, его надлежало уважать⁷⁴⁰, используя при необходимости язык дипломатии – французский. В рамках этой парадигмы русский язык оказывался совершенно не востребовавшимся. Его положение оказывалось сопоставимо с положением православия. Интересно, что император стремился закрепить эти установки, даже вернувшись в Петербург. По приезду в императорскую столицу после коронации Николай осуществил несколько символических жестов мемориального содержания вполне в духе установок проведенной церемонии. Так, дворцовые гренадеры, участвовавшие в коронации, получили ордена, наградные грамоты к которым были написаны по-польски⁷⁴¹.

Император полагал, что он и поляки как практически, так и символически начали говорить на одном языке и что в отношении проявления «уважения к польской национальности» он сделал все от него зависящее. Он не ожидал, что варшавская коронация станет церемонией, во время которой польская сторона предложит вполне самостоятельный нарратив и основания для осмысления образа нового монарха, а также его действий в настоящем и будущем. При этом присутствие императора в городе придаст этой модели черты официальной позиции.

На первый взгляд, польские символы, обращенные к Николаю I, были вполне универсальными – схожими с российскими: здесь можно встретить уподобление императора отцу (а императрицы Александры Федоровны – матери)⁷⁴², апелляции к радости, вызванной происходящим, а также восхваление силы и мудрости нового коронованного монарха, готового следовать по стопам своего предшественника. Показательны и стихи по случаю коронации, публиковавшиеся в «Варшавском курьере» или отдельными брошюрами. В одном из таких сочинений автор призывал тени польских героев спуститься на землю, чтобы увидеть присягу, которую принесет народ новому королю (названному в тексте «благодетелем»⁷⁴³), и записать хвалу Николаю в книгу будущего. Здесь же описывалось ликование польской земли, некогда поруганной, а ныне взирающей на свое возрождение. В другом тексте коронация уподоблялась оживлению природы в мае, возвращению «Надежды, Свободы и Жизни»: «славянский монарх» входил в «город сарматов» в сопровождении супруги, наследника и «Ангела Надежды»⁷⁴⁴. Николай, таким образом, оказывался прочитан через образ брата и предшественника на престоле Александра I, а значит, ему предписывались любовь и благодеяния в отношении к его польским подданным.

Чаще, однако, символический нарратив был сконструирован сложнее, с разворотом к античной героике или сюжетам польской истории. В первом случае новый король часто сопоставлялся с римским императором Траяном⁷⁴⁵ или осмыслялся в связи с мифом о храме

739 О несостоятельности такой трактовки и об изменениях в декоре зала Сената в период восстания см.: Gutkowski J. Sale sejmowe w Zamku królewskim w czasie Powstania listopadowego // Kronika Zamkowa. 2006. T. 1–2 (51–52). S. 149–154.

740 Показательны в этом отношении воспоминания К. П. Колзакова: «Язык польский был господствующим во всех административных сферах; даже русские должны были подчиниться общему порядку в своих делах и подавать просьбы на чужом, часто непонятном им языке» (Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427–428).

741 Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. С. 14–15.

742 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (b).

743 Kurjer Warszawski. 1829. № 140. S. 611.

744 Ibid. № 139. S. 603.

745 Ibid. № 140. S. 611.

Януса, двери которого отпирались во время войны и запирались на время мира. В одном из текстов, где император представал умиротворяющим врагов, приносящим веру и свет, к Николаю I были обращены следующие слова: «Когда *закроешь двери Януса...* мы повторим слова наших отцов, которые всегда были в наших сердцах: „За Короля! Слава, Отчизна, Бог“»⁷⁴⁶. В другом тексте новый польский король сравнивался с Титом Флавием, «окруженным любовью богов», славным и карающим врагов. Автор текста упоминал «поверженных персов», «борьбу за веру» против мусульман и превозносил «неутомимость и мужество победоносных русских войск», упоминая взятие турецких крепостей Браилов и Варна⁷⁴⁷. Одновременно с этим Николай оказывался воплощением милосердия и протягивал «претерпевшему многие страдания» польскому народу «дружескую руку»⁷⁴⁸, а польский народ изображался благодарным и «верным до скончания веков» своему монарху, украшенному отныне короной Пястов⁷⁴⁹.

Интересны и отсылки к польской истории, которые использовали авторы таких, казалось бы, лоялистских текстов. В некоторых из них Николай именовался «наследником храбрых Казимиров и Янов», который шествовал в короне Пястов⁷⁵⁰. Упоминание Яна, вероятно, следует трактовать как указание на польского короля Яна Собеского, победителя турок под Веной, столь важной фигуры для самого Николая I. В этой части польское прочтение совпало с нарративом, предложенным императором. Но указание на Казимира едва ли могло быть одобрено императором, как и любая отсылка к королям, ассоциирующимся с «собиранием» польских земель. Речь шла о Казимире III, последнем из династии Пястов, который был знаменит договорами с соседями и завоевал Галицию. Это был намек на войну с Австрией за объединение Польши, которую, в рамках этого образного ряда, Николай должен был начать.

Замечательна и история с посещением императорской четой постановки «Сесилия Пешанская» в варшавском народном театре. Опера была специально написана и поставлена в честь коронации⁷⁵¹. Автор музыки – польский композитор К. Курпинский – был известен своими патриотическими произведениями и написанной в честь приезда Александра I в Варшаву оперой «Награда». Следует отметить, что в литературе утвердилось мнение, что польский театр стремился быть актуальным, остро реагируя на смену политической конъюнктуры, ему была присуща злободневность и стремление «зафиксировать событие, привлечшее внимание публики». В этом отношении он был близок к публицистике⁷⁵². Постановка «Сесилии Пешанской» подтверждает этот вывод.

Согласно либретто, действие оперы открывается рассказом о любви Сесилии, дочери старосты Пешанского, к датчанину барону Штрамверу. Оставив ради возлюбленного родительский дом и тайно обвенчавшись с ним, Сесилия, проклятая оскорбленным отцом, покидает отечество. Далее события переносят зрителя в период Шведско-польской войны середины XVII в., так называемого Шведского потопа. Староста Пешанский яростно

746 Kurjer Warszawski. 1829. № 139. S. 604.

747 РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (2) об.

748 Там же. Л. 363 (2) – 363 (3).

749 Там же. Л. 363 (3) об.

750 Там же; *Филатова Н. М.* Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 124.

751 О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429; *Krasiński J.* Z pamiątek Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 426.

752 *Софронова Л. А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. С. 245.

сражается с неприятелем. Узнав об этом, барон присоединяется к польской армии и храбро воюет против шведов. После победы староста узнает барона, прощает дочь и возвращает ей наследство⁷⁵³. В русском переводе заключительная часть оперы описывалась следующим образом: «Барон, узнав, что отец обожаемой им [жены], находится в его Отечестве, присоединяется к польским воинам, которые побеждают шведов. После победы староста узнает барона, свою дочь и увидев еще двоих малолетних детей, обнимает дочь и внучат, прощает им прошедшее и возвращает им наследие»⁷⁵⁴.

Можно предположить, что содержание постановки, повествующей о потере единства, которое воплощают образы старосты Пешанского и Сесилии, и его последующем обретении через искупление бароном вины, отражало польскую версию истории русско-польских отношений конца XVIII – начала XIX в. и надежды относительно будущего Царства Польского⁷⁵⁵. По сути, история взаимоотношений Польши и России была символически показана как брак, в основании которого лежат одновременно любовь и предательство: Сесилия любит и любима, но она отторгнута своей семьей. Барону Штрамверу же по тексту предписана глубокая любовь к Сесилии и не менее глубокая вина перед ее отцом. Любя супругу, он жаждет искупления и в итоге, сразившись с неприятелем, посягающим на свободу Отечества его жены и тестя, обретает его, воссоединив Сесилию с отцом. Интересно, что при такой трактовке в гендерном отношении Россия оказывалась соотнесена с мужским полом (барон Штрамвер), а Польша, существующая лишь отчасти в женской (подчиненной) ипостаси (Сесилия), не утрачивала свою мужскую сущность (староста Пешанский). Напротив, сопоставление мужских персонажей показывает, что субъектность в значительно большей степени предписана в опере именно отцу Сесилии, нежели ее супругу. Суть же конфликта, таким образом, оказывается не в том, что Сесилия принадлежит равным образом и отцу, и мужу, а в том, что ее супруг, виновный в сложившемся конфликте, должен искать прощения на поле боя и воссоединить отца с дочерью и внуками. Иными словами, главным посылом оперы, поставленной в честь коронации Николая I, оказывалось указание на необходимость правильных действий со стороны монарха – искупления вины путем восстановления прежнего единства. При этом акцент на чувстве вины и необходимости искупления был смещен в сторону России (разделы Польши) и обходил стороной Польшу (участие в наполеоновских походах против России).

Примечательно, что в качестве войны, которая становится своего рода местом искупления для барона, был выбран Шведский потоп (1655–1660 гг.) – тяжелая по своим последствиям для Польши война, объединившая на некоторое время силы Речи Посполитой и России. Это событие оказывалось максимально близким по времени к эпохе Смуты в Московском государстве (начало XVII в.), которая, таким образом, «прочитывалась» (хотя и не прямо) как момент наивысшего конфликта между протагонистами.

Отметим, что коронационная опера не выходила за пределы принятого в то время нарратива. Вина России за разделы Польши, необходимость восстановить страну, объединив разрозненные земли, – эти сюжеты обсуждались на сцене польского театра весь александровский период⁷⁵⁶. Неудивительно поэтому, что опера, материал которой был в

753 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 13. Л. 23.

754 Там же. Пересказ либретто см. также в: *Goldberg H.* Music in Chopin's Warsaw. New York: Oxford University Press, 2008. P. 242.

755 В этом смысле сложно согласиться с Н. М. Филатовой, высказавшей мнение, что «Сесилия Пешанская» «была далека от актуальных событий» эпохи (Филатова Н. М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 153).

756 Там же. С. 150–153.

действительности далек от верноподданнических деклараций, оставалась популярной в Польше и после окончания коронационных торжеств⁷⁵⁷.

Интересна также и позиция николаевской администрации: согласно правилам, перед коронацией опера была цензурирована и сочтена подходящей. В документах Третьего отделения сохранились даже печатное либретто «Сесилии Пешанской» на польском и сжатый пересказ на русском языке⁷⁵⁸. Это означает, что власти не нашли в такой трактовке ничего предосудительного, одоблив интерпретацию роли как России, так и Польши.

Опера «Сесилия Пешанская» была не единственным эпизодом подобного рода. Так, во время коронационного обеда перед королем и королевой была исполнена увертюра из оперы Дж. Россини «Осада Коринфа»⁷⁵⁹. Спектакль, представленный всего за несколько лет до того (1826 г.), имел оглушительный успех в Парижской опере⁷⁶⁰. Сюжет оперы был известен всей Европе, в том числе и благодаря одноименному произведению Дж. Байрона (1816 г.), а его мотивы – стремление к свободе и любви, борьба с врагом, предательство и жертва во имя его искупления – схожи с теми, что были представлены в «Сесилии Пешанской». История главных героев разворачивается здесь на фоне противостояния жителей Турции и Греции, а в основе сюжета лежит любовный треугольник между турецким султаном Магометом II, дочерью предводителя греков Памирой и молодым греком Неоклом. Памира, влюбленная в Магомета, сначала покидает стан греков, а затем, осознав свое решение как предательство и покинув возлюбленного, возвращается к отцу и Неоклу. В конце произведения, терзаемая противоречиями и чувством вины, Памира совершает самоубийство на руинах разрушенного Коринфа.

Известно, что император Николай был внимателен к вопросам оформления власти, знал и понимал символы. Нет никаких сомнений, что он вполне осознавал, например, почему во время коронационных торжеств в Москве в 1826 г. для постановки были выбраны комическая опера «Новый помещик» и балет «Сандрильона (Золушка)»⁷⁶¹. В обоих случаях представленное перед императором действо было связано с образом самого монарха – оно являло собой рассказ о том, как скрытое и подлинное получало достойное признание и это чудесное превращение гармонизировало все вокруг, соединяя влюбленных и разрешая конфликты.

У нас нет прямых свидетельств реакции Николая на представленную ему польской стороной нарративную стратегию. Весьма вероятно, что император не читал верноподданнических стихов, присылавшихся в Петербург или публиковавшихся в «Варшавском курьере». Очевидно, он не был погружен в польскую историю и не вполне осознавал (по крайней мере сразу и в достаточной полноте), что предлагаемая символическая конструкция помещает его в принципиально иной контекст, формирует альтернативный образ его власти в регионе, предписывая ему, если использовать терминологию «истории эмоций», определенные эмоциональные режимы и, как следствие, действия. Он, вполне возможно, не учел, что тривиальное прочтение его самого через образ Александра I в Польше имеет особое измерение. Но, согласившись на предлагаемые трактовки или, что также вероятно, посчитав ненужным менять что-либо в процессе, чтобы не испортить праздник, император оказывался в ловушке предписанного ему чувства вины, за которым

757 Goldberg H. Music in Chopin's Warsaw. P. 242.

758 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–23.

759 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

760 «Осада Коринфа» была переработкой более раннего произведения Россини – героико-трагической оперы «Магомет II».

761 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 386–387. См. также: Le nouveau seigneur de village. Paris, 1813.

неизменно следовало настоятельное требование искупления последнего за счет использования политических, экономических или военных средств.

Однако, учитывая, как тяжело далось императору решение о коронации в Польше, как долго обдумывался каждый из элементов церемонии, Николай не мог не обнаружить в какой-то момент, что коронационный сценарий, реализуемый в Варшаве, оказался поразительным образом открыт для интерпретаций. Поляки предлагали императору искупить вину за его предшественников на престоле, виновных в разделах Польши и ее последующем упадке, тогда как, судя по формату, выбранному для коронации, сам Николай, как будет показано далее, приехал предъявить полякам прощение за смерть русских солдат и офицеров на полях Отечественной войны 1812 г., разорение страны и страдания ее жителей. Это очень точно выразил А. Х. Бенкендорф, отметивший, что коронация была реализована «с полной предупредительностью, предоставляя полякам прекрасный случай загладить их ошибки и со своей стороны набросить на прошлое покров забвения»⁷⁶².

Интересные выводы можно сделать и анализируя визуальный ряд, соотнесенный с коронацией. Отметим, что церемония оставила по себе крайне небольшое количество изобразительных источников и все они отражают видение событий польской стороной. Существенно, что официальное иллюстрированное описание действия не было издано и, очевидно, даже не готовилось к публикации.

В литературе содержится указание о выставившихся несколько раз во время празднований портретах Николая и Александры⁷⁶³. Идентифицировать, о каких именно изображениях в каждом конкретном случае идет речь, достаточно сложно. В польских музеях (прежде всего Национальном музее в Варшаве и Музее Войска польского) хранится несколько портретов Романовых первой трети XIX столетия. Возможно, какие-то из них могли использоваться и в празднествах 1829 г. Интересное сообщение содержится в одном из номеров «Варшавского курьера», который рассказал своим читателям, что картины «редкой красоты, изображающие чету Светлейших в коронационных костюмах польских короля и королевы» и выставившиеся в Варшаве, были произведениями «прославленного Дауэ»⁷⁶⁴. Современные биографии Дж. Доу этот факт, однако, не подтверждают⁷⁶⁵.

В нашем распоряжении есть лишь одна картина, иллюстрирующая собственно коронационное действие в Варшаве. Речь идет о незаконченном полотне «Коронация Александры» из Национального музея в Варшаве⁷⁶⁶. Автор, а равным образом и заказчик картины неизвестны. Относительно личности художника, впрочем, в польской историографии существует несколько предположений. Среди возможных авторов упоминаются Дж. Доу, А. Бродовский и А. Орловский⁷⁶⁷. Предположение об авторстве Доу вызывает сомнения – слишком разнится манера изображения, а тот факт, что Дж. Доу

762 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 220.

763 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8.

764 Kurjer Warszawski. 1829. № 143. S. 627.

765 В литературе содержится указание лишь на то, что в конце 1820-х гг. Доу планировал писать портрет великого князя Константина Павловича, который позировал художнику в Варшаве (Андреева Г. Б. Гений войны, блага и красоты. Писал Королевский академик Джордж Доу. М.: Пинакотека, 2012. С. 158–159).

766 Оригинальное название полотна – «Koronacja cesarzowej i królowej Aleksandry przez Mikołaja I w Zamku Królewskim w Warszawie 24.V.1829» (1829).

767 Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8; Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 372, 390. На официальном сайте Национального музея в Варшаве автором картины указан А. Бродовский с пометой «под вопросом».

написал по заказу герцога Девонширского парные портреты Николая и Александры в связи с московской коронацией⁷⁶⁸, едва ли следует расценивать как самостоятельный аргумент.

В отношении передачи фактической информации изображение содержит множество неточностей. Так, во время коронации в самом центре помещения был устроен алтарь⁷⁶⁹, обращаясь к которому Николай произносил слова клятвы. На картине этот элемент отсутствует, а пространство между условным зрителем и императорской четой вдалеке оказывается прямой, ничем не прерванной линией. Нет здесь и многих других элементов декора, которые предписывал «Церемониал»: двух помостов по обеим сторонам зала и стола для регалий. На полотне нет также изображения примаса Воронича⁷⁷⁰. М. Гетка-Кениг, анализирувавший этот материал, полагает, что отсутствие клира на картине имело целью подчеркнуть светский характер действия⁷⁷¹. Более очевидным кажется предположение, что художник не был свидетелем коронации, а имевшиеся у него сведения были редуцированными.

Однако, прежде чем говорить собственно об образах на полотне, стоит обратить внимание, что название картины акцентирует внимание на той роли, которую сыграла в этих событиях императрица. Действительно, Александра Федоровна была в это время в Варшаве исключительно заметной фигурой. Это вполне понятно – ведь поляки впервые за несколько десятилетий могли увидеть свою королеву⁷⁷². Король Станислав Август официально в браке не состоял, а герцогиня Варшавская, супруга Фридриха Августа, до Варшавы так и не добралась. Император Александр I отказывался брать с собой в Варшаву императрицу Елизавету Алексеевну. Вероятно, монарх полагал, что появление жены рядом с А. Чарторыйским, с которым у императрицы был многолетний и широко известный роман, может скомпрометировать его или, по крайней мере, привнести ненужные коннотации. В 1818 г. во время открытия первого сейма в Варшаве появилась лишь вдовствующая императрица Мария Федоровна⁷⁷³. Приходившие в Петербург в середине 1820-х гг. агентурные материалы между тем настойчиво упоминали желание поляков видеть императрицу: «Если бы нашему благодетелю Царю показаться в Польше, – писал один из агентов Третьего отделения, – поляки закричат, радостно запоют: „Vive Nicolas! Vive Alexandrine!“»⁷⁷⁴

Неудивительно поэтому, что в объявлении о коронации, которое герольды зачитывали на улицах Варшавы, снова и снова повторялось имя Александры Федоровны, императрице возносились молитвы, ей посвящались стихи. Внешность, манеры, поведение новой королевы обсуждались, вызывая восторг или, напротив, злословие. Так, мемуаристка Н. Кицка, указав на задержку с началом коронации, утверждала, что она была вызвана

768 Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // Наше наследие. 2000. № 55. С. 22–33.

769 О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

770 Неточность в передаче оформления зала Сената отмечает и Е. Гутковский (*Gutkowski J. Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie. S. 8*).

771 *Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 400.*

772 *Krasiński J. Z pamiątek Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 413–414; Kicka N. Pamiętniki. S. 156–172.* Подробнее об этом см.: *Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 400.*

773 *Getka-Kenig M. Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy «wskrzeszonej» monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // Kronika Zamkowa. 2015. T. 2 (68). S. 224.*

774 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 14 об. – 15.

«ужасными капризами» императрицы – корона показалась Александре неудобной, поэтому она потребовала надеть ее на себя перед коронацией, появившись в зале уже с венцом на голове⁷⁷⁵. Другой современник, Михаил Чайковский, напротив, был восхищен императрицей: «Государыня танцевала превосходно, так изящно и оживленно, что ни одна полька не могла бы сравниться с нею»⁷⁷⁶. Интересно, что эпизод с танцующей в Варшаве Александрой Федоровной нашел свое отражение в брошюре, изданной в Париже в 1833 г. и описывающей заговор с целью ареста или даже убийства Николая I в момент коронации. Автор текста упоминал, в частности, что один из заговорщиков, отказавшийся от своего намерения и покинувший Варшаву, рассказывая о коронации людям вдали от столицы, «притворялся... что танцевал польского с царицею»⁷⁷⁷. Обратили современники внимание и на объятия императрицы и княгини Лович у Варшавского замка⁷⁷⁸, которые, возможно, напомнили известный, многократно описанный и визуально воспроизведенный эпизод с объятиями Николая и великого князя Константина Павловича во время московской коронации. Без сомнения, Николай I отметил положительное воздействие, которое оказало присутствие императрицы на общественные настроения в Польше: Александра Федоровна сопровождала его в Польшу и в следующем году, когда монарх приезжал на открытие сейма.

Для сравнения отметим, что российские источники, в частности пресса, не уделяли присутствию императрицы в Варшаве какого-либо существенного внимания. Так, в «Северной пчеле» и «Отечественных записках» упоминания Александры Федоровны были немногочисленны и касались конкретных фактов, таких как путешествие в Варшаву отличным от императора путем, отбытие в Берлин по окончании обязательных коронационных торжеств и пр.⁷⁷⁹

Формирование образа Александры Федоровны в Польше, кроме апелляции к ее статусу новой польской королевы, очевидно, было связано и с ее происхождением. Императрица была прусской принцессой, представительницей дома Гогенцоллернов. В рамках ориенталистского взгляда на Россию этот аспект также оказался востребованным. Показательно опубликованное в «Варшавском курьере» стихотворение, в котором Александра, именовавшаяся, вполне традиционно, «помощницей» монарха и «матерью народа», была также названа «хорошей Ядвигой»⁷⁸⁰. В польском политическом нарративе образ Ядвиги обладал целым рядом значимых коннотаций: выйдя замуж за литовского князя Ягайло, эта средневековая польская королева обратила в христианство целый языческий народ, открыв дорогу к личной унии между Польшей и Великим княжеством Литовским. Популярный в польском обществе образ Ядвиги прямо выступал как указание на объединение Польши и Литвы⁷⁸¹. Перенесение подобной образности на императрицу задавало новые коннотации: Александра-Ядвига по законам повествования оказывалась рядом с мужем-полуварваром и обретала таким образом почти цивилизаторскую миссию.

775 Kicka N. Pamiętniki. S. 170–171.

776 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши). С. 173.

777 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 14 об.

778 Krasieński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 414.

779 Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; О коронации Его Императорского Величества. С. 418–435.

780 Kurjer Warszawski. 1829. № 139. S. 603.

781 Филатова Н. М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 152–153.

Вернемся, однако, к изображению на полотне. Автор картины «Коронация Александры» также искал образ для новой польской королевы, но вдохновлялся он, по всей видимости, сюжетами вполне современными. Он поместил своего зрителя у самого входа в зал Сената, за которым открывался вид на двусветное представительское помещение. По обеим сторонам последнего на галереях для почетных гостей разместились зрители-мужчины, а на балконах над ними – дамы⁷⁸². В дальнем торце зала можно рассмотреть тронное место, на котором находятся Николай I и Александра. Императрица в короне и с орденом Белого Орла, сложив руки на груди, стоит на коленях перед императором. Николай представлен развернутым к императрице так, словно он только что возложил на нее королевский венец. В действительности, как указывалось, ход событий был иным – Николай не короновал Александру Федоровну, она вошла в зал в короне, а во время церемонии на нее была возложена только цепь польского ордена Белого Орла. Вместе с тем картина названа «Коронацией Александры», да и само изображение создает иллюзию, что зритель наблюдает момент, когда Николай, возложив корону Польши на свою супругу, созерцает свершенное, все еще протягивая к королеве руки.

Ключевым аспектом для анализа картины следует признать то, что художник, очевидно, вдохновлялся известным полотном Давида, изображающим коронацию Жозефины Наполеоном (1804 г.). Выбор эпизода и некоторая схожесть сюжетного построения (императрица на коленях, руки сложены как для молитвы, иерархически устроенное пространство) говорят о явных отсылках к известному в Европе изображению коронации Наполеона – человека, вокруг которого в Польше, как уже указывалось, был выстроен настоящий культ. Таким образом, персонажи коронации 1829 г. оказывались помещены в символический нарратив иного, наполеоновского толка.

Николай, вероятно, предполагал, что французской темы избежать не удастся. Он прекрасно знал, что Наполеон Бонапарт был коронован дважды, что создало прецедент, который к моменту вступления на престол Николая был памятен всей Европе. Став императором французов в декабре 1804 г. в Нотр-Даме, Наполеон вторично короновался как король Италии менее чем полгода спустя – в мае 1805 г. в Миланском соборе. Императору Николаю I, возможно, были знакомы и некоторые детали церемонии. Однако у нас нет свидетельств, указывающих на то, что монарх прямо соотносил свою коронацию в Варшаве с наполеоновской коронацией в Милане⁷⁸³. К тому же с точки зрения принятия стратегических решений никакой иной контекст, помимо польско-русского, при подготовке коронации не учитывался. Вместе с тем Николай не мог не понимать, что контекст, в котором он окажется, будет реактуализировать в том числе и французскую тему⁷⁸⁴. Осознанно или бессознательно,

782 Две заметные фигуры у правых дверей в дальнем конце зала – мужчина и женщина – вероятно, могут быть великим князем Константином Павловичем и княгиней Лович.

783 Николай был заворожен в равной мере как русскими победами 1812–1814 гг., так и фигурой и военным гением Наполеона. В литературе существует указание, что в некоторых своих действиях император мог копировать французского императора. Так, Д. Сдвижков отмечает, что выход Николая I на Сенную площадь во время холерного бунта 1831 г. был отсылкой к поведению Наполеона в чумной Яффе (Сдвижков Д. А. Империя в наполеоновском наряде: Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сборник статей / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 98–99). Не отрицая возможные параллели, которые могли возникнуть у современников, отметим, что в данном случае речь идет об использовании универсальных стереотипов героики.

784 В русских источниках тема польского стремления постоянно «увязывать» свой образ с Францией появляется достаточно часто. При этом оценки установок такого рода варьируются в зависимости от взглядов автора. Например, П. А. Вяземский, выражавший недовольство тем, что польский двор российских императоров в Варшаве недостаточно хорош, считал такое положение дел неприемлемым, поскольку в польском обществе «находились еще живые предания, свидетели и участники изящных и блестящих увеселений Трианона... и великолепных празднеств Сен-Клу и Фонтенбло» (Вяземский П. А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003. С. 349). Напротив, иронизировавший над польским культом Франции Д. В. Давыдов писал, соотнося действия поляков во время восстания 1830–1831 гг. с периодом Великой Французской революции: «...явилось новое

случайно или намеренно, но император оставил польской стороне возможность интерпретации собственного образа и действий в том числе и через призму французских сюжетов.

Стремление поляков продвигать свою образность и собственное видение ситуации можно обнаружить и в иллюстрированном описании символических похорон Александра I 1826 г., изданном в Варшаве как раз к приезду Николая на коронацию. Издание содержало описание церемонии, тексты речей и молитв, которые были произнесены в Польше во время траурных церемоний по покойному императору. Включенные в книгу изображения демонстрировали убранство «печальной залы» в Варшавском замке и катафалк в соборе Св. Яна, а также огромное похоронное шествие, ставшее кульминацией поминовения⁷⁸⁵.

Как уже говорилось, в этой церемонии 1826 г. образ Александра I был прочтен исключительно изнутри польского нарратива. Однако издание 1829 г. было еще более радикальным – в описание были внесены изменения, направленные на демонстрацию большей субъектности Польши и нивелирование образа Российской империи. Так, иллюстрации книги 1829 г. демонстрировали, что российские ордена Александра I, доставленные из Петербурга⁷⁸⁶, «шли» вторыми по порядку, тогда как собственно польские ордена (Белого Орла и Св. Станислава) появлялись последними, то есть оказывались в рамках церемонии «выше» всех остальных, включая российские⁷⁸⁷. Архивные материалы и пресса 1826 г. показывают, что в момент самой церемонии прочтение было иным – российские ордена завершали процессию⁷⁸⁸, то есть иерархия была развернута в сторону признания главенства Российской империи. Без сомнения, подобная система была нормой. В церемонии похорон Ю. Зайончека, также состоявшейся в 1826 г., ордена наместника были распределены аналогичным образом – орден Андрея Первозванного оказывался выше ордена Белого Орла⁷⁸⁹.

Изменения, внесенные в издание 1829 г., имели целью переописание произошедших недавно событий и были частью подготовки польской стороны к будущему коронационному действу. Указание на политическую субъектность Польши, появлявшееся в источниках самого разного рода (в том числе и таких), формировало нарратив, с которым Николаю I пришлось иметь дело во время коронации в Варшаве.

Неудивительно поэтому, что попытки выпустить официально одобренную медаль в честь коронации не увенчались успехом⁷⁹⁰. На Варшавском монетном дворе было отлито несколько вариантов жетонов, но ни один из них не получил одобрения императора Николая.

правление под названием народного или национального. Исполнительная власть препоручена была 5 членам, без отчетности, и министрам, подвластным отчетности сейма и сената. Это была пародия покойной французской Директории, как восстание царства пародия французской революции... Хлопицкий 18-му брюмеру и Наполеону, болтовня сейма – прениям Конвента, Лелевель – Робеспьеру и польская нация – французской» (Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 309).

785 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie; Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszęłego zamachu na cara. S. 182.

786 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Д. 492. Л. 156.

787 Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie. S. XVIII–XIX.

788 AGAD. F. 197. № 675. K. 3–4; Kurjer Warszawski. 1826. № 63. S. 254.

789 AGAD. F. 190. № 91. K. 94.

790 Герб и флаг России X–XX вв. С. 315.

Найти изображение «пробных» медалей в российских исторических каталогах практически невозможно⁷⁹¹, однако они есть в электронных каталогах аукционных домов и ряда зарубежных музеев, в частности Смитсоновского института. Анализ этих данных демонстрирует все ту же тенденцию манипулировать информацией относительно произошедшего события. Лицевая сторона медалей неизменно представляет профиль Николая I, однако реверс содержит изображение короны, образ которой восходит к польской коронационной традиции и ничем не напоминает использованный в церемонии венец Анны Иоанновны.

Глава 5

«Я не мог избавиться от болезненного и даже унижительного ощущения...»

Итоги коронации

5.1. Результаты и оценки коронации

Сразу по окончании коронация воспринималась как успех в отношении роста лояльности территории и решения внешнеполитических задач. В 1829 г. Третье отделение рапортовало императору, что «волнения в Польском государстве стремительно успокоились после коронования Его Величества Императора», число желающих записаться в Литовский корпус растет, а количество стремящихся к неповиновению в русской части Польши, напротив, крайне невелико⁷⁹². В отношении Австрии весы соперничества также склонялись в сторону России. Поляки Галиции восприняли новость о коронации в Варшаве с энтузиазмом и, подав прошение об участии в церемонии, получили высочайшее одобрение. Сама коронация произвела на них исключительно позитивное впечатление – в Петербург летели сообщения о «радости» и «восхищении», а также о том, что во Львове повсюду «поляки пьют за здоровье царя польского», позволяя себе оскорбительные высказывания в адрес Австрии⁷⁹³. Коронация изменила и фон вокруг великого князя Константина Павловича, который перестал восприниматься как единственный представитель династии, в центре внимания которого были дела в Царстве⁷⁹⁴.

Польские источники личного происхождения оценивают коронацию либо позитивно, либо (особенно если документ появился после 1831 г. и интерпретировал произошедшее через призму восстания 1830–1831 гг.) сдержанно и с указанием на противоречивость испытанных современниками эмоций.

В Польше содержание коронации вызвало вопросы, но их было явно меньше, чем можно было ожидать. Как уже упоминалось, жителей Царства Польского вполне удовлетворила клятва-молитва Николая I. Так, современник событий польский историк Т. Липинский в своих «Записках за 1825–1832 гг.» указывает, что коронационная речь, произнесенная «коленипреклоненным» Николаем, вызвала в поляках чувство

791 Изображения и описания этих объектов не попали, например, в «Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией / Под ред. С. Строева. Вып. 4: Медали, относящиеся к Александру I, к Николаю I» (СПб., 1843) и в работу В. П. Смирнова «Описание русских медалей» (СПб., 1908).

792 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2 об.

793 Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407.

794 Современники отметили, что присутствие Николая I в Варшаве серьезно тяготило великого князя Константина (Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 408–409; Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 319).

благодарности⁷⁹⁵. Это едва ли может удивить – клятва конституции была частью манифеста 1825 г., а молитва содержала отсылку к нему. Липинский, впрочем, указывает и на то, что вызвало у польских подданных монарха недовольство. Упоминая ходившие по городу в преддверии коронации разговоры, мемуарист фиксирует волнения относительно коронационных регалий и отсутствие информации о том, какая корона назначена к использованию. Важным для обсуждения оказался вопрос, доставят ли в Варшаву венец, которым император венчался в Москве⁷⁹⁶. Н. Кицка также отдельно оговаривает сюжет, связанный с короной, а именно то, что «Николай решил использовать корону московских царей»⁷⁹⁷. Недовольство тем, что для коронации был выбран русский венец, выражали в своих текстах К. Колачковский и Ю. Немцевич⁷⁹⁸.

Предметом насмешек варшавского общества стал и польский церемониймейстер Я. Жабоклицкий, который привез корону в Варшаву с излишней, как писали, торжественностью⁷⁹⁹. Очевидно, что почести, которые воздавались короне сами по себе, не были предметом критики: негативная реакция была связана с тем, что церемонии удостаивалась *русская* корона. Появление в этом контексте регалий, созданных в Польше специально для церемонии, скорее всего, не спровоцировало бы ироничные комментарии. Вместе с тем нельзя не согласиться с О. С. Каштановой, которая, ссылаясь на целый ряд польских источников (в частности, Б. Маньковскую и А. Млоцкого), указывает, что русская императорская корона в сознании части польского общества «приобрела символ польской регалии»⁸⁰⁰.

В целом ряде польских текстов коронация предстает как событие, не вызвавшее бурного ликования, нелепое или являющееся зловещим предзнаменованием. Так, И. Лелевель отмечал, что церемония вызвала у жителей Варшавы множество чувств, однако радовавшихся, «наверное, было немного»⁸⁰¹, а Ю. Немцевич характеризовал отношение Царства Польского ко всему происходящему как безучастное – все были «спокойны, грустны и тихи»⁸⁰². «Холодной» называл реакцию поляков на коронацию и Х. Голежевский⁸⁰³. Генерал И. Прондзинский, в свою очередь, именовал коронацию «странной»: «Казалось, что ее никто не принимает за правду, за святой, почитаемый, национальный обряд, но скорее за пародию коронации. Польский король короновался в Варшаве... императорской Коронай»⁸⁰⁴. Многие тексты трактуют церемонию как своего рода «комедию» или часть николаевского плана по

795 *Lipiński T.* Zapiski z lat 1825–1831. S. 134.

796 *Ibid.* S. 138.

797 *Kicka N.* Pamiętniki. S. 156–157.

798 *Kołaczkowski K.* Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Ks. III. S. 120–121. Ю. Немцевич приписывал выбор русской короны проискам Н. Н. Новосильцева (*Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 317–318).

799 *Kicka N.* Pamiętniki. S. 157.

800 *Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45. Подробнее о восприятии короны как символа см.: *Филатова Н. М.* Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел. С. 86–89.

801 *Lelewel P.* Pamiętniki i diariusz domu naszego. Wrocław: Zakład Narodowy, 1966. S. 295–296.

802 *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 321.

803 *Golejewski H.* Pamiętniki. T. 2. S. 203.

804 *Каштанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.

уничтожению Польши легальными способами⁸⁰⁵. При этом, говоря о фальшивом характере церемонии или подчеркивая нелепость всего происходящего, современники главным образом указывали на тот факт, что награды за участие в церемонии были розданы полякам, демонстрировавшим по отношению к Николаю подчеркнутую лояльность⁸⁰⁶.

Вместе с тем в этом же типе источников, а зачастую в тех же самых текстах можно найти оценки совершенно другого рода. Многие писали о надеждах, которые связывали с церемонией поляки, на страницах дневников фиксировались яркие впечатления или даже восторг, произведенный действием. Так, Ю. Красинский и упоминавшаяся Н. Кицка описали период ожидания коронации как время пробуждения надежды «дышать свободным воздухом» и увидеть «зарю» лучшего будущего⁸⁰⁷. Церемония и последующие торжества, по мнению мемуаристов, «захватили всех»⁸⁰⁸. Поляк Михаил Чайковский в своих «Записках» отмечал, что Николай I во время коронации произвел на него сильнейшее впечатление, заставив рассуждать: «Отчего поляки не группируются вокруг него и своим послушанием добровольно не снискивают его расположения, его любви? Лучше бы им было!»⁸⁰⁹. Сохранились и многочисленные стихи в честь коронации Николая I⁸¹⁰.

Оценки церемонии польской стороной с течением времени, без сомнения, менялись. В значительной мере восприятие события как зловещего предсказания было предопределено произошедшим вскоре восстанием. Свою роль сыграла и польская литература этого периода, в частности «Кордиан» Ю. Словацкого и «Дзяды» А. Мицкевича, вошедшие впоследствии в национальный канон⁸¹¹. Не приходится, однако, сомневаться, что первоначальное впечатление было позитивным.

Отношение свиты Николая и – шире – русского общества к коронации в Варшаве реконструировать сложнее. Как уже говорилось, проведение церемонии не нашло широкого отражения в источниках личного происхождения, в ретроспективе же оно «потерялось» между двумя эмоционально значимыми событиями – Конституционной хартией 1815 г. и восстанием 1830–1831 гг., не говоря о том, что в России статус церемонии не получил серьезного разъяснения.

805 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 5; *Kołaczkowski K. Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Ks. III. S. 120–121.*

806 Ю. Немцевич, в частности, уделит несколько страниц церемониймейстеру Я. Жабоклицкому, награжденному во время коронации (*Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 319–320*). О раздаче наград см. также: *Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 45.*

807 *Kicka N. Pamiętniki. S. 159–160.*

808 *Krasiński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 416–427; Kicka N. Pamiętniki. S. 168–170.* См. также: *Getka-Kenig M. The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–1830). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion. P. 388–402.*

809 [Чайковский М.] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садых-паши). С. 178.

810 *Kurjer Warszawski. 1829. № 139. S. 603; № 140. S. 611; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 363 (а) – 363 (в) об.*

811 О тексте Ю. Словацкого и дискуссии, развернувшейся в этой связи в польских литературных текстах, см.: *Филатова Н. М. Самоубийство или царевубийство? Варианты польского национального поведения в эпоху романтизма // Категории жизни и смерти в славянской культуре: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 268–269; Филатова Н. М. Образ русского царя в литературе польского романтизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Наука, 2007. С. 81. Апелляции к тексту «Кордиана» также часты и в польской исследовательской литературе, посвященной разным аспектам коронации. См., например: *Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszęłego zamachu na cara. S. 178–181.**

Примечательно, что даже в тех случаях, когда план проведения коронации или само действие все же оказывались в поле зрения того или иного высокого чиновника или военного, это, как кажется, не вызывало интереса или потребности обсудить коронацию. Дневник дипломата П. Г. Дивова помогает точнее понять и контекст происходящего. Служивший в тот момент управляющим Министерством иностранных дел, Дивов фиксирует в своих записках: «21-го мая Император короновался в Варшаве. Он коронуется сам, возлагая корону на свою голову»⁸¹². Однако сразу за этой сухой фразой следуют новости с театра военных действий Русско-турецкой войны: 4 июня – известие о том, что султан освободил находившихся в плену 6 офицеров и 120 солдат, 13 июня – информация о молебствии в Казанском соборе по случаю победы графа Дибича и т. д.⁸¹³ Казалось бы, Петербург был занят войной, известия с полей сражения занимали главные полосы газет и мысли современников. Можно было бы предположить, что о других новостях рассуждать было некогда и неинтересно. Такое прагматическое объяснение, однако, едва ли будет верным.

Подтверждение можно обнаружить в переписке тогдашнего министра внутренних дел А. А. Закревского и командующего русскими войсками в Дунайских княжествах П. Д. Киселева. Ранней весной 1829 г. находившийся в Петербурге Закревский сообщал своему адресату в Одессу все петербургские новости, получая в свою очередь информацию о событиях, разворачивавшихся на южных рубежах империи в непосредственной близости от театра военных действий: «О сборе турок в назначенных тобою местах здесь также носят слухи; желаю успеха, а еще полезнее будет, когда совершится мир, России желанный. *Государь в конце апреля или начале мая с Императрицею и Наследником едут в Варшаву для коронования*. Будет свидание в Калише с королем Прусским, а потом Государь поедет в Тульчин на маневры, а оттуда к таковым же сюда поспеет»⁸¹⁴. Важно отметить, что здесь Закревский сообщает о коронации не как о чем-то из ряда вон выходящем, а как о событии, значение которого существенно, но все же не выходит за пределы разговоров о заканчивающейся войне, прусской поездке императора и грядущих маневрах. В ответе Киселева, который привычно реагирует на все написанное Закревским в режиме «новость – комментарий», какого бы то ни было впечатления относительно будущей коронации вообще не высказано. Павел Дмитриевич обошел вопрос стороной вполне красноречиво: притом что Киселев много рассуждал о войне и сообщал, между прочим, что «в Одессе скука отменная», «время здесь весьма теплое, но трава худо показывается» и «хлеб вздорожал», до обсуждения коронации дело в его тексте не дошло⁸¹⁵. В поденной хронике митрополита Московского Филарета (Дроздова) за вторую половину 1820-х – начало 1830-х гг. можно обнаружить схожие сюжеты – слово «коронация» как таковое используется только применительно к московской коронации 1826 г., события, связанные с Польским восстанием 1830–1831 гг., неизменно маркированы, а варшавская коронация Николая никак не отмечена⁸¹⁶.

Оценки, высказанные представителями императорской свиты или приближенными великого князя Константина Павловича, участвовавшими в коронации, также носят обрывочный характер. В ряде случаев, оставив достаточно пространное описание событий в Варшаве, авторы мемуаров не интерпретировали свершившееся действие и не описывали собственные эмоции. В этом смысле их тексты похожи на записи тех, кто коронацию не видел. Именно так, например, выглядит рассказ адмирала П. А. Колзакова, служившего в

812 Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). С. 622.

813 Там же. С. 624, 626.

814 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 315.

815 Там же. С. 165–166.

816 Летопись жизни и служения святителя Филарета (Дроздова). М.: ПСТГУ, 2010. Т. II. С. 13, 28, 133–134, 194, 201, 212. 214.

Варшаве, и композитора А. Ф. Львова, будущего автора музыки гимна «Боже, Царя храни!», который находился в свите императора⁸¹⁷. А. Ф. Львов остался в границах официального нарратива, сообщая, например, что «народ везде изъявлял особенную радость»⁸¹⁸, а у адмирала П. А. Колзакова самым эмоциональным из зафиксированного стало описание концерта Н. Паганини: «Вечером я был в концерте Паганини и был истинно поражен его громадным талантом. Что он со скрипкой выделял – невероятно»⁸¹⁹.

Известную двойственность в оценке коронации можно найти у А. Х. Бенкендорфа, который, как мы уже знаем, участвовал в выработке официального взгляда на свершившуюся церемонию как на акт единения двух народов. В частной переписке того периода граф также выражал мнение, что коронация стала политическим успехом. В мае 1829 г. он писал Дибичу: «Императора обожают за его благородные и честные манеры. Мужчины и женщины с энтузиазмом относятся к нему, к любезности императрицы, к будущим надеждам, которые он продолжает. Варшава находится в упоении, а Вена, как я думаю, разочарована... Население увеличивается из-за массы людей, прибывающих из округи, из-за дам и господ, приехавших из самого Парижа, чтобы увидеть короля Польши. Коронация была во всех отношениях наиболее возможным политическим актом. До этого момента поляков волновала только безопасность их национального существования и надежды на будущее. Сейчас они говорят, разговаривая о русско-польских провинциях: „Мы больше не должны смотреть назад, сейчас наши взоры должны быть направлены на амбиции и славу нашего суверена“»⁸²⁰. В другом письме тому же адресату он рисует коронацию как событие позитивное и способствовавшее достижению поставленных целей, но вместе с тем непростое и эмоционально затратное: «Благодаря Богу и самообладанию императора над самим собою все кончилось благополучно... Поляки в восторге от своего короля и преисполнены доверия к его мудрости. Уверяю Вас, что невозможно быть более рассудительными, чем они, и более покорными воле Проведения, подчинившего их военному влиянию великого князя»⁸²¹.

Рассказывая о варшавской церемонии в своих «Воспоминаниях», глава Третьего отделения предложил иную трактовку – теперь коронация была «прочитана» им через призму последующих столкновений России и Польши. Указывая, что распространявшиеся по России «слухи» о коронации «не доставили никого удовольствия русским»⁸²², Бенкендорф пишет: «...поляки должны были почувствовать гордость... Мы же испытывали там тягостные чувства. Я не мог избавиться от *болезненного и даже унижительного ощущения*, которое предсказывало, что император Всея Руси выказывает слишком большое доверие и оказывает слишком большую честь этой *неблагодарной и воинственной нации*»⁸²³. Между прочим, стоит отметить, что этот пассаж граф поместил рядом с рассуждениями о том, что политика императора Александра I в отношении Польши, его стремление к объединению «всего, что было польским и могло быть польским» «затрагивало и оскорбляло Россию»⁸²⁴.

817 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 448–455; Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 241–243.

818 Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова. С. 242.

819 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 455.

820 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 455.

821 Там же. С. 236.

822 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

823 Там же. С. 410.

824 Там же. С. 408.

Впрочем, подобное описание оскорбленного русского чувства и рассуждения о неверной политике империи на западных границах можно обнаружить и в текстах, написанных непосредственно в момент коронации. Они принадлежат перу прежде всего военных. Так, находившийся в мае 1829 г. на театре военных действий с Турцией генерал И. И. Дибич писал в своем письме императору: «Бог хотел бы, чтобы удовлетворение, которое Ваше Имперское Величество испытывает в Варшаве, было всегда стабильным и неизменным... но нужно особенно остерегаться... чтобы не попасть в ловушку их (поляков. – Прим. авт.) очевидной лояльности»⁸²⁵. В своих посланиях А. Х. Бенкендорфу генерал выражался с еще большей прямоот: «*Пылкие патриоты видят в этом* (в коронации. – Прим. авт.) *снижение имперского достоинства...* Разумные люди и настоящие друзья нашего государя ощущают важность... этого действия и молятся, чтобы оно обернулось установлением спокойствия и гармонии. Я же опасаясь... и жалею всей душой Императора, так как я предвижу большие трудности...»⁸²⁶ Дибичу вторил А. И. Нейтгард, выражавшийся в отношении коронации прямо и резко: «...все вообще является чем-то уродливым: черный двуглавый орел – отец белого одноглавого; они различны по природе и останутся таковыми»⁸²⁷.

5.2. Эмоциональные нарративы: «Долг» и «благодарность»

Император убедил себя в необходимости коронации в Варшаве, но реализовать принятое решение оказалось для него делом нелегким. Это подтверждается тем, насколько противоречивым было поведение Николая во время пребывания в Польше. С одной стороны, император вел себя в столице Царства Польского крайне благожелательно – выражал интерес к польской истории, многократно упоминал храбрость польских войск, восхищался их превосходной выучкой, несколько раз, в знак расположения к жителям Варшавы, прошел по улицам города пешком и без охраны⁸²⁸. Современники прямо указывали, что во время пребывания в Варшаве Николай I «прилагал все усилия лично понравиться» полякам⁸²⁹. В этом он видел свой долг как императора.

С другой стороны, реконструируя действия Николая этого времени, можно заметить, что монарх испытывал серьезные психологические сложности и часто просто прятался от публики. Как уже упоминалось, достигнув Вильно во время поездки на коронацию, император начал отказываться от встреч с местными чиновниками и дворянскими

825 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 312.

826 Там же. С. 304.

827 Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407. Трактровка А. И. Нейтгарда содержит символические позиции, к которым прибегал ранее К. Поццо ди Борго. В одной из записок Александру I в 1814 г. он писал, что титулы короля Польши и императора России не могут «симпатизировать» друг другу, поскольку они различны по своей сути (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 316. Л. 4).

828 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 451; *Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim*. S. 15–28; Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 277–306. Не стоит преувеличивать значение этого жеста. Император время от времени позволял себе подобного рода публичные появления. См. о поведении Николая I в Москве: Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 444; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 276.

829 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 220.

представителями⁸³⁰, а в церемониале коронации жителям города позволялось «при проезде кортежа по улицам города опускать занавески в окнах»⁸³¹.

Некоторые польские авторы также оставили свидетельства, которые необходимо упомянуть в этой связи. Ю. Немцевич отметил в своих воспоминаниях, что во время произнесения коронационной клятвы император внезапно разрыдался и несколько минут не мог вымолвить ни слова⁸³². Немцевич полагал, что поведение монарха было продиктовано тем, что он был глубоко тронут происходящим. Ю. Красинский, описывая церемониальное шествие от замка к собору Св. Яна, зафиксировал еще один знаковый эпизод – император и король то ли от усталости, то ли будучи расстроенным шел к костелу с большим трудом, его фактически внесли в собор члены свиты, а во время молитвы, которую совершил примас Воронич, Николай заплакал и долго не мог успокоиться⁸³³.

Российские источники не показывают императора плачущим, но и здесь есть сведения, на которые имеет смысл обратить внимание. В. А. Жуковский, указывавший, что во время коронации все присутствующие и «внимавшие (молитве императора. – *Прим. авт.*) исполнены были благоговения и проливали слезы», рисует и сильное волнение Николая – во время молитвы «лицо его было оживлено чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного»⁸³⁴. Глава Третьего отделения А. Х. Бенкендорф в своих «Воспоминаниях» и вовсе не скрывает эмоциональные метания Николая I во время пребывания в Варшаве. Последний, по словам графа, принес клятву «от чистого сердца... с полной решимостью ее исполнить». При этом, как сообщает граф, Николай I испытывал «тягостные чувства». Рассуждая об эмоциональном состоянии монарха, Бенкендорф, пожалуй, нашел самое точное слово по отношению к тому, что ощущал император, – унижение⁸³⁵.

Примечательно и сообщение о нездоровье монарха во время варшавских торжеств: «Отечественные записки» информировали своих читателей, что император рано покинул праздничный обед в день коронации и пропустил и «обеденный стол на другой же день... по случаю легкой простуды»⁸³⁶. Сложно сказать, насколько действительно больным был в эти дни император, однако косвенные свидетельства указывают на то, что император искал возможность для своего рода передышки. «Воспоминания» Бенкендорфа позволяют реконструировать произошедшее после того, как Николай, сказавшись больным, ушел с коронационного обеда. «Вернувшись в свои апартаменты во дворце, император послал за мной, – сообщает глава Третьего отделения. – Видя, что я взволнован, он не скрыл от меня, насколько его рыцарское сердце переполнено чувствами»⁸³⁷. Стоит обратить внимание и на серьезную болезнь, которая настигла Николая спустя несколько месяцев после коронации, в

830 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 56. Л. 12 об.

831 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

832 Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 320.

833 Krasinski J. Z pamiętników Józefa hr. Krasieńskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja. S. 418–419.

834 Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма. 462.

835 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410.

836 О коронации Его Императорского Величества. С. 431. См. об этом также: Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 407.

837 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410.

ноябре 1829 г.⁸³⁸ Болезнь сопровождалась нервными припадками, и при дворе опасались за жизнь монарха. Очевидно, события первой половины года, война и коронация в итоге дали о себе знать.

При первой же возможности Николай I буквально сбежал из Царства Польского в Пруссию. Действия монарха в литературе чаще всего трактуются как прагматичное стремление совместить две поездки⁸³⁹. Однако если поместить произошедшее в контекст предшествующих событий, то картина окажется иной. Получив во время пребывания в Варшаве информацию о болезни своего тестя, прусского короля, Николай I принял внезапное решение сократить свое пребывание в столице Царства Польского и направиться в Берлин, где его визита не ждали. Бенкендорф так описывает действия монарха: «...император решил, что сам поедет в Берлин... он приказал мне никому не говорить об этих планах... Два дня спустя в полночь мы с императором сели в коляску, предшествуемые только одним фельдъегерем, которому было приказано готовить по дороге лошадей... Нас сопровождал только приехавший с императором в Варшаву граф Алексей Орлов. Ни на минуту не останавливаясь, мы через Калиш и Бреслау доехали до Грюнберга. Под моим именем император остановился в этом маленьком городе, чтобы дожидаться приезда императрицы, которая должна была прибыть сюда этой ночью. В тот момент, когда карета императрицы остановилась у приготовленного для нее дома, ее августейший супруг открыл дверь и к великому изумлению всех многочисленных собравшихся здесь людей подал руку императрице и сердечно обнял ее»⁸⁴⁰.

Историки справедливо отмечают, что в Германии Николай ощущал себя спокойно и комфортно. Он был рад оказаться «в близкой его сердцу атмосфере военного командования. И сам он был принят в Берлине... как родной»⁸⁴¹. К тому же и с тестем, и с братом жены – принцем Вильгельмом (будущим германским императором Вильгельмом I) – у Николая установились прекрасные отношения. Во время этой поездки в Берлин монарх присутствовал на бракосочетании принца Вильгельма с принцессой Августой Саксен-Веймарской⁸⁴².

Личные реакции императора показывают, что свои действия в Варшаве он воспринимал как не соответствующие его собственным представлениям и установкам. Иными словами, внутреннее состояние Николая-человека не согласовывалось с эмоциональным режимом, который установил (и которому обязал себя следовать) Николай-император. Как же в таком случае монарх объяснял себе и своим приближенным необходимость пройти через подобный кризис, или, используя формулировки самого Николая I и А. Х. Бенкендорфа, для чего он преодолевал «отвращение», шел на «жертвы» и проходил через «унижение»? Какой отклик от своих подданных в Царстве Польском он рассчитывал в итоге получить?

Анализ источников личного происхождения показывает, что польской стороне предписывались реакции (а в дальнейшем и действия), в основе которых должна была лежать подлинная и искренняя благодарность. Появление категории «благодарность» в российской политической риторике и, более того, использование последней при выстраивании политической практики не были нововведением Николая I. Автором этой системы был его брат и предшественник на престоле Александр I. Современники чутко уловили эту ноту в

838 *Неизвестный*. Записка о болезни Николая I. 1829 // Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. С. 391–392.

839 *Высочков Л. В.* Николай I. С. 264.

840 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. С. 410. Действительно, выехав из Варшавы позже, император смог обогнать кортеж императрицы Александры Федоровны (РГВИА. Ф. 25. Оп. 161а. Д. 593. Л. 140).

841 *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. С. 23.

842 *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. С. 333.

русской политике постнаполеоновского периода, отразив ее в своих текстах. Самым известным указанием является, конечно, письмо Карамзина Александру I 1819 г., известное как «Мнение русского гражданина»: «Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века... *В делах государственных чувство и благодарность безмолвны*»⁸⁴³. Карамзину вторил сенатор Н. Н. Новосильцев, который, по воспоминанию современников, часто повторял: «Александр Павлович ошибается, если думает, что поляки будут ему благодарны», «все добро, получаемое от других, принимается как бы за дань, по праву следующую»⁸⁴⁴.

Вместе с тем александровская установка на ожидание благодарности от Польши за дарованные права, привилегии и прощение военной агрессии в период Отечественной войны 1812 г. была не чем иным, как отражением польской риторики. Уже в 1818 г. во время первого сейма Царства Польского речи депутатов строились в рамках этой парадигмы. Так, президент Сената, министр народного просвещения и исповеданий Царства Польского Станислав Костка Потоцкий говорил о признательности за покровительство монарха и об уроке, который последний преподал миру: «Для Польши дни траура обратились в дни веселия и радости. Ваше величество соединили королевство Польское с обширными Вашими владениями, собрали под один скипетр два братские народа и тем укрепив наше народное существование на незыблемом основании, даровали нам Конституционную хартию и явили удивленному свету небывалое зрелище... *Кто из поляков не оценит и не почувствует Вами сделанного?..* Можем ли мы оправдать такое к нам доверие?.. Пусть мир убедится в том, что счастливое сочетание начал... будет величайшим уроком, когда либо данным миру монархом»⁸⁴⁵. Выступавший в этот же день министр внутренних дел Тадеуш Мостовский пошел дальше, представив идею польской благодарности в параллель с рассказом о благодеяниях победителей, не воспользовавшихся возможностью отомстить побежденным. В своей речи Мостовский описал 1813 г. – испуг поляков при приближении армии Александра, воззвание императора, которое «обеспечивало имущество и личность всем жителям герцогства Варшавского», отсутствие преследования служивших Наполеону, а также то, что «русские войска долго не пребывали в герцогстве и вообще возможно менее проходили через Варшаву»⁸⁴⁶. Мостовский завершил свою речь словами: «...мы сумеем оценить все эти благодеяния и первые обсуждения нашего сейма докажут... что порядки, установленные хартией... будут иметь последствием общественный мир без томления, послушание – без унижения и свободу – без крайностей»⁸⁴⁷. Интересно, что министр предложил и вполне просвещенское по своей сути обоснование верности стратегии, которая зиждется на прощении и благодарности. Он определил, что «подчинение, обдуманное и вызванное убеждением и чувством, основательнее и плодотворнее подчинения, вынужденного силою оружия» и что «*чувство признательности в сущности есть чувство счастья*»⁸⁴⁸.

К моменту смерти Александра I отсылки к категории «благодарность» стали неотъемлемым элементом диалога жителей Царства и Романовых. Николай I смог в полной

843 РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 5–5 об.

844 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722, 1726.

845 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 425.

846 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 426.

847 Там же. С. 427.

848 Там же. С. 436.

мере ощутить установленный эмоциональный режим в первые недели своего правления, когда Варшава готовилась к символическим похоронам Александра I. В это время в польских землях были изданы десятки поминальных стихов и речей. Их авторы – чиновники, школьные учителя, военные и священники – публиковали тексты на польском и немецком, отдельными брошюрами или в газетах⁸⁴⁹. Структура этих чаще всего стихотворных манифестаций содержала в себе два основных элемента – рассказ о покойном императоре и совершенных им при жизни деяниях и описание скорби и эмоционального состояния, в котором оказалась Польша зимой 1825/26 г.

В этих текстах Александр представлял монархом великим⁸⁵⁰ и обожаемым Европой⁸⁵¹ победителем⁸⁵², подобным Солнцу и Луне⁸⁵³. Он именовался отцом⁸⁵⁴ и спасителем Польши⁸⁵⁵. Его милосердие и доброта⁸⁵⁶, по мнению авторов этих текстов, «вернули полякам родину»⁸⁵⁷,

849 *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego etc. etc. etc.; *Ku... J.* Wiersz na zgon wiekopomney pamięci nayjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosyyi, króla polskiego. Krakow, [1826]; *Feleczerowski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla Polski etc. etc. etc. Warszawa, 1826; *Ostrzykowski B.* Przymówienie w dzień żałobny exekwii Nayjaśniejszego Aleksandra I., cesarza Wszech Rosyyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. [Warszawa, 1826]; *Woronicz J. P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci nayjaśniejszym cesarzu Wszech Rosyyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim; *F. Z.* Elegija w czasie pogrzebu ułożona na zgon błogosławioney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi króla polskiego. [Warszawa, 1826]; Westchnienia czułego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wieczney pamięci nayjaśniejszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rosyyi, wskrzesiciela i króla Polski; *Walter C. von .* Zum unvergesslichen Gedächtniss liebevoller seelen gewidmet seiner kaiserlichen Majestät Alexander der I-te aller Reussen und Koenig von Pohlen [1826]; *Bratkowski S.* Na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I-go cesarza wszech Rosyyi, króla polskiego; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego. Часть таких материалов сохранилась в фондах великого князя Константина Павловича. См., например: AGAD. F. 198. № 72. К. 34–47, 63–68.

850 *Feleczerowski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 4.

851 *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 3.

852 *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego. S. 4.

853 *Feleczerowski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 6.

854 *Feleczerowski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 6; *Ku... J.* Wiersz na zgon wiekopomney pamięci nayjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosyyi, króla polskiego. S. IV–V; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego. S. 6; *Ostrzykowski B.* Przymówienie w dzień żałobny exekwii Nayjaśniejszego Aleksandra I, cesarza Wszech Rosyyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 6–7, 12; *Woronicz J. P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci nayjaśniejszym cesarzu Wszech Rosyyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 1, 14; *Kurjer Warszawski.* 1826. № 92. S. 1.

855 *Feleczerowski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla Polski etc. etc. etc. S. 5.

856 *Ku... J.* Wiersz na zgon wiekopomney pamięci nayjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosyyi, króla polskiego. S. V; *Woronicz J. P.* Mowa przy obrzędzie żałoby narodowey po wiekopomney pamięci nayjaśniejszym cesarzu Wszech Rosyyi Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 5.

857 *Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 4–5; *Meyzner J.* Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosyyi Krola Polskiego. S. 4.

подняли их «из могилы»⁸⁵⁸ и наконец позволили обрести утраченное счастье⁸⁵⁹. Один из сочинителей, вспоминая наполеоновские походы и повторяя формулировки министра Т. Мостовского на сейме 1818 г., писал, что Александр I «удивил весь мир», поскольку «не наказал побежденных»⁸⁶⁰. Соотечественников авторы таких текстов описывали в категориях благородства духа, как людей «всегда верных и честных»⁸⁶¹, испытывающих к монарху – безотносительно к тому, о каких благодеяниях шла речь (от восстановления утраченной государственности до полученных свобод, привилегий и торговых выгод), – подлинную и бесконечную благодарность⁸⁶².

Плач по скончавшемуся Александру был одновременно и обращением к Николаю, а разговор о благодарности – своего рода обещанием новому монарху, который осмыслялся в категориях патернализма по отношению к полякам и преемственности политики брата на западных территориях империи⁸⁶³. Объявление о коронации 1829 г. реактуализировало в официальной риторике Царства Польского апелляции к идее «благодарности» – в обращенных к Николаю лоялистских речах звучали клятвы «любить и быть верными» и декларации о том, что «поляки помнят благодеяния»⁸⁶⁴.

Последующие события и оценки восстания 1830–1831 гг. демонстрируют, что император Николай I не воспринял аффектированный язык, на котором польская элита говорила о своей лояльности, как ритуальную речь. Напротив, обещания быть благодарными были интерпретированы как своего рода контрактные обязательства.

Окончание периода мирного сосуществования разрушило саму основу ожиданий Николая и политической элиты империи. Оценка действий поляков периода восстания 1830–1831 гг. в значительной мере выстраивалась вокруг указания на их *не* благодарность. Именно о ней говорил польскому депутату Валицкому бежавший из Варшавы великий князь Константин Павлович: «Я не могу глубоко не чувствовать *неблагодарности*... батальонов, которые пользовались моим расположением; они доказали мне, что *благодарность* – слово, лишенное смысла»⁸⁶⁵. О «неискоренимой неблагодарности» поляков рассуждал и А. Х.

858 Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 11.

859 Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosssyi Krola Polskiego. S. 4.

860 Ibid.

861 Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosssyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 8.

862 Feleczzerowski X. Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosssy, króla Polski etc. etc. etc. S. 5; Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosssyi Krola Polskiego. S. 4, 7; Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 14; Ostrzykowski B. Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I, cesarza Wszech Rosssyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 8.

863 Jaskólski F. Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rosssyi Krola Polskiego etc. etc. etc. S. 7; Ku... J. Wiersz na zgon wiekopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. Cesarza wszech Rosssyi, króla polskiego. S. VI–VII; Feleczzerowski X. Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rosssy, króla Polski etc. etc. etc. S. 7–8; Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowój po wiekopomnéj pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 15.

864 Kurjer Warszawski. 1829. № 140. S. 611; AGAD. F. 191. № 19 (161). K. 14.

865 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 125.

Бенкендорф⁸⁶⁶, утверждавший, что правительственная «слепота» в отношении умонастроений в Польше прямо связана с верой в благодарность поляков за оказанные благодеяния⁸⁶⁷. Глава Третьего отделения прямо объявил Ф. Вылежинскому, одному из польских парламентариев, направленных повстанцами в Петербург, что «русские войска будут драться с ожесточением, так как вся Россия оскорблена этой революцией и негодует на *неблагодарность* польского народа»⁸⁶⁸. И. Ф. Паскевич, обратившись к полякам сразу после подавления восстания 1830–1831 гг., корил жителей Царства за то, что последние забыли «долг присяги и *благодарности за все благодеяния*, оказанные Царству... императором Александром I»⁸⁶⁹. Эта риторика, очевидно, обрела со временем форму нарратива.

При начале восстания император Николай I заявлял: «...прошла пора великодушия; неблагодарность поляков сделала его невозможным, и на будущее время во всех сделках, касающихся Польши, все должно быть подчинено истинным интересам России», которая не стремится «владеть страной, неблагодарность которой была столь очевидна»⁸⁷⁰. Позднее монарх повторял сентенцию о польской неблагодарности многократно как в частной переписке, так и в публичном пространстве. Так, благодаря И. Ф. Паскевича за подавление восстания, император, например, иронично заявил, что будет хранить знамена и Конституционную хартию «в Оружейной палате, как памятник великодушия нашего Александра I и *польской благодарности*»⁸⁷¹.

Примечательны и публичные речи монарха после восстания. Судя по сохранившимся материалам, Николай I произнес одну и ту же по содержанию речь несколько раз – в 1831 г. во время приема польской депутации в Петербурге, а также в 1835 г. в имении Лазенки под Варшавой⁸⁷². При этом повторялась и мизансцена – император перебивал депутата, начавшего было произносить заготовленный текст. Вероятнее всего, первоначальный, достаточно короткий текст⁸⁷³ был расширен для произнесения в Польше 4 (16) октября 1835 г.: «Вы хотите меня видеть? Вы меня видите! Вы хотите мне говорить речь? Я этого не хочу, избавляя вас от лжи, да, господа, избавляя вас от лжи. Знаю, что чувства ваши не те, каким вы хотели заставить меня поверить. Знаю, что большая часть из вас... в прежних обстоятельствах были бы готовы вновь начать то, что вы делали во время революции. *Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности*, не вы ли оказывали мне самые торжественные изъявления привязанности... а... после этого вы разрушили свои

866 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 405, 463, 500–501.

867 Там же. С. 464.

868 Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 47.

869 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1.

870 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 349.

871 Там же. С. 386.

872 ОР РНБ. Ф. 341. Д. 581. Л. 1; Ф. 73. Оп. 1. Д. 379. Л. 1–1 об.; Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102.

873 Текст сокращенной речи императора звучал следующим образом: «Остановитесь, послушайте лучше меня. Не кланяйтесь, *вы так же кланялись в 1829 году*, но безстыдным образом изменили и *пренебрегли благодеяниями* покойного брата моего Александра, который не жалел для вас и богатства своей земли. Хорошую страницу оставили в истории! Вы сами для себя построили цитадель (речь о Варшавской (Александровской) цитадели, построенной по приказу Николая I после восстания 1830–1831 гг. – *Прим. авт.*), теперь помните, что при малейшем возбуждении Варшавы не будет и уже в другой раз не построить ее. На немцев и французов не надейтесь, они вам не помогут, но вы можете надеяться на мою милость, чтите законы, любите своего монарха. Уверяю вас, что только в таком случае будете счастливы, постарайтесь детям вашим дать иное воспитание, нежели какое получили сами» (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 581. Л. 1).

клятвы. Вы совершили ужасные дела! Императору Александру, сделавшему для вас более, нежели русскому императору должно было сделать, говорю так потому, что так думаю, осыпавшему вас благодеяниями, *попечительному об вас более, нежели своих настоящих подданных* и сделавшему из вас народ самый щедрый, самый цветущий – императору Александру заплатили вы *самой горькой неблагодарностью*. Вы никогда не умели довольствоваться положением самым выгодным и кончили тем, что сами разрушили свое благополучие... Воспитайте для добра детей ваших, внушая им основания... верности к их государю»⁸⁷⁴.

Эта речь являет собой перечень упреков, которые Николай I предъявил полякам, главным из которых была объявлена неблагодарность. При этом, обвиняя своих «скверноподданных», как впоследствии выражался император, в нарушении преданности ему лично, все благодеяния, которыми была осыпана Польша, монарх приписал императору Александру I. Последний, по мнению Николая, проявлял заботу о поляках более, чем о «своих настоящих подданных», и более, «нежели русскому императору должно было сделать». Интересно, что себя из этой композиции, выстроенной вокруг чрезмерно неоправданных даров полякам, император удалил, делая Александра, с одной стороны, обманутым поляками, а с другой – порицаемым за легковерие. Показательно, что в этом тексте отсылка к коронации («Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности») носит скорее завуалированный характер по отношению к версии 1831 г., где упрек был выражен прямо: «...вы так же кланялись в 1829 году»⁸⁷⁵. При этом просвещенческий пафос николаевской речи («воспитайте для добра детей ваших») был направлен в будущее, опуская занавес над прошлым⁸⁷⁶.

5.3. Путь домой: Варшава – Киев – Петербург

После короткого пребывания в Берлине Николай вернулся в Варшаву. Здесь он получил новость о Кулевчинском сражении, завершившемся победой, которую он так давно ждал⁸⁷⁷. Новость привела императора в восторг. Доставивший сообщение князь Трубецкой так передал реакцию монарха: «Трудно описать впечатление, произведенное на императора известием... Будучи на вершине радости или, вернее, счастья, он осыпал меня поцелуями, бросился на колени, чтобы поблагодарить Бога, и тотчас же назначил меня своим флигель-адъютантом и полковником – две милости, которых я никоим образом не ожидал одновременно. Затем, не дав мне времени опомниться, он увлек меня на свои дрожки, чтобы отправиться сообщить эту приятную новость великому князю Константину... Вечером в день моего приезда император снова призвал меня к себе в кабинет и, пригласив пить с ним вместе чай, около двух часов разговаривал со мною наедине о том, как вообще у нас обстоит дело»⁸⁷⁸. По случаю победы было объявлено о многочисленных наградах; командовавший

874 Там же. Ф. 452. Оп. 1. Д. 600. Л. 102–103 об.

875 Там же. Ф. 341. Д. 581. Л. 1.

876 По поводу собственных эмоциональных оценок в связи с приемом польской делегации в Зимнем дворце в 1831 г. император писал: «Сознаюсь, что я *глубоко презираю их* и их благодарность не имеет для меня никакой цены. Я стремлюсь к тому, чтобы заслужить благодарность России, – вот моя постоянная мысль» (Залевский М. Н. Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). С. 160).

877 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 230. Военную кампанию 1828 г. современники считали не слишком успешной. Российское правительство даже предпринимало усилия по опровержению материалов, появлявшихся в этой связи в европейской прессе ([Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 89).

878 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 230.

армией Дибич получил орден Св. Георгия⁸⁷⁹. Находясь в Варшаве, Николай получил и еще одну радостную новость – адмирал Грейг сообщал в своем рапорте о действиях брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А. И. Казарского. Команда небольшого поврежденного судна, атакованная турками, приняла решение не сдаваться, а в крайнем случае поджечь корабль. Однако «Меркурий» не только выдержал обстрел со стороны двух больших турецких кораблей, но и нанес последним серьезные повреждения⁸⁸⁰.

Вскоре победа Дибича над визирем была отпразднована торжественным молебствием в лагере при Повонзках, где 16 (28) июля были построены все войска Варшавского гарнизона. Здесь по приказу императора были сооружены два навеса – для проведения масштабного православного и католического богослужения. «После благодарственной молитвы, которую сопровождал артиллерийский салют, – вспоминает А. Х. Бенкендорф, – император первым закричал „Ура!“». Этим он вызвал большое неудовольствие великого князя Константина, который питал отвращение к шумным представлениям и даже к крикам „Ура!“. Огромное количество людей собралось для того, чтобы порадовать свой взор этим церковным праздником, который украшали своим присутствием самые нарядные столичные экипажи»⁸⁸¹.

В этом описании обращает на себя внимание то, как быстро император переключился на условный русский дискурс при появлении информации о военной победе. Николай не был готов провести публичный православный молебен в честь коронации, но сомнений относительно того, следует ли сделать это по случаю военной победы, у него не возникало.

Доставленная в Варшаву новость о победе позволила завершить всю поездку на высокой ноте. Весь проделанный Николаем путь, полный сомнений, тягот и жертв, казалось, был пройден не зря. Польша была покорена благородством монарха, которое не могло не внушать восторг и благодарность, планы Австрии были нарушены, а русская армия, словно в награду за усилия монарха, снискала столь долгожданную славу на поле боя. Дело шло к заключению триумфального мира с Оттоманской Портой, а Польша была спокойнее, чем когда-либо. Балы и парады, иллюминации и фейерверки, восторженно-эмоциональные проявления чувств со стороны жителей Варшавы – все это расценивалось как свидетельство верности принятых монархом решений. Николай уезжал из Варшавы с убеждением, что коронация в конечном итоге оказалась успехом.

Российский император покинул столицу Царства Польского 13 (25) июня. Он направился в Тульчин на смотр гвардейского корпуса 19 июня (1 июля), а затем повернул к Киеву, где остановился на несколько дней, покинув город 26 июня (8 июля). Его дальнейший путь пролегал через Козелец, Чернигов, Бобруйск, Могилев, Витебск, Великие Луки и Старую Руссу. Император прибыл в Царское Село 11 (23) июля, спустя более чем три месяца после отъезда на коронацию⁸⁸². Монарх возвращался в Петербург без жены и наследника. Императрица Александра Федоровна осталась в Пруссии, а великий князь Александр Николаевич, выехавший из Варшавы несколькими днями ранее императора, направился в Санкт-Петербург через Ковно и Ригу⁸⁸³.

Императорский кортеж состоял всего из 58 лошадей и 11 экипажей (из которых четыре представляли собой «перекладные тележки»). Николая I сопровождали генералы Александр Бенкендорф, Владимир Адлерберг, Петр Толстой и военный советник Максим Брискорн, а

879 Столетие Военного министерства: 1802–1902. Т. 2. Кн. 1: Царствование Николая I. С. 294–295.

880 Там же. С. 295.

881 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 416; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 231.

882 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 238–240.

883 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 32–33 об.

также камердинер и мундкох⁸⁸⁴. Предписания в связи с путешествием демонстрируют, что проезд (за вычетом пребывания в отдельных местах) должен был проходить максимально быстро. Не исключалась возможность передвижений ночью: «Под собственный Экипаж Его Императорского Величества впрягать лучших почтовых обьежженных и смирных лошадей и которые бы не боялись огня в случае если изволит ехать ночью с факелами»⁸⁸⁵.

Поездку домой несколько осложнила переправа через разлившуюся реку Березину. Могилевский губернатор М. Н. Муравьев, отправившийся «лично по сказанному тракту», указывал в своем представлении, что «самая переправа через Березину и многие части и мосты сего проселочного тракта от сильного наводнения вовсе неблагонадежны либо устроены наскоро для частного обывательского проезда, и в столь короткое время с надлежащею прочностью исправлены быть не могут». Настаивая, что выбранный путь опасен, губернатор предлагал альтернативный вариант для проезда монарха⁸⁸⁶.

Интересно, как в процессе перемещения Николая I по территории империи сменяли друг друга в составе свиты братья императора. Великий князь Константин Павлович сопровождал монарха при проезде через Царство Польское (Люблинское воеводство) и по территориям, вошедшим в состав империи по разделам Польши (Волынь и Подолье). Однако, приняв участие в военном смотре в Тульчине, далее великий князь не поехал. Очевидно, он считал, что проводил брата до границ своей «вотчины»⁸⁸⁷. Великий князь Михаил Павлович присоединился к Николаю I сразу после отъезда Константина и оставался в свите вплоть до приезда в Петербург⁸⁸⁸.

Путь из Варшавы в Петербург проходил для нового польского короля через Киев. Судя по сохранившимся архивным материалам, план мероприятий по пребыванию в Киеве был выработан митрополитом Киевским и Галицким Евгением (Болховитиновым), который был известен тем, что вместе с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Серафимом (Глаголевским) призвал мятежников на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. сложить оружие. План был одобрен Бенкендорфом, а окончательные правки вносил сам император. В документах сохранились довольно непосредственные пометы, сделанные рукой Николая I, например, «он с ума сошел» (о числе выстрелов с крепости при салютовании), «ждать у меня на квартире» или «будет объявлено»⁸⁸⁹.

Митрополит Евгений, ссылаясь на существующую традицию посещения Киева представителями императорского дома, предложил устроить «первую встречу» у святых врат Киево-Печерской лавры. Под колокольный звон при выходе всей братии императору должны были поднести крест к целованию. После этого, согласно плану, монарх должен был войти в соборную церковь, после молитвы в которой «митрополит приглашал (императора. – *Прим. авт.*) к целованию чудотворные Печерские иконы Божией матери» и поклонению святым местам, «начиная с восточной правой стороны, сперва к мощам Святого благоверного великого князя Владимира... потом в левом западном углу к раке частиц мощей всяких

884 Интересно и предписание, согласно которому «как каждый экипаж имеет особый номер, то чтобы под каждой были впрягаемы и лошади того номера, который на экипаж означен и к должному времени были выставлены на дорогу в хомутах и совсем готовые подле жердей воткнутых в землю с означением оных номеров для которых каждый шестериком приготовлен» (Там же. Л. 2–3).

885 Там же. Л. 2–4.

886 Там же. Л. 4 об. – 5.

887 Как уже упоминалось, согласно установлению Александра I, великий князь Константин Павлович распространил свое влияние на все «польские» земли в составе империи, то есть на Белостокскую область, Гродненскую, Виленскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губернии.

888 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 234–237.

889 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 11 об., 24.

преподобных печерских, и наконец в восточной левой стороне к мощам первого Митрополита Михаила»⁸⁹⁰. В последующие дни Евгений (Болховитинов) советовал посетить Софийский и Андреевский соборы, а также Михайловский монастырь. К представленному плану был приложен пространный список достопримечательностей Киева, большую часть которых, конечно, составляли православные «места памяти». Митрополит также счел возможным указать на Арсенал, Бурсу, шелковичный сад, а также – что кажется немаловажным – протестантскую церковь и римско-католический костел⁸⁹¹.

Император выполнил обязательную часть программы. Приехав в Киев 23 июня (5 июля) вечером, он направился к лавре, где был встречен митрополитом и духовенством⁸⁹². В течение последующих дней Николай I присутствовал на литургии в Софийском соборе и еще раз побывал в лавре для поклонения мощам. Здесь же, в Киеве, было получено сообщение о капитуляции турецкой крепости Силистрии, произошедшей еще 18 (30) июня. Русские войска захватили 220 орудий, 80 знамен, флотилию и гарнизон в 10 тыс. человек. По этому случаю в Андреевской церкви отслужили обедню⁸⁹³. Получение известий счастливо совпало с 33-летием императора.

В Киеве Николай также принял участие в смотре войск, осмотрел Арсенал и крепостные сооружения; ему были представлены высший офицерский корпус расквартированных в Киеве частей, гражданские чиновники и купечество. В городе была устроена иллюминация⁸⁹⁴. По сообщению А. Х. Бенкендорфа, здесь император увидел и несколько тысяч турецких военнопленных, которых привлекли к работам по возведению оборонительных сооружений. Николай «заботливо поинтересовался об условиях их труда и приказал раздать им денежное вознаграждение»⁸⁹⁵.

Вместе с тем император отказался от участия в представлении старшего духовенства и от парадного обеда, которое предлагало устроить киевское дворянство, «исполненное благоговейных чувствований к Всемилодивейшему монарху, изволяющему ошасливать древнюю столицу высочайшим... прибытием»⁸⁹⁶. Предложение митрополита заехать при отъезде из Киева в Киево-Печерскую лавру для напутствия и молитвы также не получило монаршего одобрения⁸⁹⁷.

Среди череды сменяющих друг друга киевских мероприятий, столь обыкновенных для императора и столь необыкновенных для жителей города, произошло событие, имевшее значение для самого монарха и сопровождавших его представителей военной и придворной элиты: митрополит Евгений (Болховитинов) в присутствии императора в Киево-Печерской

890 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 10–11.

891 Там же. Л. 13–16 об.

892 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 236; Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 418.

893 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 238. Значение этой победы иллюстрирует переписка А. А. Закревского и П. Д. Киселева годом ранее. Закревский так рассуждал о необходимости взять крепость: «Силистрия... необходима, но позднее теперешнее время не может дать вам верного успеха, но она нужна и важна для будущей вашей кампании» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 309).

894 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 6; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 236–238.

895 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 417.

896 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 10 об. – 12 об.

897 Там же. Л. 11 об.

лавре произнес речь «К прибытию его Императорского Величества в город Киев». Последняя была утверждена Бенкендорфом и содержала многочисленные отсылки к свершившейся в Варшаве коронации:

Благочестивый Великий Государь Император!

Исходя в сретение Тебе Богом хранимая и Тобою покровительствуемая Киевская Обитель, приветствует Тя, Помазанника Божия иерусалимским гласом: осанна! благословен [град сей] во имя господне! подобно иерусалимлянам постилая ризы по пути Твоем, она преклоняет к стопам твоим и головы и сердца свои, Тебе покорная и преданная... перед тобою возносит светильники храма Божия, Тебе ожидающая в молебном о Тебе гласом: Господи спаси Царя и услыши его в оные аще день призовет Тя. А древний летами, но веселием юнящий ныне град Киев в восторге совоскликает приветствуя Тебя: *се Царь наш грядет к нам украшенный новым венцем соплеменные нам Державы, блаженствующей под Его скипетром! Се Отец Отечества нашего и их! Общий наш ангел-хранитель!* Надежда нашего благоденствия и спокойствия! Прославленный страхом врагам нашим и благотворениями верноподданным! Сия Слава Твоя, Великий Государь, озаряет уже всю Вселенную и возбуждает ревнование иноплеменных. Но нам, сынам России, принадлежит особенное щастие наслаждаться оною. Живи убо, Благочестивый Государь, во Славе сей для благоденствия нашего! Обтекай с нею подобно лучезарному и теплотворному Солнцу все пределы Твоея державы! Оживляй Отеческими взорами Твоими как приближенных, так и отдаленных чад Твоих! Они жаждут всегда зреть Тебя и молят Вышнего, да будут благословенны всегда и везде входы и исходы Твои!⁸⁹⁸

По сути, в своей речи митрополит попытался осмыслить произошедшее в Польше событие: древний, но «веселием юнящий» Киев, подобно Иерусалиму, приветствовал императора, который шествовал, «украшенный новым венцем». Венец, названный здесь новым, принадлежал державе «соплеменной» – Польше. Последняя представляла в тексте субъектно («держава их») и одновременно вместе с Россией. Установленное единство зиждилось на двух основаниях – братстве народов и процветании («блаженстве») Польши под скипетром Николая I. Император в речи Болховитинова соотносился в рамках классических аллюзий с солнцем, а также с ангелом, что может быть прочитано как скрытая отсылка к Александру I. Однако примечательнее всего тот факт, что Николай был представлен в речи митрополита как «Царь наш», то есть русский, и при этом «Отец Отечества нашего и их».

Единение двух народов было подчеркнуто противопоставлением последних «иноплеменным» и «врагам». Образ «враги наши», то есть враги России и Польши, вполне соотносился, например, с турецкой темой, которую активно продвигал во время коронации сам император.

Из речи митрополита очевидно, однако, что процесс поиска нового символического языка для позиционирования единства России и Польши находился в этот момент в самом начале. Целый ряд образов и аллюзий в речи Евгения (Болховитинова) были интерпретационно многозначны или доведены до крайности. Например, с одной стороны, не ясно, касалась ли формула «сыны России» непосредственно Польши, а с другой – можно ли воспринимать указание на «приближенных, так и отдаленных чад» как попытку дать новообразованному единству народов своего рода иерархию.

Сложно сказать, насколько действия Болховитинова были его личной инициативой, ведь Киев конца 1820-х гг. был городом, в значительной степени ориентированным на Польшу⁸⁹⁹. Показательна, в частности, поданная императору «Записка... с обзором положения Царства Польского в 1829 году», которую составило Третье отделение. «Дух жителей Киева, – писал неизвестный автор, – полностью успокоился, они готовы к тому, что их полностью отделяют от польских провинций. Между ними много русских, которые понемногу восстанавливают

898 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–9.

899 Hamm M. F. Kiev: A Portrait, 1800–1917. Princeton University Press, 1993. P. 55–61.

былую национальность»⁹⁰⁰. Вместе с тем подобная речь, произнесенная при возвращении императора в Россию, показывает, что коронация и – шире – польский сюжет во властном нарративе Российской империи могли стать частью николаевского «сценария власти». По крайней мере, к такой возможности присматривались.

К моменту приезда в Петербург император полностью уверил себя, что все произошедшее является залогом спокойствия в западных землях империи. Находясь в Северной столице, Николай I начал обдумывать, как надлежит связать две части его империи. Он планировал новую дорогу на запад – еще в Варшаве он заслушал доклад Главноуправляющего путями сообщения герцога Александра Вюртембергского о проекте прокладки новой дороги между Санкт-Петербургом и Ковно через Псков и Динабург⁹⁰¹.

В этом же году была создана Комиссия для составления положения о шляхте, находящейся в присоединенных от Польши губерниях. Речь шла об институционализации мелкой шляхты как привилегированного сословия⁹⁰². Вскоре императору был представлен проект «О переселении безземельной польской шляхты в Новороссийский край»⁹⁰³. Указывая, что «заселение пространных степей Новороссийского края всегда было целью Правительства, непрестанно пекущегося о благосостоянии всех сословий в государстве»⁹⁰⁴, и обрисовав Новороссию как уголок рая, автор проекта подробно остановился на социальных проблемах «бродячей» польской шляхты, представители которой, «не имея ныне собственности и скитаясь по разным местам в государстве, принуждены часто снискать пропитание разными способами *недостойными имени их* и вступая в должности отяготительные даже для простого поселянина подвергаются иногда рабству зажиточных в Польше помещиков»⁹⁰⁵. Итогом рассуждений стало предложение организовать переселение «бродячей» польской шляхты в Новороссию. Переселенцев планировалось наделить значительными участками земли «в вечное и потомственное владение», освободить от повинностей, выдать пособия и ссуды, а также позволить «пользоваться свободною торговлею и промыслами» и выбирать своих старшин и пр.⁹⁰⁶ Впечатляет, что работа над положением об улучшении жизни польской шляхты не прерывалась, даже когда в Варшаве уже несколько месяцев полыхало восстание, а великий князь Константин, едва не убитый во время нападения повстанцев на Бельведер, бежал за пределы Царства.

Уверенность императора, что благодаря его действиям в Царстве Польском установилось полнейшее спокойствие, не смогли поколебать даже сообщения о так называемом заговоре В. Смагловского. Когда монарх уже достиг Петербурга, из Варшавы пришла информация о готовившемся во время коронации покушении. Следственная комиссия во главе с Н. Н. Новосильцевым первоначально полагала весь заговор следствием бурного празднования, устроенного студентами Варшавского университета в апреле 1829 г.: «В день именин Смагловского собралось к нему несколько молодых людей и когда умы были разгорячены вином, то Смагловский в общем разговоре, обратившемся случайно на польскую

900 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 11. Л. 3 об.

901 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 66, 105 об.

902 Трояновский К. В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике первой половины XIX в. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 53–60.

903 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 10.

904 Там же. Л. 1.

905 Там же. Л. 1 об.

906 Там же. Л. 2–3.

историю, излил собеседникам свои сомнения, что едва ли они способны питать ту же преданность, примером коей служат Ходкевич... и Костюшко – они утверждали единодушно, что они преданы отечеству... а Смагловский, взяв лист бумаги и написав на оном „Я буду защищать Отечество свое до последней капли крови“, дал им подписать сие обещание. Гости Смагловского, вспомнив на другой день о своем поступке, возвратились к нему, потребовали возврата своей подписи и сожгли оную»⁹⁰⁷. Поступок шляхтича стал известен в университете, и Смагловский был исключен из числа студентов. Он покинул Варшаву, отправившись в Гостынь, где смог найти себе место учителя⁹⁰⁸. В сентябре 1829 г., впрочем, Смагловский вернулся в Варшаву, где был арестован⁹⁰⁹.

Проведенное Н. Н. Новосильцевым расследование позволило увидеть, однако, что дело обстояло сложнее: Смагловский вполне целенаправленно поощрял варшавских студентов организовать заговор. Он намеревался собрать группу из 200 человек, что, впрочем, оказалось делом непростым, – шляхтичу удалось склонить на свою сторону лишь шестерых. При этом Смагловский прибег к обману – он уверил друзей, что действует «не сам собою, а принадлежит к обществу коего члены суть: секретарь Сената Немцевич, Роман Солтык, несколько сенаторов, военных, гражданских чиновников», а также, что примечательно, директор театра Л. Осинский⁹¹⁰. Главой тайной организации Смагловский называл будущего диктатора Польского восстания И. Хлопицкого⁹¹¹. Подтверждая свои намерения, все участники заговора произнесли присягу над «черепом, принесенным из Праги»⁹¹². Этот жест представлял собой символическое указание на месть, которая должна свершиться над Романовыми за подавление Польского восстания 1794 г.

Смагловский предполагал спрятать молодых людей «с оружием за обоями залы коронования»⁹¹³. Во время церемонии они должны были окружить императорскую фамилию и вынудить императора под страхом смерти согласиться на три условия: возвращение Польше всех присоединенных к России провинций, следование нормам конституции и, наконец, признание права свободного выбора королей⁹¹⁴. Проект рухнул, когда один из заговорщиков обратился к Ю. Немцевичу, который, как оказалось, не имел об обществе ни малейшего представления. В результате товарищи Смагловского пришли к заключению, что имеют дело со шпионом⁹¹⁵.

Интересно, что в более поздних польских эмигрантских текстах заговорщики в ряде случаев были соотнесены с участниками восстания 1830–1831 гг. или даже приравнены к ним. В качестве инициаторов коронационного заговора подобные тексты называли Петра Высоцкого⁹¹⁶, члены организации которого напали на Бельведерский дворец в ноябре 1830 г.

907 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 26.

908 Там же. Л. 26.

909 Там же. Л. 26 об.

910 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 26 об., 27 об.

911 Там же. Л. 28.

912 Там же.

913 Там же. Л. 27.

914 О мотивации действий В. Смагловского см. также: *Филатова Н. М.* Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 76.

915 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 29–29 об.

916 Там же. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 67. Л. 4 об. Версия участия в заговоре П. Высоцкого считается в литературе безосновательной (*Филатова Н. М.* Самоубийство или цареубийство? Варианты польского национального

и едва не убили великого князя Константина Павловича, и известного публициста Адама Гуровского, о котором речь пойдет ниже⁹¹⁷. При этом участники тайного общества изображались героями, оказавшимися словно «на театре славы всего света»: обсуждая свои планы, заговорщики неизменно размышляли о возможной реакции европейских дворов на задуманное ими предприятие⁹¹⁸. Так, один из заговорщиков, говоря об убийстве Романовых, задавался вопросом: «Как примет сент-жемский кабинет наше предприятие?»⁹¹⁹

Полученные из Варшавы сведения нимало не обеспокоили Николая – этот заговор в российских источниках не обсуждался сколько-нибудь серьезно. В розыскных документах мотивы В. Смагловского трактовались как следствие воспитания «в началах ложного патриотизма» и игры «воображения»⁹²⁰. В таких объяснениях, впрочем, не было ничего нового – все прошения о помиловании, приходившие из Польши, выглядели подобным образом. Отчасти материалы дела могли убедить Николая в правильности самого решения о коронации: В. Смагловский планировал отдать отобранную у Николая I корону герцогу Рейхштадтскому (Наполеону II) и начать собирание польских земель при активной поддержке Австрии⁹²¹. Один из неудавшихся заговорщиков, студент Воловский, объявил следствию, что общество надеялось, что «Австрия на предстоящем сейме в Галиции провозгласит сего Герцога королем Польским»⁹²².

Расследование дела Смагловского оставалось без существенного движения до середины весны 1830 г. Лишь 8 (20) апреля генерал Д. Д. Курута сообщил императору, что следствие «на сих днях только приведено к окончанию» и скоро будет передано в суд⁹²³. К этому моменту император уже находился в состоянии активной подготовки к новой поездке в Варшаву на открытие сейма. Он пребывал в убеждении, что общественный договор, заключенный между ним и поляками, ненарушим⁹²⁴ и благодарная Польша по-прежнему остается лояльной к своему монарху, который был неизменно верен своему слову и теперь

поведения в эпоху романтизма. С. 269), хотя возможность связи участников коронационного заговора с Обществом подхорунжих вполне допускается (Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 409).

917 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 1–17; Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 133. См. также романтическую интерпретацию причин поражения заговора у Ю. Немцевича: *Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne*. S. 321.

918 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 2 об., 9–10 об.

919 Там же. Л. 9.

920 Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5525. Л. 27.

921 Там же. Л. 27–27 об.

922 Там же. Л. 28.

923 Там же. Л. 33–33 об. См. о деле Смагловского также: Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // *Новый часовой*. 1999. № 8–9. С. 374–378.

924 Николай I многократно заявлял о честности своей позиции, об искренности, с которой он реализовал все обещанное полякам. Эта установка объясняет поразившее исследователей высказывание монарха в защиту конституционного строя во Франции и осуждение Карла X за нарушение конституции – «Правительство, какова бы ни была его форма, обязано действовать открыто и твердо. Король, если он монарх конституционный, должен быть таковым искренне...» (Мильчина В. Николай I и французская внутренняя политика эпохи Реставрации: два эпизода // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л. Н. Киселевой, Р. Г. Лейбова, Т. Н. Фраймана. М.: ОГИ, 2004. С. 133).

намеревался исполнить очередное обещание и созвать представительство. Он полагал, что определился с главным, и болтовня мальчишек его не тревожила.

5.4. Через год: Николай I на польском сейме 1830 г

Открытие польского сейма было главной, но не единственной задачей очередной поездки императора в Варшаву. Назначив «вояж» на май – июнь 1830 г., Николай I одновременно решал вопрос с празднованием годовщины своей коронации в качестве польского короля и 15-летия создания Царства Польского. Оба события имели значение для позиционирования власти императора в польских землях, но не были интегрированы в более широкий имперский контекст, а значит, не имели никакого отношения к выстроенной в России системе коммемораций. Вспоминать о них, в сущности, можно было только в Варшаве.

5 (17) мая в Варшаве было объявлено о скором приезде императора и короля⁹²⁵. По заведенной традиции, милости опережали прибытие монаршего кортежа: 27 апреля (9 мая) польский «Варшавский курьер» сообщил о возобновлении вручений ордена Св. Станислава, по случаю чего в Варшаве состоялся молебен⁹²⁶, а две недели спустя великий князь Константин Павлович открыл перед Дворцом Сташица памятник Н. Копернику⁹²⁷. Как и в предшествующем году, из России в Польшу везли серьезный запас подарков, орденов и денег⁹²⁸.

На сей раз император двигался к Варшаве заметно быстрее: выехав из Санкт-Петербурга и направившись по Динабургскому тракту⁹²⁹, он прибыл в Варшаву всего неделю спустя⁹³⁰. Императора сопровождали великий князь Михаил Павлович, генералы П. А. Толстой и А. Х. Бенкендорф, министр двора П. М. Волконский и вице-канцлер К. В. Нессельроде. Несколько дней спустя в Варшаву прибыла и императрица⁹³¹. К свите российского монарха также присоединился прусский принц Карл⁹³².

В годовщину своей коронации император Николай I присутствовал на параде, состоявшемся на Саксонской площади, и на торжественном молебне в соборе Св. Яна. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «12 (24) мая в день торжественного своего коронования их величества государь император и государыня императрица изволили принимать в Королевском замке... поздравления знатных обоего пола особ, равно всех Штаб- и Обер-офицеров гвардии и армии»⁹³³. Вечером в театре было дано представление, а

925 Kurjer Warszawski. 1830. № 132. S. 673.

926 Ibid. № 124. S. 629–630.

927 Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 60. С. 403.

928 В качестве подарков в вояж императора взяли «ордена: Св. Александра Невского два, Св. Анны 1 степени, украшенный Его Императорского Величества короною один, без украшения два, 2 степени с императорскою короною шесть, без оной шесть, Св. Владимира 3 степени три, 4 степени шесть». Особо были присланы «три знака меньшего креста ордена Св. Екатерины с принадлежавшими к ним бантами» (РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 58. Л. 34, 43).

929 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

930 Там же. С. 277.

931 Kurjer Warszawski. 1830. № 137. S. 703.

932 Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 62. С. 417; Kurjer Warszawski. 1830. № 145. S. 753.

933 Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 62. С. 417.

город был иллюминирован⁹³⁴. Несколькими днями позже Николай дал в Королевском замке большой обед, на который были приглашены министры, сенаторы и депутаты. В этот вечер монарх поднял тост за процветание польского народа⁹³⁵.

В польских газетах появлялись и «Воспоминания» о прошлогодней церемонии. Так, известие о приезде императора и короля в Варшаву сопровождалось в «Варшавском курьере» указанием (в рубрике «Воспоминания»), что 5 (17) мая 1829 г. состоялся коронационный въезд монарха в город⁹³⁶. Аналогичным «Воспоминанием» был отмечен и сам день коронации 1829 г., и дата создания Царства Польского в 1815 г.⁹³⁷ Отголоском коронации стала церемония помещения сердца Яна Собеского в новый саркофаг, который император приказал изготовить годом ранее и оплатил из личных средств⁹³⁸.

Мероприятия – парады⁹³⁹, балы, поездка в Беляны – продолжились и после празднования коронации⁹⁴⁰. В один из дней наследник, великий князь Александр Николаевич, посетил Варшавский университет и преподнес ему в дар гипсовые слепки, сделанные с рук солдата Преображенского полка, отличавшегося колоссальным ростом⁹⁴¹.

Нарратив народной любви был задействован вполне активно – толпы восторженного народа заполняли улицы⁹⁴², а газеты публиковали стихи в честь приезда императора⁹⁴³. Сопровождавшие Николая также фиксировали, что «Варшава была блестящей и оживленной»⁹⁴⁴. В честь монарха по примеру прошлого года было дано несколько обедов и балов, включая бал у председателя Сената графа С. Замойского⁹⁴⁵. Те же люди, те же действия.

8 (20) июня прошло и празднование годовщины создания Царства Польского, которое местная пресса именovala «воскрешением» королевства⁹⁴⁶. В этот день состоялись торжественная служба и военный парад, в котором приняли участие как польские, так и российские войска. При прохождении войск, которыми командовал цесаревич, присутствовали император, великий князь Михаил Павлович, прусский принц Карл,

934 Kurjer Warszawski. 1830. № 138. S. 705; № 139. S. 713.

935 Ibid. № 144. P. 747.

936 Kurjer Warszawski. 1830. № 132. P. 673.

937 Ibid. № 138. P. 705; № 163. P. 853.

938 Ibid. № 167. P. 877–879; № 170. P. 893–896.

939 После очередного парада император по заведенной традиции выражал Константину Павловичу «совершенную свою признательность» за отличное состояние войск (Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 22. С. 417).

940 Kurjer Warszawski. 1830. № 145. S. 753; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

941 Kurjer Warszawski. 1830. № 140. S. 717.

942 Ibid. № 135. S. 689.

943 Ibid. № 149. S. 773.

944 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 447.

945 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

946 Kurjer Warszawski. 1830. № 164. S. 837.

фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский, императорская свита, министры Царства Польского, сенаторы, депутаты и многочисленные дамы⁹⁴⁷.

В целом празднование годовщины коронации и 15-летия создания Царства Польского носило общепринятый характер – молебен, частью которого было произнесение благодарственной речи в честь Александра I, военный парад, театральное представление и иллюминация города⁹⁴⁸. Присутствие императора, представителей династии, генеральского и офицерского корпусов и высших гражданских чиновников указывало на высокий статус мероприятия, а парад использовался для коммуникации монарха с подданными⁹⁴⁹ и демонстрации имперской мощи и солидарности «единоплеменных народов».

Приезд императора предсказуемо стал поводом к активизации торговли и получению дополнительного дохода. Газеты сообщали о возможности купить вещи, которые так или иначе могли ассоциироваться с императорскими поездками в Варшаву 1829–1830 гг.: от портретов императорской четы⁹⁵⁰ до музыкальных инструментов, игравших на одном из балов⁹⁵¹. В номере «Варшавского курьера» за 12 (24) мая 1830 г. была размещена рекламная заметка ювелира Лионовича, который принимал заказы на изготовление колец в честь коронации 1829 г. с памятной гравировкой. Ювелир обещал, что кольца будут сделаны с использованием частиц сукна, по которому прошел кортеж, двигаясь от замка к собору Св. Яна⁹⁵².

Празднования проходили параллельно работе сейма – четвертого за всю историю существования Царства Польского⁹⁵³ и первого в правление Николая I. На повестке дня стояли вопросы практического порядка – регулирование финансов, принятие положения о лесном хозяйстве и организации пастбищ, а также искоренение бродяжничества. Обсуждалось и сооружение памятника Александру I⁹⁵⁴: образ «восстановителя отечества» не исчезал из польской официальной риторики вплоть до восстания и служил медиатором во взаимоотношениях между Николаем I и поляками⁹⁵⁵. Самым главным и самым чувствительным для обеих сторон на сейме, однако, было обсуждение проекта закона о браках, который, по мнению императора, должен был прекратить распространенную в Польше практику разводов⁹⁵⁶.

947 Ibid.

948 Tygodnik Petersburski. 1830. № 25. S. 190–191.

949 О функции парада в этот период см.: O'Meara P. The Russian nobility in the age of Alexander I. London: Bloomsbury Academic, 2021. P. 28–29.

950 Kurjer Warszawski. 1830. № 149. S. 773.

951 Ibid. № 159. S. 829.

952 Ibid. № 138. S. 705.

953 В период правления Александра I польский сейм созывался в 1818, 1820, 1825 гг.

954 Kurjer Warszawski. 1830. № 147. S. 765; № 151. S. 785; № 153. S. 793.

955 См., например, публикации о жизни императора Александра I или посвященные ему стихи конца 1820-х – 1830 гг. на польском языке: AGAD. F. 197. № 763. К. 1–2; Kurjer Warszawski. 1830. № 172. S. 909; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280.

956 Kurjer Warszawski. 1830. № 144. S. 747. Об этом подробнее см. главу 8.

Работа сейма активно освещалась и обсуждалась в польской прессе⁹⁵⁷. Петербургские газеты публиковали речи монарха⁹⁵⁸, но наибольший интерес здесь вызывало, как кажется, обсуждение вопроса об устройстве будущего монумента императору Александру I⁹⁵⁹. «Вестник Европы» отмечал при этом, что, стремясь «почтить память Восстановителя», поляки собрали «капитал около 7 млн., который может быть увеличен еще половиною». Таким действиям издание дало свою оценку: «...народ, будем откровенны, сделал усилие... охотно приносит он жертву сердечную»⁹⁶⁰.

На открытии сейма 16 (28) мая 1830 г. император Николай произнес речь⁹⁶¹. По заведенной Александром I традиции он прочел обращение на французском языке, стоя на ступенях трона в зале Сената Варшавского замка, где в 1829 г. состоялась коронация. Вслед за ним государственный секретарь Царства Польского зачитал тот же текст на польском. А. Х. Бенкендорф так описал церемонию: «Государь с императрицей пришли в тронную залу, за ними следовали двор и вся военная свита, а галереи были наполнены почетнейшими дамами. По занятии всеми своих мест государь открыл собрание речью, заслужившей общее одобрение. Все любовались величественной его осанкой и звонким голосом и казались исполненными самой ревностной к нему привязанности»⁹⁶². Примечательно, что в описании нет никаких указаний на смятение чувств, которое Александр Христофорович фиксировал у императора годом ранее.

Н. К. Шильдер характеризует речь Николая как деловую, в противоположность сентименталистским речам Александра I, отмечая, что император не касался темы присоединения Литвы и призывал поляков «упрочить творение восстановителя Польши благоразумным и умеренным использованием своих прав»⁹⁶³. Вместе с тем структура речи в значительной мере повторяла александровское выступление перед сеймом 1825 г. – рассуждения общеполитического порядка, располагавшиеся в начале и в конце, сочетались в ней с перечнем проектов, которые сейму надлежало обсудить.

Император начал речь с извинений («Пять лет протекло со времени вашего последнего собрания. *Причины, не зависевшие от моей воли, помешали мне созвать вас раньше* ; но причины этого запоздания, к счастью, миновали...») и ритуального упоминания Александра I и его благодеяний. Далее Николай впервые попытался представить в более или менее структурированном виде систему негласного договора между Россией и Польшей. Он постарался описать то, что Россия сделала для Царства, оперируя при этом даже некоторыми экономическими позициями: «Беспрерывно возрастающее развитие промышленности, расширение внешней торговли, увеличение обмена продуктами между Польшей и Россией являются несомненными *выгодами* , которыми вы уже пользуетесь в настоящую минуту и

957 Ibid. № 143. S. 737–739; № 144. S. 747.

958 Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 22. С. 417–418; Tygodnik Petersburski. 1830. № 26. S. 198.

959 Вестник Европы. 1830. № 13. С. 63–67; Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 68. С. 452. Исключение составляет «Tygodnik Petersburski», который по примеру варшавских изданий достаточно детально писал о других событиях, связанных с пребыванием Николая I в Польше, в частности о праздновании юбилея провозглашения Царства Польского (1830. № 22. S. 163; № 25. S. 190–191). Это же издание публиковало речи императора Николая при открытии и закрытии сейма (Ibid. № 26. S. 198).

960 Вестник Европы. 1830. № 13. С. 63.

961 Lesur C. L. Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). Paris, 1832. P. 175–176. В сокращенном виде на русском языке речь опубликовал также Н. К. Шильдер (*Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280*).

962 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278.

963 Там же. С. 280.

которые дают вам уверенность в непрерывном возрастании вашего благосостояния». Император также отметил, что *«Польше не пришлось нести... тяготы»* войн, в которые была вовлечена Россия в последнее время, *«однако она (Польша. – Прим. авт.) пользуется выгодами, которые явились следствием их»*. Этот аргумент, впрочем, был императором сразу же нивелирован, поскольку Николай заявил, что полякам была отведена не менее почетная роль – они «составили авангард армии, долженствовавшей охранять безопасность империи». Вероятно, монарх полагал, что сам по себе аргумент о неучастии поляков в войнах с Персией (1826–1828 гг.) и Турцией (1828–1829 гг.) мог быть расценен как оскорбительный. К тому же он вступал в прямое противоречие с принятым нарративом, в рамках которого польская армия всегда оценивалась как исключительно храбрая⁹⁶⁴.

Что же император хотел получить взамен? В более узком общественном смысле речь шла о пересмотре вопроса о разводах. Этот вопрос серьезно тревожил монарха, и его позиции в этой связи были выражены в речи достаточно жестко: император «требовал максимального внимания» к ситуации, которую он интерпретировал как нарушающую общественное спокойствие. Но главное – в ответ на признание политической субъектности Царства (император отдельно подчеркнул, что выполнил «во всем объеме 45-ю статью Конституционной хартии»), экономические привилегии и обретенное благосостояние монарх ожидал от поляков лояльности. Он призывал сейм пользоваться благами, предоставленными их отечеству, «с умеренностью и благоразумием». Вероятно, Николай I полагал, что выразился более чем ясно.

Без сомнения, формулировки, которые император относил к категории «по части формы» и которые были включены в его речь, чтобы «польстить» полякам (например, про охрану западных рубежей империи), воспринимались его слушателями как вполне содержательная позиция. Указание же на благосостояние, достигнутое Царством Польским, которое Николай I интерпретировал как своего рода благородный жест со стороны России (вспомним его заявление 1830-х гг. о том, что император Александр I проявлял заботу о поляках более, чем о «своих настоящих подданных»), представители польского сейма, напротив, могли трактовать как попытку искупить вину за разделы, вину, которую Россия, конечно, никогда не могла искупить до конца. При этом слова о существовавшей вине Польши перед Россией в связи с участием поляков в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона произнесены не были. Этот элемент, который мог стать основой для пересборки всей конструкции, остался не востребуемым. Н. К. Шильдер вполне справедливо констатировал, что «откровенная» речь императора «не оживляла в памяти ни одного тягостного воспоминания»⁹⁶⁵.

Открыв сейм, император уехал, отправившись в поездку в Елисаветград, Киев и Брест-Литовск⁹⁶⁶. Николай вернулся в Варшаву 7 (19) июня и закрыл сейм 16 (28) июня⁹⁶⁷. Считается, что монарх удалился из Варшавы, «желая отстранить даже тень какого-нибудь влияния со своей стороны на работу сейма»⁹⁶⁸. В своем желании не тревожить поляков он полностью следовал принципам, заложенным Александром I, который после обращения к сейму также уезжал из польской столицы, возвращаясь в город, лишь чтобы сказать вторую, заключительную речь⁹⁶⁹. Логика подобных действий должна была обозначать, что все

964 См. об этом подробнее в главе 8.

965 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 280.

966 Там же. С. 281–282.

967 РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5 об.

968 Императрица покинула Варшаву в этот же день, отправившись в Германию (Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 281).

969 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 90, 331–332.

происходящее является частью «польских дел», которым должно развиваться вне влияния России.

Сейм отклонил проект закона о браке, столь значимый для императора Николая. Монарх не скрыл своего отношения к произошедшему в речи, которая подвела итоги сейма⁹⁷⁰. Похвалив депутатов и сенаторов за отношение к памяти об александровском наследии («Вы подали замечательный пример национального признания реставратору вашей родины») и работу по другим законопроектам, император и король выразил сожаление, что идея запрета разводов не получила поддержки. Ситуация не вышла за пределы обычных увещаний – никаких более жестких мер не последовало. Даже в отношении риторики Николай не изменил себе. Он завершил свою речь к польскому сейму обещанием: «я не перестану, даже вдали от вас, следить за вашим истинным счастьем»⁹⁷¹. «Ничто не указывало на вероятность близкого взрыва, – писал об этих днях Бенкендорф, – напротив, видимое материальное благосостояние казалось надежнейшим оплотом общественного спокойствия»⁹⁷².

Часть II. «Мы не напомним ныне им»: забвение как политическая стратегия

Статья из «Отечественных записок», рассказывавшая русскому читателю о варшавской коронации 1829 г., содержала в себе интересный реестр участников церемонии. Те из них, кто выносил регалии, были названы поименно. «Шествие началось в 11-м часу, – сообщал журнал, – регалиями, несенными на великолепных подушках в следующем порядке:

1. Орден Белого Орла нес Палатин Грабовский.
2. Государственная печать, несомая Министром, Статс-секретарем, Дивизионным Генералом Грабовским.
3. Государственный панир, Генералом от Инфантерии Исидором Красинским.
4. Царский Меч, Генералом от Артиллерии Гауком, с двумя Ассистентами...
5. Царская Порфира, Каstellанами Сераковским и Глицинским.
6. Держава, Палатином Чернецким.
7. Скипетр, Палатином Князем Адамом Чарторыйжским.
8. Корона, Президентом Сената Графом Замойским»⁹⁷³.

Обращает на себя внимание, что среди тех, кто участвовал в этой части действия, были исключительно представители Царства Польского. Мы не увидим здесь чиновников или военных, чья карьера разворачивалась бы в России. Однако важнее то, что среди действующих лиц можно обнаружить поляков, служивших в армии Наполеона и воевавших с Россией в 1812 г. Так, генерал Исидор Красинский, который нес Королевское знамя, состоял в свите Наполеона, участвовал в кампании 1812 г., а при Березине командовал корпусом французов. В войсках Наполеона служили также выносивший на коронации печать генерал Стефан Грабовский и состоявший при королевском мече генерал Мауриций Гауке. Выбранный для вынесения императорской порфиры Юзеф Сераковский был членом

970 Kurjer Warszawski. 1830. № 169. S. 894–896; № 171. S. 899.

971 Lesur C. L. Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). P. 175–176.

972 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 282.

973 О коронации Его Императорского Величества. С. 421–422.

Комиссии временного правительства, созданной французской администрацией на оккупированных в 1812 г. литовских территориях Российской империи.

Не вызывает никакого сомнения, что находившиеся в 1829 г. в коронационном зале, а в 1812–1814 гг. по другую сторону противостояния с французами и поляками Александр Бенкендорф, Владимир Адлерберг, Петр Волконский, Сергей Строганов и Василий Жуковский точно понимали, в каком положении они были прежде, во время войны, и в каком находятся теперь, в мирное время. К перечисленным можно смело добавить и самого императора Николая I, а также довольно многочисленную группу читателей российской периодики, например «Отечественных записок». Коронация в Варшаве происходила спустя чуть более чем полтора десятилетия после окончания Отечественной войны и Заграничных походов русской армии. Противостояние не было забыто, но политический взгляд на события тех лет требовал от общества иметь в виду ряд существенных ограничений. Действительно, к 1829 г. российская элита хорошо усвоила, что поляки переместились в категорию «братья», притом что зиждилось это братство на тысячах убитых под Смоленском, при Бородино, Тарутино, Малоярославце, Лютцене, Кульме и Лейпциге. Но здесь и сейчас погибших надлежало забыть. Механика этого забывания была всем присутствовавшим хорошо знакома, ведь создана она была за несколько десятилетий до описываемых событий.

Глава 6

Забыть 1812 г.

Александр I и создание новой политической стратегии

6.1. «Нечаянно пригретый славой»: Александр I в 1812 г

В начале 10-й главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкин дал императору Александру I известное стихотворное определение:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Чаще всего, пожалуй, цитируется первая часть этого четверостишия. Это вполне понятно – советской историографии нравилось упоминание лукавства и лени монарха, и подобная трактовка со временем стала устойчивой. Однако точность пушкинской оценки императора в большей мере связана с главным событием эпохи – Отечественной войной 1812 г. – и глубиной понимания им того факта, что Александр I с «вечной славой 12 года» был связан лишь опосредованно и чести этой к тому же «не чаял»:

Его мы очень робким знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова костра.

Действительно, император, узнавший о переходе наполеоновских войск находясь на западных границах империи, оставался при русской армии считанные недели⁹⁷⁴. Он наблюдал за событиями, которые разворачивались под Смоленском и Москвой, издали, получая информацию с задержками и часто неверно ее интерпретируя. Монарх присоединился к

⁹⁷⁴ Император Александр I покинул армию в Полоцке после отказа командования от плана его советника генерала Карла фон Фуля (Пфуля), предлагавшего создание так называемого Дрисского лагеря.

армии полгода спустя все там же – в Вильно⁹⁷⁵. Русские войска переходили Неман, преследуя разбитую армию Наполеона, Отечественная война 1812 г. была закончена, и император Александр ее пропустил. Он, в сущности, если вести речь о главной в этот момент – военной – стороне дела, не имел прямого отношения к событию, которое воспринимается сейчас как главное в истории его правления.

Этот аспект, как представляется, выпал из поля зрения исследователей: принято акцентировать внимание на том, что император декларировал свое желание остаться при армии. При этом чаще всего цитируются слова из рескрипта Н. И. Салтыкову от 13 (25) июня 1812 г. («Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем») или формулировка П. А. Вяземского, писавшего о народном подъеме во время пребывания императора в Москве в июле 1812 г. («...с момента приезда государя в Москву война приняла характер народной войны»⁹⁷⁶). Упоминается и имевшая большое значение поездка в Або для личных переговоров со шведским наследным принцем Ж.-Б. Бернадотом⁹⁷⁷.

И все же дух времени состоял не в этом. Разговоры с московским дворянством и купечеством или обсуждение дипломатических позиций, сколь бы значимыми ни были такие действия, в глазах общества не отражали главной потребности – видеть императора воином, который во время войны – тем более такой войны – руководит армией. Александр же оставался в Петербурге⁹⁷⁸, узнавая о произошедшем на театре военных действий постфактум и далеко не в полном объеме, а его реакция на происходившие события была зачастую крайне неточна. Для столичного общества было очевидно, что император больше не контролировал ситуацию, а империя тем временем переживала события грандиозные и трагические.

Как известно, сообщение М. И. Кутузова о сражении при Бородино, точно описывавшее все произошедшее на поле, но никак не сообщавшее о дальнейших планах командующего⁹⁷⁹, вызвало в Северной столице череду восторженных празднеств⁹⁸⁰. Новость достигла Петербурга в день орденового праздника св. Александра Невского и была воспринята как

975 В. С. Парсамов справедливо отмечает, что 1812 г. стал для Александра I периодом «поиска роли», в течение которого император выстраивал свой образ вокруг концепта народного вождя и лидера нации, но не воина (*Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 233–254*).

976 *Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / Сост. Л. В. Дерюгина. М.: Искусство, 1984. (История эстетики в памятниках и документах.) С. 263.*

977 *Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 104–106; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 247–248.*

978 Великий князь Константин Павлович, участвовавший в сражении при Аустерлице (1805), как и Александр, вскоре после начала войны 1812 года покинул театр военных действий и уехал в Петербург. По воспоминаниям графини Р. Эдлинг, в столице великий князь «только и твердил об ужасе, который ему внушало приближение Наполеона». Он смог войти «в пределы долга и приличия» только под давлением императора (*Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 2. С. 215*). Через некоторое время Константин Павлович отправился в Тверь, где провел два месяца у великой княгини Екатерины Павловны. Он присоединился к войскам в январе 1813 г. и вместе с Александром пересек Неман (*Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 13–15*).

979 М. И. Кутузов сообщил Александру I следующее: «Баталия, 26 числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которой пришел нас атаковать» (*Кутузов М. И. Сборник документов и материалов / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1954. Т. 4. Ч. 1 (июль – октябрь 1812 г.). С. 175–176*).

980 С нами Бог: посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благословенного: Библиографический указатель литературы / Сост. Е. М. Андреева. М.: ЦУНБ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 35–36.

сообщение о триумфе, которого так долго ждали и на который надеялись. Кутузов был произведен в генерал-фельдмаршалы с пожалованием 100 тыс. руб., а в армию направили многочисленные награды⁹⁸¹.

Информация о том, что Москва оставлена русскими войсками и горит, стала для Петербурга в полном смысле слова громом среди ясного неба. Первые сведения о случившемся император Александр получил 7 сентября и не от направленного Кутузовым полковника А. Ф. Мишо де Боретура, который прибыл лишь на следующий день, а от Ф. В. Ростопчина⁹⁸². В день получения новости о том, что русские войска оставили Москву, император написал теперь уже генерал-фельдмаршалу Кутузову: «Князь Михаил Ларионович! С 29 августа не имею я никаких донесений от Вас. Между тем от 1 сентября получил я чрез Ярославль от московского главнокомандующего печальное известие, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим генерал-адъютанта князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах к столь несчастной решимости. Александр»⁹⁸³.

Сообщение об отходе войск не просто «отравило удовольствие, доставленное... победою», как выразился император в письме сестре⁹⁸⁴, оно радикально изменило общественный взгляд на Александра I. Поведение императора после Бородино напомнило всем его действия после катастрофы Аустерлица 1805 г., когда монарх, застигнутый врасплох, в отчаянии бежал с поля боя и едва не попал в плен⁹⁸⁵, однако не отказался от пышного празднования, устроенного в честь его возвращения в российскую столицу. Когда же в Петербург начали поступать новости о разгроме армии под Аустерлицем, император столкнулся, по выражению Н. Н. Новосильцева, «с по-настоящему тревожным отношением общества; более не говорили о предательстве (австрийцев. – *Прим. авт.*), но приписывали все несчастья одному ему»⁹⁸⁶.

Уже в начале осени 1812 г. в том, что касается «символического капитала», император Александр стоял на грани банкротства. События развивались стремительно. Через несколько дней после того, как русская армия оставила Москву, великая княгиня Екатерина Павловна писала брату: «Несмотря на неприятность, которую я должна причинить Вам, дорогой друг, я не в состоянии больше молчать. Взятие Москвы раздражило и ожесточило всех; неудовольство дошло до крайних пределов, и Вашу особу не щадят. Если это доходит даже до меня, то можно судить об остальном. Вас громко обвиняют в бедствии, постигшем

981 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 108; Эдельман О. В. Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 376–577.

982 Агеева О. Г. Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. С. 243.

983 Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 г. Londres: S. Tchorzewski, 1863. С. 201.

984 Получив сообщение, что М. И. Кутузов оставил Москву и «решил отступить за 6 верст, чтобы собраться с силами», император написал сестре: «Эти роковые 6 верст, отравив все удовольствие, доставленное мне победою, заставили меня обождать следующего донесения; оно же ясно предвещает мне одни бедствия» (Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // Русская старина. 1911. № 1 (апрель). С. 137). Оригинальную версию переписки императора Александра I с великой княгиней Екатериной Павловной (на французском языке) за сентябрь 1812 г. см.: Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / Публ. великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. С. 83–99.

985 Рэй М. -П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. С. 189.

986 Рэй М. -П. Александр I. С. 191.

государство, в разорении всех и каждого и, наконец, в том, что *Вы погубили честь страны и свою собственную. И Вас осуждает не одно какое-нибудь сословие, а решительно все ... судите сами, каково должно быть положение дел в стране, когда презируют ее главу; нет той вещи, которой бы человек не сделал бы, чтобы восстановить свою честь...* На Вас жалуются во всеуслышание; я считаю долгом сказать Вам это, дорогой друг, так как это весьма важно. Не мне указывать Вам, что делать, но *спасите свою честь, которая задета* . Ваше присутствие может снова расположить умы в Вашу пользу; не пренебрегайте никаким средством и не думайте, что я преувеличиваю; к несчастью все, что я говорю – правда...»⁹⁸⁷

18 сентября 1812 г. император объяснился с Екатериной Павловной, написав ей не столько письмо, сколько отчет длиной в добрый десяток страниц. Содержание написанного позволяет понять, какое сильное впечатление на императора произвело письмо сестры, прямо утверждавшей, что русское общество, причем безотносительно к сословной принадлежности, считает императора трусом. Интерпретация произошедшего, которую Александр предъявил великой княгине, была запутанной и полной отрицания. Указав, что не придает «никакого значения» той «личной храбрости, которую может проявить всякий рядовой солдат», и отметив, что человеку «с высшим призванием» должно думать о «нравственном мужестве»⁹⁸⁸, император писал: «Впрочем, коль скоро мне придется, к стыду своему, коснуться этого вопроса, я скажу, что гренадеры Малороссийского и Киевского полков могут удостоверить, что я умею держать себя в огне также спокойно, как и всякий иной»⁹⁸⁹. Показав, что в вопросе «личной храбрости» он и выше подозрений подобного рода, и одновременно храбр, «как всякий иной», Александр перешел к следующему раунду объяснений. Он попытался предъявить сестре доказательства того, что в сложившейся ситуации он объективно не мог действовать иным образом, указывая, что выбранная стратегия поведения была построена на рекомендациях тех, к кому он испытывал доверие. Александр I упрекал Екатерину Павловну в том, что она сама советовала ему удалиться от армии, поскольку его присутствие не может «внушить никакого доверия» войскам. В его письме виноватой, впрочем, оказалась не одна великая княгиня: «Посудите сами, друг мой, как мне должно быть тяжело слышать, что моя честь подвергается нападкам, тогда как уехав из армии, я сделал только то, что от меня хотели»⁹⁹⁰.

В этом письме Александр I также признавался великой княгине, что сам видит, как меняется отношение к нему в Петербурге: «...люди бывают несправедливы к человеку, когда его постигнет несчастье...»⁹⁹¹ Император не лукавил: 15 сентября 1812 г., в годовщину коронации, опасаясь волнений, ему пришлось проехать по улицам столицы в карете, а не верхом, как это было принято. Графиня Р. Эдлинг так описывает все произошедшее и эмоциональное состояние действующих лиц: «Уговорили Государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и в последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности, но по этому можно судить, как велики были опасения. Мы ехали шагом в карете о многих стеклах, окруженной несметною и мрачно-молчаливою толпой. Взволнованные лица, на нас смотрящие, имели вовсе не праздничное выражение. Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступили в церковь, следуя среди толпы ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги, а я была убеждена, что достаточно было

⁹⁸⁷ Николай Михайлович , великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 132.

⁹⁸⁸ Там же. С. 134–135.

⁹⁸⁹ Там же. С. 135.

⁹⁹⁰ Там же.

⁹⁹¹ Там же. С. 133.

малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на Государя, поняла, что происходило в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются»⁹⁹². Здесь же графиня прямо сообщает, что «с минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии»⁹⁹³. Н. К. Шильдер, автор классических биографий Александра I и Николая I, цитируя Р. Эдлинг, зафиксировал в своей книге, посвященной истории царствования старшего из братьев: «Однако, все обошлось благополучно»⁹⁹⁴. Вряд ли с историком можно в полной мере согласиться, имея в виду воздействие, которое эти события произвели на императора Александра.

В письме сестре общественные реакции такого рода⁹⁹⁵ монарх объяснял устройством мироздания («Это... в порядке вещей в этом мире») и работой агентов Наполеона, которым дано задание дискредитировать любые его действия («...если я буду находиться в армии, приписать мне все неудачи... если бы меня не было в армии было решено приписать это недостатку мужества»⁹⁹⁶). Измучившись поиском все новых и новых причин для самооправдания, Александр в конце концов признавался в отсутствии военного таланта: «Что касается таланта, быть может его у меня нет, но ведь приобрести его нельзя: это дар свыше, никто еще сам не приобретал его»⁹⁹⁷. Он рассуждал и о неизбежности своего поражения как монарха: «...мы переживаем столь ужасный кризис и имеем дело со столь адским противником, сочетающим ужасное злодейство с самыми выдающимися дарованиями, которому помогают вооруженные силы всей Европы и множество талантливых людей, выработавшихся в течение 20 лет постоянных войн и революций, что нет ничего удивительного, если я испытываю неудачи»⁹⁹⁸. Наконец, он писал об одиночестве, которое испытывает, и участи «не быть признанным обществом», «быть всеми покинутым»⁹⁹⁹.

Интересно, что, говоря о давлении, которое на него оказывали в связи с назначением М. И. Кутузова, Александр I упомянул в этом письме, что ему советовали назначить во главе войска «безнравственного» и «вероломного» Петра Палена¹⁰⁰⁰. Преступление Палена – убийство Павла I во время переворота 1801 г. – было всем известно. Однако стремление императора занять по отношению к Палену позицию человека морально безупречного не могло никого обмануть. Русское общество никогда не забывало, что и сам Александр был замешан в заговоре против Павла I. Тем интереснее, что в момент серьезнейшего кризиса эти события «припомнил» и сам император. Между прочим, такой ассоциативный ряд с

992 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 218–219.

993 Там же. С. 217.

994 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 118.

995 Д. Ливен справедливо указывает, что «скрытая причина натянутости, то и дело возникавшей в 1812 г., заключалась в том, что ни Александр, ни русская аристократия не вполне доверяли друг другу в том, что касалось способности сохранить хладнокровие или внести весомый вклад в победу на фоне того немалого напряжения сил, которое было вызвано вторжением Наполеона» (Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. С. 317).

996 Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. С. 137.

997 Там же. С. 138.

998 Там же.

999 Там же.

1000 Там же. С. 134.

ретроспективным переходом от войны 1812 г. к перевороту 1801 г. можно обнаружить не только у Александра I. Упоминавшаяся графиня Эдлинг также увидела связь между событиями. Рассуждая о неблагодарности русского общества периода Отечественной войны, она вдруг отметила, что «Государь (Александр I. – *Прим. авт.*) не мог позабыть времени своего вступления на престол, когда сердце его наиболее нуждалось в утешении и когда он его не встретил»¹⁰⁰¹.

Мнения историков относительно участия Александра I в заговоре, который закончился убийством его отца императора Павла, разнятся. Часть исследователей указывает, что Александр не знал о планах заговорщиков и был потрясен произошедшим; другие, напротив, отмечают, что наследник был осведомлен о готовящихся событиях, но прямого участия в «дворцовой революции» не принимал и, очевидно, не предполагал, что ночь с 11 на 12 марта 1801 г. закончится трагически¹⁰⁰². В любом случае общественное восприятие Александра I в России и в Европе в известной мере выстраивалось в привязке к этому событию, ведь император был не просто цареубийцей – он был отцеубийцей. А. Чарторыйский полагал, что переворот 1801 г. «оставил в душе Александра на всю жизнь мрачный отголосок преступления, совершенного над его отцом, которое, как он был убежден, пало на него и никогда не смывается»¹⁰⁰³. Князь полагал также, что горькие сожаления и жестокие угрызения совести Александр «постоянно старался оживлять и растревлять в своей душе»¹⁰⁰⁴. За пределами империи российского монарха могли прямо обвинять в произошедшем. Показателен известный случай с плененным при Кульме в 1813 г. французским генералом Домиником-Жозефом Вандаммом, который в ответ на упреки Александра I относительно плохого обращения с пленными заявил российскому императору: «По крайней мере, меня не могут обвинить в убийстве своего отца». Завуалированным, но от этого не менее оскорбительным был и намек на переворот, прозвучавший в ответе Франции на русскую ноту протеста по поводу захвата герцога Энгиенского. В этом тексте Ш. Талейран, министр иностранных дел Наполеона, задавал российскому императору провокационный вопрос: если бы Александр знал, что убийцы его отца находятся в нескольких километрах от русской границы, разве он не поступил бы так же, как Наполеон с герцогом Энгиенским?¹⁰⁰⁵

Хотя в России тема участия Александра I в убийстве Павла была табуирована, вспоминали о ней регулярно¹⁰⁰⁶. Даже провожая монарха в последний путь в марте 1826 г., современники не преминули отметить зловещее совпадение даты похорон Александра I с датой убийства его отца¹⁰⁰⁷. В околоофициальном описании церемонии, опубликованном в

1001 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 212.

1002 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 214–222; Т. 2. С. 5–7; Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 6–7; Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. М.: СПСЛ; ИД «Русская панорама», 2020. С. 45.

1003 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 211.

1004 Там же. С. 228.

1005 Тарле Е. В. Талейран // Талейран. Мемуары / Под ред. Е. В. Тарле. М.: Издательство Института международных отношений, 1959. С. 46.

1006 Собственная репутация в обществе тревожила Александра I задолго до 1812 г. В 1803 г. он попросил Н. Н. Новосильцева сообщать ему предметно о слухах и сплетнях, распространяющихся по Петербургу (*Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 167).

1007 Так, жена британского посланника констатировала в своем письме: «Император (Александр. – *Прим. авт.*) был погребен 14-го, ровно в двадцать пятую годовщину со смерти его отца, императора Павла» (Подлинные письма из России. 1825–1828. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 104). Примечательно, какое внимание современники уделяли совпадениям такого рода. Так, великий князь Константин Павлович писал

«Отечественных записках», содержалось сразу несколько отсылок к императору Павлу I. Так, в начале автор текста указывал, что торжественное погребение императора Александра I произошло «по удивительному стечению обстоятельств – ровно через 25 лет по воцелении Его на престол, 12 марта 1801 года»¹⁰⁰⁸. В самом конце описания автор, словно желая «закольцевать» текст, еще раз подчеркнул связь Александра и Павла, отметив, что сын был похоронен рядом с отцом¹⁰⁰⁹.

В 1812 г. император был «непризнан» и «покинут» русским обществом. Он утратил столь важную для периода войны сопричастность происходящему. Александр I был практически изолирован и в отношении принятия решений, связанных с ведением военной кампании. Согласно существующим в литературе подсчетам, в период с 19 ноября 1812 г. по 28 февраля 1813 г. 9 из 10 военно-политических, военных и административных решений принимались лично М. И. Кутузовым и только 1 из 10 оформлялось с отсылкой на волю императора¹⁰¹⁰. Испуг Александра, его непонимание ситуации видны в переписке с М. И. Кутузовым, которому, без сомнения, приходилось выдерживать в этот момент сильнейшее давление со стороны монарха. Так, 2 октября 1812 г. император выговаривал фельдмаршалу относительно его действий, которые, по мнению монарха, могли нанести урон прикрывавшему Петербург корпусу П. Х. Витгенштейна: «На Вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столице, в которой не могло остаться много войска... Вспомните, что Вы еще обязаны отвечать оскорбленному отечеству в потере Москвы»¹⁰¹¹. Спустя месяц последовал новый окрик: «Ныне сими упущениями Вы подвергли корпус графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеон, оставя перед Вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно Вы преследуете, будет в возможности с гвардиею своею усилить бывший корпус Сен-Сира и напасть превосходными силами на графа Витгенштейна... Обращая все Ваше внимание на сие столь справедливое опасение, я напоминаю Вам, что все несчастья, от сего произтечь могущие, останутся на личной Вашей ответственности»¹⁰¹².

Император не смог простить своим подданным пережитое унижение и страх. Выбор послевоенной стратегии взаимодействия с российской, а равным образом и с польской элитой был сформирован травмой 1812 г., наложившейся, в свою очередь, на травму участия в отцеубийстве¹⁰¹³. Поведение Александра I после наполеоновских походов, выразившееся в

одному из своих респондентов в феврале 1826 г., что «манифест о бунте Пугачева издан был декабря 17 дня и что в то же самое число и того же самого месяца случайно издан и манифест по нынешним событиям, это действительно заслуживает примечания» (Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. С. 382).

1008 Торжественное везение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почившаго императора Александра Павловича. С. 514.

1009 Там же. С. 555.

1010 Жучков К. Б. М. И. Кутузов и Александр I в декабре 1812 – феврале 1813 гг.: о критериях приоритета в верховном командовании армией // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37 (80). С. 116–124.

1011 Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 72.

1012 Там же. С. 74.

1013 А. Мартин, размышляя над особенностями психологических реакций Александра и указывая на скрытность императора, выразил схожую мысль: «Вполне возможно, что испытания, через которые он (Александр I. – Прим. авт.) прошел начиная с 1801 г., – его роль в убийстве отца, провал его реформаторских планов, поражения за границей и неудачи в личной жизни, – оказались для него тяжелым духовным грузом, и это давление достигло апогея в трагические месяцы лета 1812 г.» (Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. С. 275).

потребности благодетельствовать, а по сути, спасти Польшу, не считаясь ни с общественным мнением в России, ни с экономическими затратами империи на разворачивание этого проекта, невозможно объяснить в полной мере лишь логикой политических пристрастий императора или его стремлением выступить в роли конституционного монарха. Глубокая обида толкала Александра на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны, не помнили бы его недавнего откровенного бесчестия и не говорили бы за его спиной о последнем дворцовом перевороте.

Очевидно, что свою роль сыграло и воспитание Александра I. В рамках просвещенческой парадигмы Европа всегда выступала как пространство цивилизации, как сияющий град на холме. Победа России в Европе и падение Франции, по сути, противоречили базовым установкам, усвоенным императором в юности, ведь в рамках последних победа России была невозможна. Мнение монарха о русском обществе – уровне его развития и способности участвовать в широком смысле слова в политическом процессе – было крайне невысоким¹⁰¹⁴. Очевидно, что Александр I испытывал серьезные трудности с осознанием сути произошедшего – того факта, что в роли побежденного оказалась более развитая цивилизация. Эти установки предопределили формирование библейского нарратива войны¹⁰¹⁵, согласно которому победа была соотнесена не с высоким военным искусством, армейской корпоративностью или силой духа воевавших, а с божественным промыслом, который каким-то чудесным и непостижимым образом пал на русских. Только так Александр мог привести к сколько-нибудь явному согласию реальность и собственную картину мира.

Очевидно, что поиск этой новой формулы был непростым. Окончание Заграничных походов вызвало у императора сложные чувства. Он «становился по службе все более и более взыскательным»¹⁰¹⁶, тяготился находившейся в Париже русской армией, которая словно не заслуживала быть частью пространства, в котором находилась. Показателен случай, произошедший в 1815 г., когда Александр I приказал арестовать двух полковых командиров, вина которых состояла лишь в том, что их подчиненные во время очередного парадного прохождения шли не в ногу. Арест было поручено произвести английским офицерам армии Веллингтона. Императора не остановила просьба генерала Ермолова не наносить оскорбления чести мундира подобным решением¹⁰¹⁷. Эта странность в поведении победителей, часто маркирующаяся в литературе эксцентричная «доброжелательность» Александра по отношению к европейцам¹⁰¹⁸, оборачивавшаяся приниженным положением чинов его армии, не осталась незамеченной. Ф.-Р. Шатобриан писал об увиденном в эти дни: «Побежденных можно было принять за триумфаторов, а истинные триумфаторы, казалось, дрожали и просили прощения за свою победу»¹⁰¹⁹.

Наказания вместе с тем не ограничились выволочками на улицах Парижа. Показателен разговор, затеянный императором в 1814 г. в Париже с генералом Ермоловым, к которому он неожиданно обратился с вопросом: «Ну, что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге?

1014 *Фреде В.* Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I. С. 164–185.

1015 Об этом см. подробнее: *Парсамов В. С.* На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. С. 265–286; *Вишленкова Е. А.* Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 208.

1016 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 338.

1017 *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. Т. 2. М.: Голос, 1993. С. 7.

1018 *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. С. 21; *Рэй М. -П.* Александр I. С. 296.

1019 *Рэй М. -П.* Александр I. С. 296.

Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, *меня считали за простачка* »¹⁰²⁰. Когда император получил из Петербурга прошение Сената об устройении праздника-триумфа¹⁰²¹, его решение было быстрым и резким. Император не забыл своей столице обиды, которая была нанесена его самолюбию. Очевидно, к тому времени он сформировал и нарратив, позволявший сместить восприятие победы. Император отослал в Петербург следующий указ: «Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их менее приличными ныне. *Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Пред Ним мы все должны смиряться* . Объявите повсюду мою неперменную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета»¹⁰²².

Можно предположить, что присланный из Петербурга «Проект обряда торжественной встречи» неприятно поразил императора. Хотя в преамбуле текста говорилось о «мужественном предводительстве прославляемого... монарха», сделавшего возможным «блистательные успехи победоносного Российского воинства»¹⁰²³, суть проекта сводилась к встрече «обожаемого» императора, но не царя-полководца или государя-воина. Не имея под рукой предписанного стандарта относительно того, как следует воспринимать произошедшие события, сенаторы руководствовались лишь собственным и не слишком лестным для Александра видением ситуации. Изъявляя чувство «живейшей благодарности», они предлагали императору вступить в город под пушечные выстрелы, звон колоколов и пение придворных музыкантов и певчих, отведать хлеб-соль, пройти мимо домов, украшенных «цветами и тканями», через триумфальные арки, мимо «особых возвышенных галерей», в которых должны были размещаться члены императорской фамилии, а также представители сословий, министерств и города. Планировалось, что в шествии к Казанскому собору Александра I будут сопровождать избранные купцы и члены магистрата, дворянство, «присутственных мест чиновники», чины департаментов и коллегий, депутаты от губерний, Правительствующий Сенат и обер-прокурор, Госсовет и статс-секретари, статс-дамы и камер-фрейлины. Из текста следовало, что за императором будут следовать все, кроме собственно армии¹⁰²⁴. Военные чины появлялись в описании лишь для традиционного оформления церемониала: отряд лейб-гвардейской конницы открывал и закрывал шествие, а вдоль улиц предполагалось устроить «шпалеры» войск¹⁰²⁵. Хотя сенаторы полагали необходимым вынести трофеи, захваченные у неприятеля, и назначить императору должное

1020 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 212.

1021 14 апреля 1812 г., когда в Петербург пришло известие о том, что русские войска вошли в Париж, на экстренном собрании Сената было принято решение устроить императору Александру особенно торжественную встречу (Агеева О. Г. Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действа в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 249).

1022 Там же. С. 250.

1023 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 50. Л. 3.

1024 Показательно и описание прохода императора через залы Зимнего дворца: «И вшед на большой двор проходит [Император] через оный на большую парадную лестницу по которой уже войдя во дворцовые залы устраивается нижеследующим образом: купечество, депутаты от губерний и прочие присутственные места, а в столовую комнату и подле оной в ковровую войдут гг. сенаторы и члены Государственного Совета и придворные чины, а в бархатной остановится обер-гофмейстера, гофмейстера, статс-дамы, камер-фрейлина и фрейлины» (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 50. Л. 10). В предложенном проекте встречи военные чины (генералитет, штаб и обер-офицеры, а также инвалиды) становились более заметными лишь на второй день празднований (Там же. Л. 12 об.).

1025 Там же. Л. 2–15 об.

сопровождение из «генерал-адъютантов, флигель-адъютантов в свите Его Императорского Величества состоящих», документ содержал впечатляющую приписку: «Если Государь Император не соизволит предводительствовать войску и без оного вступить за благо рассудит в столицу, тогда весь ход будет замыкать отряд конницы с трубами и литаврами»¹⁰²⁶. Таким образом, высшие чиновники империи не просто предполагали, но прямо указывали, что «сокрушитель Наполеона» Александр I вполне может вступить в свою столицу и без войска. Образ монарха выстраивался в данном случае в соответствии с принятой императором на себя ролью «лидера нации»¹⁰²⁷, и появление армии не воспринималось Сенатом как неотъемлемая часть композиции. При этом сенаторы, не уловившие смену символической конъюнктуры и не получившие иных установок, посчитали возможным заявить об этом совершенно недвусмысленно.

Александр вернулся в столицу своей империи 13 июля 1814 г. как частное лицо. По этому случаю в Петербурге несколько недель нескончаемой чередой шли праздники, чествования, публичные маскарады, молебствия и гулянья¹⁰²⁸. 30 июля столица чествовала триумфом императорскую армию: в город прибыли старейшие гвардейские полки – Преображенский, Семеновский, Измайловский, а также Егерский полк, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии. Армия входила в Петербург без императора: полки вел великий князь Константин Павлович. Император согласился лишь принять парад¹⁰²⁹.

Историки традиционно объясняют действия Александра I, решившего отказаться от триумфального въезда в столицу во главе армии, особенностью его личности. Это соображение вполне справедливо. Речь, однако, идет не о неприятии публичности и не о том, что близорукий и плохо слышавший монарх стремился сократить свое участие в церемониях¹⁰³⁰, а о форме переживания травматичного опыта, которую выбрал для себя император.

В отличие от России, Польша была для императора местом эмоционального комфорта и безопасности. Он часто повторял, что в Польше «чувствует себя дома»¹⁰³¹. Выстраивая образ будущего пространства отдохновения, император Александр писал А. Чарторыйскому в 1813 г.: «Если, по окончании всех этих событий, я мог бы на минуту очутиться в недрах Вашего семейства, это причинило бы мне безумную радость»¹⁰³². Монарх смог осуществить свою мечту, остановившись в Пулавах – семейном имении Чарторыйских – по пути на Венский конгресс¹⁰³³. Впоследствии император провел очень много времени в столице своего нового Царства: согласно имеющимся подсчетам, ни в одном из городов своей страны

1026 Там же. Л. 9.

1027 Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. С. 240–244.

1028 Писарькова Л. Ф. Государственное управление России 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 220.

1029 Агеева О. Г. Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 250.

1030 Там же. С. 253.

1031 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т 3. С. 266.

1032 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 284.

1033 Рэй М. -П. Александр I. С. 492–493.

(исключая, конечно, Петербург) Александр I не жил так долго, как в Варшаве. Монарх приезжал в Польшу практически каждый год (1815, 1816, 1818–1823 и 1825 гг.)¹⁰³⁴.

Можно сказать, что император сформировал со своими польскими подданными «эмоциональное сообщество»¹⁰³⁵, в котором формы проявления эмоций и поводы для их выражения не всегда совпадали с тем, что было принято в империи. Выстраивая свой сценарий власти в Царстве Польском, Александр, как будет показано далее, стремился дистанцироваться от российской патриотической риторики и православного контекста. В значительной мере его установки совпадали с польским политическим и историческим нарративами. Этот выбор легко считывался польской стороной. В документах Третьего отделения среди агентурных материалов о политическом состоянии Царства Польского есть пересказ рассуждений поляков второй половины 1810-х гг., согласно которому именно такое поведение обеспечивало императору устойчивость власти на этой территории. Так, один из респондентов вспоминал о периоде существования Герцогства Варшавского: «Русских везде не любили, но императора Александра любили искренне. Александр всегда обходился чрезвычайно нежно с поляками, приближая их к себе... Поляки говорили: „Александр – не москаль, у него душа польская, он сто́ит быть королем польским“»¹⁰³⁶. Другой выражался не менее красноречиво: «На... Россию, если бы она бог знает что пообещала, поляки не понадеются и не поверят ей. Это правда, как Бог на небеси, *Императору поверят, русским – нет*»¹⁰³⁷. Примечателен и комментарий, оставленный А. Чарторыйским: «По характеру Александр не походил на русского; он отличался от соотечественников и достоинствами и недостатками, и казался среди них каким-то экзотическим растением, далеко не чувствуя себя счастливым»¹⁰³⁸. Подобные оценки вполне совпадали со стремлениями Александра I, который, позиционируя свою власть в Царстве Польском, последовательно отделял себя от России. Во время своих визитов к Чарторыйским в Пулавы, которые назвать частными можно лишь условно (все сказанное императором там становилось известно публике), монарх, например, вполне мог формулировать свой статус вне рамок империи так: «У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия, и один друг – я»¹⁰³⁹.

Понимание аспектов такого рода позволяет иначе взглянуть на особенности александровской политической стратегии в целом. Известно, что С. М. Соловьев полагал, что в политике императора Александра сочетались либеральные и консервативные позиции, имея в виду дарование конституции Польше и реакционную политику в самой России; эту же мысль поддерживал и В. О. Ключевский¹⁰⁴⁰. В действительности же противоречия здесь нет:

1034 Из архива Н. Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей. 1816–1818. (Прошения поляков) / Собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. 1910. Т. 10. С. 161.

1035 О существующей литературе и современной интерпретации термина см.: *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций* / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–36; *Николаи Ф. В.* История эмоций: три версии // *Новое литературное обозрение.* 2019. № 2 (156). С. 289–297.

1036 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 5. Л. 6.

1037 Там же. Л. 13.

1038 *Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. С. 330.

1039 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 266. Н. М. Филатова, анализирувшая польские стихотворные тексты, обращенные к фигуре Александра I, также указывает, что «авторы... стихов явно воспринимали фигуру монарха в отрыве от России» (*Филатова Н. М.* Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. С. 125).

1040 *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 186–187.

в поствоенный период император сочетал в себе две ипостаси – российского императора и польского короля, что позволяло ему в Польше быть либералом, а в России – консерватором¹⁰⁴¹.

6.2. «Для меня наибольшее наслаждение – платить за зло добром»: Российский император и его новые подданные

В январе 1813 г. император Александр писал А. Чарторыйскому¹⁰⁴²: «Успехи, которыми Проведение благословило мои усилия и настойчивость, нисколько не изменили ни моих чувств, ни моих намерений в отношении Польши. Пусть же Ваши соотечественники будут спокойны на счет могущих быть у них опасений. Месть – чувство мне незнакомое; *для меня наибольшее наслаждение – платить за зло добром. Моим генералам отданы строжайшие приказы поступать сообразно распоряжениям и обращаться с поляками дружески и по-братски*. Буду говорить с Вами вполне откровенно. Чтобы осуществить мои любимые мечты относительно Польши, мне, несмотря на блеск теперешнего моего положения, предстоит победить некоторые затруднения. Прежде всего – общественное мнение в России. Образ поведения у нас польской армии, грабежи в Смоленске, в Москве, опустошение всей страны воскресили прежнюю ненависть... Затруднения эти, при благоразумии и осторожности, будут побеждены. Но чтобы достичь этого, надо, чтобы Вы и Ваши соотечественники содействовали мне. Надо, чтобы Вы сами помогли мне расположить русских к моим планам и чтобы Вы оправдали мое, известное всем, особое расположение к полякам и ко всему, что касается их любимых идей... надежды Ваши не будут более обмануты. По мере выяснения результатов военных действий, Вы будете видеть, насколько мне дороги интересы Вашего отечества и насколько я верен своим прежним мечтам... Вы должны убедить Ваших соотечественников выказывать к России и к русским добрые чувства, чтобы изгладить впечатления этой кампании и этим облегчить мне мой труд... *Польше и полякам нечего опасаться от меня какой бы то ни было мести... Всем русским генералам отдан приказ обращаться с поляками, как с братьями и друзьями*»¹⁰⁴³.

Это длинное послание было направлено императором другу юности, когда русские войска едва пересекли границу империи и Герцогства Варшавского. Оно впечатляет силой того стремления (а самые важные позиции повторяются в письме несколько раз), с которым Александр I намеревался одновременно успокоить поляков и воздействовать на русских. Последних надлежало очаровать и заставить вести себя в Польше спокойно. Примечательно и указание на «обращение... по-братски» как на некое предписание, а точнее – приказ. Интересно, что признаваемые императором грабежи поляков, имевшие место, конечно, далеко не только в Смоленске и Москве, не были маркированы как нечто требующее оправдания, покаяния или воздаяния. Предписания полякам не касались материальных или даже моральных позиций: достаточно было просто «выказывать к России и к русским добрые чувства». Суровая ирония всего происходящего была связана с тем, что на роль императорских любимцев были назначены в прямом смысле слова враги, ведь до окончания столкновения в Европе было еще очень далеко.

1041 В современной литературе двойственность воззрений и политики Александра I, пожалуй, наиболее точно представлена в работах В. С. Парсамова. Историк полагает, в частности, что дать конституцию полякам для императора «было столь же естественно, как и навязать России Аракчеева, по принципу „каждому свое“». См.: Парсамов В. С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // Известия Саратовского университета. 2003. Т. 3. Вып. 1. С. 121.

1042 Об участии Чарторыйских в войне против России см.: Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 205.

1043 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 280–283.

По подсчетам историков, число поляков, служивших в армии Наполеона в 1812 г., доходило до 120 тыс.¹⁰⁴⁴ Этот контингент считался одним из наиболее боеспособных и преданных Бонапарту. В польской историографии укрепился образ, согласно которому «польские легионы были первыми вступившими на территорию России в 1812 г. и последними ее покинувшими»¹⁰⁴⁵. Действительно, в Польше война, названная Наполеоном «второй польской войной»¹⁰⁴⁶, воспринималась как долгожданная, имевшая своей целью воссоединение страны в границах до разделов 1772 г.¹⁰⁴⁷ Образование в 1807 г. Герцогства Варшавского под протекторатом французского императора расценивалось как первый шаг на этом пути. Все это нашло отражение в польской риторике эпохи: активное распространение получила стереотипизация русских через использование ориенталистского концепта («азиатские варвары», «дикие взбесившиеся москали», «кровожадные народы», «дикари-казаки» и т. д.)¹⁰⁴⁸. Стоит отметить и формулировку из речи депутатов Генеральной конфедерации Королевства Польского, обращенную к Наполеону в 1812 г. и описывающую начавшуюся войну как «карающее ее (Россию. – Прим. авт.) предопределение проведения, которое, тронувшись нашими страданиями, вознамерилось положить им предел»¹⁰⁴⁹.

В первые недели войны войска Наполеона пополнились 19 тыс. перешедших на сторону врага жителей литовских губерний России¹⁰⁵⁰. В Вильно, где за несколько дней до этого на балу в честь польского дворянства Александр I получил сообщение о вторжении французов¹⁰⁵¹, состоялась известная присяга жителям Наполеону, эмоционально описанная во французских источниках¹⁰⁵². Депутации с приветствиями направлялись к Наполеону и из других городов, расположенных на бывших польских территориях, а в Могилеве архиепископ Варлаам принес присягу Бонапарту, распространив по всей епархии требование присягнуть французам¹⁰⁵³.

1044 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 10 об.; *Понов А. И.* Иностранные контингенты Великой армии. С. 306; *Неуважный А., Васильев А. А.* Польские войска. С. 580; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 204.

1045 *Nance A. B.* Literary and Cultural Images of a Nation without State. The Case of 19th Century Poland. P. 22.

1046 В наполеоновской Франции и союзных ей государствах кампания 1806–1807 гг. неофициально именовалась Первой польской войной (*Целорунго Д. Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино: Бородинское поле, 2017. С. 76).

1047 *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во соц. – экономич. литературы, 1962. С. 124.

1048 *Филатова Н. М.* Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // *Славяноведение*. 2012. № 6. С. 60–73.

1049 *Дубровин Н. Ф.* Наполеон I и поляки в 1812 г. Исторический эскиз. Вильно в 1812 году // *Отечественные записки*. 1866. № 2. С. 410.

1050 *Неуважный А., Васильев А. А.* Польские войска. С. 580; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206.

1051 Бал состоялся в загородном доме в Закрете. Информация о том, что войска Наполеона перешли Неман, не разглашалась, и бал не был остановлен (*Агеева О. Г.* Русский императорский двор и празднично-церемониальные торжества и действия в период войн с Наполеоном 1812–1815 гг. С. 240).

1052 Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. С. 82–83.

1053 *Hartley J. M.* Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. № 38. P. 181.

Вместе с тем жители территорий, присоединенных к России от Польши в конце XVIII в., не поддерживали Наполеона в той мере, как это ожидалось оккупационными войсками. На востоке Литвы и в Белоруссии рекрутировать какую-либо существенную организованную группу поддержки не удалось, что вызвало явное недовольство Бонапарта¹⁰⁵⁴. Население юго-западных территорий также осталось в массе своей лояльным империи¹⁰⁵⁵.

Вопрос оценки действий польских легионов в Российской империи в литературе предметно не рассматривался¹⁰⁵⁶. Источники личного происхождения, однако, свидетельствуют, что гражданское население России, пострадавшее от нашествия, достаточно четко идентифицировало этническую составляющую «армии двенадцати языков», выделяя две группы – французов и поляков. Вероятно, смещение в сторону упоминания исключительно французов или указание на полиэтничность армии противника были конструктом более позднего периода. Показательно описание, оставленное купцом Николаем Котовым, владевшим в допожарной Москве шляпной фабрикой: «...от 28-го числа сентября из Москвы и французы все-таки грабят, не только рядовые, но и чиновники под видом сбережения... и что французы делают все поругания церквям, в некоторых живут в алтарях и на престолах обедают, в церквях с женщинами даже спят, в трапезах имеют лошадей и в них гадят. Ризницы все расхищены. Иной француз или поляк сидит на фуре в парчовой или другой ризе, правит лошадьми, или в какой-нибудь на черно-буром меху дамской епанче или салопе стоит на часах... все отнимают, лишь бы кто что завидел, ни даже грудному ребенку не оставит»¹⁰⁵⁷.

Следует согласиться с Дж. Хартли, которая полагает, что современники часто более жестко высказывались относительно действий поляков, служивших Наполеону, нежели самих французов¹⁰⁵⁸. Так, в мемуарах и дневниках нередко встречаются указания на совершаемое ими мародерство, особенно в связи с имущественным православной церкви, а также насилие в отношении женщин и раненых¹⁰⁵⁹. Приведем сообщение мемуариста Е. А.

1054 В историографии утверждается, что Наполеон рассчитывал собрать в западных губерниях Российской империи по крайней мере 100 тыс. человек (Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206). Об ожиданиях и реальных действиях Наполеона на территории Литвы см.: Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. С. 99–100; Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. С. 67–101; Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. P. 199; Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 206; Наврот Д. Литва в планах Александра I и Наполеона в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 123–127.

1055 Потрашков С. В. Нашествие Наполеона на Россию и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 243.

1056 Вместе с тем в последние годы появляется все больше исследований, посвященных гражданским потерям и мирному населению, оказавшемуся на пути наполеоновского вторжения. См.: Белов А. В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М.: РОССПЭН, 2018.

1057 1812 год в воспоминаниях современников / Отв. ред. А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995. С. 41.

1058 Hartley J. M. Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev. P. 180. О действиях поляков во время наполеоновского нашествия см. также: Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А. А. Лесли) // Смоленская старина. 1912. № 2. С. 392; Мурзакевич И. Жизнеописание Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска», составленное сыном его протоиереем Иоанном Мурзакевичем // Там же. С. 216.

1059 1812 год в воспоминаниях современников. С. 33, 48–49, 53, 83; Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 5; Артамонов В. А. Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С. 222–224.

Харузина, описавшего происходившее в захваченной Москве: «Нам сказывали тогда... что в дни дозволенного грабежа жителей произошел следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в один день, что французы собираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась кучка польских мародеров и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал, что только через труп мой войдете в храм, а живой ключи не отдам. Поляки русскую, отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчастье, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку»¹⁰⁶⁰. Не менее четко идентифицировали поляков офицеры и солдаты русской армии. К этому же выводу можно прийти, рассматривая листовки, издававшиеся в русской армии в 1812 г.¹⁰⁶¹, и источники личного происхождения. Так, будущий генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич в своих воспоминаниях об эпохе 1812 г., описывая действия М. И. Платова и Д. С. Дохтурова против польских легионов Наполеона, вспоминал, что при отступлении русской армии от Валутина «поляки нашли случай показать... свою ненависть. В виду нашем они убивали русских раненых пленных»¹⁰⁶².

Нужно отметить, что поляки и литовцы были и в русской армии. Польские войска на службе в России появились при Екатерине II после второго раздела Польши. Однако после того, как созданный Польский корпус во время восстания Т. Костюшко не просто дезертировал, а перешел на сторону восставших, Екатерина II, как точно определяет историк Г. С. Габаев, «не решилась повторить этот опыт» и расформировала польские войска¹⁰⁶³. Ее наследник на престоле Павел I, впрочем, литовские и польские войска восстановил, а при Александре I они были преобразованы в уланские полки, сражавшиеся в том числе и против Наполеона. Вместе с тем число поляков, принимавших участие в войне 1812 г. в армиях России и Франции, было диспропорциональным. Так, в созданном при Павле I Польском уланском полку в начале 1812 г. был 1181 человек¹⁰⁶⁴, в Литовском уланском полку, в котором также служили поляки и литовцы, в середине того же года насчитывалось 1131 человек¹⁰⁶⁵. Волынский уланский полк при численности чуть более 900 человек практически не принимал участия в Отечественной войне¹⁰⁶⁶. Представители польского дворянства (подданных российского императора, преимущественно из Малороссии и Белоруссии) в

1060 1812 год в воспоминаниях современников. С. 167–168.

1061 Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 75, 82–83, 97–98.

1062 Там же. С. 98. В современном Гжатске (Смоленская обл.) в 2013 г. был открыт памятник 2 тыс. русских военнопленных, убитых наполеоновскими войсками.

1063 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 11 об.

1064 Львов С. В. Польский уланский полк // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. С. 580.

1065 Львов С. В. Литовский уланский полк // Там же. С. 423.

1066 Львов С. В. Волынский уланский полк // Там же. С. 146.

армии Александра I в 1812 г. составляли среди генералов 1,5 % (3 человека) и 3,4 % (70 человек) в составе офицерского корпуса¹⁰⁶⁷.

С учетом этого контекста осуществление александровского разворота в сторону Польши, без сомнения, было задачей, сопряженной с серьезными сложностями. Как видно из переписки с А. Чарторыйским, император хорошо это понимал и выстраивал свои действия соответственно. Прежде всего, он постарался убедиться, что во время Заграничного похода русские войска пройдут через Польшу, не нанеся территории урона. Обращает на себя внимание, что в переписке М. И. Кутузова и М. А. Милорадовича начала зимы 1813 г. содержится сообщение, что жители Варшавы испуганы наступлением русских войск («Жители варшавские... боятся весьма несчастиев и насилий, которым подвергнутся в случае сопротивления»)¹⁰⁶⁸, а также информация о том, что Александр I медлил со взятием города. Фельдмаршал писал генералу: «Воля его императорского величества есть, чтоб до некоторого времени Варшавы не занимать»¹⁰⁶⁹. Исследователи отмечают, что движение русской армии по территории Герцогства Варшавского, особенно после капитуляции Варшавы, сопровождалось осторожностью, неприменением силы против местного населения и проявлением уважения к частной собственности¹⁰⁷⁰. Существенно, что русская военная администрация считала необходимым обращаться к жителям с многочисленными увещеваниями и призывами – чиновников, «которые обнаружили себя по каким-либо политическим видам противу России», просили «не опасаться обиды», а раненым обещали содержать «гошпитали... с должным человеколюбием»¹⁰⁷¹. При этом обращения такого рода публиковались на польском языке¹⁰⁷². В январе 1813 г. Кутузовым был издан приказ по армиям, находящимся в Польше, о запрещении задерживать подводы местных жителей и о порядке получения продовольствия. В документе содержалось требование при сборе провианта не чинить насилия, сохранять порядок и выдавать жителям «квитанции» в счет будущей оплаты¹⁰⁷³. «Дабы доставить жителям вящее удобство», появилось распоряжение об установлении таксы на продукты питания¹⁰⁷⁴. Как будет показано в следующей главе, эти расходы российское правительство впоследствии оплатило.

Во время Заграничных походов русские войска были размещены вне стен Варшавы¹⁰⁷⁵, свободный въезд в город имели только представители новой администрации и генералитета¹⁰⁷⁶. Принято думать, ссылаясь на переписку М. И. Кутузова с женой, что

1067 Целорунго Д. Г. Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. С. 64, 76.

1068 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 79.

1069 Там же. С. 163.

1070 Nieuwazny A. The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814 // *Russia and the Napoleonic Wars* / Ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 198.

1071 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 29, 167.

1072 Макарова Г. В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // *Славяноведение*. 2012. № 6. С. 56.

1073 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 156.

1074 Там же. С. 123. О том, как запрещение реквизиционного сбора «от земли» изменило ситуацию в русской армии, см.: РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 2.

1075 М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 5. С. 178–179.

1076 Там же. С. 178.

причины заключались в том, что в Варшаве «французы... много оставили болезней»¹⁰⁷⁷. Однако, возможно, командование руководствовалось также и соображениями иного порядка. Так, А. Неуважный полагает, что русская армия в Варшавском герцогстве находилась под серьезным контролем, а контакты с местным населением были ограничены, поскольку командование опасалось повторения Варшавской заутрени 1794 г., когда в городе был вырезан русский гарнизон¹⁰⁷⁸. Опираясь на подсчеты В. М. Глинки и А. В. Помарнацкого, историк также справедливо указывает, что в этом случае поляки могли ожидать проявления жестокости со стороны русских войск – из 332 генералов русской армии, портреты которых находятся в Военной галерее Зимнего дворца, 39, включая М. Б. Барклая-де-Толли, А. П. Ермолова, Д. П. Неверовского и Н. Н. Раевского, участвовали в боях против поляков в 1792 и 1794 гг.¹⁰⁷⁹ Едва ли, впрочем, суворовское покорение Польши стоит рассматривать как главный аргумент в разговоре о том, почему поляков идентифицировали как врагов – из 332 указанных генералов 332 прошли Отечественную войну 1812 г. Вероятно, расчет командования оказался верным, и никаких инцидентов в это время отмечено не было¹⁰⁸⁰.

Первым шагом на пути реализации александровской задачи по перекодировке образа поляка-врага стало продвижение идеи забвения во многих отношениях еще не завершившегося столкновения, а также поспешное и энергичное предъявление прощения противнику. Прощать жителей территорий, «присоединенных от Польши», как в это время называли аннексированные в конце XVIII в. Литву и Белоруссию, начали еще во время войны. Так, манифест от 12 (24) декабря 1812 г., адресованный полякам, обещал монаршее прощение всем, кто находился на службе неприятеля, а также тем, кто покинет ряды противника и вернется в свои дома в течение двух месяцев. Захваченным в период военных действий полякам было дано обещание, что «плен их разрешится окончанием настоящей войны»¹⁰⁸¹. Стоит отметить, что это произошло за полтора года до всеобщего амнистирования тех, кто служил Наполеону и французской администрации¹⁰⁸².

Как и обещал император, окончание войны стало новым этапом разворачивания стратегии прощения. 19 (31) марта 1814 г. русские войска во главе с Александром I вошли в Париж. В пасхальный день 10 (23) апреля на месте, где в 1793 г. был казнен Людовик XVI, была проведена пасхальная литургия¹⁰⁸³. Император Александр словно указывал: смута, начавшаяся революцией, завершена, зло повержено, а добро торжествует.

Польские войска сдались Александру I после первого отречения Наполеона¹⁰⁸⁴. В литературе это событие традиционно описывают достаточно невнятно: польские офицеры и

1077 Там же. С. 169.

1078 *Nieuwazny A.* The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814. P. 200.

1079 *Nieuwazny A.* The Enemy behind Our Backs? P. 199; *Глинка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981. С. 241.

1080 *Nieuwazny A.* The Enemy behind Our Backs? The Occupation of the Duchy of Warsaw 1813–1814. P. 200–201.

1081 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25289. С. 482.

1082 Всеобщее прощение было объявлено 30 августа (11 сентября) 1814 г. в манифесте «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» (Там же. № 25671. С. 909–910).

1083 С нами Бог: Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благоденного. С. 45.

1084 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29. За несколько дней до этого начальником всех польских войск Наполеона был назначен генерал Красинский (Там же. Л. 28 об.).

генералы из разбитых наполеоновских войск, узнав об отказе французского императора от власти, сформировали несколько делегаций и явились к Александру I. Одна из таких делегаций в составе командовавшего военной разведкой во время наполеоновской кампании в России генерала М. Сокольницкого¹⁰⁸⁵ и полковника Шимановского обратилась к российскому монарху с просьбой сохранить национальные цвета униформы поверженных польских войск¹⁰⁸⁶. Описание произошедшего рисует алогичность действий обеих сторон. Освобожденные от клятвы перед Бонапартом (это оговаривается отдельно), представители польских легионов по некой непроговариваемой причине являются к Александру I, инициируя обсуждение вопроса второго или даже третьего ряда. С другой стороны, в ответ на их обращение российский император произносит короткую, но поразительную речь: «Да, я надеюсь, что вы их станете носить с уверенностью сохранить навсегда. Правда, мне придется преодолеть много затруднений, но вы меня видите в Париже – этого достаточно. *Я предаю прошедшее полному забвению*, хотя я мог бы пожаловаться на многих лиц вашей нации, но я хочу *все позабыть* и видеть в вас лишь ваши доблести. Вы храбрецы, вы благородно выполнили свой долг»¹⁰⁸⁷. Далее, прерывая Сокольницкого, поспешившего выразить признательность, император провозглашает: «Господа, *я не прошу у вас благодарности ранее, чем заслужу на то право делами*, которые скоро осуществляются. Я поручаю вам выразить вашему войску те намерения, которые вы во мне нашли по отношению его!.. Она (Польша. – Прим. авт.) не неизлечима... Спросите ваших соотечественников, как вели себя мои войска в вашей стране, так как я издавна исполнен добрых намерений к вашей стране. Командовать вами будет брат мой»¹⁰⁸⁸.

Существующая литература либо избегает называть произошедшее как бы то ни было, отправляя события в зону умолчания, либо описывает этот эпизод обобщенно, используя терминологию эпохи, – польские войска «отдались под покровительство Александра»¹⁰⁸⁹. В действительности же перед нами эпизод сдачи польских войск, в рамках которого Александр I не просто отпускает поверженных врагов или позволяет им вернуться домой «с распущенными знаменами и орудиями в руках»¹⁰⁹⁰, но, актуализируя категорию «вина», предписывает себе (и автоматически – всем своим подданным) долг искупления. После Бородино прошло полтора года, после Лейпцига – чуть более шести месяцев. Это, впрочем, Александра не смущало.

Отметим, что идея забвения едва закончившейся войны не была увязана с какими бы то ни было требованиями смены эмоционального режима в Польше. Монарх не стремился услышать от поляков слова раскаяния или получить признание вины. Более того, после окончания военных действий само указание на то, что император простил поляков за участие в Отечественной войне 1812 г., с его стороны – или в официальном нарративе – практически не звучало. Пожалуй, какие-то отголоски произошедшего можно обнаружить лишь в первые годы существования Царства Польского. Так, в известной речи Александра I, произнесенной перед польским сеймом в 1818 г., идея прощения была выражена в рамках устоявшейся к тому моменту универсалистской идеологии: «Россия, после бедственной войны воздав по правилам христианской нравственности добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь – восстановить

1085 Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М.: РОССПЭН, 2005. С. 47.

1086 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29–29 об.

1087 Там же. Л. 29 об.

1088 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

1089 Там же. Л. 28 об.

1090 Там же.

храбрый и достойный народ». В рамках предлагаемой трактовки¹⁰⁹¹ Россия прощала Польшу без предъявления каких бы то ни было претензий (существование такой возможности в речи проговаривалось – у победы были «преимущества») и забывала обо всем произошедшем, повинаясь христианскому завету воздавать «добро за зло»¹⁰⁹².

Быстро разнесшаяся информация о декларациях и поведении Александра I заставила находившихся во Франции поляков устремиться в Париж. Уже 12 (24) апреля, то есть менее чем через месяц после взятия русскими войсками французской столицы, великий князь Константин Павлович представил императору старые-новые польские войска, или, если говорить точнее, вчерашних врагов – сегодняшних братьев¹⁰⁹³. Этот момент отобразил на картине «Смотр польским войскам, произведенный императором Александром I 12 (24) апреля 1814 г. на равнине Сен-Дени» польский художник Ян Хелминский¹⁰⁹⁴. Встреча Александра I с 500 всадниками старой наполеоновской гвардии и 4 тыс. офицеров и солдат полевых войск¹⁰⁹⁵, разговор с офицерами, похвала их храбрости, обещание вскоре встретиться в Варшаве, провозглашение тоста за здоровье храброй польской нации¹⁰⁹⁶ – все это не могло остаться незамеченным русскими войсками. Никто, однако, открыто не возмутился и не бросил Александру вызов.

Нельзя, впрочем, сказать, что краткосрочный саботаж тех или иных решений императора не имел места. Показательна история с освобождением польских военнопленных, находящихся на территории Российской империи. В. А. Бессонов и Б. П. Миловидов, исследовавшие вопрос положения польских пленных в России, подробно описывают относящийся еще к началу 1812 г. план фельдмаршала М. И. Кутузова определять пленных поляков для укомплектования императорских полков на Кавказе и в Сибири, указывая при этом, что, несмотря на принятое решение, подавляющее число польских военнопленных было оставлено на жительство во внутренних губерниях европейской части страны¹⁰⁹⁷. Для наших рассуждений важной здесь оказывается информация, что движение части польских военнопленных, которые все-таки были отправлены на Кавказ и в Сибирь (более 10 тыс. человек), не было остановлено, невзирая на упоминавшийся выше манифест о прощении от 12 (24) декабря 1812 г. Иными словами, «российские власти на протяжении

1091 Император был автором речи 1818 г. Первоначально задача разработать проект текста была поручена Иоанну Каподистрии, однако содержание написанного им не удовлетворило императора, и в итоге монарх прочел на сейме речь собственного сочинения (*Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 82–84; *Хартли Дж.* Александр I. М.: Феникс, 1998. С. 234; *Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–1809. М.: Международные отношения, 2002. С. 375–376).*

1092 Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. // *Русская старина*. 1873. № 5. С. 612–615. Речь монарха опубликована также в приложениях к мемуарам М. Огинского: *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 411–414. О реакции в Царстве на речь Александра I на сейме 1818 г. см.: *Филатова Н. М.* Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. С. 48–50.

1093 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об. – 30.

1094 Там же. Л. 30.

1095 Там же; Польские войска в русской армии // *Военная энциклопедия* / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. Пг., 1915. Т. 18. С. 572–574.

1096 *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 236.

1097 *Бессонов В. А., Миловидов Б. П.* Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции*. М., 2006. С. 290–292. Историки констатируют, что, «хотя тема военнопленных Великой армии... уже имеет довольно обширную историографию, вопрос о пленных поляках в России остается до сих пор малоизученным и, более того, в полном объеме даже не ставился» (Там же. С. 289).

всего времени пребывания пленных в России... не давали полякам возможности избежать сделанного им назначения»¹⁰⁹⁸. Ответ на вопрос, почему отношение к польским военнопленным было столь отличным от отношения к другим пленникам Великой армии и почему в 1812–1814 гг. можно зафиксировать «последовательное ущемление прав военнопленных поляков», В. А. Бессонов и Б. П. Миловидов видят главным образом в существовании практики «отношения к полякам не как к регулярным противникам, заслуживающим уважения, а как к мятежным подданным, достойным наказания»¹⁰⁹⁹. Очевидно, что вне рамок репродуцирования собственно александровских установок (историки указывают, что современникам следовало уважать поляков как достойных противников, а не относиться к ним как в врагам) авторы оценивают положение дел вполне точно. Из всего пестрого этнического состава Великой армии Наполеона поляки идентифицировались как давние и злейшие враги, и стремление Александра I освободить их встречало в России серьезное сопротивление.

Намерение императора сформировать из поляков регулярные военные подразделения, особенно на фоне разговоров о возможном возвращении Царству Польскому Литвы, вызывало у его российских подданных активное возмущение. Так, А. А. Закревский писал М. С. Воронцову относительно создания Литовского корпуса в 1817 г.: «Я так сим взбешен, что не нахожу слов подробнее Вам описывать»¹¹⁰⁰. Исследователи, изучавшие этот материал, обращают внимание на описание эмоционального состояния, которое предлагает в этом тексте Закревский. М. А. Давыдов справедливо отмечает: «Бешенство – вот слово, которое точнее всего характеризует реакцию подавляющего большинства русских дворян на польские планы Александра I. Ревность русских подданных царя к польским понятна, как понятна и их тревога по поводу вооружения и содержания казной вчерашних врагов»¹¹⁰¹. Но в цитате из переписки двух генералов, а к тому времени еще и представителей административной элиты империи стоит обратить внимание на признание Закревского, что он «не находит слов», то есть не может прямо высказать собственную позицию. Действительно, обсуждение подобных тем никогда не становилось публичным и не принимало характера прямых угроз императору.

Из Сибири и Кавказа в Польшу вернулось около 11,4 тыс. пленных поляков¹¹⁰². Кроме того, Александр I лично прикладывал усилия, чтобы освободить поляков, содержащихся в Пруссии, Швеции, Испании и Англии¹¹⁰³. Я. Домбровский получил приказ собрать польские части, разбросанные по Европе¹¹⁰⁴. «Эмигранты польские, – писал современник, – получив амнистию, возвращались толпами в свои поместья и дома»¹¹⁰⁵; все они сохранили свои ордена и оружие. С апреля 1814 г. полякам начали возвращать конфискованные во время войны

1098 Там же. С. 302.

1099 Там же. С. 301.

1100 Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 310.

1101 Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М.: РГГУ, 1994. С. 104.

1102 Васильев А. А., Неуважный А. Польские войска. С. 580; Миловидов Б. П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 325–359.

1103 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 19.

1104 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 30 об.

1105 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427.

имения, причем как тем, кто прибывал в Польшу из Франции, так и освобожденным из плена в Российской империи¹¹⁰⁶.

К ноябрю 1814 г. польские войска Александра I, которые собирались со всех концов Европы, насчитывали уже около 30 тыс. человек¹¹⁰⁷. Несколько лет спустя, в 1817 г., как знак будущего воссоединения литовских и польских земель был создан уже упоминавшийся Литовский корпус. Он состоял из 40 тыс. уроженцев Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерний, а также Белостокской области. Корпус обмундировывался по польскому образцу; при этом в униформе использовался двуглавый орел, на груди которого был размещен литовский герб Погоня (всадник с мечом). Чрезвычайно примечательна стратегия комплектования, присвоения наименований и маркирования статуса новых частей. Так, для формирования нового Литовского полка этого корпуса из состава существовавшего в России с 1811 г. лейб-гвардии Литовского полка был выделен батальон. Таким образом, «новый» Литовский полк принимал имя и привилегированное положение полка лейб-гвардии, а также получал право на историю «старого» Литовского полка, участвовавшего в кампаниях 1812–1814 гг. и дошедшего до Лейпцига и Парижа. «Старый» Литовский полк при этом был переименован в лейб-гвардии Московский полк¹¹⁰⁸.

Манифест императора Александра о создании Царства Польского, адресованный исключительно жителям новой автономии и, очевидно, в значительной мере прошедший мимо подданных монарха в Российской империи, был дан 13 (25) мая 1815 г.¹¹⁰⁹ Для польского общества ни создание Царства, ни состоявшееся позднее дарование конституции не стало новостью – Александр всегда спешил обрадовать своих новых подданных и сообщал большие новости заранее. Так, о своих планах в отношении создания Царства Польского монарх написал председателю польского Сената графу Островскому еще 18 (30) апреля 1815 г., находясь в Вене. При этом содержание письма было разрешено обнародовать¹¹¹⁰. В дальнейшем то, на каких основаниях будет устроено королевство, активно обсуждалось в прессе¹¹¹¹. Перед принесением присяги в июне 1815 г. в соборе Св. Яна также публично зачитывались дарованные Польше «основания коренного установления»¹¹¹².

Обращает на себя внимание, что Александр I отказался от идеи одновременного объявления о создании Царства и даровании конституции¹¹¹³. Откладывать долгожданную декларацию о восстановлении Польши император не желал, а написание текста Конституции требовало времени. Таким образом, создание автономии и декларация ее политической особенности оказались разделены восемью месяцами.

Провозглашение Царства Польского в начале лета 1815 г. было оформлено целой серией торжеств: в варшавском соборе Св. Яна, как уже упоминалось, состоялось чтение

1106 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25575. С. 778.

1107 Польские войска в русской армии. С. 573.

1108 Львов С. В. Литовский лейб-гвардии полк. С. 422.

1109 РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. О содержании манифестов, данных в Российской империи и в Царстве Польском в связи с созданием последнего, см. главу 7.

1110 РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 10.

1111 *Gazeta Warszawska*. 1815. № 51. S. 935–936; № 52. S. 959–960.

1112 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 4 об.

1113 Такая возможность рассматривалась. См. об этом: *Biblioteka Książąt Czartoryskich (Krakow)*. № 5231. К. 11.

императорского манифеста и принесение присяги, за этим последовали праздничный обед, устроенный для военных и гражданских чиновников, народные увеселения «до самого утра другого дня», а на следующий день – бал и театральная постановка¹¹¹⁴. В петербургских реляциях отмечалось, что во время торжеств, прошедших со «всевожможным великолепием», «благоговейная признательность ко благотворениям... Императорского Величества... живо изображена была на всех лицах»¹¹¹⁵.

В ноябре 1815 г. Александр приехал в Варшаву. В историографии этот значимый в символическом отношении визит традиционно именуют «первой поездкой Александра I в Варшаву»¹¹¹⁶. Такая трактовка – несомненный миф: монарх уже был в Варшаве двумя годами ранее, когда русская армия сражалась на этой территории с наполеоновскими войсками. Примечательно, что потомки, следуя по стопам современников событий, предпочли не фиксировать на этом внимание. Отношения Александра с поляками в 1815 г. словно начинались с чистого листа – с момента торжественного въезда в столицу Царства, существование которого только что закрепили документы Венского конгресса.

В Варшаве император появился в польском мундире и со звездой ордена Белого Орла¹¹¹⁷. Здесь он раздавал щедроты: современники запомнили повеление строить костел вместо православного собора, который предупредительно предлагали возвести жители Варшавы, возвращение поместий наследникам наполеоновского маршала Юзефа Понятовского, утонувшего в битве при Лейпциге, учреждение штата для Варшавского двора, назначение нескольких новых адъютантов, пожалование во фрейлины, а также многочисленные раздачи орденов¹¹¹⁸. А. П. Ермолов, находившийся в эти дни в Варшаве, писал, что стал «свидетелем восхищения облагодетельствованного... народа, принявшего от него (Александра I. – *Прим. авт.*) и политическое бытие, и конституцию»¹¹¹⁹.

В честь приезда императора в Варшаву была поставлена опера «Награда», либретто к которой написал Л. Дмушевский. В пьесе незатейливая история о поиске любви, завершавшаяся счастливым финалом, разворачивалась на фоне всенародного ожидания приезда в Польшу нового короля. Появление последнего означало возвращение с войны храбро сражавшихся за родину Польшу мужчин¹¹²⁰. При этом указание на храбрость не было привязано к рассказу о войне как таковой – враг, с которым сражались польские герои, не был никак описан или как-либо маркирован, а новый король не являл собой бывшего противника, обратившегося в друга. В одной из сцен, впрочем, звучали слова о том, что русский и поляк (Рус и Лех) – это «славянские братья»¹¹²¹, а новый король «соединяет короны Петра и Сигизмунда». Вполне отчетливо был выражен и мотив благодарности монарху¹¹²². Однако

1114 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 1 об. – 5 об.

1115 Там же. Л. 2.

1116 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 30.

1117 Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. СПб., 1841. С. 238; Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38. Впоследствии мундир генерала польских войск стал официальной униформой Александра I во время пребывания в Варшаве.

1118 Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 239–240.

1119 Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М.: Высшая школа, 1991. С. 268. О поездке императора Александра в Варшаву см.: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 350–357.

1120 Dmuszewski L. A. Dzieła dramatyczne. Wrocław, 1821. S. 79–118.

1121 Ibid. S. 107.

1122 Ibid. S. 111.

причины, которые заставляли жителей испытывать признательность, также не были проговорены. В рамках простой логической схемы зритель мог предположить, что награда полагалась Польше за участие в борьбе, итог которой не был прямо определен, но более походил на победу, нежели на поражение. Новый король при этом выступал как своего рода посредник между народом и полагающейся ему по праву наградой¹¹²³.

Между прочим, стоит отметить, что Александр I достаточно быстро, фактически в течение первых лет существования Царства, отказался от использования русского языка¹¹²⁴, переориентировав коммуникацию на этой территории на использование польского и французского. И это при том, что в 1816–1818 гг. поляки, ожидая изменений и проявляя лояльность к российскому монарху, подавали прошения на русском языке¹¹²⁵. Сохранились воспоминания о том, как Александр и Константин говорили по-польски¹¹²⁶. Интересный случай использования польского языка императором Александром зафиксирован в письмах А. С. Меншикова, который сообщал А. А. Закревскому в сентябре 1816 г., будучи в Варшаве, что после кавалерийского маневра император «благодарил 1-й конный егерский полк: „панове офицеры барзо добже зинкую“». Ответом на это выражение благодарности, по словам князя Меншикова, стало «безмолвие», поскольку поляки еще не выучились отвечать «рады стараться»¹¹²⁷. Случай был описан с известной долей иронии, поскольку благорасположение императора, заставившее монарха перейти на польский, привело лишь к замешательству и неловкости. Использование русского языка в Царстве, напротив, было сведено к минимуму (как правило, внутри военной среды) и не поощрялось¹¹²⁸. Не говорить по-польски или, по крайней мере, не понимать этот язык, находясь в Варшаве, было не принято. Примечательно, что Константин Павлович уже в 1818 г. позволял себе высмеивать младшего брата, великого князя Михаила, вынужденного находиться на сейме часами, не понимая ни слова¹¹²⁹.

Покидая Варшаву в ноябре 1815 г., император Александр I пожаловал Царству Конституционную хартию. Показательна форма, в которую была облечена монаршая воля: Александр I запечатал подписанную Конституцию в конверт, который было приказано вскрыть уже после его отъезда¹¹³⁰. Таким образом, отказавшись от церемонии «дарования», российский император подчеркнул, что конституционные нормы не были привнесены, они

1123 О других польских постановках этого времени и апелляциях к категориям «милость» и «прощение» (имея в виду прощение поляков за 1812 г. и милость, проявленную к побежденным) см.: *Филатова Н. М.* «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 144–149.

1124 Целый ряд ранних александровских текстов, адресованных его польским подданным, имел перевод на русский. См., например: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об., 114–115; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.

1125 Из архива Н. Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей, 1816–1818. (Прошения поляков). С. 161.

1126 В Царстве Польском активно использовались также немецкий и иврит (*Kurjer Warszawski*. 1826. № 91. S. 369; № 93. S. 377; AGAD. F. 190. № 92. K. 180–191).

1127 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 426–427.

1128 См. главу 1, а также: *Сидоров А. А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). С. 28.

1129 ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. № 1. Л. 29 об.

1130 *Носов Б. В.* Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 260. Эта ситуация вызвала разночтения относительно даты дарования конституции. В историографии называется как ноябрь (*Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 29; *Капитанова О. С.* К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38), так и декабрь 1815 г. (*Носов Б. В.* Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 260).

словно существовали в Польше вне всякого вмешательства Александра – последний лишь признал их объективное историческое существование¹¹³¹. Таким образом император оказывался не столько главным действующим лицом, сколько медиатором – тем, кто содействовал осуществлению должного и восстановлению справедливости.

Такую форму одаривания, прямо не акцентированную, осуществленную как бы исподволь и даже скрытую, можно обнаружить не только в этом конкретном случае. Примечательно, что решение Венского конгресса о создании автономного Царства Польского, которое Александр I продавил, преодолевая сопротивление союзников¹¹³², монарх не маркировал как собственное достижение. По крайней мере, он не делал этого в польских землях. Напротив, с подачи российского императора создание Царства (Королевства) Польского настойчиво позиционировалось как консолидированное решение европейских держав. Таким образом возрожденная Польша становилась творением Европы, а не Александра. Созданная императором трактовка оказалась устойчивой: как уже указывалось, в польской публичной памяти, а равным образом и в научной литературе (прежде всего польской и англо-американской), Польша этого периода именуется Конституционным королевством или Конгрессовкой (*Kongresówka*, *Congress Poland*). Речь в данном случае идет об указании на гарантии Венского конгресса. Александра, как и России, в этой картине просто нет.

Интересные выводы можно сделать и анализируя вопрос о датировке польской Конституционной хартии. В самом документе фигурирует дата его подписания императором Александром – 15 (27) ноября 1815 г.¹¹³³, вместе с тем обнародование Конституции было сделано почти месяц спустя, в сочельник – 12 (24) декабря 1815 г. Первоначально оглашение было назначено на 23 ноября (5 декабря), и церемония должна была состояться в присутствии Александра, который находился в этот момент в Варшаве. Однако затем она была перенесена на 25 ноября (7 декабря): причиной стала неготовность главного представительского помещения Варшавы – зала Сената Варшавского замка¹¹³⁴. Вслед за этим император получил просьбу от наместника Ю. Зайончека о вторичном переносе церемонии, на сей раз на 12 (24) декабря. Эту идею поддержал и Константин Павлович. Как сообщал монарху Н. Н. Новосильцев: «Его императорское высочество изволил объявить мне и другую весьма основательную [причину]. Она состоит в том, что к сему времени все возвращающиеся российские войска пройдут уже через В[аршаву] и потому по объявлении конституции на излишние тягости и требования места уже не будет»¹¹³⁵. Такие рассуждения

1131 При этом текст Конституции на французском и польском языках был напечатан в Собрании законов Королевства Польского, которое продолжило аналогичное издание, публиковавшееся в Варшавском герцогстве, что, по мнению Б. В. Носова, «было призвано... подчеркнуть преемственность Конституции Королевства Польского с законодательством и правовой системой шляхетской Речи Посполитой и Княжества Варшавского» (Носов Б. В. Государственный строй и политическое устройство Королевства Польского. С. 260–261). На русском языке документ не был издан до начала XX в. (Любезников О. А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 292).

1132 Развернувшаяся на Венском конгрессе дискуссия относительно Польши хорошо представлена в литературе. См., например: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 269–320; Тимошук В. Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции // Русская старина. 1914. Т. 157. № 1. С. 135–145; Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса. (1814–1878). М., 1947. Т. 1. С. 46–98. Известно, что Австрия и Пруссия выступали за присоединение Герцогства Варшавского к России и активно сопротивлялись созданию конституционного Царства Польского. Неудивительно, что подписанный в Вене трактат, касающийся Польши, определял эту территорию объектно, а не субъектно (см.: ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25824. С. 65).

1133 Эта дата чаще всего фигурирует в литературе применительно к дарованию конституции. См., например: МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 150.

1134 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 48.

1135 Там же. Л. 48 об.

Александр I считал резонными, что неудивительно, ведь во время своего пребывания в Варшаве император, по воспоминаниям Огинского, высказывался в схожем духе. Обращаясь к польским чиновникам, он, в частности, считал возможным указать: «Мне известно, что ваша родина сильно пострадала. Чтобы принести ей быстрое облегчение, я приказал в этой связи вывести из Царства Польского русские войска»¹¹³⁶.

Таким образом, присоединенная к империи территория получила конституцию, когда русских войск, да и самого императора, в Царстве не было. Объявление же хартии, то есть указание на беспрецедентное укрепление прав Польши, накануне Рождества придавало всему происходящему библейское измерение. Существенно, что в России велением того же Александра Рождество было днем победы в Отечественной войне 1812 г.¹¹³⁷ Его празднование с годами стало ключевой коммеморацией, связанной с войной, к этому дню готовились, его ждали. Без сомнения, празднование этого дня было особенно пышным. Камер-фурьерский журнал 1828 г. так описывал предписания, полученные чинами двора на рождественское утро: «Его Императорское Величество высочайше соизволил сего декабря 25 числа, в день праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления России от нашествия неприятеля в 1812 г., съезжаться всем знатным обоим пола особам; а также Гвардии и Армии Штаб и Обер-Офицерам в Зимний Его Императорского Величества дворец по утру в 11 часу для слушания Божественной Литургии и благодарственного молебна, дамам в русском платье, а кавалерам в парадных мундирах»¹¹³⁸. Однако имперский праздник не имел никакого отношения к тому, что происходило в Царстве Польском, – такова была воля императора Александра. При этом последний, конечно, не мог не понимать, что он совмещает в одной точке празднование победы над врагом и награждение бывшего врага.

Стратегия Александра I не предполагала, что жители Царства Польского не обнаружат того, кто является их главным благодетелем. Напротив, в этой игре им надлежало обнаружить условно скрытое и преисполниться благодарности к своему новому монарху. Совершая символические акции такого рода, Александр приводил в действие систему, ядром которой была особая причинно-следственная связь: из неназванного, но всем – в интерпретации монарха – очевидного дара прощения на свет должна была появиться подлинная и глубокая благодарность.

Понять механику такого процесса можно, проанализировав манифест о всеобщей амнистии служивших Наполеону, опубликованный в Российской империи 30 августа 1814 г. В этом документе император описывал, как должно действовать в отношении заблудших, которых текст характеризовал как людей, «от страха и угроз неприятельских... от соблазна и обольщений... от развратных нравов и худости сердца» приставших к «неправой, Богу и людям ненавистной стороне». Пособников врага «правосудие должно было наказывать», однако, как сообщал манифест, им даровалась свобода, возвращалось имущество, следственные дела по совершенным им преступлениям завершались. Вина служивших Наполеону предавалась забвению, а милосердие оказывалось выше правосудия. Дарованное прощение, по словам монарха, имело целью привести заблудших «в полезное для них раскаяние», которое, в свою очередь, должно было пробудить в них стремление изгладить «из памяти людской те свои поступки, которые лишали их драгоценнейшего для человека

1136 Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Т. 2. С. 373.

1137 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25669. С. 905. С учетом этого обстоятельства сложно согласиться с выводом Е. А. Вишленковой, что с течением времени александровская версия священной войны полностью «стерлась из коллективной памяти» современников (Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 209).

1138 РГИА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 372. Л. 64.

преимущества, уважения благомыслящих людей»¹¹³⁹. Прощая ближнего своего за проступки и преступления, человек осуществлял акт милосердия. Прагматичной жизненной логике и позициям экономического порядка в этой системе, без сомнения, не было места – прощавший оставался лишь с надеждой на то, что принесенная им жертва будет оценена. Преступившего же закон – божественный и/или человеческий – ждало презрение ближнего, маркированное в рамках этой логики как наивысшее наказание.

Эта связка «прощение» – «благодарность» артикулируется в связи с Польшей во множестве русских текстов того периода – от манифестов до коротких комментариев современников. Напомним, что еще в Париже, поразив приниженную польскую депутацию Сокольниковым заявлением о предании прошедшего «полному забвению», Александр I одновременно заговорил о благодарности, которую он сам намеревался заслужить¹¹⁴⁰. Оценивая польскую политику императора, его оппоненты в этом вопросе также говорили о благодарности, в этом случае трактуемой как иллюзия. Так, И. Каподистрия выражал свои сомнения Александру в достаточно прямой форме: «Эта знать (польская. – *Прим. авт.*), по своему своекорыстию, буйству и вековой вражде к России никогда не оценит Ваших пожертвований»¹¹⁴¹. С ним был солидарен Н. М. Карамзин, рассуждавший в связи с действиями монарха о том, что «в делах государственных чувства и благодарность безмолвны»¹¹⁴². По воспоминаниям современников, непосредственный участник событий того времени в Варшаве Н. Н. Новосильцев любил повторять: «Александр Павлович ошибается, если думает, что поляки будут ему благодарны. Им нужно не то...»¹¹⁴³ Новосильцеву же принадлежит и еще одна выразительная сентенция, высказанная в связи с Польшей: «Признавать чьи либо благодеяния было бы унижать себя, и потому понятно озлобление обязанных против тех, кому они обязаны»¹¹⁴⁴. Иными словами, современники предупреждали Александра, что его стратегия приведет к тому, что собственное поражение поляки перекодируют в моральную победу¹¹⁴⁵.

Предложенная Александром система, очевидно, срабатывала первые годы существования Царства Польского: как было показано выше, появление императора в Варшаве неизменно вызывало восторг, его окружали многочисленные речи, в которых звучал мотив благодарности за восстановление Польши. Однако на сейме 1820 г., когда депутаты развернули критику в присутствии самого монарха¹¹⁴⁶, Александр I, как кажется, начал догадываться, что его «дар» действительно был воспринят как нечто само собой разумеющееся.

1139 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25671. С. 909–910.

1140 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

1141 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 4. С. 422.

1142 РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6.

1143 Ципринус . Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722.

1144 Там же. С. 1724.

1145 О воззрениях противников восстановления Польши из числа членов кабинета Александра I и общественной реакции на политику императора в Царстве (в том числе среди представителей декабристского движения) см. подробнее: Орлов М. Ф. Восстановление Польши в 1815 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 661–662; Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М.: Полимед, 2001. С. 60–87; Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 103–108.

1146 Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. С. 46, 63–64; Bujarski G. T. Polish Liberalism, 1815–1823: The Question of Cosmopolitanism And National Identity. P. 17–18.

Содержание монаршей речи на закрытии сейма 1820 г. показывает, что император оценил итоги работы очередного представительства как нечто беспрецедентное и возмутительное¹¹⁴⁷. В своем обращении император перешел к упрекам, граничившим с угрозами: «Вопросите совесть вашу, и вы познаете, оказали ли вы Польше, в продолжение ваших прений, все те услуги, коих она от мудрости вашей ожидала, или напротив мечтами нынешнего времени увлеченные, жертвуя надеждою, которую свершила бы предусмотрительная доверенность, вы замедлили совершенное восстановление Отечества вашего?» Император также коснулся ставшей уже табуированной в публичной сфере идеи вины поляков перед Россией за 1812 г., произнеся «за зло воздано вам добром и Польша возведена снова на степень государств»¹¹⁴⁸. Более прямолинейно эту мысль выразил еще до закрытия сейма Н. Н. Новосильцев, заявивший сенаторам: «Имейте в виду, господа, что вам как даровали Конституцию, так могут и отобрать ее»¹¹⁴⁹.

Вместе с тем в речи императора среди проявлений неудовольствия уже содержалось обещание простить («Неприятные впечатления могут однако ж потерять свою силу»). Александр I заявил, что не желает «сию минуту разбирать причины» отказа от предложенных проектов, и указал на возможность примирения, если депутаты принесут «с собой в дома свои мир и согласие, распространяя в оных сей дух тишины и безопасности», будут следовать «предначертанным правилам» и укрепляться «умеренностью»¹¹⁵⁰.

Глава 7

Деньги, слова и символы

7.1. Польский проект Александра I: Финансовый аспект

Польский проект императора, конечно, не мог быть реализован путем деклараций. Он требовал ресурсов, и прежде всего денег.

Финансовые вопросы обсуждались в середине 1810-х гг. чрезвычайно активно – многие задумывались о поиске денег для восстановления России и поддержки тех, кто утратил во время войны здоровье и состояние. Одним из озвученных предложений в этом отношении была идея возмещения потерь за счет проведения системных конфискаций в Польше. Так, известен случай (проходящий, впрочем, в литературе по категории «анекдот»), когда в 1815 г. в Париже во время одного из разговоров Александра I с А. А. Аракчеевым последний предложил учредить новый орден. Награждать им, по мнению графа, следовало тех, кто отличился и был изувечен в недавних походах. При этом к ордену нужно было приложить пенсион. На вопрос монарха относительно источника средств Аракчеев отвечал: «Я об этом думал, полагаю обратить на сей предмет в кару имения тех поляков, которые служили Наполеону в 1812 году и не взирая на дарованные им прощения не возвратились в Россию». В ответ на это император ответил, что конфискации «приводить в действие жестоко» и что «пенсии сии будут заквашены слезами»¹¹⁵¹. А. А. Аракчеев был в своих рассуждениях

¹¹⁴⁷ В историографии традиционно подчеркивается, что Александр I изменил свое отношение к Польше после 1820 г. См., например: *Thackeray F. W. N. N. Novosil' tsov, The Polish Years*. P. 35; *Хартли Дж.* Александр I. С. 210–211.

¹¹⁴⁸ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 35 об.

¹¹⁴⁹ *Хартли Дж.* Александр I. С. 211.

¹¹⁵⁰ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 34–36 об.

¹¹⁵¹ Выписки из журнала М. Данилевского // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева (факсимильное издание): В 3 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1971. С. 107–108.

совсем не одинок. Среди бумаг великого князя Константина Павловича сохранился документ, датированный 1817 г. В нем неизвестный автор в качестве мер контроля над Польшей предлагал массовые реквизиции. По его мнению, правительству надлежало иметь «на руках своих серебро и золото польских губерний; амантами сыновей знатных помещиков», а также «отобрать у духовенства имения»¹¹⁵². Следует отметить, что император никогда не рассматривал подобные предложения.

Денежное обеспечение польской политики Александра I – аспект, который затрагивался в исследовательской литературе нечасто. Особость положения Царства Польского в период правления Александра I принято соотносить главным образом с категориями «армия» и «язык». Подчеркивается, что автономное положение польских земель – это прежде всего существование польской армии (с униформой, ориентированной на использование национальных цветов) и гарантированное право вести делопроизводство на польском языке¹¹⁵³. В историографии, за исключением редких специализированных работ¹¹⁵⁴, практически не упоминается финансовая автономия Царства Польского и право на выпуск собственной валюты (злотых). Вместе с тем анализ содержания этой привилегии представляет собой самостоятельный и интересный сюжет. Совершенно неисследованным следует признать и вопрос об объемах и формах финансовых вложений Российской империи в Царство Польское, особенно в первые годы его существования или – при взгляде из России – в момент, когда тяжелейшая для империи война была едва закончена.

Часть исследовательской литературы, рассматривая историю польской финансовой автономии 1815–1830 гг., оценивает ситуацию как период сложный, но при этом чрезвычайно успешный. В рамках таких рассуждений главной причиной стабилизации экономического положения (при очень опосредованном упоминании преференций, предоставлявшихся Российской империей) принято называть деятельность министра финансов князя Ф.-К. Друцкого-Любецкого¹¹⁵⁵, то есть разумную политику конкретного человека. Вероятно, эти трактовки возникли еще в момент разворачивания событий. Один из мемуаристов так описывал деятельность министра финансов Царства: «Любецкий был сила; он прославился тем, что создал и в короткое время поставил в блестящее положение финансы Царства, развил торговую и фабричную промышленность до невиданной никем степени, упрочил благосостояние жителей введением поземельного кредитного общества и расширил до невероятных размеров полезные для всей страны операции Польского Банка...»¹¹⁵⁶

Вместе с тем в работах, предлагающих интерпретацию ситуации с учетом широкого экономического контекста, содержится вполне убедительное указание на то, что высказывавшееся представителями российской власти (включая самого Николая I¹¹⁵⁷) соображение о зависимости роста экономического благосостояния польских территорий от

1152 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1198. Л. 3 об.

1153 Крайне редко в российской историографии фиксируются и такие факты, как существование вполне оформленной границы между Российской империей и Царством Польским (ее пересечение требовало наличие паспорта), а также появление в период до восстания 1830–1831 гг. диппредставителей Царства Польского за границей (РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 262 об., 289; Д. 218. Л. 13).

1154 О решениях Российской империи относительно денежной системы Царства Польского см. подробнее: *Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. М.: Новое издательство, 2006. С. 321–323.

1155 *Пржецлавский О. А.* Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий // *Русская старина*. 1878. Т. XXI. С. 625–648; Т. XXII. С. 67–92; *Smolka S.* *Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym*. Krakow, 1907; *Жуковский В. В.* Князь Ксаверий Любецкий. Пг., 1916; *Askenazy S.* *Z działalności ministra Lubeckiego*. (Dwa stulecia XVIII i XIX). Warszawa, 1901. S. 363–426; *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 41–42.

1156 *Ципринус.* Николай Николаевич Новосильцев. С. 1723.

преференций, предоставлявшихся Петербургом, отнюдь не являлось элементом пропагандистской риторики. Как следует из работ Е. А. Правиловой и Л. А. Обушниковой, в 1815–1830 гг. Царство Польское не участвовало в государственных расходах Российской империи¹¹⁵⁸, но вместе с тем, однако, получило исключительную экономическую поддержку и многочисленные льготы (как явные, так и скрытые), в числе которых можно назвать разрешение на ввоз в Россию через Брест-Литовскую таможенную территорию товаров, импорт которых ранее был запрещен (1817 г.)¹¹⁵⁹, и интенсивное развитие экономических связей с черноморскими портами, прежде всего с Одессой¹¹⁶⁰.

В указанные годы в Царстве Польском активно росло и промышленное производство. Так, в 1825 г. в одной только Варшаве насчитывалось 5808 фабрик и ремесленных мастерских¹¹⁶¹. В результате расширения польских льгот в 1819 г. на рынки империи хлынули сырье и товары из польских земель (продукты, скот, одежда, металлы и металлические изделия и пр.)¹¹⁶². По подсчетам Л. А. Обушниковой, «импорт из России и экспорт в Россию за 11 лет увеличился и в абсолютных величинах, и относительно до 40–49 % общих среднегодовых оборотов в отдельные годы»¹¹⁶³. По мнению исследовательницы, торговля с Россией способствовала «не только увеличению внешнеторгового оборота Королевства Польского, но и тому, что к 1830 г. он достиг равновесия, был сбалансирован. Если в 1817 г. общий товарооборот составлял 68 029 тыс. злотых, то к 1829 г. он увеличился до 96 666 тыс. злотых»¹¹⁶⁴.

Неудивительно, что столица Царства стала в короткое время одним из самых быстрорастущих городов империи. В 1810 г., то есть еще во времена Варшавского герцогства,

1157 В период восстания 1830–1831 гг. император Николай I так описывал экономическую сторону взаимодействия России и Польши: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная непрерывными войнами, напряжением, вызывавшимся целым рядом революций, частым переходом из одних рук в другие, в пятнадцатилетний промежуток времени достигла замечательного благосостояния; ее финансовые средства оказались не только достаточными для удовлетворения потребностей страны, но послужили еще для образования наличного фонда казначейства, пригодившегося в течение почти года для покрытия всех нужд настоящей борьбы. Наконец, армия, созданная по образцу армии империи, снабженная всем и богато наделенная запасами в арсеналах, без всякого обременения страны, достигшая редкого совершенства, оказалась в состоянии послужить кадрами для 100 000 человек... Огромные жертвы были принесены для осуществления завоевания ее (Польши. – *Прим. авт.*); другие столь же значительные жертвы были принесены в последующие 15 лет частью для содержания и снаряжения армии, частью для вооружения крепостей и обременительного содержания ядра войск, служивших ей инструкторами. Империя в ущерб своей собственной промышленности была наводнена польскими произведениями...» (*Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 346*).

1158 *Правилова Е. А. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 124.* Е. А. Правилова в своей монографии также приводит статистику А. Н. Куломзина второй половины XIX в., согласно которой сумма участия Царства Польского в государственных расходах империи не превышала 4 % от бюджета Царства (*Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 176*).

1159 *Обушеникова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 223.*

1160 Там же. С. 224.

1161 Там же. С. 119.

1162 Там же. С. 222–272.

1163 Там же. С. 242.

1164 Там же.

здесь проживало около 78 тыс. человек. Через 20 лет численность населения практически удвоилась, составив 145 тыс. человек¹¹⁶⁵.

Льготы, предоставлявшиеся полякам, вызывали серьезное недовольство производителей и купцов в России¹¹⁶⁶. Примечательна и реакция высших чиновников, владевших информацией относительно экономических возможностей Царства Польского. Так, министр финансов Александра I Е. Ф. Канкрин, выступавший за протекционистские меры, с цифрами в руках доказывал членам Госсовета, что Россия систематически теряет средства из-за ввоза дешевого польского сукна¹¹⁶⁷. Действия такого рода, однако, ни к чему не приводили: принципы экономического взаимодействия с Польшей оставались неизменными.

Среди прочего отметим, что история экономических взаимоотношений Российской империи и Царства Польского должна быть дополнена скорректированным взглядом на действия великого князя Константина Павловича. В литературе принято указывать, что цесаревич систематически черпал деньги из польской казны на удовлетворение своих потребностей¹¹⁶⁸. Однако такая интерпретация неверна. Средства, которые Константин брал из польской казны, не тратились на его личное, безусловно, значительное содержание – эти расходы покрывались российским Министерством Императорского двора. Обеспечением проживания цесаревича в Варшаве и содержанием его штата в Царстве Польском занималось одно из его отделений – Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича¹¹⁶⁹. Средства, которые Константин Павлович брал из казны Царства, никогда не уходили из Польши и шли главным образом на обеспечение польской армии, которая, как всем было известно, содержалась исключительно хорошо. Примечательна переписка П. Д. Киселева и А. А. Закревского начала 1820-х гг. Киселев описывал своему респонденту увиденное в Варшаве следующим образом: «Войско по выучке в отличном состоянии... Прочие учреждения вырастают и к блистательному состоянию подвигаются большими шагами. Я видел госпиталь, депо комиссариата, арсенал, штаб и везде нашел порядок и наружное устройство в отличном виде; наконец должен тебе представить небольшое исчисление, из коего усмотришь способы в сравнительном с нами виде. В польской армии считается до 33 000 человек. Бюджет их простирается до 32 млн польских злотых или 19 млн рублей. Русская армия имеет на содержании ее 180 млн, поэтому должна бы состоять из 315 тыс. человек, то есть из трети наличного числа»¹¹⁷⁰. Так, рассуждая о деньгах витиевато, в духе времени, Киселев сообщал Закревскому, что русская армия содержится втрое дешевле против польской.

Кроме того, документы Придворной канцелярии Константина Павловича при Министерстве Императорского двора демонстрируют, что великий князь многократно вкладывал собственные средства в поддержку разного рода польских проектов. Например, он регулярно выделял средства на содержание малолетних, помещенных в Калишский

1165 Gawryszewski A. *Ludność Warszawy w XX wieku*. Warszawa: Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN, 2009. S. 55–56.

1166 Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. С. 246.

1167 Там же. С. 248.

1168 Там же. С. 54; *Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 46. О требованиях Константина в отношении финансирования польской армии см.: *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 44.

1169 Эти материалы отложились в фондах РГИА (Ф. 539 (Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича Министерства императорского двора)).

1170 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 108.

кадетский корпус, при этом с годами выплаты, производившиеся в пользу таких кадетов, только увеличивались¹¹⁷¹.

Экономический рост новых западных регионов империи вкупе с информацией о финансовой автономии Царства создает впечатление, что Польша содержалась на собственные средства, пусть и заработанные щедротами императора Александра I. Однако более детализированный разбор финансовых взаимоотношений Российской империи и Царства Польского в период, предшествовавший восстанию 1830–1831 гг., позволяет увидеть историю с другой стороны. Прежде всего следует отметить две важные позиции: с одной стороны, практику исключительно щепетильного отношения к оплате русских долгов в Польше, а с другой стороны, серьезные сложности с взысканием польских долгов перед Российской империей.

Вопросом финансовой поддержки разбросанных по всей Европе солдат и офицеров польских наполеоновских полков и – шире – бывшего Герцогства Варшавского император Александр I озаботился задолго до объявления о создании Царства Польского. Еще во время нахождения в Париже монарху была подана просьба от представителей польских полков Бонапарта. Наряду с прошением о сохранении воинских званий и формы одежды и о дозволении уволиться со службы всем пожелавшим в документе содержался и ряд финансовых просьб. К последним относилось оказание помощи тем, кто испытывал нужду в обмундировании, обеспечение фуражом лошадей «на равных условиях с русской кавалерией» и, наконец, гарантия выплаты жалованья полякам, служившим Наполеону. Последняя позиция была оформлена как прошение о посредничестве перед правительством Франции. Все эти требования были удовлетворены¹¹⁷².

В апреле 1814 г. Александр вступил в переписку с российским министром финансов по вопросу обеспечения деньгами польских территорий. Он рисовал ситуацию как катастрофическую: бедственное состояние «края, приведенного со времени восстановления Герцогства различными пожертвованиями и непомерными налогами в самое бедственное состояние», которое усугубилось «сборами разных реквизиций в пользу войск наших (российских. – *Прим. авт.*) с содержанием оных в прошедшем году»¹¹⁷³. В рассуждениях такого рода император продемонстрировал согласие с польской версией событий: несчастный край подвергся разорению из-за военного противостояния, маркированного как исключительно русско-французское.

Судя по материалам, которые сохранились в архиве Министерства финансов Российской империи, Россия оплатила расходы Польши, связанные с прохождением российских войск через территорию Герцогства Варшавского в 1813–1815 гг. Генеральный табель российских долгов за 1813–1815 гг. содержит такие позиции, как «за продовольствие всех вообще войск российских», «за продовольствие армии, возвращавшейся из Франции под командою генерала фельдмаршала Барклая де Толли», «за продовольствие лошадей российской армии»¹¹⁷⁴. Речь также шла о расходах «на заготовление магазинов, на перемол ржи и на перемолку круп, на перечистку овса, на хлебные запасы»¹¹⁷⁵. Иными словами, суммы, затраченные на содержание русской армии на территории врага, были предметно исчислены и оплачены. Между прочим, столь же внимательно российские власти

1171 На ежегодное содержание одного кадета в 1825 г. приходилось по 800, а в 1826 г. – уже по 1065 злотых (РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об., 45).

1172 Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 340–341.

1173 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 14–14 об.

1174 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 217. Л. 39.

1175 Там же. Л. 35–37.

впоследствии следили за возмещением расходов, связанных с содержанием российских чиновников в Царстве Польском¹¹⁷⁶.

Совершенно иной характер носило обсуждение оплаты польских долгов России. Категория «польский долг», совершенно табуированная в рамках общественного восприятия, была вполне актуальной в рамках деятельности Министерства финансов Российской империи. Александровская политика предполагала постоянные денежные перечисления Польше. Система начала работать еще в первой половине 1814 г., всего через несколько недель после подписания мирного договора. В июле император писал министру финансов Д. А. Гурьеву: «Дмитрий Александрович! На удовлетворение жалованьем возвращающихся из Франции польских войск повелеваю выслать немедленно к Варшавскому Генерал-губернатору такую сумму, которая равнялась бы четыремстам тысячам злотых польских. Сумма сия впоследствии... возвращена вам будет из общих доходов Герцогства»¹¹⁷⁷. Такие сообщения император аккуратно посылал Гурьеву относительно каждой последующей «трети» жалованья для польских солдат и офицеров¹¹⁷⁸. Великий князь Константин Павлович, вставший во главе польского войска, проявлял не меньше энергии в деле поиска средств. При этом он полагал возможным требовать деньги из казны действующей российской армии. Так, в феврале 1815 г. он сообщал одному из своих адресатов: «...мне известно, что при нашей армии есть значительные суммы налицо». Эти средства цесаревич просил срочно отправить на выплату жалованья польскому войску «до высылки от министра финансов, как сие уже было сделано в прошедшей сентябрьской трети»¹¹⁷⁹.

В целом, по подсчетам Министерства финансов, на содержание польских войск в 1814–1817 гг. из российской казны была выделена колоссальная сумма, равняющаяся 64 967 760 польских злотых¹¹⁸⁰. Эта цифра, конечно, не включала в себя целый ряд других расходов, которые были произведены для улучшения экономической ситуации в Царстве Польском, например возврат податей или раздачу земледельцам «5 тыс. лошадей российского военного ведомства»¹¹⁸¹. В 1815 г. рассматривался также вопрос субсидирования ряда категорий населения Царства Польского. В качестве вспомоществования бедным жителям города Варшавы император намеревался раздать 100 тыс. злотых¹¹⁸². В переписке Константина Павловича с Н. Н. Новосильцевым также время от времени фигурируют указания на внеочередные выплаты, направленные в Польшу. Так, в июле 1816 г. великий князь сообщил из Стрельны в Варшаву, что император Александр обещал выделить Царству 50 тыс. руб. Цель выплат в документе не обозначена, однако Константин Павлович сообщил адресату: «Верьте, что я не задремлю и буду часто напоминать как наискорее, чтобы сие было исполнено»¹¹⁸³.

Показательная история произошла с выделением из российской казны отдельной суммы на содержание «гошпиталей» в Герцогстве Варшавском. В 1814 г. император Александр I

1176 Там же. Л. 102–109 об.

1177 Там же. Д. 216. Л. 8.

1178 Там же. Л. 8–13.

1179 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1142. Л. 8 об.

1180 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6, 21–22.

1181 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 426.

1182 Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / Сост. Бендер; под ред. Вивьен-де-Шатобрена. СПб.: Тип. «Бережливость», 1905. Т. 1. С. 63.

1183 Письмо цесаревича Константина Павловича // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 681–682.

потребовал от Министерства финансов империи выдать 4 млн руб. на содержание находившихся в польских госпиталях «больных»¹¹⁸⁴. В рескрипте императора эта мера объяснялась плачевным состоянием мест, где могли бы лечиться находящиеся в Польше 30 тыс. нуждающихся в помощи¹¹⁸⁵. Речь шла о солдатах и офицерах наполеоновской армии, и едва ли использование нейтральных коннотаций («больные») могло хоть как-то скрыть тот факт, что император принимал деятельное участие в реабилитации вчерашних врагов. Общество в России, без сомнения, помнило, как относились к русским раненым оккупационные войска в 1812 г. У всех на слуху была история о том, как почти сразу после сдачи Москвы в сентябре 1812 г. наполеоновские солдаты целенаправленно обстреляли «горючими веществами» «Вдовый Кудринский дом», в котором заживо сгорело 700 раненых русской армии¹¹⁸⁶. Впрочем, уже во второй половине 1810-х гг. русское общество, по точному определению одного из александровских высших чиновников, могло констатировать, что «к удивлению нам, кажется, уже не привыкать»¹¹⁸⁷. Примечательно, что в данном случае Министерство финансов фактически саботировало распоряжение императора: несмотря на его настоятельные требования, в Польшу было выслано менее половины требуемой суммы. И все же польские госпитали получили на содержание русские деньги – 1,5 млн руб. ассигнациями¹¹⁸⁸.

Для сравнения укажем, что сумма, аналогичная той, которую император Александр намеревался выплатить на лечение бывших врагов (около 4 млн руб.), была выделена в 1813 г. на восстановление целого города Смоленска, который был совершенно разрушен во время нашествия. По существующим подсчетам, после войны в городе целыми остались лишь 350 из 2250 домов, а численность населения упала с 13 до 10 тыс. человек¹¹⁸⁹. Смоленские губернаторы были вынуждены жить не в Смоленске, а в Калуге или Витебске, а город оставался в руинах до самого конца царствования Александра I.

После окончания Отечественной войны смоленские власти получали без преувеличения тысячи просьб о помощи от жителей. Судя по сохранившимся спискам, в 1812–1816 гг. губернатор К. И. Аш зафиксировал 2866 подобных прошений. Обращения поступали от самых разных людей – от отставных офицеров и купцов до вдов и сирот¹¹⁹⁰. Власти находились в постоянном поиске денег, а просители часто просто не доживали до получения хоть какого-то вспомоществования – в делопроизводственных материалах часты пометы о перераспределении сумм «за смертью тех, кому были предназначены»¹¹⁹¹. Существенно, что наибольшая помощь оказывалась, скорее всего, сразу после окончания Отечественной войны. Так, в документах за 1813 г. применительно к Смоленску фигурирует сумма 1 949 810 руб.¹¹⁹², которую, вероятно, надлежало раздать просителям. В последующие годы выплаты на ту или

1184 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6–6 об., 14–14 об.

1185 Там же. Л. 14–14 об.

1186 Белов А. В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. С. 165.

1187 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 2.

1188 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 6–6 об.

1189 Смоленская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г. / Подгот. Н. Редков // Смоленская старина. 1912. № 2. С. 31.

1190 РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 106. Л. 45–75.

1191 Там же. Л. 76 об. – 77 об.

1192 Там же. Л. 77.

иную группу жителей, пострадавших от войны, исчислялись, как правило, сотнями или тысячами, в редких случаях – десятками тысяч рублей¹¹⁹³. В целом по окончании Заграничных походов выплаты становились все меньше и получать их становилось все труднее.

Существенным стоит признать и вопрос о скорости одобрения выплат Царству Польскому. Фактически речь шла о режиме наибольшего благоприятствования. И это при том, что ситуация в землях, граничащих с присоединенными от Польши и продемонстрировавшими лояльность династии и верность империи, была совершенно иной. В том же Смоленске обращенная в 1830 г. к императору просьба гражданского губернатора Н. И. Хмельницкого выдать безвозмездно «беднейшему классу обывателей» 20 тыс. руб. для приведения в более или менее нормальное состояние ветхих жилищ привела к многомесячному разбирательству с участием министра финансов. При этом предложенная губернатором мотивация, базирующаяся на том, что губерния за предшествующий год заплатила значительные суммы податей и недоимок, стала основанием для пересчета всех сумм, уплаченных Смоленской губернией в казну. Е. Ф. Канкрин в итоге подтвердил, что смоленский губернатор был прав в своих расчетах¹¹⁹⁴, но из состава дела неизвестно, получили ли беднейшие жители города какие бы то ни было средства. Не приходится сомневаться, однако, что губернатору таким образом был преподан серьезный урок, который должен был остановить его от инициирования подобного рода просьб в будущем. Такого рода «одергивания» не в меру энергичных чиновников были действенной, но не единственной мерой в арсенале имперских властей. Так, витебскому губернатору во второй половине 1810-х гг. и вовсе было выдано предписание «о неприсылке более просьб, подаваемых о вспоможении»¹¹⁹⁵.

Следует обратить внимание и на содержащееся в источниках этого периода указание, что из заемных российских денег, отправленных в Польшу, вся «сумма... впоследствии времени возвращена... будет из общих доходов Герцогства». Российское казначейство не получило эту сумму не только в период министерства Д. А. Гурьева (1810–1823 гг.), но и, вероятнее всего, в период еще более долгого министерства Е. Ф. Канкрин (1823–1844 гг.). Обещая вернуть деньги в российскую казну, император Александр I совершенно не задумывался о сроках возврата. Несущественным казался ему и вопрос об источниках, из которых деньги могли быть возвращены империи, притом что в своих рескриптах монарх неизменно констатировал, что собирать налоги с разоренных польских земель не имеет смысла¹¹⁹⁶.

Ситуация не прояснилась даже с учреждением в 1817 г. Комитета для взаимных между Россией и Царством Польским расчетов (Ликвидационного комитета), в обязанности членов которого входила оценка взаимных долгов Российской империи и Царства Польского¹¹⁹⁷. В период александровского царствования никакого реального разбора не производилось. Предлогом к многолетней паузе в обсуждении вопроса было указание на необходимость первоначально завершить расчеты между Россией, Пруссией и Австрией¹¹⁹⁸.

1193 Там же. Л. 76–79.

1194 РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5458. Л. 1–48 об.

1195 РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 106. Л. 149 об.

1196 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 21–24 об.

1197 Там же. Д. 217. Л. 4 об.

1198 Там же. Л. 4 об. – 5, 1, 34–35. По венским трактатам, Австрия и Пруссия участвовали в покрытии долгов Герцогства Варшавского (Там же. Д. 217. Л. 2 об.).

Надо сказать, что такое положение дел не устраивало российское Министерство финансов, которое несколько раз заявляло о необходимости разобраться с польским долгом¹¹⁹⁹. Этот вопрос чрезвычайно тревожил Е. Ф. Канкрин. За месяц до смерти Александра I в министерстве был составлен проект записки на высочайшее имя с детальным описанием сложившейся ситуации и указанием на то, что деньги, направляемые Царству Польскому в долг с 1813 г., то есть в течение 12 лет, не были возвращены¹²⁰⁰. Документ был подан Канкриным уже следующему императору – Николаю I. Стоит отметить, что сделано это было буквально при первой возможности. Докладная записка, переписанная рукой самого Канкрин, легла на стол императору 12 марта 1826 г., то есть за день до похорон императора Александра I. Вероятно, Канкрин посчитал, что, поскольку многомесячная подготовка к грандиозному действу похорон окончена, пора заняться решением самого главного финансового вопроса, стоящего перед империей, – вернуть в российскую казну деньги, данные в долг на оплату жалованья и перемещения в Польшу бывших врагов¹²⁰¹. При всей настойчивости Канкрин император Николай посчитал необходимым взять большую паузу: он размышлял о коронации в Варшаве и затрагивать историю польского долга в этот момент явно не хотел.

Прошло еще два года, прежде чем Ликвидационный комитет начал полноценную работу. В 1828 г. в Варшаву прибыл статский советник Дмитриев, в задачи которого входило представлять Россию в комитете. В практическом отношении ему предстояло, разобрав колоссальное количество счетов (включая те, подлинность которых вызывала вопросы), определить итоговую сумму долга¹²⁰². Интересно, что стремление выстроить образ паритетности в работе комитета отразилось на принципе формирования жалованья статского советника: часть его работы, как предполагалось, должно было оплатить Царство Польское¹²⁰³.

Итогом работы Комитета стало установление конкретных цифр долга с обеих сторон. Поскольку польский долг многократно превышал сумму российских обязательств, то было принято решение о взаимозачете; разница в цифрах и стала итоговой суммой долга Царства Польского. На апрель 1830 г. она составила 67,7 млн злотых¹²⁰⁴. Во время обсуждения, проходившего уже в Петербурге, император согласился простить Польше 3,8 млн и зафиксировать сумму польского долга на цифре 63,9 млн злотых¹²⁰⁵; при этом были также снижены начислявшиеся за долг проценты (с 6 % до 5 %).

1199 Там же. Д. 216. Л. 24–24 об.

1200 Там же. Л. 29 об. – 30.

1201 Там же. Л. 31а–31б.

1202 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 216. Л. 35–36; Д. 217. Л. 6. В документах Дмитриева часто называли «российским ликвидационным комиссаром».

1203 После начала восстания в 1830 г. Дмитриев оказался в ловушке – его объявили пленным и «выдали на пропитание 75 рублей». Спустя некоторое время «российский ликвидационный комиссар» смог выбраться из Варшавы и с трудом через Пруссию добрался до охваченного эпидемией Петербурга, где был вынужден писать ходатайства о выплате жалованья Друцкому-Любецкому, к тому моменту также находившемуся в России (Там же. Д. 217. Л. 301–305).

1204 *Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 57. Установленный в 1815 г. курс злотого к рублю составлял: 1 польский злотый = 15 коп. серебром (Там же. С. 321–322).

1205 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 4. Е. Правилова называет цифру польского долга почти на 1 млн меньше – 63 млн злотых (*Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 56–57).

Вопрос о том, с какого момента российское Министерство финансов начало взимать проценты с польского долга и куда именно шли эти выплаты, требует дополнительного изучения. С учетом имеющихся данных можно предположить, что до российского казначейства они так и не добрались. Из материалов николаевского царствования следует, что по крайней мере до восстания 1830–1831 гг. эти средства «не были... вносимы в казну Российскую, но были употреблены как на издержки на освещение, на квартиры и прочее для российских войск и чиновников в Польше находящихся», а также «на постройку укреплений Бреста-Литовского и Терапольского моста»¹²⁰⁶.

Интересно, что император Николай I, простив полякам сумму 3,8 млн злотых, не смог найти в себе сил заявить об этом прямо. Он довольно неуклюже указал польскому Административному совету, что «проценты на суммы заплаченные Россиию в 1815, 1816 и 1817 годах исчислены только по 5 %, хотя различные заграничные займы, законные проценты в России, равно как и проценты, платимые казне Российскими подданными, исчисляются по 6 % в год»¹²⁰⁷. Император, по сути, не нашел правильных слов для разговора о потраченных на Польшу деньгах. Сократив полякам многолетний долг почти на 6 %, он упомянул лишь снижение ежегодного процента по этому займу. Указание на несоответствия в требованиях, предъявляемых русским и полякам, намеки на выгоды, предоставляемые последним, очевидно, могли вызвать у тех, кому были адресованы, в лучшем случае ироничные комментарии с отсылкой к исторической вине России перед Польшей.

Разбиравшая подробно историю с польским долгом Е. А. Правилова останавливается на моменте согласования суммы долга в 1830 г. и не комментирует, был ли он в конечном итоге уплачен¹²⁰⁸. Вместе с тем вопрос этот – ключевой. Информацию о том, как развивались события, можно обнаружить в материалах Особой канцелярии по кредитной части при Министерстве финансов, где в одной из реляций императору прямо сообщается, что «дело сие (о польском долге. – *Прим. авт.*)... не получило окончания, ибо Высочайшее повеление и предложение вышеизъявленных результатов Административному совету Царства Польского не было приведено в исполнение до начатия в Варшаве мятежа»¹²⁰⁹. Средства, которыми было оплачено в том числе жалованье польских наполеоновских солдат и их лечение на родине после войны с Россией, было решено «числить действительным капитальным долгом Царства Польского Российской казне»¹²¹⁰. При этом ситуация 1831 г. выглядела схожим образом по отношению к 1813–1814 гг.: Польша была разорена недавним столкновением с Россией, ей требовались средства и льготы¹²¹¹. Российская империя потратила на борьбу с Польским мятежом огромную сумму, но это не повлияло на выплату Царству очередной ссуды и оплаты издержек «по военным действиям в Царстве Польском»¹²¹². Теперь уже недавний покоритель Польши фельдмаршал И. Ф. Паскевич

1206 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 5 об.

1207 Там же. Л. 5.

1208 *Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. С. 63–64.

1209 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 6.

1210 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 18 об.

1211 О положении польской казны после восстания 1830–1831 гг. и о выплаченных Российской империей средствах на покрытие убытков см.: Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 595–599.

1212 По подсчетам И. С. Блюха, на войну с Польшей в 1830–1831 гг. Российской империи потребовалось 140 млн руб. (*Блюх И. С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 190). В 1833 г. Царству была предоставлена ссуда в 5 млн руб. и выплачены деньги на «издержки по усмирению Польского восстания» в 6,7 млн руб. (Там же. С. 195).

просил российское Министерство финансов снизить проценты по польскому долгу, что и было в итоге сделано. Вчерашние восставшие все еще были условно должны российской казне огромную сумму (и это не считая расходов на армию, задействованную в подавлении восстания), однако проценты по этому долгу с 1 января 1831 г. стали начисляться в размере 4 %¹²¹³. Столь же, казалось бы, алогично поступало правительство и с генералами польской службы: высылая «во внутрь империи», их не только не ущемляли в отношении получаемого от службы дохода, но и по требованию Николая I платили содержание «по тем чинам, какие они имели до возмущения»¹²¹⁴. С этого же времени в делопроизводственных документах Министерства финансов начинает на регулярной основе появляться выражение «на счет доходов Царства Польского». Именно так, например, оформлялись расходы на возмещение убытков полякам, оказавшимся после восстания в России (например, тому же Любецкому и приехавшим с ним чиновникам), или оплата проезда до Царства Польского тем, кого возвращали из-под надзора в России¹²¹⁵. Иными словами, российская казна платила и платила, записывая расходы в долг¹²¹⁶. Очевидно, современники, замечавшие, что на содержание Польши тратились значительные ресурсы, в большинстве своем не подозревали о масштабах явления¹²¹⁷. При этом найденная формулировка – «на счет доходов Царства Польского» – позволяла последнему сохранить образ стороны, которая платит за себя, а историкам, принявшим фигуру речи за реальность, выстроить неверную интерпретационную систему.

Стоит иметь в виду, что обращение к риторике экономического воздействия было для Александра I и Романовых нетипичным. Согласно аристократическим воззрениям эпохи, о деньгах, прибыли или материальных «выгодах» надлежало говорить купцам, а аристократам, тем более представителям правящей династии, следовало апеллировать к категориям иного, высокого порядка. Примечательно, что Константин Павлович, критически отзываясь о действиях англичан, неизменно повторял, что «барыш» для них важнее веры и они всегда примут сторону, которая принесет материальные выгоды¹²¹⁸.

В отличие от Александра I его подданные в Царстве Польском готовы были говорить о деньгах и выгодах, полученных благодаря новой политической реальности. Так, министр внутренних дел и полиции Тадеуш Мостовский, выступая на сейме в 1818 г., заявил о прагматической пользе состояния Царства – сразу после войны в польских землях были запрещены реквизиции, отменено взыскание недоимок и личных податей, разрешен ввоз товаров, а военное ведомство раздало земледельцам тысячи лошадей. Все это, по подсчетам министра, принесло Царству доход в сумме около 6 млн флоринов в год¹²¹⁹. В 1818 г. подобный взгляд на ситуацию был Александру неблизок – император предпочитал говорить языком возвышенным, рассуждая о прощении, забвении и восстановлении нации. Польским

1213 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 18 об.

1214 Там же. Л. 38.

1215 Там же. Л. 43, 75.

1216 Польский долг на 1 января 1833 г. составлял уже 69 млн злотых (Там же. Л. 19).

1217 А. Михайловский-Данилевский, описывая 1815 г., показательно указывает, что для новой польской армии «оружие, одежда, даже деньги для продовольствия сих войск, по совершенному истощению Польши, отпускались тогда (курсив мой. – Прим. авт.) из России», маркируя состояние дел как временное (Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 238).

1218 Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 287, 307.

1219 Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса. С. 426.

подданным монарха быстро стало понятно, что император совершенно не требует выстраивать риторику, подобную той, которую представил на сейме Т. Мостовский¹²²⁰.

Сам Александр I попробовал высказаться относительно экономической составляющей отношений России и Польши лишь однажды, за несколько месяцев до своей смерти. Открыв в Варшаве сейм 1825 г., он произнес лаконичную речь, в которой традиционный призыв к полякам не нарушать спокойствие был увязан не с концепцией братства народов, а с указанием на прямые выгоды, которое принесло Польше присоединение к империи. Император рассуждал о быстрых успехах промышленности, о развитии торговли с Пруссией, об открытии для польских товаров российского рынка. Он прямо коснулся вопроса денег – указывал на сокращение национального долга, увеличение государственных доходов и сокращение дефицита¹²²¹. Очевидно, к этому моменту, особенно после оппозиционного сейма 1820 г., монарх понимал исчерпанность прежних деклараций и решился прибегнуть даже к «низкому» аргументу.

В целом, анализируя социальную и экономическую картину, можно обнаружить явное сходство тенденций: Россия не стала взыскивать с Польши моральные долги, она также не смогла взыскать и долги финансовые. Это не удивительно, ведь, по сути, Александр I конституировал польскую травму и возложил ответственность за все произошедшее на своих российских подданных¹²²². Компенсаторный механизм, который он запустил, строился на предпочтениях, перенаправленных в сторону западных территорий империи.

7.2. «Смирение... Загладит вину»: Александровская версия памяти о 1812 г. и политическая прагматика

Действия Александра I, направленные на повышение в статусе новых подданных, утверждение их в политической субъектности и прямое обеспечение их благосостояния, не вызывали позитивной оценки в России. Можно сказать, что к настоящему моменту существует уже целый пласт историографии, посвященный росту антипольских настроений в империи после дарования Царству Польскому конституции в 1815 г.¹²²³ Среди противников

1220 Рост количества обращений к категориям экономического порядка можно обнаружить в текстах на смерть Александра, то есть в период, когда поляки искали формы коммуникации с взошедшим на престол Николаем I (*Ostrzykowski B. Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I, cesarza Wszech Rosyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. S. 12; Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowej po wiekopomnej pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosyi Alexandre I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. S. 14*).

1221 Эта смена риторической конструкции нашла свое отражение и в российской прессе. Так, автор материала, опубликованного в «Вестнике Европы», счел необходимым отметить в связи с рассказом о сейме: «Скоро погашен будет весь национальный долг Польши; прежняя несообразность между приходом и расходом отвращена совершенно... промышленность, в особенности же сукноделие, процветает; торговля с Россиею возвысилась от многих дарованных ей выгод; Империя же столь благоприятствует сему, принятому в близкое родство Царству, что дала ему в займы 42 миллиона злотых» (Вестник Европы. 1826. № 4. С. 297).

1222 О концепции травмы см.: *Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 20–23.*

1223 *Любавский М. К. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 88–104; Беккер И. И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 65–74; Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. С. 103–108; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. В ряде работ последнее десятилетие царствования Александра I интерпретируется как период острого разногласия между властью и обществом по вопросу Польши, что в итоге привело к формированию оппозиции и круга тайных обществ. Об этом см.: *Филатова Н. М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX в. Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 469–472; Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–91.**

польской политики Александра традиционно называют многих дипломатов и военных: К. О. Поццо ди Борго, И. Каподистрию, К. В. Нессельроде, В. С. Ланского, А. П. Ермолова и др.¹²²⁴ Несколько позже реакции схожего порядка продемонстрировали Н. М. Карамзин и декабристы. Отметим, что в последнее время появились работы, указывающие на то, что незыблемый советский постулат о связи декабристов с польскими заговорщиками вызывает серьезные сомнения¹²²⁵. Примечательно и точное замечание М. М. Сафонова, отметившего, что следствие по делу декабристов еще на уровне вопросника старательно обходило стороной тему Польши¹²²⁶. Это позволило избежать необходимости иметь дело с нежелательными высказываниями на этот счет тех, кто был замешан в выступлении 14 декабря 1825 г.

В большинстве случаев, однако, рассуждения исследователей касаются неприятия или непонимания в России польских конституционных проектов монарха, а реконструкция событий ограничивается указанием на недовольство или даже зависть со стороны просвещенного русского общества, оскорбленного указанием Александра на неготовность России к конституции¹²²⁷. Так, Д. Ливен замечает, что «само восстание декабристов в 1825 г. во многом было вызвано тем, что патриотические чувства русских офицеров оказались задетыми, когда они увидели, что поляки получили свободы, которых не имела русская элита»¹²²⁸. Однако споры относительно конституции – ее введения в Польше и невведения в России – представляют собой все же далеко не единственный, не самый ранний и даже не обязательно самый содержательный этап общественной дискуссии относительно александровской политики в Царстве Польском. В значительно большей степени речь шла об оценке новой политической реальности, в которой враг оказывался награжден.

Достаточно прямо это смог выразить Н. И. Греч, который в своих «Записках» так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Русские были огорчены дарованием исконным врагам нашим прав, которых мы сами не имели. Награждены были люди, лезшие на стены Смоленска и грабившие Москву, а защитники России, верные сыны ее, оставлены были без внимания, им заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова»¹²²⁹. Эмоциональнее всего

1224 Об этом см.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 316. Л. 2–4; *Эдлинг Р. С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 4. С. 422; *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 551; *Сокол К.* Русская Варшава; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 158–159; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. С. 584; *Таньшина Н. П.* Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. 2018. С. 16–18; *O'Meara P.* The Russian nobility in the age of Alexander I. P. 158.

1225 Этот вопрос был дискуссионным еще в дореволюционной историографии. См., например: *Котляревский Н.* Рылеев. СПб., 1908. С. 146–147. Из современных работ см.: *Сафонов М. М.* Декабризм и Речь Посполитая. С. 74–85. Классическая советская версия взаимоотношений декабристов и членов польских тайных обществ представлена в следующих работах: *Медведская Л. А.* Южное общество декабристов и польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. С. 276–319; Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 / Отв. ред. И. А. Хренова. М.: Наука, 1976. С. 37–71; *Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши. 30-е – 60-е гг. XIX века. М.: Изд-во соц. – экономич. литературы, 1962.

1226 *Сафонов М. М.* Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 111.

1227 См., например: *Филатова Н. М.* Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 475.

1228 *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. С. 651.

1229 *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. С. 215.

неприятие новых установок выразил Н. М. Карамзин в упоминавшемся выше письме Александру 1819 г. («Мнение русского гражданина»)¹²³⁰.

Однако единичные высказывания – эмоциональные, как в случае с Н. М. Карамзиным, или четко аргументированные, как в случае с Нессельроде, который еще в 1813 г. подал императору записку, в которой доказывал невозможность умиротворения Польши путем признания ее субъектности¹²³¹, – в этот момент еще не складывались в систему. Речь не шла далее пусть и резких, но кулуарных разговоров или недовольства в частной переписке¹²³². В публичном пространстве можно констатировать пассивное принятие политики, которую разворачивал император. Показательно описание, оставленное И. Ф. Паскевичем, который вспоминал свое пребывание в Польше в 1818 г.: «В Варшаве русских как будто вовсе не было; мы все чересчур стушевывались... везде первенствовали поляки: они, будто, одни представляли собою тип всех способностей, у которых русские должны, будто бы, всему учиться... Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские *молчаливо*, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству»¹²³³. Эта цитата достаточно четко передает положение дел: военная и административная элита Александра вполне выработала позицию в отношении польской политики монарха, но ее вербальное консолидированное выражение представляло существенную проблему. Это ставит вопрос о том, как именно в сознании русской элиты того времени срабатывал механизм, требовавший для начала просто промолчать, а затем и принять произошедшее.

Чтобы увидеть самое начало подобных движений, стоит рассмотреть два документа, схожих на первый взгляд в своих базовых установках, – манифест «О изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества» (3 ноября 1812 г.)¹²³⁴ и манифест «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжение войны подвиги» (1 января 1816 г.)¹²³⁵. Как видно из датировки, второй документ появился уже после вхождения Царства Польского в состав Российской империи.

Первый манифест, в названии которого значится слово «благодарность», был опубликован, когда российские войска еще вели военные действия на территории империи – впереди были сражения под Красным и переправа через Березину. Картина, которую рисовал император в своем обращении к подданным, была простой и понятной: «Могущественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и

1230 РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6. В литературе существует мнение, что, хотя сам Н. М. Карамзин не верил в то, что повлиял на последующие действия Александра I, для общественного восприятия ситуации значение этого текста было существенным. Письмо было известно – в частности, сам император показал его директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту, который солидаризировался с позицией историографа, – и обсуждаемо. См.: Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 70; Black J. L. Nicholas Karamzin's «Opinion» on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

1231 Таньшина Н. П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе. С. 16.

1232 Примечателен пересказ И. Ф. Паскевичем разговора с М. А. Милорадовичем и А. И. Остерманом-Толстым, во время которого генералы обсуждали, насколько активно Александр I привлекал в армию польских генералов армии Наполеона. На вопрос Паскевича: «Что из этого будет?» – А. И. Остерман предположил, что через 10 лет Паскевич «со своей дивизией» будет «их (поляков. – Прим. авт.) штурмом брать» (Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 330).

1233 Там же.

1234 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25257. С. 450–451.

1235 Там же. Т. 33. № 26059. С. 424–429.

зависть», а вторгшаяся на территорию страны наполеоновская армия была вражеской силой, стремившейся «поколебать Веру, и нравы народные заразить буйством и злостью». Этот враг, как заявлял манифест, был повержен, он бежал, «оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды...»¹²³⁶. Такая великая смена обстоятельств произошла, согласно документу, по воле божьей, но осуществлялась в реальности славными действиями армии и усилиями всего русского народа.

В этом манифесте, отдавая «должную справедливость храброму и благочестивому народу Русскому», император формулировал благодарность прямо, пространно и не без использования особенных аллюзий: «Храбрые войска Наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое Дворянство не пощадило ничего к умножению Государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны... Столь великий дух и неколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков! При таковых доблестях его, Мы вместе с Православною Церковью и Святейшим Синодом и Духовенством, призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что если неукротимый враг Наш и поругатель Святыни не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество»¹²³⁷.

Интересно вместе с тем, что уже в этом манифесте Александр I предпринял попытку несколько нивелировать урон, нанесенный польскими легионами Наполеона. Если всего за четыре месяца до этого, объявляя о вторжении Великой армии в пределы империи, монарх оперировал вполне антипольской риторикой, обращаясь к памяти о Смутном времени и восклицая: «Да встретит он (враг. – *Прим. авт.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»¹²³⁸, то, благодаря за спасение Отечества, он явно предпочел не акцентировать внимание на поляках. Описывая вражеское «воинство», император указал на них лишь как на одну из многих этнических групп армии интервентов. При перечислении поляки появлялись в последнюю очередь: «...приготовя сильное воинство и приумножа оное Австрийскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Итальянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками... со всеми своими многочисленными силами и множеством орудий двинулся он (Наполеон. – *Прим. авт.*) внутрь земли Нашей»¹²³⁹. Едва ли такое перечисление было случайным, если вспомнить комментарий самого Александра в письме А. Чарторыйскому относительно действий польских войск в России¹²⁴⁰.

Три с небольшим года спустя оценка ситуации, которую предлагал обществу Александр I, была уже совершенно иной, да и само общество удостаивалось теперь не «благодарности», как это было в 1812 г., а всего лишь «признательности».

В манифесте «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжение войны подвиги» от 1 января 1816 г.¹²⁴¹ монарх предлагал радикально скорректированное

1236 Там же. Т. 32. № 25257. С. 450.

1237 Там же. С. 451.

1238 С нами Бог: Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I. С. 31.

1239 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25257. С. 450.

1240 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 281.

1241 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 26059. С. 424–429.

прочтение произошедшего. Указав, что «события на лице земли в начале века сего в немногие годы совершившиеся... не могут никогда из бытописаний рода человеческого изгладиться», император предложил иную интерпретацию произошедшего триумфа: «Самая великость дел сих показывает, что *не мы то сделали*»¹²⁴². Далее в тексте победа над Наполеоном прочитывалась исключительно как космологическое столкновение Добра и Зла, в котором «Премудрый разогнал тьму», свершил «мечь Божию», избавил от поругания Россию, а также Европу, которая была выведена в манифесте на первый план. В заключении пространного текста император восклицал: «Бог для совершения сего нашими руками дал *слабости нашей* Свою силу, простоте нашей Свою мудрость, слепоте нашей Свое всевидящее око»¹²⁴³. Монарх призывал своих подданных воздать благодарность Всевышнему («Да прочтет дела и суд Божий; да воспалится к нему любовью и вместе с Царем своим во глубине сердца и души своей воскликнет: „Не нам, не нам, Господи, но Имени Твоему“»¹²⁴⁴), благодаря которому «солнце мира и тишины возшло»¹²⁴⁵.

Подобная риторика превращала манифест о «признательности... за подвиги» едва ли не в проповедь идеи смирения, осознания греховной природы человека и его извечной вины перед Создателем. Император взывал к своим подданным с призывом оставить гордыню, обрести смирение и помнить о своей вине: «Что изберем: гордость, или смирение? Гордость наша будет несправедлива, неблагодарна, преступна пред тем, Кто изливал на нас толикия щедроты; она сравнит нас с теми, которых мы низложили. *Смирение наше исправит наши нравы, загладит вину нашу пред Богом, принесет нам честь, славу, и покажет Свету, что мы никому не страшны, но и никого не боимся*»¹²⁴⁶. К заключительной части манифеста идея принесения народу «признательности» была совершенно утрачена. Текст оказался развернут не в сторону признания народных заслуг, а, напротив, в сторону снижения самого значения последних. Более того, финал документа прямо предписывал победителям чувство вины, пусть даже интерпретированное в широком христианском контексте. Приводя реальность в соответствие со своей картиной мира, Александр I оказывался здесь за шаг до того, чтобы начать проповедовать, подобно Христу в Нагорной проповеди, «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Эти установки – следовать божественной премудрости и культивировать любовь к ближнему, способную превратить врага в друга, а чужого в своего, которые предписывались с этого момента подданным империи, традиционно связывают с александровским обращением к религии и поворотом к мистицизму¹²⁴⁷. Вместе с тем указание на приверженность монарха возвышенным христианским идеалам, столь сильно расхопившимся с человеческим опытом, в действительности мало что объясняет в политической прагматике эпохи. Ведь в своем высоком порыве император Александр I должен был признать, что критерии христианской любви универсальны, а значит, в равной степени распространены на его подданных, проживавших как к востоку, так и к западу от границы только что созданного Царства Польского. Вместе с тем император не требовал от поляков раскаяния за совершенные в

1242 Там же. С. 428.

1243 Там же.

1244 Там же. С. 424.

1245 Там же. С. 427.

1246 Там же. С. 428.

1247 В литературе Александра традиционно называют «загаочно-мистическим» императором (см., например: Хазиев Р. А. Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 129–143 (особенно с. 129, 131, 133)).

России преступления, не призывал каяться и жертвовать чем бы то ни было. Напротив, жителям Царства Польского император оставил возможность гордиться всем совершённым: превратившееся в один из значимых концептов новой политической риторики утверждение о храбрости польских войск, о котором речь пойдет далее, без сомнения, следует интерпретировать именно так. В александровской трактовке требование любви к ближнему до самоотречения, признания своей греховности и неизбежной вины предписывалось лишь одной из сторон. Другой же, напротив, позволялось холить и лелеять свою гордыню, не помышляя о смирении и тем более покаянии. В свою очередь, если христианская добродетель самоотречения была настоятельно рекомендована лишь определенной группе подданных, то говорить об универсализме установок Александра I не приходится, а вся система представляет собой лишь инструмент воздействия или практику манипуляции, призванную лоббировать продвижение определенной политической доктрины.

Поразительным образом декларации Александра были восприняты русским обществом. Проявление императорского милосердия к бывшим врагам, вызывавшее недовольство, все же определялось как неотъемлемое свойство монаршей власти: помазанник Божий был волен карать, а равным образом и миловать своих подданных. Без сомнения, разворачиванию нового концепта содействовала и промоутиция образа императора как человека великодушного и подвижного глубоким пониманием христианских ценностей. Так, «Северная почта» в 1816 г. представляла императора как победителя, который, движимый гуманистическими идеалами, подает руку помощи побежденным: «Посмотрите, до какой степени блаженства и силы достигнет в короткое время Польша через Конституцию, дарованную ей благотворною десницею Императора Александра. Он, украшение и слава нашего века, дал новое бытие Польскому Царству, которое раздираемо было целое столетие междоусобиями и неустройствами»¹²⁴⁸. С другой стороны, как уже отмечалось в литературе, в России этос службы соотносился с императивом жертвенности, осмысленной в православном контексте как условие спасения¹²⁴⁹. Очевидно, сыграли свою роль и представления, привитые русской элите в последние десятилетия XVIII столетия, – любовь к ближнему была добродетелью и влекла за собой подлинные изменения, а истребление зла в мире определялось как жизненная цель. Совершенно очевидно, однако, что в России далеко не все, кто готов был пожертвовать памятью о перенесенных страданиях ради общего блага, смогли разгадать суть александровской манипуляции, заключавшейся в том, что предписанное подданным монарха в России не имело зеркального отражения в Польше.

Логическим результатом утверждения подобных установок, которые по сути своей воспроизводили польскую версию событий, стало многократно растиражированное в литературе представление, что действия императора Александра I в Польше были вызваны сугубо объективными обстоятельствами, а именно цивилизационным превосходством Польши перед Россией¹²⁵⁰. Ведь коль скоро Польша была в культурном и политическом отношении страной более развитой, император просто не мог не признать автономное положение этой территории. Он равным образом был не в силах отрицать храбрость и рыцарственность польской армии, блеск и утонченность польского двора, красоту и очарование польских женщин¹²⁵¹.

1248 Северная почта. 1816. № 94. С. 3.

1249 Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. P. 50.

1250 См., например, рассуждения С. Фалькович об объективно существовавшем у русского общества «комплексе вины за разделы Польши, сочувствии к страданиям польского народа, что проявилось уже в конце XVIII в.» (Фалькович С. М. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 48).

Вместе с тем отдельные указания на то, что император выстраивает осмысление Отечественной войны с учетом скрытых мотивов, можно найти в текстах современников. Упоминавшееся карамзинское «Мнение русского гражданина» в значительной мере именно об этом. Историограф обращался к императору: «Государь!.. Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя как Христианин, благотворя врагам. Государь! Вера Христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее, неизглаженное небесное чувство; оно выше земли и мира; оно выше всех законов – физических, гражданских, государственных – но их не отменяет... Христос велит любить и врагов: любовь есть чувство; и Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства»¹²⁵². Жуковский во время поездки в Пруссию также задумался над концептом «священная война», который так активно продвигал император. Поэт отметил в своем дневнике: «Нам стыдно перед пруссаками: сколько уже у них памятников народной славе; они и Кутузова и Барклай не забыли, а мы строим храм, который вечно не достроится, хотим благодарить Бога, которому не нужна благодарность, и не думаем отдать чести тем, которые положили за отечество жизнь свою»¹²⁵³.

Возвращаясь к рассуждениям императора 1816 г., стоит обратить внимание и на отсылку к категории «вина». В своем обращении к российским подданным монарх декларировал необходимость устранить «следы прежних бедствий»¹²⁵⁴, однако этот призыв к примирению не вполне равно трактовал обязанности сторон. России опосредованно, но при этом недвусмысленно предписывалось чувство вины – за давнее зло, за екатерининские разделы Речи Посполитой. Польше при этом не предписывалось ничего, кроме надежд и упования на то, что «устройство участи сего края» сможет «поселить в сердцах их (поляков. – Прим. авт.) чувства приверженности к Престолу» и этим изгладит воспоминания о несогласии и борьбе¹²⁵⁵. Действительно, Александр I, хотя и повторявший время от времени, что как внук он не может быть судьей деяний, совершенных императрицей Екатериной II, гораздо чаще выражал несогласие с действиями бабки¹²⁵⁶. П. А. Вяземский вспоминал, что в конце 1800-х гг. император именовал восстановление Польши «политической справедливостью»¹²⁵⁷. Рассуждения о том, что монарх «почитал долгом совести загладить великое политическое преступление, совершенное с Польшей», можно найти и в других источниках¹²⁵⁸.

Императору вторил его более чем полномочный представитель в польских землях – великий князь Константин Павлович, с годами перенявший трактовку брата. Как указывает Н. К. Шильдер, воззрения цесаревича в этом отношении были более чем радикальны: он

1251 Рэй М. -П. Александр I. С. 345; Keenan P. The Russian Imperial Court and Victory Celebrations during the Early Napoleonic Wars // Russia and the Napoleonic Wars / Ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. P. 174.

1252 РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–6.

1253 Жуковский В. А. Дневники 1820 г. С. 147. Е. А. Вишленкова справедливо отмечает, что «универсалистская идеология Александровского царствования заморозила национальную память», это оскорбляло современников, а немногочисленные памятники первого послевоенного десятилетия созданы на частные деньги и в частных имениях (Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 200).

1254 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 118.

1255 Там же. С. 117–118.

1256 Любавский М. К. Александр I и Польша. С. 88.

1257 Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848. С. 148.

1258 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 4. С. 421–422.

обвинял свою бабушку Екатерину II в том, что она спровоцировала бездумной польской политикой появление якобинства в Европе, что, в свою очередь, в результате цепи событий привело Францию к войне против России в 1812 г.¹²⁵⁹ В этих построениях вся вина уже традиционно предписывалась России, все зло современного мира произрастало из действий Екатерины II, а победители в войне 1812 г. оказывались ее виновниками. Константин Павлович оставил целый ряд выразительных писем, раскрывающих его отношение к Польше, ее прошлому и будущему. В 1826 г. он писал своему другу Ф. П. Опочинину в связи с польскими тайными обществами: «Войдите в их (поляков. – *Прим. авт.*) положение и предположите, что Россия подверглась бы такому же разделу, как Польша; какой в таком случае был бы Ваш собственный образ действий и взгляды? Доложите все это императору...»¹²⁶⁰ В 1827 г. он выражал схожие мысли уже Николаю I¹²⁶¹.

В стремлении снизить значение действий конкретных участников событий – прежде всего русской армии – и переакцентировать установки в отношении категории «вина» император, конечно, не ограничился одной политической риторикой. Частью этой системы были и действия монарха, порой носившие демонстративный характер.

Современники писали о личностном неприятии Александром I самого упоминания Отечественной войны 1812 г. Генерал А. И. Михайловский-Данилевский, объясняя подобные реакции императора, маркировал их как «удивительные» или «странные». Когда во время репетиции парада русских оккупационных войск в Париже 26 августа 1815 г. генерал К. Ф. Толь упомянул, что дата репетиции совпала с третьей годовщиной Бородинской битвы, ремарка вызвала у монарха заметную досаду¹²⁶². Известно и нежелание Александра посещать временную могилу М. И. Кутузова в Бунцлау. А. А. Керсновский в своих работах прямо делает вывод, что Александр I «питал неприязнь к самой памяти Кутузова»¹²⁶³.

Первое послевоенное посещение Александром I Москвы в 1816 г. представляет собой совершенно исключительный случай. Все еще полуразрушенный город принял императора «с восхищением». Согласно одному из описаний, «сто тысяч встретили и сопровождали повсюду государя. Московская полиция не имеет обычая протягивать веревки и бить по головам жаждущих видеть монарха своего, а потому он и был среди народа, как отец в обожающем его семействе»¹²⁶⁴. В первые дни пребывания в Москве император вел себя вполне ожидаемо, рассыпая милости и обнадеживая обещаниями. Однако одно из его решений, без сомнения, должно было шокировать москвичей. А. И. Михайловский-Данилевский так описывает произошедшее: «Непостижимо для меня, как 26-го августа государь не токмо не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда почти все дворянские семейства в России оплакивают кого-либо из родных, падших в бессмертной битве... государь был на бале у графини Орловой-Чесменской»¹²⁶⁵. Этот образ – Александр I на балу у Орловой-Чесменской – напоминает в

1259 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 298.

1260 Там же. С. 285.

1261 Интересно, что появление Царства Польского в составе Российской империи цесаревич трактовал иначе. Оно, по мнению великого князя, было не «захвачено», как это произошло с польскими землями в конце XVIII в., а «завоевано», а затем «было освящено договорами после войны и явилось следствием заключения мира» (Там же. С. 297).

1262 Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. С. 12.

1263 Там же.

1264 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 50.

1265 Там же.

известном смысле эпизод, который произошел через 80 лет после этого, когда Николай II появился в вечер давки на Ходынском поле на балу у французского посла. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что если поведение Николая II шокировало общество и оставило по себе множество свидетельств, то позиция Александра I словно осталась незамеченной, поскольку никто не указал императору – в той или иной форме – на демонстративное пренебрежение нормами общественного поведения. Интересно, что Михайловский-Данилевский, выразив впечатление, произведенное на него решением Александра, развил свою мысль: «Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малого-Ярославца и других, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя в Ватерлоо. *Достоин примечания, что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить об ней*, хотя она составляет прекраснейшую страницу в громком царствовании его»¹²⁶⁶. Это поведение императора разительнo отличалось от его действий за границей, где посещение полей сражений не вызывало у монарха никакого отторжения.

Однако, как бы ни стремился Александр I избежать разворачивания мемориальных практик в отношении победы в Отечественной войне 1812 г., сдержать этот процесс он не мог. Возглавив же его, император вполне сознательно и системно продолжал утверждать найденную им парадигму «священной войны», отказываясь от ритуального оплакивания погибших¹²⁶⁷ и уводя мемориальную зону как можно дальше от реалий произошедшего и памяти о людях, сыгравших в войне заметную роль. Как уже упоминалось, с 1814 г. имперским Днем победы стало 25 декабря, то есть Рождество Христово¹²⁶⁸. В 1817 г. в присутствии императора была осуществлена закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Александр I, пользуясь вполне распространенным методом¹²⁶⁹, смещал пространственный акцент московской мемориализации в сторону от Бородино или даже от центра сгоревшего города¹²⁷⁰. Визуализация победы также формировалась на апелляциях к образу «священной войны»¹²⁷¹.

Необходимость иметь дело со все нарастающим общественным запросом на мемориализацию Отечественной войны 1812 г. в Российской империи и, с другой стороны, отказ от продвижения российского взгляда на события в Царстве Польском, как кажется, не стали для Александра камнем преткновения. По сути, в последнее десятилетие правления императора были сформированы два автономных нарратива, апеллирующие к Наполеоновским войнам: внутренний, рассчитанный на распространение в Российской империи, и условно внешний, дозволенный в Польше и имевший потенциал к более широкому разворачиванию. Первый содержал в себе коннотации, которые варьировались от религиозно-мистических до национальных; победа в Отечественной войне 1812 г. в рамках

1266 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 50.

1267 Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 199–200.

1268 ПСЗ. Собрание 1. Т. 32. № 25669. С. 905.

1269 О практике манипуляции пространственной символикой см.: Болтунова Е. М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 79–82.

1270 За несколько десятилетий до этого Екатерина II пыталась увести внимание современников от семиотического центра Петербурга, прямо связанного с Петропавловской крепостью, что подчеркивало права на престол сына императрицы, великого князя Павла Петровича, правнука Петра Великого. Попытка перекодировать пространство была реализована через строительство Исаакиевского собора и позиционирование нового символического пространства (Проскурина В. Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 120–122).

1271 Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи. С. 171–210.

этой концепции была осмыслена как одно из величайших событий и предмет гордости. В нарративе внешнем упоминание войны 1812 г. не приветствовалось: в конце концов, вспоминать об этих событиях в равной мере стыдились и Александр I, и польское общество. Обсуждение действий армии Наполеона на территории России, а также указания на то, что Польша была проигравшей стороной, также не поощрялись¹²⁷², зато приветствовались упоминания коллективно-европейских дипломатических действий и апелляции к Венскому конгрессу. Каких бы то ни было существенных перекодировок польской версии событий (указание на войну, имевшую целью восстановление единой Польши, образ русского варварства, лояльность польских легионов Наполеону и др.) осуществлено не было.

Интересно, что при необходимости Александр I мог пересекать установленную границу в зависимости от того, какое впечатление он хотел произвести на ту или иную группу подданных. Так, поездка на первый сейм Царства Польского 1818 г., на котором император произнес так поразившую современников речь с отсылками к культурному и политическому превосходству поляков, была совмещена с поездкой в Москву, где монарх открыл на Красной площади памятник К. Минину и Д. Пожарскому в память об освобождении столицы от польской интервенции в 1612 г. Это заставило современников вспомнить и события 1812 г.¹²⁷³, но никак не потревожило императора. Направляясь в Польшу, монарх проехал через Смоленск, который великий князь Константин описал в это время одному из своих респондентов как город, который «опустошением достоин еще и теперь жалости»¹²⁷⁴. Через несколько дней Александр I прибыл в Варшаву «в вожделенном здравии» и дал торжественный обед, на котором все собравшиеся в столице Царства Польского Романовы пили «за здоровье представителей народа польского»¹²⁷⁵. С другой стороны, находясь в Польше, император порой позволял себе ироничные отсылки к поражению польских войск во время похода на Россию. Так, Михайловский-Данилевский, описывая пребывание Александра в Варшаве в 1815 г., зафиксировал эпизод, когда, глядя на выстроенную вдоль улиц польскую армию и реагируя на вопрос стоявших рядом русских генералов относительно того, почему конница столь малочисленна, император ответил: «Неудивительно: Поляки съели лошадей своих в России»¹²⁷⁶. Очевидно, таким образом монарх купировал недовольство чинов русской армии, которое, по крайней мере первое время, он мог расценивать как опасное.

Сосуществование столь разных структур памяти в рамках одного государства, без сомнения, создавало сложности для тех, кто был вынужден пересекать границу Российской империи и Царства Польского, двигаясь на запад. Обсуждение поражения наполеоновских польских легионов (и армии Бонапарта в целом), вины поляков за убийства русских на полях под Смоленском и Москвой в Царстве Польском оказывалось почти невозможным. Оно

1272 Позиции такого рода не были соотнесены исключительно с александровским царствованием. Показателен спор А. Х. Бенкендорфа с великим князем Константином Павловичем, состоявшийся в 1827 г., то есть уже в правление Николая I. Глава Третьего отделения, позволивший себе резкое высказывание относительно польской армии и даже некоторый намек на действия поляков в 1812 г., получил отповедь от цесаревича: «Говоря о теперешней польской армии, Вы между прочим замечаете, что она была сформирована национальным несочувствием к России и что между теми, кто ею командовал, были некоторые экзальтированные головы. Мне, признаюсь Вам, неизвестно, чтобы она когда-либо была сформирована под влиянием того чувства, о котором Вы говорите» (*Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 297–298).

1273 Северная почта. 1818. № 18. С. 77.

1274 *Каштанова О. С.* Путешествия великого князя Константина Павловича в системе военно-политических и династических интересов Российской империи. С. 184.

1275 Северная почта. 1818. № 22. С. 99; № 29. С. 127.

1276 *Михайловский-Данилевский А.* Записки 1814 и 1815 гг. С. 238.

наталкивалось на александровскую политическую риторику, выстроенную вокруг Польши и проектов ее возрождения и развития, а все недовольства автоматически начинали трактоваться, используя формулировку П. А. Колзакова, как «ложный и неуместный патриотизм»¹²⁷⁷. А значит, востребованной оказывалась известная пластичность сознания, способность идентифицировать то, что больше не являлось уместным, и готовность корректировать свое поведение в соответствии с новой ситуацией. Демонстрировать подобную гибкость приходилось всем, кто был частью военной или административной элиты империи.

«Держать лицо», впрочем, удавалось не всегда. Показателен эпизод, описанный И. Ф. Паскевичем в связи с поездкой в одну из польских крепостей: «...государь (император Александр. – *Прим. авт.*) поехал осматривать Модлин, а как я долго блокировал Модлин и взял бы его осадой, если бы не помешало перемирие, то он, желая знать подробности, назначил меня в вояж. За столом, где поляки, как всегда, первенствовали, ни один из них не сумел объяснить ему ничего; тогда я, вовсе не стесняясь грозными на меня взглядами великого князя Константина Павловича, рассказал все, что знал о положении Польши и об осаде Модлина в 1813 году, после чего Константин Павлович и глядеть на меня не хотел, отворачивался и перестал кланяться»¹²⁷⁸. Интересно, что эпизод, на первый взгляд незначительный, описан Паскевичем как из ряда вон выходящий, в каком-то смысле предмет его гордости. Здесь будущий фельдмаршал ставит себе в заслугу разговор о польской военной слабости, который был проведен в присутствии поляков и при видимом неодобрении великого князя Константина, или, иными словами, краткосрочный отказ от конвенциональных норм, принятых в Царстве. Очевидно, что перед нами пример поведения в парадигме «я все им высказал», которое давало главному действующему лицу возможность почувствовать силу, поскольку он оказался «в своем праве». Такие действия, конечно, могли нанести урон лишь будущим карьерным перспективам конкретного человека, но при этом не представляли никакой опасности для продвижения александровской идеологии.

Глава 8

Наследие Александра I

Покоренные покоренными

8.1. Братство народов, или Храбрец как брат

Общим местом в историографии русско-польских отношений первой трети XIX в. стало указание на интерес, который проявляло русское общество этого периода к Польше, ее истории и культуре. Подробно описаны взаимоотношения Александра I и князя А. Чарторыйского, опубликована их многолетняя переписка¹²⁷⁹. Множество работ посвящено контактам А. С. Пушкина и А. Мицкевича¹²⁸⁰, дружбе с поляками К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева (Марлинского)¹²⁸¹, увлечению Польшей П. А. Вяземского. Большой интерес

¹²⁷⁷ Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 427.

¹²⁷⁸ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. С. 330–331.

¹²⁷⁹ Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2.

¹²⁸⁰ Пушкин встречался с А. Мицкевичем во время его пребывания в Петербурге в 1828 г., тогда же он подал А. Х. Бенкендорфу записку с просьбой разрешить поэту возвратиться на родину. См. об этом: Пушкин А. С. Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. 2. Письма, 1826–1830. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 292.

¹²⁸¹ Спасович В. Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. 1890. № 1. С. 51–81; Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В. А. Хорев.

вызывает деятельность Ф. В. Булгарина¹²⁸² и ее влияние на петербургское общество. Действительно, в первой трети столетия, особенно после 1815 г., Польша была исключительно популярна. Интерес активно поддерживался властями и перерос – в рамках дворянского сословия – во вполне системное явление. П. Глушковский замечает в отношении карьеры Ф. В. Булгарина, который был одним из самых заметных популяризаторов польской культуры в России того времени, что последний сумел найти баланс «между своими взглядами на Польшу и ее местом в Европе, с одной стороны, и литературно-коммерческими интересами, с другой...». При этом, как справедливо указывает исследователь, Булгарин «без сомнения... легко перестал бы писать о Польше, ее истории, литературе и культуре, если бы увидел, что эти темы не вызывают отклика у публики»¹²⁸³.

Феномен тотального увлечения Польшей оценивается в историографии исключительно в рамках развития культурных связей и проявления европейского влияния на Россию. При этом появление поляков – безотносительно к тому, идет ли речь о Петербурге или удаленном от политического центра сибирском городе, – интерпретируется, как правило, с позиции культуртрегерства¹²⁸⁴. Такая модель восприятия, кроме того, зиждется на оценке политической ситуации, выстроенной в рамках дихотомии свобода/несвобода. Точкой отсчета, как правило, выбирается период правления Екатерины II и участие России в разделах Польши. За этим следует повествование о том, что польские земли в период царствования императрицы были объектом эксплуатации – с выкачиванием денежных, природных и людских ресурсов¹²⁸⁵. В рамках таких рассуждений разразившееся вскоре восстание Т. Костюшко оказывается закономерным следствием репрессивной политики, а его подавление армией А. В. Суворова – проявлением тотальной жестокости со стороны империи. Ситуация конца 1820-х – начала 1830-х гг. становится в рамках этого конструкта малоотличимой от конца XVIII в.: убежденный консерватор Николай I, перенявший ненависть к полякам едва ли не от своей няньки, которая исповедовала откровенные полонофобские взгляды¹²⁸⁶, начинает политику репрессий (упоминаются нарушение конституции и суд над членами Патриотического общества), что приводит к неизбежному взрыву – Польскому восстанию 1830–1831 гг. За этим следует новый этап подавления и

М.: Наука, 2007; *Сабадаш Н. П.* Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.): Диссертация. М., 2015.

1282 *Глушковский П.* Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб.: Алетейя, 2013; *Рейтблат А.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016; Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик: Сборник статей / Ред. – сост. А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

1283 *Глушковский П.* Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. С. 93–94.

1284 *Липатов А. В.* Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм в восприятии культуры западного соседа (Государство и гражданское общество). С. 134–155; *Смирнова Т. М.* Поляки Петербурга в начале XX века как часть городского социума // Краков и Санкт-Петербург: наследие столичности. Краков: International Cultural Center, 2008. С. 117–121; *Фалькович С. М.* Петербург – центр деловой, научной, культурной и общественно-политической активности поляков в XIX – начале XX века // Столица и провинция в истории России и Польши / Сост. Б. В. Носов. М.: Наука, 2008. С. 184–197; *Мулина С. А.* Трансформация образа поляка в Сибири (с XVII по XIX вв.) // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2010. № 2. С. 242–260. См. также серию книг «Петербургская полоника» и материалы ресурсного интернет-портала «Польский Петербург. Энциклопедия».

1285 *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. viii.

1286 *Щербакова Е.* Нянюшкины сказки. С. 25–26.

виктимизации. Единственным исключением считается царствование Александра I, мечтавшего о либеральном правлении для России и распространившего конституционные нормы на Царство Польское, сделав его таким образом своего рода экспериментальной площадкой. Как правило, после этого на первый план выходит повествование о внезапной смерти монарха, который не решился (или не успел) присоединить к Царству литовские земли и даровать России конституцию¹²⁸⁷.

Такие трактовки, появившиеся еще в период империи, укрепились в советской литературе, особенно после Второй мировой войны, в период создания советского блока и разворачивания пропагандистского концепта совместной борьбы российского и польского народов против царизма в XIX в. и фашизма в XX в. При этом система была направлена на выведение из интерпретационного поля альтернативных общественных реакций в связи с разворачиванием александровской политики в Царстве Польском¹²⁸⁸.

Отметим, что классический взгляд на систему отношений России и Польши отправлял в зону умолчания событие, которое сложно вписывалось в дихотомию образов жертвы и палача, – войну 1812 г. Польские легионы Наполеона и войска Юзефа Понятовского, стоящие на Бородинском поле под Москвой, как правило, оказывались помещены в «слепую зону». Историки, даже специалисты по военной истории, либо, как будет показано дальше, не упоминали эти факты, либо говорили о них с отстраненностью и известной долей безоценочности. Между тем, если перенести русско-польское противостояние 1812–1814 гг. в центр интерпретационной модели, имея при этом в виду то колоссальное влияние, которое оказала Отечественная война 1812 г. на российское общество, можно обнаружить совершенно иной круг исследовательских вопросов применительно к событиям 1810–1820-х гг. Главным из них, на наш взгляд, может стать анализ механики замещения, в рамках которой вчерашний враг перекодировался в участника славянского товарищества или содружества.

В первые полтора десятилетия существования Царства Польского самой активной категорией, задействованной в осмыслении новой политической ситуации, следует признать категорию «братство»¹²⁸⁹. Важно, однако, уточнить, что в Российской империи и Царстве Польском эти установки продвигались по-разному. Показательна в этой связи декларация о создании Царства Польского. Новое положение было анонсировано в России и в Польше посредством разных документов. В России манифест о создании Царства Польского был объявлен 9 (21) мая 1815 г.¹²⁹⁰, а в присоединенных к империи польских землях спустя

1287 См., например: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 6. СПб., 1871. С. 377–380; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 155; *Мельникова Л. В.* «Конституционный эксперимент» в Царстве Польском: воплощение и последствия либерального замысла императора Александра I // *Петербургский исторический журнал*. 2018. № 1. С. 45–46. *Пустовая Е. П.* Конституционная хартия Царства Польского как либеральный шаг в переустройстве Российской империи // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2013. № 5 (36). С. 78–82.

1288 В настоящий момент историографические позиции начинают заметно смещаться в сторону признания и анализа критических оценок русского общества по отношению к александровской политике в Польше. См., например: *Парсамов В. С.* Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов. С. 119–144; *Сафонов М. М.* Декабризм и Речь Посполитая. С. 84–91; *Айрапетов О. Р.* Как восстание войной обернулось // *Родина*. 2013. № 3. С. 27–31.

1289 Эта категория оказалась связана с категорией «дружба», хотя не полностью с ней совпадала. О политическом измерении концепта «дружба» и его востребованности как во внешней, так и во внутренней политике, в том числе для легитимации неравных отношений, см.: *Дружба. Очерки по теории практик*. Сборник статей / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009; *Roshchin E.* Friendship among Nations: History of a Concept. Manchester University Press, 2017.

1290 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119.

несколько дней – 13 (25) мая 1815 г.¹²⁹¹ Эти декларации, из которых лишь первая была впоследствии опубликована в «Полном собрании законов», заметно отличались друг от друга.

Россия узнала о присоединении к империи новых польских территорий одновременно с новостью о бегстве Наполеона с острова Эльба – 9 мая 1815 г. был опубликован манифест «о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, под наименованием Польского Царства о подъятии вновь оружия против вышедшего с Острова Эльбы Наполеона Бонапарта»¹²⁹². В его тексте сообщалось, что «соединение под единым Скипетром обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского» является необходимым «к устроению всеобщего в Европе равновесия и порядка. *Сим ограждается пределов Наших (России. – Прим. авт.) безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские покушения отражающий...*» Далее манифест описывал основания вводимого порядка на новых западных границах империи: «...признали мы за благо устроить участь сего края, основав внутреннее управление оного на особенных правилах свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных... возжелали Мы созидая благополучие новых подданных, поселить в сердцах их чувства приверженности к Престолу Нашему, и тем *изгладить навсегда следы прежних бедствий, от пагубного несогласия и долговременной борьбы проистекших*». Во второй части манифеста говорилось о «коварном замысле Наполеона Бонапарта», стремящегося разрушить святыни и законы¹²⁹³.

В этой декларации Александра I обращает на себя внимание перевернутая логика: в 1815 г. Россия обладала сильнейшей армией в мире, победившей Наполеона двумя годами ранее на российской территории и затем преследовавшей его до Парижа, а символический капитал страны был колоссальным. Вместе с тем в манифесте император говорил о слабости – рубежи страны объявлялись «беззащитными», а безопасность империи прямо увязывалась с появлением на ее границе «твердого оплота», отражающего «вражеские покушения», что не согласовывалось с действительностью: подданные монарха твердо знали, что нынешний союзник – это давешний враг, а Польша воспринималась как форпост недавнего наполеоновского нашествия на Россию. Указ, впрочем, этого и не скрывал. Рассказ о несогласии между русскими и поляками, который в документе не связывался прямо с войнами 1812–1814 гг. – говорить об этом теперь было не принято, оказывался соотнесен с историей «долговременной борьбы» как таковой. Очевидно, декларируя основания новой идеологии, власть еще не до конца была уверена в общественной реакции, и одновременное объявление о бегстве Наполеона с острова Эльба должно было несколько отвлечь подданных императора от польских дел и сгладить разнонаправленность сигналов, подаваемых монархом. Вместе с тем появление Наполеона в манифесте о присоединении Царства Польского автоматически превращало всю композицию из двусоставной (Россия – Польша) в систему из трех элементов. В последней был четко определенный враг (Наполеон), с которым и надлежит бороться двум братским народам. Иными словами, манифест фактически требовал признать поляков «своими», удалив их из категории «враг»¹²⁹⁴.

1291 РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. Манифест был опубликован в польской прессе. См.: *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888.

1292 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 117–119.

1293 Там же. С. 118.

1294 Манифест от 9 мая 1815 г. был самым развернутым, но отнюдь не первым документом, который сообщал империи о вхождении в ее состав польских территорий на особых условиях. Несколькоми неделями ранее, 12 апреля (8 мая) 1815 г., подданных Александра I коротко уведомили, что «Герцогство Варшавское, за исключением вольного города Кракова... навсегда присоединяется к Империи Российской» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25827. С. 78–87). При этом в тексте отмечалось, что «Его Императорское Величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему Государству, имеющему состоять под особнным управлением» (Там же. С. 80). В исследовательской литературе этот документ оказался ключевым при рассмотрении статуса Царства Польского. Двойственность трактовок манифеста 12 апреля (8 мая) 1815 г.

Иной была ситуация с объявлением о создании Царства Польского собственно в Польше. Манифест, распространенный здесь, был опубликован на русском и польском языках¹²⁹⁵, а не на французском и польском, как это делалось позднее. Последнее указывает на то, что форма обращения с жителями Царства не была детерминирована с самого начала. Напротив, первое время Александр находился в поиске подходящего формата и не решился сразу отказаться от русского языка. Впрочем, время, отведенное для сомнений такого рода, как отмечалось выше, было крайне недолгим.

Манифест, адресованный полякам, не упоминал Бонапарта, как, впрочем, и не декларировал, что новое территориальное образование назначено для охранения рубежей Российской империи¹²⁹⁶. Судя по содержанию, одной из основных задач манифеста была перекодировка позиций, связанных с только что закончившейся войной. Риторика документа позволяла поместить Польшу в категорию если не жертвы, то пострадавшего. Прежде всего – от французского нашествия. Поляки объявлялись народом, у которого начала «законообразной свободы» были «неограниченным господством военного правления изглажены»¹²⁹⁷. Впрочем, вторым планом шло указание на то, что, присоединившись к наполеоновской армии и стремясь таким образом к реализации своих желаний (имелось в виду объединение Польши), поляки пошли по пути заблуждения: «Пламенное стремление ваших желаний часто устранило вас от сей спасительной цели и увлекало на пути, которыми достигнуть оной было не можно»¹²⁹⁸. Цель же усилий – восстановление государственности – была оценена в манифесте как единственно верная и все оправдывающая («Вожделенное наименование, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, взывали и для которого *столько излили крови*»). Александр, очевидно, не мог не понимать, что указание на пролитую поляками кровь будет ассоциироваться у его слушателей в первую очередь с погибшими в войнах против России, в том числе в Отечественной войне 1812 г., а значит, манифест, конечно в скрытой форме, заявлял об оправдании убийств, совершенных во время наполеоновских кампаний. Иными словами, в обращении к своим польским подданным Александр легитимизировал действия поляков, объявляя убийство русских ненаказуемым.

В контексте монарших рассуждений поляки, равным образом пострадавшие и от собственных иллюзий, и от тягот прошедшей по их территории войны, обретали вожденное. Теперь на них было распространено «благотворение прочного и незыблемого

дает возможность одним указывать на использованную в нем формулировку о присоединении польских территорий к империи «навсегда», а другим – акцентировать значение высказывания об «особенном управлении» и «распространении» Царства (намек на возможность объединения новых польских территорий империи с теми, что уже входили в ее состав, в частности Литвы). Попытку представить ситуацию объемно, объединив крайние позиции, предложил Н. М. Коркунов. Исследователь полагает, что, согласно документам Венского конгресса, территориальные границы Царства определялись Россией, которая могла расширить границы, но и также и «сузить их единственно по своему усмотрению». При этом представительство и национальные учреждения «не имели характер обязательства и вовсе не предполагали непереносимой государственной обособленности» (Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. С. 191). Схожую позицию выражает и О. С. Каштанова (Каштанова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 38).

1295 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об.

1296 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об. В прессе манифест был опубликован на польском языке (Gazeta Warszawska. 1815. № 49. S. 887–888).

1297 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8.

1298 Эти рассуждения повторяют слова Александра I Лагарпу, сказанные годом ранее: «Каким образом порядочный человек может отказаться от мысли иметь отечество? Если бы я был поляком, я поддался бы искушению, против которого они не устояли». В этом рассуждении император определял поляков не как врагов или противников, а как «порядочных людей», не устоявших перед «искушением» (Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 237).

мира», им «надлежало даровать... свободу, насладиться всеми нравственными и политическими благами». Восстановление Польши при этом не трактовалось как результат действий Александра I: страна возрождалась, как бы пересоздавалась самой Европой. В тексте документа творцом всеобщего блага был Венский конгресс. Отдельным сюжетом стало указание на невозможность объединения всех польских земель. Последнее объяснялось необходимостью сгладить возможное беспокойство со стороны соседей, так как восстановление Польши в прежних границах могло бы спровоцировать новое столкновение («Отечество вам возвращаемое должно было не подать повода ни к зависти, ни к опасению со стороны соседственных вам земель; а еще менее к воспламенению новой войны в Европе»)¹²⁹⁹.

По сути, манифест, рассчитанный на Россию, рисовал ситуацию, что называется, широкими мазками, тогда как документ, адресованный польской стороне, напротив, четко обговаривал позиции, в связи с которыми у новых подданных могли возникнуть вопросы. Ничто не должно было омрачать столь позитивно складывавшиеся отношения. Александр I объяснял, почему «интересы общего умиротворения Европы не позволили объединить всех поляков под властью одного скипетра», и в других документах¹³⁰⁰. Впоследствии увещевания такого рода стали частью александровской риторики в польских землях.

В отношении трактовки нового единства манифест, адресованный Польше, предлагал сразу несколько прочтений. Постулируя новое славянское братство, император наделял русских субъектностью лишь отчасти. Они были названы «народом, отличающимся величием своего духа», однако в этом новом славянском мире (при взгляде на него из Польши) роли были распределены отнюдь не в пользу признания первенства России. Так, приоритет в храбрости император отставлял за поляками. Его призыв к ним признать новое единство зиждился на указании, что русские обладают мужеством, достойным «соревнования» с поляками («мужество достойное вашего (польского. – *Прим. авт.*) соревнования»)¹³⁰¹. Отметим: с момента вступления русской армии в Париж не прошло и года. Кроме того, документ, говоря о «сопряжении» судьбы Польши с судьбой империи, обещал сохранение польского языка и замещение государственных должностей исключительно поляками. Таким образом, в Царстве Польском славянское братство маркировалось как идеологическая надстройка над политической практикой, в рамках которой русские и поляки были друг от друга вполне отделены.

Очевидно, что этот документ – ключевой для понимания того, как формировались риторические, а затем на их основании и ментальные структуры. Александр I легитимизировал и укрепил образ поляка-жертвы (само слово «жертва» прозвучало в манифесте несколько раз), человека, принадлежащего к нации, претерпевающей бесчисленные несчастья. Вероятно, после восстания 1830–1831 гг. этот образ прочно вошел в сознание части русского общества. Один из современников, оставивший воспоминания о 1830-х гг., отметил, что «в то время каждый поляк был украшен двойным золотым венцом (ореолом): воинской доблести и несчастья»¹³⁰².

В манифесте о создании Царства Польского 1815 г. Александр I, впрочем, смог сформулировать и еще один аспект этого романтизированного образа поляка – свободу последнего от обязательств лояльности. Документ объявлял, что у поляков есть долг, приверженность которому делала относительными другие договоренности и клятвы: «Нам

1299 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 9.

1300 См., в частности, письмо Александра I председателю польского Сената графу Островскому, написанное 18 (30) апреля 1815 г. (Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 366).

1301 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8 об.

1302 Печерин В. С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 225.

приятно всегда было воздавать прямую цену благородству ваших чувствований и неослабным усилиям, устремляемым *единственно на восстановление вашего отечества, вами превыше всех благ чтимого* »¹³⁰³. Существенно, что император артикулировал эти позиции непосредственно перед присягой, которую должны были принести жители Царства Польского. Таким образом, на уровне официальной риторики обязательства, которые поляки должны были взять на себя, заранее ставились под сомнение, а задевающий дворянскую честь вопрос о клятвопреступлении объявлялся несущественным.

Высказывая идеи такого рода, Александр I копировал существующие польские трактовки и интерпретационные модели. Показательна история с уходом в отставку в августе 1812 г. А. Чарторыйского. В это время князь писал императору, что будет вынужден «вступить в польскую конфедерацию», то есть перейти на сторону врага, ведущего войну с Российской империей. Это решение Чарторыйский мотивировал следующим образом: «...я признаю себя поляком и тем заявляю, что не отделяюсь от союза, в котором единственно слилась вся нация. Мне невозможно будет сделать подобного заявления... *Поляка, конечно, никто не может заставить... жертвовать собой для русского правительства* , которое было главным виновником несчастий и разрушения его родины»¹³⁰⁴.

Впоследствии обращение ко все искупающему польскому патриотическому чувству (по выражению одного из современников, «я русский подданный, но с ног до головы поляк»¹³⁰⁵) репродуцировалось на самых разных уровнях. Так, известен разговор между Ф. В. Булгариным и великим князем Константином Павловичем, во время которого первому пришлось объясняться, почему он нарушил присягу, данную российскому императору. Булгарин, как известно, вступил в наполеоновскую армию и активно участвовал в Русской кампании¹³⁰⁶. Это не помешало ему стать после войны одним из самых успешных издателей и писателей в России. Объясняя свои действия великому князю, Булгарин сообщил, что в 1812 г. у него не было выбора, поскольку он должен был выполнить долг перед своим польским отечеством¹³⁰⁷. Схожим образом мотивировали совершение клятвопреступлений и участники первого Польского восстания¹³⁰⁸.

Что касается риторики единения народов России и Польши, то она звучала в Варшаве и позже. Так, в известной речи Александра I на открытии польского сейма 1818 г. одним из основных аргументов стал призыв к братству. Монарх обращался к этой категории несколько раз: он говорил о том, что Россия «простерла... братские объятья» к Польше, и призывал вознести благодарение Богу, который «связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира»¹³⁰⁹. Вместе с тем в логике выстраивания новой иерархии и указания на подготовленность Польши (и неподготовленность России) к конституционному правлению призывы такого рода могли быть прочитаны как адресованные в первую очередь

1303 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19 об. Подробнее см. Приложения.

1304 Чарторыйский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 2. С. 269.

1305 РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 175. Л. 4.

1306 См. о службе Булгарина в наполеоновской армии: Киселева Л. Н., Яцук Е. А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф. В. Булгарин, М. Н. Загоскин) // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик: Сборник статей / Ред. – сост. А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 87, 101–104.

1307 Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше // Там же. С. 395.

1308 Подробнее см. главу 10.

1309 См. Приложения.

русским подданным императора. Иными словами, соотносить свои действия с логикой братства народов было для России обязательным, а для Польши – лишь рекомендованным.

Интересно, что в этой речи Александра I фигурой, воплотившей в себе образ русско-польского братства, стал его брат и на тот момент наследник престола великий князь Константин Павлович. Александр I рекомендовал полякам брата как «неразлучного сотрудника от самой юности», которого император оставлял в Варшаве вместо себя. Иными словами, цесаревич должен был стать связующим звеном между «братскими народами»¹³¹⁰. Из-за непопулярности великого князя в Польше этот образ впоследствии использовался редко.

Осуществить жесткую перекодировку врага в брата путем прямых деклараций было, конечно, невозможно. Здесь требовалось выстроить целую систему. В реализации этой задачи Александр I вполне преуспел. Можно увидеть, что для достижения цели было задействовано по крайней мере два уровня смысловых коннотаций. Самым очевидным и самым политически детерминированным вариантом было, конечно, использование образа семьи: связь славянских народов существовала объективно, а значит, братские узы было невозможно разорвать безотносительно к конкретной исторической ситуации. Именно в рамках этих установок возник так часто воспроизводимый в литературе эпохи образ «домашнего» спора славян – история семьи, где отношения сложны и малопонятны для внешнего наблюдателя.

Однако апелляции к этническому единству сами по себе не могли полностью обеспечить власти желаемое: для перекодировки нужны были не столько рациональные (например, указание на появление нового союзника), сколько эмоциональные основания. При этом последние должны были восходить к существовавшим в России ментальным установкам и социальным реалиям. Очевидно, что Александр I достаточно быстро обнаружил возможное решение. Императору, в сущности, не нужно было изобретать нечто новое: он использовал существующую польскую парадигму, заимствовав устойчивые трактовки, в основе которых лежало указание на неизменные – безотносительно результата событий – доблесть и храбрость. Система взаимоотношений, выстроенная вокруг идеи польской доблести, оказалась исключительно действенной для России: категория «храбрость» быстро стала ключевым элементом эмоционального режима, установившегося в связи с польским проектом Александра I¹³¹¹.

Начиная с 1814 г., то есть еще находясь в Париже, император транслировал окружавшей его военной и дипломатической элите отказ от указания на то, что поляки были побежденной стороной. Взаимодействуя с подданными Варшавского герцогства (при этом неизменно в присутствии офицеров и генералов российской армии, то есть тех, кто нанес польским легионам столь чувствительное для их гордости поражение), император Александр оперировал позициями вне- или даже надситуационными – постоянно констатировал храбрость польских войск. Показательны его слова, обращенные к делегации Сокольницкого в Париже: «Я предаю прошедшее полному забвению... *Вы храбрецы, вы благородно выполнили свой долг*»¹³¹².

Идеальной возможностью для выстраивания нарратива польской военной безупречности могло быть объединение польских и русских войск на поле боя. Показательно высказывание Александра, датированное 1815 г. Во время своей поездки в Варшаву, увидев на встречаемых его поляках знаки французского ордена Почетного легиона, император провозгласил: «Я желал... чтобы в первую войну России с какою-нибудь Державою, Поляки

1310 Там же.

1311 Александр именвал «храбрым и лояльным народом» финнов, выступая на сейме Великого княжества Финляндского (Юссилла О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. Хельсинки: Russian Books Oy, 2009. С. 75).

1312 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

сражались с нами за одно, смешали бы кровь свою с нашею кровию, и тем изгладилась бы вражда, долгое время разделявшая два единоплеменные Царства»¹³¹³. Напомним: именно такую возможность настойчиво искал император Николай I, стремившийся присоединить часть польской армии к русским войскам в войне против Турции 1828–1829 гг. Очевидно, что Николай в этом отношении был продуктом александровского царствования. Войны, во время которой армии Российской империи и Царства Польского сражались бы на одной стороне, однако, не случилось, и прямо перераспределить символический капитал победителей ни Александру, ни Николаю не удалось, что не помешало, впрочем, прибегать к этой стратегии путем сравнения. Так, в 1818 г. в Варшаве во время марша пехоты император Александр, обращаясь к великому князю Константину Павловичу, прокомментировал увиденное словами: «Я весьма желал, если б у меня в Санкт-Петербурге и гвардия так прошла»¹³¹⁴. Варшава, таким образом, «била» Петербург, а польская пехота оказывалась выше элиты русских войск – гвардии.

Для продвижения новой версии прошлого требовалось выстроить соответствующую коммеморацию¹³¹⁵. Именно этим император Александр I и занялся. Показательна организация в Варшаве в 1814 г. почетных похорон Юзефа Понятовского, руководившего польским корпусом при походе Наполеона на Россию в 1812 г. и утонувшего во время битвы при Лейпциге¹³¹⁶. Гроб с телом маршала был перевезен в Варшаву и установлен в соборе Св. Креста на особом катафалке¹³¹⁷. Во время похоронного шествия на улицах города вместе с польскими были выстроены и русские войска. Прошедшие Отечественную войну и Заграничные походы офицеры и солдаты русской армии должны были принять участие в унижительном для них действе, целью которого было увековечивание памяти о человеке, войска которого убивали на полях сражений их братьев, сыновей и друзей. Легитимизирующей основой всего действа стало указание на храбрость Понятовского; все остальные элементы из картины были удалены.

Интересно, что всего за год до этого позиция Александра I в отношении Понятовского была радикально иной. Когда представитель Варшавского муниципалитета представил императору через генерал-губернатора В. С. Ланского прошение о захоронении останков наполеоновского маршала, монарх ответил резким отказом¹³¹⁸. При этом он сопроводил свое решение рассуждениями о том, что похороны Юзефа Понятовского в Польше станут неподходящей демонстрацией почестей тому, кто был источником зла для Польши и принес своей родине лишь бедствия и разрушения¹³¹⁹. Реакция Александра I не удивительна,

1313 Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. С. 239.

1314 ОР РНФ. Ф. 859. К. 19. № 1. Л. 34.

1315 О значении коммеморативных практик для выстраивания коллективной памяти см. работы по «истории памяти», в частности классические труды М. Хальбвакса, П. Нора и Я. Ассмана.

1316 О биографии Юзефа Понятовского см.: Szymon A. Książę Józef Poniatowski. Warsaw: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1905; Skowronek J. Książę Józef Poniatowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984; Kaćperski A. Książę Józef Poniatowski i jego epoka. Gliwice: Muzeum w Gliwicach, 2013. В польских источниках личного происхождения указанного периода высказывалась мысль, что именно Понятовского Наполеон намеревался сделать польским королем. См., например: Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой (1794–1820). СПб.: Изд-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915. С. 231.

1317 В Национальном музее в Варшаве сохранилось несколько изображений залы и похоронного шествия. В 1817 г. останки Понятовского были перезахоронены на Вавельском холме в Кракове. При этом для упокоения наполеоновского маршала была выбрана усыпальница, в которой находился саркофаг Яна Собеского; в этом же склепе был похоронен и Т. Костюшко (1818 г.) (Nungovitch P. A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010. London: Lexington Books, 2019. P. 36–37).

1318 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1190.

1319 Nungovitch P. A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010. P. 37–38.

особенно если иметь в виду, что речь идет о декабре 1813 г. – времени, когда русские войска еще не вошли в Париж. Открыто осуществлять разворот в сторону Польши в разгар войны император, конечно, не планировал. Однако полгода спустя, в мае 1814 г., Александр позволил перенести тело Понятовского в Польшу¹³²⁰. За этим последовала активная промоутация образа наполеоновского маршала – начиная от многочисленных богослужений, устраиваемых в его честь, до инициативы установить Понятовскому памятник в Варшаве¹³²¹.

В современной польской исследовательской литературе высказывается мнение, что культ Юзефа Понятовского, равно как и культ Тадеуша Костюшко, является изобретением императора Александра I, сформировавшего основу польского пантеона героев¹³²². С этим можно согласиться. Примечательно, что именно в александровский период останки Т. Костюшко и Ю. Понятовского были перенесены в Краков и перезахоронены в одной крипте Вавельского замка в Кракове. Установка на чествование польской храбрости, укрепившись в сознании русских современников, стала основой – едва ли не самой важной – для формирования нарратива братства.

Однако как настойчивый александровский повтор словосочетания «поляк-храбрец» мог превратить для русского общества поляка-врага в поляка-брата? Вероятно, речь шла сразу о нескольких аспектах. Прежде всего задействованным оказался дискурс войны, в который была погружена общественно-политическая жизнь России того времени, с невероятным статусом генералов – победителей Наполеона, уверенностью в их не только военных, но и административных талантах, их узнаваемостью в свете, причем не только петербургском или московском. Ментальные установки русского дворянского сознания эпохи – с культом личной доблести, представлениями о чести и уважении к тем, кто исповедовал схожие принципы, – оказались вполне восприимчивыми для перекодировок подобного рода: храброму врагу нужно было отдать должное, признавая его доблесть. Казалось бы, в этом не было ничего необычного, ничего, что могло бы изменить всю систему координат. Однако за разговором о храбрости шли рассуждения о том, что храбрецы просто выбрали в войне не ту сторону и если воззвать к их подлинной сущности и вспомнить о славянском единстве, то новый союз будет нерушим¹³²³. Это и позволяло объявить храбрых поляков и храбрых русских друзьями и братьями.

Судя по сохранившимся источникам, Варшава середины 1810-х гг. стала местом братаний и многочисленных совместных пиров. Приближенный великого князя Константина Павловича адмирал П. А. Колзаков так описывал в своих воспоминаниях положение дел в столице Царства Польского в этот период: «Не запомню эпохи более счастливой в моей жизни, как мое пребывание в Варшаве... Заликовала Варшава, и загремела музыкою и увеселениями. Никогда еще не было выпито столько вина, как в эту эпоху. Чтобы дать понятие, до чего доходило своеволие и дух тогдашнего времени приведу здесь анекдот... о проведенном... кануне 1815 года в Варшаве, на большом пиру у генерала от кавалерии барона Меллера-Закомельского. Все, что было знатнейшего в Варшаве из числа русских и

1320 Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 25.

1321 Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью. С. 47. В Национальном музее в Варшаве сохранились проекты подобного мемориала.

1322 Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy // Pamiętnik Literacki. 2013. № 4. S. 135–152.

1323 Эти установки согласовывались также с распространенной в русской военной среде риторикой общеевропейского братства и единения всей Европы против Наполеона (Аурова Н. Н. Русское общество и Заграничные походы 1813–1814 гг. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 330–331).

польских служащих, все было на этом торжестве. *За обедом русские братались с поляками в неоднократных тостах* ; музыка гремела при оглушительных криках ура; предложен был, наконец, *последний тост за дружеское соединение славянских братий* , принесен был громадный старинный серебряный кубок, в который влилось за раз две бутылки шампанского; все гости должны были пить, по очереди, из этого кубка и осушить его до дна... Около полуночи приготовлено было около 60 саней; в эти сани стали рассаживать, по одиночке, большую часть гостей, едва державшихся на ногах, к каждому из них сажали по музыканту... Во главе этой дикой процессии везли в санях огромный транспарант, на котором крупными цифрами изображен был, в венке, 1815 год»¹³²⁴. Об этих пирах и праздниках – мероприятие у Меллера-Закомельского было, конечно, не единственным – активно писала польская пресса, осмысляя их в категориях родства двух народов, проявления любви к монарху, а также выражения благодарности и обещания верности¹³²⁵.

Отметим, что идея польской храбрости со временем превратилась в опору александровского концепта об «ограждении» безопасности границ империи благодаря польским землям¹³²⁶. В рамках официальных установок на территории Царства Польского, соединяющего Россию с Европой, жили храбрые люди, что на следующем уровне рассуждений позволяло позиционировать поляков как защитников, охранителей границ России. Эта позиция, впервые высказанная императором Александром I в манифесте о создании Царства Польского в 1815 г., со временем была принята русским обществом. Так, в 1830-е гг. декабрист М. С. Лунин, участник сражений при Смоленске, Бородино, Малоярославце и Лейпциге, называл поляков «наша передовая стража по географическому положению... несмотря на домашние ссоры между нами»¹³²⁷. Образы такого плана, впрочем, могли существовать исключительно в рамках «мирного» нарратива. Война мгновенно опрокидывала подобные рассуждения. Показательна реакция Николая I на начало Польского восстания 1830–1831 гг. Утратив после детронизации иллюзию самой возможности договориться, император вдруг осознал, что западная граница его империи совершенно открыта: «Если бросишь взгляд на карту, *страшно становится* , когда видишь, что граница польской территории империи доходит почти до Одера, тогда как фланги отходят за Неман и Буг, чтобы упереться близ Полангена в Балтийское море и у устьев Дуная в Черное море»¹³²⁸.

Во второй половине 1810-х и в 1820-е гг. установка на упоминание храбрости польских подданных российского императора и выражение восхищения перед выучкой польских войск, традиционно именовавшихся «превосходными»¹³²⁹, приобрела черты вполне официального идеологического конструкта, с которым представителям высшего эшелона военных, гражданских и придворных чиновников надлежало согласовывать свое поведение. При этом если в России речь шла о доблести как таковой, в Польше эти же понятия шли в связке с памятью о прошедшей войне. Третье отделение отмечало в Царстве Польском подъем гордости за сражавшихся под знаменами Наполеона польских легионеров. В Петербург сообщали: «...почти каждая (польская. – Прим. авт.) фамилия почитала долгом иметь своего представителя в польских легионах, которые формировались и беспрестанно

1324 Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова. 1815–1831. С. 423, 425–426.

1325 Gazeta Warszawska. 1815. № 52. S. 968; № 53. S. 988. О совместных пирах чинов российской и польской гвардии см. также: Ковальчикова А. Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки». Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. С. 7.

1326 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25842. С. 118.

1327 Лунин М. С. Письма из Сибири / Подгот. изд. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М.: Наука, 1988. С. 23.

1328 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 348–349.

1329 Там же. С. 223–224.

комплектовались из австрийских, русских и прусских дезертиров и пленных. Храбрость их легионов, признанная самим Наполеоном и врагами поляков, заслужила уважение польскому имени»¹³³⁰. Такие рассуждения российские власти не смущали, а авторы подобных пассажей аттестовались как «благонадежные поляки».

За полтора десятилетия общество вполне усвоило установки власти: польских генералов и офицеров именовали храбрыми и заслужившими уважение без упоминания сражений, во время которых они снискали славу и почет¹³³¹. Интересно, что риторику репродуцировали даже те, кто впоследствии был радикально настроен против александровской политики на западных территориях. Так, Н. Н. Новосильцев в 1812 г., рассуждая о разнообразных проектах в Польше и ратуя между прочим за «начатие федеративной системы, которая будет натуральнее и прочнее принятой... в Италии и Германии», именовал поляков «храбрым и чувствительным народом»¹³³². К концу царствования Александра в империи появились люди, именовавшие себя, как выразился А. С. Меншиков в одном из своих писем, «поляками в душе»¹³³³ или утверждавшие, что их чувства или действия определяются приверженностью польским воззрениям и традициям, как, например, П. А. Вяземский. Последний мог выражать свое эмоциональное состояние, говоря: «Я бешусь, как будто бы польская кровь течет в моих жилах!»¹³³⁴

Новая политическая ситуация нашла свое отражение и в литературе. Здесь примечательны тексты Ф. В. Булгарина, имевшего в Польше репутацию человека, который «своими сочинениями способствует распространению мнения о благородстве и мужестве поляков»¹³³⁵. Действительно, булгаринский роман «Иван Выжигин» стал зеркальным отражением александровских и раннениколаевских установок. Здесь нашлось место рассуждениям о польском патриотизме, благородстве и храбрости, сложности выбора пути, гуманной политике Александра и обретении поляками нового отечества¹³³⁶.

Прекрасным примером может стать и роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», который был опубликован в год варшавской коронации Николая I. Роман был исключительно популярен и удостоился монаршего одобрения. Описывая события Смутного времени, Загоскин обращался и к событиям недавней Отечественной войны. При этом автор, вступивший в 1812 г. в петербургское ополчение, получивший ранение в столкновении у Полоцка и награжденный за храбрость орденом Св. Анны, рисовал образ поляка в соответствии с предлагаемыми властью позициями – в духе примирения, славянского единства и неизменного признания доблести врагов. В одной из сцен романа главный герой так поучает своего слугу Алексея, рассуждая о русских и поляках:

– Везде есть добрые люди, Алексей.

1330 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об.

1331 Такие трактовки можно обнаружить и в исследовательских работах, включая труды по военной истории, изданные еще в императорский период. Так, в «Военной энциклопедии» под ред. В. Ф. Новицкого опубликованы следующие рассуждения относительно польской армии: «Организация этой армии была поручена Цесаревичу. Главным помощником и руководителем работ по возрождению польской армии являлся заслуженнейший из польских генералов – Домбровский» (Польские войска в русской армии. С. 573).

1332 ОР РНБ. Ф. 526. № 7. Л. 8–8 об.

1333 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 428.

1334 Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. С. 73.

1335 Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 394.

1336 Разбор романа см. в статье: Киселева Л. Н., Яшук Е. А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф. В. Булгарин, М. Н. Загоскин). С. 89–101.

– Да ты, пожалуй, боярин, и поляков называешь добрыми людьми.
– Конечно, я знаю многих, на которых хотел бы походить.
– И так же, как они, гнаться за проезжими, чтоб их ограбить?
– Шайка русских разбойников или толпа польской лагерной челяди ничего не доказывают. Нет, Алексей, я уважаю храбрых и благородных поляков. Придет время, вспомнят и они, что в их жилах течет кровь наших предков славян; быть может, внуки наши обнимут поляков, как родных братьев, и два сильнейшие поколения древних владык всего севера сольются в один великий и непобедимый народ!¹³³⁷

Справедливость рассуждений Милославского в романе подтверждают герои-поляки, которые демонстрируют те же установки. Зеркальной сценой разговора Милославского со слугой стал эпизод, когда Юрия защитил от русского боярина Кручины польский пан Тишкевич:

...помолчав несколько времени, он (боярин Кручина. – Прим. авт.) сказал довольно спокойно Тишкевичу:

– Дивлюсь, пан, как горячо ты защищаешь недруга твоего Государя.
– Да, боярин, я грудью стану за друга и недруга, если он молодец и смело идет на неравный бой ; а не заступлюсь за труса и подлеца, каков пан Копычинский, хотя б он был родным моим братом¹³³⁸.

В первые годы николаевского правления александровский концепт братства народов не подвергался какой-либо существенной ревизии. Об этом свидетельствуют как риторика высказываний нового императора, воспроизводящая слова предшественника на престоле о польской храбрости и «превосходной исправности» армии Царства Польского¹³³⁹, так и стремление монарха создать своего рода польско-русское братство по оружию, направив польские войска на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В этом же контексте следует рассматривать и николаевский интерес к фигурам польских королей, традиционно воспринимавшихся как храбрецы (Владислав III, Ян Собеский). Во время коронации 1829 г. и сейма 1830 г. император Николай неизменно говорил о «храбром польском народе» и констатировал, что «благодаря... братству в славе» «сопредельные народы» теперь неразрывно едины¹³⁴⁰.

Интересно, что Николай I, в отличие от старшего брата, находился под сильнейшим впечатлением от событий 1812 г. Великий князь, которому в год начала Отечественной войны исполнилось 16 лет, стремился в армию, но запрет матери не позволил ему реализовать эту мечту¹³⁴¹. Она сбылась лишь в 1814 г., когда Александр I разрешил братьям прибыть в

1337 Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: Исторический роман. М., 1902. С. 63–64.

1338 Там же. С. 118–119.

1339 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 302; Столетие Военного министерства: 1802–1902. Т. 2. Кн. 2: Царствование Николая I. С. 205–208. Пресса этого периода также не меняла установок и продолжала именовать польскую армию «превосходной» (Северная пчела. 1829. № 58. С. 2).

1340 Северная пчела. 1830. № 62. С. 1–2; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 278–280. В этом отношении сложно согласиться с В. С. Парсамовым, который полагает, что «принцип невмешательства он (Николай I. – Прим. авт.) расценивал как проявление слабости, и идея славянского единства была ему глубоко чужда» (Парсамов В. С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов. С. 144). О развитии идеи славянского единства в польских землях в николаевский период см.: Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма. С. 135–140.

1341 Николай I. Записки. Тетради 1-я и 2-я «О наследии после императора Александра I» [1831–1832 гг.] // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 14; Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 74.

действующую армию¹³⁴². Став императором, Николай I сформировал свой проект памяти об Отечественной войне. Однако вспоминать в Царстве Польском об этом столкновении он, как и брат, полагал неуместным. Найденный им выход был прост: в роли общего врага России и Польши вместо Франции теперь выступала Турция, причем применительно не только к событиям недавнего прошлого, но и к периоду значительно более отдаленному.

Отказ от апелляции к образу поляка-врага и активная промоутация образа поляка-храбреца не были финальной точкой развития этой нарративной стратегии. Следующим шагом стало простраивание иерархии, которая участникам процесса виделась по-разному. Так, коронуясь в Варшаве, император Николай включил в текст своей тронной клятвы-молитвы отсылки к польской храбрости и славянскому единству: «Боже Всемогущий, Отче Отцев Моих! Царю Царей!.. Ты призвал Меня в Царя и Судию *храброго народа Польского* ! Признаю с благоговением действие Небесной Твоей ко Мне милости... Да будет сердце мое в Руце Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага *Моих народов* ...»¹³⁴³ Императору-королю вторили манифесты и газеты. Пожалуй, ближе всех к официальной позиции был болгаринский «Сын Отечества»: «Сим утверждено навеки существование Царства Польского, нераздельного с Империею Всероссийскою. Да будет сие священнодействие залогом неизменной дружбы, единодушия и взаимного уважения *двух храбрых народов Славянских* , связанных узами единокровия и единодержавия»¹³⁴⁴. Исключительно виртуозная формулировка о народах, «связанных узами единокровия и единодержавия», сочеталась здесь с указанием на храбрость обеих сторон. Недавние победители и побежденные оказывались поставлены на один уровень, что стало возможным при помощи известной манипуляции: первые были символически снижены, а вторые, напротив, серьезно приподняты.

Комбинация, при которой поляки и русские оказывались на равных, впрочем, была не столь распространена. Гораздо чаще можно обнаружить указания на то, что первое место русские «уступали» польской стороне. Пожалуй, один из самых ранних примеров артикуляции новой иерархии можно найти в разговоре Александра I с Константином Павловичем в 1818 г. Великий князь, пересказавший все произошедшее в письме Ф. П. Опочинину, описывал события следующим образом: «...я осмелился его императорскому величеству отвечать на счет... представительного правления. На что государь император даже с некоторым гневом изволил мне отозваться. Потом, во всех случаях, изволил мне всегда твердить: „разве ты не понимаешь, что не им дают вместо желтых красные воротники, а вам вместо красных желтые “»¹³⁴⁵. Можно предположить, что император, используя цветовую семантику и оперируя дуальной парой образов, указал брату, что в действительности речь идет не о том, чтобы поляки встраивались в предлагаемую схему, а о появлении новой поведенческой модели для русских подданных монарха.

Схожие отголоски можно увидеть в переписке Николая и Константина по поводу прибытия двух десятков польских офицеров на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Аттестуя их наилучшим образом, император писал цесаревичу: «Я все

1342 Капустина Т. А. Николай I. С. 29.

1343 О коронации Его Императорского Величества. С. 428–429.

1344 Сын Отечества. 1829. Т. 4. С. 50. О рецепции александровской риторики братства у представителей польской элиты, связывавших свои социальные и политические ожидания с Россией, и формировании образа России в это время см.: Филатова Н. М. Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. С. 122–142; Petersen H. -C. «Us» and «Them»? Polish Self-Descriptions and Perceptions of the Russian Empire between Homogeneity and Diversity // Empire Speaks out. Language of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / Ed. by I. Gerasimov, I. Kusber, A. Semyonov. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 94–97.

1345 Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. С. 386.

не могу нарадоваться офицерами, которых Вы мне отправили. Они выделяются повсюду, куда бы я их ни отправил, и многие уже заслуживают награды. *Я надеюсь, они довольны своими товарищами*, которые с ними как братья»¹³⁴⁶. Николай I выстраивал две линии описания ситуации с польскими офицерами в русской армии: с одной стороны, ими доволен император (настолько, что, вероятно, польские офицеры будут награждены), с другой (и здесь выражается надежда) – они «довольны своими товарищами». Примечательно, что все осмысление ведется в категориях чувств, но при этом товарищи поляков – офицеры русской армии – не фигурируют в тексте как субъект, то есть не имеют в указанной системе координат прав на какие бы то ни было оценки или эмоции. Кроме того, существенно, что Николай I посчитал необходимым выстроить такую образную структуру, даже зная о куда более многочисленной группе поляков, присоединившихся к воюющей против России турецкой армии¹³⁴⁷.

В первые годы николаевского царствования сформированная его предшественником социальная ситуация все так же накладывала обязательства исключительно на русских подданных монарха. Предписанный им эмоциональный режим был встроен в достаточно четкую систему дозволенного. Об этом свидетельствуют события периода варшавской коронации Николая I.

Находясь в Варшаве, Николай I получил известие о сдаче туркам русского фрегата «Рафаил». Этот эпизод Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. хорошо известен в литературе. 11 мая 1829 г., когда война уже близилась к своему окончанию, а переговоры о заключении мира были в самом разгаре, курсировавший у анатолийских берегов российский фрегат «Рафаил» попал в ловушку – он был окружен турецкой эскадрой, состоявшей из 15 судов. Офицеры были готовы принять бой, но команда обратилась к капитану с просьбой сдать корабль, сохранив морякам жизнь. Капитан С. М. Стройников, служивший в российском флоте без малого 30 лет и награжденный за храбрость Св. Георгием, принял решение сдаться туркам¹³⁴⁸. Полученная новость привела Николая I в ярость. Его резолюция в отношении как капитана, так и корабля сводилась к требованию стереть обоих с лица земли. Император писал относительно Стройникова: «Разжаловать! В рядовые! Без права женитьбы! Дабы не плодить в русском флоте трусов!» Фрегат же император приказывал как «недостойный носить флаг Российский... предать огню»¹³⁴⁹.

Все эти распоряжения – подчеркнем еще раз – император сделал, будучи в Варшаве, где он постоянно находился в окружении польских генералов и офицеров, прошедших службу Наполеону, Русскую кампанию и наконец сдавшихся в Париже Александру I. Все они в рамках предписанного политического нарратива были признаны храбрецами, достойными уважения, о чем во время коронации повторялось многократно. Эпизод сдачи императору Александру в Париже был помещен в зону умолчания, и никто не посмел бы – по крайней мере публично – напомнить им об этом. Такое сравнение позволяет с особенной остротой обнаружить разницу, которую монарх усматривал между своими подданными. Сдавшийся русский офицер был подвергнут публичному остракизму, но такая судьба ни при каких обстоятельствах не грозила подданным монарха в Царстве Польском: на них эта система долженствования и норм просто не распространялась.

1346 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 251.

1347 *Фалькович С. М.* Миф Наполеона в сознании поляков. С. 76.

1348 Принято думать, что капитан растерялся, при этом традиционно упоминается, что «это был единственный до Цусимы случай, когда сдался корабль под российским флагом» (*Высочков Л. В.* Николай I. С. 181).

1349 Там же. С. 180–181.

Нарратив храбрости поляков не потерял своей актуальности даже с началом восстания 1830–1831 гг. Храбрость не исчезла, она просто трансформировалась в «воинственность»¹³⁵⁰. Великий князь Константин Павлович, едва не убитый в Варшаве, находясь в российской армии, воевавшей против восставших, писал императору, что «поляки сражаются хорошо и с образцовым мужеством»¹³⁵¹. Император, в свою очередь, вполне готов был поддержать этот разговор. Он писал брату: «...ужасно думать, что прекрасное мужество польской армии истрачено на такое преступное дело»¹³⁵².

8.2. Красота в глазах смотрящего: Нарратив любви

В воспоминаниях Ципринуса (О. Пржецлавского) о Н. Н. Новосильцеве содержится интересный эпизод, повествующий о впечатлении, которое портрет бывшей жены польского магната Ф. Сапеги (урожденной графини Потоцкой) произвел на неизвестного капитана русского пехотного полка. Мемуарист так описывает случай, показавшийся ему занятным: «Княгиня Пелагея развелась с Франциском и вышла замуж за Павла (родственника первого мужа. – *Прим. авт.*). Прежний муж не только не держал зла, но „благоприятствовал“ своему преемнику... В местечке Деречине, резиденции князя Франциска, в его магнатском палаце, была прекрасная картинная галерея первых художников разных школ. В числе картин был портрет во весь рост княгини Пелагеи кисти известного Ляmpi (Lampri). Княгиня в самом цвете своей красоты была представлена выходящею, полунагая, из ванны. Когда князя не бывало дома, то позволено было всем осматривать палац. Раз в отсутствии хозяина проходила через Деречин партия рекрут... Провожавший ее капитан какого-то пехотного полка Мисюрин пошел осматривать палац. Портрет княгини висел в особой комнате, где стояла мраморная ванна, та самая, которая повторялась в картине. Когда Мисюрин вошел туда и увидел изображение княгини, то так был поражен ее красотой, что просто остолбенел и простоял так долго, что провожавший его лакей должен был напомнить ему, что пора запира́ть покои. Капитан пришел рано на другой день и просил позволить ему посидеть перед портретом; ушел, только чтобы пообедать, и, возвратясь, просидел до ночи. На третий день то же самое. Он отпустил партию в дальнейший поход с подчиненным офицером, с тем, чтобы ее нагнать, но все-таки оставался и по целым дням просиживал перед своим идеалом. Так прошло десять или более дней, пока не возвратился князь. Тут посещения палаца прекратились, но Мисюрин все-таки оставался в Деречине. Когда князю рассказали об этом чуде, он послал за ним и объявил, что он может во всякое время приходить смотреть портрет. Оригинал был уже замужем за князем Павлом. Мисюрин широко пользовался позволением князя, которого очень забавляла эта мономания. Между тем влюбленного капитана исключили из службы. Князь Сапега, узнав, что ему нечем жить, назначил ему пожизненную пенсию по 100 червонцев в год и квартиру в одном флигеле палаца с позволением проводить сколько захочет времени в комнате с ванной и портретом. Мисюрин совершенно помешался на этой одной идее, через год или полтора заболел, у него отсохла рука, и вскоре потом он умер»¹³⁵³.

1350 «Воинственной нацией» называет поляков А. Х. Бенкендорф. Описывая николаевскую польскую политику конца 1820-х гг., он отмечает в своих мемуарах, написанных уже после восстания 1830–1831 гг., что император оказывал слишком большую честь «этой неблагодарной и воинственной нации» (Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 410).

1351 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831 гг.) // Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 132. С. 119.

1352 Там же. С. 120.

1353 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1764–1765.

Мемуарист поместил этот эпизод рядом с описанием другой любовной истории – рассказом о страстном увлечении Н. Н. Новосильцева Теклой (Феклой) Зубовой, вдовой известного екатерининского фаворита. Родом из виленской шляхты, княгиня была намного моложе Новосильцева, и, по описанию Ципринуса, «эта его (Новосильцева. – *Прим. авт.*.) любовная страсть, запоздалый цветок глубокой осени жизни была для жителей Вильны неисчерпаемым источником смеха... журнал... ухаживаний за княгиней занял бы немало страниц...»¹³⁵⁴. Если соположить оба рассказа – про неизвестного Мисюрина и про известного Новосильцева, то окажется, что в описаниях любовных историй между поляками и русскими О. Пржецлавский выстраивал интерпретацию, в основе которой лежала дихотомия – трагедия (пусть и маленькая) или комедия, а точнее, фарс. Важнее, впрочем, то, что речь в обоих случаях шла о потрясении, которое испытывали герои-мужчины, столкнувшись с невероятной красотой польских женщин, и полная потеря субъектности, на которую они оказывались в этом случае обречены.

В исследовательской литературе утвердилось представление, что русско-польские союзы не одобрялись общественным мнением ни в Польше, ни в России, при этом речь идет не только о периоде после восстания 1830–1831 гг., но и о первых полутора десятилетиях существования Царства Польского¹³⁵⁵. Анализируя этот аспект, часто вспоминают отказ известного генерала 1812 г. Н. Н. Раевского выдать свою дочь Марию, будущую княгиню Волконскую, за польского поэта и публициста Г. Олизара. За рассказом о том, что Раевский мотивировал свое несогласие этническими и религиозными различиями, как правило, следует цитата из пушкинского послания «Графу Олизару» (1824 г.):

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Вероятно, такие истории и внимание к ним в свете предопределили развитие последующей образности, в рамках которой взаимоотношения России и Польши могли изображаться в виде брака по принуждению, как в стихотворении Е. П. Ростопчиной «Насильный брак»¹³⁵⁶.

Впрочем, для немногочисленных русских, проживавших в Царстве Польском, в литературе обычно делается исключение. Так, Н. М. Филатова отмечает следующее: «Что же касается русских, живших в Королевстве Польском в 1815–1830 гг., то ими браки с поляками рассматривались в духе тогдашней политики России. Да и на ком же еще было жениться русским офицерам, служившим в Королевстве Польском, если не на поляках?.. Очевидно, вдохновляла их и большая, по сравнению с отечеством, свобода нравов, позволявшая легко заводить любовные связи»¹³⁵⁷.

1354 Там же. С. 1749.

1355 Горизонтов Л. Е. Закон против счастья. Смешанные браки в истории двух народов // Родина. 1994. № 12. С. 64; Филатова Н. М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 508; Левкиевская Е. Е. Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв. // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 196.

1356 Об этом см.: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. С. 75.

1357 Филатова Н. М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 508.

В действительности ситуация со смешанными русско-польскими браками и романтическими увлечениями мало походила на описанную выше и была значительно более яркой и сложной¹³⁵⁸. В рамках официальной риторики в период от разделов Польши до восстания 1830–1831 гг. подобные браки расценивались как явление положительное, способствующее интеграции двух народов¹³⁵⁹. Как не вспомнить слова, сказанные Александром I в Париже одной из польских делегаций: «...две соседние народности, которых сближают нравы и язык, раз соединенные, должны полюбить друг друга навсегда»¹³⁶⁰. Императорские призывы возлюбить врага, наложившиеся на общественные представления о подлинно облагораживающем воздействии глубокого, сильного чувства, способного победить порок, достаточно быстро сформировали нарратив любви, который надолго определил отношения двух наций, пережив своего создателя. Проявление подобных чувств в социальном контексте создало поведенческий шаблон, а очарование Польшей стало если не нормой, то модой.

Первыми в ряду «побежденных» предсказуемо оказывались представители правящей династии. Так, многолетней любовницей императора Александра I была Мария Нарышкина, дочь князя Антония Четвертинского – польского аристократа, убитого во время восстания Т. Костюшко. С Нарышкиной, как принято считать, Александр сформировал почти семейный союз. Исключительно заметны были польские дамы и в окружении наследника российского престола, великого князя Константина Павловича. Задолго до женитьбы на польской дворянке Иоанне Грудзинской (графине Лович) великий князь состоял в связи с Еленой Любомирской и сестрой фаворитки императора Жанеттой Четвертинской¹³⁶¹. Фаворитки великого князя сменяли друг друга быстро, но накал страстей не спадал. В 1800 г. у Константина Павловича были планы (встретившие, впрочем, противодействие со стороны императора и императрицы-матери) сочетаться браком с Любомирской, а в 1803 г. он уже мечтал жениться на Четвертинской¹³⁶². Младший из братьев, великий князь Михаил Павлович, также был очарован польскими дамами. Великая княжна Ольга Николаевна в своих воспоминаниях, оформленных уже во второй половине XIX столетия, рассказывая о дяде, великом князе Михаиле Павловиче, упоминала, что он, вспоминая Варшаву до восстания, всегда хвалил «свободную жизнь и прелесть и любезность польских дам». По мнению Михаила Павловича, польские дамы были настолько хороши, что не шли ни в какое сравнение с «петербургскими куклами»¹³⁶³.

1358 В отличие от первых полутора десятилетий существования Царства Польского брачная политика империи в отношении западных территорий после восстания 1830–1831 гг. хорошо изучена в литературе. См.: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 151–152, 160–173; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). С. 75–99.

1359 *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. С. 161.

1360 ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

1361 *Кашианова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 181–182; *Pienkos A.* The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. P. 12.

1362 *Кашианова О. С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 181–183. В ряде воспоминаний прослеживается указание на то, что Константин Павлович, рассказывая современникам о получении разрешения на брак с Грудзинской, подчеркивал, что «оное получил, но не иначе как дав отречение от престола» (*Данилов И. Д.* Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. Рассказ сенатора И. Д. Данилова // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 246).

1363 *Ольга Николаевна*, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 188. Идея, что польки неизменно главенствуют над русскими дамами благодаря утонченности и

Здесь стоит упомянуть и известный роман императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, с князем А. Чарторыйским. Роман, поощряемый самим императором и начавшийся еще до восшествия на престол, был известен при дворе. Информация дошла до императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, при этом последняя позволила себе публично усомниться в происхождении внуки¹³⁶⁴. Спустя годы роман разгорелся с новой силой во время Венского конгресса¹³⁶⁵. Чарторыйский, убеждавший императрицу развестись с Александром I, сообщил об их отношениях и своих намерениях монарху¹³⁶⁶. О том, насколько тривиальным было для поляка того времени упоминание о разводе (конечно, немыслимого для Елизаветы Алексеевны), разговор пойдет дальше. Здесь же хотелось бы отметить, что, вероятно, именно этими обстоятельствами – возобновившимся романом и опасными разговорами о разводе – можно объяснить нежелание Александра назначить А. Чарторыйского своим наместником в Царстве Польском и упоминавшийся отказ монарха брать с собой императрицу во время путешествий в Варшаву. Отметим также, что многочисленные «польские» любовные истории первой четверти XIX в., в которые были вовлечены Романовы, очевидно, можно рассматривать с точки зрения формирования проекта (или проектов) влияния на правящую династию империи.

Мало кто из петербургского света середины 1810-х – 1820-х гг. не был влюблен в какую-нибудь прекрасную польскую даму. В обществе широко обсуждали увлечение графа М. А. Милорадовича О. С. Потоцкой¹³⁶⁷ и роман последней с М. С. Воронцовым в Одессе, виленское сватовство Н. Н. Новосильцева к княгине Т. И. Зубовой и женитьбу министра народного просвещения А. С. Шишкова на Ю. О. Нарбут. Известно, что П. И. Пестель был влюблен в Изабеллу, падчерицу графа И. О. Витта¹³⁶⁸, П. А. Вяземский – в Ю. А. Татищеву (урожд. Конопку, в первом браке Безобразову), а А. С. Пушкин был страстно увлечен К. Собаньской. Список можно продолжить и дальше: мемуарная литература этого периода богата на истории любви русских офицеров к польским паннам¹³⁶⁹.

Смешанные русско-польские браки в период александровского царствования – причем отнюдь не только в Царстве Польском, но и в лучших домах Петербурга – были не редкостью, и речь здесь не только о широко известных союзах, подобных браку М. С. Воронцова и Е. К. Браницкой или А. П. Шувалова и упоминавшейся выше графини Зубовой (урожд. Валентинович). Среди генералов 1812 г. не менее 20 человек были женаты на польских и литовских дворянках. Кроме имевших польские и литовские корни Т. И. Збиевского, С. С. Потоцкого, А. П. Ожаровского, И. О. Сухозанета и И. О. Витта, на польских и, реже, литовских дворянках были женаты П. Х. Витгенштейн, уже упоминавшийся М. С. Воронцов, А. И. Чернышев, З. Д. Олсуфьев (1-й), Е. И. Властов, А. И. Гудович, Ф. И. Сандерс, Ф. Ф. фон Винценгероде, Ф. П. Уваров, Л. А. Нарышкин, И. Л. Поль, А. В. Розен, П. М. Колубакин, А. Н. Бахметев, М. Ф. Наумов, И. В. Мантейфель, В. С. Трубецкой. С

свободе в обращении, продвигалась и в художественных текстах эпохи, в частности в «Иване Выжигине» Ф. В. Булгарина (*Киселева Л. Н., Яцук Е. А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года* (Ф. В. Булгарин, М. Н. Загоскин). С. 98–99).

1364 Хандельсман М. Адам и Психея. Любовь магната к императрице // *Родина*. 1994. № 12. С. 90.

1365 Рэй М. -П. Александр I. С. 310.

1366 Там же.

1367 Вигель Ф. Ф. Записки. С. 627.

1368 Эдельман О. В. Влюбленный Пестель // Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки (Исследования по истории русской мысли. Т. 31). М.: Модест Колеров, 2022. С. 153–167.

1369 См., например: *Неелов Н. Д.* Воспоминания о Польской войне 1831 года. Из записок покойного Неелова. (Из журнала «Военный сборник»). СПб., 1878. С. 204–205.

польскими дворянками в браке состояли также В. С. Ланской, генерал-губернатор Герцогства Варшавского, Л. П. Витгенштейн, сын «спасителя Петербурга» в 1812 г. генерала П. Х. Витгенштейна, и известный впоследствии дипломат и реформатор П. Д. Киселев. Сватовство представителей польской шляхты к русским аристократам также отнюдь не оборачивалось повторением истории Г. Олизара, о чем свидетельствует, например, брак княжны С. А. Урусовой с князем Л. Л. Радзивиллом.

Польские панны – фаворитки и любовницы, возлюбленные и невесты – были действительно очень заметны в Северной столице и других активно развивающихся городах империи, например в Одессе. Такая экспансия была вполне зримой и при этом часто скандальной. Отметим, что многие из польских дворянок, появившихся в России в это время, были дамами разведенными. Так, упоминавшаяся Ю. А. Конопка, ставшая женой дипломата Д. П. Татищева, уже была разведена с Н. А. Безобразовым. Т. Моравская-Старженская-Радзивилл, которую жена английского посланника в России леди Дисборо именovala «княгиней „многочисленных мужей“»¹³⁷⁰, вышла замуж за генерал-адъютанта и любимца императора Александра I – будущего николаевского военного министра А. И. Чернышева, имея за своими плечами и развод с первым мужем, и вдовство со вторым. К. Собаньская, скандально известная гражданская жена генерала И. О. Витта, находилась в процессе развода с И. Собаньским. Р. О. Якобсон в своей работе о Собаньской, Пушкине и Мицкевиче называет Каролину Ржевуской-Собаньской-Чиркович-Лакруа¹³⁷¹, соединяя все ее официальные браки и демонстрируя таким образом, что связь с Виттом не была ни первой, ни последней в биографии Каролины.

Подобная ситуация возникла в связи с особым брачным законодательством, действовавшим на территории Царства Польского вплоть до восстания 1830–1831 гг. Его реализация, а также борьба против него российских властей, без сомнения, представляют собой вопрос, который заслуживает отдельного исследования. Анализ ситуации мог бы прояснить целый ряд аспектов, которые до сих пор проходят по категории «необъяснимо» и/или «странно». Так, дискуссионным в историографии оказывается появление в 1830 г. в российском Своде законов положения о том, что женское послушание должно быть абсолютным¹³⁷². С учетом происходящего в Царстве Польском и борьбы Николая I против разводов на сейме 1830 г. возникновение такой резкой риторики становится значительно более понятным.

Суть происходящего связана с действием на территории Царства Польского Гражданского кодекса Наполеона, распространенного на Герцогство Варшавское в 1810 г.¹³⁷³ Кодекс отдавал решение вопросов брачно-семейных отношений в ведение гражданских властей и закреплял право на развод. По воспоминаниям все того же О. Пржецлавского (Ципринуса), «в десятих, двадцатых годах разводы между польскими фамилиями особенно высших классов были очень часты и тогдашнее духовенство, проникнутое господствовавшим духом французского энциклопедизма, не только не старалось препятствовать, но еще всячески содействовало этому злоупотреблению, обратившемуся почти в моду»¹³⁷⁴. Другой

1370 Подлинные письма из России. 1825–1828. СПб., 2011. С. 96.

1371 Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспитанная Пушкиным и Мицкевичем // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 248.

1372 О дискуссии см.: Маррезе М. Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 107–108.

1373 Фалькович С. М. Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Владимир; М., 2006. Т. 14. С. 326–336.

1374 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1763.

современник описывал ситуацию в схожих тонах: «Известно, какие странные представления о разводах господствовали у нас (в Польше. – *Прим. авт.*) издавна. Злоупотребления расторжениями брака были настолько частыми, что почти исчезла традиция нерасторжения этого Таинства. В законодательстве и судебной практике, на которые повлияли французские и австрийские нормы, а также церковное право, царил неслыханный бардак»¹³⁷⁵.

Примечательно, что, в то время как во Франции эти статьи кодекса были отменены в 1816 г.¹³⁷⁶ – после Реставрации, в Царстве Польском установления о разводах продолжали действовать. Более того, попытки католического духовенства, которое, конечно, далеко не всегда было проникнуто «духом французского энциклопедизма», пересмотреть эти положения терпели поражение раз за разом. В период царствования Александра I обсуждение вопроса о разводах в польском сейме состоялось дважды – в 1818 и 1825 гг. В последние месяцы жизни императора был принят компромиссный закон, затруднявший разводы, но отнюдь не отменявший их¹³⁷⁷. В 1830 г. уже Николай I, которого тревожили разводы в польских землях, представил сейму новый проект закона о браках. Последний был также в итоге отклонен¹³⁷⁸.

Легкость и открытость, с которой новые подданные императора заводили романы или даже решались на разводы, скандализировали русское общество. В свете активно обсуждали содержание, которое любовники готовы были тратить на оплату расходов и долгов своих польских фавориток; в поле зрения также попадали и дети, предположительно рожденные от этих союзов. Так, в Петербурге ходили слухи, что император Александр застал свою многолетнюю любовницу Марию Нарышкину (урожд. Четвертинскую) с графом Ожаровским, причем последний был вынужден спастись бегством¹³⁷⁹. В 1831 г. внучка фельдмаршала М. И. Кутузова Д. Ф. Фикельмон писала о романах Т. И. Шуваловой (прежде Зубовой, урожд. Валентинович), которая годами состояла в отношениях одновременно с троими мужчинами (назывались М. Ю. Виельгорский, Л. В. Кочубей и П. И. Медем¹³⁸⁰). Показательно и описание О. С. Нарышкиной (урожд. Потоцкой) – свояченицы и возлюбленной П. Д. Киселева и любовницы М. С. Воронцова – в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля. Мемуарист писал, что в Нарышкиной-Потоцкой «не было ничего девственного», напротив, она «казалась вооруженною большою опытностью» и берегла «стрелы кокетства... для поражения сильных»¹³⁸¹.

Достаточно быстро в обществе этого периода сформировалось представление, которое, пожалуй, лучше всего выразил Пушкин, характеризовавший одну из своих польских знакомых – упоминавшуюся графиню Зубову – следующим образом: «кокетка польская, то есть очень неблагопристойная»¹³⁸². В этом отрывке поэт сделал синонимичными

1375 *Popiel P.* Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. S. 52.

1376 Положение о разводах появилось во французском праве только в 1884 г. (*Amos M.* The Code Napoléon and the Modern World // *Journal of Comparative Legislation and International Law.* 1928. Vol. 10. № 4. P. 226).

1377 *Przelaskowski R.* Sejm Warszawski roku 1825. Warszawa, 1929. S. 114–116.

1378 *Фалькович С. М.* Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. С. 326–336. О дискуссии относительно разводов, состоявшейся на сейме, см. также: *Popiel P.* Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. S. 52–55.

1379 Выписки из журнала М. Данилевского (Царствование Александра I). С. 108–109.

1380 *Фикельмон Д. Ф.* Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / Публ. С. Мрочковской-Балашовой. М.: Минувшее, 2009. С. 147.

1381 *Вигель Ф. Ф.* Записки. С. 628.

1382 *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. С. 326.

выражения «кокетка польская» (полька) и «неблагопристойная». Нравы польских дворянок в русских текстах характеризовались понятием «легкомысленность». Так, сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель, стремясь остановить сына – будущего декабриста – от сватовства к дочери генерала И. О. Витта Изабелле, излагал свою мысль в следующих выражениях: «Полячки известны своим *легкомыслием*. Сколько среди них разведившихся по несколько раз, даже их закон облегчает эти расставания. Полячка, ежедневно видя дурные примеры, легко к ним привыкает. Воспитанная в такой семье, как у Потоцких, было бы чудом, если бы молодая особа имела настоящие принципы, делающие совместную жизнь счастливой. Я не верю в чудеса в таких случаях и опасаясь, как бы Ваши зеленые очки не заставили Вас увидеть зеленым то, что является черным, или наоборот»¹³⁸³. Впрочем, чаще всего разговор о характере польских женщин обретал форму ироничного комментария или скрытого указания на распущенность. Так, один из современников, зафиксировавший на страницах своих записок рассуждения одного из знакомых о Польше как «стране патриархальной невинности», сопровождал это воспоминание словами: «О невинности польских нравов я кое-что слышал от наших офицеров, да и сам был на Волыни и в Подолии»¹³⁸⁴. И. И. Дибич, предупреждая Николая I о том, что поляки могут устроить ему «западню», рассуждал о «громадной власти», присущей в этой стране женщинам, которые наделены «чем-то вроде рыцарского духа... весьма мало похожего, однако, на дух рыцаря без страха и упрека»¹³⁸⁵. Сам император, упоминая в своей переписке К. Собаньскую, не менее иронично замечал: «...под видом преданности она преследовала лишь свои особые польские выгоды и была не более верна Империи как подданная, чем Витту как любовница»¹³⁸⁶.

Скандализовавшая русское общество история присутствия в свете разведенных польских дам, свободных в выборе стратегий выстраивания частной жизни, нашла свое отражение не только в документах личного происхождения, создателями которых были приближенные императора, высокие чины или петербургские аристократы. Показательно стихотворение «Солдатская песня», поднесенное И. Ф. Паскевичу на взятие Варшавы в 1831 г. и подписанное фамилией Сиянов. В нем Польша выступает в образе женщины с дурным характером, стремящейся получить развод:

Взбеленясь от злого нрава,
Царства Русского Жена,
Расходилась вдруг Варшава –
Бунтовщица издавна.

Всех рабов своих набатом
Под знамена собрала,
Наделила их булатом
И на Русь войной пошла.

Захотелось ей развода,
Быть чтоб полной госпожой,
Да разводы брать не мода
На Руси у нас святой!

1383 Эдельман О. В. Влюбленный Пестель. С. 158.

1384 Печерин В. С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*). С. 225.

1385 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 223–224.

1386 Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 247.

И пошли, с крестом, с молитвой,
Мы мятежницу карать;
Закален меч Русской битвой:
Поляку ль его сломать?

...

И затейница Варшава,
Второпях забыв развод,
Как оципанная Пава,
Со стыдом поджала хвост...¹³⁸⁷

Очевидно, что образ, предложенный в этом стихотворении, представляет собой альтернативу трактовки из известного стихотворения Е. Ростопчиной «Насильный брак», где Польша предстает прекрасной женщиной, силой удерживаемой в опостылевшем браке. Примечательно, что трактовка Сиянова, выстроенная в той же нарративной схеме (отношения России и Польши представлены как брак), но с совершенно иными коннотациями, существенно более ранняя. Возможно, основой формирования восприятия взаимоотношений России и Польши как неудачного брака стали позиции, реализованные как раз в подобных текстах второго и третьего ряда, а Ростопчина лишь поменяла полюса оценки¹³⁸⁸.

Перейдем, однако, от рассуждений критиков к представлениям увлеченных и очарованных¹³⁸⁹. Восхищение, которое вызывали польские дамы в России, принято связывать с красотой этих женщин. Так, графиня Р. С. Эдлинг, составившая портрет одной из польских фавориток императора Александра, описывала ее как идеал красоты: «Среди обольстительных нарядов являлась Нарышкина, украшенная лишь собственными прелестями и ничем иным не отделявшаяся от толпы... Она держала себя особняком, ни с кем почти не говорила и опутив прекрасные глаза свои, как будто для того, чтобы под длинными ресницами скрывать от любопытства зрителей то, что было у нее на сердце. С умыслом или просто это делалось, от того она была еще прелестнее и заманчивее и такой прием действовал сильнее всякого кокетства»¹³⁹⁰. Такие описания – подлинная красота, не нуждающаяся в «огранке», способная затмить окружающую ее искусственность и заставить восхищаться, – распространены в текстах начала XIX столетия. Однако если воспринимать эти эмоциональные проявления, повторяющиеся в рамках одного общественного круга в

1387 РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 43–43 об.

1388 М. Д. Долбилов убедительно показал, что после восстания 1863 г. для российских чиновников и публицистов определение польского национального характера оказалось увязано с гендерно маркированными категориями, а образ польки приобрел ключевое значение для формирования негативного спектра оценок (Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 236–237; Он же. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova*. 2000 / Под ред. А. И. Филюшкина. М., 2000. С. 338–409). Материалы конца 1810-х – 1820-х гг. показывают, что установки такого рода начали формироваться намного раньше и вне прямой привязки к происходившим на этой территории восстаниям.

1389 О стереотипах поляка/польки существует значительная литература, ориентированная прежде всего на анализ художественных и публицистических текстов: См.: Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; Поляки и русские в глазах друг друга; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. См. также работы М. В. Лескинен о гендерных стереотипах применительно к более позднему периоду, в частности: Лескинен М. В. «Прекрасная полька» в русском воплощении: эволюция этногендерных стереотипов в образах и нарративах второй половины XIX в. // Россия – Польша: два аспекта европейской культуры. Царское Село, 2012. С. 334–346.

1390 Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 213.

один и тот же период времени, как явление социальное, то возникает вопрос: что стояло в данном случае за категорией «красота»? Судя по имеющимся материалам, сложившееся представление было связано с указанием на женскую субъектность и отсылками к явлениям, которые были маркированы как сугубо европейские.

Примером может служить замечательный источник – «Письма из Сибири» М. С. Лунина. Служивший в Гродненском гусарском полку будущий декабрист был долгое время влюблен в Н. А. Потоцкую (в замужестве Сангушко), с которой познакомился еще в начале 1820-х гг. в Варшаве. К образу Потоцкой Лунин обращался, уже находясь в ссылке. Среди бумаг декабриста сохранились его письма матери возлюбленной – известной владелице замка Вилянов графине А. Потоцкой-Вонсович – и несколько портретов самой Натальи¹³⁹¹.

В 1837 г., не зная ни о ее замужестве, ни о смерти возлюбленной¹³⁹², Лунин так вспоминал одну из своих встреч с ней: «Помню свидание в галерее замка N, осенью, в холодный дождливый вечер. На ней было черное платье, золотая цепь на шее и на руке браслет, осыпанный алмазами, с портретом предка, освободившего Вену. Девственный взор ее, блуждая туда и сюда, будто следил фантастические изгибы серебряных нитей на моем гусарском ментике. Молча ходили мы по галерее, но понимали друг друга. Она была задумчива. Глубокая скорбь виднелась в блеске юности и красоты, как единственный признак тления. Подойдя к стрельчатому окну, смотрели мы на желтоватую Вислу, которая пестрилась пеною волн. Серые облака тянулись по горизонту, дождь лился, деревья качались... Удар колокола означил час вечерни...»¹³⁹³ В этом описании весь образный ряд построен на противопоставлении: черное платье Потоцкой и гусарская униформа самого Лунина, природное волнение и покой внутри замка, молчаливость и одновременно понимание движений душ героев. Повествование Лунина о невозможности счастливого союза дополняется здесь несколькими значимыми штрихами – портретом победителя турок под Веной Яна Собеского и звуком колокола католического собора: Потоцкая предстает в его тексте подлинной католичкой, за спиной которой оказываются века блестящей польской истории.

Оба аспекта Лунин развивает и в других текстах. В своей «Записной книжке» он отмечает: «Католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она завершает их *врожденное* изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавиц, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем существе ее есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, *указующее на присутствие истины*. Последуйте за нею в готический храм, куда она идет молиться: склонив колена пред алтарем, погруженная в полумрак, овеянная гармоническими звуками, она подобна тем посланникам небес, кои являлись на землю, дабы открыть человеку его высокое предназначение. Только среди католичек мог Рафаэль найти прообраз мадонны»¹³⁹⁴. Интересно, что, говоря о католичках, декабрист, с одной стороны, подчеркивает их *врожденную* инаковость, возвышенность, праведность, а с другой – указывает на свойственное им спокойствие и даже внешнюю холодность, столь противоположные свободному проявлению себя и своей сексуальности, которое фиксировали современники. У Лунина польки оказываются людьми западной цивилизации по своему рождению. Католическая вера видится декабристу противоположностью православию:

1391 Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 379.

1392 Там же.

1393 Там же. С. 9.

1394 Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 176. Интересно, что графиня Р. С. Эдлинг, описывая любовницу Александра I М. Нарышкину, также соотносила облик последней с образами Возрождения. По ее словам, фаворитка была известна «своею идеальной красотой, какую можно встретить разве на картинах Рафаэля» (Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. № 2. С. 212).

«восточная церковь» для него лишь «орудие политической власти»¹³⁹⁵. В параллель с этим в своей «Записной книжке» декабрист протраивает и особый нарратив истории. Лунин называет Наталью Потоцкую «потомка воинов» и «правнука воина»¹³⁹⁶ и разворачивает ее образ на фоне столь знакомой русскому дворянину европейской истории: «Воображение воспроизводило всевозможные видения: старинный замок с зубчатыми башенками, молодую владелицу замка с лазоревым взглядом, ее белое покрывало, развевающееся в воздухе, как условный знак, звуки серенады и лязг оружия, нарушивший гармонию. Безумная, преступная суетность моей молодости»¹³⁹⁷. Подлинная европейская религия и по-настоящему увлекательная европейская история, данные полякам (и полькам) по рождению, оказываются основой их безупречности и красоты. Место самого Лунина в выстроенной композиции оказывается позицией ориентализируемого человека, пусть и сопричастного европейской культуре, но все же лишенного врожденной связи с ней, а значит, неполноценного по своей сути.

Представления декабриста отражают в известной мере установки коллективного сознания русской элиты того времени. Например, Пушкин, увлеченный Собаньской, равным образом апеллировал к католицизму: «А Вы между тем по-прежнему прекрасны, так же, как в день переправы или же на крестинах, когда Ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор – прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика»¹³⁹⁸.

Кроме того, польки воспринимались в России также как женщины, часто движимые идеей и честолюбивые по своей сути. Тот же Пушкин делает Марину Мнишек в «Борисе Годунове» воплощением честолюбия. В тексте драмы именно она говорит Лжедмитрию, что хочет стать «не рабой желаний легких мужа», а «помощницей московского царя». Сам поэт пишет, что его Марина – «странная красавица; у нее... только одна страсть – честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить»¹³⁹⁹. Каролина Собаньская, которой поэт читал «Бориса Годунова», оставила замечание, которое Пушкин зафиксировал: Марина Мнишек – «ужас какая полька»¹⁴⁰⁰. В это же время в стихотворении, посвященном С. Радзивилл (в замужестве Витгенштейн), поэт использовал схожий набор качеств:

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ей уму –
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива.

...

Не раз она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; право –
Вот какова ея любовь!

1395 Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 181.

1396 Там же. С. 281.

1397 Там же. С. 182.

1398 Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 242.

1399 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 395.

1400 Якобсон Р. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем. С. 246.

Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне
Вели она – весь мир обижу,
Пройду от Стрельны до Парижу,
Один рубясь, как на войне.

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою Богиню,
Мою Варшавскую Графиню?..
Нет! ни за что не назову!¹⁴⁰¹

В сущности, весь набор качеств польских дам – глубокая вера, историческая память, поглощенность идеями, честолюбие – сводятся к максиме И. И. Дибича о «рыцарском духе»¹⁴⁰². Все эти качества были в общественном сознании маркированы как мужские и, следовательно, делали полек субъектными. Показательны в этом отношении воспоминания современников относительно морганатической жены Константина Павловича княгини Лович. Колзаков, оставивший в своих материалах мнение о ней, видел в княгине сочетание очарования, ума и воли: «Каким умом и какими чарами должна была обладать она, чтобы покорить своей власти человека столь непреклонной воли (Константина Павловича. – *Прим. авт.*), – перед кем все склонялось, все дрожало, которому ничто не казалось невозможным и прихотям которого не было преград; какую силу воли должна была она иметь, чтобы... склонить его из любви к ней на отречение от престола Российской империи»¹⁴⁰³. Известно, между прочим, что княгиня присутствовала при длившихся 6 часов переговорах между великим князем и депутацией восставших¹⁴⁰⁴, и заслужила сравнение с императрицей Екатериной I. Одному из участников событий цесаревич заявил: «Да сохранит ее Бог!.. Мой предок, Петр Великий, при Пруте находился в менее плачевном положении, нежели я в настоящую минуту: он был спасен своей женой; надеюсь, что и моя спасет меня!»¹⁴⁰⁵

Образ польской дамы часто выстраивался при помощи мотива опасности и тайны. В этом смысле приведенные выше слова великого князя Константина Павловича о Пруте, а

1401 Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт. – сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб.: Альфарет, 2013. Т. 1. С. 29. Такое поэтизированное восприятие честолюбия польских дам было устойчивым, однако не единственным. Так, П. А. Вяземский приводит в своих «Старых записных книжках» слова Генриха Ржевуского, польского писателя, отзывавшегося об этой черте польских женщин следующим образом: «Полячка... любит всегда иметь при себе кого-нибудь, а сама быть ни при чем. Русские, хотя иногда и без выгод, ищут быть бескорыстными клиентами; полячка любит иметь при себе чиновников по особенным поручениям, добровольных невольников. Полячка, где бы ни было, употребит все усилия, все уловки польской своей натуры, чтобы завербовать под власть свою одну из местных предрержащих властей: в столице – министра, в губернском городе – губернатора или начальника внутренней стражи, в уездном – городничего, в деревне – квартирующего с отрядом своим армейского прапорщика. В этом выражается и общая женская потребность нравиться, и особенно польская потребность иметь при себе и всенародно угодника, приживала, более или менее официального, более или менее титулованного» (*Вяземский П. А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003. С. 257–258.*)

1402 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 223–224.

1403 [Колзаков К. П.] Княгиня Лович. С. 398.

1404 Колзаков К. П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.) // Русская старина. 1873. № 5. С. 606.

1405 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 132.

равным образом и пушкинское стихотворение («даст она мне яду») очень показательны. Интересно, что историография, посвященная Польше первой трети XIX в., также склонна фиксироваться на околומистических событиях или прибегать к сослагательному наклонению. Так, в литературе встречаются рассуждения, что восстание 1830–1831 гг. могло и не произойти, если бы Николай I (вопреки сопротивлению великого князя Константина) смог отправить польскую армию на театр военных действий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Братский союз русских и поляков был бы укреплен на полях сражений, а противоречия отступили бы на второй план или исчезли¹⁴⁰⁶. Регулярно вспоминают и проклятия, посланные вслед Николаю I матерью Адама Чарторыйского, графиней Изабеллой, пригласившей монарха посетить ее имение Пулавы, но получившей отказ¹⁴⁰⁷. Историки, которые, конечно, не чужды эмоциональным нарративам эпохи и образности литературы соответствующего периода, видят в словах старой польской графини «Я не прощу вам этого вовек» не то дурной знак, в духе «Пиковой дамы», не то горькую обиду – одну из тех, что приблизили развязку. Храбрые польские войска, искусственно сдерживаемые Константином и вынужденные лишь играть в войну, а не воевать, странные, мистические встречи, нереализованные возможности, посланные вслед удаляющемуся кортежу проклятия – все это, переходя из одного текста в другой, создало вокруг происходящего в Польше в первой трети XIX в. особую ауру романтики и трагедии.

В целом можно говорить о том, что эмоциональный режим эпохи апеллировал к категории «любовь» наравне с категорией «братство», а отношение части русского общества этого периода к Польше определялось в значительной степени переносом на Польшу русской влюбленности в Европу. Покорившие оказывались покоренными, что обеспечивало легитимность александровской, а затем и николаевской политике на западных территориях империи.

8.3. Политическая субъектность: Польша в Российской политической риторике и императорском титуле

В политической риторике 1810–1820-х гг. Польша – регион с широкой автономией внутри империи – неизменно маркировалась как территория особая и существующая вполне независимо. Ключевым фактором в этой системе оказывалась соотнесенность этой территории с Европой.

Стремление *стать* Европой, то есть обрести, в том числе и в собственных глазах, статус цивилизованной страны приобретало в России разные формы. В конце XVIII – начале XIX в. установки на формирование путем просвещения людей, способных благодаря образованию, манерам, французскому языку и приверженности нормам морали представить тип русского европейца, были дополнены и позициями иного порядка. Согласно последним, по-настоящему цивилизованной страной Россию могло сделать приобретение империей территорий, находящихся к западу от ее границ и, следовательно, маркированных как европейские. Основания таких воззрений можно обнаружить уже в павловских проектах, связанных с Мальтой¹⁴⁰⁸. В XIX столетии ситуация перешла на новый уровень: земли на западе, ставшие частью империи в постпросвещенческую эпоху, начали восприниматься как политический субъект по определению.

Однако, прежде чем начать в этой связи разговор о Царстве Польском, следует сделать существенное отступление относительно статуса Финляндии, территории, которая также

1406 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 235.

1407 Там же. С. 234–235; См. об этом также: Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 448.

1408 Примечательно, что в детализированном описании герба 1800 г. корона Российской империи дополнялась короной Мальтийского ордена, при этом регалии оказывались расположенными на одном уровне.

была присоединена в царствование Александра. Принято думать, что разворачиванию политического проекта в Царстве Польском предшествовали действия императора на северо-западе империи, в Финляндии – конституционный эксперимент Александра I начался в 1808 г. с дарования конституции Великому княжеству Финляндскому, а продолжился в Польше подписанием хартии 1815 г. Однако если отказаться от идеи, что указание на конституционное правление само по себе является объяснением, и учитывать, что император в действительности не даровал Финляндии некую новую, специально написанную Конституционную хартию, как это было с Польшей, а признал действие распространенной на этой территории шведской конституции, и, наконец, сравнить риторику российской власти в Финляндии и в Польше, то связь между этими регионами и отношением к ним со стороны России не будет представляться настолько линейной.

Выступление Александра I на сейме в финляндском Борго 16 (28) марта 1809 г. было актом символического порядка¹⁴⁰⁹. Однако при ближайшем рассмотрении действия монарха оказываются сопоставимы скорее с традиционным для российских императоров признанием существующих прав и привилегий присоединенных областей. К тому же сейм в Борго был прямым ответом на текущую политическую ситуацию: в конце 1800-х гг. перспектива очередного столкновения с Францией становилась все более осязаемой, что ставило вопрос об обеспечении безопасности недавно присоединенной территории. По точному определению Л. В. Суни, императору Александру I «предстояло в самые сжатые сроки продемонстрировать обывателям Финляндии, что в отличие от шведского периода их положение в составе Российского государства будет иметь целый ряд преимуществ, и это должно было удержать финляндцев от какой-либо оппозиции Санкт-Петербургу в случае международного кризиса»¹⁴¹⁰.

Стоит отметить, что факт обращения российского императора к подобного рода ассамблеям хоть и был крайне необычен, но все-таки не уникален. За несколько десятилетий до этого схожую процедуру инициировала бабка императора Екатерина II в связи с открытием Уложенной комиссии, представлявшей собой, по сути, собрание сословных представителей. 30 июля 1767 г. во время церемонии открытия Уложенной комиссии, справедливо названной О. Омельченко «дополнительной „общественной“ коронацией» Екатерины II¹⁴¹¹, после торжественного шествия в Успенский собор Московского Кремля, литургии и подписания присяги депутаты были собраны во дворце. Здесь они были представлены императрице, а вице-канцлер А. М. Голицын произнес от лица государыни речь, в которой содержалось описание системы отношений между монархом и подданными. Екатерининская декларация представляла собой сочетание рассуждений об общественном договоре и призыва к депутатам выполнить свой долг с чистыми помыслами и в соответствии с божьими установлениями¹⁴¹². Коммуникация государыни с депутатами была проведена через посредника. Вместе с тем во время чтения монаршего обращения Екатерина

1409 В историографии распространено утверждение, что это событие знаменует обретение Финляндией государственности. Исключение составляют исследования О. Юссила, который полагает, что «сословный сейм в Порвоо (Борго) не был мероприятием по учреждению финляндского государства», и ставит под сомнение сложившуюся трактовку о даровании Финляндии конституции, так как император Александр I, хотя и произнес слово «конституция» в своей речи, по сути «утвердил лишь законы и права финляндских подданных, включая те положения форм правления 1772 и 1789 гг., в которых содержались эти права» (Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. С. 58, 73).

1410 Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 16.

1411 Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования правового престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. М.: МГИУ, 2007. № 7 (2006). С. 35–36.

1412 Подробнее см.: Болтунова Е. М. «Я произнес перед вами слово истины»: речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 63–65.

II присутствовала в зале¹⁴¹³, а значит, у депутатов не оставалось сомнений, что фактически с ними говорила сама императрица.

Во время пребывания на сейме в Финляндии император Александр I повторил установки, нашедшие отражение в двух более ранних манифестах о «покорении» Финляндии (1808 г.), которые трактовали произошедшее в рамках классической парадигмы победившей стороны: мотивацией к столкновению выступало указание на необходимость обезопасить отечество, действия войск оценивались в категориях военной доблести, а итог событий был выражен в формулировке: «Страну сию, оружием Нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи»¹⁴¹⁴. Речь императора на сейме также прямо констатировала факт завоевания и «права, предоставленные... военным счастьем»¹⁴¹⁵. К тому же в манифестах положение Финляндии в иерархии территорий империи не артикулировалось как особое: «Под сению престола Нашего покоются многочисленные народы... вступив в состав Империи Нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними». Жителям объявлялось, что всякое стремление к «восстановлению шведского... владычества» повлечет за собой «неминуемую... гибель и разорение»¹⁴¹⁶.

В отличие от речи в Варшаве 1818 г., которая вызвала в России многочисленные публикации в прессе и отклики – от бравурных до резко осуждающих, появление Александра I на Боргоском сейме и его выступление перед собравшимися менее чем за десятилетие до этого не вызвали сколько-нибудь существенного отклика у российской элиты. Выступление Александра на сейме в Финляндии не публиковалось в российских газетах. «Санкт-Петербургские ведомости» отметили лишь, что «от Финляндского сейма по предварительному назначению в городе Борго собравшегося здесь представлена была Государю Императору депутация для поднесения поздравления с благополучным Его Императорского Величества прибытием в Финляндию»¹⁴¹⁷. Равным образом присоединение к Великому княжеству Финляндскому в 1811 г. входившей с петровских времен в состав Российской империи «Старой Финляндии» (Выборгской губернии)¹⁴¹⁸ не вызвало никакого протеста. Общественная реакция на это событие была несопоставима с тем возмущением, которое было высказано Александру по поводу планов присоединения к Царству Польскому Литвы¹⁴¹⁹. В титуле российского императора Финляндия получила статус великого княжества¹⁴²⁰, который был существенно ниже статуса Польши, ставшей царством¹⁴²¹.

При всей внешней декларативности произошедшего на Боргоском сейме и того значения, которое Финляндия имела для формирования концепции личности западных

1413 Сборник РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 35–40.

1414 ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 22911. С. 146.

1415 Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 139.

1416 Там же. С. 133–134.

1417 Санкт-Петербургские ведомости. 1809. № 25. б/л.

1418 ПСЗ. Собрание 1. Т. 31. № 24907. С. 1023.

1419 Вероятно, водоразделом здесь является не только разница в трактовке статуса Финляндии и Польши, но и обсуждавшиеся более или менее публично после Отечественной войны 1812 г. планы Александра в отношении присоединения Литвы к Царству Польскому.

1420 ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 23421. С. 750.

1421 В отдельных случаях (похороны Александра I в Санкт-Петербурге в 1826 г.) в рамках символических структур Финляндия фигурировала рядом с Польшей, «отодвигая» Сибирь и Херсонес Таврический дальше от центральной (ядерной) части.

территорий, этот проект Александра начал приобретать символические коннотации позже и непосредственно в связи с разворачиванием российской политики в Царстве Польском. Показательно, что, войдя в императорский титул российского монарха в 1808 г., Финляндия занимала четырнадцатое, а после присоединения к империи Царства Польского – пятнадцатое место в списке территорий¹⁴²². Однако в 1826 г. княжество появилось на надгробии императора Александра уже в заглавной триаде – Российская империя, Польша и Финляндия¹⁴²³. За менее чем два десятилетия статус этого региона колоссально вырос. Такая динамика стала возможной только в рамках существования единого контекста, который, выдвигая вперед Польшу, перемещал на первый план и Финляндию.

Такую взаимозависимость можно обнаружить при анализе материалов подготовки к похоронам Александра I. Тело покойного императора еще находилось в Таганроге, а в столице едва был подавлен мятеж декабристов, когда петербургская Печальная комиссия начала поиск финляндских регалий власти. Толчком к самой постановке вопроса стало упоминавшееся в главе 1 обсуждение польской короны и вопроса о включении последней в похоронную церемонию. Чиновники, занятые подготовкой похорон, внезапно вспомнили и про Финляндию, и глава Печальной комиссии князь Алексей Куракин обратился к статс-секретарю Великого княжества Финляндского барону Роберту Ребиндеру с запросом: «...в приуготовленную печальную процессию нужна корона, герб и другие регалии Великого княжества Финляндского... В следствие чего покорнейше прошу Вашему превосходительству приказать заблаговременно все сии вещи приготовить и доставить в Печальную комиссию»¹⁴²⁴. Ответом на это было сообщение барона, что «короны и прочих регалий Великого Княжества Финляндии... вовсе не имеется»¹⁴²⁵. Дискуссию подобного порядка, однако, едва ли следует воспринимать как курьез или причуду Куракина. В конце 1820-х гг., подталкивая императора Николая I к участию в католическом богослужении во время коронации в Варшаве, великий князь Константин Павлович также разыграл карту финляндской политической субъектности, указывая императору, что если бы последнему пришлось «короноваться великим князем Финляндским», то ему «следовало бы присутствовать при лютеранской проповеди»¹⁴²⁶.

Действительно, к моменту вступления императора Николая на престол связка Польша – Финляндия была уже достаточно сильна. По мере реализации своей политики в Царстве Польском во второй половине 1820-х гг. монарх, как кажется, все больше оглядывался и на Финляндию. Так, первое посещение Николаем I Финляндии пришлось на конец лета 1830 г.¹⁴²⁷, то есть произошло сразу после второй поездки в Варшаву в мае 1830 г. При этом сохранившиеся источники показывают, что монарха ждали в Финляндии уже с декабря 1828 г., а значит, приготовления к визиту, причем вполне основательные, велись в период подготовки и проведения варшавской коронации¹⁴²⁸. В январе 1829 г. А. Х. Бенкендорф

1422 ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 23421. С. 750; Т. 33. № 25875. С. 195.

1423 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 34.

1424 Там же. Д. 8. Л. 279. Примечательно, что, испрашивая у императора разрешение на использование гербов территорий («По примеру сему включать ли лошадей [с гербами] *царств Польского, Грузинского и Финляндского*»), Печальная комиссия маркировала статус Финляндии как равный титульным царствам (Там же. Д. 5. Л. 31; Ф. 477. Оп. 1. Д. 621. Л. 29; Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 206).

1425 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 280.

1426 Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх. С. 413.

1427 Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). KKK 320. б/л. KKK 326. б/л. Neovius Ad. Furstebesök i Finland. Borgå, 1900. P. 43; Nikula J., Tuomi-Nikula P. Keisarit kesäломalla Suomessa. Helsinki: Atena, 2002. P. 29.

1428 План встречи императора был вполне детализированным – от установлений, связанных с униформой встречающих, до определения чиновников к встрече в Выборге, Гельсингфорсе (первым в списке значилось

сообщал генерал-губернатору Финляндии А. А. Закревскому, что до государя дошла «книжечка на шведском языке... содержащая в себе инструкции данные будто бы... в случае предполагавшегося приезда его величества в тамошний край». Речь шла об опубликованном церемониале встречи императора Николая во время его поездки в Великое княжество Финляндское. Шеф жандармов выражал удивление и просил от имени императора разъяснений, действительно ли ландтаг выдал предписание публиковать инструкции такого рода¹⁴²⁹.

Показательно и то, что практически сразу по возвращении в Петербург летом 1829 г. император сделал символический жест в отношении Великого княжества Финляндского. Осенью на маневрах в Красном Селе Николай I вышел в незнакомой окружающим униформе, представив таким образом мундир финского стрелкового батальона, недавно объявленного лейб-гвардейским¹⁴³⁰, что стало основанием для серии празднований, которые были организованы в княжестве. Все это произошло в считанные недели после коронации – повысив уровнем статус Польши, император ощущал необходимость быть столь же любезным и с финляндцами.

Вернемся, однако, к рассмотрению вопроса о позиционировании субъектности польских территорий. В известной речи на открытии польского сейма 1818 г., написанной, как упоминалось выше, самим Александром I, статус Польши и статус России маркировались как несовпадающие. В тексте император представил свое видение иерархии, которое нашло отражение в известных словах о конституционном правлении: «Вы (поляки. – *Прим. авт.*) мне подали средство явить моему Отечеству (России. – *Прим. авт.*) то, что я с давних лет ему приуготовляю»¹⁴³¹. Месяц спустя в речи на закрытии сейма монарх пошел дальше, определив статус Польши как принципиально субъектный: Царство Польское было названо «свободным и независимым государством». Перед нами исключительно необычная ситуация – монарх, не находившийся под политическим давлением внутри страны и не нуждавшейся в каких бы то ни было радикальных изменениях в связи с внешнеполитической ситуацией, объявлял, что часть территории его империи независима.

Спустя два года Александр I открыл в Варшаве новый сейм. В это время, как отмечается в литературе, очарованность конституционным правлением прошла¹⁴³², а депутаты были настроены по отношению к монарху остро критически. И все же, увещевая поляков, призывая их отказаться от «суетных умствований», «частных приличий», «наущений недоброжелательства и соблазнов» и, наконец, «собственных видов», император не был готов отказаться от своих представлений. Он обратился к слушающим с призывом:

«грекороссийское духовенство»), Фридрихсгаме и Борго. Разрабатывались планы публикации текста «Правил о встрече Его Императорского Величества» на русском языке (Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). ККК 579; *Клинге М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. Хельсинки: Отава, 2012. С. 142–144).

1429 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1829. Д. 440. Л. 8–15 об. В отношении западных территорий империи в целом распространенной является установка, что император *должен был* посетить этот регион, а значит, было необходимо объяснить, почему он не появился там раньше. Говоря о причинах задержки императорской поездки в Финляндию, традиционно называют войну с Турцией (см. в качестве примера: *Клинге М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. С. 142). Это радикально отличается от взгляда на другие регионы даже европейской части Российской империи, которые монарх отнюдь не обязан был посещать и где его появление воспринималось как неожиданная милость.

1430 *Клинге М.* Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. С. 143–154; *Высочков Л. В.* Николай I. С. 265.

1431 См. Приложения.

1432 *Хартли Дж.* Александр I. С. 77. Император уже в начале 1820-х гг. начал получать сведения о тайных обществах (*Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 204).

«Явите Отечеству вашему, что опираясь на опытность вашу, на ваши правила и чувствования, что вы умеете соблюсти под сению законов спокойную *независимость* и чистую свободу; явите современникам, что сия свобода есть друг порядка и его благотворений и что вы пожинаете плоды ее»¹⁴³³.

Отметим между прочим, что коммуникация Александра с польским сеймом разворачивалась на глазах его российских подданных; польские речи императора, опубликованные в России, становились формой передачи политических установок власти в отношении Царства Польского. Переводы этих выступлений на русский язык появлялись в газетах (как правило, в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Северной почте (Новой Санкт-Петербургской газете)») в течение месяца после произнесения в Варшаве; они также выходили отдельными брошюрами¹⁴³⁴. При этом важно, что изданные в России переводы не имели содержательных изъятий¹⁴³⁵.

Нужно отметить, что публикации переводов на русский с определенным временным разрывом не затрудняли циркуляцию польских новостей среди российской аристократии: по-французски говорили все, а польский язык был очень популярен. Судя по частным архивам высших чиновников и военных, речи не просто читались, но и коллекционировались¹⁴³⁶. Вместе с тем для более широких кругов российского общества, например провинциального дворянства, отсутствие информации в прессе имело значение. В России (за пределами Петербурга и Москвы) мало осознавали процесс появления третьего элемента монаршей образности – помимо русского царя и российского императора теперь также существовал и польский король, полагавший своим долгом обращаться к подданным одной конкретной территории в пространных речах. Отголоски этих обращений долетали до подданных монарха в столице, но были мало слышны тем, кто видел Александра I в рамках базовой парадигмы русского царя.

Вплоть до восстания 1830–1831 гг. Царство Польское в российских документах достаточно часто именовалось «страной», а если речь шла одновременно о Польше и России, то в тексте появлялась формулировка «обе/две страны». Например, А. Х. Бенкендорф, описывая приготовления к коронации Николая, писал, что «по приказанию императора из Петербурга была доставлена императорская корона с тем, чтобы показать всем, что для *обеих*

1433 См. Приложения.

1434 Санкт-Петербургские ведомости. 1818. № 26. С. 1–2 (293–294); № 50. С. 1–2 (977–978); Северная почта. 1818. № 26. С. 113–114; № 35. С. 153–154; Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве. Б. м. и б. г.; Речь, произнесенная его величеством императором всероссийским, царем польским при открытии сейма Царства Польского в 1 (13) день сентября 1820 года в Варшаве. Б. м. и б. г. Хотя новости о варшавских речах императора распространялись не всегда одинаково равномерно, первый сейм 1818 г., на котором император изложил главные установки, был освещен достаточно подробно, включая публикацию речей на открытие и закрытие представительства.

1435 Переводы законодательных документов и речей Александра I способствовали развитию в России новой политической лексики, поскольку инициировали дискуссию о переводе на русский язык целого ряда терминов. Об этом см.: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. М., 2010. С. 488; Бадалян Д. А. Понятие «конституция» в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под ред. А. И. Миллера, Д. Сдвижкова и И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 157–158. О переводе П. А. Вяземским речи Александра I 1818 г. с французского языка см.: Глинка С. Н. Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества: шестой период царствования Александра Первого от 1818 до 1825 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 126.

1436 Так, в фонде А. А. Закревского отложился большой объем материалов за 1820 и 1825 гг. – программы заседаний сейма, все речи императора (как на французском, так и в переводе), а также выступления депутатов, обращенные на сейме к самому Александру I (в частности, тексты речей С. Потоцкого и Р. Рембелинского) (РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 2–51).

стран есть всего одна корона»¹⁴³⁷. Новости из Польши часто попадали в газеты в блок внешнеполитических сообщений. Так, «Сын Отечества» размещал информацию из Польши в рубрике «Обозрения новейших происшествий», в которой публиковались материалы о событиях за пределами Российской империи. С восшествием на престол Николая I ситуация в этом отношении не изменилась¹⁴³⁸.

Показательна позиция великого князя Константина Павловича, именовавшего Царство Польское «страной» в документах самого разного порядка. Например, комментируя первые действия Николая I на престоле, он писал, что монарх «при восшествии своем на престол, обещал манифестом данным *этой стране* следовать по стопам покойного императора»¹⁴³⁹. В переписке с высшими чиновниками империи в случае, если речь шла о делах одновременно в империи и Царстве, великий князь, как уже упоминалось, всегда употреблял слово «польский» перед словом «русский» или формировал сочетание «польско-русский»¹⁴⁴⁰. Наконец, в переписке цесаревич называл каждого из своих братьев-монархов «императором и царем (кролем)» безотносительно к тому, что Александр I не был коронован в Польше, а вопрос коронации Николая I три года был в процессе обсуждения¹⁴⁴¹. Надо сказать, что в отношении последовательности титулов Константин Павлович следовал букве и форме императорского титула, в котором император, конечно, был «выше» короля.

Вместе с тем с началом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Константин Павлович редуцировал свою обычную формулу. Теперь он титуловал Николая исключительно как «императора» или использовал внемаркированные определения, например «Его Величество» или «монарх»¹⁴⁴². Так, в письме от 8 (20) октября 1828 г. А. Х. Бенкендорфу великий князь сообщал: «Я не нахожу слов, любезный генерал, чтобы выразить Вам радость, с которой я узнал из Вашего письма от 30 сентября о занятии нашими войсками крепости Варны... Прошу Вас положить к стопам *Его Величества* мои самые искренние поздравления по этому случаю... Радость так велика и так всеобща и среди военных, и во всех классах общества, что нет возможности описать ее. Все в восторге... В честь этой победы сегодня слово Варна служит паролем. Этим способом мы из нашего отдаления приветствуем успех, приобретенный перед глазами *нашего августейшего монарха* »¹⁴⁴³. При всем стремлении выступать адвокатом польской стороны цесаревич понимал или, быть может, интуитивно ощущал, что любая война актуализировала русский дискурс и упоминание польского контекста следовало отложить в сторону до наступления мирных времен.

В рамках риторического концепта Польша-страна произошло и осмысление такой категории, как «граница». За несколько дней до коронации в Варшаве император Николай I вернулся к вопросу о демаркационной линии между Царством Польским и Австрией. По приказанию цесаревича от 2 (14) мая несколько польских офицеров были командированы к генералу Довре «для занятий по демаркации между Австрией и Царством Польским»¹⁴⁴⁴.

1437 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 409.

1438 Сын Отечества. 1829. Т. 3. С. 249, 375.

1439 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. Вып. 2. С. 285.

1440 См., например: Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 234.

1441 См., например: *Константин Павлович*, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом. С. 302.

1442 Там же. С. 322–323.

1443 Там же. С. 327–328.

1444 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 (246). Д. 2790 (св. 331). Л. 13 об.

Примечательно, что граница Российской империи на западе была представлена в этом распоряжении как проходящая по линии Австрия – Царство Польское, а не по линии Австрия – Российская империя. Эта же ментальная проекция определяла и территорию Царства Польского на востоке. Достаточно вспомнить церемонию передачи короны Анны Иоанновны на границе с Царством или один из предлагавшихся императором проектов символического «коронования»: Николай намеревался доставить корону к границе Царства Польского и надеть венец при ее пересечении¹⁴⁴⁵.

Выстроенная Александром I иерархия ролей и территорий сопалагалась с предписанной Польше уникальной цивилизаторской миссией. В 1818 г. император заявил, что распространение конституционных норм на Российскую империю будет возможно, когда империя достигнет зрелости, которой поляки уже обладают. В России речь была воспринята двойственно: одни обращали внимание на обещание конституции, другие, как уже указывалось, видели в ней прямое оскорбление. К последним можно отнести А. А. Закревского с его известной фразой об «ужаснейших» последствиях, которые может иметь подобное обращение императора¹⁴⁴⁶, и И. Ф. Паскевича, утверждавшего, что речь была оскорбительна для русского самолюбия¹⁴⁴⁷. А. П. Ермолов так оценивал произошедшее в одном из своих писем: «Счастливы поляки толиким о них попечением, и гордость, сродная надменному сему народу, питается тем, что они впоследствии должны служить нам примером. Судьба не дала им другого торжества над нами ... Это нам приветствие! Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец...»¹⁴⁴⁸ Интересна и реакция адъютанта Александра I А. И. Михайловского-Данилевского, который, отметив, что услышать такую речь из уст самодержавного монарха было «весьма любопытно», сравнил все происходящее с эпохой начала XVIII столетия: «Петр Великий не говорил, что русские дикие, и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предварений»¹⁴⁴⁹. Примечательно, что в этих реакциях на первый план выходят рассуждение о военных победах России и – одновременно – идея ее культурной и политической отсталости. Ермолов прямо адресует к войне 1812 г. («Судьба не дала им другого торжества над нами»), а Михайловский-Данилевский, не выступая против самой идеи русского варварства, возмущается тем, что император перешел к артикуляции этих воззрений.

Обсуждение польской политики в привязке к категории «цивилизация» инициировалось Александром I не единожды. Император охотно говорил о роли поляков по отношению к России, особенно если в качестве слушателя выступал иностранец. Так, в том же 1818 г. в разговоре с одним из прусских генералов Александр объяснил выстроенную им иерархию: «Польша мне необходима, чтобы цивилизовать мою империю, слишком обширную, чтобы я желал ее дальнейшего увеличения. Я дал Польше конституцию, я надеюсь, что она проявит себя достойной этого знака... Я стремлюсь обеспечить всеобщий мир и цивилизовать Россию, таковы мои чаяния, такова цель моей политики...»¹⁴⁵⁰ Неудивительно поэтому, что в

1445 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829). С. 301.

1446 Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 192. Как уже упоминалось, респондент Закревского А. С. Меншиков именовал речь «прекрасною» и видел в ней обещание представительного правления для России (Там же. С. 428).

1447 Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 94.

1448 Там же. С. 95–96.

1449 Там же. С. 92.

1450 Рэй М. -П. Александр I. С. 348.

Польше этого периода сформировалось представление о возложенной на нее цивилизаторской миссии в отношении России¹⁴⁵¹.

Стремление подчеркнуть особость Польши нашло прямое отражение в титулатуре российских монархов первой трети XIX столетия. Прежде всего отметим, что в российских документах существовало сразу несколько наименований применительно к польским территориям, вошедшим в состав империи в 1815 г. В случае с наполеоновской Польшей (с 1807 г.) речь шла о «княжестве» или «герцогстве». Российская же Польша (с 1815 г.) именовалась в документах «царством» или «королевством». Соответственно, на территории империи имели хождение титулы «царь» и «король»¹⁴⁵².

Утвержденный после вхождения Царства Польского в состав империи титул Александра I выглядел следующим образом: «Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, Финляндский...»¹⁴⁵³ Наименование «царство» указывает на то, что вновь присоединенным польским землям в рамках императорского титула было отведено исключительно высокое место. Фактически речь шла о включении Польши во второй по значимости круг земель, притом что интеграция этих земель в первый «исторический» блок, состоявший из столиц Руси (Москва, Киев, Владимир, Новгород), была в принципе невозможна. Следует отметить при этом, что исторические земли и царства всегда были наиболее значимыми элементами титулатуры и неизменно доминировали в визуальной репрезентации территории империи.

Став «царством», Польша оказалась в одном ряду с Казанским, Астраханским и Сибирским царствами, а также Херсонесом Таврическим. При этом ее появление «сломало» чрезвычайно устойчивую триаду – Казань – Астрахань – Сибирь¹⁴⁵⁴. Подобное решение противоречило устоявшейся традиции: как правило, присоединенные территории становились частью императорского титула, не меняя последовательности устойчивых сочетаний¹⁴⁵⁵. Так, Екатерина II, став царицей Таврической после присоединения Крыма и Причерноморья, поставила этот сегмент титула после Казани, Астрахани и Сибири, ничего таким образом не разделив¹⁴⁵⁶. Александр I, став великим князем Финляндским, поместил новые земли в титуле в блоке «великокняжеских» земель в завершение всей линии («великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский») ¹⁴⁵⁷. Разрыв триады Казань – Астрахань – Сибирь был нелогичен и с точки зрения хронологии присоединения территорий: все три «царства» (Казань, Астрахань и Сибирь) вошли в состав страны при Иване Грозном. Все это говорит о том, что история с появлением Царства Польского в титуле

1451 Киселева Л. Н., Яцук Е. А. Польский фактор в интерпретации войны 1812 года (Ф. В. Булгарин, М. Н. Загоскин). С. 98–99; Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 397.

1452 Существование двойной номенклатуры уже отмечалось в литературе применительно к более позднему периоду. См., например: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. С. 6.

1453 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25875. С. 195.

1454 Порядок не изменился в период николаевского царствования (ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 13. С. 22).

1455 Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 121–136.

1456 ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15919. С. 17.

1457 Там же. Т. 30. № 23421. С. 750.

русских монархов представляла собой в значительной мере экстраординарное явление – речь шла о поиске высокого статуса, сформировать который требовалось с учетом установок, которые были зачастую диаметрально противоположны друг другу.

Действительно, появление Польши в категории «царство» могло быть одновременно попыткой успокоить противников императора. Б. А. Успенский, анализирувавший употребление титула «царь» в послепетровский период, отмечает несколько возможных (но зачастую не связанных друг с другом) коннотаций, появившихся в связи с его бытованием в императорский период: соотнесенность с титулом «хан», специфический восточный контекст или, напротив, апелляция к византийской и в целом к православной традиции¹⁴⁵⁸. Рассуждая о смене титула российского монарха в связи с вхождением в состав страны польских земель, Б. А. Успенский предполагает, что соотнесенность царского и королевского титулов могла указывать на стремление подчеркнуть, что во главе Польши – православный государь¹⁴⁵⁹. В самом деле, в титуле Польша помещалась среди завоеванных территорий, прошедших (в рамках властного нарратива) путь от язычества или мусульманства к христианству. Об этом прямо упоминали некоторые современники, в частности Н. Н. Новосильцев, считавший, что подобный жест был «уступкой русскому народному чувству», которое «видя... что в императорском титуле к существовавшим царствам: Сибирскому, Казанскому и пр. прибыло еще новое, должно было совершенно этим успокоиться и даже радоваться»¹⁴⁶⁰. Вместе с тем тот же Новосильцев утверждал, что «титул... был предметом серьезных прений»¹⁴⁶¹. Это не лишено оснований: между объявлением о принятии Александром титула царя Польского 21 апреля (3 мая) 1815 г. и объявлением 6 (18) июня 1815 г. полного императорского титула, включавшего теперь Царство Польское¹⁴⁶², прошло полтора месяца.

Существенно, что наименование новой территории было рассчитано исключительно на «внутреннее» использование. Польша называлась «царством» лишь в самой Российской империи, тогда как в официальном делопроизводстве Царства Польского значился титул «королевство»¹⁴⁶³. Установления такого рода были сформулированы в самом начале: «королевством» Польша была названа еще в Конституционной хартии 1815 г.¹⁴⁶⁴ Равным образом присяга на верность Александру содержала указание на двойное наименование: «Я нижеименованный обращаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым его Евангелием, что я Всепресвятлейшему и Вседержавнейшему великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому и Царю Польскому... хочу верным, приверженным, послушным и верноподданным пребыть, соблюдая сей обет верности, послушания и приверженности и к коренному Царства Польскаго ныне издаваемому установлению»¹⁴⁶⁵. Как можно увидеть, в приведенной выше русской версии документа Александр I именовался «царем», а Польша – «Царством». В тексте присяги, воспроизведенном на польском, монарх именовался «королем», а территория – «королевством». Для перевода титула «Его

1458 Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. С. 49–51.

1459 Там же. С. 51–52.

1460 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1723.

1461 Там же. С. 1722.

1462 ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25824. С. 65; № 25875. С. 195.

1463 См., например: AGAD. F. 190. № 88. К. 19–22, 58, 134.

1464 В Хартии использовалось слово «Royaume» («Le Royaume de Pologne»).

1465 РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Л. 6.

Императорского и Царского Величества» в Польше использовалась формулировка «cesarsko-krolewskeiy»¹⁴⁶⁶.

В делопроизводстве внутренних губерний империи такой заданной двоичности почти не было: Александр I, а затем и Николай I именовались царями Польскими, а сама русская Польша – Царством Польским¹⁴⁶⁷. Очевидно, в этом случае речь шла о достаточно четкой установке и цензурировании информации: в Российской империи термины «король» и «королевство» в отношении Польши практически не использовались.

Нельзя, однако, сказать, что самая западная территория империи не представляла, что внутри страны она оказалась соотнесена с категорией «царство». Один из мемуаристов, О. Пржецлавский (Ципринус), так описывал разговор, состоявшийся между несколькими польско-литовскими шляхтичами и графом Н. Н. Новосильцевым. Обсуждая политику конца александровского царствования, участники разговора затронули вопрос титула. По словам Пржецлавского, «Новосильцев согласился... что поляки не могли быть довольны тем, что Александр Павлович перед ними (поляками. – *Прим. авт.*) и Европою назывался королем, а перед русскими царем». Далее шляхтичи объяснили суть своего недовольства: «...в полном Императорском титуле „царь Польский“ стоит о бок или даже ниже царя Казанского и Астраханского. То, что их отечество (Польша. – *Прим. авт.*) в политической иерархии сравнено с тремя или четырьмя из 50 губерний не могло не быть чувствительным для их народной гордости»¹⁴⁶⁸. С трактовкой О. Пржецлавского был вполне согласен Н. И. Греч, утверждавший, что «поляки негодовали на это наименование тем более, что полный титул „Царь Польский“ поставлен был подле „Сибирского“»¹⁴⁶⁹. Иными словами, то, что при взгляде изнутри империи казалось исключительным благоволением, внутри Польши воспринималось как нечто неподобающее или даже оскорбительное, о чем Новосильцев был готов говорить вполне открыто. Обсуждая упоминание Польши в титуле российского императора, дебатировавшие с Новосильцевым поляки приводили примеры, на которые, по их мнению, Александру I следовало обратить внимание, а именно: наименование прусского и шведского монархов «королями». Николай Николаевич, проживший в Польше достаточно, чтобы понимать реакции обеих сторон, был согласен: «Да, вы правы; это еще одна из тех, любимых нашим всемилостивейшим Государем полумера. Но это имеет еще ту особенность, что в одних вызывает неудовольствие, а других не удовлетворяет»¹⁴⁷⁰.

Интересно, между прочим, что история с титулом напоминает ситуацию, которая возникла вокруг александровской польской конституции. Вопреки ожиданиям императора пожалованное Царству представительство не вызвало восторга¹⁴⁷¹ – конституционные нормы на этой территории действовали и раньше и вводимое Александром установление, по мнению поляков, лишь приводило все к минимально необходимой норме, тогда как главное внимание было обращено на обещанное воссоединение исторических польских земель. При

1466 Там же. Л. 6 об.

1467 См., например: «Манифестом, в 9 день Мая изданным, возвестили Мы о заключении договоров, к пользе Государственной относящихся, и о присоединение к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, под наименованием Польского Царства. В силу означенных договоров, признав нужным сделать прибавление и в Императорском Титуле Нашем, препровождаем Правительствующему Сенату описание онога, для надлежащего исполнения» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 33. № 25875. С. 195).

1468 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722.

1469 Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 215.

1470 Ципринус. Николай Николаевич Новосильцев. С. 1722–1723.

1471 O'Meara P. The Russian nobility in the age of Alexander I. P. 156.

этом введение конституционных норм в самой империи воспринималось стремившимися к этому русскими подданными Александра недостижимой мечтой.

Очевидно, что Александр I испытывал большие трудности при поиске определения для статуса Польши в составе своей империи. Насколько уникальным был такой поиск в связи с приращением территории империи на западной границе и приходилось ли сталкиваться со схожими трудностями его предшественникам на престоле? Сопоставление титулатуры российских монархов за период, когда земли бывшей Речи Посполитой последовательно аннексировались Российской империей, вплоть до создания Царства Польского, позволяет увидеть разницу в понимании политических реалий.

Первый раунд включения польских земель в монарший титул произошел отнюдь не сразу после первого раздела Польши в 1772 г. Более того, в титуле Екатерины II территории, отторгнутые у Речи Посполитой, появились лишь 12 лет спустя. До этого они проходили по разряду «иные земли» («и иных [земель] наследная обладательница»). В 1784 г., однако, императрица добавила к своему титулу Полоцк, Витебск и Мстиславль¹⁴⁷². Приобретенные земли были помещены в середину – вторую половину титула. При этом императрица явно выделила Полоцкие земли, поставив их в титуле рядом с центром страны – Московским царством – между Рязанью и Ростовом. Витебск и Мстиславль были указаны ниже, замыкая этот блок земель.

Для понимания екатерининской оценки произошедшего – присоединения к Российской империи территорий на западе – важно увидеть, в какой момент было принято решение ввести польские земли в титул. Императрица занялась этим вопросом лишь в тот момент, когда возникла необходимость указать в титуле только что завоеванные земли Крыма и Северного Причерноморья, то есть сделала это, что называется, «заодно». Екатерина II одновременно приняла на себя титул царицы Херсонеса Таврического и великой княгини Полоцкой, Витебской и Мстиславской. Очевидно, до этого найти правильную формулу включения земель на западе не получалось, а присоединение огромной и символически очень значимой территории на юге предоставило возможность легитимизировать и приращения на западе.

Если земли, ставшие частью екатерининской империи по первому разделу, вошли в титул с серьезной задержкой, то территории, захваченные в результате второго и третьего разделов, «дождались» своего включения в титул лишь при Павле I. Иными словами, Екатерина II столкнулась с неким ментальным препятствием при выработке удовлетворяющей ее стратегии апроприации новых земель. Речь, вероятнее всего, шла не только о том, что империя расширялась на запад, но и о том, что территории эти достались без приложения военной силы. Именно поэтому Екатерина прибегла к актуализации известной концепции «собирания земель», в рамках которой Российская империя ничего не захватила, а лишь отвоевала или вернула территории, которые некогда являлись частью единого русского государства, а затем были утрачены в результате серии войн¹⁴⁷³.

Отметим высказанную А. Б. Каменским идею, что сама концепция «собирания земель» была изобретена Екатериной II в связи с разделами Польши. По мнению исследователя, до начала 1790-х гг. говорить о существовании этой интеллектуальной конструкции не приходится¹⁴⁷⁴. Стоит, однако, отметить, что сам принцип легитимации захвата через декларацию «беру свое», до уровня которой можно редуцировать екатерининскую «находку»,

1472 «Государыня и Великая княгиня Новагорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская... Витебская, Мстиславская» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 22. № 15919. С. 17).

1473 Показательна известная медаль «Отторженная возвратих», на которой двуглавый орел соединял разорванную карту, одна часть которой была маркирована 1772 г. (первый раздел), а вторая – 1793 г. (второй раздел).

1474 Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. С. 168–185.

универсален; к тому же подобная интерпретация не объясняет, как предложенная императрицей установка могла в достаточно короткие сроки укрепиться в сознании современников, притом что император Александр в дискуссиях о судьбе Литвы продвигал принципиально иные позиции. В конечном итоге именно общественное восприятие территорий, ставших частью империи после разделов Польши, как «своей земли» не позволило Александру I реализовать свой план – присоединить Литву к Царству Польскому. Очевидно, Екатерина II актуализировала уже существовавшую идею, переводя ее на новый уровень с точки зрения осмысления и образности. При этом сам факт работы с нарративом демонстрирует, что императрица осознавала сложность стоящей перед ней политической задачи – интегрировать в состав империи земли, присоединенные на западе, а значит, не вписывающиеся в традиционную ориенталистскую парадигму.

Занявший престол Павел I подробно перечислил в титуле все земли, доставшиеся ему в наследство, включая те, что были аннексированы Екатериной II на западе. В 1796 г. император стал именоваться (помимо указания на Полоцк, Витебск и Мстиславль) великим князем Литовским, Волынским, Подольским и князем Самогитским. В это же время в титуле появилось указание на Курляндию и Семигалию, то есть территории, зависимые прежде от Речи Посполитой и вошедшие в состав Российской империи в результате разделов¹⁴⁷⁵. Важно, что приобретенные польские земли в этом случае вошли в категорию «великих княжеств», то есть получили высокий статус и переместились ближе к началу титула. Кроме того, распределение аннексированных территорий указывало на попытку отделить запад империи от ее северо-запада: Павел титуловался великим князем Смоленским, Литовским, Волынским и Подольским, а только затем князем Эстляндским, Лифляндским, Курляндским, Семигальским, Самогитским и Карельским.

Александр I, вступивший на престол в 1801 г., полностью повторил титул отца, убрав лишь указание на орден Иоанна Иерусалимского¹⁴⁷⁶. Мечты его отца о территориях на западе (Мальта) не имели для Александра никакого значения – у него было свое видение того, какие западные территории и проекты сделают его настоящим европейцем. Наименование бывших польских земель не претерпело в титуле никаких изменений. В 1815 г. с созданием Царства Польского император тотчас же принял на себя титул царя Польского¹⁴⁷⁷, а новое «Царство» было включено в императорский титул¹⁴⁷⁸.

По сути, оформление польских земель в титуле российских императоров прошло в три этапа – екатерининский, когда фактическое присоединение территории плохо коррелировало с ее символической апроприацией (в это время в титуле появилось всего три территориальных элемента), павловский, когда были поименованы все земли, захваченные в результате разделов (плюс шесть территориальных элементов), при этом их статус внутри титула был различен, и, наконец, александровский, когда общее число условно польских элементов достигло девяти, при этом в титуле также появилось указание на особую, чрезвычайно высокую по статусу территорию – Царство Польское. К 1815 г. пятая часть титула российских монархов была занята территориями, некогда принадлежавшими Речи Посполитой. Титул российского императора был исключительно «полонизирован».

Вопрос о том, с какой скоростью принимались эти решения, также представляется значимым. Если Екатерина II, за все свое долгое правление изменившая титул лишь дважды, не спешила маркировать польские земли как свои, по крайней мере в титуле, то Александр I, напротив, стремился как можно быстрее оформить в титуле западные территории. При этом

1475 ПСЗ. Собрание 1. Т. 24. № 17635. С. 230.

1476 При этом Александр I первоначально принял на себя звание «Великого магистра державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского», что нашло отражение в титуле (Там же. Т. 26. № 19721. С. 503).

1477 Там же. Т. 33. № 25827. С. 80.

1478 Там же. № 25875. С. 195.

если Екатерина оставляла этим землям их права и привилегии, Александр этим не ограничивался, стремясь максимально расширить последние.

Не менее показательна и история с гербом Царства Польского на гербе Российской империи. Занимающиеся вопросами геральдики историки справедливо указывают, что включение польского герба в российский имело целью подчеркнуть государственное и территориальное единство империи¹⁴⁷⁹. Вопрос, однако, не ограничился политической декларацией общего порядка, ведь Царство Польское занимало особое место в иерархии земель на государственном гербе империи. Это не изменило даже восстание 1830–1831 гг. В 1832 г. щит с польским гербом был размещен на одном из крыльев двуглавого орла вместе с гербами Херсонеса Таврического и Финляндии¹⁴⁸⁰, при этом ему было отведено почетное (верхнее) место среди территориальных гербов. Для сравнения скажем, что логика простраивания территориальных иерархий подобного рода оставляла все меньше и меньше возможностей для исторических земель страны. Так, в изображениях первой половины – середины XIX в. (Большой, Средний и Малый государственные гербы Российской империи) Киев, Владимир и Новгород получили объединенный герб, то есть не были больше представлены индивидуализированно.

Александр был готов признать политическую субъектность Царства Польского и декларировать ее в любой форме и на любом уровне. Он создал новую традицию, которая продемонстрировала устойчивость безотносительно к изменениям политической реальности, возникавшим на западных границах империи. Обозначенная на его надгробии формула «Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский»¹⁴⁸¹ перекочевала в манифест о вступлении на престол Николая I¹⁴⁸², а затем в присягу наследника Александра Николаевича¹⁴⁸³. Неудивительно, что, став императором, Александр II воспроизвел этот риторический конструкт. В Манифесте «О Священном Короновании...» от 17 апреля 1856 г. отмечалось, что монарх вступает на «Прародительский Всероссийский Престол и нераздельные с ним Престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского»¹⁴⁸⁴. В это же время на надгробии его отца, Николая I, появилась надпись, идентичная той, которую сам Николай некогда одобрил для надписи на могиле брата, – «...Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский».

1479 Пчелов Е. В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: РГГУ, 2005. С. 60.

1480 При Николае I было закреплено одновременное существование двух типов государственного орла (Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб.: Славия, 1997. С. 47). В данном случае речь идет об одном из вариантов.

1481 РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 34.

1482 ПСЗ. Собрание 2. Т. 1. № 1. С. 3.

1483 В произнесенную в 1834 г. будущим Александром II присягу были включены следующие слова: «В качестве наследника российского престола и корон Польши и Финляндии, которые к нему присоединены, я клянусь и обещаю соблюдать все законы наследования престола» (Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 556).

1484 ПСЗ. Собрание 2. Т. 31. № 30401. С. 219. Польская коронация упоминалась и в документах подготовки к коронации Александра II в Москве. Организаторов действия заинтересовал порядок шествия герольдов по улицам Варшавы (РГИА. Ф. 437. Оп. 3. Д. 287. Л. 10).

Глава 9

Забыть смутное время

Пространство николаевской коронации и память о русско-польской войне начала XVII в

9.1. Варшавская ось триумфа над Москвой

Провозглашая в 1818 г. на сейме, что «забвение прошедшего могло произвести... возрождение» Польши¹⁴⁸⁵, император Александр I говорил об одном из важнейших принципов своей политики в регионе и одновременно имел в виду конкретное историческое событие – участие поляков в войне против России в 1812 г. Однако выбранная им стратегия памяти затронула не только события начала XIX столетия. Подданные Александра, проживавшие к востоку от границы с Царством Польским, впрочем, далеко не сразу обнаружили (если обнаружили вообще), что предложенное в Польше прочтение 1812 г. предопределило и прочтение значительно более раннего столкновения России и Польши. Речь идет о событиях Смутного времени.

Середина 1810-х – 1820-е гг. ознаменовались в России повышенным интересом к истории начала XVII в. – времени затяжного политического кризиса, который спровоцировал мощную польскую и шведскую интервенцию, ответом на которую стала широкая социальная консолидация, выразившаяся в формировании народного ополчения, изгнании интервентов и появлении на российском престоле новой правящей династии Романовых. Пристальное внимание к событиям двухсотлетней давности со стороны общества было прямо связано с недавними победами над наполеоновской армией. Пара образов 1812/1612 закреплялась в общественном сознании совпадением сроков битвы за Москву в XVII и XIX вв., а также практически одновременным открытием в Москве памятников К. Минину и Д. Пожарскому и закладкой храма Христа Спасителя¹⁴⁸⁶.

Взлет интереса к событиям Смуты, о котором речь пойдет ниже, оказался для императора Александра I еще одним фактором, который мог затруднить реализуемую в Польше стратегию. Новая мемориальная волна в империи не соотносилась с идеологемой польской исключительности и русской вторичности. Это означало, что условный 1612 г. должен был – в полном соответствии с «парным» ему 1812 г. – обрести «герметичную» мемориальную версию, созданную специально для Российской империи, но не валидную в Царстве Польском. Последнее получало право поддерживать свою – альтернативную, а по сути, враждебную принятой в империи – версию событий начала XVII в.

Существенно, что рассмотрение именно этого аспекта позволяет увидеть, что позиция, которую культивировал Александр I, а затем и Николай I, не была единственно возможной. Ведь отношение Романовых к польскому проекту памяти о событиях начала XVII в. далеко не всегда строилось на стремлении «предать забвению».

Символическая ось триумфа Польши над Московским царством, «вшитая» в пространство польской столицы, сложилась задолго до появления в Варшаве Александра I или Николая I. Она сформировалась еще в первой половине XVII столетия и была выстроена вокруг двух исторических персонажей-антагонистов, из которых один – польский король Сигизмунд III – выступал в роли героя и триумфатора, а второй – московский царь Василий Шуйский – в роли поверженного и униженного врага, жизненный крах которого с особой яркостью высвечивал победу противника.

1485 Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. С. 612.

1486 Киселева Л. Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л. Н. Киселевой, Р. Г. Лейбова, Т. К. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 78.

Польский король Сигизмунд III был одним из главных действующих лиц русско-польского политического и военного конфликта периода Смутного времени. Именно он поддерживал проект политического захвата власти в России, связанный с появлением таких фигур, как Лжедмитрий и Марина Мнишек, а затем перешел к военным действиям, результатом которых стали захват Москвы войсками Речи Посполитой (1610 г.) и избрание на московский престол сына Сигизмунда III Владислава. Историки указывают, что Сигизмунд III сам рассчитывал занять московский трон и активно позиционировал свои права на власть в России¹⁴⁸⁷. Для этого он использовал символический потенциал одного из самых унижительных для России исторических событий того периода – варшавской присяги захваченного в плен московского царя Василия Шуйского.

Василий Шуйский, представитель первой правящей династии Рюриковичей, был провозглашен царем в 1606 г., заняв престол сразу после убийства Лжедмитрия. Поцеловав «крест всей земле» в Успенском соборе, Шуйский оставался в Кремле несколько лет, легитимизируя свою власть апелляцией к идее наследственности – воцарения на «отчине прародителей»¹⁴⁸⁸. Он был свергнут четыре года спустя и пострижен в монахи, а в 1610 г. выдан польскому гетману Станиславу Жолкевскому¹⁴⁸⁹. Последний вывез Василия Шуйского и его братьев Дмитрия и Ивана под Смоленск, который осаждали в тот момент польские войска. Здесь свергнутый московский царь был показан польскому королю Сигизмунду III, которому он, по сообщению ряда источников, отказался поклониться¹⁴⁹⁰. После двух недель пребывания в польском лагере под Смоленском братьев Шуйских отправили в Польшу.

19 (29) октября 1611 г. в королевском замке Варшавы свергнутый московский царь Василий Шуйский принес присягу своему противнику – польскому королю Сигизмунду III. Процедура была прописана с особой тщательностью, а действие было исключительно пышным. Церемония стоила польской казне немалых средств, потраченных в том числе и на подготовку особого платья свергнутого царя и его братьев. Василия Шуйского привезли к Варшавскому замку в открытой карете, которая была запряжена шестеркой лошадей¹⁴⁹¹. Действо было организовано во время заседания в Варшаве очередного сейма, то есть наблюдать за унижением русского государя могли все знаковые представители польской элиты¹⁴⁹². Среди участников присутствовал и отец Марины Мнишек – воевода Юрий Мнишек.

Историк С. М. Соловьев описывает это событие следующим образом: «Когда всех троих Шуйских поставили перед королем (Сигизмундом III. – *Прим. авт.*), то они низко поклонились, держа в руках шапки. Жолкевский начал длинную речь об изменчивости счастья, прославлял мужество короля, указывал на плоды его подвигов – взятие Смоленска и Москвы, распространился о могуществе царей московских, из которых последний стоял теперь перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потом поцеловал эту руку, второй брат, Дмитрий, ударил челом до самой земли, третий брат, Иван, трижды бил челом и плакал. Гетман

1487 См., например, работу А. В. Лаврентьева о «московской короне» Сигизмунда III (*Лаврентьев А. В. «Московитская корона» в казне польских королей XVII–XVIII вв. (о происхождении и судьбе инсигнии)* // *Slověne*. 2018. № 1. С. 93–114).

1488 *Платонов С. Ф.* Смутное время. Прага: European Printing, 1924. С. 120–121.

1489 Василий Шуйский был выдан «под охрану» гетману по решению Боярской думы (*Козляков В. Н. Василий Шуйский*. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 241–242).

1490 Там же. С. 246.

1491 Там же. С. 252.

1492 Там же. С. 251.

продолжал, что вручает Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, просил оказать им ласку, причем все Шуйские опять молча били челом. Когда гетман окончил речь, Шуйских допустили к руке королевской. Было это зрелище великое, удивление и жалость производящее, говорят современники...»¹⁴⁹³

Через несколько дней после этого события Сигизмунд III объявил о присоединении к Польше завоеванных у Москвы территорий – «Северского княжества вместе с землею» и Смоленской крепости. Документ был направлен на подрыв легитимности власти Шуйского, названного в тексте узурпатором, захватившим «не принадлежавшую ему княжескую власть... обманом и преступным насилием»¹⁴⁹⁴. Сигизмунд оформлял свои претензии на московский престол, представляя себя потомком Рюриковичей¹⁴⁹⁵, и аргументы такого рода позволяли ему прямо указывать на собственные наследные права.

После присяги братья Шуйские были отправлены подальше от Варшавы – в Гостынский замок, где, вероятно, содержались в тяжелых условиях. Скончавшиеся вскоре Василий и Дмитрий были похоронены в склепе под сводами замковых ворот¹⁴⁹⁶. По мнению историка Р. Г. Скрынникова, смерть братьев могла быть насильственной¹⁴⁹⁷.

Присяга Шуйских приобрела известность далеко за пределами Варшавы¹⁴⁹⁸ и нашла отражение в целом ряде произведений литературы и искусства, например в изображениях Томмазо Долабеллы, о которых речь пойдет ниже. Отголоски событий 1611 г. можно найти и в известной пьесе П. Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон», в которой действие происходит в Полонии, один из персонажей имеет титул «Герцога Московского», а основными героями являются родственники и одновременно противники – Сехисмундо и Басилио¹⁴⁹⁹. Интересно, что в пьесе отражен нарратив, сформировавшийся в отношении произошедшего, а именно представление о том, что Сигизмунд пленил побежденных «царей», но проявил к поверженным врагам милость. Такая трактовка действий польского короля была дана в упомянутой речи гетмана С. Жолкевского, а затем и в посвящении, выбитом над входом в мавзолей Шуйских.

Знаменитый эпизод с присягой Василия Шуйского стал основанием для разворачивания польской мемориальной традиции в отношении русско-польского противостояния начала XVII в. Варшава стала превращаться в «место памяти» о польских победах над Москвой уже в 1620-е гг., то есть еще при Сигизмунде III. Однако окончательно этот проект оформился к

1493 Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1989. Кн. 4. Т. 8. С. 623.

1494 Козляков В. Н. Василий Шуйский. С. 254.

1495 Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids // Spain – India – Russia. Centres, Borderlands and Peripheries of Civilisations / Ed. by J. S. Ciechanowski, C. Gonzalez Caizán. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2018. P. 339.

1496 Устимович М. П. Гостынский замок место заточения, кончины и первой усыпальницы царя Василия Иоанновича Шуйского. Варшава, 1899. С. 10–11; Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. Варшава, 1913. С. 19.

1497 Скрынников Р. Г. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2006. С. 381–382.

1498 Существует мнение, что на сейме 1611 г. мог присутствовать также находившийся в это время в плену патриарх Филарет – отец Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых (Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. Варшава, 1905. С. 21). По другим сведениям, патриарх и В. Шуйский не видели друг друга во время плена в Польше (Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 8–9).

1499 Об интерпретации пьесы и исторических отсылок в ней см.: Brody E. C. Poland In Calderón's «Life Is A Dream»: Poetic Illusion Or Historical Reality // The Polish Review. 1969. Vol. 14. № 2. P. 21–62; Ziomek H. Historic Implications And Dramatic Influences In Calderón's «Life Is A Dream» // The Polish Review. 1975. Vol. 20. № 1. P. 111–128.

началу 1640-х гг. – в период правления его сына Владислава IV, который, напомним, был избран на русский престол. Существенно, что к началу 1620-х гг. вопрос о возможности обретения власти в Московии становился для польского короля и его наследника все более призрачным, а потребность в символическом позиционировании побед, напротив, возрастала.

В 1620 г. Сигизмунд III инициировал строительство так называемой Московской часовни, где были перезахоронены останки братьев Шуйских. Отметим, что это произошло вскоре после Деулинского перемирия (конец 1618 г.), которое подвело черту под войной между Московским царством и Речью Посполитой, но не привело к окончательному разрешению спора о московском престоле. Владислав отказался от своих претензий на трон лишь после Поляновского мира (1634 г.)¹⁵⁰⁰.

Московская часовня (Московская каплица) – своего рода мавзолей Шуйских – должна была увековечить триумф короля Сигизмунда III. По точному определению С. Либровича, усыпальница представляла собой «вещественный след погребения царя в чужой земле, оставалась как будто память о временном падении Московского государства»¹⁵⁰¹. У входа в часовню была размещена мраморная плита с надписью на латыни: «Во Славу Иисуса Христа, сына Божия, царя царей, Бога войск. Сигизмунд III, король Польши и Швеции, когда Московское войско было разбито при Клушине, когда он принял под свою власть Московскую столицу, когда Смоленск был возвращен республике, когда Василий Шуйский, Великий Князь Московский, и его брат Дмитрий, предводитель войска... были взяты в плен, содержались в замке Гостыньском под стражею, и там окончили свою жизнь: Помня о человеческой участи, кости их перенести сюда [повелел], и чтобы, в его царствование, даже враги и вопреки права приобретшие скипетр не лишены были справедливости и погребения, в этом им построенном для всеобщей памяти в потомстве и для чести своего королевства памятник... [положить повелел]...»¹⁵⁰². Местом для размещения мавзолея был выбран Королевский тракт, соединяющий Варшаву с Краковом¹⁵⁰³. Московская часовня быстро стала заметным городским объектом: ее можно увидеть на множестве варшавских карт того времени.

После смерти Сигизмунда III разворачивание мемориальных практик вышло на новый уровень¹⁵⁰⁴. В 1644 г. король Владислав IV в память о покойном отце установил перед Варшавским замком колонну Сигизмунда. На ее вершине была размещена скульптура польского короля в рыцарских доспехах и с саблей в руках. Монарх был изображен опирающимся на огромный католический крест. На одной из граней постамента была сделана надпись, которая сообщала о деяниях короля: «Сигизмунд III, свободно избранный король Польши, наследный король Швеции, в любви к миру и славе первый среди королей, в войне и победах не уступающий никому, взял в плен предводителей московских, столицу и земли (московские. – Прим. авт.) занял, войска разгромил, Смоленск вернул, сломил под Хотинном мощь Турции, царствовал сорок четыре года, сорок четвертый король, сравнялся во славе со всеми [предыдущими] и принял ее (славу. – Прим. авт.) полностью»¹⁵⁰⁵. В этом

1500 Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. С. 77.

1501 Либрович С. Царь в плену. СПб.: Труд и польза, 1904. С. 86.

1502 Надпись на могиле царя Василия Ивановича Шуйского // Русская старина. СПб., 1890. Т. 65. С. 91–92; Starowolski S. Monumenta sarmatarum beatae aeternitati. Kraków, 1655. P. 259–260; Niemcewicz J. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. T. 3. Warszawa, 1819. S. 195–196.

1503 В настоящее время – пересечение ул. Николая Коперника и ул. Новый Свят.

1504 О претензиях на российский трон Владислава см.: Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids. P. 333–347.

1505 Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 1. С. 35. Альтернативный перевод текста см.: Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 22.

тексте интересен риторический и вполне ориенталистский прием, подобный тому, что через два столетия использует император Николай I, оформляя идею нового единства и подчеркивая борьбу Польши и России с турецкой угрозой. В содержательном отношении, однако, установка, представленная Владиславом, была диаметрально противоположна николаевской: в рамках польского властного дискурса середины XVII в. пространство варварства включало в себя как Турцию, так и Москву. При этом, судя по тому, что Москва занимала в тексте пропорционально бóльшую часть, именно она могла формировать основание для всей конструкции.

В польской исследовательской литературе хорошо описано, что колонна Сигизмунда и Московская часовня были значимой частью церемониального пространства Варшавы, выстроенного, в свою очередь, в соответствии с семиотическими установками, реализованными в Кракове, главном месте проведения польских коронационных ритуалов¹⁵⁰⁶. Помимо этих объектов ключевой точкой триумфальной оси был и Варшавский замок¹⁵⁰⁷ – место присяги Шуйских. Представительские помещения замка были украшены полотнами, отражавшими польскую память о войнах с Московским царством. Одной из наиболее значимых картин здесь была работа итальянского художника Томмазо Долабеллы, изображавшая присягу Шуйских. Картина с длинным названием «Станислав Жолкевский представляет королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу на сейме 1611 г. пойманных царей Шуйских» сейчас считается утраченной, возможно, даже уничтоженной, однако сохранившаяся копия из экспозиции Львовского исторического музея может пролить свет на то, как выглядело полотно¹⁵⁰⁸.

В центре картины мы видим помост, на котором возвышаются две фигуры – Сигизмунд III и его сын королевич Владислав. Несмотря на то, что последний был избран московским царем, не приходится сомневаться, что ключевым персонажем здесь является Сигизмунд: он занимает более почетную правую сторону¹⁵⁰⁹ и при том, что тронные кресла изображены стоящими на одном уровне, оказывается на полголовы выше сына. Сигизмунд и Владислав выделяются на общем фоне окружающих их людей в том числе и цветом одежд: для их изображения художник предсказуемо выбирает один из польских национальных цветов – красный. Король и королевич представлены слушающими речь Жолкевского, чья фигура, в плаще и с булавой, расположена в правой (от зрителя) части картины. Долабелла смог вполне

1506 *Chrościcki J.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy. S. 125–142.

1507 *Ibid.* S. 138. В польской исследовательской литературе отмечается, что ось триумфа включала в себя, помимо Московской часовни, колонны Сигизмунда III и Варшавского замка, обелиск в честь Владислава IV (после 1648 г., не завершен) и триумфальную арку в честь побед Яна II Казимира (*Ibid.*).

1508 Отдельные искусствоведы выдвигают предположение, что это полотно является оригинальной работой Т. Долабеллы (*Wilkojć E.* Siedemnastowieczny obraz Stanisław Żółkiewski przedstawia Zygmunta III i królewiczowi Władysławowi na sejmie w 1611 roku pojmanych carów Szujskich z Lwowskiego Muzeum Historycznego w świetle badań konserwatorskich // *Hołd carów Szujskich*. S. 168). Однако в большинстве своем к таким трактовкам относятся скептически (*Przybyszewski W.* Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III // *Spotkania z Zabytkami*. 2020. № 5. S. 18–19; *Dolabella.* Wenecki malarz Wazów. Warszawa, 2020. S. 106).

Сохранившаяся копия, возможно, не во всем совпадала с оригиналом Долабеллы. В литературе существует мнение, что картина из экспозиции Львовского исторического музея могла быть выполнена по заказу великого коронного маршала Сигизмунда Гонзага-Мышковского (*Przybyszewski W.* Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 19). Вполне вероятно, что заказ предполагал перераспределение акцентов в сторону «подсвечивания» на полотне фигуры Мышковского, которая в оригинале не занимала столь значительного места. Так, созданная по мотивам картины Долабеллы гравюра Томаша Маковского в целом ряде деталей не совпадает с трактовками образов на полотне из Львовского музея. Однако в интерпретации основных – властных – позиций сходство между картиной Т. Долабеллы и музейной копией не вызывает сомнений.

1509 Стороны маркируются с учетом позиции главного действующего лица, а не зрителя.

отчетливо выстроить взаимодействие между тремя указанными персонажами: Сигизмунд и Владислав развернуты в сторону Жолкевского, а гетман в свою очередь делает жест, направленный в сторону трона. Все пространство вокруг королевского помоста занимают ряды участников действия – представителей польской знати и членов Сената, что должно было указывать на высокий статус происходящего.

Не менее выразительны и фигуры братьев Шуйских, расположенные в нижней части картины. Василий, Дмитрий и Иван предстают перед зрителем облаченными в богатые цветные кафтаны с длинными рукавами на старомосковский манер и очень высокими, особым образом оформленными воротниками. Художник потратил немало усилий на передачу деталей одежды Шуйских: мы видим вычурные узоры кафтанов и разноцветные камни, нашитые на воротники. Из московитов выделяется центральная фигура, по всей видимости царя Василия. Из присягающих он самый высокий, на нем самое яркое (золотое) и, вероятно, самое богатое платье; на его голове высокая меховая – дикая – шапка. Из всех участников действия он также единственный, чье лицо не видно зрителю.

Образы Шуйских выстроены в явной оппозиции к представителям польской королевской власти. Одежда Шуйских отлична от облачения Сигизмунда, Владислава, Жолкевского и других поляков. Используемая в интерпретации образов Шуйских ориенталистская стилистика вполне узнаваема и имеет своей целью соотнести последних с пространством варварства, противопоставленного пространству цивилизованности. Варварскую природу «московских царей» призвано подчеркнуть и изображение восточного ковра, размещенного художником в той же части картины, что и фигуры Шуйских¹⁵¹⁰. Еще одним ключевым символом, который предопределяет оппозицию цивилизация – варварство, является католический крест, триумфально возвышающийся над всеми персонажами.

Ю. М. Эскин отмечает, что картина играла «важную пропагандистскую роль» для демонстрации польского триумфа над Москвой, поскольку случай, когда один монарх пленял другого, был большой редкостью¹⁵¹¹. Более того, это живописное напоминание об унижительной клятве царя Василия Шуйского размещалось в замке в паре с картиной, посвященной взятию поляками (а значит, утрате русскими) Смоленска¹⁵¹². Полотна использовались как плафоны в двух помещениях, которые вели к Мраморной комнате и Аудиенц-залу Варшавского замка¹⁵¹³. Мраморная комната замка, оформленная портретами Вазов и Ягеллонов¹⁵¹⁴, была также украшена историческими картинами на тему побед Сигизмунда и Владислава в России. Среди сюжетов фигурировали поход на Москву в 1610 г. и Смоленская кампания 1632 г.¹⁵¹⁵

1510 Ковер покрывает помост трона, его попирает ногами Сигизмунд III.

1511 Эскин Ю. Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года // Родина. 2006. № 11. С. 13. Стоит отметить, что в связи с претензией на власть в Москве Сигизмунд III и прежде совершал яркие символические акции, целью которых было продемонстрировать его влияние на московский трон. См. об этом: Лаврентьев А. В. Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, награжденные знаки и медали. 1604–1606. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 81–115.

1512 Согласно одной из гипотез, на втором полотне Долабеллы был изображен отец первого Романова патриарх Филарет (Эскин Ю. Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года. С. 15).

1513 Лилейко Е. Варшавский замок. С. 37; по другим сообщениям, картины украшали потолок зала Сената (Wilkojć E. Siedemnastowieczny obraz Stanisław Żółkiewski przedstawia Zygmunta III i królewiczowi Władysławowi na sejmie w 1611 roku pojmanych carów Szujskich z Lwowskiego Muzeum Historycznego w świetle badań konserwatorskich. P. 167).

1514 Лилейко Е. Варшавский замок. С. 39.

1515 Там же. С. 37–38.

9.2. Борьба за память о смуте: От первых Романовых до Екатерины II

Выстраивание в России проекта исторической памяти о Смутном времени шло параллельно разворачиванию мемориальных практик в Польше, при этом русская и польская версии выступали как конкурирующие. Самый ранний этап осмысления Москвой произошедших событий и, что более важно, поиск форм их презентации остаются пока малоизученными. Вместе с тем в литературе, посвященной этому периоду, можно обнаружить некоторые отсылки к происходящим процессам. Так, И. Е. Забелин в «Домашнем быте русских царей» указывает, что специально для встречи очередного польского посольства в 1678 г. в Святых сенях перед Грановитой палатой (тронным залом русских царей в Московском Кремле) поновляли роспись «Видение царя Константина о кресте»¹⁵¹⁶. Изображение Константина в Святых сенях, располагавшееся напротив входа с Красного крыльца, первым попадало в поле зрения всех направлявшихся на аудиенцию к русскому царю и было призвано символически постулировать неотвратимость победы православного монарха. Очевидно, речь шла о стремлении представить роспись в наилучшем виде во время предстоящего визита католиков-поляков.

Существенную часть ранних мемориальных практик составляла, как представляется, борьба с польской версией событий начала XVII в. Первые Романовы прямо стремились к уничтожению или по крайней мере изменению антимосковской топографии Варшавы. Так, в 1635 г. родоначальник династии Романовых царь Михаил Федорович добился передачи Москве останков покойных братьев Шуйских, в том числе и царя Василия¹⁵¹⁷. Интересно, что согласие польской стороны на возвращение останков сопровождалось следующими словами, адресованными русским послам: «А толко б де был Жигмонт (Сигизмунд. – Прим. авт .) король, и он бы никак тела царя Василья не отдал, хотя бы ему полаты золота насыпали, и он бы кости одной не отдал»¹⁵¹⁸.

Свергнутого царя перезахоронили (уже во второй раз) в Архангельском соборе Московского Кремля – некрополе Рюриковичей и Романовых. В пышном церемониале прощания принял участие сам царь, а на могильном памятнике Шуйского появилась эпитафия, описывавшая жизнь и смерть в изгнании и возвращение тела в Москву¹⁵¹⁹. Идея преемственности династической власти Рюриковичей и Романовых имела для Михаила Федоровича колоссальное значение, а о сложных отношениях при жизни между Василием Шуйским и отцом нового царя – патриархом Филаретом, бывшим долгое время фактическим соправителем первого Романова¹⁵²⁰, – старались не вспоминать.

1516 Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1: Государев двор или дворец. С. 217.

1517 Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 24–25. В историографии нет единого мнения относительно того, использовал ли посол А. М. Львов подкуп для решения вопроса о выдаче тел. С. Либрович и Д. Цветаев полагают, что Москва была готова заплатить за выдачу тел, но взятки не потребовались (Либрович С. Царь в плену. С. 76; Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 1. С. 27–28). Л. Д. Львова, ссылаясь на материалы РГАДА, утверждает, что подкуп имел место (Львова Л. Д. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов» (<http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm>)). В любом случае возможность использовать деньги как аргумент в переговорах оговаривалась в наказе послу (Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXVII–XXVIII).

1518 Козляков В. Н. Василий Шуйский. С. 260.

1519 Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXXIII–XXXV; Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. С. 78.

1520 Платонов С. Ф. Смутное время. С. 124–125.

Впоследствии Михаил Федорович благоволил единственному выжившему и вернувшемуся из польского плена Шуйскому – Ивану¹⁵²¹, который по возвращении начал управлять Московским судным приказом, женился на дочери боярина В. Т. Долгорукова, укрепив таким образом свое положение при дворе¹⁵²², и стал одним из крупнейших землевладельцев в стране¹⁵²³.

Не менее активен в отношении польской версии Смуты был и следующий российский монарх – царь Алексей Михайлович, потребовавший от Польши во второй половине 1640-х гг. отдать упоминавшуюся выше мраморную плиту с надписью об унижении Шуйских. Переговоры прошли успешно, и плита была доставлена в Москву¹⁵²⁴. В литературе существует также указание, что Романовы просили решить вопрос о «снятии», то есть уничтожении, Московской часовни¹⁵²⁵.

Не изменилось отношение к польской версии столкновений начала XVII в. и с появлением на престоле Петра I. До заключения с польским королем Августом II антишведского союза правительство молодого царя не забывало историю Смуты и претензии польских королей на московский престол. В 1696 г. русский резидент в Варшаве А. В. Никитин, получив информацию о взятии Азова, потребовал в своей речи перед Сенатом не использовать в официальных бумагах наименование польских королей как властителей Киева и Смоленска¹⁵²⁶. Некоторым фоном проходит история Смуты и через материалы путешествия по Европе в 1697–1699 гг. П. А. Толстого, который, осмотрев Варшавский замок, не зафиксировал какого-либо особого оформления представительских помещений¹⁵²⁷, однако

1521 Иван Шуйский являлся до пленения сторонником королевича Владислава и находился на службе у Сигизмунда III (*Grala H. «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids. P. 340; Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 18).*

1522 Женившись на Марфе Долгоруковой, Иван Шуйский стал свояком царя Михаила Федоровича. Об отношении к И. Шуйскому см. также: *Милорадович А. А. Царица Мария Владимировна // Русский архив. 1897. № 9. С. 12.*

1523 А. Павлов указывает, что «по самым скромным подсчетам, за ним числилось около 14 тыс. четвертей вотчинной и 1,6 тыс. четвертей поместной земли. Основу его земельных богатств составляли возвращенные (пожалованные) ему родовые вотчины князей Шуйских, которыми они владели до „московского разорения“» (*Павлов А. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica 2018. Vol. 6. № 4. P. 962).* По материалам М. По, единственный выживший Шуйский имел самый высокий оклад среди бояр (700 руб.) наравне с И. Н. Романовым и, позднее, с Ф. И. Шереметевым (*Рое М. Т. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Vol. 1. P. 111–129).* Со смертью Ивана род Шуйских прервался. В середине XVII столетия, однако, российскому правительству пришлось иметь дело с выдававшим себя за сына царя Василия Шуйского беглым подьячим Т. Анкудиновым, появление которого затрудняло решение ряда дипломатических вопросов (*Лисейцев Д. В. Тимофей Анкудинов: Одиссея русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии. Будапешт, 2011; Козляков В. Н. «За царскую честь война весть»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 47–48).*

1524 *Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский и места его погребения в Польше. 1610–1910. Т. 2. С. XXXV–XL; Либрович С. Царь в плену. С. 84–89. По мнению С. Либровича, в Москве плита была зарыта в землю (Либрович С. Царь в плену. С. 89). Существует альтернативная версия событий, согласно которой плита была спрятана в Польше (Kraushar A. Warszawa historyczna i dzisiejsza: zarysy kulturalno-obyczajowe. Lwow; Warszawa; Krakow, 1925. S. 125–126).*

1525 *Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 26–27.*

1526 *Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М.: Международные отношения, 1986. С. 40.*

1527 П. А. Толстой, оказавшийся в Речи Посполитой в момент траура по скончавшемуся королю Яну Собескому, предметно описал его *castrum doloris* в Варшавском замке, а также находившийся в плачевном состоянии зал Сената («Между тех королевских полат есть одна полата великая, которую поляки называют изба

заметил колонну Сигизмунда, приняв ее за монумент Владиславу. В своем описании он указал: «У ворот вышеписанного замку зделан столб зело высокой, из одного камени вытесан. На том столбе поставлена персона Владислава, бывшего древле короля полскаго, вылита из меди и вызолочена, имея в левой руке крест, а в правой руке обнаженный держит меч»¹⁵²⁸.

Появление Петра I в Варшаве и его знакомство с польскими мемориальными практиками задали новый виток противостоянию. Описание произошедшего можно обнаружить в книге, изданной в 1730 г. и посвященной Варшаве и ее окрестностям. Автором публикации был личный медик короля Польши и курфюрста Саксонии Августа II, ботаник и метеоролог Христиан Эрндтель¹⁵²⁹. Работа вполне отражала интересы Эрндтеля, сообщавшего своему читателю в основном многочисленные факты, связанные с географией и ботаникой территорий, расположенных вокруг польской столицы. Однако в книге нашлось место и истории, при этом последняя обрела черты увлекательного приключенческого рассказа. Повествуя о пространстве власти в Варшаве, королевский врач описал богатейшую коллекцию живописи столичного замка, в том числе уже упоминавшиеся полотна Т. Долабеллы: «...изображение занятия города Смоленска и то публичное действие, во время которого... польский полководец гетман Жолкевиус в присутствии сенаторов передал... королю плененного великого князя Московии». При этом медик с сожалением констатировал, что вторая картина «во время последней шведской войны русским царем Петром была... увезена в Московию»¹⁵³⁰. Х. Эрндтель, не отметив обстоятельства, при которых была осуществлена передача картины, создавал у читателя ощущение утраты шедевра. Он также упоминал, что русский царь покушался и на колонну Сигизмунда III, возведенную перед Варшавским замком (Петр стремился «покончить... с памятником»), чему, однако, помешали «неутомимые выступления против такого осквернения некоторых сенаторов»¹⁵³¹. Королевский медик передал детали произошедшего относительно точно. Он ошибся лишь в одном: во второй половине 1700-х гг. российский император получил в качестве дара от Августа II не одну, а обе картины Долабеллы.

Надо отметить, что новый обладатель исторических полотен – российский император Петр I – был известным коллекционером предметов искусства и разнообразных диковинок. Будучи при этом человеком исключительно настойчивым, он умел заполучить понравившееся, преподнеся дипломатический дар, устроив выгодный обмен или просто купив желаемое. Именно так в России появился известный глобус-планетарий (Готторпский глобус), статуя Венеры Таврической и анатомическое собрание Фредерика Рюйша. Однако в случае с картинами Т. Долабеллы речь не шла о стремлении обладать выдающимися предметами искусства. Более того, в данном случае качество приобретенного, вероятно, не интересовало российского императора. Требуя от польского короля и саксонского курфюрста

сенаторская, в той полате бывает у поляков сейм, у которой полаты окна великие, окончины были стеколчетые, все повыломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делах пьяных поляков»). Примечательно, что Толстой описывает Варшаву с интересом (каменное строительство, коллекционирование предметов искусства, особый похоронный обряд), но не без ощущения превосходства. Стольник отдельно отмечает отсутствие удобной переправы через Вислу, из-за чего, по его словам, ежегодно погибает множество людей, и неустройство в государстве из-за постоянных стычек представителей польской шляхты (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699 гг.). С. 23–25).

1528 Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699 гг.). С. 25.

1529 В настоящее время его работы содержатся в каталогах естественно-научных библиотек (*Hutchings C. E. Missouri Botanical Garden Annual Report. St. Louis, 1903. Vol. 1903. P. 233–316*).

1530 *Erndtel C. H. Warsavia physice illustrata. Dresdae, 1730. P. 22.*

1531 *Ibid.* К версии о том, что Петр намеревался увезти в Россию и колонну Сигизмунда III, склонялся также Д. В. Цветаев (*Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. С. 38–39*).

Августа II – своего союзника, человека, с одной стороны, свободного от давления польской культурной традиции, а с другой – зависимого от действий войск Петра I, – отдать картины «в дар», российский император, скорее всего, не планировал включать эти полотна в свою коллекцию. Его задачей был подрыв к тому времени уже сложившегося польского мифа о триумфальных победах в борьбе против Московского царства. Что произошло с полотнами после их передачи Петру I, неизвестно, их след теряется. Последнее позволило ряду историков сделать вывод, что этих работ, «по-видимому, уже нет»¹⁵³².

Интересным аспектом этой истории является вопрос датировки событий. Эрндтель ничего не говорит относительно времени, когда Петр I забрал картины. Занимавшийся этим вопросом С. Либрович полагает, что царь мог вывезти полотна Долабеллы в 1703 г., однако он не приводит никаких доводов¹⁵³³. Впервые Петр I побывал в Польше в 1698 г. – на обратном пути из Великого посольства. Известия о стрелецком бунте заставили царя изменить планы; монарх спешно вернулся в Москву, отказавшись от посещения Варшавы и Кракова¹⁵³⁴. Последующие несколько встреч Петра и Августа прошли вне пределов Варшавы¹⁵³⁵. Очевидно, увидеть город Петр смог лишь во второй половине 1700-х гг., а точнее, в 1707 г. Событию предшествовал печальный эпизод из истории отношений двух стран и двух монархов. В 1706 г. Август II заключил Альтранштадтский мир, согласно которому он отказывался от прежнего договора с Петром I и признавал польским королем Станислава Лещинского. В этой ситуации Петр принял решение ехать в Речь Посполитую. В письме И. А. Мусину-Пушкину он так аттестовал Варшаву: «...город зело изрядной и мало походит на Польские города»¹⁵³⁶. Царь прожил в Варшаве почти два месяца – с середины июля по начало сентября. При этом он часто встречался с польскими магнатами и влиятельными депутатами сейма. Столь продолжительное пребывание в Варшаве было продиктовано стремлением найти кандидата на роль нового польского короля, однако эти попытки оказались бесплодными. По точному замечанию Н. И. Павленко, «обрести претендента на польскую корону при наличии двух живых королей оказалось делом непосильным»¹⁵³⁷. Едва ли, впрочем, в 1707 г. Петр смог бы увезти с собой картины или тем

1532 Историк и архивист конца XIX – начала XX в. Д. В. Цветаев, много изучавший историю Василия Шуйского и его захоронения, в свое время безуспешно попытался отыскать полотна в Гатчине (*Цветаев Д. В. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме*. С. 39). Современный польский историк И. Граля, указывая на печальную судьбу Гатчинского дворца в период нацистской оккупации, полагает, что картины стоит считать утраченными, но не обязательно уничтоженными императором Петром I (*Grala H. Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach – zarys historyczny // Polska i Petersburg. Zbiór esejów / Pod red. D. Konstantynowa. Kraków: MCK, 2016. P. 346–347*).

1533 Либрович С. Царь в плену. С. 90.

1534 Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. С. 74.

1535 В 1698 г. личная встреча Петра I и польского короля Августа II состоялась в Раве (Раве-Русской) – местечке недалеко от Львова (*Яблоновский Я. -С. Петр I в Русской Раве в 1698 году // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1. С. 215–216*). В феврале 1701 г. свидание прошло в Биржах недалеко от Динабурга. Здесь был заключен договор, подтверждающий прежний союз монархов против Швеции (Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник польского дипломата – очевидца этого свидания // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. 1853. Кн. 17. С. 12). В 1705 г. встреча Петра I и Августа II прошла в Тыкоцине (*Дуров В. Ордена Российской империи*. С. 180).

1536 Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. С. 18.

1537 Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 224–225.

более поставить вопрос о вывозе колонны Сигизмунда¹⁵³⁸. Его положение и цели поездки этому явно не способствовали.

В следующий раз Петр I приехал в Варшаву в конце августа 1709 г. после победы под Полтавой. По сообщениям источников, царь остановился в городе, «где прежде стоял»¹⁵³⁹, много осматривал достопримечательности, посетил дворец короля Яна Собеского в Вилианове¹⁵⁴⁰. За несколько недель до его приезда Август II объявил Альтранштадтский договор недействительным и, стремясь вернуть себе польскую корону, заявил о желании возобновить союз с Россией. Последний был заключен чуть более месяца спустя (Торуньский союзный договор). Не исключено, что именно во время этого визита в Варшаву Петр потребовал у Августа картины Т. Долабеллы¹⁵⁴¹. На это указывает и тот факт, что сразу несколько источников личного происхождения отметили появление в России на рубеже 1700-х и 1710-х гг. целого ряда польских произведений искусства, таких как бюст польского короля Яна Собеского, выставленный в Летнем саду¹⁵⁴².

По сути, оценка Петром I истории взаимоотношений России и Польши не отличалась от позиции его отца и деда. Это идет вразрез с устоявшимся образом основателя империи, которого принято считать реформатором, ломающим старое и отторгающим прежнюю традицию. Утверждается также, что допетровское фактически перестало существовать в политическом ландшафте вплоть до появления интеллектуального славянофильства конца царствования Екатерины II. Эпизод с картинами Т. Долабеллы опровергает эти установки. Петр I был внимателен к истории Смутного времени и памяти о ней, особенно во второй половине жизни и царствования. Так, известно, что именно при Петре I была предпринята попытка отыскать царские венцы, украденные из казны Рюриковичей после взятия Москвы поляками¹⁵⁴³. Существует также, впрочем, околелегандарное сообщение о посещении Петром I могилы К. Минина в Нижнем Новгороде. Согласно разысканиям И. И. Голикова, в 1722 г., в день своего 50-летия, император отправился в Спасо-Преображенский собор, где поклонился

1538 В польской историографии время утраты картин также не определено. Высказывается мнение, что полотна были подарены Августом II российскому царю в 1707 г. (*Przybyszewski W. Car Wasyl IV i jego bracia przed królem Zygmuntem III. P. 17*).

1539 Петр I. Походный журнал 1709 г. // Петр I. Походные журналы Петра Великого 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854. С. 16. Здесь следует отметить, что во время поездок по Европе при выборе мест проживания Петр фактически следовал принципу экстерриториальности (*Болтунова Е. М. Свой среди своих / свой среди чужих: Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727). СПб.: Европейский дом, 2020. Гл. 4. С. 129–146*).

1540 Петр I. Походный журнал 1709 г. С. 15.

1541 И. Граля, ссылаясь на Ю. Немцевича, полагает, что картины были подарены Петру I в 1716 г. (*Grala H. Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach – zarys historyczny. P. 346*).

1542 К версии получения картин в это время склоняется Е. В. Анисимов в проекте «Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем» // <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (комментарий к 23.09/04.10.1709).

1543 *Стерлигова И. А. Резной сапфир из короны российских царей и его судьба в XIX веке // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция (24–26 июня 2009 года). Тезисы докладов. М., 2009. С. 196–198.*

могиле Минина, произнеся: «Вот истинный спаситель Отечества!»¹⁵⁴⁴ Стоит отметить, что все эти усилия Петр предпринимал в ситуации ограниченного влияния на Польшу.

Оценить развитие истории памяти о Смуте в последующий период сложнее. Хотя польская политика Екатерины II, с возведением на престол Станислава Августа Понятовского и аннексией огромной территории в результате разделов 1772, 1793 и 1795 гг., представляла собой значимую главу в истории царствования, осмысление произошедшего, как кажется, мало коррелировало с видением событий начала XVII в.

Екатерина II, много писавшая на исторические темы, без сомнения, знала о периоде Смуты. Так, она предполагала включить рассуждения о XVII в. в свой большой проект по написанию истории России¹⁵⁴⁵. Кроме того, в ее произведении «Чесменский дворец», где портреты российских и европейских монархов оживают и начинают говорить друг с другом, появляется и Василий Шуйский. Детронизированный царь воздает здесь хвалу патриарху Филарету – отцу царя Михаила Федоровича, отмечая, что «не все имеют счастье получать... хорошие советы», и вспоминая, впрочем без каких бы то ни было деталей, свой плен в Польше¹⁵⁴⁶.

Екатерина II была также знакома с историческими трудами В. Н. Татищева и М. М. Щербатова¹⁵⁴⁷, каждый из которых достаточно пространно писал о периоде Смуты и – предметно – о царе Василии Шуйском. При этом если Щербатов остановил свои разыскания по русской истории на моменте потери Шуйским власти, то его предшественник Татищев выбрал иную стратегию, рассказав историю Смуты вплоть до избрания Романовых. В татищевской «Истории российской», которая нравилась императрице, было описано пребывание плененного царя Шуйского под Смоленском, эпизод с отказом поклониться Сигизмунду III и, наконец, его увоз в Польшу на глазах у жителей осажденного города. Историк также прямо связывал выдачу Шуйского полякам с развернувшимся земским движением¹⁵⁴⁸. Татищев описал и пребывание царя в плену: в его трактовке Шуйский не только не поклялся Сигизмунду, но также отказал ему в требовании уступить московский престол «письменно». За этим последовала ссылка и смерть: «...слыша король (Сигизмунд III. – *Прим. авт.*) такое в Москве смятение... послал... Шуйских в другие города, где их содержали с великим утеснением. Царь Василей же, по многим мучительским домогательствам и принуждениям по желанию королевскому никакова письма не дав, в

1544 Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1840. Т. 12. С. 514. В литературе есть указания, что И. И. Голиков передал сказанное Петром I со слов епископа Дамаскина, который сообщил историку о бытовавшем в Нижнем Новгороде предании (Морохин А. В. Петр I в Нижнем Новгороде в мае 1722 г.: реалии визита и историографические мифы // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 86–87).

1545 Екатерина Великая об истории России / Подгот. изд. А. К. Афанасьев // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2005. [Т. XIV.] С. 662.

1546 Екатерина II. Чесменский дворец // Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 471. В «Чесменском дворце» Екатерина II указала на нескольких знаковых исторических персонажей, претендовавших на власть, но по разным причинам не реализовавших свои намерения, а также тех, кто в силу личных качеств правил кратко или не смог удержать власть. Именно к этой последней категории отнесен и Шуйский (Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II: Dynasty and Self-Fashioning in «The Chesme Palace (Chesmenskii Dvoretz)» // History and Drama: The Pan-European Tradition / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 86–95).

1547 Императрица при этом имела совершенно независимое мнение о каждом из них: «...изыскания Ломоносова очень поверхностны. История князя Щербатова и скучна, и тяжеловата, голова его не была способна к этой работе. История Татищева – совсем другое; это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело» (Пытин А. Н. Исторические труды Екатерины II // Вестник Европы. 1901. № 12. С. 796).

1548 Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1996. Т. 5–6. С. 346–349.

Польше голодом уморен, в котором большая часть родственников его последовали»¹⁵⁴⁹. Интересно, что в интерпретации личности Шуйского и в разборе значения его правления между историками не было согласия. Щербатов даже обвинил Татищева, что последний, «не вникши в подробности обстоятельства и деяния сего Государя (Василия Шуйского. – Прим. авт .)... вообще его... охуляет»¹⁵⁵⁰. Однако и Татищев, и Щербатов сходились в оценке концовки жизни царя – Шуйский был, по их мнению, «несчастливым» государем¹⁵⁵¹.

Можно предположить, что история Смуты – еще в полной мере не рассказанная – интересовала Екатерину II значительно меньше, чем более ранние и более поздние периоды истории России. Так, в ее «Записках касательно Российской истории» речь идет только о древности, а не о Средневековье, а из сохранившегося черновика «Размышлений о проекте истории России XVIII века» (1785 г.) становится ясно, что императрица намеревалась уместить огромный период истории от Рюрика до первых Романовых в одну главу¹⁵⁵². Главным, однако, стоит признать отсутствие с ее стороны мотивации: потребности использовать историю Смуты для реализации конкретных политических задач в период ее правления не возникало. Герои Смуты, включая царя Василия Шуйского, больше не играли роли как часть династической, даже в каком-то смысле семейной истории, как это было с первыми Романовыми. Легитимизируя собственное право на власть, императрица обращалась к образу Петра I, а во второй половине царствования, стремясь выбраться из тени великого монарха и начав, по точному выражению В. Ю. Проскуриной, ревизию его наследия, интересовалась образами Александра Невского и князя Владимира¹⁵⁵³. Существенно, что попытка сформулировать стратегию политической апроприации польских земель заставила Екатерину II обратиться к истории столкновений на этой территории, но гораздо более раннего периода.

9.3. Общественное восприятие смутного времени в России первой трети XIX в. и варшавская коронация 1829 г

Приехав в Варшаву на коронацию в 1829 г., император Николай I буквально оказался внутри пространства, воплощавшего триумф Польши над Московским царством в начале XVII в. Во время въезда монарха в столицу Царства Польского кортеж, пройдя по улицам Закрочимска, Фрета, Длуга, Медова и Старо-Сенаторска¹⁵⁵⁴, повернул к Варшавскому замку – месту коронации – со стороны колонны Сигизмунда III. Сама коронация прошла в том же зале, где в 1611 г. была организована клятва Шуйских, целовавших во время действия руку своего врага – короля Сигизмунда. Как уже упоминалось, во время прочтения коронационной молитвы император Николай опустился на колени перед собравшимися здесь членами польского сейма и католическими священниками. На протяжении месяца пребывания в столице Царства император и свита, перемещавшиеся по городу, вполне могли видеть и

1549 Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 349.

1550 Щербатов М. История российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 418.

1551 Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 338; Щербатов М. История российская от древнейших времен. Т. 7. Ч. 2. С. 415.

1552 Императрица, впрочем, выражала и ряд сомнений: «...скачек от Рюрика к возвышению дома Петра I не показался бы слишком великим, обнимая собою семьсот лет» (Екатерина Великая об истории России. С. 662).

1553 Об этом см. подробнее: Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. С. 136–138.

1554 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2 об.; Kurjer Warszawski. 1829. № 129. S. 5 (553).

Московскую часовню, расположенную всего в полутора верстах от замка¹⁵⁵⁵. Как действовал император, оказавшись в пространстве, которое многие его предки воспринимали как заведомо враждебное? Пытался ли он разрушить, изменить или перекодировать его?

Как уже отмечалось, в России на конец 1810-х – 1820-е гг. пришелся всплеск общественного интереса к событиям Смутного времени, при этом к монументальной образности (московский памятник К. Минину и Д. Пожарскому был открыт в 1818 г.) добавились исторические исследования (тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина публиковались в 1818–1829 гг.) и художественные тексты, такие как «Борис Годунов» А. С. Пушкина (издан в 1831 г.). Отметим, что в начале XIX столетия «иерархия» героев Смуты была не такой, какой мы представляем ее в наше время, а Василий Шуйский, совершенно не востребованный в контексте современной публичной истории, воспринимался как один из самых значимых персонажей эпохи. В конце 1820-х – начале 1830-х гг. его имя в текстах самого разного рода упоминали особенно часто.

Как известно, Н. М. Карамзин скончался в 1826 г., не успев закончить 12-й том «Истории государства Российского». Последний был подготовлен к публикации К. С. Сербиновичем и Д. Н. Блудовым и опубликован тремя годами позже. Издание начиналось словами: «Василий Иоаннович Шуйский, происходя в осьмом колене от Дмитрия Суздальского... был... сыном Боярина-Воеводы, убитого Шведами в 1573 году»¹⁵⁵⁶. Далее практически весь том был посвящен Шуйскому, обретавшему на страницах книги черты уникальной личности, само существование которой высветило то, как в противостоянии с Речью Посполитой проходило становление Российского государства. «Чья судьба в Истории равняется с судьбою Шуйского? Кто с места казни восходил на трон..?»¹⁵⁵⁷ – писал Карамзин о приходе царя к власти; «Шуйский пал с величием в развалинах Государства»¹⁵⁵⁸, – о конце его жизни.

12-й том освящал основные события царствования В. Шуйского и подробно фиксировал все связанное с его пленом и присягой, названной «торжеством» Сигизмунда¹⁵⁵⁹ и «унижением» Шуйского¹⁵⁶⁰. В книге содержался рассказ о том, как облаченного в парчу Шуйского доставили «в открытой богатой колеснице, на шести белых аргамаках»¹⁵⁶¹ в замок, где состоялось действо, и описание того, что последовало после присяги, – смерть в плену, строительство Московской часовни (причем с полной цитатой, появившейся на мраморной плите¹⁵⁶²) и, наконец, возвращение останков царя в Москву. Упомянул Карамзин даже

1555 1 верста = 1,06 км.

1556 Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: В тип. Н. Греча, 1829. Т. 12. С. 2.

1557 Лжедмитрий в последнюю минуту помиловал Шуйского, который состоял в заговоре против него (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. С. 2–3).

1558 Там же. С. 4.

1559 Там же. С. 304–305.

1560 Там же. С. 307. В дальнейшем трактовка произошедшего как акта «унижения» станет традиционной для российской историографии (Устинович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. С. 17).

1561 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. С. 305.

1562 Там же. С. 308.

историю с картинами Долабеллы¹⁵⁶³. Решение Петра I о вывозе полотен он завершал восклицанием: «Рукою могущества стерты знамения слабости»¹⁵⁶⁴.

Эпизод с клятвой Шуйского у Н. М. Карамзина передан исключительно эмоционально. Унижение свергнутого царя, которого историк называет «державным пленником»¹⁵⁶⁵ и «царем-невольником»¹⁵⁶⁶, подчеркнуто здесь действиями поляков, упивающихся победой: «Сие зрелище, данное тщеславию, надмевало Ляхов от Монарха до последнего шляхтича, и было, как они думали, несомнительным знаком их уже решенного первенства над нами, концом долговременного борения...»¹⁵⁶⁷ Однако самым примечательным оказывается эпизод встречи царя Василия и Ю. Мнишека: «Все взоры были устремлены на сверженного монарха, с живейшим любопытством и наслаждением: мысль о превратностях рока и жалость к злосчастию не мешала восторгу Ляхов. Продолжалось молчание: Василий также внимательно смотрел на лица Вельмож Польских, как бы искал знакомых между ими, и нашел: *отца Маринина, им спасенного от ужасной смерти, и в сию минуту счастливого его бедствием* »¹⁵⁶⁸. Карамзин «читал» прошлое через оптику настоящего – отсюда и обращение к эмоциональному нарративу, и рассуждение о польской неблагодарности. Примечательно, что рецензии на «Историю государства Российского» опубликовали сразу несколько фигур, заметных в польском общественно-политическом поле, в частности А. Чарторыйский и И. Лелевель. Их тексты были напечатаны и в российской прессе¹⁵⁶⁹.

Число художественных произведений, в которых Шуйский был одним из героев, в эти годы было также исключительно заметным. Выстраивая тексты в хронологической последовательности, стоит отметить К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, Ф. В. Булгарина и А. С. Хомякова¹⁵⁷⁰. Во всех случаях царь Василий появлялся как значимый, но не главный персонаж. Используя его в качестве героя, который должен был тем или иным образом подсвечивать фигуру Дмитрия Самозванца, авторы обращались к ряду биографических позиций – принадлежности к роду Рюриковичей, участию в следствии по делу царевича Дмитрия и заговору против Лжедмитрия, когда осужденный Шуйский был прощен перед самой казнью, и, наконец, свержению Лжедмитрия и избранию Василия на российский престол.

Трактовки образа, различаясь своей проработанностью, в значительной мере схожи. Во всех текстах Шуйский (за исключением К. Ф. Рылеева, у которого он оказывается

1563 Там же. С. 304–308.

1564 Там же. С. 308.

1565 Там же. С. 305.

1566 Там же. С. 306.

1567 Там же. С. 305.

1568 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 12. С. 306.

1569 Black J. L. Nicholas Karamzin's «Opinion» on Poland: 1819. P. 14; Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше. С. 397.

1570 Шуйский фигурирует в одной из «Дум» К. Ф. Рылеева, опубликованной в 1822 г. (Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений / Под ред. А. Г. Цейтлина. М.: Academia, 1934. С. 589), в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина, написанном в 1825 г., но опубликованном лишь в 1831 г. (Винокуров Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М.: Лабиринт «Брандес», 1999. С. 172), в романе Ф. В. Булгарина «Дмитрий Самозванец» 1830 г. и поэме А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» 1831 г., которая увидела свет в следующем году (Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 137). Показательно, что относительно этого персонажа А. С. Пушкин получил комментарий от В. К. Кюхельбекера: «Шуйского бы расцеловать. Ты отгадал его совершенно» (Винокуров Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. С. 226).

исключительно храбрым воином, возглавившим «народное возмущение»¹⁵⁷¹) появляется как «лукавый царедворец» (А. С. Пушкин), «пронырливый» и властолюбивый князь (Ф. В. Булгарин) или герой и патриот, в котором постепенно просыпается жажда власти (А. С. Хомяков)¹⁵⁷². Ни в одном из текстов интерпретация образа Шуйского не была связана с его пленом в Польше.

Но вернемся к императору Николаю, его поездке в Варшаву и реакции на польское мемориальное пространство. Император был вполне погружен в литературную жизнь эпохи, читал и Карамзина, и Пушкина¹⁵⁷³. Примечательно, что заключительный том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина был опубликован в начале 1829 г., когда Николай I уже готовился к коронации, а целиком многотомное издание увидело свет в конце года, когда монарх планировал вторую поездку в Варшаву с целью открыть сейм. Очевидно, впрочем, что информацию о Смуте Николай I мог почерпнуть и много раньше, еще будучи великим князем.

Император получил хорошее образование, содержание которого определялось предположением о его возможной будущей роли. В 1809 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна делилась со своим секретарем Г. И. Вилламовым соображением, что престол все-таки когда-нибудь перейдет к Николаю, ведь ни у императора Александра, ни у

1571 В думе «Дмитрий Самозванец» К. Ф. Рылеева Шуйский появляется как организатор свержения и храбрый человек:

Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали;
Храбрый Шуйский впереди –
И сарматы побежали
С холодным ужасом в груди.

При этом в авторизованных комментариях к «Думам» указывалось, что «князь Василий Шуйский (в 1606 году) произвел заговор; возникло народное возмущение – и Лжедмитрия не стало» (Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. С. 162, 286).

1572 В конце поэмы А. С. Хомякова Шуйский, характер которого был представлен развернуто, произносит соответствующий монолог:

Венец, венец! Как сладок этот звук!
Как много дум в сем слове обитает,
Как сердце веселит оно! Венец!
...
Ты мой теперь! О, для тебя как много
Я претерпел! Как много, много лет
Я для тебя во прахе изгибался,
Как низкий червь, крамольствовал, страдал!
Ты мой теперь, и я расширю крылья
И полечу. Не медлите, часы!
Займись, заря! Благодарю судьбину:
Уж брег в виду, и ясны небеса,
О, мой корабль, лети через пучину!
Попутный ветер, наполни паруса!

При этом Шуйский был назван в поэме «лисой» и противопоставлен «льву»-Лжедмитрию, а П. Ляпунов, комментируя его избрание на престол, произносит в тексте фразу: «Сгубили льва, так справимся с лисой».

1573 Известно, что декабре 1826 г. А. С. Пушкин отослал рукопись «Бориса Годунова» А. Х. Бенкендорфу. 9 декабря глава Третьего отделения известил поэта о получении текста поэмы. Здесь же содержалось обещание представить текст царю. Существует предположение, что, «вероятно, из-за грязного вида рукописи... Николай I не пожелал сам прочесть трагедию...» в 1826 г. (Винокуров Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. С. 212) и ознакомился с итоговым вариантом текста лишь в январе 1831 г. По словам А. Х. Бенкендорфа, император «изволил читать с особым удовольствием» (Там же. С. 248).

великого князя Константина Павловича не было детей, хотя они давно состояли в браке¹⁵⁷⁴. Александр I, как известно, размышлял относительно обучения Николая в Царскосельском лицее. Проект реализован не был, а все решения относительно обучения великого князя были отданы в руки вдовствующей императрицы Марии Федоровны и воспитателя великого князя М. И. Ламсдорфа, находившегося в родстве с Лагарпом. Николай Павлович оказался способен к языкам: превосходно говорил по-французски, владел английским и немецким, но предпочитал русский. Среди его учителей были профессор русского языка и словесности Дерптского университета Г. А. Глинка и генерал-майор Н. И. Ахвердов, известный знаток изящных искусств. С ними юный великий князь изучал русский язык, русскую историю и географию¹⁵⁷⁵.

Известно, что будущий император был увлечен Петром Великим. В 1812–1813 гг. он составил краткое описание правления первого российского императора¹⁵⁷⁶. Впрочем, древняя история России также серьезно занимала юного великого князя. М. А. Корф, собравший материалы к биографии императора, полагал, что «в конце 1803 г. Николай Павлович уже сам читал русскую историю, сильно порицал вражды удельных князей и приходил в восторг от Владимира Мономаха, который побив половцев, оставил всю добычу воинам... Наконец, в 1804 г. у Николая Павловича уже было много книг: ...,»Деяния Петра Великого“ Голикова... сочинения Ломоносова... исторический лексикон, сочинения Лафонтена... извлечения из Плутарха»¹⁵⁷⁷.

После возвращения в Россию из действующей армии, начиная с декабря 1815 г., Николай Павлович, в тот момент уже девятнадцатилетний юноша, прошел еще несколько курсов с некоторыми из прежних своих профессоров. М. А. Корф указывает, что в начале 1816 г. Николай Павлович изучал с Ахвердовым русскую историю, а именно царствование Иоанна Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова, а также изложение событий времен Лжедмитрия¹⁵⁷⁸.

Как и многие аристократы в России того времени, Николай начал изучение истории России по книгам французских авторов. Одним из таких изданий стало многотомное сочинение «История России» Пьера Левека, вышедшее в Париже в конце XVIII столетия. Левек владел источниками и некоторое время жил в России, являясь преподавателем кадетского корпуса. Его работа имела большой успех во Франции, а в 1787 г. была переведена на русский язык и издана в типографии Н. И. Новикова. Существует предположение, что публикация многотомника была осуществлена при участии Н. М. Карамзина¹⁵⁷⁹.

Известно, что вдовствующая императрица Мария Федоровна цензурировала некоторые места из Левека: например, скрытое указание на участие Екатерины II в убийстве Петра III¹⁵⁸⁰. Едва ли вдовствующая императрица, впрочем, видела практический смысл скрывать от

1574 Боханов А. Н. Николай I. М.: Вече, 2008. С. 45–46.

1575 Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817). С. 51; Выскочков Л. В. Николай I. С. 23.

1576 Выскочков Л. В. Николай I. С. 23–30.

1577 Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. С. 73. Об образовании великого князя Николая Павловича см. также: Выскочков Л. В. Николай I. С. 12–30.

1578 Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. С. 88.

1579 Шмидт С. О. «История государства Российского» М. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. С. 350.

1580 Выскочков Л. В. Николай I. С. 27–28.

Николая историю Смутного времени, которую Левек рассказывал достаточно подробно. В его книге есть и описание правления Василия Шуйского, названного в работе «несчастливым царем»¹⁵⁸¹, наряду с повествованием о лишении его престола и насильном пострижении, когда низложенный царь, как отмечает автор, отказался произнести обеты отречения от мирской жизни¹⁵⁸².

Довольно подробно рассказывает Левек о передаче пленника гетману Жолкевскому, а также о смерти утратившего власть царя: «Жолкевский... отправил к Сигизмунду Шуйского, его жену и братьев – Дмитрия и Ивана. Потом всех их доставили в Варшаву, где держали в заточении. Там они и умерли. Среди русских говорили, что царя и его брата Дмитрия отравили в тюрьме»¹⁵⁸³. Интересно, что оценка деятельности Шуйского оказалась у Левека увязана с действиями Сигизмунда III: «Их (братьев Шуйских. – Прим. авт.) похоронили прямо на дороге и в том месте поставили колонну с лицемерной надписью, будто бы от имени Сигизмунда, которому приписывался этот славный подвиг – держать в заключении уже свергнутого и постриженного в монахи государя. Судьба Шуйского сложилась несчастно, и его можно пожалеть, если забыть, как подло он искал благосклонности Годунова. Впрочем Борис погубил его семью. Но Шуйский поддерживал преступные интересы этого честолюбца и в сговоре с ним жестоко и несправедливо преследовал вдову царя Ивана и ее родню. А если еще и предположить, что Шуйский виновен в смерти Скопина-Шуйского, которого должен был любить как своего племянника, наградить как самого верного подданного и быть благодарным как своему защитнику, тогда сочувствие к нему может поубавиться, а останутся презрение и ненависть. Но Шуйский носил корону и как государь был братом Сигизмунда. И недостойно для короля его судить»¹⁵⁸⁴. П. Левек дает оценку царю Василию Шуйскому, в вину которому ставится поддержка Бориса Годунова и убийство племянника – известного полководца М. В. Скопина-Шуйского. С другой стороны, историк, признавая несчастья, обрушившиеся на Шуйского, осуждает Сигизмунда III, который не должен был «судить» поверженного московского царя. Историк не пишет о состоявшейся в Варшаве церемонии принесения присяги, но повествует о мемориале, устроенном Сигизмундом на месте захоронения Шуйского.

Как же император воспользовался существующими у него знаниями во время подготовки и проведения коронации? В переписке с великим князем Константином Павловичем и другими участниками событий, а равным образом и в материалах архивных дел, отражающих процесс подготовки к церемонии, нет никакой рефлексии относительно специфики мемориального контекста. Присяга Шуйских при обсуждении и организации коронации никогда не упоминалась, а топография Варшавы появлялась в источниках личного происхождения и русской прессе без какой-либо привязки к историческим событиям или без интерпретации последних. Так, А. Х. Бенкендорф, отметивший в воспоминаниях зал Сената в Варшавском замке, уточнил лишь, что для церемонии была выбрана «огромная зала... замечательная по некоторым историческим воспоминаниям»¹⁵⁸⁵. Статья в «Отечественных записках», повествовавшая о коронационном шествии из замка в собор Св. Яна, отмечала только то, что «вокруг Сигизмундовой площади, по которой должна была шествовать процессия, были построены скамьи в виде амфитеатра для 3000 особ»¹⁵⁸⁶. В «Вестнике

1581 Левек П. -III. История России. М.: Ламартис, 2011. Т. 2. С. 221–222.

1582 Там же.

1583 Там же. С. 222.

1584 Там же. С. 222–223.

1585 ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 3199. Л. 8.

1586 О коронации Его Императорского Величества. С. 420.

Европы», который поместил в одном из летних номеров 1829 г. материал о Варшавском замке, упоминание королей Сигизмунда III и его сына Владислава IV вообще не было привязано к истории Смутного времени или их роли в событиях, развернувшихся в Московском царстве в начале XVII в.¹⁵⁸⁷ В другом случае описание Мраморной залы замка, оформленной картинами из жизни польских королей, также не имело никаких отсылок к России¹⁵⁸⁸. Иными словами, для прессы коронация не стала поводом прямо вспомнить или хотя бы упомянуть между делом историю русско-польской войны.

Московская часовня вообще не нашла отражения в указанных документах. С одной стороны, она находилась на некотором расстоянии от места основного церемониального действия¹⁵⁸⁹. С другой стороны, эта часть Варшавы стремительно изменила свой облик в конце царствования Александра I: к моменту приезда императора Николая перед Московской часовней, к тому времени почти руинированной¹⁵⁹⁰, возвышалось здание Общества друзей наук, строительство которого было инициировано в 1820 г. С. Сташицем, директором Комиссии промышленности и искусств в Царстве Польском¹⁵⁹¹. Здание могло скрыть от глаз часовню¹⁵⁹². В любом случае появление дворца Сташица переформатировало окружающее пространство, сместив акценты в сторону от мавзолея Шуйских.

Но мог ли император просто не заметить часовню? На этот вопрос однозначного ответа нет. Скорее всего, Николай не захотел ее замечать. Обращает на себя внимание тот факт, что церемониальный въезд в город во время коронации был перенесен в другую сторону по отношению к Королевскому тракту, который проходил рядом с часовней. Для обеспечения движения кортежа пространство в городе было реорганизовано: у Пражских ворот был сооружен специальный мост¹⁵⁹³. Эти изменения происходили в другой части Варшавы и на значительном отдалении от часовни. Среди приближенных императора вопрос выбора маршрута для движения кортежа затронул лишь А. Х. Бенкендорф, отметивший, что решение о возведении нового моста ниже по течению Вислы было связано со стремлением избежать «крутого подъема, который вел к Варшаве от Пражского моста»¹⁵⁹⁴.

1587 Вестник Европы. 1829. № 9. С. 146–147, 150.

1588 Там же. № 13. С. 129–137.

1589 Следует отметить, что часовня, судя по материалам архива Польской академии наук, сохранилась вплоть до середины XX в. (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie. F. II-2/10. Projektowanie i rozbudowa Pałacu Staszica. b. p.).

1590 Сокол К. Русская Варшава. С. 45. Ю. Немцевич сообщает, что к разрушению часовни был причастен великий князь Константин. Действия последнего, впрочем, не трактуются как декларативно-символические – цесаревич стремился к расширению пространства для проезда и прохода войск (*Niemcewicz J. U. Pamiętniki 1811–1820. Poznań, 1871. T. 2. S. 389*).

1591 В мае 1830 г. великий князь Константин Павлович открыл памятник Копернику, установленный на площади перед зданием.

1592 В конце XIX в. вопрос локализации Московской часовни вызвал настоящий спор. По одной из версий, здание находилось на месте, где впоследствии был построен дворец Сташица. При этом после окончания строительства часовня оказалась во внутреннем дворе дворца (см. об этом: *Либрович С. Царь в плену. С. 101–103; Цветаев Д. Еще об усыпальнице Шуйских // Исторический вестник. 1898. Май. С. 701–704*). По другой версии, здание находилось недалеко от дворца Сташица и прямо с ним не соотносилось (*Kraushar A. Echa przeszłości: szkice, wizerunki i wspomnienia historyczne. Warszawa, 1917. S. 303*). Судя по датируемой 1950 г. карте этой части Варшавы из Архива Польской академии наук, часовня находилась вне стен дворца Сташица (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie. F. II-2/10. Projektowanie i rozbudowa Pałacu Staszica. b. p.).

1593 Располагался в районе теперешнего Гданьского моста.

1594 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 404.

Николай и сопровождавшие его чиновники и военные едва ли могли избежать проезда мимо Московской часовни в те дни, когда совершались поездки в Уяздов или Вилянов. Расположение объекта было действительно ключевым: не зря русские источники XVII в. описывали часовню как мавзолей, стоящий на пересечении едва ли не всех дорог. «Новый летописец», например, так характеризовал это место: «В Литве ж царя Василья (Василия Шуйского. – Прим. авт.) и брата ево, князя Дмитрея и со княгинею умориша и повелеша их положить на пути, кои изо всех государств пришли дороги... себе на похвалу, Московскому государству на укоризну»¹⁵⁹⁵. Еще более очевидной была ситуация с колонной Сигизмунда, находившейся в паре сотен шагов от Варшавского замка. Ее монарх и свита российского императорского двора видели постоянно. Даже владея латынью не слишком хорошо, император мог легко разглядеть на одной из ее граней доску с красовавшимися на ней крупными словами «Москва» и «Смоленск». Существенно и то, что поездка 1829 г. не была первым визитом Николая в Варшаву. Он бывал в городе еще будучи великим князем, сопровождая императора Александра I, например, во время поездки последнего на сейм 1818 г., поэтому, вероятно, неплохо знал городское пространство, и коронационная поездка 1829 г. неожиданностей в этом отношении принести не могла.

Стоит отметить, что в литературе о Варшаве первых лет александровского царствования содержится информация о том, что российские военные и чиновники знали о существовании в городе такого примечательного места, как Московская часовня. Так, в 1815 г., то есть в момент, когда четкое понимание александровского разворота в сторону Польши в обществе еще не оформилось, Н. Н. Новосильцев и комендант Варшавы генерал М. И. Левицкий ходатайствовали об устройении православной церкви на месте московской каплицы¹⁵⁹⁶.

В Царстве Польском конца 1820-х гг. события начала XVII столетия также не были забыты. Переходя к рассмотрению этого вопроса, стоит отметить особенность восприятия этого периода в Польше. В современной исследовательской литературе существует указание, что «в отличие от русского исторического сознания, события... Смуты не занимают – и никогда не занимали – особенно заметного места в коллективной памяти поляков»¹⁵⁹⁷. Рассматривавший этот вопрос И. Граля к числу малоинтересных в этом отношении событий относит прежде всего избрание на российский престол Владислава, осаду Смоленска и взятие Москвы. С этим утверждением можно согласиться – в конце концов, каждое из перечисленных событий закончилось для Польши в краткосрочной или среднесрочной перспективе поражением, а значит, не принесло реальных политических дивидендов и экономической выгоды. Само по себе правление Сигизмунда III и его походы на Россию могли и не быть востребованы в контексте формирования публичной памяти поляков, но унижение Шуйских, без сомнения, воспринималось как событие особого порядка. Кроме того, как убедительно показывают специалисты по изучению истории памяти, оценки современников могут быть связаны с последующим выстраиванием национальной версии истории достаточно опосредованно. Влияние пропаганды польских побед в Московском царстве, которую развернули Сигизмунд III и Владислав IV, могло быть ограниченным и быстро смениться «критическим отношением большей части шляхетского сословия как к самому монарху (Сигизмунду III. – Прим. авт.), так и к его „московской авантюре“»¹⁵⁹⁸. Однако материалы начала XIX в. демонстрируют иную ситуацию: в рамках польского

1595 Козляков В. Н. Василий Шуйский. С. 257.

1596 Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). С. 24.

1597 Граля И. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М.: Индрик, 2013. С. 122–144.

1598 Граля И. Польский взгляд на русскую смуту // *Знание – сила*. 2013. № 7. С. 48.

политического нарратива клятва Шуйских была реактуализирована и стала настоящим «местом памяти».

Аргументы в пользу такой трактовки можно найти в самых разных источниках и сферах общественной жизни Польши этого времени. Так, в сентябре 1812 г., когда польские наполеоновские войска уже вошли в Москву, на сцене Национального театра в Варшаве была поставлена антирусская по своей направленности драма А. Жулковского «Московские цари в плену». «Варшавская газета» писала о постановке следующее: «*Каждый догадается из заглавия*, что автор этой пьесы избрал своей темой тот памятный случай времен правления Сигизмунда III, когда москали были разбиты, их столица Москва была взята, их цари захвачены и препровождены в Варшаву, а московский престол был передан польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Произведение само по себе замечательное, ибо показывает славную для нашего народа эпоху и имеет прямое отношение к теперешним событиям»¹⁵⁹⁹.

Самое пристальное внимание уделялось и пространству, связанному с памятью о Шуйских, – прежде всего Московской часовне. Так, польский историк и общественный деятель Ю. Немцевич, участвовавший в восстании Т. Костюшко и приветствовавший начало вторжения в Россию словами «господь, благослови священную войну»¹⁶⁰⁰, был возмущен плачевным состоянием каплицы и строений вокруг нее. Немцевич полагал, что такое небрежение было связано со стремлением стереть память о Шуйских¹⁶⁰¹.

В это время клятва Шуйских получила новую визуальную интерпретацию. Отметим, что интерпретирующие этот сюжет изображения конца XVIII – начала XIX в. относительно нейтральны. В этом смысле польские художники вполне следовали по стопам Долабеллы, на картине которого москвиты не были изображены коленопреклоненными или буквально униженными. По уровню образности они, как уже говорилось, были сопоставлены с восточными варварами, но их властный статус был вполне признан. Схожую трактовку можно найти у Франциска Смуглевича (после 1785 г.) и Иоганна Готфрида Френцеля (1816 г.). В работах этих художников Шуйские представлены покоренными, но не развенчанными: они стоят перед королем опустив голову, но не молят о пощаде на коленях¹⁶⁰². Во второй половине 1820-х – в 1830-е гг. трактовки изменились, становясь все более агрессивными. У Йозефа Пешки (до 1827 г.) и Яна Канты Шведковского (1837 г.)¹⁶⁰³ Шуйские изображены коленопреклоненными или буквально распластанными перед Сигизмундом, при этом на первом изображении у ног польского короля размещен главный символ власти детронизированного царя – корона. Примечательно, что созданная в эмиграции работа Шведковского выставлялась в Париже во второй половине 1830-х гг. и оценивается историками как «политическая декларация»¹⁶⁰⁴. Без сомнения, итогом развития этой линии стало самое известное на данный момент изображение указанного события – картина Яна Матейко (1892 г.).

1599 *Gazeta Warszawska*. 1812. Dodatek do № 79. S. 1506.

1600 *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. P. 204–205.

1601 *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki 1811–1820. T. 2. S. 389. В другом своем тексте Немцевич упоминает и историю с картинами Долабеллы (*Niemcewicz J. U.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. S. 312).

1602 *Przybyszewski W.* Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 20.

1603 *Ibid.* S. 21–22. О работе Шведковского см. также: *Chrościcki J.* Hołd carów Szujskich Jana Kantego Szwedkowskiego z 1837 roku // *Hołd carów Szujskich*. S. 161–166.

1604 *Chrościcki J.* Hołd carów Szujskich Jana Kantego Szwedkowskiego z 1837 roku. S. 162, 165.

Создание Царства Польского предсказуемо скорректировало публичные трактовки русско-польской войны начала XVII столетия. Нельзя отрицать появление самоцензуры, механизм которой запустился и без прямого давления со стороны Петербурга. В период между 1815 и 1831 гг. деятельность Сигизмунда III у целого ряда польских авторов (например, Ю. Немцевича в его трехтомнике о правлении короля (1819 г.) и И. Лелевеля в «Истории Польши» (1829 г.)) оценивается достаточно сдержанно – «Московская война», при традиционной похвале полякам, трактуется как «несправедливая»¹⁶⁰⁵, а Василий Шуйский, клятва которого в Варшаве и перезахоронение в Московской часовне неизменно упоминаются, назван «несчастливым»¹⁶⁰⁶. Некоторую редукцию можно обнаружить в целом ряде визуальных материалов 1815–1830 гг. Так, колонна Сигизмунда III, никогда не пропадавшая с изображений центра польской столицы, на время утрачивает самый значимый элемент, появляясь на гравюрах, литографиях и картинах без фигуры короля наверху¹⁶⁰⁷. Все это, однако, не меняло восприятие ситуации в целом – прежняя парадигма могла быть при желании реактуализована. Показательно, что упоминавшийся выше рисунок Френцеля, изображавший Шуйских перед сеймом, был выполнен по заказу Немцевича и размещен в его работе «Исторические песнопения» 1816 г. Книга вышла тиражом 1500 экземпляров и была мгновенно раскуплена¹⁶⁰⁸.

Очевидно, отсутствие у Николая I и его свиты, прибывшей на коронацию в Варшаву, какой бы то ни было зримой реакции на антирусскую топографию польской столицы являлось частью политической стратегии. Характерными чертами последней были отказ от подрыва польской версии памяти о событиях начала XVII в. и отсутствие стремления продвигать в Царстве Польском трактовку истории, которая уже сформировалась в Российской империи. Решение не фиксироваться в момент нахождения в Варшаве на памяти о польской агрессии периода Смуты и эпизоде с унижением детронизированного Василия Шуйского мало чем отличалось от стратегии забывания Отечественной войны 1812 г. Польская версия – незапрещенная, то есть де-факто разрешенная – функционировала в значительной мере автономно. Польша, утратившая независимость за несколько десятилетий до описываемых событий, в глазах российской власти не потеряла право считаться политическим субъектом, формирующим в том числе и собственную версию национальной истории¹⁶⁰⁹.

Глава 10

«Я найду средство... простить»

1830–1831 гг

1605 Ф. В. Булгарин, работавший на российскую публику, вероятно, ощущал себя более свободным в трактовках – он описывал правление Сигизмунда III как период «самый плодотворный для польской культуры» (Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. С. 96).

1606 Niemcewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. T. 3. S. 194–196.

1607 Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza Warszawa, 1985. S. 173–174.

1608 Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmuntem III. S. 20.

1609 История противостояния разных версий событий начала XVII в. на этом не завершилась. В конце XIX в. в варшавской гимназии, разместившейся во дворце Сташица, была открыта церковь, которая должна была напоминать о судьбе Шуйских. На колоколе храма была размещена надпись, гласившая, что церковь устроена «над местом погребения Василия Ивановича Шуйского в Варшаве» (Либрович С. Царь в плену. С. 105–110).

10.1. «Еще не поздно изгладить минувшее!»: Николай I и начало польского восстания

Стратегия управления Царством Польским, которой придерживались российские императоры вплоть до 1830 г., сопровождавшаяся к тому же колоссальными финансовыми вливаниями и экономическими преференциями, сформировала основу для укрепления субъектности территории. Восстание 1830–1831 гг. стало наиболее ярким проявлением нового польского взгляда на себя, свои права и возможности¹⁶¹⁰.

Сейчас восстание принято обозначать 1830–1831 гг., однако в советской исторической литературе оно часто датировалось одним только 1831 г., или именовать «ноябрьским», с отсылкой к 17 (29) ноября 1830 г., то есть к моменту нападения на Бельведерский дворец великого князя Константина. Такая не вполне, казалось бы, логичная схема имела четкое обоснование, поскольку период активных боевых действий русской армии на территории Польши пришелся именно на 1831 г. Русское общество было проинформировано о событиях в столице Царства Польского императорским манифестом «О возмущении, происшедшем в Варшаве» еще 12 декабря 1830 г.¹⁶¹¹, но о переходе императорской армии через границу с Царством стало известно лишь в самом конце января¹⁶¹².

Рассмотрение хронологии восстания показывает, что императору Николаю потребовалось несколько месяцев, чтобы открыть военные действия против мятежников¹⁶¹³. И это при том, что восстание началось с покушения на жизнь Константина Павловича, то есть представителя правящей династии, при этом последнему удалось спастись исключительно благодаря счастливому случаю. В первые дни восстания в Варшаве были убиты несколько лояльных Николаю I польских генералов, создано временное правительство и назначен диктатор.

Анализируя события этих месяцев, современники, а за ними и историки много рассуждали о неверных действиях цесаревича, отказавшегося от подавления мятежа в первые его часы или даже дни, а затем отпустившего, то есть фактически отправившего в Варшаву лояльные ему польские части. В потоке этих высказываний появляется и прагматическое объяснение паузы, которую взял Николай I: императору необходимо было собрать войска против мятежников. Империя вполне последовательно реализовывала установку о польской армии как «передовой страже»: на западных рубежах страны были сосредоточены главным образом войска Царства, ставшие теперь мятежными. Кроме того, войска, измотанные Русско-турецкой войной 1828–1829 гг., размещались на зимних квартирах, и их перемещение

1610 В современной историографии в качестве причины Польского восстания 1830–1831 гг. называется репрессивная политика Николая I. В ряде работ содержится также указание на режим несоблюдения российскими императорами конституции в целом. При этом упоминаются и события эпохи Александра I (введение предварительной цензуры, отмена суда присяжных и др.). Поводом к началу выступления принято считать Июльскую революцию во Франции 1830 г. и планы Николая I направить польские войска в Бельгию (Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. С. 47; Капустина Т. А. Николай I. С. 43; Кривопалов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков: Сборник статей / Под ред. А. Ю. Полунова. М.: Модест Колеров, 2018. С. 11–29).

1611 ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–488.

1612 Там же. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

1613 «Сношения по делам» с Царством Польским были прекращены в момент получения известий о мятеже (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5424. Л. 1).

к границе Царства потребовало времени. Назначенная в поход русская армия составила 183 тыс. человек¹⁶¹⁴; сбор и организация частей заняли не менее трех месяцев¹⁶¹⁵.

Не отрицая реальных сложностей, с которыми столкнулся Николай I, стоит отметить, что поворотным моментом в процессе принятия решения о силовом подавлении восстания стала произошедшая в Варшаве детронизация – декларативное лишение императора Николая (и Романовых вообще) польского трона. Именно после получения информации об этом монарх издал упоминавшийся манифест о переходе русской армией границы Царства Польского. Иными словами, повестку дня и логику развития событий первых месяцев восстания формировала в значительной мере польская сторона.

В ноябре – декабре 1830 г. российские власти распространяли в Царстве прокламации, обращенные к польской армии. В них упоминались благодеяния императора Александра¹⁶¹⁶ и участие польских офицеров в Русско-турецкой войне («Мы все с удовольствием приняли это ратное товарищество, еще более укрепившее связь между русскими и польскими войсками»¹⁶¹⁷). Кроме того, по получении известий о начале восстания в Варшаве Николай обратился с «Воззванием» и к Царству Польскому. Сообщив, что произошедшее наполнило его сердце «прискорбием», император представил собственную версию случившегося: по мнению монарха, «сборище людей недостойных... дерзнуло умышлять на жизнь Брата Государя», они же «склонили часть войск к измене», распространив «пагубные заблуждения». При этом Николай избегал использовать сильные выражения: в «Воззвании» слово «измена» было использовано лишь один раз и, как видно из приведенного выше примера, в сглаженном варианте («склонили к измене»). В целом текст воззвания был построен в соответствии с риторическим приемом, схожим с тем, при помощи которого в течение предшествующих полутора десятилетий оправдывались действия поляков в рядах армии Наполеона.

В ставшем уже традиционным стиле монарх упомянул и присущее нации мужество, и славное польское имя, на которое покुсились восставшие. Император даже похвалил польскую армию: достойным упоминания он счел «храбрый Конно-егерский полк», который, оставшись лояльным цесаревичу, «явил новый, навсегда незабвенный опыт сих доблестей». Далее император обращался к польским войскам: «Воины! следуйте сему примеру; оправдайте ожидание Монарха, коему вы дали клятву верности»¹⁶¹⁸. Требуя освободить всех задержанных российских подданных и восстановить власть гражданских структур, Николай I обещал прощение, сообщая о своей уверенности, что «минутное завлечение» пройдет, а «изгладить минувшее» не поздно. «Воззвание», датированное 5 (17) декабря 1830 г., было опубликовано в Царстве Польском 1 января 1831 г.¹⁶¹⁹

В соответствии с традицией разделения риторики условно внешней (направленной на Царство Польское) и внутренней (обращенной к Российской империи) манифест, опубликованный в России в связи с ноябрьскими событиями в Варшаве, был совершенно

1614 Там же. С. 19. Об оценках численности русской армии, способной выступить против поляков, и времени ее передвижения см. также: Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 11–14.

1615 О сроках перемещения в Польшу (на примере Гвардейского и Гренадерского корпусов, сосредоточенных в столице и на территории новгородских военных поселений) см.: Кривопалов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. С. 18.

1616 Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. СПб., 1863. Т. 1. С. 266–269.

1617 Там же. С. 267.

1618 Воззвание к народу и войскам Царства Польского (5 (17) декабря 1830 г.) // Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905. С. 113.

1619 Kurjer Warszawski. 1831. № 1. S. 3.

иным. Здесь «завлечение» и «заблуждение» превратились в «измену» и готовившийся в тайне «мятеж». Обращаясь к подданным Российской империи, монарх писал о своих старших братьях – Александре и Константине. Первый, распространявший щедроты на Польшу, не смог, в трактовке документа, обезоружить «злоумышленных» людей. Манифест (конечно, не прямо) предлагал интерпретацию, в рамках которой необдуманная, чрезмерно лояльная по отношению к Царству Польскому и в конечном итоге обернувшаяся мятежом политика приписывалась исключительно Александру I. Сам же Николай представал в образе брата и монарха, вынужденного следовать по стопам предшественника на престоле¹⁶²⁰. Впоследствии в частных разговорах император воспроизводил именно эту трактовку: «Покойный брат осыпал их (поляков. – Прим. авт.) милостями; я религиозно уважал его дело»¹⁶²¹.

Упоминание в российском манифесте великого князя Константина Павловича было вызвано необходимостью объяснить сразу несколько его решений – уход из Варшавы вместо решительных действий, способных подавить выступление в самом начале, и фактический отказ от поддержки лояльных ему польских частей. Первое, как следует из манифеста, объяснялось желанием Константина не допустить вражду между братскими народами: в разных частях Варшавы распространился «нелепый слух, что Российские войска истребляют мирных жителей», это заставило великого князя покинуть город, чтобы «явно доказать нелепость и коварство извета, и дать гражданским Начальствам время и средство... вразумить заблуждающихся и обуздать злонамеренных». Решение великого князя отпустить оставшиеся верными ему польские войска увязывалось с вопросом безопасности, при этом утверждалось, что инициатива исходила не от Константина, а число ушедших в Варшаву маркировалось как незначительное: «Правительственный Совет... умолял Цесаревича возвратить бывшие с Ним Польские войска в Варшаву для спасения собственности общественной и частной от новых расхищений... Цесаревич нашел необходимым, удовлетворяя желанию Правительственного Совета, дозволить малому числу Польских войск... возвратиться в Варшаву... и Сам с Российскими полками выступил из пределов Царства Польского»¹⁶²².

В манифесте речь, конечно, не могла идти о прямых обвинениях в отношении великого князя, однако долгое время в официальных кругах непопулярность цесаревича в Польше расценивалась как основная причина мятежа. Об этом прямо говорили Николай I, члены императорской фамилии и многие чиновники империи¹⁶²³. Оценки порой носили крайне резкий характер. Так, великая княжна Ольга Николаевна, дочь Николая I, писала относительно позиции императрицы Александры Федоровны: «Что же касается Константина Павловича и его пребывания в Польше, то мамá считала, что он заслужил быть повешенным, и называла его фрондером»¹⁶²⁴.

В целом официальная трактовка событий выводила из-под удара императора, возлагая на Александра I вину за проведение в западных землях либеральной политики, а на Константина – за неверные действия в первые дни восстания. Николай же оказывался словно

1620 ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–487.

1621 Таньшина Н. П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе. С. 22.

1622 ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 486. Согласно существующим подсчетам, число польских солдат и офицеров, оказавшихся верными Константину и отпущенных затем в Варшаву, исчислялось 4 тыс. человек (Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 2. С. 169).

1623 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 446–447; Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28, 43.

1624 Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 188.

вне всего контекста. Показательна позиция И. И. Дибича, который так выражал свое отношение к политике России в регионе: «Император Александр дал Польше конституцию, – обстоятельство, которое не одобрялось русскими... Таким образом вы (поляки. – *Прим. авт.*) получили конституцию. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но *это не была вина царствующего Императора*, который был в несколько неловком положении по отношению к своему старшему брату, и последний – я это хорошо знаю – является одной из важнейших причин... неудовольствия»¹⁶²⁵.

В российском манифесте Николая I содержался также призыв «не мстить»: «...мы готовы карать вероломство, но хотим отличить невинных от преступников, хотим миловать и слабых, по слепоте или боязни следующих противозаконному влечению. Не все подданные Наши Царства Польского, не все жители Варшавы были участниками бунта и плачевных его следствий: многие доказали славною смертью, что знали долг свой». Манифест утверждал: число поляков, погибших, но оставшихся верных долгу, было значительно, число тех, кто «со слезами отчаянья» покинул великого князя Константина, было, напротив, невелико, а лояльные, «с обманутыми и обольщенными, без сомнения составляют большую часть войска и народа Царства Польского». Рассуждения такого порядка не остались в манифесте без резюмирующей части: «Россияне! Пример Царя вашего будет вашим руководством; правосудие без мщения... наказание одним изменникам; любовь и уважение к тем из подданных Наших Царства Польского, кои верны данной Нам клятве; *готовность к примирению со всеми, кои возвратятся к долгу*». Иными словами, в обращении к подданным империи, в отличие от обращения к полякам, император продолжал разыгрывать карту братского единения и любви и призывал простить участников восстания. Примечательно, что в «Воззвании» к полякам указания на братские узы отсутствуют¹⁶²⁶. Источники подтверждают, что декларации Николая I в первое время соотносились с его планами: до открытия военных действий в Царстве Польском император намеревался амнистировать участников мятежа за вычетом основных заговорщиков¹⁶²⁷.

Фраза императора Николая, что мятежники «дерзнули» выдвигать условия, не была лишь фигурой речи. В период, когда военные действия против польских войск еще не были открыты, великий князь Константин Павлович и сам Николай I встретились с несколькими варшавскими парламентариями и группами переговорщиков. Одной из таких групп стала депутация, прибывшая к Константину во время пребывания последнего в польской Вержбе. В состав миссии вошли, в частности, А. Чарторыйский и И. Лелевель. За этим последовала встреча Константина с депутатом К. Валицким и императора Николая – с несколькими польскими эmissарами. Депутаты требовали невозможного, особенно на фоне разворачивающегося восстания. Те из них, что вели переговоры с великим князем, просили цесаревича, чтобы он «выхлопотал у государя присоединение Литвы к Польше»¹⁶²⁸. Известная миссия князя Ф.-К. Любецкого, направленная в Петербург, также имела своей целью потребовать от монарха «полного сохранения конституции и... милости... для бывших польских губерний, управления, подобного тому, которое существует в Царстве»¹⁶²⁹.

1625 *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28.

1626 «Воззвание» к полякам было опубликовано в России в качестве приложения к российскому манифесту (ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 487–488). Возможно, кто-то из представителей русской элиты смог увидеть различие в риторике.

1627 По словам И. И. Дибича, еще в декабре – начале января император полагал, что главными зачинщиками восстания были пять-шесть человек (*Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 36).

1628 *Колзаков К. П.* Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.). С. 606.

1629 *Военский К. А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. 138.

В историографии в связи с упоминанием миссий польских переговорщиков появляется указание, что император предсказуемо отверг все выдвигаемые условия¹⁶³⁰. Это справедливое утверждение, однако, не приближает нас к пониманию значения происходящего. Ведь парламентеры были приняты великим князем и самим императором и каждому из них, используя выражение И. И. Дибича, была предоставлена возможность «разыгрывать роль посланника»¹⁶³¹. При этом единственное воздействие, которое на них оказывалось, – проявление неудовольствия. Так, по словам одного из российских участников, император Николай приложил усилия, чтобы поставить варшавского переговорщика «в затруднение» изложением своих аргументов¹⁶³². Парламентеры, добравшиеся до Петербурга, после монаршей аудиенции получали право беспрепятственного возвращения в Варшаву.

Встречи великого князя с депутатом Валицким, а императора Николая – с Ф. Вылежинским достаточно подробно задокументированы¹⁶³³. Эти материалы, даже с учетом преувеличений или особенностей передачи информации, позволяют увидеть позицию цесаревича и императора в период, когда они оба еще верили в возможность мирного разрешения конфликта.

К. Валицкий, приехавший объявить великому князю, что диктатор И. Хлопицкий готов беспрепятственно пропустить его войска через Вислу, был принят Константином Павловичем недалеко от Пулав. Осведомившись о направлении движения войск Константина и получив необходимую информацию, депутат, по крайней мере по его собственному описанию, повел разговор с позиции силы: «Что касается приказаний о переходе войск Вашего Императорского Высочества, которые я передал, то они будут свято исполнены, несмотря на то, что было бы весьма нетрудно как задержать заложником Ваше императорское высочество, так и остановить весь корпус»¹⁶³⁴. Великий князь, напротив, начавший разговор с извинений за беспорядок своего туалета («Я первый раз по выезде своем из Варшавы разделся, чтоб хоть немного отдохнуть»), был исполнен нравственных терзаний. Он произнес перед Валицким речь, демонстрирующую его истинное отношение к происходящему: «...несмотря на неслыханное оскорбление, мне нанесенное в моем собственном доме, – я все предаю забвению... *я все позабыл, потому что, в сущности, я лучший поляк, нежели вы все, господа*; я женат на польке; нахожусь посреди вас; я так давно говорю на вашем языке, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски; наконец я дал вам доказательство своего расположения, воспретив императорским войскам стрелять по вас... Если бы я захотел, – вас в первую минуту всех бы уничтожили; я был единственным лицом в моем штабе, которое не хотело, чтобы по вас стреляли, потому что я подумал, что *русским в польскую распрю... не зачем вмешиваться*»¹⁶³⁵. В этом отрывке Константин Павлович выводит свою «польскость» из сопричастности территории и языку, наличия семейных связей и факта защиты своего нового отечества. В отношении последнего аспекта нельзя не вспомнить, что именно так действия

1630 Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 2. С. 177.

1631 Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 29.

1632 Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году. С. 138.

1633 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 115–133; Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 1–96. Об этом см. также: Айрапетов О. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 29.

1634 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 119.

1635 Там же. С. 120.

князя объяснял в письме императору И. И. Дибич: великий князь «запретил русским войскам наступательные действия», поскольку это могло бы вызвать среди населения толки, «будто русские убивают поляков»¹⁶³⁶. Интересно, что одной из прибывших к нему делегаций великий князь даже дал слово предупредить о нападении на Варшаву за 48 часов¹⁶³⁷.

В начале восстания великий князь просто не желал проливать кровь поляков¹⁶³⁸, а в основе такого решения лежала убежденность в политической субъектности Польши и недопустимости вмешательства Российской империи в целый ряд происходивших здесь процессов. Окажись великий князь свидетелем бунта в любой другой части империи, его позиции были бы, бесспорно, иными, а решительность покарать бунтовщиков не сдерживалась бы ментальными установками. Примечателен и тот факт, что Константин Павлович, отпустив польские войска, зафиксировал разделение между участниками событий не по линии лояльные – нелояльные, а по линии русские – поляки.

Император, возмущенный действиями брата, который не только не предпринял ничего для предотвращения восстания в Варшаве, но и отпустил польский Конно-егерский полк, казалось бы, должен был придерживаться иной линии поведения. Вместе с тем у императора был свой Валицкий – даже не один, и, выслушивая предъявляемые польской стороной требования (соблюдение конституции, полная амнистия восставшим, присоединение к Царству Польскому территорий, аннексированных Российской империей по разделам Польши, и даже начало войны с Австрией за Галицию¹⁶³⁹), монарх вел с представителями мятежников столь же долгие и столь же поразительные разговоры.

До объявления манифеста от 25 января (6 февраля) 1831 г. «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников»¹⁶⁴⁰ император успел пообщаться с несколькими польскими эмиссарами – Ф.-К. Любецким, Я. Езерским и Ф. Вылежинским. У нас нет материалов относительно разговора, который состоялся между императором и хорошо ему знакомым министром финансов Царства Польского Ф.-К. Друцким-Любецким, принявшим впоследствии решение не возвращаться в Варшаву¹⁶⁴¹. Два других депутата от временного правительства восставших, напротив, оставили достаточно пространное описание своих разговоров с Николаем I и некоторыми высшими чиновниками.

Император стремился создать видимость того, что российская власть не вступает в переговоры с мятежниками, поэтому Любецкий получил аудиенцию в качестве министра финансов Царства Польского, а Я. Езерский и Ф. Вылежинский – как путешественники¹⁶⁴². Едва ли, впрочем, указание на соблюдение приличий проясняет здесь причинно-

1636 Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году. С. 136.

1637 Колзаков К. П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.). С. 606.

1638 Каштанова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России. С. 240.

1639 Айрапетов О. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 29; Капустина Т. А. Николай I. С. 43.

1640 ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

1641 Существует достаточно малоинформативное описание встречи императора и Ф.-К. Любецкого после издания манифеста о начале военных действий. Во время встречи Любецкий пытался смягчить действия Николая I, предлагая издать в польских землях более сдержанную прокламацию (Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий. Т. XXII. С. 71–72). В переписке с Константином Николаем I выражал мнение, что Любецкий просто стремился сбежать из Польши (Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 70).

1642 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 465–466; Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 326.

следственную связь, ведь это не дает ответа на вопрос о том, зачем император Николай разговаривал с посланниками Варшавы.

Прежде чем перейти к обсуждению этого аспекта, отметим, что основным источником информации о содержании разговоров являются воспоминания, оставленные самими парламентариями. Не вызывает сомнений, что они передавали состоявшийся разговор, исходя из собственных интересов и установок оппонировавшей Николаю стороны, а значит, здесь можно заподозрить недостоверность. Однако при более детальном разборе становится понятно, что представленные данные вполне валидны. Например, материалы Я. Езерского подтверждаются описанием, которое дает аудиенции сам Николай I в переписке с Константином Павловичем¹⁶⁴³. К тому же Езерский и Вылежинский обращаются к актуальным идеям и риторическим конструктам эпохи.

Встреча, описанная Я. Езерским, указывает на сильное эмоциональное потрясение, которое переживал в эти дни Николай I. Император прямо заявил своему визави, что «никак этого не ожидал»¹⁶⁴⁴. При этом в разговоре-размышлении о своих взаимоотношениях с жителями Царства монарх использовал буквально все, что было в его арсенале: указание на свою любовь к полякам («Я любил Поляков и рассчитывал на взаимную любовь»¹⁶⁴⁵) и высокую оценку польской армии. В последнем случае предписанная структура мысли буквально перечеркивала реальность: Николай I напомнил Езерскому о польской чести, верности и защите западных границ империи. Он также использовал аргумент, представленный им за несколько месяцев до восстания в речи перед сеймом: «Мог ли Я предвидеть, чтобы польское войско, которое Я высоко ценил, на честь и верность которого Я полагался столько же как и на храбрость, скрывало в среде своей зародыш измены... *могу ли Я узнать в них воинов, кои с незапамятных времен славились ненарушимою верностью ? На них рассчитывал Я в минуту опасности; во всех внешних войнах они составляли Мой авангард*»¹⁶⁴⁶.

Предлагавшиеся императором решения прямо определялись ментальными установками. Николай говорил с варшавским эмиссаром о невмешательстве России в разрешение конфликта («Мои интересы заставляют Меня желать, чтобы Польша сама очистилась от преступления, которое совершили некоторые из ее сынов»¹⁶⁴⁷) и требовал покаяния от зачинщиков, которые должны предстать перед монархом как «дети, уповающие на своего отца»¹⁶⁴⁸. Император также полагал, что войска, перешедшие на сторону восставших, должны «на полях битв загладить свой поступок»¹⁶⁴⁹.

Этот разговор демонстрирует, что Николай I с трудом принимал тот факт, что развернутая еще во времена Александра I и укрепленная при нем самая политика в отношении Польши рушилась на его глазах. Император должен был действовать, однако ему предстояло убедить себя самого, что он имеет на это право. Монарх восклицал, обращаясь, напомним, к парламентарю восставших: «*Поставьте себя в Мое положение... Будь Я только Польским Царем, Я бы находился теперь среди вас ; но как Русский Император, Я должен обращать внимание и на другие интересы: Я не могу упускать из виду честь и достоинство*

1643 См. об этом: Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. 2. С. 327–328.

1644 Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1. С. 270.

1645 Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1. С. 270.

1646 Там же.

1647 Там же. С. 271.

1648 Там же.

1649 Там же.

великого Государства... *Укажите Мне на средство* к мирному решению вопроса, средство пригодное для польского Царя, который в то же время есть русский Император... Могу ли Я закрыть глаза на все, что произошло? Разве в Варшаве не было совершено убийств? Разве не покушались на жизнь Моего брата?»¹⁶⁵⁰ И, наконец, император подошел к тому, что система, которую он поддерживал, представляла собой, в сущности, иерархию. Он выразил эту мысль также в форме вопроса-упрека: «Каким образом Я могу одно из государств, стоящих под Моим скипетром, возвышать на счет другого?»¹⁶⁵¹

Между прочим, схожие рассуждения о выборе между двумя политическими субъектами содержатся и в переписке Николая и великого князя Константина Павловича. В письме от 8 (20) декабря 1830 г. император задавал брату вопрос, который, судя по контексту, не был столь уж риторическим: «Если из двух народов и двух престолов один должен погибнуть, – могу ли я хоть мгновение сомневаться?»¹⁶⁵²

И все же в конце разговора с Я. Езерским император обратился к базовым установкам, определявшим его политику на западных территориях. Он заявил польскому эмиссару: «...я найду средство простить»¹⁶⁵³. Русские войска еще не перешли границу Царства, а Николай I уже искал способы простить восставших.

Встречи императора с Я. Езерским и еще одним депутатом повстанцев Ф. Вылежинским, адъютантом диктатора И. Хлопицкого¹⁶⁵⁴, прошли с интервалом в две недели. За это время монарх и его окружение выстроили многоуровневую систему аргументов, интерпретирующую действия поляков и осмысляющую собственную политическую стратегию в Царстве Польском. Все это привело к тому, что Вылежинскому пришлось принять участие в целой серии многочасовых разговоров с И. И. Дибичем, А. Х. Бенкендорфом и самим императором.

Как и в случае с Я. Езерским, точкой отсчета стало удивление, которое выражали все участники с российской стороны. Николай I, по словам поляка, выглядел скорее огорченным, нежели негодующим. В тот момент монарх, по мнению Вылежинского, не предполагал, что «обстоятельства примут тот характер, который они впоследствии имели»¹⁶⁵⁵. «Скажите сами, неужели я мог когда-нибудь ожидать революцию в Польше?» – восклицал император. «Я решительно не могу понять, каким образом поляки пришли к мысли о революции...» – вторил ему Бенкендорф. «Это (нарушение конституции. – *Прим. авт.*) не может служить оправданием революции, ибо, несмотря на все это, в Польше все-таки было больше хорошего, чем дурного», – заявлял И. И. Дибич. Император, шеф Третьего отделения и фельдмаршал, объясняя свое удивление, перечисляли положительные изменения, произошедшие в Польше за прошедшие полтора десятилетия, – дарование конституции, «уважение к польской национальности», покровительство искусству и наукам и, наконец, многочисленные экономические преференции. А. Х. Бенкендорф даже нарисовал выразительную картину процветания: «Ваша страна могла служить образцом экономического

1650 Там же. С. 273.

1651 Там же.

1652 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 69.

1653 *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 327.

1654 Ф. Вылежинский был направлен в Петербург с депешами на имя князя Ф.-К. Любецкого (*Военский К. А.* Император Николай и Польша в 1830 году. С. XV). Аудиенция Ф. Вылежинскому была дана 30 декабря (11 января) 1830 г. (*Айрапетов О.* Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало. С. 30).

1655 *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 80.

благоденствия народов, ей удивлялись все иностранцы, население постепенно увеличивалось, повинности не были обременительны для народа, вы управлялись своими собственными законами, торговля и промышленность процветали, города и села постепенно увеличивались, и вся Польша представляла собой завидный образец благоустройства и культуры»¹⁶⁵⁶. Говоря о благодеяниях в отношении Польши, монарх и шеф Третьего отделения несколько раз упоминали коронацию 1829 г. и сейм 1830 г.¹⁶⁵⁷

В момент общения, которое, напомним, происходило в декабре 1830 г., никто из его участников еще не произносил слово «неблагодарность», хотя все трое уже рассуждали о преимуществах, полученных Польшей и, соответственно, недополученных Россией. Бенкендорф, говоря о «покровительстве фабричной промышленности» в Польше, фиксирует, что последнее было осуществлено «даже в ущерб России»¹⁶⁵⁸. Интересно, что Александр Христофорович, предлагая своему визави сравнить Царство с экономическим и политическим состоянием польских земель, находящихся в составе Австрии и Пруссии, указал также и на преимущество Царства Польского по отношению к территориям бывшей Речи Посполитой, которые вошли в состав Российской империи в XVIII в. Еще более прямолинейную позицию занял И. И. Дибич. Называя себя «русским человеком», фельдмаршал повторил консервативную трактовку событий последних полутора десятилетий – политика Александра I в Польше была оскорбительной для подданных императора в России: «Император Александр (добродетельнейший человек в мире) непременно желал этого (дарования Польше конституции. – Прим. авт.), – Россия ничего не сказала, пожелав всевозможных благ Польше и дарованным ей учреждениям»¹⁶⁵⁹.

Показательно, что в момент разговора категория «враг» оказывается еще в известной мере не определена. Бенкендорф, Дибич и Николай I, осудив бунтовщиков (шеф Третьего отделения в тексте Вылежинского называет произошедшее в Польше войной «негодяев против честных людей»¹⁶⁶⁰), прямо возложили ответственность за произошедшее на великого князя Константина Павловича, а И. И. Дибич – еще и на покойного императора Александра I. Великий князь, как полагали собеседники шляхтича, «благодаря качествам своего характера... являлся поводом страдания многих людей: он бестактно и беспричинно шокировал известные идеи, словом, он был причиной всеобщего неудовольствия и, конечно, являлся одним из важнейших факторов постепенно зарождавшегося революционного движения в крае»¹⁶⁶¹. В разговоре не содержалось никаких упреков, не упоминались и погибшие в Варшаве лояльные Николаю I польские генералы.

Судя по содержанию материалов Ф. Вылежинского, все трое старались продемонстрировать парламентару свое расположение. Так, Бенкендорф и Дибич хвалили польские войска. Последний счел возможным сообщить, что «был особенно хорошего мнения о польском войске», в первую очередь о «военачальниках и старших офицерах, совершивших походы с Наполеоном»¹⁶⁶², а Бенкендорф привел в качестве аргумента свои слова императору: «Государь, Вы можете рассчитывать на польскую армию, как на Ваш

1656 Там же. С. 42–43.

1657 Там же. С. 44, 66, 73.

1658 Там же. С. 44.

1659 Там же. С. 28.

1660 Там же. С. 48.

1661 *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 49

1662 Там же. С. 32.

Преображенский полк»¹⁶⁶³. Император был воплощением любезности: он передавал поклоны знакомым¹⁶⁶⁴, восхищался красотой княгини Яблоновской¹⁶⁶⁵ и, наконец, предложил парламентарю диктатора Хлопицкого стать его собственным флигель-адъютантом¹⁶⁶⁶. Среди прочего Николай I просил Ф. Вылежинского передать поклон полковнику Ягмину, который командовал Конно-егерским полком, оставшимся верным Константину Павловичу в первые дни восстания. Высоко оценив преданность полка, монарх повелел Вылежинскому, что размышлял о возможности предоставить полку права старой гвардии¹⁶⁶⁷. Он также был уверен, что конные егеря будут при нем во время въезда в Варшаву¹⁶⁶⁸. Интересно, что на обратном пути в столицу Царства Польского Вылежинский, по его словам, нашел полковника егерей в Пултуске и выполнил просьбу императора. В ответ на это Ягмин ответил, что он сам и его полк, что бы ни случилось, искренне преданы польскому делу¹⁶⁶⁹.

В разговоре с Вылежинским император Николай более точно (нежели при разговоре с Я. Езерским) описал механику прощения. Ключевым звеном здесь оказывалось не раскаяние мятежников или их стремление искупить вину, как того можно было бы ожидать, а гарантированный контроль над действиями подданных Российской империи, затаивших обиду на жителей Царства Польского. Поддержав позицию великого князя Константина, который отказался от подавления мятежа (это «вызвало бы проявления национальной вражды»), Николай I заметил Вылежинскому, что «теперь русские совершенно чисты, ибо до сих пор не сделали ни одного выстрела против поляков»¹⁶⁷⁰. Свои рассуждения он завершил словами: «Скажите от меня полякам, что Я уверен в том, что на них действует иностранное влияние, которое Я считаю главным поводом этой революции. Русский народ оскорблен и возмущен поступком Польши и Мне с трудом удастся сдерживать его законное негодование. Но до тех пор, пока Я царствую, Я сумею заставить повиноваться Моей воле, сумею повлиять на Моих подданных, и в этом отношении поляки могут быть покойны»¹⁶⁷¹. Иными словами, император позиционировал себя посредником между разгневанными русскими, чей гнев был законным, но по-восточному необузданным, и поляками, которые, хоть и повели себя опрометчиво, не должны пострадать от буйного проявления недовольства противной стороны, а потому нуждались в защите и покровительстве.

13 (25) января 1831 г. в Варшаве состоялось действо, которое заставило Николая I посмотреть на ситуацию с иной стороны. В Варшавском замке, в зале сейма, где менее двух лет назад император Николай опустился на колени, произнося свою коронационную молитву, собравшийся польский сейм подписал акт о детронизации – декларацию о лишении российского императора престола¹⁶⁷². Польская субъектность, за которую так ратовал

1663 Там же. С. 45.

1664 Там же. С. 77.

1665 Там же. С. 75.

1666 Там же. С. 79.

1667 Речь идет о преимуществе в чинопроизводстве в 2 чина по отношению к армейским чинам.

1668 *Вылежинский Ф.* Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху польской революции 1830–1831 гг. С. 72–73.

1669 Там же. С. 89.

1670 Там же. С. 68.

1671 Там же. С. 75.

1672 *Kurjer Warszawski*. 1831. № 26. S. 133–134.

император Александр I и которую поддерживал Николай I, звучала в документе во весь голос: «Самые святыя и торжественные договоры только тогда являются нерушимыми, когда искренне соблюдаются *обеими сторонами* . Всему миру известно наше терпение. Обещанные под присягой двумя владыками и столь часто попираемые свободы освобождают *обе стороны* и польский народ от верности. Сказанные, наконец, самим Николаем слова, что первый же выстрел с нашей стороны всегда будет сигналом к гибели Польши, не оставили нам никакой надежды на исправление нанесенных обид, не оставили нам ничего, кроме благородного горя. Таким образом народ польский, на сейме собранный, заявляет: *он является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого ее достойным сочтет* , на кого рассчитывать будет, кто приведенный к присяге веры твердо и без ущерба соблюдет обещанные присягой свободы»¹⁶⁷³. Примечательно, что, навязывая Николаю I свою логику, поляки называли себя «народом» и «нацией», а Александра и Николая именовали «стороной» договора, совершенно не упоминая русских.

Судя по воспоминаниям современников, в это время на сейме обсуждался и вопрос клятвопреступления, в котором восставших обвинял Николай I. По сообщению М. Мохнацкого, заявление императора, что «„польский народ виновен в нарушении обещания“, вызвала шепот ужаса среди депутатов сейма». Обсуждалось и обвинение в разворачивании против лояльных императору войск пушек, доставленных из Варны, а также финансовая поддержка Царства. Мохнацкий завершил свои рассуждения о произошедшем следующим образом: «В действительности смешной была Москва, считающая свои деньги и оружие из-под Варны; мы, если бы захотели посчитать наши благодеяния, показали бы, что это ничтожное, глухое, неведомое Европе государство только за счет грабежа Польши доросло до вершины, с которой москали смогли дотянуться до самой Варны»¹⁶⁷⁴.

В это время на улицах Варшавы проходила манифестация в память о казненных декабристах, устроенная Патриотическим обществом. Принято думать, что под давлением этой акции польский сейм и принял акт о детронизации Николая I¹⁶⁷⁵. В течение нескольких часов по улицам Варшавы двигалось массовое шествие, в центре которого был размещен черный гроб с трехцветной кокардой, символом революции, и лавровым венком. В процессию вошли также щиты с именами П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, А. П. Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьева-Апостола и П. Г. Каховского¹⁶⁷⁶. Очевидно, что целью акции было в равной мере и оказание воздействия на императора Николая I. Примечательно, что во время манифестации на щите с появившимся впервые известным лозунгом «За нашу и вашу свободу» был размещен и католический крест¹⁶⁷⁷. Этот знак смещал акценты – продекларированное равенство русских и поляков оказывалось в действительности иерархизированным.

«Варшавский курьер» опубликовал информацию о шествии, названном триумфальным, а также о том, что его итогом стало появление в Бельведере, который еще недавно занимал великий князь Константин, «5 могильных холмов, в память тех, кто пострадал за свободу в

1673 Оригинальный текст акта о детронизации: <https://polishfreedom.pl/dokument/uchwala-sejmu-o-detronizacji-mikolaja-i>.

1674 *Mochnecki M.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. Paryż, 1834. Т. 2. S. 655–657.

1675 Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 98. Малгожата Карпинска, рассмотревшая работу депутатов в период восстания, полагает, что акт о детронизации не удовлетворил ни одну из депутатских групп и коалиций. Последний, однако, имел символическое значение (*Karpińska M.* «Nie ma Mikołaja!» Starania o kształt sejmu w powstaniu listopadowym 1830–1831. Warszawa: Neriton, 2007. S. 5).

1676 *Ольшанский П.* Декабристы и освободительное движение. М., 1959. С. 216–217.

1677 Благодарю Еву Берар, обратившую мое внимание на этот факт.

России»¹⁶⁷⁸. Декабристы, место захоронения которых в России было неизвестным, оказались символически погребены в польской земле.

События этого дня достигли своей цели¹⁶⁷⁹. Император больше не мог делать вид, что мир – пусть и худой – все еще продолжается: он был вынужден признать, что в его империи идет война. Если в манифесте, сообщавшем Российской империи о восстании, император мог прибегнуть к указанию на то, что власть искала возможность «спасти заблуждающихся и обольщенных», то в манифесте «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников» монарх прямо именовал поляков «изменниками», достойными презрения, а сейм – «противозаконным» собранием. Монарх заявлял о необходимости использовать против поляков армию¹⁶⁸⁰. Он сообщал подданным империи о детронизации прямо¹⁶⁸¹, что не удивительно, учитывая, что акт о лишении Романовых престола был опубликован в прессе¹⁶⁸² (восставшие дерзнули «провозгласить, что Царствование Наше и Дома Нашего прекратилось в Польше, и что Трон, восстановленный Императором Александром, ожидает иного Монарха»), призывал «положить навсегда конец враждебным покушениям злоумышленников, мечтающих о разделении» и – что немаловажно – обещал «устроить будущую судьбу» польских территорий «на основаниях прочных, сообразных с потребностями и благом всей Нашей Империи»¹⁶⁸³. Русские войска пересекли границу с Царством Польским в конце января 1831 г.¹⁶⁸⁴

10.2. Восстание: Логика мира против логики войны

Находясь на грани настоящей полномасштабной войны, император Николай I и великий князь Константин Павлович обнаружили, что стратегия, которой они придерживались в отношении Польши, оказалась совершенно несостоятельной. Однако император, несмотря ни на что, полагал возможным рассматривать свои действия в категориях личной правоты. Он писал брату: «Мое положение тяжело, моя ответственность ужасна, *но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков*, и я могу утверждать, что она ни в чем не будет упрекать меня. Я исполню в отношении них все свои обязанности, до последней возможности; я не напрасно принес присягу и не отрешился от нее; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падет на тех, которые повинны в нем!»¹⁶⁸⁵ Цесаревич, находившийся, очевидно, в крайне подавленном состоянии, описывал произошедшее как крах жизненных установок. Он перестал называть себя «поляком», но также избегал адресовать вопросы себе: «Вот мы, русские, у границы, но, великий Боже, в каком положении, почти босиком; все вышли как бы на тревогу, в надежде

1678 Kurjer Warszawski. 1831. № 26. S. 134.

1679 Через французские газеты информация о шествии достигла и Российской империи. См.: [Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой. С. 120.

1680 РСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

1681 Этот факт способствовал тому, что воспоминания о детронизации закрепились в памяти современников (Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. С. 310).

1682 Nowa Polska. 1831. № 22. S. 1.

1683 РСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 54–55.

1684 Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Приложение IV. С. XXIV–XXV.

1685 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 69.

вернуться в казармы, а вместо сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имеют лишь то, что на них надето... Я сокрушен сердцем; на 51... году жизни и после 35... лет службы я не думал, что кончу свою карьеру столь плачевным образом. Молю Бога, чтобы эта армия, которой я посвятил шестнадцать лет жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признав свое заблуждение прежде, чем против нее будут приняты понудительные меры. *Но это было бы слишком хорошо для века, в котором мы живем* »¹⁶⁸⁶. В другом случае, рассуждая о том, что «каждый раненый и убитый в наших рядах может обвинить меня в том, что я 16 лет подряд стоял во главе армии, которая причиняет им столько вреда», великий князь прибегал для оправдания к категории «неблагодарность». Он писал императору: «Я... лишь выполнял приказы, целью которых было их (поляков. – *Прим. авт.*) благо, и, конечно, не предвидя *неблагодарности* »¹⁶⁸⁷. И император, и великий князь демонстрировали полное непонимание причин происходящего, а Николай в одном из писем даже прибег к формулировке: «...они все (поляки. – *Прим. авт.*) более или менее страдают рассудком»¹⁶⁸⁸.

После детронизации – в разгар восстания – император Николай I написал интереснейшую записку о Польше, которую Н. К. Шильдер опубликовал в биографии монарха. В этом поразительном документе, рассмотрев историю существования Царства Польского в составе Российской империи, Николай I выразил мнение, что «Россия не имеет никакого интереса владеть» Польшей. Иными словами, монарх размышлял над самоубийственным для представителя власти вопросом отказа от части территории собственной страны¹⁶⁸⁹.

Судя по содержанию текста, разворачивание военных действий в Царстве заставило монарха предметно задуматься над тем, как устроен механизм унаследованной им от Александра политической системы. В записке о Польше Николай I рассуждает о том, что Польша, приобретенная «по праву завоевания», получила от России субъектность (пользовалась «всеми правами самостоятельного народа») и экономические ресурсы для развития и процветания, что, в свою очередь, привело к тому, что «настроения умов обострились и поляки укрепились в своем намерении избавиться от русского владычества». Эту стратегию он прямо называет в тексте затратной для России: «...империя несла все тягости своего нового приобретения, не извлекая из него никаких иных преимуществ, кроме нравственного удовлетворения от прибавления лишнего титула к титулам своего государя. Но вред был действительный».

На страницах записки монарх пишет и о выгоде, которую может приобрести империя от обладания Царством («какое вознаграждение может получить Россия за свои тяжкие жертвы, и какие выгоды она может извлечь из обладания Польшей»), и приходит к заключению, что «Россия не может извлечь из Польши... никаких действительных выгод»¹⁶⁹⁰. Отметим, что Николай рассуждал в категориях нравственного и общественного порядка и не думал об экономических выгодах. Иными словами, он оставался в рамках традиционной для него парадигмы. Вывод, который сделал для себя император, не предполагал смены политической стратегии. Николай не видел возможности для изменений, ему проще было оценить крайнюю меру – отказ от части своей империи¹⁶⁹¹. В этих рассуждениях император не зашел далеко,

1686 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 326.

1687 Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831). С. 119.

1688 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 327–328.

1689 Об отношении к категории «целость»/«целостность» см.: Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. P. 159–181.

1690 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 344–349.

определив, однако, границу «своей» и «чужой» территории, которая, по его мысли, должна была проходить «по Висле и Нареву».

В первые месяцы восстания обе стороны все чаще апеллировали к символике, отсылавшей к 1812 г. Уже в тексте николаевского манифеста, опубликованного в Российской империи, можно услышать скрытый намек на Отечественную войну. Монарх упоминал опасность потери «целости державы», говорил о том, что «толпа... дерзает мечтать о торжестве над нами», и рисовал мятеж как нечто, «может быть, издавна измышляемое». В этом обращении Николай I также попытался указать на единство переживаний монарха и его подданных: «Россияне!.. Сердца ваши, пылающие ревностью к Престолу, *понимают все чувства Нашего сердца...*»¹⁶⁹² И. И. Дибич в разговоре с упоминавшимся Ф. Вылежинским утверждал, что Польша есть «*страна покоренная*»¹⁶⁹³. Указание на 1812 г. и прощение нашло свое отражение и в риторике польской стороны. Так, беседовавший с Константином Павловичем Валицкий вспоминал наполеоновские походы, говоря, что великий князь «для счастья империи» принес в жертву свои «сочувствия, которые могли бы проявиться к людям, сражавшимся в рядах неприятеля»¹⁶⁹⁴. Вместе с тем подобные действия Константина Валицкий сопоставлял с действиями польских офицеров, которые ощущали «привязанность» к великому князю, но «как поляки... обязаны следовать по пути, который ведет их к достижению народной независимости»¹⁶⁹⁵. Причудливо совмещая 1815 и 1830 гг., Валицкий, по сути, использовал официальную парадигму, в рамках которой у Польши были права, а у России – обязательства, которые проистекали, в свою очередь, из ею же инициированного прощения.

Начало полномасштабных столкновений стало сигналом к отказу от прежде табуированных нарративов и возврату к риторике вражды. Все ранее непроговариваемое стало не просто разрешенным, а максимально востребованным. В императорском манифесте «О вступлении Действующей Армии в пределы Царства Польского, для усмирения мятежников» не было ни слова о коронации 1829 г. или сейме 1830 г., зато формулировка «настало время употребить силу против незнающих раскаяния» отсылала, поверх простого указания на отказ сложить оружие, к воспоминаниям о войне 1812 г.¹⁶⁹⁶ Упоминавшиеся выше рассуждения императора о необходимости отказаться от земель Царства также открывались комментарием о недавней войне, а Польша буквально сбрасывалась с пьедестала политической субъектности, превращаясь в территорию проигравших, в пространство, завоеванное силой русского оружия. При этом, как кажется, изнутри этого воспоминания

1691 Николай I был не одинок в своих реакциях. П. А. Вяземский также выражал идею необходимости «отпустить Польшу». В своем «Дневнике» он упоминал неумение «владеть Варшавою», «заставить поляков полюбить нашу (русскую. – Прим. авт.) власть», акцентируя непонимание польской ситуации («просто русское невежество»). Уже после подавления восстания П. А. Вяземский писал, подчеркивая политическую субъектность Польши: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни... Что мы усмирили Польшу, что нет – все равно: тяжба наша проиграна» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 212–214).

1692 ПСЗ. Собрание 2. Т. 5. Ч. 2. № 4183. С. 485–487.

1693 Вылежинский Ф. Шестнадцать дней моей жизни, или Путешествие Фаддея Вылежинского из Варшавы в Петербург в эпоху Польской революции 1830–1831 гг. С. 28.

1694 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 125–126.

1695 Приезд польского депутата Валицкого к цесаревичу Константину Павловичу 23 (5) и 24 ноября (6 декабря) 1830 г. С. 125–126.

1696 ПСЗ. Собрание 2. Т. 6. Ч. 1. № 4285. С. 55.

начинала просвечивать и память о Смуте. Николай I писал: «Польша постоянно была соперницей и самым непримиримым врагом России. Это наглядно вытекает из событий, приведших к нашествию 1812 года, и во время этой кампании опять-таки поляки, более ожесточенные, чем все прочие участники этой войны, совершили более всего злодейств из тех же побуждений ненависти и мести, которые одушевляли их во всех войнах с Россией». Но Бог благословил наше святое дело, и наши войска завоевали Польшу. Это – неоспоримый факт. В 1815 году Польша была отдана России по праву завоевания»¹⁶⁹⁷. В эти месяцы риторику такого рода можно обнаружить и в частных текстах самых разных авторов – от А. Х. Бенкендорфа, утверждавшего в переписке с Константином Павловичем, что подавление мятежа «будет войной национальной»¹⁶⁹⁸, до А. С. Пушкина, заявлявшего в письме к Е. М. Хитрово, дочери Кутузова: «Нет нужды возбуждать русских против Польши. Наше мнение определилось вполне 18 лет тому назад»¹⁶⁹⁹.

Как известно, в 1831 г. русские войска взяли штурмом Варшаву в годовщину Бородинского сражения 1812 г. Падение Польши 19 лет спустя в те же августовские дни воспринималось как неизбежное повторение уже некогда разыгранного сценария, в котором поляки вновь оказывались поверженными. Стали актуальными, впрочем, и более ранние коннотации русско-польского противостояния. По приказу И. Ф. Паскевича донесение о взятии Варшавы было доставлено в Петербург флигель-адъютантом князем А. А. Суворовым – внуком великого полководца, войска которого успешно взяли польскую столицу в 1794 г. Эту ситуацию хорошо выразил А. С. Пушкин в известной «Бородинской годовщине»:

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
...

Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.

1697 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 344–345.

1698 Письма графа А. Х. Бенкендорфа к великому князю Константину Павловичу во время Польского мятежа // Русский архив. 1885. № 1. С. 34.

1699 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 148, 423.

... Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего¹⁷⁰⁰.

Как известно, А. С. Пушкин был не единственным, кто откликнулся на событие. Стихи на подавление мятежа опубликовали В. А. Жуковский («Русская песнь на взятие Варшавы» и «Русская слава») и И. И. Дмитриев («Глас патриота на взятие Варшавы», «Василию Андреевичу Жуковскому (по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы)»). Оба автора использовали актуальную риторику: Жуковский упоминал Бородино, а Дмитриев, именуя Николая I «внуком Екатерины», писал о Польше как о «лукавой союзнице»¹⁷⁰¹.

Восставшие в это же время активно вспоминали период собственного триумфа – взятие Смоленска и Москвы и присягу Шуйского Сигизмунду III в начале XVII в. Отсылки к этим сюжетам стали зримыми в день детронизации Николая I. Перемещаясь по улицам Варшавы, шествие поминовения декабристов сделало остановку сначала у «греческой часовни» на Подвальной улице, а затем – у колонны Сигизмунда III. Здесь с речью выступил известный публицист А. Гуровский¹⁷⁰², приветствовавший от имени польской нации происходившее в стенах Варшавского замка. Шествие задействовало, с одной стороны, отсылки к православному контексту, а с другой – потенциал антимосковской символики. Освещавший события «Варшавский курьер» трактовал все произошедшее совершенно недвусмысленно: автор газетной заметки, рассказывая читателям о речи Гуровского, сопоставлял все происходившее в тот момент в Варшаве с днем, когда пленный Василий Шуйский принес клятву польскому королю. Он писал, что действие разворачивалось у колонны Сигизмунда, «вблизи зала, где... тем же Сигизмундом были унижены цари»¹⁷⁰³. Появление в одном контексте свергнутого царя и декабристов отсылало к унижению российской династической власти и указывало на цепь польских побед над Москвой.

Апелляции к клятве царя Василия Шуйского к этому моменту, очевидно, стали частью любого антирусского протеста в Польше. Здесь можно вспомнить уже упоминавшуюся драму А. Жуковского «Московские цари в плену», поставленную в Варшаве в 1812 г. Примечательно и то, что организовывавший в 1829 г. «коронационный заговор» В.

1700 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 3. Кн. 1. С. 273–274. «Бородинская годовщина», как известно, была не единственным пушкинским текстом, в котором нашла свое отражение тема победы над Польшей. Этому сюжету было посвящено стихотворение «Клеветникам России», а также обращенное к образу М. И. Кутузова произведение «Перед гробницею святой» (1831 г.).

1701 Смысл подобных сравнений легко считывался обществом. Примечательно цитировавшееся выше стихотворение «Солдатская песня. На взятие Варшавы», в котором И. Ф. Паскевич ведет русские войска на Варшаву «по-суворовски» (РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 43 об.).

1702 О Гуровском см.: Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма. С. 131–154; Głębocki H. Diabeł Asmodeusz w niebieskich binoklach i kraj przyszłości: Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012.

1703 Kurjer Warszawski. 1831. № 26. S. 134.

Смагловский говорил во время допроса перед Следственной комиссией о Сигизмунде III и покорении России в начале XVII в.¹⁷⁰⁴

Этот тренд не исчерпал себя и после подавления восстания 1830–1831 гг. Показательна в этом отношении поэма А. Мицкевича «Редут Ордона (Рассказ адъютанта)», изданная в 1832 г.

Где же царь, который в бой полчища направил?
Может, он под выстрелы и себя подставил?
Нет, за сотни верст сидит он в своей порфире –
Самодержец, властелин половины мира.
Сдвинул брови – мчатся вдаль тысячи кибиток;
Подписал – и слезы льют матери убитых;
Глянул – хлещет царский кнут – что Хива, что Неман!
Царь, ты всемогущ, как бог, и жесток, как демон!
Когда, штык твой увидав, турок еле дышит,
А посольство Франции стопы твои лижет,
Лишь Варшава на тебя смотрит непреклонно
И грозит стащить с твоей головы корону –
Ту, в которой Казимир по наследству правил,
Ту, что *ты, Василья сын*, украл, окровавил¹⁷⁰⁵.

У исследователей, анализирующих этот текст Мицкевича, формулировка «Василья сын» традиционно вызывает большие сложности. Принято указывать, что живший долгое время в России польский поэт не мог не знать, что Николай I был сыном Павла I. Вместе с этим авторы предлагают затейливые, часто неверифицируемые версии, призванные объяснить фрагмент: от указания на Ивана Грозного, который представляет собой воплощение зла, до прочтения этой сентенции как ругательства – «сукин сын»¹⁷⁰⁶. Историческая перспектива позволяет интерпретировать текст иначе: Николай I у Мицкевича выступает как потомок поверженного Василия Шуйского, а его оппонент Казимир соотносится с Яном II Казимиром, сыном Сигизмунда III. При таком прочтении пара героев поэтического текста формирует противопоставление законного польского короля – незаконному.

Примечательно, что в эмигрантских текстах, появившихся после восстания, можно обнаружить частое обращение к теме Москвы как символа России. Так, в одной из брошюр, посвященных коронационному заговору 1829 г., проговаривается идея «заслуженного мщения за раздел Польши», которое должна понести Москва, а участники восстания 1830–1831 гг. описываются как люди, которые «потрясли трон Николая в Варшаве и поколебали его в Москве»¹⁷⁰⁷. Предлагаемая в польских эмигрантских материалах визуализация восстания 1830–1831 гг. была соответствующей – на изображениях захвата Варшавы русскими войсками часто появлялась колонна Сигизмунда III. При этом фигура короля на

1704 Филатова Н. М. Варшавская коронация Николая I в 1829 г.: русский и польский взгляды. С. 76.

1705 Мицкевич А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы. 1955. Т. 1. С. 256.

1706 О существующих трактовках см.: Филатова Н. М. Образ русского царя в литературе польского романтизма. С. 73.

1707 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 79. Л. 12 об., 16 об.

памятнике «вернулась» на свое место¹⁷⁰⁸. Это представляло собой отсылку к прошлому триумфу и обещание его повторения в будущем.

В это время происходит, очевидно, и почти не замеченный историографией пересмотр образа Александра I. Современные исследования, интерпретирующие отношение поляков к монарху, касаются в основном оценок его деятельности как «восстановителя Польши»¹⁷⁰⁹ и не затрагивают вопрос смещений, произошедших в период восстания. Сохранившиеся в архивах материалы, однако, позволяют скорректировать эту перспективу. В РГВИА, а равным образом и в запасниках Музея Войска польского в Варшаве хранятся разрубленные, порванные, то есть подвергшиеся, по выражению российских источников того периода, «издеванию» портреты императора Александра I¹⁷¹⁰. Показательны и карикатуры, которые собирало после восстания Третье отделение. На одной из них император Александр I был изображен в виде роженицы¹⁷¹¹, отдыхающей в постели под пологом. В ногах у императора был изображен малыш-поляк, на голове которого красовалась четырехугольная шапка-«конфедератка». Жест поляка – две вытянутые в направлении Александра руки, большой палец одной из которых приставлен к носу, – читается как знак плутовства или обмана. Император таким образом предстает в образе глупца, породившего Польшу и оказавшегося обманутым ею¹⁷¹².

Указания на реактуализацию истории русско-польского противостояния, однако, недостаточно, чтобы объяснить механику происходивших в это время изменений. Так, непонятно, в частности, как быстро общество, принявшее установки позитивного порядка (дружба, братство, приязнь, любовь), могло от них отказаться, реконструировав не востребованный властью ранее образ противника, соперника или врага? Отметим, что вопрос здесь заключается не столько в возможности быстрого переключения восприятия, сколько в выборе стратегии в момент получения от власти разнонаправленных сигналов.

Прежде всего следует сказать, что концепция поляка-брата, на первый взгляд отброшенная в сторону, в действительности не демонтировалась полностью. Так, российская пресса, отражавшая позицию, которую многократно проговаривали император и близкие к нему чиновники и военные (указание на привилегии, полученные Польшей, и недоумение относительно причин произошедшего), писала о конкретных виновниках восстания и акцентировала внимание на возможном вмешательстве извне. Например, «Северная пчела» в статье «Известия о Варшавском мятеже и причинах онаго» указывала, что «не обращая внимание на благоденствие края, возникшее при... отеческом управлении, пыльное, нерассудительное юношество увлеклось лжеумствованиями превратных себялюбцев»¹⁷¹³. В материале практически сразу возникала фигура П. Высоцкого как инициатора восстания, а затем поименно перечислялись его соратники, аттестовавшиеся как уже известные «духом буйства и превратным образом мысли»¹⁷¹⁴. Все поддерживавшие беспорядки описывались как

1708 Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939. S. 176, 209–213.

1709 *Филатова Н. М.* «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. С. 140–154; *Ковальчикова А.* Отец-благодетель. Видение поляками «нашего российского владыки». С. 6–8.

1710 См., например: Российский государственный военно-исторический архив. Информационное издание / Рук. проекта И. О. Гаркуша. М., 2008. б/с.

1711 На это указывает надпись на немецком языке, размещенная под рисунком, – «Der sechswöchner».

1712 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 17. Л. 3 об.

1713 Северная Пчела. 1830. Прибавление к № 152. С. 5.

1714 Там же.

«жертвы» распространившегося «пагубного учения», молодые люди, не имевшие «понятия о состоянии Родины», однако умело управляемые «невидимыми силами», «ищущими выгод в ниспровержении законного порядка»¹⁷¹⁵. Подобная персонификация виновных резко противоречила образу восстания, о котором писали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский или И. И. Дмитриев и который А. Х. Бенкендорф соотносил с «национальной войной». Иными словами, Россия, с одной стороны, воевала с извечным врагом, с теми, кто пришел на ее землю в 1612 или 1812 г., и вместе с тем, с другой стороны, противостояла сумасбродам, которые увлекали за собой ни в чем не повинных польских офицеров, чиновников и студентов.

Очевидно, определенное значение имел и тот факт, что именно в это время все привилегии, предоставленные Польше, стали последовательно приписываться императору Александру I. Именно он был, в рамках разворачивающегося нарратива, предан поляками, именно его любовь была отринута. О недавней коронации 1829 г. как о благодеянии, каким ее видел в начале восстания император, не говорили. Этот ход, конечно, не был случайным. Помимо того, что Николай выводил себя из-под критики, вся ситуация смещалась в сторону от актуальной политики, а обсуждение причин и следствий увязывалось с категориями эмоционального порядка.

Старые установки (не являвшиеся в действительности старыми) и новые позиции сталкивались, формируя у участников событий систему реакций, в рамках которой то или иное решение оказывалось порой неочевидным с точки зрения текущей обстановки, но вполне созвучным прежним позициям и трактовкам. В этой связи обращает на себя внимание обсуждение современниками действий русской армии в Польше, которое зачастую выходило на уровень дискуссии о медлительности войск, нерешительности ее командования и многочисленных неверно принятых решениях. Отметим, что историки, прежде всего военные, анализировавшие действия Константина Павловича, И. И. Дибича и И. Ф. Паскевича, часто отмечают, что применительно к 1831 г. «субъективные причины неудач... были налицо»¹⁷¹⁶.

Первым из тех, кого активно обвиняли в губительном бездействии, был великий князь Константин Павлович. Как уже упоминалось, цесаревич с верными ему русскими и польскими войсками покинул охваченную мятежом столицу Царства, поскольку полагал, что восстановлением порядка в столице должны заниматься варшавские власти, а затем и вовсе отпустил лояльные ему польские части. В итоге время на подавление восстания на раннем этапе было упущено, а стратегически значимые крепости, такие как Модлин и Замостье, были сданы мятежникам без какого бы то ни было сопротивления¹⁷¹⁷. При этом, судя по сохранившимся материалам, Константин Павлович отнюдь не сразу двинулся в сторону российской границы. Он остановился с войсками у столицы Царства Польского и выжидал 16 дней, то есть более двух недель. В действительности великий князь начал перемещаться к границе империи лишь после того, как Административный совет принял решение о созыве сейма¹⁷¹⁸. Отметим, что действия Константина напоминают в этом случае действия Николая I, который издал манифест о выступлении русской армии для подавления мятежа только после

1715 Там же. С. 5–8.

1716 Авторы таких формулировок прежде всего указывают на недостаток фуража и разворачивавшуюся примерно в это же время эпидемию холеры (Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 522; Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. С. 165–166, 170).

1717 Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. С. 16.

1718 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 32 Л. 5 об. – 6. Согласно Конституции, правом созыва представительства был наделен только монарх. Действия восставших по созыву сейма стали впоследствии предметом отдельного расследования в Петербурге (Там же. Д. 34. Л. 2–2 об.).

того, как получил информацию о состоявшейся детронизации. Иными словами, они оба отдавали право принятия основного решения польской стороне, занимая объектную позицию так долго, как это было возможно.

Согласно «Записке о главных действиях бывшего Административного совета», которая хранится в фонде И. Ф. Паскевича-Эриванского в РГИА, великий князь добровольно сложил с себя обязанности командующего польской армией еще 17 (29) ноября 1830 г., то есть в первый день восстания¹⁷¹⁹, отказался действовать против мятежников, покинул город, а затем отпустил лояльные ему польские войска. Если попытаться проанализировать решение, которое принял Константин Павлович и которое впоследствии так активно обсуждалось и порицалось¹⁷²⁰, то становится понятно, что, несмотря на угрозу его собственной жизни, пережитый страх и, наконец, знания и навыки профессионального военного, участвовавшего еще в суворовских походах, великий князь просто не смог выйти из привычной для него парадигмы. Политическая субъектность Польши была для него неоспорима, а все события первых дней мятежа он расценивал как своего рода гражданскую войну между поляками, придерживающимися разных политических позиций. При этом главной опасностью, от которой Польшу надлежало спасать, являлась угроза быть истребленной русскими войсками. Идентифицировавший себя с Польшей великий князь оказался в ловушке. В разразившейся войне для одной из сторон он был врагом, для другой – глупцом, а быть может, даже трусом, неспособным в нужный момент на решительные действия¹⁷²¹. Между тем в данном случае цесаревич лишь следовал установкам, которые были созданы его старшим братом и которые не в последнюю очередь закреплялись и продвигались им самим.

Возглавивший русскую армию в Польской кампании И. И. Дибич, столь пораженный рассуждениями и действиями Константина Павловича в начале восстания¹⁷²², оказался в схожей ситуации. После сражения при Грохове он отказался от наступления на Варшаву и, потеряв время, отдал инициативу противнику, затянув войну на долгие месяцы.

Принято думать, что колебания Дибича были связаны с влиянием великого князя Константина, находившегося тогда при армии и уверившего главнокомандующего, что Варшава сдастся сама¹⁷²³. Военные историки указывают, что, взяв передышку после Грохова и позволив польским войскам укрыться в пригороде Варшавы, И. И. Дибич обнаружил, что имеющиеся в его распоряжении ресурсы крайне скудны¹⁷²⁴. Промедление Дибича стало предметом обсуждения в Петербурге¹⁷²⁵. Император писал И. И. Дибичу письма, которые в

1719 Там же. Д. 32. Л. 1 об.

1720 См., например: Вульф А. Н. Дневник, 1828–1831 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1915. Вып. 21/22. С. 148. А. Х. Бенкендорф сопровождал свои рассуждения о том, как повел себя великий князь при начале восстания, фразой «Так окончилось правление великого князя», сравнив бегство Константина с падением монарха (Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 463).

1721 Известно, что в первые дни после произошедшего Константина Павловича, который остановился с войсками возле Варшавы, уговаривали вернуться в город (Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий. Т. XXII. С. 67).

1722 Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году. С. 136.

1723 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 469.

1724 В артиллерии оставалось всего 5 тыс. снарядов (Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831. С. 522).

1725 П. Г. Дивов записал в своем «Дневнике»: «Быть может, фельдмаршал Дибич боялся скомпрометировать свою боевую славу или не был вполне уверен в своих войсках; как бы то ни было, кажется, он слишком щадил свои силы и вследствие этого не мог нанести неприятелю решительного удара» (Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.). № 12. С. 523).

полной мере отражали его возмущение действиями фельдмаршала: «Правду сказать, я не знаю более ни того, что вы делаете, ни того, что происходит в вас, и готов поспорить, что этого не поймет кто бы то ни было... Ваша *постоянная нерешительность*, марши и контрмарши могут только истощать и убивать армию; она должна потерять всякое доверие к своему вождю... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды в своих решениях, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смелым и блестящим подвигом доказать Европе, что русская армия неизменно та же, какою дважды она была в Париже»¹⁷²⁶. Император призывал фельдмаршала вспомнить 1812 г., однако со времен, когда враг был только врагом, прошло почти два десятилетия.

И. Ф. Паскевич, занявший место скончавшегося во время Польской кампании И. И. Дибича, подвергся похожей критике. Его оппонентом стал, в частности, генерал К. Ф. Толь, начальник штаба И. И. Дибича, короткое время командовавший армией до приезда Паскевича¹⁷²⁷. Генерал Толь оставил о своей службе под началом нового главнокомандующего подробный «Журнал». Последний стал впоследствии основой текста генерал-лейтенанта Л. И. Зеддлера, и Паскевичу позднее пришлось отвечать на адресованные ему неллицеприятные замечания¹⁷²⁸.

В нашем случае интересно не только то, что Толь поставил под сомнение военные навыки Паскевича¹⁷²⁹, но и тот факт, что основанием для таких сомнений стало отношение князя к польской армии и связанная с этим, по словам генерала, «оборонительная» система ведения войны¹⁷³⁰. Толь описал суть взглядов Паскевича следующим образом: «Из всех действий фельдмаршала видно... что он ни к кому из наших генералов... к войскам нашим доверенности не имел, напротив, *неприятеля боится более огня, предполагая в нем военные способности*»¹⁷³¹. В какой-то момент «нерешительность и боязнь фельдмаршала»¹⁷³² перед польскими войсками стала главной темой «Журнала». Толь писал, что Паскевич, находясь в беспрестанном волнении, изнурял солдат внушением тревоги относительно возможного и едва ли не неизбежного нападения: «Везде видит, что неприятель его обходит, хотя бы он был вдвое слабее нас. *Всегда предполагает он неприятеля и быстрее и предприимчивее* и для того боится беспрестанных атак с его стороны. Боже избави нас от малейшей неудачи, ибо я уверен, что фельдмаршал так потеряется, что прикажет отступить армии опять за Вислу»¹⁷³³. Толь указывал, что такое поведение не согласовывалось «ни с обстоятельствами, ни с духом... войск»¹⁷³⁴.

1726 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 343.

1727 А. Кривопапов полагает, что история взаимоотношений И. Ф. Паскевича и К. Ф. Толя началась с профессиональных разногласий, но перешла в плоскость личной неприязни (Кривопапов А. «К одним привычка, в других нужда...» Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. 2003. № 3. С. 50).

1728 Сохранился постраничный разбор текста Зеддлера, который сделал И. Ф. Паскевич (РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 272. Л. 7–37).

1729 Описывая собственные чувства после одного из разговоров с Паскевичем, генерал Толь пишет: «Боже мой! Сей человек достигнув и высоких чинов, и почестей, и находившись в кругу столь важных событий, не приобрел лучших понятий о войне. Что из сего будет?» (Там же. Д. 268. Л. 4).

1730 Там же. Л. 26 об.

1731 Там же. Л. 19.

1732 Там же. Л. 34 об.

1733 Там же. Л. 45.

1734 Там же. Л. 54 об.

Записи Толя, что примечательно, касались и вопроса снабжения русской армии на территории восставшей Польши. Генерал с возмущением описал отказ И. Ф. Паскевича проводить реквизиции на землях мятежников летом 1831 г.: «Рано поутру пришедши с докладом по делам, я воспользовался, чтобы доложить фельдмаршалу о следующем: „Ваша светлость изволили мне вчера говорить, что у нас на 27 дней будет с собою продовольствия, а генерал-интендант уверяет меня, что армия обеспечена только по 1-е августа, ибо подвозные способы у нас очень скудны, и я, приказав сделать дежурному генералу расчет, нахожу, что подойдя к Варшаве, мы будем находиться в 12 маршах от пункта главных складов наших, так что я сомневаюсь, чтобы генерал-интендант имел способы к доставлению своевременно продовольствия к армии“. „Это правда, – отвечал фельдмаршал, – способы провоза скудны, но придя в Лович, мы устроим оные... а если будет недостаточно, то отойду я пожалуй назад, хотя бы к Ковалю и далее ибо армия с голоду умереть не должна“. При сем заключении меня как водою облило. Как, думал я, мы пришли для того сюда, чтобы есть наш хлеб, который за собою привезли, а потом идти опять назад. После сего я уже ничего не мог сказать, как только надобно Варшаву взять! Нет, – отвечал фельдмаршал – с 40 тысячами пехоты не возьмет никто Варшавы“»¹⁷³⁵.

По сути, александровская, а затем и николаевская идеология мира в регионе, которая зиждилась на забывании и установках на создание нового единства, продемонстрировала явную устойчивость. При резкой смене политического вектора отказаться от этих установок было непросто даже военным. Образы независимой в своих суждениях Польши, ее храброй и боеспособной армии, ее территории, которая безотносительно происходящих событий не должна пострадать ни экономически, ни ментально, в известной степени определили действия Константина и двух командующих русской армией в 1830–1831 гг. Психология войны и психология мира буквально находились в состоянии острого столкновения.

10.3. «Все были вне себя от радости», или «Без торжества, без музыки, знамена в чехлах...»

В своих «Воспоминаниях», написанных во второй половине 1830-х гг., генерал А. Х. Бенкендорф так описывал взятие Варшавы и восторг Петербурга, когда новость достигла столицы: «Во главе гвардии первым в этот город (Варшаву. – *Прим. авт.*), из которого бунт изгнал императора, вошел великий князь Михаил. Его отряд отличался красотой выправки и дисциплинированностью, свойственными гвардии в Петербурге. В город вошли все основные силы гвардии, и это возвращение всевластия государя не сопровождалось ни малейшими проявлениями беспорядка или насилия. В тот же день открылись магазины, и люди свободно прогуливались на улицах того самого города, который еще вчера сотряслся от артиллерийской канонады. Генерал-губернатором Варшавы маршал назначил графа Витта, он сформировал временное правительство и направил к императору князя Суворова с рапортом *об этом величайшем примирении* ... Можно только догадываться, с каким нетерпением император ожидал последующих сообщений, и в каком беспокойстве были все те, кто знал об этих первых сообщениях. Санитарный кордон вокруг Царского села задержал Суворова на некотором расстоянии от места пребывания императора, который прибыл туда и лично привез Суворова во дворец. Там он воздал благодарность Богу, что было всегда его первым побуждением, уже через несколько минут дворец наполнился людьми, и радость охватила всех вокруг»¹⁷³⁶.

6 октября 1831 г. Петербург праздновал победу торжественным парадом и молебствием на Марсовом поле. Император писал И. Ф. Паскевичу: «Помолившись сегодня утром Богу и воздав Ему за благодеяния Его, обращаюсь вторично к тебе, мой любезный Иван Федорович,

1735 РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 268. Л. 22–22 об.

1736 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 497–498.

как виновнику сегодняшнего торжества, именем моим и от лица благодарного отечества: спасибо, от глубины души спасибо! Смотр и вся церемония были прекрасны; войска было 19 000 при 84 орудиях, погода прекрасная и вид чрезвычайный»¹⁷³⁷. Реакция на последующие победоносные действия русской армии, по словам Бенкендорфа, была также исключительной – «все были вне себя от радости»¹⁷³⁸. В письме Паскевичу от 18 октября 1831 г. о получении ключей от одной из наиболее значимых крепостей император писал: «Замечательно, что ключи Модлина ко мне направлены... Сказать восторг жителей Москвы невозможно»¹⁷³⁹.

Император лукавил – такие ощущения, конечно, испытывали далеко не все. И речь идет вовсе не о проигравшей стороне или представителях русского общества, сочувствовавших восставшим или опасавшихся изменения отношения к России со стороны Европы¹⁷⁴⁰. В качестве примера можно обратиться к воспоминаниям участника взятия Варшавы офицера лейб-гвардии Финляндского полка П. Е. Заварицкого. Двадцатидвухлетний офицер оставил интересное (особенно для истории эмоций) и неожиданное описание собственного психологического состояния: «Наш полк первым вошел в Варшаву, сзади нас егеря, а там лейб-гренадеры, без торжества, без музыки, знамена в чехах... 48 часов было дано войску (польской армии. – Прим. авт.) на свободный выход из Варшавы, польские солдаты ходили в Прагу из Праги... Досадно было смотреть на эти гордо-подлые лица офицеров, которые брэнча саблями проходили и проезжали мимо нас, с некоторыми говорили мы, с какою злобою было говорено каждое их слово, многие из них проходили мимо Великого князя, не отдавая никакой чести и смотрели с пренебрежением, *досадно было смотреть, сердце было не на месте, каждый солдат горел местию*. Краковецкий¹⁷⁴¹ с двумя адъютантами стоял около нашего полка, пьяная толпа стояла с орудием у Праги и не хотела пускать нас»¹⁷⁴².

В приведенном выше тексте реакция проигравших и вынужденных сдать город поляков не нуждается в комментарии. Реакция Заварицкого, напротив, оказывается неочевидной и требует разбора. Офицер описывает момент, который в рамках официального нарратива является абсолютным триумфом. Именно это событие – покорение Варшавы, а значит, и всей Польши – наполняет Зимний дворец радостной толпой и приводит в восторг Москву. Однако он, свидетель произошедшего, говорит о состоянии, которое никак не соотносится с описанным выше эмоциональным режимом. Заварицкий указывает, что Финляндский полк вошел в столицу Царства Польского «без торжества», говорит о «досаде» и желании «мести»¹⁷⁴³ и, что особенно примечательно, прямо фиксирует установку на подавление

1737 Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 376.

1738 Там же. С. 375.

1739 РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 34. Л. 2.

1740 Одним из тех, кто воспринял подавление восстания в Польше как трагическую ошибку, был П. А. Вяземский, который в своих текстах много писал о соотнесенности Польши с Европой: «Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского» (*Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 213*). Придерживавшийся других политических воззрений В. А. Жуковский также полагал, что уничтожение Польши, на которое империи дает право «победа и сила», будет ошибкой. Поэт рассуждал так: «...уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы... приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими» (*Жуковский В. А. Дневники 1831 г. // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 315*).

1741 Ян Круковецкий – генерал-губернатор Варшавы в период восстания.

1742 Заварицкий П. «Наш полк первым вошел в Варшаву...» // Родина. 1994. № 12. С. 96.

1743 В ходе штурма Варшавы русская армия потеряла 539 офицеров и 10 005 солдат (*Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. С. 74*).

собственных реакций. Это разительно отличается от позиции поляков – его вчерашних врагов. Они не боятся агрессивного проявления эмоций и демонстрируют открытое нежелание признавать статус произошедшего события. Надменность проигравших здесь оказывается противопоставленной подавленности и униженности победителей. Если удалить из процитированного отрывка детали, позволяющие соотнести стороны, то можно обнаружить, что зафиксированное Заварицким состояние в рамках социального опыта присуще не победителям, а побежденным. Отметим, что перед штурмом Варшавы молодой офицер ощущал себя совершенно иначе и речь отнюдь не шла о сомнениях или смешанных чувствах: «Взошло солнце – друзья, это солнце Бородинской битвы, так же величественно оно в этот день освещало беспримерную битву и одарило оружие наше вечною, как свет солнца, славою, и теперь оно играет на штыках наших и еще озарит, может быть, кровавую битву»¹⁷⁴⁴.

Риторика, к которой апеллировал П. Е. Заварицкий перед решающей битвой, оказалась ненужной буквально в первые минуты мира. Офицер зафиксировал ощущение, что его воспоминания и аллюзии, будь то рассказ о М. И. Кутузове и Бородино в 1812 г. или А. В. Суворове и взятии Праги в 1794 г., стали неуместными сразу по окончании сражения. Действительно, теперь на первый план должно было выводить мирный нарратив, в основе которого лежал образ прощения и примирения. Маргинализация того, что было актуально еще несколько дней или даже часов назад, делало достигнутую победу странной и неочевидной, превращая ее в событие, которое требовалось поскорее отодвинуть в сторону. Неудивительно поэтому, что оставаться в только что взятом городе офицеру было «досадно» и «сердце было не на месте».

После подавления восстания император Николай I приказал вывезти из Польши регалии и символы власти, а также портреты польских королей, которые украшали Варшавский замок, включая Мраморный и Рыцарский залы, а также Кабинет европейских монархов¹⁷⁴⁵. Из столицы Царства в Россию были отправлены две пары тронов, которые использовались во время коронации 1829 г.¹⁷⁴⁶, ковчег с александровской Конституцией, множество польских армейских знамен. Эмиссары монарха активно искали шпагу и шарф Т. Костюшко, переквалифицированные в «революционные вещи»¹⁷⁴⁷.

Значительная часть вывезенных предметов составила экспозицию Оружейной палаты в Москве. Польские вещи выставляли как трофеи. Так, в одном из залов у портрета Александра I установили бронзовый ковчег с Конституцией 1815 г., захваченные знамена и ключи от ряда польских крепостей¹⁷⁴⁸. Если следовать логике расположения предметов, Николай I посвящал

1744 Заварицкий П. «Наш полк первым вошел в Варшаву...» С. 94.

1745 Лилейко Е. Варшавский замок. С. 72.

1746 Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. С. 81–82.

1747 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 36. Л. 1–1 об.; Д. 53. Л. 1–1 об. О вещах, доставленных из Польши, см. также: Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. С. 254.

1748 Центральный зал этого первого здания палаты, сооруженного в конце 1800-х гг. у Троицких ворот Кремля, представлял собой экспозицию, состоявшую из портретов российских монархов. Под каждым изображением был помещен тот или иной исторический предмет, призванный засвидетельствовать славные деяния монарха. Так, под изображениями царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича находились арматуры «из лат и прочих вещей, принадлежавших их величествам»; под портретом Петра I – захваченные во время Полтавского боя носилки Карла XII; под портретом Екатерины II – ключи от взятых турецких крепостей. Под портретом Александра I, кроме польских знамен и ковчега с Конституцией 1815 г., находилась также захваченная постель Наполеона (Чубинская В. Г. Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2002. С. 63).

победу над восставшей Польшей Александру I. Брошенная под ноги Александра Конституционная хартия символически подводила черту и под войной 1812 г. По поводу этого жеста Николай написал И. Ф. Паскевичу известную сентенцию: «Я получил ковчег с покойницей конституцией, за которую благодарю весьма, она изволит покоиться в Оружейной палате»¹⁷⁴⁹. Логика императора в этом отношении была достаточно точна: новый – музейный – статус Конституции подчеркивал ее соотнесенность с чем-то, что больше не являлось актуальным и отошло в прошлое¹⁷⁵⁰.

Военные историки, занимающиеся этим периодом, традиционно вспоминают также николаевское «переворачивание» назначения польского военного ордена «*Virtuti militari*», который из награды мятежников превратился волей императора в знак отличия для участников подавления восстания¹⁷⁵¹. Отмечается и то, что включение в 1831 г. в российскую орденскую систему польских орденов Белого Орла и Св. Станислава сопровождалось аналогичным символическим жестом: Николай I активно награждал знаками этих орденов отличившихся при подавлении мятежа. Отметим между прочим, что, продвигая свои идеи и иницируя символические жесты такого рода, Николаю приходилось сопротивляться собственным высшим чиновникам. Об этом свидетельствуют документы Особого комитета, занимавшегося вопросом включения польских орденов в российскую орденскую систему. Комитет, в состав которого входили В. П. Кочубей, И. В. Васильчиков, А. Н. Голицын, К. В. Нессельроде, Е. Ф. Канкрин и Д. Н. Блудов, предлагал монарху воздержаться от включения Белого Орла и Св. Станислава в состав российских орденов. Объяснение сводилось к тому, что эта мера произведет негативное впечатление «не только на поляков, но и на державы иностранные»¹⁷⁵².

Имея в виду последнюю историю, стоит сказать, что император оказался унтер-офицерской вдовой, которая высекла сама себя, ведь после принятого им решения польские ордена фактически составили от четверти до трети всего наградного фонда Российской империи. В рамках общественных представлений о наградах, доступных «простому смертному», династический орден Св. Андрея Первозванного и женский орден Св. Екатерины в расчет не брались, и открывавшиеся возможности ограничивались лишь Св. Георгием (также совершенно недоступным для гражданских чиновников), Владимиром, Александром Невским, Белым Орлом, Анной и Святославом.

В первой половине 1830-х гг. в Варшаве была выстроена Александровская цитадель. Стоя у стен крепости в 1835 г., император Николай произнес известные слова: «По велению моему воздвигается здесь цитадель и я вам объявляю, что при малейшем возмущении, я прикажу разгромить Варшаву и, уж, конечно, я не отстрою ее заново»¹⁷⁵³.

Вместе с тем важно понимать, что за всеми этими эмоциональными всплесками, символическими жестами и декларативными заявлениями пережившего, без сомнения, тяжелый удар Николая I стояла прежняя стратегия прощения. В первые дни после взятия Варшавы правительство развернуло активную пропаганду, направленную на умиротворение

1749 Капустина Т. А. Николай I. С. 43.

1750 Польские троны экспонировались позднее в Коронном зале нового здания Оружейной палаты. К концу XIX столетия, однако, «польская тема» перестала вызывать прежний интерес. Показателен проект изменения экспозиции Коронного зала, разработанный архитектором Московского дворцового ведомства В. П. Загорским в 1880–1890 гг. Проект Загорского предполагал реализацию новой системы экспонирования, при этом из зала планировалось убрать польские троны (Российские императоры и Оружейная палата / Сост. С. А. Амелехина, Е. А. Моршакова. М.: Художник и книга, 2006. С. 255).

1751 Шишов А. В. Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. «Отец-командир» Николая I. С. 223.

1752 РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 312. Л. 4–6.

1753 Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 141. По другим источникам, император выбрал еще более выразительную формулировку: «...я прикажу распахать Варшаву».

жителей и сообщавшую последним, что монарх простирает «благоволение свое и попечительность о благе даже заблудшихся»¹⁷⁵⁴. Чтобы прекратить распространение слухов о будущих казнях мятежников, И. Ф. Паскевич опубликовал воззвание, в котором обращался к полякам патетически, но вполне в соответствии с риторикой мира: «Обращаюсь к вам, жители Варшавы! Как могли вы дать веру таким нелепостям? – Правительство Русское и особенно Владыки им управляющие не показали ли вам многие примеры не токмо великодушия, но и дружеского участия; – Кто освободил любимого вождя вашего, Костюшку из справедливого плена? – Владыко Русской! – Кто возвратил вам имя Польши? – Владыко Русской! – Кто обещал вам продолжать начатое ваше бытие политическое? – Нынешний Владыко России! – Цветущее положение земли вашей в последних пятнадцати прошедших летах дошло до такой степени как оно никогда не было; Кому вы оным обязаны – Попечению Владык Русских! Наконец великодушное и примерное обхождение победоносных войск предводительствуемой мною Армии, при взятии города вашего штурмом, – должно вам достаточно показать, что постоянное и твердое Правительство никогда не дойдет к таковым низким мерам мщения, чтобы (как гласят вам люди недостойные) хладнокровно и обдуманно приготовить нападение на обезоруженных и спокойных жителей»¹⁷⁵⁵.

В этом интереснейшем тексте обращают на себя внимание сразу несколько позиций. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что фельдмаршал выстроил нетипичную для политической риторики того периода линию преемственности – Павел I, Александр I, Николай I. Логика таких рассуждений, скорее всего, имела в виду интересы адресата этого обращения. Павел I оказывался здесь необходим как император, освободивший Т. Костюшко. При этом в воззвании акцент был сделан на факте освобождения, то есть проявления милости к мятежнику. Интересна фраза Паскевича о том, что правительство не стремится «хладнокровно и обдуманно приготовить нападение на обезоруженных и спокойных жителей». Описание такой «мести» можно расценить как отсылку к Варшавской заутрени 1794 г., когда, как уже упоминалось, поляки истребили во время пасхального богослужения русский гарнизон в несколько тысяч человек. Очевидно, так фельдмаршал, теперь уже Светлейший князь Варшавский, стремился убедить жителей, что второй Варшавской заутрени, направленной против поляков, не произойдет. Интересно, что Паскевич вспомнил и уже мало кому интересную на тот момент варшавскую коронацию Николая («Кто обещал вам продолжать начатое ваше бытие политическое? – Нынешний Владыко России!»).

С течением времени разговор об «успокоении» обрел черты узнаваемого александровского нарратива примирения, прощения и забвения. Помимо очевидных установок официальной риторики (например, формулировка А. Х. Бенкендорфа о том, что капитуляция Варшавы стала «величайшем примирением»¹⁷⁵⁶) появлялись вариации, носившие куда менее прямолинейный характер. Так, П. А. Вяземский репродуцировал на новом уровне идею славянского братства. Он писал М. Ф. Орлову: «Как ни морщись, а подай искреннюю руку братства народу, с коим сродство наше уже непреложно; сродство благоденствия или бедствий, – одну чашу пить нам; не станем мутить ее друг другу и подкидывать яд»¹⁷⁵⁷. В тексте поэта славянская общность представлена как объективно существующая и определяющая главные позиции. В рамках такой трактовки противостояние русских и поляков оказывается хотя и неуничтожимым, но бездумно-бессмысленным. В других материалах установка на примирение была представлена «от противного». Так, А. С. Пушкин писал Е. М. Хитрово: «Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для

1754 РГИА. Ф. 1018. Оп. 4. Д. 38. Л. 1 об.

1755 Там же. Д. 55. Л. 102–103.

1756 Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. С. 497.

1757 Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 280.

того, чтобы ненавидеть их»¹⁷⁵⁸. Отметим, что подобное объяснение – замещение ненависти жалостью с привлечением отсылок к категориям мощи (в том числе и территориальной) для описания необходимого эмоционального режима – также часто повторяется в источниках этого периода.

Примечательно и то, что процитированные выше слова Николая у стен построенной после восстания Александровской цитадели, в которой император угрожал Варшаве «разгромом», сопровождались формулировкой «и, уж, конечно, я не отстрою ее заново»¹⁷⁵⁹. Было ли неизвестно откуда появившееся дополнение к прямой угрозе свидетельством имевшихся у монарха сомнений? Интересно, что несколькими годами ранее П. А. Вяземский, фиксируя в своем «Дневнике» резкие критические замечания относительно пушкинских текстов, записал: «Смешно, когда Пушкин хвастается, что „мы не сожжем Варшавы их“. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее»¹⁷⁶⁰. Поэт, придерживавшийся в отношении подавления восстания установок, диаметрально противоположных властным, чутко уловил суть выстроенной дуальной модели взаимоотношений, в основании которой лежала связка разрушение – восстановление.

После подавления восстания по вводимому в Царстве «Органическому статуту» (1832 г.) польский сейм и польская армия перестали существовать. Существенно, что «Статут» не уничтожил коронование монарха как польского короля. Согласно статье 3 этого документа, «Коронование Императоров Всероссийских, Царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде, который будет совершаем в Москве, в присутствии Депутатов Царства Польского, призываемых к участию в сем торжестве»¹⁷⁶¹. По сути, Николай I не нашел возможности просто перечеркнуть александровское установление. Даже после бунта поляки оставались, по точному определению Н. М. Карамзина, в утвержденном законом «достоинстве особенного державного народа»¹⁷⁶².

В мае 1831 г. в Петербург прибыла делегация Царства Польского. По этому случаю в Зимнем дворце были собраны представители военного и гражданского корпуса империи – генералы и адмиралы, штаб- и обер-офицеры гвардии, сухопутный и морской штаб, сенаторы, гражданские чины первых четырех классов, а также придворные¹⁷⁶³. Дамы были одеты в «русское платье»¹⁷⁶⁴. «Старший депутат» произнес речь, в которой выражал монарху «верноподданнейшую благодарность за Всемиловитейшее всепрощение и за оказанные Царству милости»¹⁷⁶⁵. Важные для позиционирования власти Романовых в Царстве

1758 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 14. С. 134, 422.

1759 Полевиков М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. С. 141.

1760 Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). С. 215.

1761 ПСЗ. Собрание 2. Т. 7. № 5165. С. 84.

1762 Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 438.

1763 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 72. Л. 14–14 об.

1764 Там же. Л. 19. Ношение русского платья при дворе стало обязательным двумя годами позднее, согласно указу 1834 г. Однако отсылки к русскому стилю в связи с военными победами, в том числе в одежде, можно обнаружить еще во второй половине XVIII столетия (Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 22; Boltunova E. War, Peace, and Territory in Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // Theater as Metaphor / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 137–138).

1765 Речь была произнесена на польском языке. Сохранившийся церемониал не зафиксировал, на каком языке прочел ответ министр внутренних дел – на французском или русском (РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 72. Л. 14 об.).

риторические структуры «прощение» и «благодарность» сошлись наконец воедино. Чтобы обрести благодарность за прощение, потребовалась, впрочем, директивная установка со стороны императора, а пространством, в котором все присутствующие смогли обнаружить столь вожденную гармонию, стал Зимний дворец. Нарратив взаимодействия с Польшей усложнялся, но не менялся.

Весной 1832 г. в Польшу начали возвращаться уроженцы Царства, высланные во внутренние губернии империи в период восстания¹⁷⁶⁶. Прощенных отправляли на запад «на счет доходов Царства Польского»¹⁷⁶⁷, в казне которого после длительного военного противостояния с Россией денег не было. А значит, «капитальный долг» Царства перед Российской империей продолжал расти.

Обиженный на Польшу Николай не был в Варшаве несколько лет. Приехав в столицу Царства Польского в 1835 г., он произнес пред пришедшими приветствовать его депутатами эмоциональную речь, в которой укорял их в неблагодарности и нарушении клятвы верности¹⁷⁶⁸. Император вновь говорил со своими поляками; он описывал новые – по своей глубинной сути старые – принципы отношений между поляками и империей. Все действие было организовано в имении Лазенки недалеко от столицы, откуда несколькими годами ранее бежал ноябрьской ночью едва избежавший убийства великий князь Константин Павлович. В честь приезда монарха Варшава была ярко иллюминирована. Городские здания украшал, как и прежде, вензель «М» – Миколай.

Заключение

21 апреля 1945 г., за несколько дней до окончания Второй мировой войны, Советский Союз и Польская Республика подписали «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве».

К этому моменту у новой, советской власти уже была своя история взаимоотношений с Польшей, которая получила независимость после падения Российской империи. В этой истории была проигранная Советско-польская война 1919–1921 гг. с колоссальным количеством жертв¹⁷⁶⁹ и заключенный по итогам противостояния Рижский мирный договор (1921 г.)¹⁷⁷⁰, закрепивший переход под контроль Польши части территорий бывшей

1766 Морозов С. В. Отзвуки «Ноябрьского» восстания и польско-русской войны (1830–1831 гг.) в документах ЦГИА СПб // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 247, 250.

1767 РГИА. Ф. 583. Оп. 5. Д. 218. Л. 43. Показательно, что генералам польской службы, замешанным в восстании и сосланным во внутренние российские губернии, по приказу императора Николая I платили содержание «по тем чинам, какие они имели до возмущения» (Там же. Л. 38).

1768 См. Приложения.

1769 О потерях советской стороны см.: Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной Армии в плену у поляков в 1919–1921 гг. М., 2011; Матвеев Г. Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 47–56. О событиях Советско-польской войны и их интерпретации в историографии см.: Drobnicki J. A. The Russo-Polish War, 1919–1920: A Bibliography of Materials In English // The Polish Review. 1997. Vol. 42. № 1. P. 95–104; Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней / Под ред. Ф. Г. Зуева, В. А. Светлова и С. М. Фалькович. М.: Наука, 1993. С. 254–261; McCann J. M. Beyond the Bug: Soviet Historiography of the Soviet-Polish War of 1920 // Soviet Studies. 1984. Vol. 36. № 4. P. 475–493.

1770 Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой (18 марта 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. 3 / Под ред. Г. А. Белова. М.: Политическая литература, 1959. С. 618–658.

Российской империи. Согласно последнему документу, советская сторона освобождала Польшу «от ответственности по долговым и всякого рода иным обязательствам... по внешним и внутренним займам бывшей Российской Империи»¹⁷⁷¹ и брала на себя обязательство выплатить военную контрибуцию¹⁷⁷². Выплаты, что примечательно, не связывались прямо с поражением в войне. Польша, согласно договору, получала эти деньги за «активное участие земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи»¹⁷⁷³. Таким образом, Советская Россия объявлялась правопреемницей Российской империи и должна была заплатить Польше за ее столетнее пребывание в составе страны¹⁷⁷⁴.

Советская сторона также возвратила Польше ценности, вывезенные с 1772 г., то есть с момента первого раздела, – знамена, штандарты, оружие, предметы искусства, библиотеки и архивы. Одна только Оружейная палата Московского Кремля вернула 226 предметов¹⁷⁷⁵. Многие из этих вещей проходили в описях по категории «трофеи императора Николая Павловича»¹⁷⁷⁶. Интересно, что Польша не выразила никакой заинтересованности в том, чтобы забрать цепь польского ордена Белого Орла, выполненную для коронации монарха в 1829 г.¹⁷⁷⁷ Это историческое событие при взгляде из Польши не имело ровным счетом никакого отношения ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему республики. Артефакт, указывавший на предпринятые Россией усилия по выстраиванию особых взаимоотношений с частью территории собственной империи, был никому не нужен.

Два с половиной десятилетия спустя ситуация была иной – Советский Союз стоял на пороге огромной победы, а в рамках геополитического раздела сфер влияния Польша оказалась под контролем Москвы. 21 апреля 1945 г., в день подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой, И. В. Сталин произнес перед собравшимися речь:

Господин Президент, господин премьер-министр, господа!

1771 Там же. С. 639.

1772 Статья XIII «Договора» обязывала Россию и Украину заплатить «тридцать миллионов золотых рублей в золотых монетах или слитках не позже, чем в годичный срок с момента ратификации... Договора» (Там же. С. 633).

1773 Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 633.

1774 Интересно, что в Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждалась возможность выплатить лишь часть суммы, указав на убытки, понесенные страной из-за действий Польши. Так, 27 апреля 1922 г. Политбюро постановило выплатить Польше часть контрибуции (5 млн руб. золотом) и обсудить с польской стороной еще один транш в размере половины от указанной суммы. При этом было также решено «по поводу второй половины долга не вступать ни в какие переговоры, выставив ультимативное требование о немедленном создании смешанной комиссии по возмещению убытков, принесенной... поддержкой банд – Польшей» (Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 290. Л. 1). Подробнее см.: *Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / Red. E. Kowalczyk, K. Rokicki. Warszawa, 2019. S. 19–31.*

1775 Тутова Т. А. Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М.: Московский Кремль, 2002. Вып. 14: Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 101.

1776 Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. С. 253–254.

1777 В настоящий момент цепь ордена хранится в Гохране России (Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. С. 165).

Я думаю, что Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей, который мы только что подписали, имеет большое историческое значение. Значение этого Договора заключается прежде всего в том, что он знаменует собой коренной поворот в отношениях между Советским Союзом и Польшей в сторону союза и дружбы, который сложился в ходе нынешней освободительной борьбы против Германии...

Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчужденности, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов. Такие отношения ослабляли обе наши страны и усиливали немецкий империализм.

Значение настоящего Договора заключается в том, что он кладет конец и заколачивает в гроб эти старые отношения между нашими странами и создает реальную базу для замены старых недружелюбных отношений отношениями союза и дружбы между Советским Союзом и Польшей.

...Дело изменилось в корне после того, как сложился союз между нашими странами... Теперь можно с уверенностью сказать, что немецкая агрессия осаждена...

Неудивительно... что свободолюбивые нации и прежде всего славянские нации с нетерпением ожидают заключения этого Договора, ибо они видят, что этот Договор означает укрепление единого фронта Объединенных Наций против общего врага в Европе¹⁷⁷⁸.

Речь Сталина декларировала наступление новой эры братства народов, дружбы и безопасности, старые же отношения были «заколочены в гроб». А о мертвых, как известно, следовало говорить либо хорошо, либо ничего.

Имперская стратегия забывания, столь востребованная при последнем польском короле, оказалась актуальной и в СССР. В 1949 г. в Варшаве была воссоздана разрушенная нацистами колонна Сигизмунда III. Монумент был открыт в изначальном виде, на его западной стороне появилась надпись о великом польском короле Сигизмунде III, пленении царя Василия Шуйского и победе над Москвой. После восстановления сгоревшего Варшавского замка в нем появился и зал картин Я. Матейко с полотном, изображающим коленопреклоненного московского царя. СССР не имел ничего против реставрации подобной, казалось бы, прямо враждебной России парадигмы истории. В конце концов, в рамках советских представлений речь шла о противостоянии царизму, а не братскому народу. В общественном (а ровно и в исследовательском) нарративе на первый план выходила история культурных контактов и сближения – А. С. Пушкина и А. Мицкевича, декабристов и польских патриотов, уважение к военной доблести и преклонение перед талантом и красотой.

К 1955 г. в Варшаве был возведен Дом науки и культуры, сталинская высотка, ставшая подарком Советского Союза Польской Республике. Она возводилась три года, во время которых на объекте работали тысячи советских рабочих. Средств, потраченных СССР на этот проект, могло хватить на восстановление половины тогдашнего Смоленска, лежавшего после войны в руинах.

Приложение I

Коронационные торжества в Варшаве

Апрель – июль 1829 г. Хроника¹⁷⁷⁹

24 апреля (6 мая) 1829 г. – отъезд императорской четы и наследника из Петербурга в Варшаву.

1778 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII (январь 1944 г. – декабрь 1945 г.) / Отв. ред. И. А. Хренов, В. Т. Ковальский. М.: Наука, 1974. С. 416–417.

1779 Церемониал коронования Николая I королем польским (на польском и французском языках), 1829 г. // РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 63. Л. 2–7 об.; AGAD. F. 190. № 93. К. 4–14; РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 24. Л. 277; Северная пчела. 1829. № 51. С. 1; № 52. С. 1; № 54. С. 1; № 58. С. 1–2; № 61. С. 1–2; № 62. С. 5–8; № 63. С. 1–4. Прибавление к № 57; О коронации Его Императорского Величества. С. 418–435; Kurjer Warszawski. 1829. № 129. S. 549–556; Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. S. 132–155; Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. С. 448–455.

1 (13) мая – приезд в Варшаву великого князя Михаила Павловича.

4 (16) мая – прибытие императорского кортежа в Яблонну, встреча Николая I с великими князьями Константином и Михаилом Павловичами.

5 (17) мая – торжественный въезд в Варшаву Николая I и свиты; Николай I и Александра Федоровна молятся в православной церкви замка; император посещает великого князя Константина в Брюлевском дворце (перемещается по городу пешком и без конвоя); иллюминация в Варшаве.

6 (18) мая – развод на Саксонской площади в присутствии Николая I, великий князь Константин Павлович представляет императору генералов, штаб- и обер-офицеров, членов своей свиты; представление министров, сенаторов, депутатов, отдельных священнослужителей и иностранцев; прогулка наследника Александра Николаевича в Саксонском саду.

7 (19) мая – развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; представление военных чинов императрице.

8 (20) мая – развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; представление дам императрице.

9 (21) мая – парад и смотр всех войск, находившихся в Варшаве; объявление о коронации (герольды начинают разъезды по городу с чтением манифеста о готовящемся торжестве); экземпляры манифеста разбрасываются по улицам города; император и императрица идут от Брюлевского дворца до замка пешком и без охраны.

10 (22) мая – развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; герольды сообщают в городе о коронации; бал, присутствует вся свита императора Николая I.

11 (23) мая – репетиция коронации.

12 (24) мая – день коронации. Освящение регалий в соборе Св. Яна; церемония коронации в зале Сената Варшавского замка; по окончании действия молебен в соборе Св. Яна; торжественный обед в присутствии императорской четы для особ первых трех классов с женами и представителей католического духовенства.

13 (25) мая – подписание опубликованного затем в Российской империи манифеста о свершившейся в Варшаве коронации; развод на Саксонской площади, император не присутствует из-за болезни; бал в замке в присутствии императрицы Александры Федоровны и наследника.

14 (26) мая – развод на Саксонской площади, император не присутствует.

15 (27) мая – развод на Саксонской площади, император не присутствует; все чины приносят поздравление императорской чете по случаю коронации.

16 (28) мая – народный праздник на поле близ Уяздова в присутствии императора, императрицы и наследника; бал в ратуше с участием императорской четы.

17 (29) мая – развод на Саксонской площади в присутствии Николая I; императору представляются военные, получившие награды; организованный Сенатом бал в здании Биржи.

18 (30) мая – учение войск на Мокотовском поле в присутствии Николая I; бал у графа Станислава Замойского¹⁷⁸⁰.

19 (31) мая – прибытие прусского принца Вильгельма, развод войск в присутствии Николая I и принца Вильгельма; парадный выход, парадный обед в замке на 400 человек (военные и гражданские чины, духовные лица, иностранные представители); вечером Николай I и Александра Федоровна посещают оперу.

20 мая (1 июня) – развод войск в присутствии Николая I и принца Вильгельма; бал в Варшавском замке в присутствии Николая I и Александры Федоровны.

21 мая (2 июня) – бал у графа Соболевского; отъезд императрицы, наследника и прусского принца Вильгельма в Берлин.

¹⁷⁸⁰ По другим данным, бал у Замойского был дан 17 (29) мая (Отечественные записки. 1829. Т. 38. С. 433–434).

22 мая (3 июня) – отъезд Николая I в Берлин.
31 мая (12 июня) – отъезд Николая I из Берлина; императрица Александра Федоровна остается в Пруссии.
4 (16) июня – возвращение Николая I в Варшаву.
6 (18) июня – приезд в Варшаву наследника Александра Николаевича.
7 (19) июня – получение известий о победе над турками в Кулевчинском сражении.
9 (21) июня – молебствие (одновременно православное и католическое) в лагере при Повонзках по случаю победы в Кулевчинском сражении.
13 (25) июня – отъезд Николая I и свиты из Варшавы.
19 июня (1 июля) – прибытие Николая I в Тульчин для участия в маневрах.
23 июня (5 июля) – прибытие императора в Киев.
25 июня (7 июля) – получение новостей о взятии русскими войсками турецкой крепости Силистрия.
11 (23) июля – приезд императора в Царское Село.
16 (28) июля – приезд императрицы в Петербург; молебен по случаю побед в Русско-турецкой войне.

Приложение II

О коронации его императорского величества¹⁷⁸¹

Из Варшавы, от 25-го Мая 1829.

Спешу сообщить вам описание события важного, коего я был свидетелем, – события, достойного Истории не только отечественной, но и Всемирной; а ваши Отечественные Записки, как зеркало всего достойного пера Летописца, должны содержать подробности о Короновании Царя Польского в стенах Варшавских Короною Российской, – сим священным символом соединения навеки неразрывным узлом дружбы и согласия двух соплеменных, славных народов.

Мая 9 (21) Герольды, предводимые Церемониймейстерами, сопровождаемые отрядами Лейб-Гвардии Польского Конно-Егерского полка, объявили в главнейших площадях и улицах Варшавских прокламацию о Короновании, которое должно было воспоследовать 12 (24) дня сего месяца. Прокламация сия была следующего содержания: «Августейший и Великий Государь наш Николай Павлович, Император Всероссийский, Царь Польский, указать соизволил Коронованию Его на Царство Польское при помощи Всевышнего быть 12 (24) Мая, приобщая к сему священному обряду Августейшую Свою Супругу.

О сем торжественном обряде извещается сим всем верноподданным, дабы в сей вожденный день они усугубили мольбы к Царю Царей, да ниспошлет Свое благословение на Царствование Его Величества, и да хранит оное в мире и спокойствии, во славу Святого имени Своего и к непоколебимому блаженству Царства.

То же самое повторено было и другие два дня сряду, и народ всегда с восторгом встречал сих вестников нового блаженства для Польского народа, который ждал с нетерпением минуты, когда Монарх Российский торжественно воссядет на Трон Польского Царства. Наконец настал сей желанный день. 12 (24) Мая, еще чуть светало, как жители столицы, умноженные великим числом Поляков и чужестранцев, приехавших в Варшаву для того, чтобы иметь счастье быть свидетелями сего исторического события, начали собираться в улицах, прилежащих ко Дворцу. Вокруг Сигизмундовой площади, по коей должна была шествовать процессия, были построены скамьи в виде амфитеатра для 3000 особ. Сверх того окна домов, против Дворца лежащих, и улицы Св. Иоанна, ведущей к Кафедральной церкви, были наполнены зрителями, и украшены разными девизами, лавровыми венками, гирляндами и прочими предметами, делавшими прелестный вид. От Дворца до самого

Собора тянулся широкий помост, крытый алым сукном, по которому назначено было шествие.

В 9 часов утра, Министры, Сенаторы, Нунции и Депутаты Воеводств собрались во Дворце. Собор также был полон. Прежде всего явился пастырь словесного стада Католического исповедания, Примас, предшествуемый Герольдом в рыцарском одеянии, сидевшим на белой лошади, и окруженный сонмом Духовенства и Сенаторов Царства Польского. Шествие началось в 11-м часу регалиями, несенными на великолепных подушках, в следующем порядке:

Орден Белого Орла, нес Палатин Грабовский.

Государственная печать, несомая Министром, Статс-Секретарем, Дивизионным Генералом Грабовским.

Государственный панир, Генералом от Инфантерии Исидором Красинским.

Царский Меч, Генералом от Артиллерии Гауком, с двумя Ассистентами, несшими впереди на подушке влагалище сего Меча.

Царская порфира, Кастеланами: Сераковским и Глищинским.

Держава, Палатином Чернецким.

Скипетр, Палатином Князем Адамом Чарторыжским.

Корона, Президентом Сената, Графом Замойским.

Регалии сии, встреченные у двери церкви Примасом с многочисленным Духовенством, в великолепном облачении, возложены были на приуготовленный для сего стол, покрытый алым бархатом. Примас тотчас же отслужил обедню Св. Духа, в продолжение коей 300 человек музыкантов играли духовный концерт, сочиненный нарочно для сего торжественного случая Директором Консерватории Эльснером, который дирижировал музыкой. После сего певчие пропели гимны *Veni Creator*, по музыке Г. М. Соливы. Гармония сия проникнула сердца слушателей. Потом регалии, с таковою же церемонией предшествуемые Духовенством, перенесены были обратно во Дворец и положены торжественно в Тронной зале.

Невольным образом должен я здесь отстать от порядка моего рассказа, чтобы хотя поверхностное дать понятие об убранстве залы заседаний Сената, в коей было совершено Коронование. Против той Стороны, на которой обыкновенно возвышается Трон, устроен был в известном расстоянии от стены бархатный балдахин, украшенный бахромой и кистями золотыми, страусовыми перьями и вензелем Его Императорского Величества Государя Императора. Балдахин сей прикреплен к потолку четырьмя железными полосами, обогнутыми бархатом и голунами. Под ним устроено возвышение о девяти ступенях, разделенное двумя уступами и окруженное с трех сторон вызолоченною балюстрадаю, на обоих концах которой пред Троном блистал белый герб Царства Польского. Среди Трона сделана ступень, также покрытая алым бархатом, для кресел Его Величества Государя Императора. С правой стороны на таковой же ступени кресла Ее Величества Государыни Императрицы, а с левой поставлен стол, покрытый алым бархатом и золотыми голунами для Государственных Регалий. С правой стороны Трона устроено возвышение о семи ступенях, также покрытое алым бархатом для Государственных регалий, а с левой подобное возвышение о трех ступенях определено было для Министров и для Совета. Среди залы воздвигнут был престол с распятием. От правой стороны Трона до двери, которой Его Величество изволил войти в залу, и от сей двери до левой стороны Трона, равно как и позади оного, возвышались амфитеатром скамьи, покрытые алым сукном.

Теперь приступлю опять к описанию церемонии. Балконы домов были, так сказать, унижены дамами, великолепно одетыми, а в самой зале великое множество знатных особ ожидали с благоговением появления Монарха. Наконец Государь, отслушав Греко-Российскую обедню в Дворцовой церкви, оставил Тронную залу и явился, облеченный в орден Белого Орла, в залу коронования, предшествуемый знатнейшими Сановниками, несшими регалии, Епископами и Архиепископами, за коими следовали Государыня Императрица в короне и порфире, Их Величества Наследник, Цесаревич, и Михаил

Павлович, с Сановниками и знатными Царедворцами. Когда Их Императорские Величества сели на Свои места, то Их Императорские Высочества заняли возвышение, нарочно для Них приготовленное. Ассистенты Его Величества стали по левую Его сторону, равно как и Министр Двора, Дежурный Генерал-Адъютант и Командир Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка с обнаженной саблей; Ассистенты Ее Величества по правую Ее сторону; за креслами Его Величества один из первых чинов Двора и восемь Камергеров, назначенных к несению шлейфа Его порфиры; за креслами Ее Величества стали также один из первых чинов Двора и шесть Камергеров, назначенных к несению шлейфа Ее порфиры; пред Троном с правой стороны Председатель Сената, несший Корону; с левой Палатин, несший Скипетр; на ступенях Трона, между большою и первою платформою, разделяющею возвышения, с правой стороны Палатин, несший Державу, а с левой Кастеланы, несшие мантию; на первой платформе два Капитана Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка, один с правой, другой с левой стороны, с обнаженными саблями; на ступенях между правою и второю платформами, с правой стороны Генерал, держащий панир; на второй платформе с правой стороны Министр Статс-Секретарь, несший печать; с левой Кавалер Белого Орла, несший цепь сего Ордена; в середине Обер-Церемониймейстер; на последней два офицера Лейб-Гвардии Конно-Егерского полка, один с правой, другой с левой стороны с обнаженными же саблями; внизу у ступеней Трона два Церемониймейстера, далее два Герольда с жезлами; Министры и Совет, на приготовленном для них возвышении; на стороне Его Величества, на ступенях военная свита Его; на стороне Ее Величества, также на ступенях, Придворные Чины. Когда таким образом все заняли свои места, Государь Император подал знак Примасу к Нему приблизиться, который, подойдя к Его Величеству, прочитал молитву о ниспослании всех благ Императору Всероссийскому и Царю Польскому, и, произнеся: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», подал Его Величеству Царскую Порфиру. После сего, по повелению Государя, Председатель Сената, несший Корону, сняв оную со стола, поднес Примасу, который и предложил оную Монарху, произнеся вышеупомянутые слова, а Государь Император, возложив оную Себе на голову, принял из рук Примаса цепь Белого Орла и возложил на грудь Императрицы; две Штатс-Дамы немедленно прикрепили оный к Ее мантии. Потом, в следствие нового повеления Государя, Примас, произнеся слова: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», подал Его Величеству Скипетр и Державу. И по окончании сего обряда, Пастырь церкви, воздев очи к Небу, с умиленным, Божественным восторгом трижды воззвал «Vivat Rex in aeternum!» (Да здравствует Царь вечно!). И сии слова произвели новое ощущение восторга в сердцах не только Особ, присутствовавших при Короновании, но и вообще целого народа, извещенного о сем радостном, с нетерпением ожидаемом мгновении 101-м пушечным выстрелом и громким колокольным звоном. Засим, когда звуки пушек и колоколов умолкли, Его Величество Государь Император, отдав Скипетр и Державу несшим оные Особам, преклонил колени и громким голосом прочел следующую молитву по книге, Ему поданной Министром Духовных Дел:

«Боже Всемогуций, Отче Отцов Моих! Царю Царей! Сотворший мир сей Божественным Своим Словом, и в бесконечной премудрости Своей Создавший человека для управления светом на пути истины! Ты призвал Меня в Царя и Судию храброго народа Польского! Признаю с благоговением действие Небесной Твоей ко Мне милости, и принося Тебе дань благодарения, смиряюсь духом пред Божественным величием Твоим. Благоволи, Господи, Боже мой! просветить стопы Мои на сей высокой стезе и направить все дела Мои к свершению Пресвятой воли Твоей; осени Меня мудростью, восседающею на Престоле Твоем. Ниспосли ее с Небес, да познаю Всевышнюю волю Твою и истину заповедей Твоих. Да будет сердце Мое в руце Твоей, и да сподоблюсь царствовать для блага Моих народов, во славу Святого имени Твоего, по учредительной грамоте, дарованной Моим Августейшим Предшественником и уже утвержденной Моею присягою. Да не усташусь предстать пред Тебя в день вечного суда Твоего, славой и милосердием Божественного Сына Твоего, Господа Иисуса Христа и Благодатью Духа Твоего Святого, Господа Животворящего, во веки веков. Аминь».

После сей молитвы, читанной Царем с чувством чадолюбивого отца, дающего торжественный обет Богу любить Своих детей, судьба коих вложена Провидением в Его десницу, Его Величество встал, а все присутствующие преклонили колена, и картина сия была истинно величественна. Монарх, приосененный Святыней, венчанный Российской Короной, облеченный в Орден Царства Польского, стоит, а пред Ним все повержены долу с чувством возвышеннейшего благоговения! Примас прочел снова молитву о ниспослании Его Императорско-Царскому Величеству всех благ земных; по окончании оной все снова встали, а Первосвященник, отдав Царю низкий поклон, отправился со всем Духовенством в церковь Св. Иоанна, для ожидания там прибытия Государя Императора, Который вскоре отправился туда в таком же порядке, как и в залу Коронования. При выходе Его Величества из залы, произведен был 71 пушечный выстрел. Примас со всем Духовенством встретил Государя у входа в церковь со святой водой и молитвой, и предшествовал Ему до самого места, которое занимал Его Величество во время молебствия, в продолжение коего произведен был 101 выстрел. По окончании оного, Государь возвратился во Дворец с той же процессией, а Духовенство проводило Его Величество до дверей церковных. По прибытии во Дворец, Его Величество изволил удалиться во внутренние покои.

В сей самый день во Дворце был обеденный стол, на другой же дан большой бал, на котором однако Его Величество не мог присутствовать, по случаю легкой простуды. На третий день Особы обоего пола приносили поздравления Их Императорским Величествам.

В продолжение сих дней город был великолепно освещен и во многих местах видны были прозрачные картины с различными девизами, свойственными настоящему обстоятельству. Сверх того в сии дни был безденежный впуск в народный и Французский театры, а на поле, что подле Уяздов, были поставлены столы для угощения народа истинно по-Царски, с увеселениями, разного рода, коих подробнейшее описание, конечно, доставит удовольствие вашим читателям. В 1-м часу, Их Императорские Величества выехали на вышеозначенное поле. Великое множество зрителей, по билетам, находились в нарочно для сего приготовленном амфитеатре. Народ кипел на поле: его было до 80,000 человек и на лице каждого блистал луч истинного восторга. Посреди площади возвышалась ротонда, с отличным вкусом выстроенная, о шестнадцати столбах Коринфского ордена; на куполе, украшенном гирляндами, сиял Белый Орел с распростертыми крыльями. Царица изволила приехать в открытой карете, в сопровождении Державного Супруга Своего, Наследника, Цесаревича, Великого Князя Михаила Павловича, и блестящей многочисленной свиты, верхом. Проехав несколько раз сквозь веселые толпы народа, с восхищением встречавшего Царскую Фамилию громогласными восклицаниями, Их Величества изволили войти в ротонду, и когда заняли Свои места, начались разного рода увеселения: карусели, гимнастические игры; народ гулял по обширному полю, и внимание трудолюбивых граждан, редко пользующихся подобными увеселениями, беспрестанно занимаемо было то танцами на канате, то борьбой и метанием в цель, то ристанием легких наездников, то полетом воздушного шара. Наконец, насытив себя подобными зрелищами, все окружили столы, на коих яства предложены были веселящемуся народу рукою Царской. За этими бесконечно длинными столами, покрытыми белыми скатертями, уставленными множеством блюд, между коими, по нежному вниманию, представлены были и национальные яства народа Польского, окруженными фонтанами, бившими разноцветными винами, пировали граждане, уже носящие в душе своей любовь, благоговение и преданность к Николаю и Его Августейшему Дому. Царь и Царица еще раз проехали по полю между рядами народными и, встреченные восклицаниями и благословениями верных Своих подданных, изволили, быв сопровождаемы кликами патриотического восторга, возвратиться во Дворец. В вечеру, в обширных и великолепных залах здешней Ратуши дан был городом блистательный бал, удостоенный присутствием Их Императорских Величеств, Которые и 17 (29) Мая благоволили почтить прекрасный был, данный Президентом Сената, Графом Замоиским. 19 (31) Мая в 3 часа был при Дворе стол на 300 особ, к коему приглашены были Духовенство, Сенат, знатнейшие Придворные Чиновники, Генералы, Полковники, равно как Нунции и Депутаты Воеводств.

Вечером Их Императорские Величества присутствием Своим осчастливили народный театр, где дана была Опера: Цецилия Пещинская, музыка сочинения Капельмейстера Курпинского. Патриотический восторг снова блеснул здесь при появлении Монархов.

20 Мая (1 Июня) был при Дворе бал и ужин.

21 Мая (2 Июня) Граждане с изъявлением душевной горести, видели проехавшую по городу в час по полудни, в дорожном экипаже Государыню Императрицу вместе с Ею Высочеством Великим Князем Наследником: Они изволили отправиться в Берлин.

Нельзя не присовокупить к сему, что при всяком смотре войск и даже во всякий развод Государь Император изъявлял Свою благодарность Главнокомандующему Ею Высочеству Великому Князю Цесаревичу и Свое Высочайшее благоволение Гг. Генералам, Штаб- и Обер-Офицерам. Нижние же чины удостоивались получения по серебряному рублю, по фунту говядины и по чарке водки. И воины и граждане, преисполненные любви и благодарности к Монарху, принимали Ею, равно как Августейшую Супругу и Наследника громогласными восклицаниями – и я собственными глазами видел, как, в восторге Патриотизма, добрые Поляки по окончании Коронации, кинулись на алое сукно, до коего касались стопы Помазанника и Ею Августейшей Супруги, и старались получить хотя малейший лоскут оногo, дабы принести в семейства свои и хранить там свидетельством сего счастливого события для соплеменных народов.

Н. Б.

Приложение III

Манифест Александра I о создании царства польского

13 (25) мая 1815 г. ¹⁷⁸²

Божиею милостию Мы, Александр Первый Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и проч. и проч. и проч. объявляем всенародно.

На довершение всемирного порабощения простертая до самых недр отечества Нашего война отверзла победоносной России и Европе врата Парижа. Сие событие возродило в Нас праведную надежду независимость народов паки узреть под кровом справедливости, правомерия и законообразной свободы, коих начала неограниченным господствованием военного правления изглажены уже были из гражданских и политических уложений народов.

Дабы увенчать сию надежду счастливым успехом и распространить благотворение прочного и незыблемого мира на все народы бременем понесенных бедствий отягченные, возван и установлен был Конгресс в Вене; но для достижения сей спасительной цели необходимость требовала, чтобы каждый из сих народов согласовал свои собственные права и выгоды с пользой Европы, принеся в дар общему благу новые жертвы. Сии уважения, столь определительные, решили жребий народа Польского.

Нужно было паки поставить его на чреду народов, коих собственное счастье побуждает к защите общего дела, и для сего надлежало даровать ему свободу наслаждаться всеми нравственными и политическими благами, составляющими отличное достояние и предмет особенных вожделений просвещенных народов.

Со всем тем занимаясь возрождением сей новой частицы Европейской системы, польза народа Польского не могла составлять исключительного предмета уважений. Благо каждого, равно и неприкосновенность всей системы возбранили обращаться к предположениям

1782 Манифест обращен к жителям Царства Польского, в Российской империи не публиковался. Цит. по: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 585. Л. 8–9 об. Оригинальный печатный текст на русском и польском языках см. также: РГИА. Ф. 1289. Оп. 23. Д. 80. Л. 19–20 об. Опубликованный манифест на польском языке: *Gazeta Warszawska*. 1815. № 49. S. 887–888. В мемуарах Огинского, изданных на русском языке, цитируется перевод текста с польского оригинала: *Огинский М.* Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Т. 2. С. 367–371.

могущим нарушить равновесие и общую безопасность. Здравая политика, опыты прошедших времен и самая вера, побуждающая Нас к воззрению на долговременное несчастье народа заслуживающего уважение, налагают на Нас священную обязанность, не щадить никаких жертв на охранение спокойствия мира и ограждение Европы от новых бедствий.

Поляки! Нам приятно всегда было воздавать прямую цену благородству ваших чувствований и неослабным усилиям устремляемым единственно на восстановление вашего отечества, вами превыше всех благ чтимого.

Пламенное стремление ваших желаний часто устраняло вас от сей спасительной цели и увлекало на пути, которыми достигнуть оной было не можно. Время заблуждений и сопряженных с ними бедствий уже миновалось. В противоположность оным Мы всегда поставляли, даже и в отношении к преступившим свои обязанности, великодушное прощение, чистосердечное забвение прошедшего и искреннее желание загладить следы ваших несчастий приспешением вам благоденственных дней.

Постановления заключенного Нами в Вене трактата определяют образ отечественного вашего бытия и пользы, которые вы приобретете под Державой Нашей.

Поляки! новые союзы соединят вас на все грядущие времена с народом, отличающимся величеством своего духа. Древнее единоплеменство, мужество достойное вашего соревнования, одинакие с вами нужды и пользы и общее с ним столь знаменитое наименование, Славянского народа, свяжут вас узлом братской любви. Законоположенное и вечное присоединение сопряжет судьбу вашу с судьбой Империи, которая и по единому могуществу не может искать распространения и руководствоваться иными правилами, кроме как внушаемыми правосудием и щедротой.

От сего времени любовь ваша к отечеству, озаренная опытностью и путеводимая признательностью обратится на отечественные учреждения к занятию всей ее деятельности в полной мере достаточные. Законоположения приспособленные к местным обстоятельствам вашей земли и к вашему характеру, употребление отечественного языка, отправление Государственных должностей, совершенная свобода торговли и судоходства, удобное сообщение с странами оставшимися в чуждом владении, войско из народа вашего составленное, открытые пути к постепенному усовершенствованию ваших законов, вашей промышленности и к распространению между вами просвещения, суть те выгоды, коими вы будете пользоваться под Нашим и наследников наших скипетром. Они составят неприкосновенное наследие переходящее из века в век к вашим потомкам.

Сие новое владение соделано Царством Польским. Вождевленное наименование, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, зывали, и для которого столько излили крови.

Во избежание всех трудностей возникших относительно обладания Краковом, Мы предложили учредить его вольным и нейтральным городом. Находясь под защитой и покровительством трех дружественных Держав, и посвятив себя единственно наукам, художествам и торговле, сей город будет наслаждаться тихим и безмятежным благоденствием. Возвышенными чувствами руководимая политика оставит его по себе памятником воздвигнутым в том месте, где наиболее встречается воспоминаний блистательных времен вашего бытописания, и где почивает прах достойнейших ваших Государей.

Наконец для увенчания дела, которому исполненные бедствий времени толико противоборствовали, постановлено: чтобы народность ваших собратий, находящихся под управлением Австрии и Пруссии, была охранена попечительностью о ней взаимных Держав.

Поляки! блаженство вашего народа устроено тем единственно образом, который в кругу возможности находился. Отечество вам возвращаемое должно было не подать повода ни к зависти, ни к опасению со стороны соседственных вам земель; а еще менее к воспламенению новой войны в Европе. Таковы были желания друзей рода человеческого, самых соотчицей ваших, и наконец таковы и веления здравой и благоразумной политики.

Согласно торжественным постановлениям Европейского Конгресса в Вене созванного, и в следствие уступленного Акта Его Величества Короля Саксонского, Мы вступаем в вечное владение областей прежде бывшего Герцогства Варшавского Нам по трактатам доставшихся, и учреждаем в них временное Правительство составленное из особ Нами уполномоченных. Обязанность их будет состоять в приведении вашего края без потрясений к тому постоянному и законоположенному благоустройству, для коего вы сами споспешествовали приуготовить начала.

Вы получите чрез Наместников наших изложение выгод Венскими постановлениями вам предоставленных; познаете и те, которые проистекают от законоположенного присоединения вашего отечества к Нашей Империи: Союз сей определит ваши права, ваш жребий и ваши обязанности.

На сей конец Мы призываем жителей всех сословий, Войско и Гражданские чины учинить Нам на верность присягу. Она будет залогом вечной народа Польского к Нам преданности и Нашего о нем отеческого попечения. Первое оного действие обратится на облегчение вас, в предыдущее время от тягостных налогов стечением бедствий отечество ваше обременивших. Нам известно сколь далеко они простираются, и Мы с прискорбием взирали на невозможность вас до сего времени от оных освободить.

Поляки! достопамятный час преобразивший судьбу вашу да укрепит и укрепит вас на вечные времена в ваших желаниях, ожиданиях и чувствованиях! Ревность ваша ко славе Нашей Империи и непоколебимое упование на благие Наши намерения да оправдают благотворение даровавшее вам новое бытие, и да соделают вас достойными постепенного улучшения вашего жребия.

*Вена, мая 13 (25) дня 1815 года.
Александр*

Приложение IV

Речи Александра I и Николая I в царстве польском

1. Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии сейма царства польского 15 (27) марта 1818 г.¹⁷⁸³

Представители царства польского! Надежды ваши и мои желания совершаются! Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченный созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства к приведению оного в исполнение. Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав, по правилам христианской нравственности, добро за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победой, предпочла единственно честь – восстановить храбрый и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейшим моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при

¹⁷⁸³ Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. С. 612–615.

помощи Божьей, распространить и на все страны, Проведением попечению моему веренные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

Поляки! Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению.

Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительной хартией; ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы. Благо драгоценное, которого она долгое время вотще искала, среди самых жестоких испытаний.

Поприще трудов ваших открывается. Министр внутренних дел предложит вам нынешнее положение управления польского. Вы увидите проекты законов, долженствующие быть предметом ваших рассуждений. Они имеют целью постепенное усовершенствование. Учреждения финансов государства требуют еще сведений, которые время и точное измерение ваших средств могут только правительству доставить. Законоположительное управление постепенно применяется ко всем частям правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданского и уголовного законодательства будут вам предложены. Я утешаюсь уверением, что вы, рассмотрев их со всевозможным вниманием, предуспеете поставить законы, которые будут служить к ограждению драгоценнейших благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений.

Не имея возможности посреди вас всегда находиться, я оставил вам брата, искреннего моего друга, неразлучного сотрудника от самой юности. Я поручил ему ваше войско. Зная мои намерения и разделяя мои о вас попечения, он возлюбил плоды собственных трудов своих. Его стараниями сие войско, уже столь богатое славными воспоминаниями и воинскими доблестями, обогатилось еще с тех пор, как он им предводительствует, тем навыком к порядку и устройству, который только в мирное время приобретается и приуготовляет воина к истинному его предназначению.

Один из достойнейших полководцев ваших представляет лицо мое среди вас. Поседевший под знаменами вашими, разделяя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, он не переставал доказывать преданность свою к отечеству. Опыт оправдал в полной мере выбор мой.

Не взирая на усилия мои, быть может, что следы бедствий, угнетавших вас, не все еще заглажены. Таков закон природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человеческой.

Представители царства польского! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначения. Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющий на вас свои взоры.

Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная; но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца, и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком, и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов.

Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет взаимное согласие душой вашего собрания, а достоинство, хладнокровие и умеренность да ознаменуют ваши прения.

Руководствуясь единственно любовью к отечеству, очищайте мнения ваши от всех предубеждений, освобождайте их от зависимости частных или исключительных выгод, и

выражая их с простотой и прямотою, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова.

Наконец, да не покидает вас никогда чувство братской любви, нам всем предписанной божественным законодателем.

Таким образом ваше собрание приобретает одобрение и признательность отечества и то общее уважение, которое подобное сословие заставляло к себе ощущать, когда представители народа свободного не обезображивают священного звания, на них возложенного.

Первейшие чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснил вам свою мысль, я показал вам ваши обязанности.

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне: покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.

Вознесем благодарение к Тому, который единый просвещает царей, связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира.

Призовем его: да благословит Он и да усовершенствует начинание наше.

2. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма царства польского 15 (27) апреля 1818 г.¹⁷⁸⁴

Вы оправдали мои ожидания. Прения сего первого собрания, дух, им руководивший, результаты, которые оно произвело, единогласно свидетельствуют о чистоте ваших намерений и вызывают мое одобрение.

В результате вашей работы в Царстве Польском наконец будет установлено единообразное польское уголовное уложение. Постановляя, что на вашем следующем Сейме вам будет предложено уложение об уголовном судопроизводстве, я предвосхитил ваши желания, продиктованные любовью к добру и порядку; однако необходимо, чтобы законы, составляющие теорию уголовного права, были установлены прежде законов, определяющих их применение. Первые должны были получить ваше одобрение, чтобы наметить путь для работы над вторыми.

Новые предписания частично дополнили и ваш гражданский кодекс, недостатки которого были общепризнаны. Ряд его положений не обеспечивал достаточно гарантий займам владельцам земли. Опираясь на успешный опыт, вы внесли полезные исправления в повторяющиеся друг друга законы.

Вам оставалось обратиться к срочному вопросу. Должно было вынести решение о неизбежном следствии этих разрушительных лет – мерах, приостановивших естественные обязательства должников пред займодавцами. Установив на чаши весов надлежащее почтение к длительным несчастьям одних и возмещение, коего требует справедливость по отношению к другим, вы сделали первые шаги на пути к лучшему будущему.

Среди законопроектов, которыми вы занимались, лишь один не получил одобрения большинства представителей обеих палат. Подобный итог был определен добросовестностью и серьезностью. Я аплодирую, поскольку сей факт подчеркивает независимость ваших решений. Свободно избранные, вы должны свободно совещаться. С нерушимостью сих оснований всегда будет связан истинный характер народного представительства, кое я желал созвать, дабы слышать подлинное и совершенное выражение общественного мнения. Лишь учрежденное подобным образом собрание дает правительству уверенность, что оно предоставляет народу те законы, кои действительно ему полезны.

Однако это непростая задача. Только с течением времени ее решение может достигнуть полного успеха. Ведь именно время совершенствует мнения и воспитывает депутатов в

¹⁷⁸⁴ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832. P. 277–279 (пер. П. А. Левина).

школе опыта. Я тронут благородными чувствами, свидетелем которых я стал. Ваше доверие составляет мое главное стремление, ваша привязанность – моя награда.

Я обдумаю ваши просьбы со всей тщательностью, и вы увидите, я надеюсь, на следующем собрании, что они будут удовлетворены насколько это смогут позволить обстоятельства.

Заботы о моем отечестве отдаляют меня от вас; но ваши судьбы всегда будут присутствовать в моих мыслях. Я вернусь к вам, дабы радоваться вашим успехам на открытом вам прекрасном пути, и дабы вы пожинали новые плоды моих уединенных размышлений. Поляки! Я придаю большое значение исполнению моих замыслов. Они известны вам. Возвращаясь к своим семьям, унесите с собой свидетельство работы на благо ваших соотечественников и процветание вашего отечества. Задумайтесь, что это же отечество, возведенное в достоинство свободного и независимого государства, внимательно следит за вами в кругу ваших личных и домашних отношений. Именно тогда, даже сильнее, чем в великие дни общественных собраний, оно поручает вам быть просвещенными гражданами, друзьями ваших братьев и самих себя, и неизменно стремиться к тому, чтобы все сословия, и особенно те, кто поддерживают государственный строй, сознавали преимущества конституционного порядка, коим пользуется Польша.

Сей порядок станет для вас большим благом, когда власть законов распространит свое влияние на ваши сердца до того, как начнет определять ваши действия. Такова вершина, к которой должно стремиться развитие цивилизации. Цивилизация достигает ее, когда она правильна, иначе говоря, когда безупречность нравов составляет ее основу. Именно тогда личное благосостояние оказывается связано счастливым единомыслием с благосостоянием общественным, и законы сильны, будучи одобрены всеми, поскольку они покоятся на необходимом согласии убеждений. Убедитесь, что все ваши конституционные законы могут процветать лишь тогда, когда вы поместите их под защиту принципов, черпаемых из христианской морали, и когда вы найдете в вашей общественной и личной жизни применение божественным заповедям. Именно вы, служители алтаря, своими уроками и особенно своим примером, должны способствовать торжеству сего спасительного учения.

Представители Царства Польского! Степень старания, кою вы продемонстрировали, воплощая мои пожелания и надежды, дает мне залог успеха народного управления вплоть до созыва следующего Сейма. Пусть это собрание, обогащенное плодами ваших трудов, продвигается большими шагами к достойной цели, привлекающей к себе столько взоров и готовящей следующим поколениям обильный урожай безопасности, счастья и славы!

3. Речь, произнесенная императором Александром I при открытии сейма царства польского 1 (13) сентября 1820 г.¹⁷⁸⁵

Представители Царства Польского!

С чувством истинного удовольствия вижу Себя вторично посреди вас; и с услаждением повторяю, что соединяя вас здесь, что призывая содействовать соблюдению и развитию ваших народных постановлений, повинуюсь движению Моего сердца, привожу в действие одно из драгоценнейших Моих желаний.

Постановления сии, плод доверенности Моей к вам, утвердятся доверенностью вашей ко Мне.

Целью Моей было, даруя их вам, соединение вышней власти с властями посредними, с правами и законными выгодами общества.

Связь сию нахожу Я необходимой, но дабы ей быть твердой, она требует помощи, без коей всё на земле слабеет и падет.

Да не забудем, что постановления суть произведение человеческое. Сии постановления, как и самые люди, имеют нужду в подпоре против слабости, в совести против заблуждения и

равно с ними находят сию подпору, сию совесть в одной нравственности Христианской и в ее Божественном учении.

Вы пребыли Поляками, вы носите сие имя почетное; Я уже вам пред сим сказал, одно исполнение правил проповеданных сим благотворным поучением, могло вам возвратить столь знаменитое преимущество. Последуйте же и вы его спасительным наставлениям; в их источнике почерпайте сию добросовестность, которую они вам предписывают как к самим себе, так и к другим; почерпайте сию любовь к истине, которая к ней одной стремится, ей одной внимает, ея язык один исповедует и вы поможете мне действительно утвердить возрождение Отечества вашего.

Я произнес перед вами слово истины, ибо истины одной требую от вас; желаю слышать ее из уст ваших, изъявшие ее искренно, но со спокойствием и добросердечием.

Она явится вам во всем своем блеске, сия истина, когда будете искать ее в самих делах, а не в суетных умствованиях, когда будете судить о положении своем по свидетельству событий, а не по теориям призываемым в наши дни честолюбием упавшим или честолюбием возникающим.

Истина, наконец, ознаменует ваши мнения, когда внимая единственно важным пользам, коих хранение вам вверено и отчуждая от советов ваших злобу, частные приличия, собственные виды, вы достигнете высоты священного звания, на вас возложенного.

Тогда только исполните вы обязанность вашу. Теперь Я приступаю к исполнению своей.

Министры Мои представят вам обозрение всех мер образовательных и управительных, принятых и в действие приведенных в течении двух лет. Вы без сомнения с удовольствием удостоверитесь в пользе от них последовавшей, сравнивая ее со всеми бедствиями, коих должно было изгладить следы, еще глубоко впечатленные. Желание достигнуть до сей цели, быть может, не всегда следовало по пути предписанному устройством, которое Мне даровать вам было приятно; быть может также, что потребности неизбежные современным течением своим, увеличили издержки ими вынужденные.

Намерения Мои однако же не изменяются и твердой волей Моей есть на будущее время: строжайшее соблюдение правил единожды постановленных и попечительность с совестной заботливостью о состоянии обложенных податями.

Представления, кои вы Мне подали, были приняты во внимательное уважение. Вы узнаете как было и как будет еще им удовлетворено и по чему следовало отсрочить исполнение некоторых из оных, а другие и совершенно отстранить. В числе тех, кои Правительство поспешило уважить, находятся проекты законов, кои будут вам предложены.

Вы желали иметь Судопроизводство Гражданское, коего ход был бы образован на прямейших и вернейших правилах; вы желали иметь Судопроизводство Уголовное, согласованное с Уложением Уголовным, вами на последнем Сейме принятым. Вам предложатся проекты новых законов по тому и другому предмету. Искренно отдаю их на рассмотрение ваше. Знаю, что законы такого рода, дабы достигнуть до степени возможного и от нас зависящего совершенства, требуют рассуждений глубоких; Я хочу, чтобы они ознаменованы были печатью полной зрелости.

Ораторы Правительства известят вас о намерениях Моих в сем отношении и вы познаете, что они предоставляют голосам вашим полную свободу, а рассуждениям совершенное и необходимое пространство.

Закон Финансов требует еще времени и размышления. Недозрелые перемены, особенно же в устройстве податей, опасны. Финансы процветают под одним охранением неизблемости учреждений. Система ваших Финансов должна подвергнуться преобразованию, но единому. Оно введется тогда, когда достаточно приуготовлено будет.

Представители Царства Польского! Явите Отечеству вашему, что опираясь на опытность вашу, на ваши правила и чувствования, вы умеете соблюсти под сенью законов спокойную независимость и чистую свободу; явите современникам, что сия свобода есть друг порядка и его благотворений и что вы пожинаете плоды ее, ибо умели, ибо уметь будете всегда противоборствовать наущениям недоброжелательства и соблазнам примера.

Инде употребление и злоупотребление были поставлены на одной череде; инде возбуждая мнимую потребность в раболепном подражании, дух зла покушается похитить снова бедственное владычество и уже парит над частью Европы, уже накапливает злодеяния и пагубные происшествия.

Посреди сих бедствий система Правительства Моего останется неизменной. Я почерпнул ее начала во внутреннем убеждении своих обязанностей.

Сии обязанности всегда исполнены Мной будут с прямотою. Но сего прямотою было бы недостаточно когда бы мог Я не познать великих истин, коим опытность нас научает.

Без сомнения век в котором мы живем требует чтобы порядок общественный, имел основанием и ручательством законы, его охраняющие. Но сей век налагает также на Правительство обязанности ограждать сии пагубные законы от пагубного влияния страстей, всегда беспокойных, всегда слепых.

В сем отношении важная ответственность лежит на вас и на Мне. Она наказывает вам следовать неизменно по пути, начертанному вам благоразумием и правотою. Мне она повелевает предостерегать вас с откровенностью от опасностей, вам угрожать могущих и охранять от них постановления ваши; Мне предписывает не иначе судить о мерах подлежащих Моему разрешению, как по истинным их последствиям, а не по наименованиям, коим дух сообщничества их величает или бесславит; она наконец обязывает Меня для предупреждения самого возрождения зла и необходимости прибегать к средствам насильственным, истреблять семена расстройств, как скоро они окажутся.

Такова Моя непреложная решимость; Я никогда не уклонюсь от своих правил и никогда не соглашусь на уступления им противные.

Поляки! по мере как узы братства вас навсегда привязывающие к России теснее скрепляются; по мере как вникаете в обязанности, кои они вам напоминают, поприще Мной вам открытое распространяется и улаживается перед вами. Еще несколько шагов направленных благоразумием и умеренностью, ознаменованных доверенностью и правотою, вы коснетесь цели ваших и Моих надежд. Тогда сугубо утешусь увидя, что мирное действие ваших свобод утвердило ваше народное бытие и запечатлело неразрывный союз благоденствия между обоими Отчествами Нашими.

4. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма царства польского 1 (13) октября 1820 г.¹⁷⁸⁶

Представители Царства Польского!

При открытии совещаний ваших, изложил Я вам мысли мои о средствах, могущих служить к развитию и утверждению Народных ваших постановлений.

Достигши предела, прекращающего ныне ваши занятия, которые должны вести вас постепенно к сей важной цели, вы легко можете судить, на сколько вы к оной приближались. Вопросите совесть вашу, и вы узнаете, оказали ли вы Польше, в продолжение ваших прений, все те услуги, коих она от мудрости вашей ожидала, или напротив мечтами нынешнего времени увлеченные, жертвуя надеждой, которую свершила бы предусмотрительная доверенность, вы замедлили совершенное восстановление Отечества вашего?

Сия важная ответственность будет лежать на вас. Она есть необходимое последствие независимости мнений ваших; они свободны, но должны руководствоваться чистыми намерениями. Мои намерения вам известны. За зло воздано вам добром и Польша возведена снова на степень государств; намерения мои в отношении к ней непременны, невзирая на мнение, которое будут иметь о способе употребления вами прав ваших.

Неприятные впечатления могут однако ж потерять свою силу и Члены Собрания сего одушевляемого искренней любовью к добру, совершат достойно долг почтенного звания своего, принеся с собой в дома свои мир и согласие, распространяя в оных сей дух тишины и безопасности, без коих благотворнейшие Законы будут бесполезны.

Вы предложили законы, в коих Отечество ваше наиболее имело нужду.

По зрелом рассуждении, означатся постепенно отношения заимодавцев и должников. Обряды, с коими впредь сопряжено будет пожертвование имуществ частных на пользу общественную, доказывают уважение к собственности, служащие сильнейшим поощрением к предприятиям полезным.

Я не буду в сию минуту разбирать причины по коим вы не приняли проектов, назначенных к пополнению системы вашего Законодательства.

Предоставляю согражданам вашим решить было ли единственной целью вашей при отклонении проектов сих, доставить Законам, долженствующим управлять вами то совершенство, которое можете принести оным размышление зрелое и глубокое.

Представители Царства Польского! Я оставляю вас, но и в отдалении от вас, я буду блюсти о благе вашем с тем же постоянством и той же попечительностью; единственным предметом желаний моих будет – видеть правила, мной вам предначертанные, укрепленными вашей умеренностью и оправданными вашим счастьем.

5. Речь, произнесенная императором Александром I при открытии сейма царства польского 1 (13) мая 1825 г.¹⁷⁸⁷

Представители Царства Польского!

Когда я расстался с вами, четыре года тому назад, в то же время, бедственные происшествия произвели в Европе всеобщее волнение, угрожавшее благосостоянию всех народов. Я желал дать время мнениям установиться, а страстям утихнуть. Ваше третье Собрание было отложено, но я уверен, что это замедление приготовит успех теперешних ваших занятий, и с истинным удовольствием, со всеми чувствами привязанности, которую я вам доказал в стольких слушаниях, я нахожусь еще раз между вами.

В промежутке времени протекшем от последнего Сейма, не изменяя своим обязанностям и намерениям мной вам объявленным, коль скоро я открывал зародыши беспорядка, то противился их развитию. Дабы утвердить мое здание, обеспечить существование оногo, и дабы вы мирно могли пользоваться им, я прибавил один пункт к основному Закону Королевства. Мера сия предупреждающая необходимость иметь влияние и руководствовать выборы Частных Сеймов и самые действия ваших заседаний, доказывает участие, которое я принимаю в утверждение постановлений, коими вы управляете. Она не имеет другой цели, и я твердо уверен, что поляки будут уметь оценить ее.

Министр мой внутренних дел представит вам отчет о состоянии государства и о управлении правительства, совершенных в последние четыре года.

Вы будете пользоваться быстрыми успехами промышленности, и увидите, что ежели общественное благосостояние не достигло еще той степени, на которую направляются все мои желания и попечения правительства, то причину сего можно изыскивать единственно только в общей остановке торговли продуктов земли, коей подверглись почти все Государства.

В других отношениях были получены важные выгоды. Национальный долг приближается к окончательному погашению. Два трактата определили части сего долга падающие на Австрию и Пруссию.

В скором времени новый Закон о финансах определит все доходы и издержки Государственные.

Гибельный дефицит (deficit)¹⁷⁸⁸ подвергал сомнению ваши драгоценнейшие надежды. Теперь он исчез. Остатки от государственных расходов будут употребляемы с тщанием к погашению национального долга.

Начатые переговоры с Берлинским двором, для определения торговых сношений между Польшей и Пруссией, были увенчаны счастливейшим успехом, в следствие только откровенных и взаимно-миролюбивых расположений, кои составляют драгоценнейшую основу моих сношений с союзниками. Конвенция, которую я заключил, открывает свободные пути для вашей внешней торговли. Торговля же и ваши отношения с Россией ежедневно приобретают более обширности и деятельности. Различные облегчения служащие основанием оных, суть сугубо полезных для взаимного благосостояния, способствуя успехам оного и связывая новыми узлами соединения оба народа.

Долги обременяющие частные имения обратили на себя мое особенное внимание. Проект общества основанного на взаимных обязательствах (association solidaire) между владельцами поместьев, будет вам представлен. Он есть последствие многочисленных рассмотрений мнений изложенных вашими палатинскими советами (conseil palatin).

Религия, сей источник всех добродетелей, сие основание всех Человеческих постановлений, требует кажется присмотра¹⁷⁸⁹ некоторой части вашего Гражданского Уложения. Комиссия избранных из среды вашей, содействовала в сем важном деле. Проект 1-й книги, ей рассмотренной, будет вам сообщен.

Мысли мои будут сопровождать вас в исполнении ваших должностей. Вы увидите меня готовым принять улучшения, кои мне предложите; но равно решительным отвергать всякое уступление противное вашему собственному счастью.

Представители Царства Польского! Свободные от всякого влияния, рассуждайте тихо и спокойно! Будущность отечества вашего в руках ваших. Имейте в виду его благо, его истинные выгоды; принесите ему те заслуги, которые оно ожидает от соединения вашего, и содействуйте мне в исполнении тех желаний, которые я не переставал питать для него.

6. Речь, произнесенная императором Александром I при закрытии сейма царства польского 1 (13) июня 1825 г.¹⁷⁹⁰

Представители Царства Польского! Я не могу должным образом изъявить поздравления по поводу результатов, кои дает ваше третье заседание. Вы совещались спокойно и благоразумно, удовлетворили ожидания своего отечества и оправдали мое доверие. Церковь получила от вас разумное и законное почтение. Ее права приобрели основания и формы, сохранение которых требовал общественный интерес, и книга первая вашего гражданского кодекса заложила основы законодательства, соответствующего состоянию, нуждам и нравам общества, в котором оно должно править. Ваши будущие собрания завершат эту важную работу.

Опыт показал несовершенство законов о залогах, а также многих частей вашего уголовного кодекса. Вы уничтожили их. Ваши длительные несчастья обременили долгами землевладельцев. Истинная опора государства, они попросили о необходимом облегчении. Вы осознали важность прийти им на помощь. Препятствия, кои могли бы помешать разработке закона о территориальных объединениях, будут рассмотрены; и под защитой закона, действенной заботы, коя направит его исполнение, особой поддержки, которую правительство гарантировало в случаях, когда благодеяния закона сами по себе еще

¹⁷⁸⁸ Сохранена орфография источника.

¹⁷⁸⁹ Имеется в виду «пересмотра».

¹⁷⁹⁰ Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832. P. 292–293 (пер. П. А. Левина).

недостаточны, мне хочется верить, вы увидите, как будут стерты последние следы ваших несчастий.

Я постарался принять все предложенные вами изменения. Вы, со своей стороны, поддержали все проекты законов, кои я вынес на обсуждение. Этот обмен пожеланиями и познаниями, взаимное согласие – единственные средства укрепления используемых вами учреждений и, вместе с тем, истинная цель и важнейшее преимущество. Дабы укрепить сей счастливый союз, дабы поддерживать связи, плодом которых он является, в период до следующего Сейма составлением проектов законов продолжит заниматься собранный из числа депутатов комитет.

Вы представили мне различные прошения. Я внимательным образом их рассмотрю и поясню вам мотивы своих решений по этим вопросам. Они будут удовлетворены насколько позволят обстоятельства.

Представители Царства Польского! Я покидаю вас с сожалением и вместе с тем удовлетворенным вашим сотрудничеством на пути к счастью согласно вашим интересам и моим желаниям. Разделите со мной это чувство, распространите его среди ваших соотечественников и поверьте, что я буду признателен за то доверие, свидетельства которого я увидел на настоящем собрании. Оно не исчезнет. Я сохраняю глубокое впечатление, кое всегда будет соединено с желанием доказать вам, сколь чистосердечна признательность, которую я к вам испытываю и сколь ваш образ действий влияет на ваше будущее.

7. Речь, произнесенная императором Николаем I при открытии сейма царства польского 16 (28) мая 1830 г.¹⁷⁹¹

Представители Царства Польского!

Пять лет протекло со времени последнего собрания вашего. Причины, не зависевшие от моей воли, препятствовали мне созвать вас ранее нынешнего срока; но, к счастью, причины сии миновались, и я с истинным удовольствием вижу себя ныне в первый раз между представителями нации.

В течение всего времени, Промыслу Всевышняго угодно было воззвать к себе Восстановителя вашего отечества. Вы все чувствовали, с глубочайшею горестью, великость сей потери. Сенат, толкователь чувствований ваших, изъявил мне желание воздвигнуть на вечные времена памятник и благороднейшим добродетелям Государя, и душевной признательности народа; предложение воздвигнуть оный будет вам представлено.

Всевышний благословил оружие наше в двух войнах, веденных Империею. Тягости сиих войн не обременили Польши, но она участвует в приобретенных нами успехах, разделяя и славу и выгоды России, с которой соединена отныне нераздельно. Польская армия не принимала деятельного участия в войне. Доверенностью моей дано ей было место не менее важное: она составляла передовое войско армии, коей поручено охранять безопасность Империи.

Мой Министр Внутренних дел представит вам изображение нынешнего состояния Царства. Равномерно будет вам сообщено Донесение, представленное Мне Государственным Советом о действиях внутреннего управления. Надеюсь, что вам приятно будет видеть значительные успехи, приобретенные в различных отношениях.

Благодетельные последствия закона о Кредитном Земском Обществе превзошли мои ожидания: оным положено твердое основание всем промышленным улучшениям общественного и частного достояния.

Беспрерывно возрастающие успехи промышленности, расширение внешней вашей торговли, умножение мены произведений ваших с Россией – все сии существующие уже выгоды ручаются вам в постепенном усугублении вашего благосостояния.

Надлежало окончить разные расчеты. Расчет с Саксониєю кончен. Расчеты с Россией значительно продвинулись вперед. Вскоре приступим к ликвидации с Францией. По приведении таким образом национального долга в определенную известность, можно будет новым финансовым законом установить доходы и расходы государственные.

Комитет, избранный отчасти из среды вашей, изготовил вторую книгу Гражданского Уложения; но труд сей не достиг еще надлежащей зрелости. Между тем повелел я представить вам некоторые его части, в коих на деле оказалась необходимость.

Закрывающиеся в 1-й книге Гражданского Уложения, постановления о причинах расторжения браков и о разводе, утвержденные в последнем Сейме, встретили в исполнении своем препятствия и непременно должны быть рассмотрены вновь. Приглашаю вас обратить все ваше внимание на сей предмет весьма важный, обоим касающийся первого из союзов общественных и успокоения совести.

Вы увидите, что многие ваши требования удовлетворены, что надлежало отсрочить исполнение некоторых; но оные во всяком случае приняты будут в рассуждение с надлежащей внимательностью; вы увидите, что право входить с просьбами, хранимое в надлежащих пределах, сообщая нужные сведения правительству, содействует и общему благосостоянию.

Представители Царства Польского! Исполняя содержание 45-й статьи Учредительной Грамоты, во всем ее пространстве, дал Я вам залог Моих намерений. От вас самих теперь зависит упрочить творение Восстановителя вашего отечества, пользуясь благоразумно и скромно правами и преимуществами, которые Он даровал вам. Да председят согласие и спокойствие при совещаниях ваших! Я охотно стану принимать исправления представляемые вами в проектах законов, которые будут сообщены вам, утешаясь надеждой, что Небо благословит труды, предприимлемые при столь благоприятных обстоятельствах.

8. Речь, произнесенная императором Николаем I при закрытии сейма царства польского 16 (28) июня 1830 г.¹⁷⁹²

Подводя итог работы настоящего заседания, я должен прежде всего похвалить вас за радостное единодушие, с которым, исполняя волю, ранее выраженную Сенатом, вы дали незабвенный пример народной признательности Восстановителю вашей отчизны.

Было сочтено необходимым дополнение к законам о залогах; вы за него проголосовали. Многочисленные споры будут предотвращены, и спокойствие собственников будет обеспечено законом, который упорядочит пользование пустыми пастбищами и лесами. Вы пресекли бродяжничество, поместив личную свободу под охрану законов и их защищающих установлений. Таково благо, ставшее результатом ваших обсуждений.

Первый государственный орган, Сенат полностью оправдал мое доверие, единодушно одоблив проект, устранивший часть недостатков закона от 1825 года о недействительности брака и о разводах. К сожалению, сейм счел необходимым отвергнуть его и тем самым сохранить подрывающее покой семей и тревожащее совесть положение, изменение которого настоятельно требуют многочисленные причины.

Различные ваши просьбы будут внимательно изучены, и я дам вам знать о моих решениях по их поводу. Они будут опираться на основания справедливости и общественного порядка, а также на неизменную заботу, с которой я не престану, даже вдали от вас, следить за вашим истинным счастьем.

9. Речь, произнесенная императором Николаем I в Варшаве, во дворце Лазенки 4 (16) октября 1835 г.¹⁷⁹³

¹⁷⁹² Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. P. 326 (пер. П. А. Левина).

Вы хотите меня видеть? Вы меня видите! Вы хотите мне говорить речь? Я этого не хочу, избавляя вас от лжи, да, господа, избавляя вас от лжи. Знаю, что чувства ваши не те, каким вы хотели заставить меня поверить. Знаю, что большая часть из вас... в прежних обстоятельствах были бы готовы вновь начать то, что вы делали во время революции.

Не вы ли сами за пять лет, за восемь лет говорили мне о... преданности, не вы ли оказывали мне самые торжественные изъявления привязанности... а через несколько дней после этого вы разрушили свои клятвы. Вы совершили ужасные дела!

Императору Александру, сделавшему для вас более, нежели русскому императору должно было сделать, говорю так потому, что так думаю, осыпавшему вас благодеяниями, попечительному об вас более, нежели своих настоящих подданных, и сделавшему из вас народ самый щедрый, самый цветущий – императору Александру заплатили вы самой горькой неблагодарностью. Вы никогда не умели довольствоваться положением самым выгодным и кончили тем, что сами разрушили свое благополучие, склонив к упадку, поправ ногами ваши постановления. Говорю вам здесь истину, чтобы единожды навсегда пояснить сим наше взаимное положение, чтобы вы хорошо узнали, чего надобно всем держаться – потребны дела, не слова; надобно, чтобы раскаяние шло от сюда [помета в тексте – государь указал на сердце].

Видите, что я говорю хладнокровно, что я спокоен, что не сохраняю неприязни, потому что давно забыл оскорбления противу меня и моего семейства. – Мое суть главное желание воздать добром за зло, сделать вас счастливыми вопреки вам самим; Я дал в этом клятву перед Богом и никогда не отвергаюсь клятв моих. Фельдмаршал, здесь присутствующий исполнитель моих намерений, помогает мне в моих видах и также думает о вашем благоденствии [помета в тексте – при сих словах вся депутация поклонилась перед фельдмаршалом].

Господа! Что доказывают эти поклоны? Ничего! Прежде всего должно вам исполнить ваши обязанности, должно поступить как поступают честные люди.

Пред вами выбор двух решений: упорствовать в мечте о существовании независимой Польши или жить спокойно верными подданными под моим правлением. Если вы упрямо сохраняете ваши мечты о мнимой утопии об отдельной нации, о независимой Польше и всех этих несбыточных призраках, вы ничего не сможете сделать кроме привлечения на себя тяжких бедствий.

Я воздвигнул здесь Александровскую крепость и объявляю вам, что при малейшем волнении разгроблю ваш город, я уничтожу Варшаву и конечно уже не выстрою ее снова.

Мне тяжело говорить с вами таким образом, тяжело Властителю обращаться так со своими подданными, но я говорю для вашего блага. Вам господа помышлять о том, чтобы заслужить забвение прошедшего. Только вашим повиновением, вашею преданностью правительству можете вы его достигнуть. Нет в мире надзора могущего воспрепятствовать незаконным сношениям с иноземцами, но вам самим подлежит сей надзор и удаление от зла восстановить для добра детей ваших, внушая им основания верноподданности к их государю, вы можете удержаться на пути к добру.

И среди всех смятений, тревожащих Европу, среди всех злополучий, разрушающих здание общественности, вам счастливая участь: быть мирными под щитом России, мощной, непобежденной, бодрствующей за вас – и верьте мне, господа, истинное благополучие принадлежит Русской земле и наслаждается ее покровительством.

Если ваше поведение оправдает вас, если вы исполните ваши обязанности, мои попечения распространятся на всех вас и несмотря на все то, что было, мои помышления будут о вашем благоденствии, о вашем счастье. Помните обо всем, что я вам сказал.

Библиография

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. 109. Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Ф. 672. Николай I.
- Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения Зимнего дворца (Санкт-Петербург).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

- Ф. 12. Дела о Польше и Литве.
- Ф. 156. Исторические и церемониальные дела.
- Ф. 1239. Московский дворцовый архив.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 25. Военная канцелярия цесаревича Константина Павловича.
- Ф. 35. Канцелярия начальника главного штаба Его Императорского Высочества (1815–1832 гг.).
- Ф. 846. Военно-учетный архив.
- Ф. 970. Военно-походная канцелярия.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 437. Комиссия по распределению стипендий и пособий императорской фамилии при Министерстве императорского двора.
- Ф. 469. Придворная Его Императорского Величества контора Министерства императорского двора.
- Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора.
- Ф. 473. Церемониальная часть Министерства императорского двора.
- Ф. 477. Придворная конюшенная часть Министерства императорского двора.
- Ф. 516. Камер-фурьерские журналы.
- Ф. 539. Придворная канцелярия великого князя Константина Павловича Министерства императорского двора.
- Ф. 583. Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов.
- Ф. 660. Закревский А. А.
- Ф. 706. Щеглов В. В.
- Ф. 796. Канцелярия Синода.
- Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства императорского двора.
- Ф. 832. Филарет (Дроздов).
- Ф. 1018. Паскевич-Эриванский И. Ф.
- Ф. 1021. Перовские.
- Ф. 1072. Ухтомский Э. Э.
- Ф. 1101. Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов.
- Ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 г. при Государственном совете.
- Ф. 1289. Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел.
- Ф. 1400. Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции (Коллекция).

Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

Ф. 20. Канцелярия Псковского губернатора.

Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ)

Ф. 17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991 гг.).

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (ОР РНБ)

Ф. 73. Бильбасов В. А. и Краевский А. А.

Ф. 341. Картавов П. А.

Ф. 452. Майков А. А.

Ф. 526. Новосильцев Н. Н.

Ф. 542. Оленины.

Ф. 831. Цензурные материалы.

Ф. 859. Шильдер Н. К.

Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений.

Ф. 1001. Габаев Г. С.

Центральный архив древних актов (Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD) (Варшава)

F. 190. Centralne Władze Wyznaniowe Królestwa Polskiego.

F. 191. Komisja Rządowa Spraw Wewnętrznych i Policji.

F. 197. Kancelaria Senatora Nowosilcowa.

F. 198. Policja tajna w. ks. Konstantego.

F. 210. Komisja Nadzoru Budowl Korony.

Библиотека кн. Чарторыйских (Biblioteka Książąt Czartoryskich) (Краков)

№ 5231. Papiery tyżące się projektu ogłoszenia Alexander I krolem Polski z lat 1806–1810.

№ 6422. Pamiętniki ks. Adama Czartoryskiego I i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem I.

Архив Польской академии наук (Polska Akademia Nauk Archiwum w Warszawie) (Варшава)

№ II-2/10. Zarząd Inwestycji PAN.

Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto) (Хельсинки)

KKK 579, 320, 326.

Периодические издания

Вестник Европы

Московские ведомости

Отечественные записки

Русская старина

Русский архив

Русский инвалид

Санкт-Петербургские ведомости
Северная почта
Северная пчела
Сын Отечества
Gazeta Warszawska
Kurjer Warszawski
Nowa Polska
Tygodnik Petersburski

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1812 год в воспоминаниях современников / Отв. ред. А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995.
- Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России XVIII в. М.: Новый хронограф, 2012.
- Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // Феномен Петербурга / Под ред. Ю. Н. Беспярых. СПб.: Блиц, 2001. С. 491–505.
- Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Наука, 2007.
- Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 1–2. М.: Кучково поле, 2017.
- Айрапетов О. Р. Как восстание войной обернулось. Польский мятеж 1830–1831 гг.: истоки и начало // Родина. 2003. № 3. С. 27–31.
- Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 5–40.
- Альбом С. Д. Полторацкого // Русская старина. Т. LVI. 1887. Вып. 10–12. С. 127–144, 471–486.
- Андреева Г. Б. Гений войны, блага и красоты. Писал Королевский академик Джордж Доу. М.: Пинакотека, 2012.
- Архив князя Воронцова: В 40 кн. М., 1870–1895.
- Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830 гг. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1915.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912.
- Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М.: РОССПЭН, 2005.
- Беккер И. И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 65–74.
- Белов А. В. 1812 год в судьбе русского народа. Влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М.: РОССПЭН, 2018.
- Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012.
- Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Изд-во соц. – экономич. литературы, 1962.
- Бессонов В. А., Миловидов Б. П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 289–305.
- Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб., 1882. Т. 1.
- Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1–6. СПб., 1869–1871.
- Болтунова Е. М. Варшава и Санкт-Петербург в церемониальном пространстве друг друга (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Sztuka Europy Wschodniej / Искусство Восточной Европы. Т. 1: Polska – Rosja: Sztuka i Historia. Польша и Россия: Искусство и история.

Польское искусство, российское искусство и польско-российские художественные контакты до начала XX века / Под ред. J. Malinowski, I. Gavrash. Варшава: Tako Publishing House, 2013. С. 157–166.

Болтунова Е. М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 49–91.

Болтунова Е. М. Свой среди своих / свой среди чужих: Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727). СПб.: Европейский дом, 2020. С. 129–146.

Болтунова Е. М. «Я произнес перед вами слово истины»: речи Александра I в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 61–79.

Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Боханов А. Н. Николай I. М.: Вече, 2008.

Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 78.

[*Буткевич.*] Воспоминания прелата Буткевича. Польское восстание 1831 г. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 591–615.

Быкова Ю. И. К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. Т. LXX: Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию Дома Романовых. С. 102–114.

Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.): Диссертация. М., 2000.

Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860.

Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до императора Александра III. СПб., 1883.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Книжный Клуб Книговек, 2019.

Виже-Лебрен Э. Воспоминания госпожи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801 гг.) / Пер. В. Д. Соловьева. СПб.: Искусство-СПб, 2004.

Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб.: Славия, 1997.

Винокуров Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М.: Лабиринт «Брандес», 1999.

Вишленкова Е. А. Утраченная версия войны и мира. Символика Александровской эпохи // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 171–210.

Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. Пг., 1911–1915.

Военский К. А. Император Николай и Польша в 1830 году: Материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1905.

Вульф А. Н. Дневник, 1828–1831 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1915. Вып. 21/22.

Выписки из журнала М. Данилевского (Царствование Александра I) // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева (факсимильное издание): В 3 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1971. С. 105–116.

Высочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012.

Высочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003.

Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848 / Сост. В. С. Нечаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2003.

Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / Сост. Л. В. Дерюгина. М.: Искусство, 1984.

Герб и флаг России X–XX вв. / Под ред. Г. В. Вилинбахова. М.: Юридическая литература, 1997.

Глембоцкий Х. Граф Адам Гуровский (1805–1866) и миссия Российской империи: метаморфозы политического радикализма // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 131–154.

Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство, 1981.

Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб.: Алетейя, 2013.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 15 т. М., 1837–1843.

Горизонтов Л. Е. Закон против счастья. Смешанные браки в истории двух народов // *Родина*. 1994. № 12. С. 64–67.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.

Горская Н. И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // *Российская история*. 2020. № 1. С. 26–36.

Граля И. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М.: Индрик, 2013. С. 122–144.

Граля И. Польский взгляд на русскую смуту // *Знание – сила*. 2013. № 7. С. 37–49.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.

[Грибовский А. М.] Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой // *Русский архив*. 1899. Кн. 1. С. 1–158.

Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. СПб., 1912.

Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о Польской войне 1831 г. // *Русская старина*. 1872. Т. VI. С. 1–38, 309–405.

Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М.: РГГУ, 1994.

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 2004.

Данилов И. Д. Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг. Рассказ сенатора И. Д. Данилова // *Русская старина*. 1870. Т. 1. С. 246–247.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947. Т. 1.

Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова (1831 г.) // *Русская старина*. 1899. № 9–12.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII (январь 1944 г. – декабрь 1945 г.) / Отв. ред. И. А. Хренов, В. Т. Ковальский. М.: Наука, 1974.

Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova*. 2000 / Под ред. А. И. Филюшкина. М., 2000. С. 338–409.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Дружба. Очерки по теории практик: Сборник статей / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Дубровин Н. Ф. Наполеон I и поляки в 1812 г. Исторический эскиз. Вильно в 1812 году // *Отечественные записки*. 1866. № 2. С. 405–447.

Дуров В. Ордена Российской империи. М.: Белый город, 2007.

Екатерина Великая об истории России / Подгот. изд. А. К. Афанасьев // *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. М.: Студия ТРИТЭ, 2005. [Т. XIV.] С. 659–663.

Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003.

Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М.: Высшая школа, 1991.

Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 г. Londres: S. Tchorzewski, 1863.

Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989.

Жуковский В. А. О короновании государя императора Николая Павловича (1829 г.). Отрывок из письма // Жуковский В. А. Сочинения: В 6 т. Т. 5. СПб., 1885. С. 461–463.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. (гл. ред. А. С. Янушкевич). Т. 13. Дневники, письма-дневники, записные книжки, 1804–1833. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Жуковский В. В. Князь Ксаверий Любецкий. Пг., 1916.

Жучков К. Б. М. И. Кутузов и Александр I в декабре 1812 – феврале 1813 гг.: о критериях приоритета в верховном командовании армией // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37 (80). С. 116–124.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: В 3 кн. М.: Книга, 1990.

Заварицкий П. «Наш полк первым вошел в Варшаву...» // Родина. 1994. № 12. С. 93–97.

Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году: Исторический роман. М., 1902.

Залевский М. Н. Император Николай Павлович и его эпоха (по воспоминаниям современников). Франкфурт-на-Майне: б/и, 1978.

Западные окраины Российской империи / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Зеланд А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 503–531.

Из архива Н. Н. Новосильцова / Собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. 1908. № 6. С. 179–194.

Из архива Н. Н. Новосильцова. В чаянии монарших милостей, 1816–1818. (Прошения поляков) / Собрал И. Г. Попруженко // Русский архив. 1910. Т. 10. С. 161–182.

Историческое описание Священнейшего Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 25–29, 169–211, 369–396.

Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017.

Капустина Т. А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 27–49.

Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II. М., 1802.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: В типографии Н. Греча, 1829. Т. 12.

Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002.

Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович: Биографический очерк // Карнович Е. П. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1995. Т. 3.

Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / Сост. Бендер; под ред. Вивьен-де-Шатобрена. СПб., 1905. Т. 1.

Кашианова О. С. Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Диссертация. М., 2000.

Кашианова О. С. Великий князь Константин Павлович в Варшаве в 1815–1830 годах (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М.: Наука, 2008. С. 111–132.

Кашианова О. С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 37–48.

Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т. 2. М.: Голос, 1993.

Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912.

Киселева Л. Н. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л. Н. Киселевой, Р. Г. Лейбова, Т. К. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. С. 69–92.

Клингс М. Императорская Финляндия. СПб.: Коло, 2005.

Клингс М. Столица. Хельсинки и Финляндское государство 1808–1863 гг. Хельсинки: Отава, 2012.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987–1990.

Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. М., 2009.

Козляков В. Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007.

Козляков В. Н. «За царскую честь война весть»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 32–48.

Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Таллин; М.: АО «Скиф Алекс», 1994.

Колзаков К. П. Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4. С. 423–455.

[Колзаков К. П.] Княгиня Лович // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 398–400.

Колзаков К. П. Революция в Варшаве в 1830 году (Воспоминания Колзакова, 1815–1831 гг.) // Русская старина. 1873. Т. 7. № 5. С. 587–612.

Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А. Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 245–328.

Коркунов Н. М. Русское государственное право: В 2 т. СПб., 1909.

Коронационный сборник: В 2 т. / Под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899.

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сборник РИО. 1896. Т. 98. С. 1–100.

Котляревский Н. Рылеев. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1908.

Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Краевский А. Польские короны Московского Кремля // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.). Государственный Эрмитаж. СПб., 2009. С. 61–65.

Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней / Под ред. Ф. Г. Зуева, В. А. Светлова и С. М. Фалькович. М.: Наука, 1993.

Кривопапов А. А. «К одним привычка, в других нужда...» Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. 2003. № 3. С. 49–52.

Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков: Сборник статей / Науч. ред. А. Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018. С. 11–29.

Кудрявцева С. Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского // Русская старина. 1872. Т. 35. С. 119–130.

Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. М.: Центрполиграф, 2017.

Кутузов М. И. Сборник документов / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1950–1956. Т. 1–5.

Кучерская М. А. Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2005.

Лаврентьев А. В. «Московитская корона» в казне польских королей XVII–XVIII вв. (о происхождении и судьбе инсигнии) // Slověne. 2018. № 1. С. 93–114.

Лаврентьев А. В. Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

- Лансере Н. Е. Винченцо Бренна. СПб.: Коло, 2006.
- Левек П. -III. История России. М.: Ламартис, 2011.
- Летопись жизни и служения святителя Филарета (Дроздова). М.: ПСТГУ, 2010. Т. II.
- Либрович С. Царь в плену. СПб.: Труд и польза, 1904.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012.
- Лилейко Е. Варшавский замок. Варшава: Интерпресс, 1980.
- Лисейцев Д. В. Тимофей Анкудинов: Одиссея русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии. Будапешт, 2011.
- Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
- Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия. Описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. № 7. С. 11–14.
- Лунин М. С. Письма из Сибири / Подгот. изд. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М.: Наука, 1988.
- Львов А. Ф. Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Русский архив. 1884. № 4. С. 225–260.
- Львова Л. Д. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов» (<http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm>).
- Любавский М. К. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. Т. VII. М., 1912. С. 88–104.
- Любезников О. А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 291–303.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг. М.: Языки русской культуры, 1999.
- М. И. Кутузов. Сборник документов и материалов: В 5 т. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950–1956.
- Майков П. М. Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. СПб., 1903. Т. 113 (март). С. 119–136.
- Макарова Г. В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // Славяноведение. 2012. № 6. С. 47–59.
- Маррезе М. Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021.
- Матвеев Г. Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 // Новая и новейшая история. 2006. № 3.
- Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной Армии в плену у поляков в 1919–1921 гг. М., 2011.
- Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. С. 276–319.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.
- Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. М.: СПСЛ; ИД «Русская панорама», 2020.
- Меттерних К. В. фон. Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 г. // Исторический вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 168–180.
- Миловидов Б. П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 325–359.
- Милорадович А. А. Царица Мария Владимировна // Русский архив. 1897. № 9.

- Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М.: Посев, 2010.
- Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982.
- Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...» Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005.
- Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы (1801–1917 гг.). М.: Международные отношения, 1994. С. 91–158.
- Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.
- Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 и 1815 гг. СПб., 1841.
- Мицкевич А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1955.
- Молева Н. М. Варшава. М.: Искусство, 1973.
- Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М.: Международные отношения, 1986.
- Моравский С. В Петербурге 1827–1838 гг. // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 591.
- Морозов С. В. Отзвуки «Ноябрьского» восстания и польско-русской войны (1830–1831 гг.) в документах ЦГИА СПб // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 2.
- Морохин А. В. Петр I в Нижнем Новгороде в мае 1722 г.: реалии визита и историографические мифы // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40).
- Мурзакевич И. Жизнеописание Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска», составленное сыном его протоиереем Иоанном Мурзакевичем // Смоленская старина. 1912. № 2.
- Надпись на могиле царя Василия Ивановича Шуйского // Русская старина. СПб., 1890. Т. 65. С. 91–92.
- Неелов Н. Д. Воспоминания о Польской войне 1831 года. Из записок покойного Неелова (Из журнала «Военный сборник»). СПб., 1878.
- Николай Михайлович, великий князь. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // Русская старина. 1911. № 1 (апрель). С. 129–139.
- Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008.
- Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Николай I: Муж, отец, император / Под ред. Д. Тевекелян. М.: Слово, 2000.
- Николай I: pro et contra. Антология / Сост. Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков. СПб.: НОКО, 2011.
- Носов Б. В., Марней Л. П. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 83–105.
- О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110. С. 418–435.
- Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979.
- Огинский М. Мемуары Михала Клеофаса Огинского о Польше и поляках с 1788 до конца 1815. Минск: Четыре четверти, 2015. Т. 1–2.
- Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
- Ольшанский П. Декабристы и освободительное движение. М., 1959.
- Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования правового престолонаследия в Российской империи // Фемис: Ежегодник истории права и правоведения. М.: МГИУ, 2007. № 7 (2006). С. 15–54.
- Описание погребения блаженной памяти императора Николая I. СПб., 1856.
- Орлов М. Ф. Восстановление Польши в 1815 г. // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 661–662.

- Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Под ред. В. М. Безотосного, А. А. Васильева и др. М.: РОССПЭН, 2004.
- Очерк Венгерской войны 1848–1849 гг. СПб., 1850.
- Очерки истории Министерства иностранных дел. 1802–1809. М.: Международные отношения, 2002.
- Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / Отв. ред. И. А. Хренова. М.: Наука, 1976.
- Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.
- Павлов А. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. Р. 955–971.
- Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003.
- Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М.: Полимед, 2001.
- Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Парсамов В. С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // Известия Саратовского университета. 2003. Т. 3. Вып. 1. С. 119–144.
- Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / Публ. великий князь Николай Михайлович. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910.
- Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1 (1825–1829) // Сборник РИО. СПб., 1910. Т. 131.
- Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем. Т. 2 (1830–1831) // Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 132.
- Печерин В. С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Письма великого князя Константина Павловича к Лагарпу, 1796–1829 // Сборник РИО. СПб., 1870. Т. 5.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912.
- Письмо цесаревича Константина Павловича // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 681–682.
- Платонов С. Ф. Смутное время. Прага: European Printing, 1924.
- Подлинные письма из России. 1825–1828. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
- Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 19, 22, 24, 26, 30–33.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1, 4–7.
- Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010.
- Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000.
- Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
- Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под ред. А. И. Миллера, Д. Сдвижкова и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002.
- Потоцкая А. Мемуары графини Потоцкой (1794–1820). СПб.: Изд-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, 1915.
- Потрашков С. В. Нашествие Наполеона на Россию и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 242–249.
- Походные журналы Петра Великого 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854.

- Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917 гг. М.: Новое издательство, 2006.
- Правилова Е. А. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 115–144.
- Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990.
- Пржецлавский О. А. Князь Ксаверий Друцкой-Любецкий // *Русская старина*. 1878. Т. XXI. С. 625–648; Т. XXII. С. 67–92.
- Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890.
- Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М.: Наука, 1992.
- Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт. – сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб.: Альфарет, 2013.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания*. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 121–136.
- Пчелов Е. В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: РГГУ, 2005.
- Пыпин А. Н. Исторические труды Екатерины II // *Вестник Европы*. 1901. № 12. С. 760–803.
- Пятницкий П. П. Сказание о венчании русских царей и императоров. М.: Типо-литография О. И. Лашкевич, 1896.
- Рапорт наместника Царства Польского Его Императорскому Величеству // *Сборник РИО*. СПб., 1896. Т. 98. С. 592–615.
- Рассказ Евгении Вечесловой о Варшавской резне 1794 г. // *Русский архив*. 1897. № 2. С. 330–332.
- Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника А. А. Лесли) // *Смоленская старина*. 1912. № 2.
- Рейтблат А. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Ренне Е. Коронационный проект герцога Девонширского // *Наше наследие*. 2000. № 55. С. 22–33.
- Речь императора Александра I на сейме в Варшаве 1818 г. // *Русская старина*. 1873. № 5. С. 612–615.
- Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912.
- Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Под ред. М. В. Лескинен и О. В. Хавановой. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью // *Родина*. 1994. № 12. С. 47–49.
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Российские императоры и Оружейная палата / Сост. С. А. Амелехина, Е. А. Моршакова; ред. А. К. Левыкин. М.: Художник и книга, 2006.
- Российский государственный военно-исторический архив. Информационное издание / Рук. проекта И. О. Гаркуша. М., 2008.
- Россия – Польша: два аспекта европейской культуры. Царское Село, 2012.
- Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002.

- Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений / Под ред. А. Г. Цейтлина. М.: Academia, 1934.
- Рэй М. -П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013.
- С нами Бог: Посвящается 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 года и 235-летию со дня рождения императора Александра I Благословенного: Библиографический указатель литературы / Сост. Е. М. Андреева. М.: ЦУНБ им. Н. А. Некрасова, 2012.
- Сабадаш Н. П. Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.): Диссертация. М., 2015.
- Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник ст. и материалов. СПб., 2014. С. 84–91.
- Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1.
- Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник польского дипломата – очевидца этого свидания // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1853. Кн. 17.
- Сдвижков Д. А. Империя в наполеоновском наряде: Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сборник статей / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 67–104.
- Семевский В. И. Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909.
- Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895 гг.). Исторический очерк. Варшава, 1899.
- Сидорова А. «Образование для добродетели»: воспитание цесаревича Александра Николаевича // Александр II. Воспитание Просвещением / Сост. О. И. Барковец. М.: Кучково поле, 2018. С. 18–55.
- Скрынников Р. Г. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2006.
- Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30-е – 60-е гг. XIX века. М.: Изд-во соц. – экономич. литературы, 1962.
- Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908.
- Смит Ф. фон. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.: В 3 т. СПб., 1863–1864.
- Смоленская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г. / Подгот. изд. Н. Редков // Смоленская старина. 1912. № 2.
- Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Вып. 4: Медали, относящиеся к Александру I, к Николаю I / Под ред. С. Строева. СПб., 1843.
- Сокол К. Г. Русская Варшава: Справочник-путеводитель. М.: Междунар. изд. дом «Синергия», 2002.
- Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1988–2000.
- Софронова Л. А. Польская театральная культура эпохи Просвещения. М.: Наука, 1985.
- Спасович В. Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Русская мысль. 1890. № 1. С. 51–81.
- Стерлигова И. А. Резной сапфир из короны российских царей и его судьба в XIX веке // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция (24–26 июня 2009 года). Тезисы докладов. М., 2009. С. 196–198.
- Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. Д. А. Скалон; сост. В. В. Квадри и В. К. Шенк. СПб., 1908. Т. 2. Кн. 1–2: Царствование Николая I.
- Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии/ Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.

Таньшина Н. П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. 2017. С. 26–40.

Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.; Л., 1941.

Тарле Е. В. Талейран // Талейран. Мемуары / Под ред. Е. В. Тарле. М.: Издательство Института международных отношений, 1959.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Ладомир, 1994–1996.

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. СПб., 1889.

Тимошук В. Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции // Русская старина. 1914. № 2. С. 386–395.

Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2008.

Торжественное ввезение в Царское Село и в столицу, и погребение тела в Бозе почивающего императора Александра Павловича // Отечественные записки. 1826. № 25. С. 543–544.

Трояновский К. В. Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты западных губерний в правительственной политике первой половины XIX в. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 53–60.

Туре Ж., Булах А. Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 20–30.

Тугова Т. А. Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М.: Московский Кремль, 2002. Вып. 14: Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 95–111.

Тюлар Ж. Наполеон или «миф» о Спасителе. М.: Молодая гвардия, 2009.

Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань: Центр исследования национализма и империй, 2004. С. 409–426.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М.: ОГИ, 2004.

Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Устимович М. П. Гостынский замок место заточения, кончины и первой усыпальницы царя Василия Иоанновича Шуйского. Варшава, 1899.

Устимович М. П. Лович. Древняя резиденция и владение примасов Польши (историческая заметка). Варшава, 1894.

Устимович М. П. Митрополит Филарет и царь Василий Шуйский в польском плену. Исторические справки. Варшава, 1913.

Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик: Сборник статей / Ред. – сост. А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Фалькович С. М. Вопрос об отношениях светской и церковной власти на сейме Королевства Польского в 1830 г. // Свеча-2006. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Владимир; М., 2006. Т. 14. С. 326–336.

Фалькович С. М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6. С. 75–77.

Фалькович С. М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша,

Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 299–335.

Фикельмон Д. Ф. Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / Публ. С. Мрочковской-Балашовой. М.: Минувшее, 2009.

Филатова Н. М. Вокруг «Кордиана». Образ великого князя Константина Павловича в польской литературе // Юлиуш Словацкий и Россия / Под ред. В. А. Хорева, Н. М. Филатовой. М.: Индрик, 2011. С. 38–52.

Филатова Н. М. Корона в польском историческом сознании: реалии и художественный вымысел // Концепт вещи в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 116–131.

Филатова Н. М. Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815–1830 гг. // Русская культура в польском сознании. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 122–142.

Филатова Н. М. Образ русского царя в литературе польского романтизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Наука, 2007. С. 72–87.

Филатова Н. М. «Перерыв в истории». Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в восприятии историков-современников // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 136–157.

Филатова Н. М. «Петра и Сигизмунда объединил короны...» Александр I и Россия в польском театре 1812–1830 гг. // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой. М., 2011. С. 140–154.

Филатова Н. М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 44–69.

Филатова Н. М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // Славяноведение. 2012. № 6. С. 60–73.

Филатова Н. М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // Polacy a Rosjanie. Поляки и русские. Warszawa: Wydawnictwo Neriton; Instytut Historii PAN, 2000. S. 107–119.

Филатова Н. М. Самоубийство или цареубийство? Варианты польского национального поведения в эпоху романтизма // Категории жизни и смерти в славянской культуре: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 259–274.

Филатова Н. М. Создание Царства Польского в 1815 г. в отражении официальной польской культуры // Славяноведение. 2015. № 5. С. 28–42.

Фирсов С. Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбДА, 2021.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012.

Фреде В. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 164–185.

Хазиев Р. А. Александр I в судьбе России: англоязычная историография 1990–2000-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 129–143.

Хандельсман М. Адам и Психея. Любовь магната к императрице // Родина. 1994. № 12. С. 89–92.

Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907.

Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

Хартли Дж. Александр I. М.: Феникс, 1998.

Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во МГУ, 1993.

- Цветаев Д. В.* Еще об усыпальнице Шуйских // Исторический вестник. 1898. Май. С. 701–704.
- Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше. 1610–1910 гг.: В 2 т. Варшава; М., 1901–1910.
- Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. Варшава, 1905.
- Целорунго Д. Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино: Бородинское поле, 2017.
- Церемониал к встрече и сопровождению в Новгороде тела в Бозе почившего императора Александра I. СПб., 1826.
- Цесаревич Константин Павлович. 1816–1831 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8 (сентябрь). С. 374–397.
- Ципринус.* Николай Николаевич Новосильцев // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1708–1769.
- [*Чайковский М.*] Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 5. С. 155–181.
- Чарторыйский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: В 2 т. / Под ред. А. Кизеветтера. М., 1912–1913.
- Чечулин Н. Д.* Константин Павлович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 9. СПб., 1903. С. 155–240.
- Чубинская В. Г.* Светская живопись в Оружейной палате XIX века и ее роль в формировании программы дворцового музея // Сокровищница России: Страницы исторической биографии музеев Московского Кремля / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2002.
- Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903.
- Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание Суворина, 1897–1898. Т. 1–4.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб.: Издание Суворина, 1903. Т. 1–2.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. Т. 101. Вып. 2. С. 277–306; Вып. 3. С. 517–544.
- Шишов А. В.* Генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. «Отец-командир» Николая I. М.: Академический проект, 2018.
- Шмидт С. О.* «История государства Российского» М. М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. С. 364–390.
- Щербакова Е.* Нянюшкины сказки // Родина. 2013. № 3. С. 25–26.
- Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность: В 7 т. СПб., 1888–1904.
- Щербатов М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1770–1791. Т. 1–7.
- Эдельман О. В.* Павел Пестель: Очерки (Исследования по истории русской мысли. Т. 31). М.: Модест Колеров, 2022.
- Эдлинг Р. С.* Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 2. С. 194–228; № 4. С. 405–440.
- Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013.
- Эренмальм Л. Ю.* Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991.
- Эскин Ю.* Филарет глазами Долабеллы? Русские на гравюре 1611 года // Родина. 2006. № 11. С. 13–15.

Юль Ю. Из записок датского посланника Юста Юля. С датского неизданного подлинника // Русский архив. 1892. № 8. С. 495–518.

Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917 гг. Хельсинки: Russian Books Oy, 2009.

Яблоновский Я. -С. Петр I в Русской Раве в 1698 году // Киевская старина. 1882. Т. 1. № 1.

Якобсон Р. Я. Тайная осведомительница, воспетая Пушкиным и Мицкевичем // Якобсон Р. Я. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 241–249.

Amos M. The Code Napoléon and the Modern World // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1928. Vol. 10. № 4. P. 222–236.

Arciszewska B. A Golden Age for a Changing Nation: Polish National Identity and the Histories of the Wilanów Residence of King Jan III Sobieski // Architectural History. 2006. Vol. 49. P. 101–128.

Askenazy S. Z działalności ministra Lubeckiego. (Dwa stulecia XVIII i XIX). Warszawa, 1901.

Black J. L. Nicholas Karamzin's «Opinion» on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

Boltunova E. Pamięć o wydarzeniach z historii stosunków polsko-rosyjskich. Kształtowanie bieżącej polityki ZSRR w latach dwudziestych XX w. na podstawie materiałów Biura Politycznego KC WKP(b) // W drodze do władzy. Struktury komunistyczne realizujące politykę Rosji Sowieckiej i ZSRS wobec Polski (1917–1945) / Red. E. Kowalczyk, K. Rokicki. Warszawa, 2019. S. 19–31.

Boltunova E. The Historical Writing of Catherine II: Dynasty and Self-Fashioning in «The Chesme Palace (Chesmenskii Dvorets)» // History and Drama: The Pan-European Tradition / Eds. E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 86–95.

Boltunova E. War, Peace, and Territory in Late Eighteenth-Century Russian Outdoor Performances // Theater as Metaphor / Ed. by E. Penskaya, J. Küpper. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 137–138.

Bratkowski S. Na zgon wiekopomnéj pamięci Alexandra I-go cesarza wszech Rossyi, króla polskiego. Warszawa, 1826.

Brody E. C. Poland In Calderón's «Life Is A Dream»: Poetic Illusion Or Historical Reality // The Polish Review. 1969. Vol. 14. № 2. P. 21–62.

Bujarski G. T. Polish Liberalism, 1815–1823: The Question of Cosmopolitanism And National Identity // The Polish Review. 1972. Vol. 17. № 2. P. 3–37.

Cortège funèbre de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre. Saint-Pétersbourg, 1826.

Coup d'oeil sur l'état politique du Royaume de Pologne sous la domination russe pendant les quinze années de 1815–1830 par un polonais. Paris, 1832.

Dabrowski P. M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004.

Dixon S. The Posthumous Reputation of Catherine II in Russia 1797–1837 // The Slavonic and East European Review. 1999. Vol. 77. № 4. P. 646–679.

Dmuszewski L. A. Dzieła dramatyczne. Wrocław, 1821.

Dolabella. Wenecki malarz Wazów. Warszawa: Arx Regia – Wydawnictwo Zamku, 2020.

Domin M. Dary papieskie dla Jana III Sobieskiego i Marii Kazimiery // Studia Waweliana. 2000/2001. T. 9/10. S. 85–105.

Drobnicki J. A. The Russo-Polish War, 1919–1920: A Bibliography of Materials In English // The Polish Review. 1997. Vol. 42. № 1. P. 95–104.

Erndtel C. H. Warsavia physice illustrata. Dresdae, 1730.

F. Z. Elegija w czasie pogrzebu ułożona na zgon błogosławionéj pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rossyi króla polskiego. [Warszawa, 1826].

- Feleczerski X.* Po zgonie wiekopomney pamięci Alexandra I. cesarza wszech Rossey, króla Polski etc.etc.etc. Warszawa, 1826.
- Gawryszewski A.* Ludność Warszawy w XX wieku. Warszawa: Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN, 2009.
- Getka-Kenig M.* Dwór króla polskiego w latach 1815–1830 i problem ceremonialnej oprawy «wskrzeszonej» monarchii w konstytucyjnym Królestwie Polskim // *Kronika Zamkowa*. 2015. T. 2 (68). S. 215–244.
- Getka-Kenig M.* Kaplica Sobieskiego w kościele kapucynów w Warszawie // *Folia Historiae Artium*. 2017. T. 15. S. 77–95.
- Getka-Kenig M.* Ostatnia «polska» koronacja // *Mówią wieki*. 2009. № 10 (597). S. 20–25.
- Getka-Kenig M.* The Anonymous Coronation of Empress Alexandra as Queen of Poland (1829–30). A Pictorial Vision of National Resurrection, or the Two Aspects of Illusion // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 2013. Vol. 3. P. 388–402.
- Głębocki H.* Diabeł Asmodeusz w niebieskich binoklach i kraj przyszłości: Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012.
- Goldberg H.* Music in Chopin's Warsaw New York: Oxford University Press, 2008.
- Golejewski H.* Pamiętniki. Kraków, 1971. T. 1–2.
- Görgei A.* My life and acts in Hungary in the years 1848 and 1849. New York, 1852.
- Górska M.* The protector of Europe on graphical thesis. Glorifying Jan III Sobeski. Warsaw, 2017.
- Grala H.* «God Save Tsar Władysław». Polish King as the Successor of Muscovite Rurikids // *Spain – India – Russia. Centres, Borderlands, and Peripheries of Civilisations* / Ed. by J. S. Ciechanowski, C. Gonzalez Caizan. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Sub Lupa, 2018. P. 333–347.
- Grala H.* Polskie kolekcje w petersburskich muzeach, bibliotekach i archiwach – zarys historyczny // *Polska i Petersburg. Zbiór esejów* / Pod red. D. Konstantynowa. Kraków: MCK, 2016. S. 245–381.
- Grunwald C. de.* Tsar Nicholas I. New York: the Macmillan company, 1955.
- Grzeluk I.* Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // *Kronika Zamkowa*. 2004. № 1–2/47–48. S. 73–81.
- Gutkowski J.* Ceremoniał koronacji Mikołaja I na króla polskiego w Warszawie // *Kronika zamkowa*. 1987. № 6 (14). S. 3–9.
- Gutkowski J.* Sale sejmowe w Zamku królewskim w czasie Powstania listopadowego // *Kronika Zamkowa*. 2006. T. 1–2 (51–52). S. 149–154.
- Hamm M. F.* Kiev A Portrait, 1800–1917. Princeton University Press, 1993.
- Hartley J. M.* Russia in 1812: Part 1: The French Presence in the Gubernii of Smolensk and Mogilev // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 1990. № 38. P. 178–198.
- Hołd carów Szujskich / Red. J. A. Chrościcki, M. Nagielski. Warszawa: Neriton, 2012.
- Hutchings C. E.* Missouri Botanical Garden Annual Report. St. Louis, 1903. Vol. 1903.
- Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днем* (автор проекта – Е. В. Анисимов) // <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/>
- Jaskólski F.* Wiersz na zgon wiecznej pamięci najjaśniejszego Alexandra Igo Cesarza Wszech Rossey Króla Polskiego etc. etc. etc. Warszawa, 1826.
- Kaćperski A.* Książę Józef Poniatowski i jego epoka. Gliwice: Muzeum w Gliwicach, 2013.
- Karpińska M.* «Nie ma Mikołaja!» Starania o kształt sejmu w powstaniu listopadowym 1830–1831. Warszawa: Neriton, 2007.
- Katalog wystawy Powstania Listopadowego z uwzględnieniem czasów przed i popowstaniowych. Warszawa, 1931.
- Kicka N.* Pamiętniki. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972.
- Kołaczkowski K.* Wspomnienia generała Klemensa Kołaczkowskiego. Krakow, 1900.
- Kowalczykowa A.* Królewskie wizyty Mikołaja I w Warszawie // *Rocznik Warszawski*. 1987. T. XIX. S. 101–128.

Krasiński J. Z pamiętników Józefa hr. Krasińskiego. Uroczystości dworskie w czasie koronacji cesarza Mikołaja // *Przegląd Powszechny*. 1887. № XV. S. 411–427.

Kraushar A. Echa przeszłości: szkice, wizerunki i wspomnienia historyczne. Warszawa, 1917.

Kraushar A. Warszawa historyczna i dzisiejsza: zarysy kulturalno-obyczajowe. Lwow; Warszawa; Krakow, 1925.

Ku... J. Wiersz na zgon wiekopomney pamięci najjaśniejszego Alexandra I. cesarza wszech Rosyyi, króla polskiego. Krakow, [1826].

Le nouveau seigneur de village. Paris, 1813.

Lelewel P. Pamiętniki i diariusz domu naszego. Wrocław: Zakład Narodowy, 1966.

Léouzon Le D. L. -A. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris: Typographie Georges Chamerot, 1873.

Lesur C. L. Annuaire historique universel pour 1830. Appendice (Documens Historiques). Paris, 1832.

Lieven D. Letters of Dorothea, Princess Lieven, during her Residence in London, 1812–1834 / Ed. by L. G. Robinson. London; New York, 1902.

Lileyko H. Siennicki Paweł // *Polski słownik biograficzny*. Warszawa; Krakow, 1996. T. XXXVII/2. S. 232–233.

Lipiński T. Zapiski z lat 1825–1831. Kraków, 1883.

McCann J. M. Beyond the Bug: Soviet Historiography of the Soviet-Polish War of 1920 // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. № 4. P. 475–493.

Meyzner J. Elegia na zgon wiekopomney pamięci Alexandra I Cesarza Wszech Rosyyi Króla Polskiego. [Warszawa, 1826].

Milewska W. Uczta dla ludu w Ujazdowie w 1828 roku – miejsce niedoszęłego zamachu na cara // *Arma virumque cano*. Profesorowi Zdzisławowi Żygulskiemu jun. w osiemdziesięciolecie urodzin. Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie, 2006. S. 175–183.

Milly A. de. Hommage offert à sa Majesté Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies, à L'occasion de son couronnement comme Roi de Pologne [1829].

Mochnecki M. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. Paryż, 1834.

Moczulska A. Jan Kolumna Żaboklicki, szambelan czterech monarchów // *Kronika Zamkowa*. 1991/1992. № 2 (24). S. 53–63.

Nance A. B. Literary and Cultural Images of a Nation without State. The case of 19th century Poland. New York: Peter Lang, 2008.

Napiórkowski M. Uroczystości żałobne jako narzędzie legitymizacji i delegitymizacji władzy // *Pamiętnik Literacki*. 2013. № 4. S. 135–152.

Neovius Ad. Furstebesök i Finland. Borgå, 1900.

Niemcewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. Warszawa, 1819. T. 1–3.

Niemcewicz J. U. Pamiętniki 1811–1820. Poznań, 1871.

Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. Lipsk: P. A. Brockhaus, 1868.

Nikula J., Tuomi-Nikula P. Keisarit kesälomalla Suomessa. Helsinki: Atena, 2002.

Nungovitch P. A. Here All Is Poland: A Pantheonic History of Wawel, 1787–2010. London: Lexington Books, 2019.

Oginski M. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815 / Ed. par L. Chodźko. Paris: Ponthieu; Genève: Barbezat et Delarue, 1826. T. 1–4.

O'Meara P. The Russian nobility in the age of Alexander I. London: Bloomsbury Academic, 2021.

Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśniejszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rosyyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczystie odbytego, Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1829.

Ostrzykowski B. Przymówienie w dzień żałobny exekwii Najjaśniejszego Aleksandra I., cesarza Wszech Rossyi, króla polskiego, dnia 4. kwietnia 1826. roku w Kościele parafialnym zakroczymskim. [Warszawa, 1826].

Petersen H. -C. «Us» and «Them»? Polish Self-Descriptions and Perceptions of the Russian Empire between Homogeneity and Diversity // *Empire Speaks out. Language of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Ed. by I. Gerasimov, I. Kusber, A. Semyonov. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 94–97.

Pienkos A. The Imperfect Autocrat. Grand Duke Konstantin Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. New York: Columbia University Press, 1987.

Poe M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Vol. 1–2.

Popiel P. Pamiętniki Pawła Popiela, 1807–1892. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.

Przelaskowski R. Sejm Warszawski roku 1825. Warszawa, 1929.

Przybyszewski W. Car Wasyl IV I jego bracia przed królem Zygmunt III // *Spotkania z Zabytkami*. 2020. № 5. P. 18–19.

Roshchin E. Friendship among Nations: History of a Concept. Manchester University Press, 2017.

Russia and the Napoleonic Wars / Ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. New York: Palgrave Macmillan, 2015.

Skarbek F. Dzieje Polski. Poznań, 1877. T. 2: Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej.

Skowronek J. Książę Józef Poniatowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984.

Smolka S. Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym. Krakow, 1907.

Spotkania z Zabytkami: kultura, tradycje, pamiątki. 2020. № 5/6. S. 14–23.

Stanley J. French Attitudes toward Poland in the Napoleonic Period // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 209–227.

Stanley J. Napoleon and Poland: On the 200th Anniversary of the Establishment of the Duchy of Warsaw: Introduction // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 169–170.

Starowolski S. Monumenta sarmatarum beatae aeternitati. Kraków, 1655.

Szymon A. Książę Józef Poniatowski. Warsaw: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1905.

Thackeray F. W. N. N. Novosil' tsov. The Polish Years // *The Polish Review*. 1983. Vol. 28. № 1. P. 32–46.

Viguerie J. de. Les serments du sacre des rois de France (XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles) // *Hommage à Roland Mousnier. Clientèle et fidélités en Europe à l' époque moderne* / Ed. Y. Durand. Paris: Presses Universitaires de France, 1981. P. 57–70.

Vues des Cérémonies les plus intéressantes de Leurs Majestés Impériales l' Empereur Nicolas Ier et l' Impératrice Alexandra à Moscou. Paris: Firman Didot, 1828.

Walker F. A. Constantine Pavlovich: An Appraisal // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. № 3. P. 445–452.

Walter C. von. Zum unvergesslichen Gedächtniss liebevoller seelen gewidmet seiner kaiserlichen Majestät Alexander der I-te aller Reussen und Koenig von Pohlen [1826].

Westchnienia czułego Polaka w dniu 13 czerwca roku 1826 jako rocznicę oglądania po raz ostatni wieczny pamięci najjaśniejszego Aleksandra Igo, cesarza wszech Rossyi, wskrzesiciela i króla Polski. Warszawa, 1826.

Widoki Zamku Królewskiego w Warszawie: Materiały ikonograficzne w malarstwie, rysunku i grafice, 1581–1939. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza Warszawa, 1985.

Woronicz J. P. Mowa przy obrzędzie żałoby narodowy po wiekopomny pamięci najjaśniejszym cesarzu Wszech Rosssy Alexandrze I, krolu polskim, miana w kościele metropolitalnym warszawskim. [Warszawa, 1826].

Wortman R. The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History: Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries. London: Bloomsbury Press, 2017.

Zajewski W. Koronacja i detronizacja Mikołaja I w Zamku Królewskim // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5. S. 15–28.

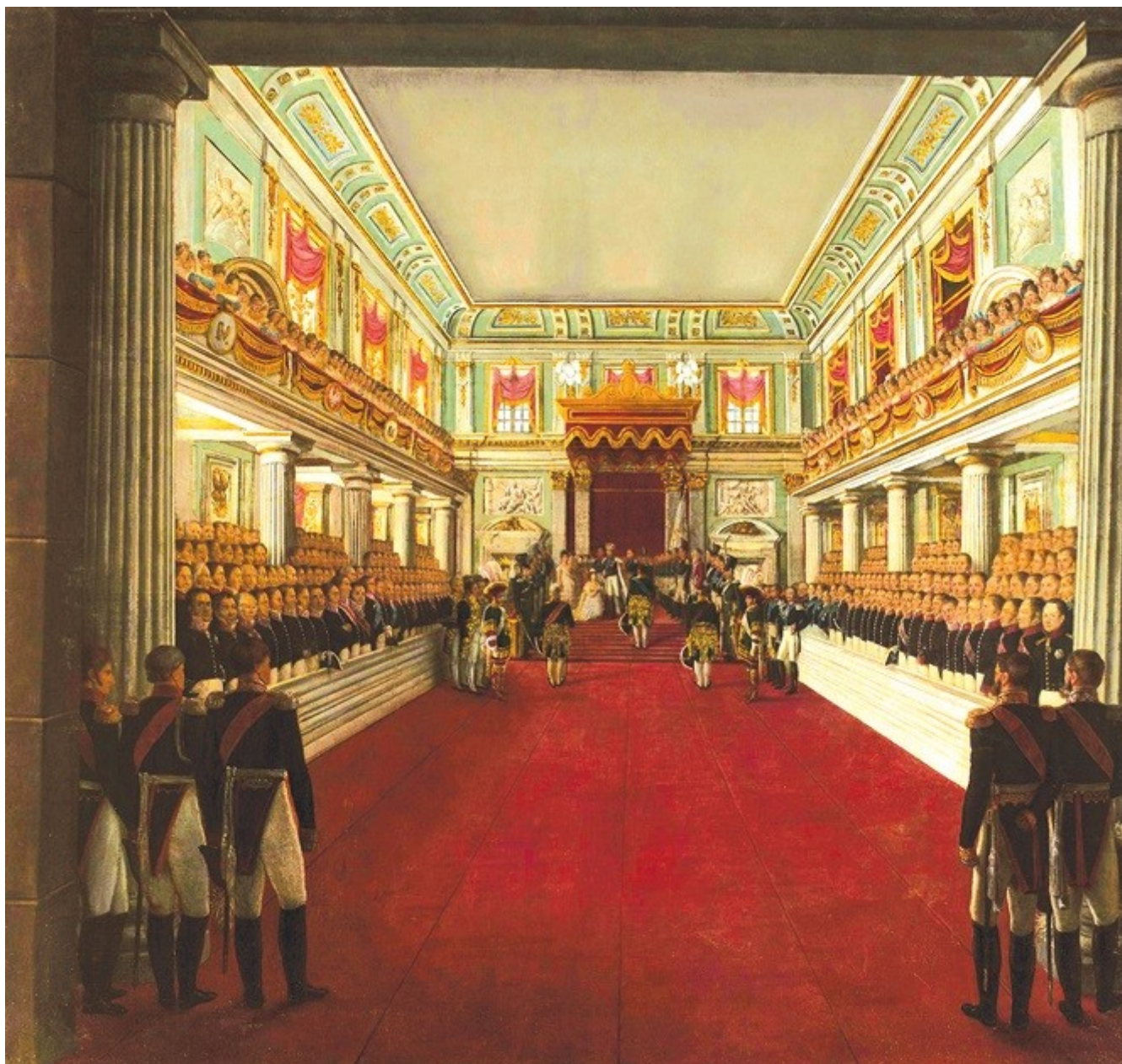
Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L.: Harper Collins, 2004.

Zawadzki W. H. A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Ziomek H. Historic Implications And Dramatic Influences In Calderón's «Life Is A Dream» // The Polish Review. 1975. Vol. 20. № 1. P. 111–128.

Żygulski Z. Jr. The Szczербіec. The Polish Coronation Sword // Artibus et Historiae. 2011. Vol. 32. № 63. S. 285–309.

Иллюстрации

Неизвестный автор. Коронация императрицы и королевы Александры Николаем I в Королевском замке в Варшаве 24 мая 1829 года (1829 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

То же. Фрагмент

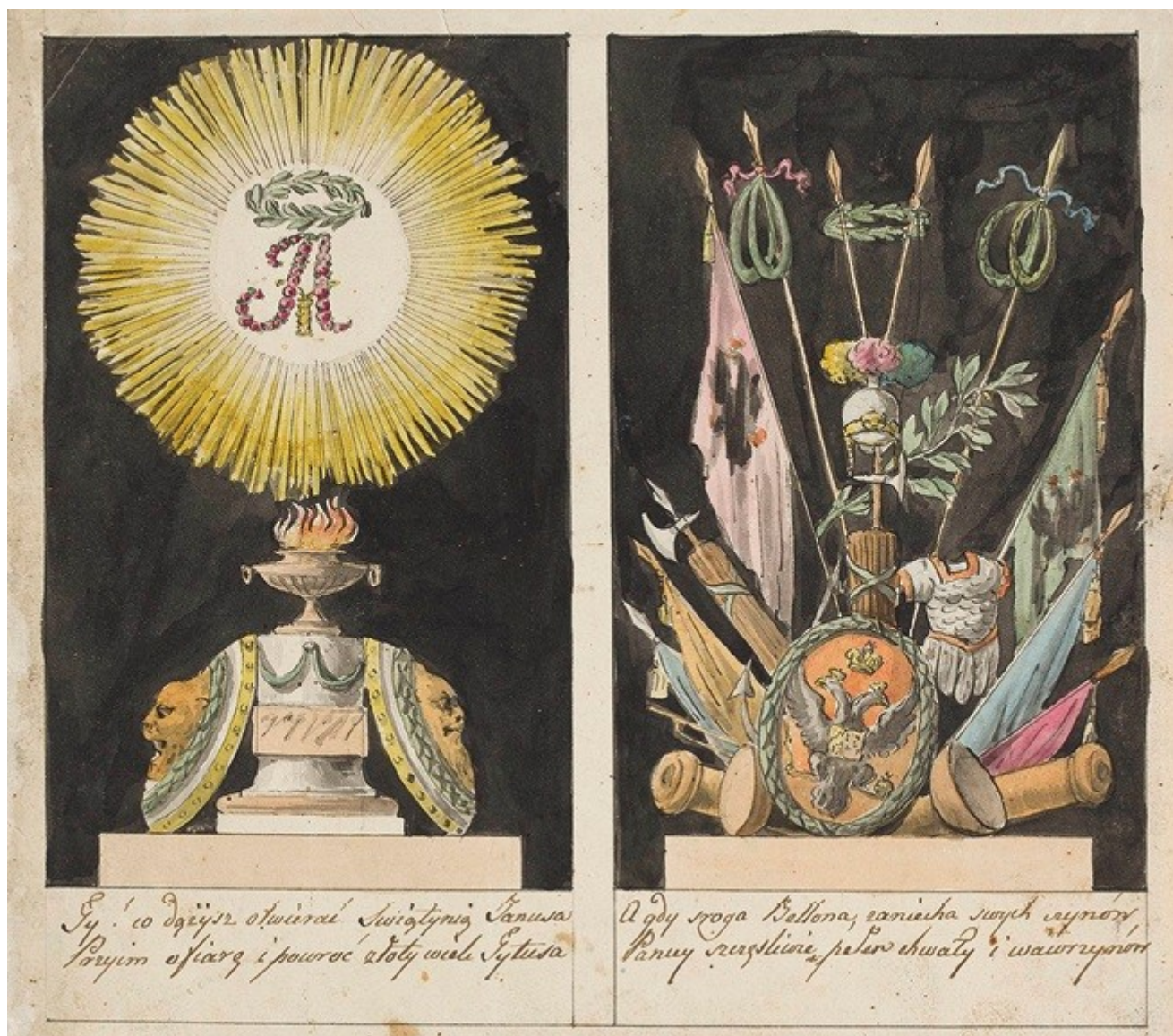

То же. Фрагменты

Плерш, Ян Богумил (?). Эскиз из материалов оформления коронации Александра I как польского короля (1815 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

Стахович, Михал (?). Коронация Александра I как польского короля. Из коллекции Национального музея, Краков. Фото: Wikimedia Commons, CC0 1.0.

Johnstone del. et sculp.

W. J. G. sculp.

JOSEPHO Principi Ciołek PONIATOWSKI Supremo Exercitus POLONICI Duci &c.
 Patriae filio Dilectissimo Jurium ac Libertatis Suorum Invicto Defensori Vitam Suam pro honore
 Gentis magno animo offerenti, Heroi ad Lipsiam in praelio Die XIX. Mensis Octobris MDCCLXIII. Anno summa
 cum gloria extincto Cyres Varsaviensis vi sinceri organum amoris impulsus, Funeralia haec in Templo Sanctae

Шлоттербек, Вильгельм Фридрих; Фрей, Ян Захариас. Катафалк князя Юзефа Понятовского в костеле Св. Креста в Варшаве в 1813 г. (1819 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

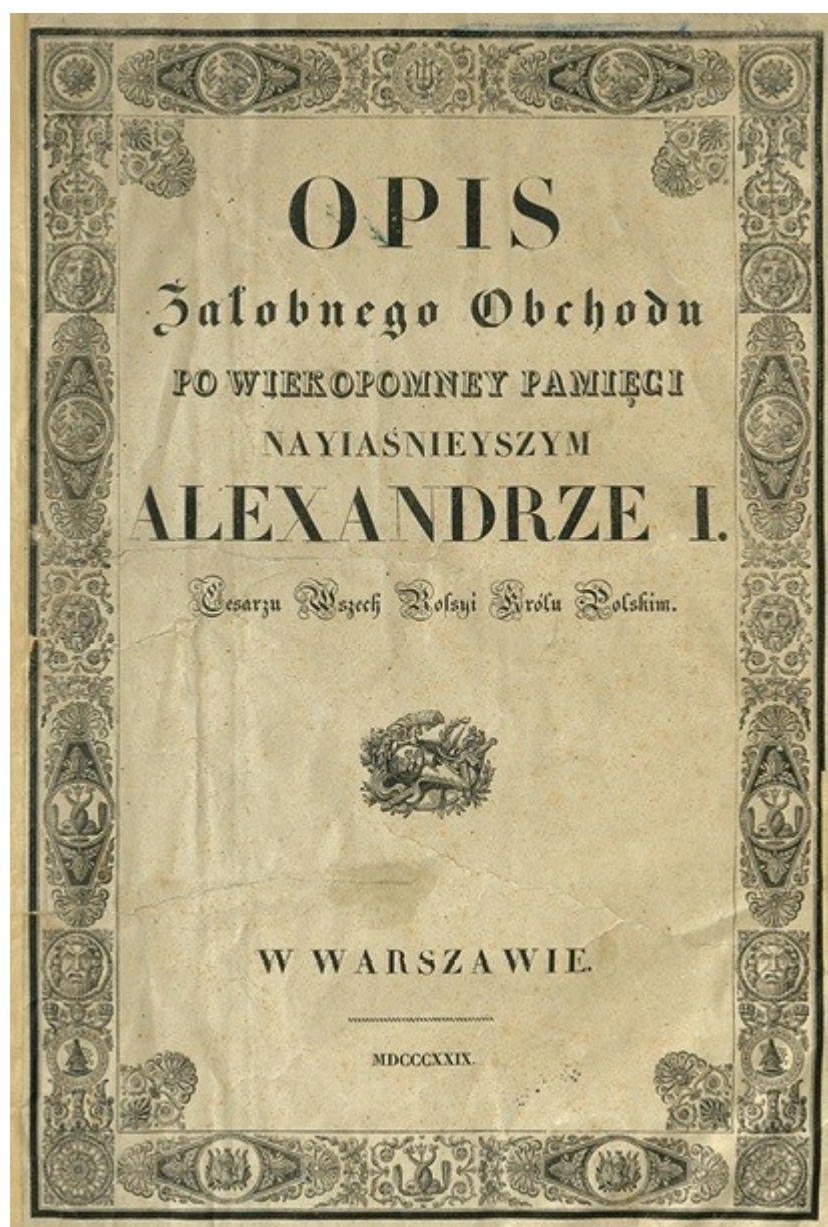
Орловский, Александр. Проект памятника Юзефу Понятовскому (1819 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

*Pogrzeb Księcia Józefa Poniatowskiego
Naczelnego Wodza Wojsk polskich poległego w bitwie pod Lipskiem*

Штёльцель, Кристиан Фридрих. Похороны Юзефа Понятовского (1816 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Суфрове MNW, PD.

Титульный лист книги «Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Nayiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszęch Roszyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego». Warszawa, 1829.

Иллюстрация из книги «Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego». Warszawa, 1829.

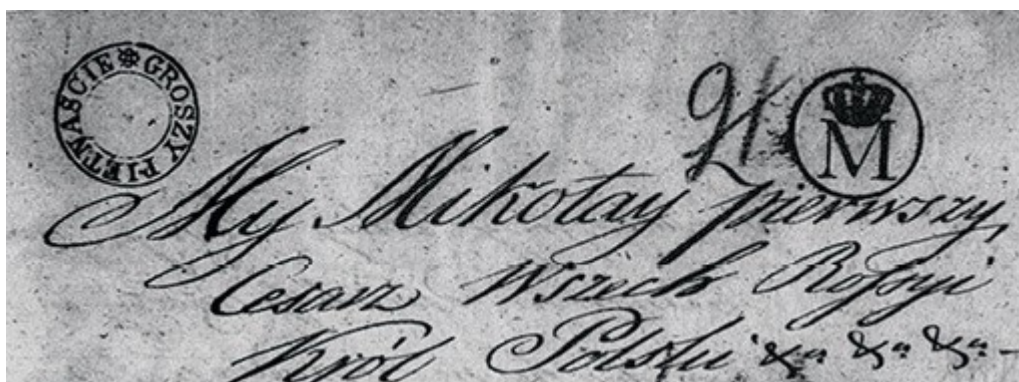

Иллюстрация из книги «Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego». Warszawa, 1829.

Фрагмент иллюстрации из книги «Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najiaśnieyszym Alexandrze I, Cesarzu Wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyście odbytego». Warszawa, 1829.

Польский вензель Николая I. Центральный архив древних актов, Варшава. Ф. 190. № 87. К. 189.

Иллюстрация из книги «Opis żałobnego obchodu po wiekopomney pamięci Najjaśnieyszemu Aleksandrze I, Cesarzu Wszech Rosyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23, kwietnia 1826 roku uroczyscie odbytego». Warszawa, 1829.

Проект медали в честь коронации Николая I в Варшаве (1829 г.). Аверс и реверс.
Частная коллекция.

Саркофаг с сердцем Яна Собеского в Варшаве. Фото: Мацей Щепанчик (Mathiasrex) / Wikimedia Commons, CC-BY-SA-4.0.

Монета 50 злотых (1829 г). Фото: АНО «Международный нумизматический клуб» / Wikimedia Commons, CC-BY-SA-4.0.

Элемент коронационного декора Сенатского зала Варшавского дворца. Погоня, герб Литвы. Из статьи: Grzeluk I. Zachowane elementy symboliczne z ostatniej koronacji na Zamku // Kronika Zamkowa. 2004. № 1–2/47–48. S. 76.

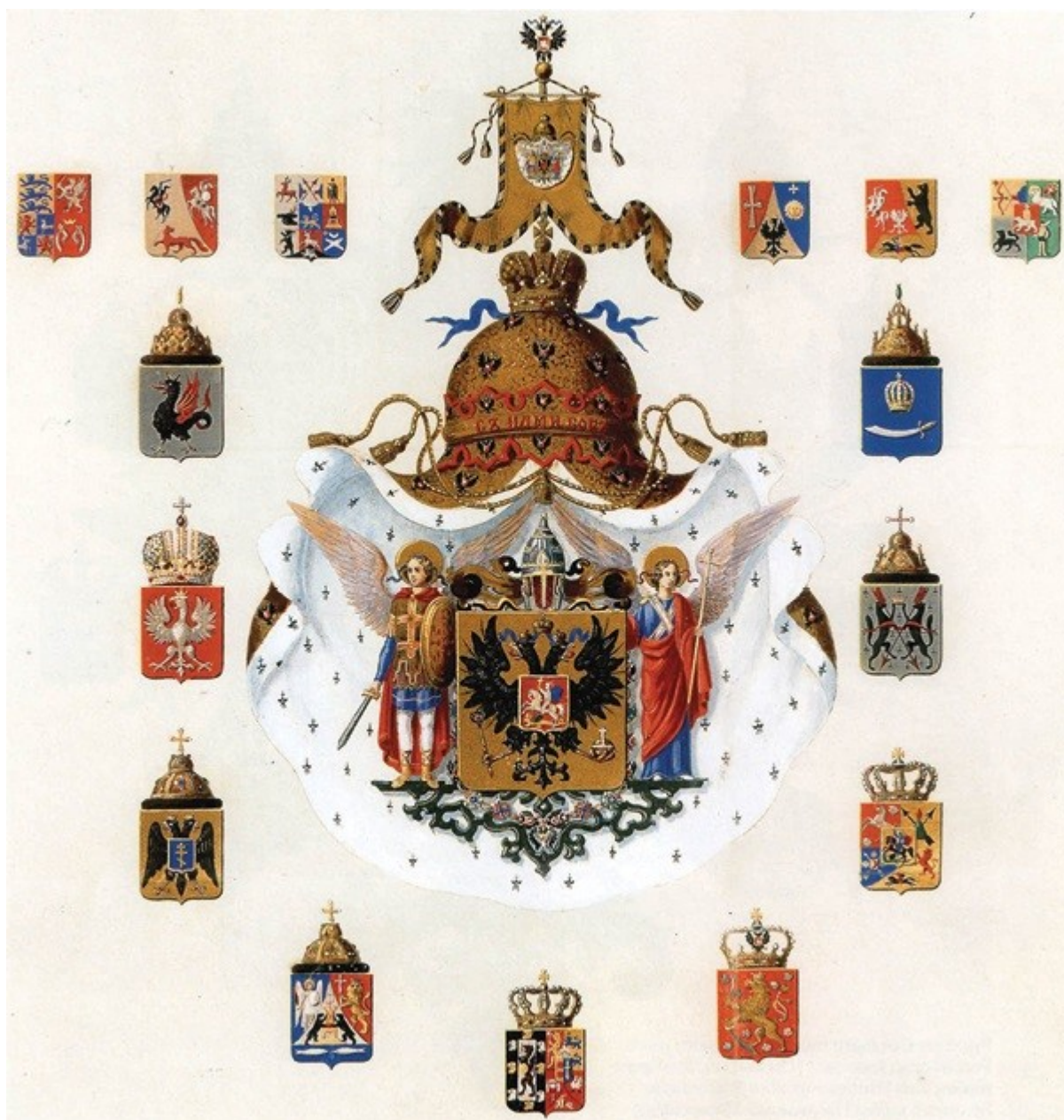

Давид, Жак Луи. Коронование императора Наполеона и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 г. (1808 г.). Фото: Wikimedia Commons, CC0 1.0.

Солнцев, Федор. Корона императрицы Анны Иоанновны (Польская корона). Иллюстрация из книги «Древности Российского государства». Отд. II. М.: Тип. Александра Семина, 1851. Рис. 17.

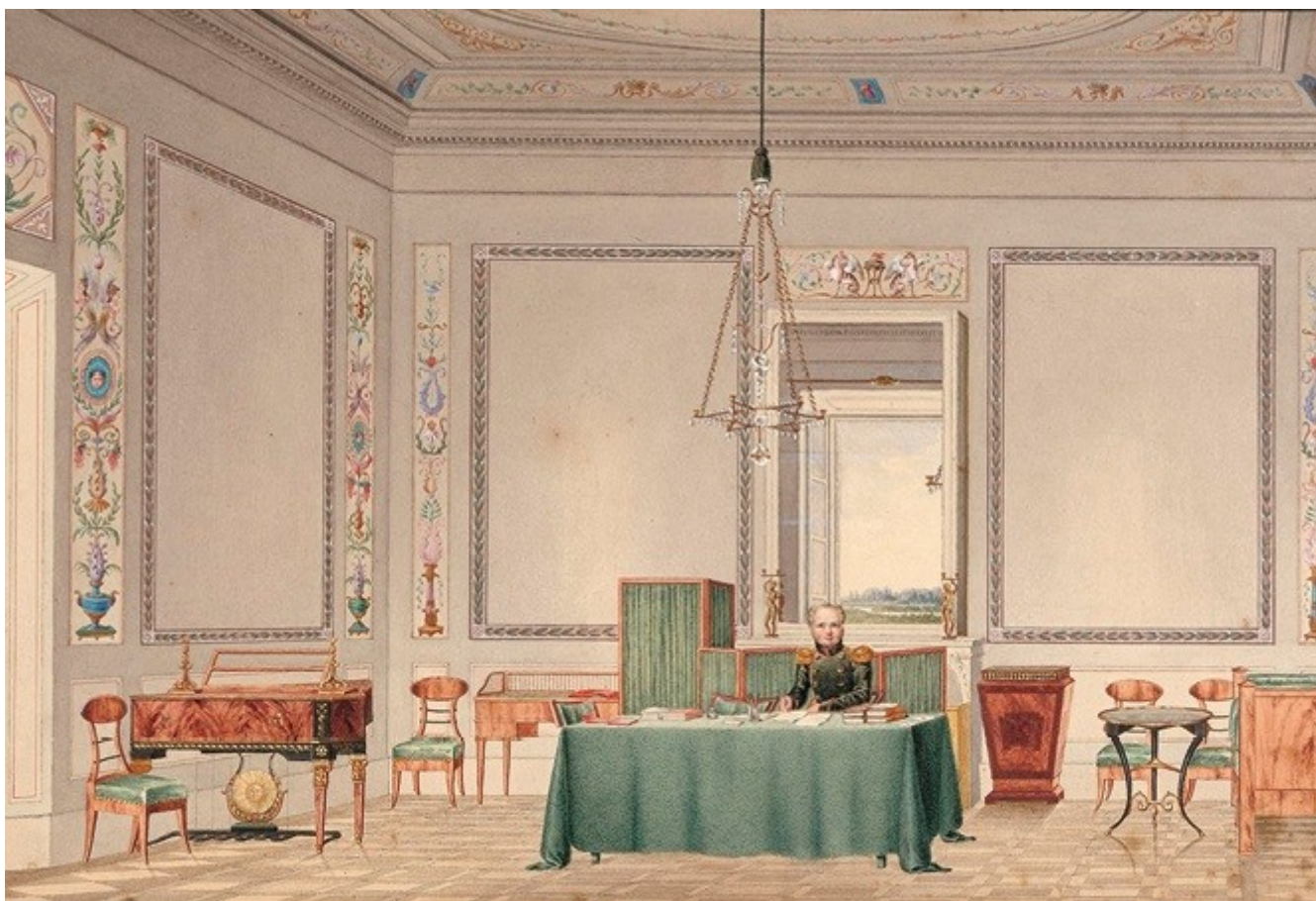

Польская корона в Большом государственном гербе Российской империи (1857 г.).
Иллюстрация из книги: Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб.:
Славия, 1997. С. 107.

Владислав III на картине Яна Матейко «Битва под Варной» (1879 г.). Музей изобразительных искусств в Будапеште. Иллюстрация из книги: Ян Матейко [Альбом] / Текст Юлиуша Стажиньского. Варшава: Аркады, 1979. Рис. 93–94.

Неизвестный автор. Александр I в королевском кабинете Варшавского замка (после 1817 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

Долабелла, Томмазо. Станислав Жолкевский представляет королю Сигизмунду III и королевичу Владиславу на Сейме 1611 г. пойманных царей Шуйских. Копия из собрания Львовского исторического музея. Иллюстрация из книги: *Hołdcarów Szujskich* / Red. J. A. Chrościcki, M. Nagielski. Warszawa: Neriton, 2012. Il. 14.

Польская карикатура (до 1831 г.). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 17. Л. 3 об.).

Молинари, Александр. Копия с портрета работы неизвестного художника. Портрет Александра I. Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.

Доу, Джордж. Портрет Станислава Станиславовича Потоцкого (не позднее 1825 г.). Из собрания Государственного Эрмитажа (Военная галерея Зимнего дворца).

Рокштуль, Алоиз Густав. Великий князь Константин Павлович (1819 г.).
Государственный музей им. А. С. Пушкина.

Доу, Джордж. Александра Федоровна с детьми – великим князем Александром и великой княжной Марией (1821–1824 гг.). Из собрания Государственного Русского музея.

Неизвестный автор. Портрет Иоанны Грудзинской (княгини Лович), жены великого князя Константина Павловича (1820 г.). Из коллекции Национального музея в Варшаве. Cyfrowe MNW, PD.